КУРТ
АЙХЕНВАЛЬД

Подобно «Фирме» Джона Гришэма, «Информатор!» — готовый материал для экранизации.

ABA Journal

ИНФОРМАТОР!

ЛУЧШИЙ АВАНТЮРНЫЙ РОМАН ГОДА — И В НЕМ НЕТ НИЧЕГО ВЫМЫШЛЕННОГО.

DALLAS MORNING NEWS

РОМАН — НЕ ОТОРВЕШЬСЯ

МЭТТ ДЕЙМОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые на русском – мировой бестселлер, послуживший основой нового фильма Стивена Содерберга. Главный герой «Информатора» (в картине его играет Мэтт Деймон) – топ-менеджер крупнейшей корпорации, занимающейся производством пищевых добавок и попавшей под прицел ФБР по обвинению в ценовом сговоре. Согласившись сотрудничать со следствием, он примеряет на себя роль Джеймса Бонда, и вот уже в деле фигурируют промышленный шпионаж и отмывание денег, многомиллионные «распилы» и «откаты», взаимные обвинения и откровенное безумие… Но так ли прост этот менеджер-информатор и что за игру он ведет на самом деле?

Роман Курта Айхенвальда долго возглавлял престижные хит-парады и был назван «Фирмой» Джона Гришема нашего времени.

- Курт Айхенвальд
  -
  -
  - От автора
  - Главные действующие лица
  - Пролог
  - Книга первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Книга вторая
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
  - Книга третья
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18

- Глава 19
- Эпилог
- Заключение
- Послесловие
- Благодарности

- comments
  -
  - Пролог
    - с. 19
    - с. 20–22
    - с. 23–25
    - с. 25
  - Глава 1
    - с. 29
    - с. 30
    - с. 30
    - с. 31
    - с. 31–36
    - с. 32
    - с. 32
    - с. 33–34
    - с. 34
    - с. 34
    - с. 34–35
    - с. 36
    - с. 36
    - с. 36–39
    - с. 39
    - с. 39–40
    - с. 40
    - с. 40
    - с. 40
    - с. 40–41
    - с. 40–41
    - с. 41
    - с. 42
    - с. 42
    - с. 42
    - с. 42
    - с. 43
    - с. 43
    - с. 43
    - с. 43–44
    - с. 44

- с. 45
- с. 45
- с. 46
- с. 46–47
- с. 47
- с. 48
- с. 48
- с. 49
- с. 49
- с. 49
- с. 49
- с. 50
- с. 50–51

○ Глава 2
- с. 54
- с. 54–56
- с. 55
- с. 59–62
- с. 60
- с. 62–63
- с. 63
- с. 63–64
- с. 64–65
- с. 66–68
- с. 68–69
- с. 69–70
- с. 72–73
- с. 74–79

○ Глава 3
- с. 80–83
- с. 83–85
- с. 86
- с. 86–87
- с. 88–89
- с. 90–91
- с. 91–93
- с. 92–93
- с. 93–99
- с. 99–101
- с. 101–102
- с. 102–103
- с. 103
- с. 104–106
- с. 106

- с. 106–108
- с. 108
- с. 108
- с. 108–109

○ Глава 4
- с. 110
- с. 110
- с. 113
- с. 113–116
- с. 116–119
- с. 120
- с. 121
- с. 121–122
- с. 122
- с. 122–123
- с. 123
- с. 123–126
- с. 126
- с. 126–127
- с. 128
- с. 128
- с. 129–131
- с. 132
- с. 133
- с. 133–134
- с. 134–135
- с. 135–136
- с. 136
- с. 137

○ Глава 5
- с. 138–141
- с. 141
- с. 141–143
- с. 142–145
- с. 146–150
- с. 148–149
- с. 151
- с. 151–152
- с. 152–153
- с. 153
- с. 154–155
- с. 156
- с. 156
- с. 156–157

- с. 157–158
- с. 158
- с. 158
- с. 159
- с. 159–160
- с. 160–161
- с. 161–162
- с. 162
- с. 162–164

○ Глава 6

- с. 167–170
- с. 170–172
- с. 171
- с. 174
- с. 176–178
- с. 178–179
- с. 181
- с. 182–183
- с. 183
- с. 183
- с. 184
- с. 184–186
- с. 186–189
- с. 189
- с. 190–191
- с. 191
- с. 191–197
- с. 193
- с. 196–197
- с. 197
- с. 198
- с. 199

○ Глава 7

- с. 202
- с. 203
- с. 204
- с. 204
- с. 205–206
- с. 206
- с. 206–207
- с. 207
- с. 207–208
- с. 208–212
- с. 210–212

- с. 212–213
- с. 213–215
- с. 216
- с. 217
- с. 218
- с. 218–219
- с. 219–220
- с. 220
- с. 220
- с. 221
- с. 222
- с. 222–228
- с. 227
- с. 228–230
- с. 230–231
- с. 231–232

○ Глава 8

- с. 233–234
- с. 234
- с. 235
- с. 235–243
- с. 243–244
- с. 246–247
- с. 247–248
- с. 248
- с. 249
- с. 251
- с. 252
- с. 252–254
- с. 256–257

○ Глава 9

- с. 258–260
- с. 261
- с. 263–276
- с. 274
- с. 276–277
- с. 279
- с. 281
- с. 281
- с. 282–283
- с. 283–284

○ Глава 10

- с. 285
- с. 285

- с. 287–290
- с. 291–293
- с. 293
- с. 293–294
- с. 295
- с. 296–297
- с. 296
- с. 297–299
- с. 299–305
- с. 300
- с. 301
- с. 305–306
- с. 306–307
- с. 306
- с. 308–309
- с. 309
- с. 309
- с. 313–314
- с. 315–316
- с. 316
- с. 316–317

○ Глава 11
- с. 320–321
- с. 321–324
- с. 324
- с. 327
- с. 328–329
- с. 329–330
- с. 331–332
- с. 336–337
- с. 337–339
- с. 339
- с. 340
- с. 345–346
- с. 346
- с. 347
- с. 348

○ Глава 12
- с. 351
- с. 355
- с. 356–359
- с. 360–361
- с. 364–368
- с. 371–372

- с. 372
- с. 372
- с. 372–373
- с. 374
- с. 376–379
- с. 379–380
- с. 380
- с. 382
- с. 382–384

○ Глава 13
- с. 387
- с. 388
- с. 388–390
- с. 395
- с. 395–396
- с. 396
- с. 397
- с. 397–398
- с. 398–399
- с. 400
- с. 400
- с. 401
- с. 401–402
- с. 402
- с. 402
- с. 402–403
- с. 403
- с. 404
- с. 404
- с. 404–405
- с. 405–406
- с. 407
- с. 407–408
- с. 408
- с. 409
- с. 409
- с. 411–412
- с. 412–413
- с. 413
- с. 413
- с. 413–414
- с. 414
- с. 415–426
- с. 424

- Глава 14
  - с. 427–430
  - с. 428
  - с. 428
  - с. 430
  - с. 435
  - с. 437–439
  - с. 441–444
  - с. 445
  - с. 445–446
  - с. 446
  - с. 446
  - с. 447–448
  - с. 449–454
  - с. 456–457
  - с. 457–461
- Глава 15
  - с. 462–463
  - с. 463
  - с. 464–466
  - с. 467–468
  - с. 468–470
  - с. 470
  - с. 472–473
  - с. 473–474
  - с. 477–478
  - с. 479
  - с. 480
  - с. 480–481
  - с. 481
  - с. 481–482
  - с. 483–484
  - с. 484
  - с. 484–485
  - с. 485–486
  - с. 486–487
  - с. 487
  - с. 487–488
  - с. 489
  - с. 490
  - с. 491
  - с. 491–492
  - с. 493–494
  - с. 496–502

- с. 502
- с. 503

○ Глава 16
- с. 508–509
- с. 509–510
- с. 510–518
- с. 513–514
- с. 516
- с. 518
- с. 518
- с. 518–519
- с. 521
- с. 521
- с. 522
- с. 523
- с. 523–530
- с. 531
- с. 532–533
- с. 533
- с. 533–534
- с. 534–536
- с. 536–537
- с. 537–538
- с. 539–545
- с. 545–546

○ Глава 17
- с. 547–550
- с. 547–549
- с. 549–550
- с. 550
- с. 550–554
- с. 554–556
- с. 558–559
- с. 560–562
- с. 562–563
- с. 563–564
- с. 564–565
- с. 566
- с. 567–568
- с. 567
- с. 568
- с. 568
- с. 568–569
- с. 569–571

- с. 571
- с. 571–573
- с. 574–578
- с. 580
- с. 580
- с. 580–582
- с. 582–584
- с. 584–585
- с. 585–587

○ Глава 18

- с. 588
- с. 588–589
- с. 593
- с. 593–594
- с. 594
- с. 595
- с. 596
- с. 596–597
- с. 597–598
- с. 599
- с. 600–601
- с. 601–602
- с. 608–609
- с. 610–611
- с. 617
- с. 617–619

○ Глава 19

- с. 620–622
- с. 622–623
- с. 623
- с. 625–626
- с. 626
- с. 626–627
- с. 628
- с. 628–630
- с. 630
- с. 630–635
- с. 634
- с. 635
- с. 635
- с. 641
- с. 643–645
- с. 646–647
- с. 647–649

        - с. 649
        - с. 649–650
        - с. 650–653
    - Эпилог
        - с. 655–658
        - с. 656
        - с. 660
        - с. 661–662
        - с. 663
        - с. 664
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

○ 78

Курт Айхенвальд
Информатор

Лучший авантюрный роман года – и в нем нет ничего вымышленного!

Dallas Morning News

«Информатор» – замечательное произведение и захватывающее чтение.

Newsday

Одно из самых интригующих документальных повествований последних лет… Запутанная и невероятная история, достойная пера Джона Ле Карре.

Portland Oregonian

Читается как первоклассный детективный роман.

Denver Post

Самый захватывающий боевик из опубликованных в последние годы.

Salon.com

Просто челюсть отвисает… Бесподобный сюжет, тщательно выстроенный Айхенвальдом.

Boston Globe

Книга завораживает. Читаешь ее не отрываясь, как роман Гришэма.

Washington Monthly

По насыщенности шпионскими страстями не уступает романам Тома Клэнси.

Bookpage

Читается как уголовный роман Эда Макбейна…

После нескольких первых страниц уже не можешь оторваться. Я не мог, хотя и знал конец этой истории.

New York Times

Удивительная, неотразимая, увлекательная книга… Описанные в ней невероятные события в обычном романе выглядели бы нелепо. Здесь же от них захватывает дух.

Portland Oregonian

Это почти шедевр… Книга глубокая и значительная и вместе с тем доступная неискушенному читателю и увлекательная… Чтение напоминает езду на гоночном автомобиле.

Salon.com

Можно было бы сказать, что «Информатор» напоминает роман Гришэма, но ни один автор не выдумает таких персонажей. Столь захватывающий и столь необыкновенный сюжет могла породить только сама жизнь.

Шерри Зонтаг, соавтор книги «Блеф слепца»

Захватывающее чтение… Книга так и просится на экран.

Washington Post

Одна из самых увлекательных историй из мира бизнеса. «Информатор» раскрывает секреты крупной корпорации, обычно недоступные простым смертным, – закулисные интриги, тайные коды, промышленный шпионаж. Как правило, повествование о подобной деятельности представляет собой низкопробное чтиво, каким можно развлечься разве что в самолете, но здесь читатель встречается с серьезным документальным материалом… Эта история о полицейских и преступниках носит по временам оттенок эксцентричной комедии… Книга – почти готовый киносценарий, и будь она экранизирована, имела бы несомненный кассовый успех.

Business Week

Приключения, шпионаж, интриги и обманы… И все здесь не так, как кажется с первого взгляда.

NBS News

Захватывающая история из мира бизнеса для тех, кто любит Гришэма.

Chicago Tribune

Увлекательное, удивительно цельное повествование о корпорации, поставившей себя выше закона, об амбициозном менеджере, погрязшем во лжи, и о целеустремленных агентах ФБР, чей тяжкий труд едва не пошел прахом не только из-за козней их осведомителя, но также из-за боссов Министерства юстиции.

St. Petersburg Times

Эта история потрясает и гипнотизирует.

Washington Monthly

Удивительная история – и удивительный осведомитель.

St. Louis Post-Dispatch

В этом документальном репортаже больше увлекательных приключений, чем в некоторых романах Тома Клэнси, – здесь и интриги, и грязные сделки, и обман, и тайное сотрудничество с врагом, и прослушивание телефонных разговоров. «Информатор» захватывает воображение читателя и играет с ним искуснее иной вымышленной истории.

Bookpage

Эту захватывающую историю о расследовании деятельности компании «Арчер Дэниелс, Мидленд» можно сравнить разве что с «Гражданским иском».

Industry Standart

«Информатор» – эпичное по масштабу повествование

о человеческих слабостях: жадности, лживости, самонадеянности, – а также о поисках правды. Книга написана мастерски и захватывает читателя, как приключенческий роман.

Джонатан Харр, автор книги «Гражданский иск»

Я, как и многие, был увлечен «Информатором» и не мог оторваться от него. <…> Подобно «Фирме» Гришэма, «Информатор» – готовый материал для экранизации.

ABA Journal

Хитросплетения и неожиданные повороты сюжета этой документальной книги делают пресными многие приключенческие романы. Лаконичный стиль и цепкий журналистский глаз на детали заставляют читать книгу не отрываясь.

Дэвид Балдаччи

Чудесная книга… Ее можно назвать экстравагантной версией какого-нибудь романа Джона Гришэма; начав ее читать, уже не можешь отложить.

Лиз Смит

«Информатор» – это уголовная хроника, которая читается как захватывающий детективный роман. Книгу не раз сравнивали с сочинениями Гришэма. Но в ней столько ошеломляющих сюжетных поворотов, побочных линий и политических интриг, что ее скорее можно сравнить со всеми произведениями Гришэма, вместе взятыми и спрессованными в одно шестисотстраничное повествование.

Onion

Критики превозносят «Информатора» как возрождение жанра, который они считали канувшим в небытие с начала 80-х годов, – документального расследования корпоративных преступлений. Книга Айхенвальда о процессе над компанией «Арчер Дэниелс, Мидленд» – увлекательное документальное повествование и увлекательный роман.

Slate

«Информатор» – мастерское произведение… интригующая и захватывающая история… Если бы она была вымышленной, никто не поверил бы, что такое возможно.

DailyDeal.com

Потрясающая книга… Она с первых же страниц разит читателя наповал и берет его в плен искусным воспроизведением живых деталей… Она как роман, написанный на одном дыхании. В ней много параллельных сюжетов, которые порой переплетаются, а порой развиваются, не ведая друг о друге, но неизбежно сталкиваясь в конце.

Star Tribune

Адаму, Райану и Сэму, моим замечательным любимым сыновьям.
И само собой, моей жене Терезе

…Вам тоже следует опасаться, как бы ваша собственная реальность, которой вы живете сегодня, завтра не улетучилась и не превратилась, как всякий вчерашний день, в иллюзию.[1]

Луиджи Пиранделло.

Шесть персонажей в поисках автора

От автора

Содержание этой книги основано на многочисленных интервью, взятых у сотни с лишним участников этой истории и длящихся в общей сложности более восьмисот часов, а также на десятках тысяч секретных корпоративных и правительственных документов, в том числе свидетельских показаниях перед большим жюри. Значительная часть диалогов воспроизводит недоступные для публики тексты аудиозаписей, которые в течение двух лет делал один из тайных осведомителей ФБР. Источником других являются записи, сделанные непосредственно во время описываемых событий, или воспоминания их участников. Личность одного из свидетелей, как и людей, упоминающихся в аудиозаписях мимоходом, в книге не раскрыта, но все остальное в ней – каким бы неправдоподобным это ни казалось – полностью соответствует действительности. Каждая сцена, каждое имя, каждое преступление. И каждая ложь.

Главные действующие лица

Компания «ARCHER DANIELS MIDLAND» (АДМ)[2]

Дуэйн Андреас, председатель совета директоров и глава компании

Майкл (Мик) Андреас, заместитель председателя

Джеймс Рэнделл, президент компании

Терранс (Терри) Уилсон, президент, начальник отдела по переработке сырья

Барри Кокс, вице-президент, начальник отдела кормовых добавок

Г. Аллен Андреас, вице-президент, управляющий подразделением «АДМ Интернэшнл»

Ричард Рейзинг, главный юридический советник

Марк Шевирон, начальник службы безопасности

Рейнхарт Рихтер, управляющий мексиканским отделением АДМ

Говард Баффет, помощник председателя совета директоров

Джеймс Шафтер, адвокат

Рональд Феррари, бывший менеджер по производству, специалист по протеинам

Подразделение биопродуктов

Марк Уайтекер, президент, начальник отдела

Марти Оллисон, вице-президент

Сидней Халс, вице-президент

Дэвид Пейдж, директор по маркетингу

Элизабет Тейлор, секретарь

Чрезвычайный комитет совета директоров

Брайан Малруни, бывший премьер-министр Канады[3]

Ф. Росс Джонсон, бывший председатель совета директоров компании «Р. Дж. Р. Набиско»[4]

Джон Дэниелс, бывший председатель совета директоров АДМ

Рэй Голдберг, профессор сельскохозяйственных наук, Гарвардская школа бизнеса

Консультанты Дуэйна Андреаса

Роберт Страусс,[5] один из партнеров фирмы «Эйкин, Гамп, Страусс, Хауэр и Фелд»

Зев Фёрст, директор «Фёрст интернэшнл»

ФБР

Луис Фри, директор[6]

Уильям Эпозито, заместитель директора, руководитель криминального следственного отдела

Нейл Галлахер, второй заместитель директора, заместитель руководителя криминального следственного отдела

Эдвард Хербст, старший специальный агент

Эликс Саггс, старший специальный агент

Резидентура ФБР в Декейтере, Иллинойс

Брайан Шепард, специальный агент

Резидентура ФБР в Шампейне, Иллинойс

Джо Везеролл, специальный агент

Офис ФБР в Спрингфилде, Иллинойс

Роберт Херндон, специальный агент

Дональд Стаки, руководящий специальный агент (SAC)

Джон Хойт, старший специальный агент, помощник руководящего специального агента (ASAC)

Дин Пейсли, старший специальный агент

Кейт Киллэм, старший специальный агент

Кевин Корр, главный юридический советник

Томас Гиббонс, специальный агент

Офис ФБР в Чикаго, Иллинойс

Майкл Бассет, специальный агент

Энтони Д'Анжело, специальный агент

Эд Уортингтон, помощник руководящего специального агента (ASAC)
Роберт Грант, старший специальный агент

Резидентура ФБР в Мобиле, Алабама

Крэг Даль, специальный агент

Министерство юстиции США

Дженет Рено, генеральный прокурор (министр юстиции)[7]
Джейми Горелик, заместитель генерального прокурора
Сет Ваксман, помощник заместителя генерального прокурора

Антитрестовский отдел, Вашингтон

Анна Бингеман, помощник генерального прокурора
Гэри Спратлинг, заместитель помощника генерального прокурора

Антитрестовский отдел Среднего Запада, Чикаго

Джеймс Гриффин, начальник отдела
Марвин Прайс, помощник начальника отдела
Робин Манн, прокурор
Джеймс Мучник, прокурор

Офис окружного прокурора в Спрингфилде

Фрэнсис Хьюлин, окружной прокурор
Байрон Кадмор, первый помощник окружного прокурора
Роджер Хитон, помощник окружного прокурора
Джозеф Харцлер, помощник окружного прокурора

Офис окружного прокурора в Чикаго

Скотт Лассар, первый помощник окружного прокурора

Отдел по борьбе с мошенничеством, Вашингтон

Мэри Спиринг, начальник отдела
Дональд Маккей, прокурор
Джеймс Никсон, прокурор
Питер Кларк, прокурор

Районная прокуратура в Цюрихе

Фридолен Трие, следственный судья

Адвокатские фирмы

Фирма «Уильямс и Конноли», Вашингтон

Обри Дэниел, компаньон
Барри Саймон, компаньон

Фирма «Симпсон, Тэтчер и Бартлетт», Нью-Йорк

Ричард Битти, управляющий
Чарльз Куб, компаньон

Адвокаты участников процесса

Джон Брей, фирма «Кинг и Сполдинг», Вашингтон
Рейд Вайнгартен, «Стептоу и Джонсон», Вашингтон
Джеймс Эпстайн, «Эпстайн, Зейдеман и Эсриг», Чикаго
Билл Уокер, независимый адвокат, Грэнит-Сити, Иллинойс
Джон Дауд, «Эйкин, Гамп, Страусс, Хауэр и Фелд», Вашингтон
Шелдон Зеннер, «Каттен, Мачин и Зейвис», Чикаго

Компания «АДЗИНОМОТО», Токио[8]

Кадзутоси Ямада, управляющий
Хирокадзу Икэда, директор отдела кормовых добавок
Кандзи Мимото, заместитель директора отдела кормовых добавок
Котаро Фудзивара, инженер

Европейское отделение «Евролизин»

Ален Круи, управляющий
Жак Шодре, заместитель управляющего

Европейское отделение «Орсан»

Филип Ролье, управляющий

Компания «КИОВА ХАККО КОГИО» («БИОКИОВА»), Токио[9]

Масару Ямамото, генеральный директор отдела биопродуктов

Компания «СЕВОН / МИВОН» («СЕВОН АМЕРИКА»), Сеул[10]

Чхом Су Ким, управляющий компанией «Севон Америка»

Компания «ЧЕЙЛ ЙЕДАНГ», Сеул[11]

Чун Мо Су, менеджер

Агентство «КРОЛЛ АССОШИЭЙТС»[12]

Жюль Кролл, директор
Эндрю Ливтаун, детектив

Промышленный консультант

Дэвид Хёх, управляющий фирмы «Глобал консалтантс», Холландейл, Флорида

Прочие лица

Джинджер Уайтекер, жена Марка Уайтекера
Расти Уильямс, смотритель поместья Уайтекера
Бит Швейцер, банкир

Дерек Миллер, врач

Пролог

27 июня 1995 г. – Декейтер, Иллинойс

Впереди возникли очертания декейтерского «Кантри-Клаб»[1], и сидящий за рулем «доджа-династи» 1994 года Брайан Шепард сбросил скорость. Рядом с ним Боб Херндон всматривался в силуэт клуба сквозь лобовое стекло. Херндон еще раз взглянул на часы, хотя и без того знал точное время: 18.00. Прибыли по графику. Шепард свернул на подъездную дорогу и направился к парковке; вслед за ним на холм вкатилась еще одна машина. Объехав здание клуба справа, оба автомобиля стали лавировать между рядами «мерседесов» и «БМВ» в поисках свободного места.

Шепард и Херндон молча распахнули дверцы и взглянули на второй автомобиль, из которого выбирался Кевин Корр. Корр присоединился к ним, и все трое, шагая в ногу, направились в клуб. Несмотря на разницу в возрасте и жизненном опыте, все они были на удивление похожи: короткие стрижки, темные костюмы и черные туфли. Пиджаки свободного покроя маскировали спрятанные под ними пистолеты.

Они обошли стороной группу людей, сгрудившихся около гриля. Как и ожидалось, на месте были почти все члены клуба, которые предпочитали ужинать на свежем воздухе, наслаждаясь вечерней прохладой. Ресторан на первом этаже здания обычно пустовал, лишь немногие искали здесь уединения, чтобы поговорить без помех. Прибывших это устраивало: лишние свидетели ни к чему.

Над входом в клуб был натянут тент. Висевшее у самого горизонта солнце затопило равнины Иллинойса густым красноватым светом. Даже здесь, в стороне от гигантских заводов, разбросанных по всему Декейтеру, в воздухе ощущался едкий запах. Приезжие обычно находили его неприятным, но для местных запах подсыхающего кукурузного силоса и поджаренной соевой муки, доносившийся с предприятий могущественной компании «Арчер Дэниелс», был такой же частью природы, как деревья или небо. Ходила шутка, что так пахнут выпекаемые на заводах деньги.

Толкнув стеклянные двери клуба, прибывшие свернули налево, к ресторану. Банкетный зал, не самый большой в Декейтере, был, несомненно, одним из самых элегантных и впечатлял своими люстрами, огромным камином и круглыми столами, драпированными океаном белого полотна. В тот вечер занят был единственный стол в дальнем углу, за которым беседовали за бокалами три бизнесмена. Двое были в городе

довольно известны, и официантка признала в них Терри Уилсона и Марка Уайтекера из расположенного неподалеку главного офиса компании АДМ.{2}

Корр остался в вестибюле, а Шепард и Херндон решительно направились к беседующим. Те обратили на них внимание, лишь когда агенты остановились у их столика.

– Мистер Уилсон? Мистер Уайтекер? – спросил Херндон.

Самый младший из сидящих, блондин лет тридцати пяти с усиками на детском лице, с недоумением посмотрел на Херндона.

– Да, – ответил он, – я Марк Уайтекер.

Херндон и Шепард вытащили из карманов одинаковые кожаные бумажники. В свете люстр блеснули два золоченых фэбээровских значка.

– Я Боб Херндон, агент ФБР, это Брайан Шепард, тоже агент ФБР. Надо поговорить наедине.

Седовласый Уилсон, которому перевалило за пятьдесят, поставил на стол бокал с разбавленным водой шотландским виски «Деварс».

– И о чем же?

– Будет лучше, мистер Уилсон, если мы с агентом Шепардом поговорим с вами вон там. – Херндон указал на вестибюль, где ожидал Корр.

Уилсон взглянул на своего второго собеседника, Стивена Ю, одного из руководителей представительства АДМ в Китае, и, пожав плечами, извинился перед гостем. Уилсон и Уайтекер начали подниматься из-за стола, но тут Уилсон остановился.

– Мне потребуется адвокат? – спросил он.

– На ваше усмотрение. Вы не задержаны, не арестованы и можете отказаться от беседы. Но, возможно, вы захотите нас выслушать.

Уилсон кивнул и вместе с Уайтекером вышел из зала, оставив за столиком недоумевающего Ю.

В вестибюле Херндон представил им Корра.

– Агент Корр, почему бы вам не побеседовать где-нибудь с мистером Уайтекером? – произнес он.

– Вы не возражаете? – спросил Корр у младшего из бизнесменов.

Уайтекер помотал головой; лицо его выражало смесь изумления и беспокойства.

Корр с Уайтекером вышли на улицу, а Уилсон опустился в одно из кресел. Херндон и Шепард уселись по обе стороны от него. Херндон наклонился к Уилсону, упершись локтями в колени, и приблизил лицо к бизнесмену.

– Мистер Уилсон, мы решили встретиться с вами, потому что

вы занимаете высокое положение в АДМ, – начал он. – Дело серьезное. Проводится международное расследование ценового сговора. Оно затрагивает многие компании, и в том числе вашу.

Херндон внимательно наблюдал за Уилсоном. Тот не дрогнул и не отвел глаз, но с его лица сбежала краска.

Расследуя это дело, ФБР прибегало к разнообразным методам, сказал Херндон. После рассчитанной паузы он швырнул бомбу:

– У нас есть аудиозаписи. Мы записали то, как соперничающие компании вступают в ценовой сговор.

Аудиозаписи? Боже правый!

Уилсон слушал Херндона, и у него темнело в глазах. Агент сказал, что им известно о том, как АДМ и ее конкуренты сговорились вздуть мировые цены на свою продукцию и создали фиктивные отраслевые ассоциации для прикрытия своих тайных встреч.

– «Прикрытие», сэр? – прервал его Уилсон. – Что вы имеете в виду?

Херндон и Шепард сдержали улыбки. Они знали, что Уилсон все прекрасно понял. Пора было расставить точки над «i».

– Мы слышали, как вы лично неоднократно говорили, что ассоциации будут хорошим прикрытием, – сказал Херндон. – Мы слышали это в записи. У нас есть и видеозапись встречи, во время которой вы не только согласились вступить в ценовой сговор, но и призвали к этому остальных.

Херндон помедлил, глядя Уилсону прямо в глаза. Текли бесконечные секунды. Ситуация становилась неестественной. Уилсон молчал.

Наконец Херндон нарушил напряженную тишину:

– Вам будут предъявлены обвинения. Многих арестуют. У вас пока что есть возможность выбора, и мы надеемся, что он будет верным.

У Уилсона есть шанс признать свои ошибки, добавил Херндон, шанс посмотреть в глаза своим внукам и сказать, что он поступил как честный гражданин, признав свою вину и оказав помощь государству.

– Это тяжело и неприятно, но будет еще неприятнее, если вы откажетесь сотрудничать. Мы даем вам шанс принять трудное решение, – может, самое трудное из всех, какие вам приходилось принимать. И для начала расскажите нам всю правду о своей деятельности в АДМ.

Неожиданно Уилсон прервал его.

– Странно, что вы не обратились к нашим юристам, – бросил он. – Я знаю антитрестовские законы и не нарушал их. И мне не

нравится, что вы пытаетесь на меня надавить. – Он встал. – Я законов не нарушал, – повторил он, – и разговор окончен.

Херндон взглянул на Шепарда. Все как ожидалось. Агенты поднялись и поблагодарили Уилсона. Херндон вручил ему повестку о явке в суд с именем представителя обвинения, который ответит на все его вопросы.

Выйдя из здания, они почти сразу заметили Корра и Уайтекера, направлявшихся к ним от автомобиля агента. Вероятно, разговор с Уайтекером даст не больше, чем беседа с Уилсоном. По дороге Херндон пристально посмотрел на Уайтекера.

– Всего хорошего, мистер Уайтекер, – сказал он. – Спасибо, что уделили нам время.

– Не за что, – поспешно ответил тот. – Просто, боюсь, я не знаю ничего из того, что вам нужно, парни.

Херндон и Шепард сели в свой автомобиль.

Спектакль окончен.

Было 18.17. Всё по графику.

– Спокойно, Марк, – говорил Уилсон. – Спокойно.

Прошло около получаса. Закончив обед со Стивеном Ю, Уилсон и Уайтекер торопливо шагали по парковке. Они безуспешно пытались скрыть от гостя охватившую их тревогу. Каждые пять минут Уилсон хватался за телефон в отчаянной попытке поймать главного юридического советника АДМ Ричарда Рейзинга. В промежутках между звонками он почти безмолвно сидел за столом, опрокидывая одну порцию виски за другой. Наконец он связался с Рейзингом. Тот был в панике: агенты ФБР устроили настоящий налет на Декейтер, с допросами сотрудников АДМ и изъятием документов. Рейзинг велел Уилсону и Уайтекеру немедленно ехать на дом к вице-председателю совета директоров Мику Андреасу. Сам он тоже будет там.

Пробормотав извинения перед Ю и пообещав, что кто-нибудь за ним подъедет, Уилсон и Уайтекер вылетели за дверь. В «линкольн таун-каре», который предоставляла Уайтекеру компания, Уилсон старался успокоить коллегу и пытался успокоиться сам.

– Конечно, хорошего мало, но…

– Что за жопа! – оборвал его Уайтекер, не выдержав.

– Ну да.

– Я изо всех сил сдерживался там, со Стивеном.

– Да-да, понимаю.

Уилсон глубоко вздохнул. Его руки дрожали.

– Блин! Меня прямо трясет, – проговорил он.

Казалось, происходит невероятное. Они руководители колоссально влиятельной компании, их знают в коридорах власти от Вашингтона до Москвы, компании АДМ, которая, Боже правый, *помогала* ФБР, а некоторые сотрудники даже контачили с ЦРУ. А теперь эти агенты угрожают *им?* Повторяют их собственные слова и говорят, что они *записаны на пленку?*

Аудиозаписи. Откуда, на хрен, они взялись? Может, предположил Уайтекер, ФБР прослушивает некоторые телефоны?

– Может, – отозвался Уилсон. – Но что это им даст? Ничего существенного.

– Ну… – пробормотал Уайтекер. – Знаешь, у меня бывают иной раз разговоры…

– Знаю, Марк, – кивнул Уилсон.

Пока Уайтекер вел машину, Уилсон рассказал, как проходила беседа с агентами и какую тактику те применили. Уайтекер ответил, что Корр допрашивал его точно так же.

Они свернули на подъездную аллею к дому Мика Андреаса и остановились у входа в большой двухэтажный каменный особняк. Выбираясь из машины, Уилсон гадал, какие компании, кроме АДМ, подверглись налету ФБР.

Уайтекер, казалось, был на грани срыва.

– О господи! – воскликнул он – Хорошо, что тут нет моей жены.

– Ну да, ну да, – отозвался Уилсон. – Кончай дергаться.

В этот момент Уилсон увидел, что из дому, со стаканом в руке, в рубашке навыпуск, вышел Андреас. Уайтекер удивился его спокойствию, но Уилсон понял, что Андреас в панике.{3}

Андреас сообщил, что совещание перенесено к Рейзингу домой.

– Обшмонали везде, – добавил он, отхлебнув из стакана.

– Знаю, – ответил Уилсон.

– Мне прямо душу вывернуло, – пожаловался Уайтекер.

– Представляю. Мне тоже, – кивнул Андреас. И невозмутимо сообщил, что агенты ФБР дали ему прослушать запись его разговора с японскими конкурентами. – Главное, наймем команду толковых законников и отобьемся. А пока сохраняем головы на плечах и двигаем к Рейзингу. Вот уж кто вовсю развернется. Я хочу сказать, раз он законник, ему и карты в руки, – добавил Андреас в ответ на усмешку Уилсона.

Уайтекер снова забеспокоился о том, что их служебные телефоны прослушиваются. Андреас покачал головой:

– Все телефоны прослушиваются.

– Господи, ужас какой! – воскликнул Уайтекер. – Разговоры,

что я вел в последние две недели…

– Забудь, – бросил Уилсон.

Андреас тоже покачал головой:

– Вряд ли эти разговоры дали им что-нибудь.

АДМ предъявляли обвинения и прежде, но она тщательно уничтожала все следы и всегда выходила сухой из воды.

– В этом деле будут копаться лет десять и в конце концов уберутся несолоно хлебавши, – уверенно заявил Андреас.

Разговор иссяк, и Уайтекер с Уилсоном вернулись к автомобилю.

– К законникам, – сказал Уилсон.

Прошло несколько часов. Минул девятый час вечера, когда Уайтекер выехал из города по тридцать шестому шоссе. Обычно в это время он возвращался в свой дом в пригороде Декейтера под названием Моуиква. Но сегодня у него были другие планы.

Он направлялся в отель «Холидей-Инн». Завидев гостиницу, надел темные очки и свернул на дорогу, которая вела к зданию и, огибая его справа, уходила к задам парковки. Миновав теннисные корты и волейбольную площадку, Уайтекер оказался на поляне у рыболовного пруда и стал ждать, не выключая двигателя. Было темно.

Хлопнули двери подъехавшего автомобиля. Затем распахнулись обе пассажирские дверцы машины Уайтекера. Сощурившись от вспыхнувшего в салоне света, Уайтекер смотрел, как к нему с суровыми лицами подсаживаются Херндон и Шепард.{4}

– Вы постарались что надо, парни, – выпалил он, прежде чем агенты успели усесться. – Терри сдрейфил. Он не показывал этого, но был напуган. Он думает, что меня тоже допрашивали.

– Классная работа, Марк, – сказал Шепард.

– Да уж… Я просто вышел и поболтал с Кевином Корром, а они считают, что меня допрашивали.

– Отлично.

– Мик сказал, что нам не о чем беспокоиться – адвокаты все уладят.

Шепард кивнул.

– Вы записали разговор?

Уайтекер вытащил из внутреннего кармана пиджака диктофон с микрокассетой. Это было одно из записывающих устройств ФБР, которое он уже больше двух лет тайно таскал в кармане почти ежедневно.

– Ну да. Я сделал все, как вам было надо, парни, – ответил Уайтекер, передавая им диктофон. – Записал все, что они

говорили. Классно же. Правда, классно, – улыбнулся он.

С таким уголовным делом правоохранительные органы не сталкивались ни разу за всю историю своего существования. Целых два года топ-менеджер одной из крупнейших американских компаний работал осведомителем ФБР, собирая свидетельства разветвленного международного заговора. Без каких-либо очевидных причин Марк Уайтекер тайно записывал переговоры своих коллег с конкурентами о тайном разделе мировых рынков и установлении цен на уровне куда более высоком, чем позволила бы свободная конкуренция.

Эти записи показывали, что компания, чьи руководители водили дружбу с президентами и премьер-министрами, организовала аферу, в ходе которой украла у собственных клиентов сотни миллионов долларов. Прибегнув к помощи Уайтекера, ФБР стало свидетелем – порой вооруженным видеокамерой – развития сговора между АДМ и ее заморскими конкурентами.

Ко времени обысков в июне 1995 года правительство накопило против компании беспрецедентный для дел беловоротничкового криминала арсенал улик. Несмотря на осторожность преступников, несмотря на то, что на защиту в суде они могли тратить миллионы и были способны оказать политическое давление, шансы опровергнуть обвинение были смехотворны. Заговорщики были в ловушке – в ловушке их собственных слов, записанных на милях диктофонных пленок, и обличительных видеокадров. Агенты ФБР не знали, станет Уайтекер героем или безработным мучеником, но были уверены, что преступление раскрыто. В тот вечер они были убеждены, что дело почти закончено, – и вряд ли их можно в этом упрекнуть.

Но это был последний день их торжества. Решающая улика, как назло, ускользнула, несмотря на эвересты собранной агентами информации. Еще до восхода солнца они ощутят, что все пошло вкривь и вкось. Годы спустя они поймут, что тот вечер был не завершением этого дела, а началом целой цепи событий, всколыхнувших политическую и промышленную элиту в самых разных точках земного шара, – событий, которые никто не мог предугадать.

Потому что почти все, происходившее в этот летний вечер 1995 года, было не тем, чем казалось.

Книга первая
Проблески истины

Глава 1

Большой серый автомобиль с тонированными стеклами, ограждавшими от любопытных взглядов, отъехал от декейтерского аэропорта и направился к автостраде 105. Сидевшие в машине четверо иностранцев разглядывали проплывающие за окном невзрачные городские пейзажи. Рабочие кварталы. Здание собрания Церкви Божией.[13] Искусственное озеро. Необъятные поля кукурузы сменило скопление промышленных предприятий и офисов.

Такую же картину можно было наблюдать в тысяче рабочих кварталов тысячи других городов Среднего Запада. И все же в тот день, 10 сентября 1992 года, в Декейтере чувствовалось легкое волнение. Ведь этими же самыми видами год за годом любовались – возможно, из окон того же самого автомобиля – лидеры мировых держав, совершавшие свои судьбоносные паломничества. Не прошло и нескольких месяцев, как здесь проезжали бывший советский руководитель Михаил Горбачев и вице-президент США Дэн Куэйл.[14]{5} Их, как и множество сильных мира сего до этого, притягивала в этот городишко, затерявшийся в центре Америки, одна и та же компания «Арчер Дэниелс, Мидленд», а чаще – всего один человек, глава компании Дуэйн Андреас.

В Америке мало кто знал о том, кто он такой и чем он занят. Но и сам Андреас, и его компания по переработке зерновых были хорошо известны богатым и влиятельным людям всего мира. Андреас, а точнее, его деньги были известны всякому, кто хоть что-нибудь значил в Вашингтоне. Уже несколько десятилетий он был одним из основных политических жертвователей, щедро и без разбору осыпавших деньгами и демократов, и республиканцев.{6} И нынешний год не был исключением – и Джордж Буш,[15] и Билл Клинтон[16] вели борьбу за президентское кресло на его деньги. Щедрость помогла Андреасу превратиться в одну из самых важных персон Вашингтона, оставаясь при этом в уютной тени большой политики. И та же щедрость ввергла его в судебное разбирательство. Именно Андреасу, отмытые через банк, принадлежали двадцать пять тысяч долларов, которыми администрация президента Никсона оплатила подвиги своих оперативников в Уотергейте.[17] В ходе масштабного расследования, вызванного уотергейтским скандалом, Андреаса обвинили в нарушении порядка финансирования политических кампаний, судили и оправдали – но уже за сто тысяч долларов, которые Андреас выделил Губерту

Хамфри, сопернику Никсона на выборах 1968 года.[18]{7}

Иностранцы, прибывшие в тот день в Декейтер, питали надежду встретиться с Дуэйном Андреасом, но не слишком на это рассчитывали. Им назначили встречу с другими руководителями АДМ, которые правили рутинными повседневными делами.

Если все пойдет хорошо, надеялись гости, визит затянется. В конце концов, им нужно было выяснить кое-что важное. А еще кое-что важное надо было украсть.

Автомобиль свернул на аллею Фэриес, ведущую к беспорядочно раскинувшемуся комплексу непрезентабельных зданий АДМ. Желтые цветы, высаженные вдоль дороги, не смягчали впечатления от ограды из колючей проволоки, опоясывающей территорию изломанной линией. У главных ворот водитель кивнул охраннику, и тот повернул направо, к неприметному приземистому зданию, в котором квартировала верхушка АДМ. Автомобиль остановился около семифутовой бронзовой статуи Рональда Рейгана, высившейся на гранитной глыбе весом в две тонны и возведенной Дуэйном Андреасом в память о визите президента в 1984 году.{8}

Первым из лимузина выбрался Хирокадзу Икэда, вслед за ним Кандзи Мимото – высшие руководители японского промышленного гиганта «Адзиномото инкорпорейтед», соперничавшего с АДМ. Затем появились еще два представителя «Адзиномото», японец и европеец.{9} Заслонившись руками от утреннего солнца, гости проследовали в вестибюль административного здания и представились секретарше. Та сделала телефонный звонок, и через несколько секунд к ним быстрым шагом подошел жизнерадостный молодой человек. Это был Марк Уайтекер, тридцатичетырехлетний президент образованного недавно подразделения биопродуктов АДМ. Японцы были знакомы с мистером Уайтекером уже несколько месяцев, но все еще не доверяли ему.

Шагнув в вестибюль, Уайтекер улыбнулся.

– Добро пожаловать в Декейтер, – произнес он, пожимая руку Икэде. – И в АДМ.

– Благодарю вас, мистер Уайтекер, – ответил Икэда на плохом английском. – Рад встретиться.

Уайтекер повернулся, приветствуя Мимото, который был почти одного с ним возраста и говорил по-английски довольно хорошо. Двух других Уайтекер не знал, и ему представили их как Котаро Фудзивару, инженера из токийского головного офиса компании, и Дж. Л. Бреанта, занимавшего такую же должность в европейском отделении.

Покончив с формальностями, Уайтекер проводил гостей по

коридору в огромный дилинговый зал АДМ, центр ее нервной системы, где ежедневно закупались для переработки тонны кукурузы, пшеницы, соевых бобов и других сельскохозяйственных продуктов. На большом табло на передней стене зала высвечивались текущие цены товаров. За рядами столов расположилась армия брокеров, выкрикивающих в телефоны команды покупать или продавать.

Вдоль других стен зала тянулись двери кабинетов руководства, большей частью распахнутые. Уайтекер остановился возле одной и постучал по косяку:

– Терри, они здесь.

Терри Уилсон, начальник отдела переработки сырья, поднял голову и улыбнулся. Улыбка была не выражением радости, а стратегией. Уилсон надеялся побыстрее покончить с руководителями «Адзиномото», чтобы поспеть на послеобеденную партию в гольф. Имея дело с японцами, Уилсон, как многие американские бизнесмены, часто чувствовал себя не в своей тарелке. Во время переговоров казалось, что они вовсе не желают заключать сделку. Выслушав партнера, они часто отделывались неопределенными ответами, не связывая себя обязательствами. В Японии подобная тактика считалась добродетелью: там ценилось умение дать уклончивый ответ – «тамамуси-иро но хиогэн о цукау», то есть «ответ всех цветов радуги».{10} Как бы изящно ни звучало это описание по-японски, людей Запада вроде Уилсона, бывшего моряка и любителя выпить, эта манера утомляла. Визита японских коллег он ожидал безо всякой радости. Уилсон поднялся из-за стола и подошел к гостям, миновав телевизор, передававший новости.

– Мистер Икэда, мистер Мимото! – произнес Уилсон. – Давненько не виделись. Жаль, что вы не в гольф играть приехали. Такая погода…

Беседуя о гольфе, все прошли вслед за Уайтекером в конференц-зал и расположились за круглым столом. Подали чай со льдом, воду и апельсиновый сок. Пока все рассаживались, Уайтекер подошел к телефону на стене и набрал 5505, внутренний номер президента АДМ Джима Рэнделла.

– Джим, гости прибыли, – доложил Уайтекер. Повесив трубку, он вернулся на свое место.

Все слегка напряглись. Рэнделл работал в компании с 1968 года. Его компетентность как инженера была непререкаемой; благодаря его усилиям огромные цеха по переработке сырья работали бесперебойно.{11} И все же шестидесятивосьмилетнему Рэнделлу было далеко до Дуэйна Андреаса. Любезные, отполированные манеры Дуэйна делали его идеальным лицом

компании, а Рэнделл держался независимо и грубовато, давая понять, что он занят своим делом, а на окружающих ему плевать. Всех раздражала его привычка хвастать своими спортивными автомобилями и несравненными достижениями АДМ на рынке. Поэтому сегодняшние гости были готовы к речам о могуществе компании, – они понимали, что их пригласили в АДМ еще и для того, чтобы запугать.

Чуть позже Рэнделл вошел в зал, представился и, заняв место рядом с Уайтекером и Уилсоном, тут же взял бразды правления в свои руки, расписывая, как АДМ постепенно трансформируется в компанию нового типа.

Чуть меньше чем за сто лет завод, перерабатывавший зерновые и прочие традиционные сельскохозяйственные культуры штата в масло, муку и растительное волокно, превратился в гиганта мировых масштабов. Продукцию АДМ можно было встретить везде – от консервов «Набиско» до майонеза «Хеллман», от пудинга из концентрата «Джелло» до тунца «СтарКист». В безалкогольные напитки добавлялись подсластители, произведенные АДМ, в стиральные порошки – разработанные ею добавки. Американцы росли на продуктах АДМ: младенцы, употреблявшие соевые молочные смеси, глотали товар, выпущенный АДМ; выбравшись из пеленок, они ежедневно получали дозу продукта АДМ с кашами «Гербер». Люди, заботившиеся о своем здоровье, приобщались к новинкам АДМ в йогуртах и масле канолы,[19] остальные потребляли их с фруктовым мороженым и пепперони.[20] Большинство американцев и слыхом не слыхивали о компании АДМ, зато холодильники почти во всех домах были набиты ее продукцией. АДМ называла себя «мировым супермаркетом», и действительно, гиганты продовольственного бизнеса закупались именно здесь. {12}

Теперь, сказал Рэнделл, АДМ вступает в новую эпоху. Три года назад, в 1989 году, компания стала разрабатывать новое направление, создав подразделение биопродуктов. Она больше не будет механически дробить и молоть сельскохозяйственное сырье, а повернется к биотехнологии и декстрозу кукурузы будет скармливать крошечным микробам. Эти микробы, или, как их прозвали, «букашки», постепенно превращают сахар в аминокислоту, которая называется «лизин». Профессионалы говорили, что «букашки» едят сахар и срут лизином. От корма, содержащего лизин, свиньи и цыплята быстро толстеют – а именно такой продукт и нужен исполинским пищевикам вроде «Тайсона» или «Конагры».

До появления АДМ на этом рынке правили японцы, а

«Адзиномото» была признанным лидером. Начальные издержки, связанные с освоением подобного производства, автоматически отсекали потенциальных конкурентов: на приобретение патентованных микробов, необходимых для ферментации лизина, требовались десятки миллионов долларов. АДМ же купалась в деньгах и уже вложила в новое предприятие более ста пятидесяти миллионов долларов. И теперь в Декейтере был самый большой в мире завод по производству лизина{13}, способный выпускать сто тринадцать тысяч тонн аминокислоты в год.{14} А заправлял всем этим Уайтекер, выдающийся молодой ученый, почти наверняка первый доктор наук, руководящий подразделением АДМ.

– Мы намереваемся стать крупнейшей биохимической компанией в мире, – сказал Рэнделл. – Для нас это значит очень много. У нас есть необходимый запас сырья, есть недорогое оборудование, так что это естественно и неизбежно.

Японцы выслушали его скептически, но ничего не сказали. Если АДМ сможет производить столько лизина, она поглотит значительную часть существующего рынка. Создание такого колоссального производства казалось им неоправданным безрассудством. Многие предприятия компании будут простаивать в ожидании, пока рынок вырастет или пока не уйдут конкуренты. И все же они были не прочь послушать хвастливую речь Рэнделла. Пускай американец трезвонит, – в этом звоне они, быть может, уловят обрывки другой, правдивой информации.

Рэнделл все говорил, а Уайтекер и Уилсон старались сохранить бесстрастные лица. Как бы ни пыжился Рэнделл, они-то знали самое важное: *компания никак не могла запуститъ этот чертов завод.* Цистерны были заполнены «букашками», «букашки» охотно поедали декстрозу, а лизина получалось всего ничего. В последние месяцы в гигантских ферментационных баках снова завелся вирус, который убивал микробы, прежде чем они успевали что-нибудь произвести.{15} Разумеется, АДМ производила достаточно, чтобы сохранить свое положение на рынке, но потери времени из-за заражения вирусом обошлись в шестнадцать миллионов долларов. И напряжение росло: недавно Дуэйн Андреас предложил закрыть завод и создать новую испытательную линию. Тем временем сын Дуэйна Мик, управлявший всем производством, бомбил Уайтекера требованиями решить проблему. Но вирус возвращался, что бы они ни предпринимали. Понятно, что своему главному конкуренту руководители АДМ рассказывать об этом не собирались.

Закончив десятиминутный монолог, Рэнделл поднялся из-за стола.

– Вот, в двух словах, главное, что можно сказать о нашем заводе, – произнес он. – Сейчас Марк вам его покажет, а потом мы встретимся здесь же за ланчем.

Поблагодарив Рэнделла, представители «Адзиномото» потянулись к двери вслед за Уайтекером. Тот провел их к своему «линкольну», чтобы отвезти на завод. Прибыв на место, все надели защитные каски и очки.

Осмотр начался с лаборатории на верхнем этаже, где автомат непрерывно встряхивал крошечные колбы. В них была смесь декстрозы и соевой муки, питавшая микробов. Посетители проходили мимо, а микробы быстро размножались. Ирония ситуации заключалась в том, что эти крохи-«букашки» были сердцевиной гигантского дела, обошедшейся во много миллионов долларов. «Букашки» были коммерческой тайной АДМ, которая позволяла компании разрушить господство японцев на рынке.

Фудзивара и Бреант задавали вопросы и делали заметки в блокнотах. Покинув лабораторию, группа миновала аппаратную и проследовала в основные производственные помещения.

В цеху японцы замерли в благоговении. Такого они еще не видели. Огромное помещение высотой в добрую сотню футов было заполнено десятками уходивших под потолок стальных ферментационных баков.

Они спустились по металлической лестнице на нижний этаж цеха. Фудзивара и Бреант шли рядом с управляющим заводом, слушая его объяснения. За ними следовали Уайтекер с Икэдой.

Мимото, замыкавший шествие, замедлил шаг. Дождавшись, пока на него никто не будет смотреть, он быстро вынул из кармана пластиковый пакет, а из пакета влажный носовой платок. Прижав платок к перилам, он спустился на несколько ступенек и все так же незаметно бросил платок в пакет, герметически закрыл его и небрежно сунул в карман.

Мимото знал, что бесценные микробы, которые АДМ применяет для производства лизина, могут расти в любом уголке завода, даже там, где они не видны. И он надеялся, что преуспел в краже образца этих микробов для «Адзиномото» с помощью платка.{16}

Спустя несколько недель на рабочем столе Уайтекера зажужжал интерком. Это была Лиз Тейлор, секретарша, сидевшая в нескольких футах за дверями кабинета.

– Да, Лиз, в чем дело?

– Вам звонит кто-то – не могу произнести его имя. Похоже на азиатское.

Уайтекер поднял трубку:

– Марк Уайтекер.

– Здравствуйте, мистер Уайтекер?

Лиз не ошиблась. Акцент был явно азиатский.

– Да.

– Не знаю, помните ли вы меня, – сказал звонивший.{17}

Около половины шестого вечера взволнованный Уайтекер поднялся из гаража в дилинговый зал АДМ и направился в кабинет Мика Андреаса, сидевшего за письменным столом.{18}

– Мик, ты не поверишь, что за хрень, – выпалил он. – Я вроде как понял, откуда на заводе вся эта чума.

Мик откинулся на спинку кресла.

– Я уже восемь недель жду, когда ты расскажешь об этом. Выкладывай.

Не переводя дыхания, возбужденный Уайтекер торопливо изложил весть, которую считал настоящей бомбой. Вирусы, уничтожавшие микробы, появились на заводе не по их ошибке. Он только что узнал, что их подкинули конкуренты. Токийская компания «Адзиномото» занималась промышленным шпионажем и разработала дьявольский план. Вся зараза шла от японцев.

Андреас не перебивал его. Прежде чем задавать вопросы, он хотел выслушать Уайтекера до конца.

Возбужденно расхаживая по кабинету, Уайтекер рассказал, что накануне ему в кабинет позвонил служащий «Адзиномото» Фудзивара, один из тех, кто посещал завод несколько недель назад. Фудзивара попросил Уайтекера номер его домашнего телефона. У Уайтекера просьба не вызвала подозрений: он решил, что из-за разницы во времени между Токио и Декейтером японцу, возможно, удобнее звонить в другое время.

– И вот вечером, в начале девятого, этот тип позвонил мне домой, – говорил Уайтекер. – Мик, он знает все! Он с ходу заявил, что хочет поговорить о кошмаре, который творился у нас с мая по август. Я спросил, что он имеет в виду, и он ответил: «Время, когда АДМ теряла по семь миллионов долларов в месяц из-за проблем с производством лизина».

Уайтекер был в шоке и не сразу сообразил, что ответить, а Фудзивара тут же стал перечислять показатели производства лизина в АДМ за последние три месяца.

И Андреас, и Уайтекер понимали, что дела и впрямь плохи. Эта информация была секретной, никто из посторонних не должен был знать о затруднениях, с которыми они столкнулись. Как же Фудзиваре все стало известно?

Прежде чем он успел задать Фудзиваре этот вопрос, сказал Уайтекер, тот начал в игривом тоне спрашивать, понимает ли

Уайтекер, откуда на их заводе возникли проблемы с запуском.

– Я ушам своим не верил! – кипятился Уайтекер, срываясь на фальцет. – Он сказал, что один из топ-менеджеров АДМ работает на них и саботирует производство.

Кошмарную весть о том, что в компании завелся «крот», по заданию японцев заражающий вирусами контейнеры с декстрозой, Андреас выслушал с каменным лицом.

Уайтекера раздирали гнев и смятение. Звонок Фудзивары подтверждал все самое худшее, что ему приходилось слышать о японских корпорациях.

– Прямо как в «Восходящем солнце»! – воскликнул Уайтекер, помянув бестселлер Майкла Крайтона о происках японцев, работающих в американском филиале своей компании. – Точь-в-точь по книжке.

И рассказал, что идея завербовать одного из сотрудников АДМ исходила от Икэды, возглавлявшего японскую делегацию. Фудзивара явно трепетал перед своим старшим коллегой и боялся, что тот может отправить его на каторгу или даже убить, если узнает об этом звонке.

– Я не понимал, к чему он клонит, – сказал Уайтекер, – и спросил, чего он хочет.

Андреас знал ответ еще до того, как Уайтекер сказал: деньги.

Фудзивара хотел десять миллионов долларов за то, что он назовет имя «крота», сообщит, куда и когда тот запустил вирусы, и передаст АДМ некоторое количество микроорганизмов, иммунных к вирусам.

– Он сказал, что с его помощью мы за три дня разрешим все проблемы, над которыми бились четыре месяца, – добавил Уайтекер.

Когда Уайтекер закончил свой рассказ, Андреас, помолчав, задал первый вопрос:

– Ты хорошо знаешь этого типа?

Уайтекер замялся и пробормотал что-то о визите японцев несколько недель назад. Когда Андреас повторил вопрос, он признался, что практически не знает Фудзивару.

Андреас задумался. Рассказ Уайтекера казался невероятным. Однако сведения о неожиданном появлении вируса и безуспешных попытках избавиться от него соответствовали действительности. От предложения Фудзивары нельзя было просто отмахнуться.

– У меня в голове сумбур. Давай по порядку, – сказал Андреас. – Расскажи все с самого начала еще раз.

Уайтекер повторил рассказ. Задав ему несколько вопросов, Андреас подвел итог:

– О'кей. Если он позвонит тебе снова, попробуй договориться с ним о цене. Пусть назовет наименьшую сумму, на которую он согласен. Может, у нас получится свести ее к оплате иммунных к вирусу микробов. И не болтай об этом, – предупредил Андреас. – Если в компании действительно орудует «крот», то нам меньше всего надо, чтобы он пронюхал, что нам о нем известно. – Помолчав, он добавил: – Держи меня в курсе.

– Конечно, Мик, – кивнул Уайтекер.

Уайтекер вышел из кабинета, а Андреас все сидел и думал. Если бы с этими россказнями пришел не Уайтекер, а кто-то другой, он, возможно, счел бы предложение Фудзивары неуклюжей попыткой вымогательства, за которой ничего не стоит. Но Уайтекер понимал процесс производства на заводе лучше всех и даже приобрел прозвище «мистер Лизин». Без него АДМ не освоила бы новую технологию так быстро. И если он воспринимает Фудзивару так серьезно, то и для Мика будет разумнее отнестись к нему с неменьшей серьезностью.

Мик набрал номер квартиры своего отца Дуэйна во Флориде. Происходило ЧП, о котором глава АДМ должен знать. Вложив столько сил в создание компании и сделав ее одной из самых влиятельных в мире, он не станет сидеть сложа руки и смотреть, как конкуренты разрушают его новый бизнес. В этом не усомнился бы никто из тех, кто знал историю АДМ и ее железного главы.{19}

Новая эра в истории АДМ началась 21 октября 1947 года, когда Шрив М. Арчер, пятидесятидевятилетний председатель совета директоров компании и потомок одного из двух ее основателей, принялся за аппетитного цыпленка. Это было в Миннеаполисе, где АДМ развернула свою деятельность. Вдруг Арчер вскочил, задыхаясь, закашлялся, посинел, и, проглотив застрявшую в горле кость, скривился от боли. Его тут же доставили в ближайшую больницу, но, как выяснилось, было поздно. Через двадцать дней Арчер скончался в результате осложнений, вызванных травмой.{20}

Внезапная трагическая кончина Арчера обезглавила компанию, которой он с 1924 года руководил и которую олицетворял. Арчер не боялся вступать в конкуренцию и постоянно расширял ассортимент продуктов, что помогло АДМ выстоять в годы Великой депрессии. Но самым важным, возможно, было то, что он не колеблясь связал будущее компании с производством соевых бобов – культуры, получившей широкое распространение только после Первой мировой войны. Развивая эту многообещающую отрасль, Арчер построил в Декейтере

гигантский завод по переработке соевых бобов. В результате этого и других не менее плодотворных решений АДМ из небольшой фабрики Среднего Запада, какой она была в начале века, превратилась в одну из крупнейших национальных корпораций по переработке зерновых. Но в компании не подготовили того, кто мог бы стать преемником Арчера, и дело казалось безнадежным.

Главой избрали Томаса Дэниелса, потомка второго основателя компании. По роду занятий Дэниелс вовсе не подходил для этого поста: он пытался сделать карьеру на дипломатической службе и был в своей отрасли единственным, кто в бытность студентом в Йеле выращивал собственных пони для игры в поло. К тому времени, когда Дэниелс возглавил АДМ, компании угрожала пропасть, из которой ее могло бы вытащить разве что чудо – лет через двадцать.{21}

В год смерти Арчера на другом конце города, в соперничавшей с АДМ компании «Каргилл инкорпорейтед», взошла звезда щедро одаренного двадцатидевятилетнего вице-президента Дуэйна Андреаса. Двумя годами ранее он начал работать у Каргилла, продав ему свое семейное предприятие по производству меда в штате Айова, в Сидар-Рапидсе.{22} Андреас, четвертый сын в религиозной семье фермеров-меннонитов{23}, был самым молодым из топ-менеджеров Каргилла и быстро выбился в миллионеры. Внешне он был неказист, будучи ростом всего сто шестьдесят три сантиметра, а весом чуть больше шестидесяти двух килограммов.{24} Но старших коллег впечатляли его ум и целеустремленность. Андреаса, несомненно, ожидало блестящее будущее у Каргилла.

Тогда никому и в голову не приходило, что этот молодой напористый бизнесмен пожелает заключить союз с конкурентом средней руки, чье предприятие было на грани краха. Мысль о том, что Андреас расстанется с Каргиллом по собственной воле, казалась чепухой. Каргилл возлагал на Андреаса большие надежды, и ничто не препятствовало карьере многообещающего бизнесмена.

В начале 1950-х годов Америкой овладели страх и паранойя.{25} Советский Союз разработал грозное ядерное оружие. В Китае к власти пришли коммунисты, и это стало первым крупным поражением США в разворачивавшейся холодной войне. В Вашингтоне орды демагогов подливали масла в огонь, вопя о предательстве; хватало малейшей зацепки, чтобы погубить репутацию человека раз и навсегда. Обвинения посыпались на Голливуд, на промышленность и правительство, и создавалось впечатление, что в государственной измене виновна вся нация.

В разгар этой истерии, в марте 1952 года, Дуэйн Андреас огорошил коллег, изложив им свой дерзкий замысел посетить в следующем месяце Москву и принять участие в торговой конференции. Он полагал, что это будет удачным началом выгодного предприятия – продажи Советскому Союзу растительного масла. Получить визу для него не составляло труда: за годы работы в компании он обзавелся обширными политическими связями в Вашингтоне.{26}

Труднее было уговорить Каргилла. Компанию лихорадило от бесконечных придирок правительственных чиновников, обвинявших ее в нарушении правил торговли. Меньше всего ей было нужно дальнейшее обострение отношений с правительством.

– Я *запрещаю* тебе ехать, – отрезал Джулиус Хендел, ведавший в фирме торговлей зерновыми, когда Андреас поделился с ним своими планами.

– Ну, Джулиус, ты же сам понимаешь, что это несерьезно, – примирительно протянул Андреас.

Спустя пару часов Андреасу приказали явиться к члену совета директоров Джону Петерсену. Тот оставил приказ без внимания и вылетел в Москву.

Москва произвела на Андреаса неизгладимое впечатление, и он поспешил обратно, чтобы поделиться с советом директоров бесценной информацией о советском рынке. Однако директора не желали слушать подобной ереси. Они были крайне возмущены, угрюмо ворчали о нарушении субординации и высказывали опасения, что банки, субсидировавшие компанию Каргилла, не одобрят этой поездки.

Недовольство поведением Андреаса нарастало, и он подал заявление об отставке. Отставку приняли. Андреас вновь занялся семейным бизнесом – на этот раз производством растительного масла. Казалось, его ждет прозябание на задворках сельскохозяйственной индустрии.

Но сам Андреас думал иначе. Он хотел вращаться в высших кругах общества и не собирался сдаваться легко.

Вице-президент Губерт Хамфри, сидевший в обитом парчой кресле номера-люкс отеля «Конрад Хилтон», наклонился вперед и расправил складки на костюме.{27} Перед ним на телеэкране был зал Муниципального центра Чикаго и к микрофону подходил лидер конгрессменов от Пенсильвании. Вокруг Хамфри столпились его сторонники и друзья, молча наблюдавшие за ходом голосования. И вот штат Пенсильвания набрал сто три голоса в поддержку своего кандидата. В эту минуту, в 23.47 28

августа 1968 года, Хамфри стал кандидатом в президенты США от Демократической партии. Комната наполнилась радостными криками.

Хамфри, аплодируя, встал.

– Да, похоже, я таки допрыгнул, – произнес он.

Склонившись влево, Хамфри поцеловал в щеку жену его помощника по избирательной компании Ла Донну Харрис, затем вправо, наградив поцелуем Инес Андреас. Ее муж Дуэйн, входивший в элиту мозгового треста Хамфри, просиял.{28}

За шестнадцать лет после ухода от Каргилла репутация Андреаса выросла необыкновенно. Мальчик с фермы в Айове, умело используя опыт и связи, приобретенные за годы работы у Каргилла, превратился в бизнесмена и фигуру политической сцены. Он подружился с Хамфри после того, как пожертвовал тысячу долларов в поддержку его кандидатуры на выборах в Сенат{29}. Со временем семья Хамфри стала проводить отпуска вместе с Андреасами в принадлежащем Дуэйну отеле «Си вью» в Бол-Харборе. Эта дружба упрочилась в 1948 году, когда у Дуэйна родился сын Мик и Губерта Хамфри попросили стать его крестным отцом.{30}

Росту авторитета Андреаса помогла и его дружба еще с одним зубром американской политики – бывшим мэром Нью-Йорка Томасом Дьюи, который дважды избирался кандидатом в президенты от Республиканской партии. С Дьюи Андреас познакомился еще у Каргилла, но, после того как он нанял Дьюи в качестве юрисконсульта и добился, чтобы его назначили консультантом Национальной ассоциации производителей соевых бобов, знакомство переросло в дружбу.{31}

Дьюи, как и Хамфри, стал частым гостем отеля «Си вью». И, в свою очередь, приложил усилия к тому, чтобы расширить круг знакомств Андреаса среди и республиканцев, и демократов. Он посоветовал Андреасу принимать участие во всех политических кампаниях, щедро субсидируя политиков независимо от направления, которого они придерживаются. Андреас стал одним из «свингеров», как называют в Вашингтоне крупнейших спонсоров, делающих ставки на деятелей и той, и другой партии.

По мере того как влияние Андреаса в США росло, о нем прознали и в других странах. Он часто сопровождал Хамфри и Дьюи в поездках за рубеж, оказывая поддержку их политической миссии и не забывая о собственных коммерческих интересах.{32} Он заключал сделки с Хуаном и Эвитой Перон[21] в Аргентине и расписывал испанскому диктатору Франсиско Франко[22] достоинства соевого масла. В Югославии он засиживался далеко за полночь за беседой с Тито,[23] в Советском Союзе разговаривал

о том же растительном масле с Иосифом Сталиным.

Андреас разработал особую разновидность международной корпоративной дипломатии и подчас добивался своего, утирая нос Вашингтону. В середине 1950-х Андреас предложил правительству поставлять излишки сливочного масла Советскому Союзу путем сложного бартерного обмена. Такой обмен стал бы своего рода примитивным инструментом разрядки напряженности в отношениях между двумя странами, а заодно упрочил бы репутацию Андреаса в Москве.{33} Но американское правительство без энтузиазма отнеслось к идее, слишком противоречащей проводимой политике. Министр торговли Синклер Уикс отказался выдать Андреасу лицензию на экспорт.

Вопреки административному запрету, Андреас нашел обходной путь в СССР. Почти все производившееся в Штатах сливочное масло находилось в руках правительства. Но Андреас знал, что вместо сливочного масла можно с успехом использовать растительное, которое имелось у него в неограниченном количестве. Разумеется, власти не позволили бы ему продавать масло Советскому Союзу, и Андреас обошел это препятствие, решив возить его через Аргентину. Он знал, что Аргентина в то время заключила соглашение с Западной Европой о поставке ста пятидесяти тысяч тонн растительного масла в Роттердам. Андреас отправил в Роттердам дополнительную партию масла, чему американское правительство не препятствовало, а в Роттердаме просто поменял две партии товара. Американское масло было доставлено в Западную Европу согласно заключенному с Аргентиной соглашению, а судно с якобы аргентинским маслом направилось в Россию. Таким образом, формально Андреас не нарушил правительственного запрета, хотя, несомненно, пошел против политики США.{34}

Когда в 1961 году в Белом доме воцарилась администрация Кеннеди,[24] Андреас стал вашингтонским Зелигом[25] – он присутствовал на официальных церемониях, водил знакомство с людьми, обладавшими реальной властью, хотя и плохо известными широкой публике. Как-то, войдя вместе с Хамфри в люкс вашингтонского отеля «Мэйфлауэр», они застали там Бобби Кеннеди,[26] который ползал по полу на коленках и вписывал имена в огромную таблицу с перечислением всевозможных федеральных должностей. Андреас и Хамфри уговорили Бобби назначить Джорджа Макговерна[27] руководителем программы «Продовольствие ради мира»; самого Андреаса ввели в консультативный совет программы.{35} Убийство Джона Кеннеди не повредило Андреасу, так как в 1965 году Хамфри сделался вице-президентом в администрации Линдона Джонсона. Теперь,

когда Андреас стал своим человеком в Белом доме, он начал уделять больше внимания собственной безопасности. Зачастую он отказывался обсуждать те или иные вопросы по телефону, опасаясь прослушки.{36}

В 1965 году пути Андреаса вновь пересеклись с мидлендской компанией «Арчер Дэниелс». АДМ так и не сумела оправиться от удара, нанесенного смертью Шрива Арчера, и влачила жалкое существование в Миннеаполисе. Финансы компании находились в плачевном состоянии: она даже не выплачивала дивидендов своим акционерам. Чтобы выжить, компания нуждалась в огромных вложениях капитала и в сильном руководителе, способном вывести ее на международный рынок. Словом, компании был нужен Дуэйн Андреас. Один из родственников Арчера предложил Андреасу войти в руководство компании, пообещав ему за это акции на сумму сто тысяч долларов. Спустя несколько месяцев Андреас уже владел десятью процентами капитала АДМ. В начале 1966 года он стал членом совета директоров и исполнительного комитета. Изучив состояние рынка, Андреас решил, что АДМ должна сделать упор на переработку соевых бобов, чем в свое время и занимался Шрив Арчер. Штаб-квартира компании переехала в Декейтер.

Положение Андреаса на новом месте упрочилось, но пала его главная опора на политической арене. Казалось, что поражение, нанесенное Хамфри в 1968 году республиканской политической машиной Никсона, больно ударит и по амбициям Андреаса. Но он подстраховался от неприятностей. В день, когда Никсон был избран президентом, Андреас обедал с Томасом Дьюи. Тот позвонил Никсону, чтобы поздравить его с победой, и упомянул, что находится в обществе Андреаса.

Выслушав ответ Никсона, Дьюи прикрыл трубку рукой и обратился к Андреасу:

– Хочешь войти в новый кабинет?

Андреас отрицательно качнул головой. Он слишком хорошо представлял реакцию старых друзей вроде Хамфри при вести о том, что он стал членом администрации Никсона.{37}

В 1972 году Андреас вновь щедро спонсировал Хамфри, – впрочем, как и его соперников из Демократической партии. По секрету от них он одновременно мешками отправлял деньги Никсону в Белый дом. 7 апреля 1972 года он поместил двадцать пять тысяч долларов банкнотами в абонированный одним из помощников Никсона банковский сейф 305 в отеле «Си вью» – всего за несколько минут до того, как вошел в силу новый закон, запрещавший анонимные пожертвования. В том же году Андреас забрел как-то в Белый дом с папкой для бумаг, набитой тысячей

стодолларовых купюр. Он передал деньги личному секретарю Никсона, а тот положил их в сейф в Белом доме, где они и хранились несколько месяцев, пока после Уотергейтского скандала Никсон не почел за лучшее вернуть их Андреасу.{38}

Чем более надежным спонсором вашингтонской администрации становился Андреас, тем больше ее политика в области сельского хозяйства соответствовала интересам АДМ. Одним из основных источников дохода правительства были федеральные программы производства сахара. Цены на сахар, благодаря политике их поддержки и квотам, оставались на высоком уровне, и сахарные магнаты получали миллиардные барыши, а производители продуктов питания, в которые входил сахар, были вынуждены экономить, используя подсластитель, который выпускала АДМ, – кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы. Компания продавала его по завышенным ценам, что было бы невозможно без помощи правительства, и со временем этот рынок стал приносить ей миллиарды долларов ежегодно. В последующие десятилетия многие американцы ощутили, что у кока-колы и пепси вкус почему-то не тот, к которому они привыкли с детства. Они не знали, что причина тому новый подсластитель, насаждаемый сверху в интересах АДМ.

В те же годы правительство субсидировало и производство этанола – спирта, который добывался в основном из кукурузы и использовался как относительно чистое автомобильное топливо, – правда, дороже бензина и с более низким октановым числом. Чтобы этанол покупали охотнее, его смешивали с патентованным бензином, а налоговую ставку на смесь сделали ниже, чем у чистого бензина. И каждый год сотни миллионов долларов текли и текли в сейфы АДМ.

Заниженная налоговая ставка на этанол противоречила интересам очень многих промышленников и политиков, и все же она продержалась несколько десятилетий. Лоббисты в Конгрессе поражались умению Андреаса подкручивать руль государственной политики в нужную ему сторону, не оставляя отпечатков пальцев. Борясь за изменение установленных правил, они не видели Андреаса в рядах своих противников, но чувствовали его присутствие. Он пользовался беспрецедентным влиянием.{39}

Нельзя было и представить, что политический вес Андреаса вскоре возрастет еще больше и достигнет невиданной величины.

Михаил Горбачев широко улыбнулся делегации американских конгрессменов, вступившей в кремлевскую

приемную. Произошло это 10 апреля 1985 года. Температура советско-американских отношений упала ниже нуля, и наступил очередной «ледниковый период», как любил выражаться генсек. Он пришел к власти совсем недавно и намеревался изменить создавшееся положение. Но его историческая беседа с президентом Рейганом была еще впереди, а во время этих первых переговоров с ведущими американскими политиками он хотел прощупать почву на предмет встречи в верхах.

Глава делегации Томас О'Нил, спикер Палаты представителей по прозвищу «На чай», ухмыляясь, протянул свою мясистую руку и представился.

– Как же, как же, – сказал Горбачев через переводчика. – Ваш друг Андреас говорил мне о вас много хорошего.

– Дуэйн Андреас, Бобовый король? – отозвался О'Нил. – Пару месяцев назад я играл с ним в гольф, и он сказал мне, что вы будете, по всей вероятности, следующим советским лидером. Но я никогда не слышал о вас.

– Ну… – протянул Горбачев, улыбаясь. – У нас большая страна, и есть где спрятаться. Андреас говорил мне и о ваших возможностях.{40}

Этот разговор давал полное представление о роли, которую Андреас играл на международной арене в середине 80-х годов. Он больше не состоял в свите важных персон вроде Хамфри, Дьюи или Никсона. Его покровители давно были мертвы или низложены, и он шел своим путем, используя старые связи для контактов с новыми заправилами американской политики, порой опережая в этом правительство. Он был одним из первых американцев, подолгу беседовавших с Горбачевым еще в ту пору, когда тот руководил сельским хозяйством, и одним из первых, кто встречался с Борисом Ельциным, – будущий президент посетил Андреаса во Флориде. Список его влиятельных друзей казался бесконечным: кроме О'Нила в него входили лидер партии большинства в Конгрессе Боб Доул, бывший (и будущий) премьер-министр Израиля Ицхак Рабин,[28] ведущий юрисконсульт Демократической партии Боб Страусс, премьер-министр Канады Брайан Малруни, телекомментатор Дэвид Бринкли. Некоторые из них были к тому же соседями Андреаса: он помог Доулу, Страуссу и Бринкли подыскать жилье неподалеку от «Си вью».

Знакомства Андреаса и маршруты его поездок расширялись, и он стал кем-то вроде дипломата без портфеля. В том же 1985 году он участвовал в подготовке встречи между Рейганом и Горбачевым как посредник в предварительных переговорах. Он уверял Горбачева, что американский президент хочет увидеться с ним, хотя тот отзывался о Советском Союзе довольно резко; он

укрепил репутацию советского руководителя в глазах Рейгана, сообщив ему, что Горбачев ходит в церковь.

– Ну что ж, – сказал Рейган, – пожалуй, я встречусь с ним.{41}

Установив столь необычный подход к двум мировым лидерам, Андреас и его АДМ стали для Вашингтона еще и важным источником информации. Он передавал данные о состоянии мирового рынка Министерству сельского хозяйства и указывал Министерству торговли потенциальных партнеров за океаном. Порой его советами пользовались даже Белый дом и Госдепартамент.{42}

Но самыми важными – и самыми конфиденциальными – были связи Андреаса с разведывательными и правоохранительными органами США. ЦРУ, как и вся американская разведка, поддерживало с Андреасом и его компанией тесный контакт. Часто после встреч с лидерами других держав Андреас подробно докладывал о них правительству. Разведчики, в свою очередь, сообщали Андреасу ту или иную информацию, которая могла быть полезна для него в беседах.

Отношения Андреаса с правоохранительными учреждениями, особенно с ФБР, были сложнее. Его компания оказывала этим органам финансовую поддержку, и все же некоторые агенты подозревали, что АДМ не слишком строго следует букве закона. Многие из них помнили Уотергейт и роль, которую сыграл в нем Андреас, – она могла бы стать основанием для привлечения его к ответственности. У служителей закона не раз возникали претензии и к самой компании: в 1978 году АДМ не стала оспаривать обвинение в фиксировании цен по контрактам программы «Продовольствие ради мира»; в 1981-м федеральные власти предъявили АДМ иск по обвинению в сговоре о ценах на фруктозу, но ничего не смогли доказать.{43}{44}

К тому же руководители АДМ, идя на сотрудничество с ФБР, настаивали на собственных условиях. Один связанный с АДМ эпизод вошел в анналы бюро. В середине 80-х Андреас заподозрил, что кое-кто из брокеров Чикагской товарной биржи обманывает его компанию. Он обратился за помощью к ФБР и согласился участвовать в операции по разоблачению жуликов. Агенты приехали в Декейтер, чтобы научиться правилам трейдинга, а затем, вооружившись записывающими устройствами, высадить десант на Чикагской бирже и зарегистрировать все нарушения. Андреас с восторгом принял этот план, известный лишь узкому кругу лиц.{45}

Но подобные секреты не могут храниться долго. Сын Дуэйна Мик, который ведал всеми торговыми операциями, узнал обо всем и пришел в негодование. Отношения АДМ с биржами и без

того были натянутыми. Натравив на них ФБР, Дуэйн рисковал тем, что компания не сможет вести там свои дела в будущем. Мик потребовал, чтобы агенты ФБР, уже внедрившиеся на биржу, действовали самостоятельно, а не от имени АДМ.{46}

Операция продолжалась, но агенты, лишившись прикрытия в виде АДМ, работали на свой страх и риск. Особенно негодовали в связи с этим те шишки из бюро, уже вложившие в расследование большие деньги.

Спустя несколько лет, в 1991 году, старая обида еще не забылась, и, когда до чикагского отделения ФБР дошел слух, что казначей АДМ Томас Франкл замешан в финансовых махинациях, у агентов сразу пробудились худшие подозрения. АДМ изо всех сил старалась сохранить это в тайне, но в сентябре была вынуждена признать, что *кое-какие* нарушения имели место. Ее руководители вскрыли недостачу в шесть миллионов долларов, накопившуюся в кассе за несколько лет, и Франкл был уволен.{47} Затем обнаружились поддельные финансовые документы, которые показывали, что истинный ущерб составляет четырнадцать миллионов с хвостиком. Но когда ФБР вмешалось, АДМ не проявила желания делиться информацией, что препятствовало расследованию. Для пострадавшей стороны такое поведение было крайне необычно и заставило сотрудников ФБР задуматься. Волей-неволей у некоторых из них возникло подозрение, что Андреас что-то скрывает.

Было ясно одно: в случае мошенничества в компании Андреас обратится за помощью куда угодно, только не в ФБР.

После семи вечера в полутемном, напоминающем пещеру лондонском доме Аллена Андреаса раздался телефонный звонок. Стоял октябрь 1992 года. Ночь уже спустилась на город, но Аллен, руководивший всеми операциями АДМ в Европе, все еще работал. Он снял трубку.

– Ты еще не растерял своих европейских друзей?

Ни «Здравствуй, племянник», ни «Как поживаешь?».

Но Аллен сразу узнал голос Дуэйна Андреаса. Видно, что-то случилось. Дуэйн избегал обсуждать дела по телефону, особенно по международному. А тут вдруг интересуется его «друзьями», то бишь его связями с лондонскими агентами ЦРУ.{48}

– Нет, – ответил Аллен.

– Возникла проблема, – сказал Дуэйн. – Мик позвонит тебе. Поговори с ним.

На этом разговор закончился. Но краткое трансатлантическое послание Дуэйна говорило о многом. Проблема в Декейтере, по-видимому, была поистине из ряда вон выходящей, и Дуэйн хотел,

чтобы ею занялось ЦРУ.

Аллен положил трубку, но не успел убрать руку, как телефон зазвонил снова. Мик с Дуэйном явно не теряли времени.

– Привет, Мик, – сказал Аллен. – Что случилось?

– У нас тут кое-какие неприятности, которые могут кончиться очень плохо, – ответил Мик. – Требуется твоя помощь. – И рассказал о звонке Фудзивары.

Голова от этой новости пошла у Аллена кругом. Может, Фудзивара говорил правду, а может, блефовал. Может, это трюк, придуманный «Адзиномото» с целью испортить отношения АДМ с японским правительством. Но что бы за этим ни крылось, Аллен понимал, что его родственники обеспокоены.

– Мы не знаем точно, в чем тут дело, но оно, несомненно, затрагивает отношения между нашими странами. Мы обговорили это с отцом и решили, что тебе надо связаться со своими друзьями из ЦРУ.

Аллен понимал, почему Дуэйн и Мик обратились именно к нему. Они боялись довериться постороннему. Аллен был членом семьи и к тому же юристом, имевшим связи с ЦРУ. Помочь им мог только он.

Независимо от того, что предпримет ЦРУ, сказал Мик, главное – выяснить, что происходит на заводе. Если потребуется купить «супермикробы» у Фудзивары, компания пойдет на это. И пусть ЦРУ поможет осуществить эту сделку.

– Мы готовы платить, – продолжал Мик. – Скажи своим друзьям, что мы переведем деньги на их счета, лишь бы завод заработал.

Еще несколько минут ушло на выяснение подробностей.

– Сделаю, что смогу, – пообещал Аллен двоюродному брату и положил трубку.

Он посмотрел на часы. Звонить «друзьям» было слишком поздно. Можно сделать это и утром. Тем более что он предпочитал изложить эту фантастическую историю при личной встрече. План действий был предельно ясен.

Но Аллен не знал, что выпускает джинна из бутылки.

Глава 2

Дин Пейсли, старший специальный агент ФБР, вышел из лифта на четвертом этаже Иллинойсского бизнес-центра и направился к деревянной двери без таблички. Он набрал пятизначный код на кнопочной панели, стараясь не выронить пакет с едой из фастфуда. Электронный замок открылся с первой попытки.

За дверью была лестница, ведущая на верхний этаж, но Пейсли обошел ее и направился ко второй двери, ведущей в спрингфилдский офис ФБР. Направлявшийся по коридору Пейсли соответствовал представлениям голливудского отдела кастинга о том, как должен выглядеть спецагент ФБР. В свои сорок девять лет он был еще привлекателен, а физически был куда моложе своего возраста. Его возраст выдавали лишь серебряные пряди, поблескивавшие в рыжей шевелюре.

Был день выборов, 3 ноября 1992 года. Выборы, как всегда, внесли некоторую сумятицу во внутренний распорядок спригфилдского офиса. Группа агентов дежурила в резерве на случай заявлений о нарушениях на избирательных участках; сотрудники время от времени отпрашивались проголосовать за своего кандидата. Работа в офисе кипела, и Пейсли решил перекусить на рабочем месте. В такие дни, считал он, лучше быть начеку.

Он прошел по коридору, стены которого в необычных сине-зеленых обоях были украшены гравюрами в рамках. Это убранство было знаком перемен в спрингфилдском офисе. Прежний его директор (в чине руководящего специального агента) настаивал на соблюдении ряда правил, которых личный состав не одобрял и одним из которых был запрет украшать рабочие помещения. Но несколько месяцев назад его место занял Дональд Стаки, который прославился выслеживанием шпионов в Вашингтоне. Стаки провел кадровую чистку, для руководства рутинной работой привел нового заместителя, отменил непопулярные указы своего предшественника, и боевой дух сотрудников вырос быстрее, чем стены оделись в новые обои.

Прежде чем войти в кабинет, Пейсли поздоровался со своей секретаршей Барбарой Хоуард. Усевшись за стол, он развернул пакет с едой и стал бегло проглядывать бумаги. Секретарша позвонила, когда он заканчивал ланч.

– Дин, помощник руководящего спецагента из Чикаго Эд Уортингтон на второй линии.

Хоуард служила в Бюро достаточно долго и знала, что

«руководящего специального агента» называли – по первым буквам – SAC,[29] должность его помощника[30] всегда произносили как «ай-зек».

Пейсли нажал кнопку второй линии. Он хорошо знал Уортингтона. Они оба отвечали за связи с различными разведывательными организациями, которым порой требовалась помощь ФБР, и по своим должностным обязанностям не раз встречались на совещаниях.

– Привет, Эдди, как там у вас?

– Лучше нельзя, – ответил Уортингтон. – Слушай, мне только что звонили из Конторы. Странный звонок. Они кое-что сообщили, и мне надо с тобой посоветоваться.

Из Конторы. Объяснений не требовалось: это означало ЦРУ. Пейсли расчистил на столе место для блокнота и начал делать заметки.

История, которую поведал Уортингтон, была необычной. В ЦРУ звонили из АДМ. Сотрудник ЦРУ, контактировавший с Уортингтоном, по оплошности обмолвился, что звонил сам Дуэйн Андреас. Похоже, АДМ стала жертвой промышленного шпионажа и вымогательства со стороны каких-то японцев. Почему Андреас обратился за помощью именно в ЦРУ, Уортингтон не понял. В Конторе решили, что этот случай подлежит юрисдикции американских правоохранительных органов, и представитель ЦРУ отпасовал его к ФБР, о чем и известил Андреаса. Так что теперь Мик Андреас ожидает звонка из Бюро.

Уортингтон не упомянул, что несколькими минутами ранее рассказал все это Джону Хойту, новому ASAC спрингфилдского офиса. Он предупредил Хойта, чтобы его люди были поосторожнее, так как от АДМ того и жди сюрпризов, в чем чикагское отделение недавно убедилось при расследовании предполагаемого мошенничества бывшего казначея компании. Хойт поблагодарил Уортингтона за сведения и переадресовал его к Пейсли, руководителю Третьей группы, чей участок включал Декейтер и другие города центрального Иллинойса.{49}

На разговор Уортингтону хватило пяти минут. Он не стал предупреждать Пейсли быть поосторожнее с АДМ. Хойт предупрежден, и ладно.

– О'кей, Эдди, – сказал Пейсли, откладывая ручку. – Если проявится что-нибудь насчет Чикаго, мы вас известим.

Пейсли повесил трубку. Информация Уортингтона была скудной, но Пейсли сразу понял, что речь идет о расследовании, посложнее обычных ограблений банков и налетов на наркоторговцев.

Здесь требовался агент, идеально ориентирующийся в

обстановке, и такой человек у Пейсли был. Брайан Шепард девять лет руководил подчинявшейся Спрингфилду резидентурой ФБР в Декейтере. Шепард знал людей из АДМ, и они знали его. Немного удачи, полагал Пейсли, и Шепард справится с задачей за несколько недель и вернется к исполнению повседневных обязанностей.

Но он ошибался.

Можно сказать, что карьера Брайана Шепарда в ФБР началась с парковки автомобилей. После трех лет, которые он провел практикантом отдела документации в одной из лабораторий бюро, его заявление о приеме на службу было принято. В марте 1976 года он закончил учебу свежеиспеченным спецагентом, с нетерпением ожидавшим больших дел. К своему разочарованию, его направили в нью-йоркский офис, прославившийся как одно из самых трудных мест службы. И Шепард в первый же день понял почему: пересаживаясь по дороге на работу с автобуса на метро и вновь на автобус, он сбился с пути. В конце концов к девяти часам он ворвался в офис – по меркам ФБР, это было сорокапятиминутным опозданием. Убитого стыдом агента пропустили на рабочее место, где он стал перебирать бумаги, делая вид, что занят. Наконец пришел долгожданный приказ явиться к начальству. Шепард был уверен, что сейчас он получит свое первое задание.

Руководитель на него и не посмотрел. Он сидел спиной к Шепарду, уставясь в окно. Не оборачиваясь, начальник объяснил ему, в чем заключается первое задание. Задание трудное, сказал он, и если Шепард справится, то в дальнейшем будет заниматься им постоянно. Шепард загорелся рвением, но тут же остыл: начальник вручил ему ключи от своей машины. В Нью-Йорке драконовские правила парковки, объяснил он, и, чтобы не платить штрафов, машину надо несколько раз в день перегонять с одной стоянки на другую.

Шепард так и не спросил, является ли это унизительное поручение наказанием за опоздание, и несколько недель, не жалуясь, переставлял машину с места на место. В конце концов ему удалось избавиться от этой обузы – он стал сотрудничать с контрразведкой и следующие несколько лет ловил шпионов в Нью-Йорке. Они с женой Дайаной переехали в поселок Матаван, что в Нью-Джерси, в часе езды от офиса. Семь лет он ездил на работу на общественном транспорте, что, с точки зрения Шепарда, было еще одним большим минусом Нью-Йорка. Он страстно любил водить автомобиль, но жил в городе, где вождение было зачастую непозволительной роскошью. Наконец в

1983 году появилась возможность перевода. Открылась вакансия в Декейтере, и Шепард ухватился за нее.{50}

Декейтер годился ему как нельзя лучше. Шепард вырос неподалеку, в городке Канкаки, да и жена была родом из этих мест. А еще он родился 4 июля 1949 года,[31] так что был стопроцентным американцем. Несмотря на годы, проведенные в Нью-Йорке, Шепард постоянно думал о переезде на Средний Запад. Именно здесь они с Дайаной хотели растить двоих своих детей. Декейтер имел еще и тот плюс, что позволял вволю погоняться за преступниками. В офисе было всего три агента, и Шепард так или иначе занимался всем – от финансовых махинаций до ограблений банков, от вымогательства до наркоторговли.

Он сразу сроднился с этим пыльным городом среди прерий.{51} У города было много прозвищ: Гордость прерий, Мировая столица соевых бобов, Первый дом Авраама Линкольна в Иллинойсе; но дух сообщества не делил горожан на более и менее именитых. Шепард идеально вписывался в эту обстановку. В своих вечно мятых костюмах, купленных в магазине готового платья, и дешевых галстуках, он был больше похож на коммивояжера-неудачника, чем на сотрудника крупнейшего правоохранительного ведомства. А в Декейтере это было как раз то, что надо. Высокий и стройный, Шепард был местным Гэри Купером,[32] готовым в любой момент вступить в схватку с парнями в черных шляпах.

В 1992 году Шепард, сорокатрехлетний бывалый агент, был в Декейтере знаком почти со всеми. Коллеги, при которых он делал здесь свои первые шаги, давно ушли в отставку, и Шепард стал для Декейтера олицетворением ФБР. В работе он не блистал импровизациями и сложными ходами, играл строго по правилам и кропотливо вникал по все подробности расследований. Докладные записки Шепарда, переполненные этими подробностями, повергали начальников в транс, а на совещаниях в Спрингфилде, когда он начинал свою речь с неизменного «Говоря вкратце…», все закатывали глаза. Краткость никогда ему не давалась.

Шепарду, как и всем декейтерским агентам, время от времени приходилось пересекаться с АДМ; к тому же там работали и некоторые его соседи. Одним из его контактов в компании был Марк Шевирон, бывший полицейский, превратившийся в шефа службы безопасности АДМ. Он окончил Национальную академию ФБР по программе регионального правопорядка. Несколько раз дорожки Шепарда пересекались с Шевироном и другими администраторами АДМ на пикниках,

которые устраивала компания. Так что с руководством АДМ он был знаком, хоть и, разумеется, не слишком близко.

Поэтому Шепард не удивился, что заняться проблемами АДМ поручили именно ему. Полученной от Пейсли информации о звонке Уортингтона, о ЦРУ и вымогательстве ему хватило, чтобы понять: это дело первостепенной важности. Пейсли сказал, что договорился с Миком Андреасом о встрече на следующий день. На встрече будет он сам, и Дон Стаки тоже.

Повесив трубку, Шепард стал с нетерпением ждать завтрашнего дня. Это дело о вымогательстве будет незаурядным.

В тот вечер Джим Шафтер, личный адвокат семейства Андреас, лег спать рано. День был тяжелый, и он вернулся к себе домой на Норд-Кантри-клаб-роуд, тянувшуюся по берегу озера Декейтер, надеясь на тихий семейный вечер – пообедать с женой Джиджи, посмотреть телевизор прямо в кровати и спать.

Около половины девятого Шафтер еще щелкал переключателем каналов, когда зазвонил телефон на прикроватной тумбочке. Отложив телевизионный пульт, он снял трубку.

Низкий знакомый голос произнес:

– У нас на заводе ситуация, с которой надо разобраться.

Мик Андреас. Шафтер разговаривал с ним часто, иногда по нескольку раз в день. В том, что Мик звонил ему домой, тоже не было ничего необычного – он жил по соседству. Но на этот раз Шафтер не понял, о чем говорит Мик.

– Что случилось?

Андреас передал ему все, что узнал от Уайтекера о промышленном шпионаже и вымогательстве со стороны японцев. Андреас не сказал, откуда у него эта информация, а Шафтер не стал спрашивать. Вопросов и без того хватало.

– Вы обсуждали это с кем-нибудь? – спросил он. – Рейзинг знает?

Нет, ответил Андреас, главному юридическому советнику АДМ об этом не сказали.

– Мы решили, что чем меньше посвященных, тем лучше.

События достигли критической точки, сказал Андреас. Известили ФБР, и завтра агенты придут к нему домой, чтобы выяснить подробности.

– Я говорил об этом с отцом, – продолжил он, – и мы решили, что на всякий случай надо пригласить и вас.

Слава богу.

– Убежден, что всякий раз, когда вы встречаетесь с представителями правительства, рядом должен быть адвокат, –

ответил Шафтер.

– Ну, потому я вам и позвонил.

Тут еще одно дело, добавил Андреас. Фудзивара предложил продать АДМ выведенный японцами «супермикроб», резистентный к вирусу. Звучит неплохо, если это поможет АДМ покончить с ежемесячными миллионными потерями. Проблема в том, что предложение поступило не от компании «Адзиномото», а от работающего у них негодяя.

– Можем ли мы пойти на это?

В таких случаях Шафтер всегда радовался, что Андреас не стесняется звонить ему домой.

– Мик, вот так сразу, не вникнув в обстоятельства дела, я отвечу: «К чертям, нет», – сказал он.

На следующий день, около 13.00, когда Брайан Шепард ехал по центру Декейтера в служебном автомобиле, запищала рация.

– Эс-ай-четырнадцать вызывает Эс-ай – сто двадцать второго.

Услышав свой код, SI-122, Шепард потянулся к микрофону. SI-14 был Пейсли. Звонок означал, что Пейсли и Стаки находятся в условленном месте рядом с шоссе 121 и, очевидно, хотят сказать Шепарду, чтобы он был наготове.

– Эс-ай сто двадцать второй слушает.

– Брай, мы на месте. Я уже вижу тебя. Поезжай вперед, а мы следом.

Шепард двинулся вперед с максимальной разрешенной скоростью – сорок миль в час. Миновав башню высотой двести шесть футов, возведенную в 1929 году «Промышленной компанией А. Э. Стейли» в честь всех переработчиков зерна и их клиентов, они повернули налево. Затем пересекли мост через озеро Декейтер и свернули на Норд-Кантри-клаб-роуд. Проехав еще с милю, они оказались около дома Андреаса и остановились на подъездной дорожке.

Подойдя к двустворчатым деревянным дверям, они позвонили. Им открыл человек лет пятидесяти с редеющими темными волосами и в очках.

– Мистер Андреас? – спросил Пейсли.

– Да.

Пейсли протянул руку:

– Дин Пейсли, ФБР. Мы вчера говорили с вами по телефону.

– Да-да, заходите.

Ступив за порог, Пейсли представил своих спутников.

– Рад встрече, – сказал Андреас. – Проходите, располагайтесь.

Следуя за хозяином по дому, агенты обратили внимание на дорогую мебель, произведения искусства, семейные фотографии

на рояле. Миновав гостиную, они прошли через застекленные створчатые двери в крыло, пристроенное к заднему фасаду. В помещении высотой в два этажа был бар и необъятных размеров телевизор. Из огромных окон открывался величественный вид на озеро Декейтер и крытый бассейн. В одном конце комнаты находился обеденный стол, на котором стояли чайник с кофейником и корзина с булочками.

За столом сидел тучный лысеющий человек. Когда вошли агенты, он встал.

– Это мой личный адвокат Джеймс Шафтер, – сказал Андреас. – Надеюсь, вы не возражаете против его присутствия. Он очень хороший юрист и мой друг.

Стаки поднял руку:

– Мы ничуть не против, мистер Андреас.

Все расселись за обеденным столом. Шафтер положил перед собой блокнот и ручку. Шепард вынул кожаный кейс с блокнотом. Все сделанные записи он был обязан занести в документ под названием «форма 302».{52}

Андреас приступил к делу, не дожидаясь вопросов.

– Многое из того, что я сейчас скажу, известно очень узкому кругу лиц – мне, моему отцу Дуэйну, моему родственнику Аллену, мистеру Шафтеру и Марку Уайтекеру, одному из наших работников.

Андреас холодным тоном разъяснил ситуацию, сложившуюся в последние годы на рынке лизина. Он рассказал, что рынок контролировали японцы, пока несколько лет назад на сцену не вышла АДМ. Это вынудило японцев резко снизить цены на лизин и закрыть несколько заводов. И вдруг в ферментационных баках АДМ, вырабатывающих лизин, начались заражения. По времени это совпадало с поездкой менеджеров АДМ в Японию для ознакомления с предприятиями конкурентов и с ответным визитом японцев.

Несколько дней назад, продолжил Андреас, один из побывавших в АДМ японцев позвонил Уайтекеру с очень странным предложением. Андреас не запомнил имени этого японца, зато помнил все подробности, касающиеся подрывной деятельности компании «Адзиномото», а также запрошенных десяти миллионов долларов. После первого звонка прошло несколько недель, сказал Андреас, и все это время Уайтекер разговаривал с японским бизнесменом практически через день.

– Марк уговорил его снизить сумму до шести миллионов, – добавил Андреас, сложив руки на столе. – Три миллиона за имя саботажника и три за «супермикроб».

И все же компания испытывает опасения, сказал он. Если

АДМ заплатит за «букашек», японцы смогут возбудить иск или обратиться в газеты, обвинив АДМ в краже. Возможно, это предложение – блеф, рассчитанный на то, чтобы втянуть АДМ в противозаконную сделку и тем самым подорвать ее репутацию. {53}

– Не беспокойтесь об этом, мистер Андреас, – заверил его Стаки. – Я гарантирую вам международный иммунитет.

Шафтер подумал, что Стаки шутит, но боялся, что Андреас воспримет эти слова всерьез, и потому написал в блокноте несколько слов и подвинул его к Андреасу. Взглянув в блокнот, Андреас прочитал:

«Чушь собачья!»

Андреас не отреагировал. Шафтер убрал блокнот.

– АДМ готова пожертвовать три миллиона долларов на решение проблемы, – продолжил Андреас. – Но мы не можем платить напрямую. Если в компании действует японский «крот», он может узнать об этом. Отец сказал, что готов отдать позвонившему японцу любые деньги, если американское правительство внесет некоторую начальную сумму.

Шепард внимательно изучал Андреаса. Тот говорил кратко и деловито, обсуждая миллионную сделку с правительством как обычную проблему бизнеса.

– Мистер Андреас, – сказал Стаки, – мы знаем, кто вы и кто ваш отец. Это дело потенциально носит международный характер. Это промышленный шпионаж на высшем уровне. Мы постараемся сделать все, что в наших силах, чтобы помочь вам.

Для начала, добавил Стаки, им нужно побеседовать с Марком Уайтекером – ведь именно ему звонил этот японец.

– Вы не знаете, где живет мистер Уайтекер? – спросил Стаки.

– Я могу сказать вам точно, где он живет, – в доме, который раньше принадлежал моим родителям. Это в Моуикве.

Этот дом был своего рода символом волнующей истории жизни Уайтекера, широко известной в Декейтере. Почти всем, так или иначе связанным с АДМ, – Андреасу, Шафтеру, Рэнделлу, – Уайтекер не раз рассказывал о том, как вырос в Огайо и осиротел, когда его родители погибли в автокатастрофе, как тяжело и одиноко было в сиротском приюте, как его усыновил богатый владелец парка аттракционов Кингз-Айленд. Марк в одночасье превратился из мальчика, не имеющего ничего, в мальчика, у которого было все. Теперь, владея семейным достоянием в несколько миллионов, он мог и не работать. Устроившись в АДМ, он купил старый дом Андреасов. Коллег Уайтекера зачаровывало его богатство в сочетании с безупречной профессиональной этикой.

– Надо съездить к нему, – сказал Стаки. – Мы непременно должны записать один из его разговоров с этим японцем.

Андреас посоветовал агентам договориться об этой встрече через начальника службы безопасности АДМ Марка Шевирона, которого посвятят во все детали.

Он помолчал, пристально глядя на агентов. Есть еще один вопрос, который он хотел бы обсудить прямо сейчас, сказал Андреас. Он, разумеется, знает, какую роль сыграла АДМ в расследовании, проводившемся ФБР на Чикагской бирже.

– Не буду скрывать, мне не понравилась эта затея, когда я услышал о ней, – заявил Андреас. – Я считаю, что тайно записывать разговоры людей недопустимо. Если понадобится делать записи и теперь, я хочу, чтобы вы заранее известили об этом наших сотрудников – или, по крайней мере, меня самого.

Стаки заверил Андреаса в том, что его просьба будет исполнена. И все же она показалась ему странной. ФБР взялось помочь компании справиться с вредительством на ее предприятии. Если они и будут прослушивать служащих компании, то лишь тех, кого подозревают в саботаже. Почему это не устраивает Андреаса? Чего он боится?

ФБР. Боже, нет.

Помертвевший Марк Уайтекер сидел в своем кабинете. Мик Андреас и Марк Шевирон только что сказали ему, что агенты ФБР хотят расспросить его о звонке Фудзивары. Они недвусмысленно дали ему понять, что не доверяют ФБР, и проинструктировали Уайтекера, как себя вести.

До этого Уайтекер и не подозревал, что Андреас собирается обратиться в ФБР. Наоборот: он выслушивал указания Андреаса водить Фудзивару за нос и убедить его снизить запрошенную сумму. Все шло к тому, что АДМ заплатит японцу и на этом инцидент будет исчерпан.

Но они обманули Уайтекера. Теперь они хотели, чтобы он встретился с агентами и ответил на их вопросы.

Ответил на их вопросы… Господи помилуй!

Уайтекер потряс головой. Никогда он не испытывал такой тревоги. Узнав о предстоящем допросе, он стал протестовать, пригрозил уходом, но все было напрасно. Перспектива встречи с агентами приводила его в ужас. Они смогут много чего раскопать. Они могут докопаться до таких вещей, которые погубят его самого. И его, и АДМ.{54}

Он нервно зашагал по кабинету. И надо же, чтобы именно сейчас! Его карьера на взлете. Он глава целого подразделения. Под его руководством построен лизиновый завод. А последние

недели были особенно хороши. Компания объявила о реорганизации руководства. Мик стал вице-председателем совета директоров, а Уайтекер вице-президентом компании, одним из самых молодых за всю ее историю. На Уолл-стрит все поняли правильно: Дуэйн Андреас хочет сделать Мика своим преемником. Через несколько лет он, можно не сомневаться, будет главой АДМ, а у самого Уайтекера есть все шансы стать вторым человеком в компании – он был уверен в этом. А теперь всё под угрозой. И все из-за этого чертова допроса.

Уайтекер взглянул на телефон. Нужно поговорить с женой, с Джинджер. Она наверняка подскажет ему, как поступить.

Джинджер была всегда рядом с тех самых пор, как они подростками встретились в автобусе школы Литл Майами в Огайо. Старшая дочь в семье заводских рабочих, она была образцом стойкой породы людей Среднего Запада и держалась с королевским достоинством, готовая к любому повороту судьбы. Марка в те дни прозвали шатуном, потому что его кидало из стороны в сторону. В школьные годы он не раз пытался порвать с Джинджер, но она всякий раз возвращала его, убежденная, что ее терпение будет вознаграждено. И действительно, в 1979 году, через несколько лет после окончания школы, они поженились. Когда Марк отправился за докторской степенью в Корнеллский университет, Джинджер поехала с ним. Она не жаловалась, когда в последующие годы Марк по своей привычке прыгал с места на место – из фирмы «Ролстон пурина» в Сент-Луисе в нью-йоркское отделение «Дегассы», а оттуда в ее головную контору под Франкфуртом. Перед отъездом в Европу они усыновили двоих детей, Таню и Билли, а потом родили третьего, Александра. За год их семья выросла с двух человек до пяти.{55}

Переезд в Декейтер принес осложнения. Марк с головой ушел в новую работу и уделял семье меньше внимания, чем прежде. К тому же Джинджер чувствовала себя неуютно в обществе некоторых коллег мужа по АДМ, которые были слишком неучтивы и слишком кичились своим богатством. Но она сознавала, что работа давала Марку возможности, которые нельзя упускать. И всегда поддерживала его.{56}

И теперь, звоня домой, Марк надеялся, что разговор с женой вновь придаст ему сил.

Когда раздался звонок, Джинджер была в гостиной. Едва успев взять трубку, она поняла, что Марк в панике. Вместо обычного беззаботного веселья в его голосе слышалось отчаяние. Не дав ей сказать ни слова, он выложил ей свои страхи. По АДМ рыщут агенты ФБР, и Андреас велел ему встретиться с ними.

Она опустилась в кресло, не зная, что сказать. Ее опыт

общения с органами правопорядка был невелик, и в ее семье никто никогда не имел дела с полицией. ФБР представлялось Джинджер гигантским устрашающим монолитом, и она не удивилась, что Марк был напуган.

– Меня это очень тревожит, – признался он. – У нас тут происходит много… разного, и они могут задать неприятные вопросы.

Джинджер не понимала, на что он намекает, но предпочла не переспрашивать. Однако она была уверена, что агентам нельзя лгать.

– Что бы у вас ни происходило и в чем бы ты ни был замешан, скажи всю правду, – ответила она. – Скажи правду, какой бы она ни была.

Брайан Шепард снова посмотрел на часы. Дело шло к вечеру, и он уже устал ждать. Ему дважды звонили из АДМ, откладывая встречу с Уайтекером под разными предлогами: то он был занят, то возникли непредвиденные обстоятельства. Шепард не понимал, в чем дело, но не мог отделаться от ощущения, что происходит нечто странное.{57}

И все же для перехода к следующей стадии плана расследования требовалось поговорить с Уайтекером. План заключался в том, чтобы заманить Фудзивару в США, пообещав ему миллионы, и арестовать. Уайтекер встречается с японцем, а находящиеся рядом агенты ФБР записывают каждое слово. По этому плану, если Фудзивара сообщит имя вредителя и прочие сведения, Уайтекер вручит ему три миллиона долларов. Затем они договорятся о следующей встрече, на которой Фудзивара должен будет передать АДМ штамм иммунных микробов за следующие три миллиона. Как только он сделает это, его схватят.

Но чтобы план сработал, Шепард должен выяснить все, что Уайтекер знает о Фудзиваре. Разговор мог затянуться, а время шло. Шепард решил позвонить Дайане и предупредить, что вернется поздно.

В таком месте, как Декейтер, любой шепот может тут же отдаться по всему городу громким эхом. Если произойдет утечка информации о встрече Уайтекера с агентом ФБР, «крот» может прознать о ней, особенно если занимает достаточно высокое положение. Поэтому Джим Шафтер решил сделать все, чтобы защитить интересы своего лучшего клиента.

К концу рабочего дня он прошелся по кабинетам адвокатской конторы «Кехарт, Шафтер и Хьюз» на пятом этаже декейтерского Муниципального банка и распустил всех служащих по домам. Он

ожидает посетителей, которые предпочитают разговаривать без свидетелей, объяснил Шафтер. Все были только рады уйти пораньше, и вскоре контора опустела.

Осталось дождаться гостей. К их приходу он сварил кофе и окинул придирчивым взглядом конференц-зал. Едва персонал успел разойтись, как позвонил портье и сообщил, что Уайтекер и Шевирон ожидают в вестибюле.

Шафтер рванулся вперед. Нельзя, чтобы их здесь видели. Тянули-тянули с приходом, а потом явились раньше времени. К тому же адвоката удивил их вид: Уайтекер потел и нервничал, а Шевирон явно злился.

Никто не произнес ни слова, пока они не оказались в личном кабинете Шафтера. Уайтекер не мог сидеть спокойно и вновь принялся мерить шагами кабинет. Шафтер недоумевал.

Сказать, что он нервничает, было бы неправдой – он же психует. Что с ним?

– Марк, тебе не о чем беспокоиться, – произнес Шевирон, и было ясно, что он говорит это не в первый раз.

Уайтекер обратился к Шафтеру:

– Вы считаете, мне можно встретиться с ними?

Шафтер некоторое время молча смотрел на Уайтекера, пытаясь понять, что все это означает. Затем спокойно ответил:

– Марк, поймите: я представляю здесь компанию, а не вас. Если вам нужен законник, мы вам его дадим. Я же могу подавать советы только исходя из интересов компании, а она хочет, чтобы вы встретились с агентами ФБР и ответили на их вопросы.

Слова адвоката, казалось, не произвели на Уайтекера никакого впечатления.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Чего хочет компания, того хочу и я. Я лояльный служащий.

Минуту спустя снова позвонил портье. Прибыл специальный агент ФБР Шепард. Стоило ли стараться сохранить его визит в секрете и распускать сотрудников по домам?!

Шафтер отвел Шевирона и Уайтекера в вестибюль, а затем все прошли в конференц-зал. Помещение не имело окон и было лучшим в Декейтере местом для конфиденциальных бесед. Извинившись, Шафтер оставил гостей и вернулся в свой кабинет.

Шепарду ситуация казалась необычной. Шевирон попросил разрешения присутствовать на допросе, и эта просьба агента не устраивала. Обычно сотрудники ФБР беседовали со свидетелями с глазу на глаз. Иногда свидетель приводил адвоката, но больше никого. Так свидетель мог быть уверен, что разговор останется конфиденциальным. В этом случае конфиденциальность была особенно важна. Но Шепард решил не гнать волну. АДМ была

пострадавшей стороной, и, если она хочет, чтобы при разговоре присутствовал Шевирон, пусть будет Шевирон, он как-нибудь переживет это.

Шепард внимательно разглядывал Уайтекера. Круглое детское лицо, белокурые волосы, – прямо невинный мальчик из церковного хора. И все же Уайтекер чего-то боялся. Служащие правопорядка не удивляются такой реакции. Большинство людей так или иначе нервничают при встрече с агентами ФБР или сотрудниками прокуратуры. Может, у Уайтекера был тяжелый день. Шепард начал с того, что постарался его успокоить.{58}

– Для начала позвольте представиться, – произнес он дружелюбно. – Брайан Шепард, специальный агент ФБР.

Он протянул Уайтекеру руку. Тот в ответ протянул свою и ощутил силу рукопожатия Шепарда.

– Приветствую, – отозвался он. – Я Марк Уайтекер.

– Сегодня утром я виделся с Майклом Андреасом, и он сказал, что вы возглавляете подразделение биопродуктов. Надеемся, что вы нам поможете. Пока не знаю, во что все это выльется, но прежде всего хотел бы вас выслушать.

Они уселись. Уайтекеру стало полегче. Шепард был совсем не таким, каким он его представлял по телесериалам, где агенты ФБР, рыча и потрясая оружием, вытягивают информацию из запуганных, упирающихся свидетелей. Шепард выглядел как обычный человек и вроде был настроен дружелюбно.

Подавшись вперед, Уайтекер поведал историю о Фудзиваре. Слушая его, Шепард делал пометки в блокноте и время от времени задавал вопросы. Минут через тридцать в дверь просунул голову Шафтер, сказал, что идет домой, и попросил их отключить перед уходом кофеварку и запереть помещение.

Шепард записал в общих чертах рассказ Уайтекера о том, как АДМ пригласила представителей «Адзиномото» в Декейтер, чтобы убедить их закрыть свои заводы в Америке, и о странном телефонном звонке Фудзивары по дополнительному аппарату, установленному в доме Уайтекера и подключенному к служебной линии. Он сказал, что обсудил этот разговор с Миком Андреасом и они решили уговорить Фудзивару снизить запрашиваемую сумму. С тех пор японец звонил ему еще несколько раз.

– Он хотел, чтобы мы перевели ему деньги на номерные банковские счета в Швейцарии и на Карибах, – добавил Уайтекер.

– Когда вы разговаривали с ним в последний раз?

– Три дня назад. Он сказал, что позвонит через три-четыре дня, то есть, возможно, как раз сегодня вечером. Думаю, он насторожился из-за того, что мы еще не дали положительного ответа. Я, как мог, старался тянуть время. Но если тянуть

слишком долго, боюсь, он бросит эту затею.

Уайтекер сказал, что ждет звонка Фудзивары в этот вечер. Он упомянул и двух сотрудников АДМ, работавших прежде в компании «Адзиномото», – может быть, они и есть вредители. Шепард ответил, что ему понадобится телефонный справочник подразделения биопродуктов, чтобы связаться с этими сотрудниками. В заключение Шепард сказал, что домой к Уайтекеру наведается агент, который установит записывающее устройство для перехвата следующего звонка Фудзивары. Но для этого нужно добиться специального разрешения, на что может уйти целый день.

Трехчасовая беседа завершилась около половины девятого. Уайтекер и Шепард пожали друг другу руки.

Бизнесмен, казалось, был счастлив, что его отпускают домой.

– Теперь они угрожают моей семье! Я этого так не оставлю! – кричал Уайтекер.

Он говорил бессвязно, почти в истерике. Вернувшись от Шафтера домой, он тут же позвонил Шевирону. Тот по голосу Уайтекера сразу понял, что произошло что-то необычное.

– Марк, ты о чем? – спросил он. – Успокойся.

– Моей дочери угрожают! Я больше не стану разговаривать с Фудзиварой. Теперь все это затронуло мою семью. Это недопустимо!

Наконец Шевирон уговорил его объяснить все толком. Придя домой, сказал Уайтекер, он узнал нечто ужасное: его пятнадцатилетней дочери Тане позвонили прямо в школу-интернат в Индиане. Мужской голос с азиатским акцентом велел ей записать сообщение. Он сказал, что Фудзивара больше не будет ждать. Если он не получит своих миллионов немедленно, то с *ней* может случиться беда.{59}

Уайтекер рвал и метал. Он заявил, что не желает больше иметь ничего общего с этим расследованием. Шевирон ровным тоном пытался его утихомирить. В конце концов договорились продолжить разговор на следующий день.

Озадаченный руководитель службы безопасности повесил трубку. Вокруг дела Фудзивары проблемы росли как снежный ком. Но на этот раз в рассказе Уайтекера не было никакой логики. С какой стати японцам угрожать его дочери? И откуда они узнали, куда звонить? Невероятный ход, ход дилетанта, и как раз тогда, когда Уайтекер захотел скорейшего завершения расследования.

Шевирон решил, что Марк Уайтекер лжет.

На следующее утро, 5 ноября, Шевирон вышел из дому рано и направился сквозь серый предрассветный сумрак к изрыгавшим дым трубам АДМ. День предстоял нелегкий. Накануне вечером после звонка Уайтекера Шевирону позвонил Мик Андреас, которому Уайтекер тоже сообщил об угрозах своей дочери. Мик хотел, чтобы начальник службы безопасности утром изложил все подробности ему и его отцу.

Вскоре после того, как Шевирон появился на рабочем месте, его вызвали Мик и Дуэйн. Он рассказал им о своих сомнениях, и те решили привлечь к делу главного юридического советника Рика Рейзинга. Все утро топ-менеджеры АДМ совещались, расходились и вновь сходились.

Беседа Уайтекера с Рейзингом и Шевироном была особенно удивительной. Уайтекера попросили рассказать историю о звонке еще раз, от начала до конца. При втором изложении она звучала еще менее правдоподобно. Шевирон открыто заявил, что считает все это враньем, и своими вопросами загнал Уайтекера в угол. Как японцы вышли на его дочь? Чего ради они связались с ней? Если они хотели запугать Уайтекера, то почему не позвонили прямо ему?

В конце концов Уайтекер сдался:

– Ну ладно, ладно. Я это придумал. Прошу прощения.

Рейзинг и Шевирон смотрели на него, не находя слов. Его напугало ФБР, объяснил Уайтекер. Он не хотел участвовать в расследовании и вбил себе в голову, что если в АДМ узнают об угрозах его семье, то просто откупятся от Фудзивары или попросят агентов прекратить расследование. Так или иначе, с этим будет покончено. Теперь он понимает, что это было глупо, но он был в смятении и не мог мыслить трезво.

Уайтекер замолк, и в комнате повисла гнетущая тишина.

Рейзинг сказал, что ему надо поговорить с Шевироном наедине. Уайтекер вышел, закрыв за собой дверь.

Примерно через час президент АДМ Джеймс Рэнделл ворвался к Шевирону, кипя гневом.

– Ко мне явился Уайтекер и сказал, что ты копаешь под него и хочешь, чтобы его уволили.

Шевирон изумленно уставился на него и потребовал объяснений.

– Уайтекер как ненормальный бегает по АДМ и рассказывает о саботаже на заводе, – сказал Рэнделл.

Тайна перестала быть тайной. Шевирон спросил Рэнделла, что он об этом думает. Презрительно фыркнув, Рэнделл ответил, что Уайтекер, конечно, блестящий специалист, но он, Рэнделл, не

верит, что на заводе орудуют японцы.

– Нет там никакого саботажа, – заявил он. – Мы просто не знаем, что делать. Обычные технические проблемы.

Больше всего Рэнделла раздражала затея с покупкой у Фудзивары неведомых «супермикробов». Даже Дуэйн говорил, что все проблемы решатся, как только АДМ получит «букашек».

– Просто смешно, – заявил Рэнделл. – Непонятно даже, как перевозить чертовых «букашек» на завод – разве что заморозив их.

В следующие несколько минут Шевирон отвечал на вопросы Рэнделла. Наконец Рэнделл успокоился и ушел. Шевирон набрал Мика Андреаса и сообщил ему, что Рэнделлу стало известно о проводящемся расследовании.

– Ладно, – бросил Мик и дал отбой.

Спустя несколько часов Шевирону позвонил Шепард. Агент сказал, что к домашнему телефону Уайтекера собираются подключить прослушку. Чтобы не было лишнего шума, сказал Шепард, Уайтекеру надо связаться с агентом ФБР из Спрингфилда Томом Гиббонсом. Шевирон пообещал передать это Уайтекеру и, позвонив ему по внутреннему телефону, изложил просьбу Шепарда.

– Ладно, – отозвался Уайтекер сердито, – позвоню ему.

И бросил трубку, ничего больше не сказав.{60}

После шести часов того же дня, одетая в одно из лучших своих платьев, Джинджер Уайтекер вошла в переполненный банкетный зал «Кантри Клаб» и поискала глазами мужа. Большинство столиков были заняты, но Джинджер быстро нашла его и его гостей за одним из столиков. Увидев ее, Марк поднялся и помахал.

Этот обед планировался давно. Один из поставщиков АДМ, довольно близко сошедшийся с Уайтекером, приехал в Декейтер вместе с супругой. Узнав, что Уайтекеры любят верховую езду, он привез им в подарок дорогое седло.

Обед был изысканный и непринужденный, вино и смех лились рекой. К концу обеда Джинджер извинилась и собралась пройти в дамскую комнату. Марк протянул ей одну из своих визитных карточек.

– Вот номер телефона, о котором ты спрашивала, – сказал он.

Джинджер не поняла, о чем он говорит, но улыбнулась и взяла визитку. Выйдя из зала, она взглянула на карточку, перевернула, и ее сердце ухнуло вниз. На обороте знакомыми каракулями мужа было написано:

«Сегодня в 10 вечера к нам домой явится ФБР».

За дневной суетой Марк просто не успел сообщить об этом жене. Он вел бесконечные переговоры с агентами ФБР о времени их визита. В конце концов он согласился, что к нему придут после их возвращения из клуба. Шепард решил установить устройство сам.

«К нам домой…» По спине Джинджер пробежал холодок. Последние два дня Марк туманно намекал на какие-то проблемы. Ничего не объяснив толком, он наговорил достаточно, чтобы она разволновалась. Джинджер считала, что история с ФБР закончилась встречей накануне. А теперь они придут к ним домой, пробудут бог знает сколько времени, будут задавать вопросы… Она была напугана, как никогда прежде.

Джинджер вернулась за столик с приклеенной к лицу улыбкой. Она старалась отогнать тревогу и насладиться отдыхом в приятной компании, но не могла отделаться от мысли, что в этот момент агент ФБР где-то готовится нагрянуть к ним в дом.

Обед закончился в девять вечера. Уайтекеру пришлось отвезти гостей на служебном «линкольне» в квартиру АДМ недалеко от главного здания компании. Джинджер простилась с ними и поехала домой на своем «гранд-чероки».

Спустя несколько минут в машине раздался звонок. Она знала, что это звонит из своего автомобиля Марк. Он только что расстался с гостями и смог наконец поговорить с ней.

– Это черт знает что, – произнес он нервно. – Я прямо не знаю, что делать.

– Зато я знаю, что ты сделаешь: скажешь правду.

– Ты не понимаешь. Эти ребята посильнее правительства. Но их я боюсь меньше, чем АДМ.

– На твоем месте я бы больше боялась ФБР. Ты просто их не знаешь. И на самом деле АДМ по сравнению с ФБР – просто ничто.

По мнению Джинджер, АДМ была просто одной из множества компаний. Но Марк возразил: она не представляет, насколько АДМ могущественна и на что способна.

– Я расскажу Брайану Шепарду все, что знаю, а назавтра меня уволят. АДМ никакое правительство не страшно.

Джинджер вздохнула:

– Марк, у тебя нет выбора. Не трясись перед начальством. Ты должен все рассказать.

В этот момент она проехала большой деревянный щит с красной надписью: «Добро пожаловать в Моуикву, единственную и неповторимую» – и медленно повернула на Мейн-стрит. Нервозность супруга передалась и ей.

– Марк, – спросила она, пряча тревогу, – ты нарушал закон?

– Нет, – ответил он сразу, – никаких законов я не нарушал.

– Мне все равно, нарушал или нет, – сказала она, – но ты должен рассказать мне обо всем.

– Джинджер, говорю тебе, я не делал ничего противозаконного. Я не нарушал закон. Точно.

Наступило молчание. Джинджер сказала, что подъезжает к дому.

– О'кей, – отозвался Марк. – Скоро увидимся.

Отключив телефон, Джинджер выехала на подъездную дорожку и остановилась у входа. Надо посмотреть, как там дети, и отпустить прислугу домой. После этого оставалось только ждать вместе с мужем прибытия агента.

История Моуиквы началась с больших надежд, которые обернулись трагедией.{61} Городок основал в 1852 году владелец местной лесопилки Майкл Снайдер, и в течение тридцати лет он рос понемногу. А в 1886 году в Иллинойсе обнаружились крупные залежи каменного угля, в Моуикву потекли деньги, и городок преобразился. Казалось, его ожидает головокружительный взлет.

Накануне Рождества 1932 года, в разгар Великой депрессии, всем надеждам пришел конец. В этот день под землей трудились десятки шахтеров, добывая уголь кирками и лопатами. Многие трудились сверхурочно, надеясь заработать несколько лишних долларов, чтобы оплатить рождественские подарки.

Никто не заметил, как шахта наполнилась метаном. Горняки пользовались карбидными лампами с открытым огнем, и их пламя вызвало взрыв. Тех, кто не погиб сразу, похоронило под тоннами земли. Пятьдесят четыре шахтера погибли, оставив в поселке тридцать три вдовы и семьдесят осиротевших детей.

Из-за катастрофы шахты закрылись на долгие годы. Моуиква пришла в упадок, а большие ожидания сменились нищетой. От времен удачи и безграничных перспектив сохранились лишь отдельные дома и постройки, напоминавшие о былой роскоши.

Главной достопримечательностью Моуиквы была Старая усадьба – георгианский колониальный особняк Майкла Снайдера среди полей кукурузы. В эпоху процветания дом расширили, пристроили портики и колонны высотой в два этажа. Перейдя в АДМ, Дуэйн Андреас купил особняк, связав тем самым Моуикву с развивающимся Декейтером. Эта связь не прервалась, когда в 1989 году в компанию пришел Марк Уайтекер, и, казалось, Старой усадьбе суждено на долгие годы остаться вехой истории Моуиквы и ее тысячи девятисот жителей.

Поэтому в тот прохладный осенний вечер Брайан Шепард не сомневался, что без труда найдет Старую усадьбу. Дорогу к этому

дому, стоявшему в четверти мили от Мейн-стрит, мог указать любой.

Около десяти вечера Шепард доехал до мигающего красного фонаря в центре Моуиквы и повернул направо, на запад. Потянулся ряд современных домов, а за ними высокие клены и густой кустарник, скрывавшие дом Уайтекера. В просветах среди густой листвы замелькали белые колонны, навесы и плоские крыши двухэтажного особняка. Наконец деревья расступились, и взгляду Шепарда открылся ярко освещенный изнутри дом. Проехав черные ворота, укрепленные на кирпичных колоннах, Шепард притормозил у входа.

Тем временем в спальне Марк и Джинджер уже полчаса обсуждали предстоящий визит агента. Марк отчасти объяснил жене создавшуюся в АДМ обстановку, и она еще больше утвердилась во мнении, что следует рассказать агентам все начистоту.

– Просто расскажи им все, – убеждала его Джинджер. – А потом мы уедем. Ничего хорошего тебя в этой компании не ждет. Сейчас как раз подходящий момент, чтобы куда-нибудь переехать.

Марк, сидевший на кровати, поднял голову:

– Возможно, я кое-что и расскажу, но не все. Пока что предпочитаю держать сторону АДМ.

Лицо Джинджер выражало решительность.

– Марк, – заявила она, – если ты не расскажешь, это сделаю я.

Наступило молчание. Марк смотрел на жену и чувствовал, что он не готов к откровенному разговору. Чтобы решиться, ему требовалось время.

– Не могу, – произнес он мягко. – Пока не могу.

По окнам спальни скользнул свет автомобильных фар.

Марк и Джинджер спустились на первый этаж.

Шепард тихо постучал, и Марк открыл дверь. Шепард был одет в брюки защитного цвета и ветровку поверх спортивной рубашки. В руке у него был кейс с записывающим устройством.

– Добрый вечер, мистер Шепард, – сказал Марк.

– Зовите меня Брайан, – отозвался агент.

Марк пригласил его зайти и представил жене. Тот пожал ей руку, извинился за поздний визит и пообещал, что управится за несколько минут.

Шепард видел, что супруги нервничают. Марк нервничал. Нервничал еще больше, чем в прошлый вечер. Может, они успокоятся, когда он установит «жучок» и уедет.

– Где телефон, на который поступают звонки? – спросил Шепард. Он имел в виду служебную линию АДМ, о которой говорил Марк.

– Наверху, – ответил тот.

Он проводил Шепарда в большую комнату по соседству со спальней и показал небольшой набор устройств с телефоном и факсом. Шепард вынул записывающее устройство и подключил его к телефону.

Джинджер стояла у подножия лестницы, напрягая слух. Она хотела удостовериться в том, что Марк раскроет агенту правду.

Но не прошло и пяти минут, как Шепард попрощался с хозяевами, извиняясь за вторжение. Марк открыл дверь, Шепард вышел на террасу.

Джинджер посмотрела на мужа.

– Ты скажешь ему? – спросила она мягко. – Или мне сказать?

Марк ничего не ответил и попытался закрыть дверь. Шепард был уже около своей машины.

Джинджер решительно отодвинула мужа в сторону и распахнула дверь.

– Брайан! – окликнул агента Марк.

– Да? – поднял голову Шепард.

Марк сделал несколько шагов в его сторону:

– У вас найдется минутка?

Они сидели в темноте.

Уайтекеру не хотелось говорить в доме. Недавно дорожные рабочие раскопали целую сеть телефонных кабелей, подходивших к дому, – очевидно, все это осталось еще со времен Дуэйна Андреаса. Марк и Джинджер опасались, что компания каким-то образом может их подслушать. Машина Шепарда была едва ли не единственным местом для конфиденциального разговора.

Шепард сидел на водительском месте, Уайтекер рядом с ним. Двигатель молчал; их овевала свежая вечерняя прохлада.

– Я знаю кое-что о том, что происходит у нас в АДМ, – сказал Уайтекер. – Но если я расскажу вам об этом, против меня не выдвинут обвинение?

Такое начало удивило Шепарда. Уайтекер говорил как участник преступления, а не как свидетель или жертва.

– Я не могу гарантировать вам неприкосновенность, – ответил агент. – Если вы сообщите мне об участии в преступной деятельности, я должен буду доложить окружному прокурору.

Уайтекер молчал, уставившись в пространство перед собой.

– Все, что я рассказал вам вчера о Фудзиваре, правда, кроме одной вещи, – произнес он. – Кроме того, что он никогда не звонил мне по служебной линии.

Шепард удивленно посмотрел на Уайтекера:

– Почему же вы сказали мне неправду?

– Дело в том, что еще до разговора с вами я встречался с Миком Андреасом и Марком Шевироном, и они велели мне сказать, что звонок поступил на служебный аппарат, а не на домашний.

– Почему? В чем разница?

Уайтекер вновь замолк. Отступать было поздно. И он принял решение.

– Понимаете… я собираюсь сообщить вам нечто очень важное. Попытка вымогательства просто чепуха по сравнению с этим.

Шепард молча ждал продолжения.

– Речь идет о фиксировании цен на лизин,[33] – сказал Уайтекер. – Я несколько раз встречался с нашими японскими и корейскими конкурентами с единственной целью – договориться о ценах. Компания давала мне указания сделать это. – Помолчав, он добавил: – Никто не имеет представления о том, какой политики придерживается АДМ в делах. Их девиз: «Конкуренты – наши друзья, а клиенты – враги».

Шепард записал эту фразу, напрягая зрение в темноте. Его мысли лихорадочно заметались. Ему еще не приходилось участвовать в расследовании ценового сговора. Он даже не был уверен, занимается ли ФБР такими делами.

– Они хотели, чтобы я сказал, будто Фудзивара звонил по служебному телефону, потому что переговоры о фиксировании цен я веду по домашнему.

Уайтекер знал, что ФБР собирается проверить, кто из сотрудников АДМ чаще других звонит в Японию, – это мог быть «крот».

– Вот я и испугался, – объяснил он. – Ведь никто не разговаривает с японцами чаще, чем я. А я договариваюсь с ними о ценах.

Если Шепард раскопает ценовой сговор, добавил Уайтекер, именно он, Марк, станет козлом отпущения, а что он действовал по приказу начальства, никто не примет во внимание.

Шепард обдумывал сказанное Уайтекером.

– А кто именно приказал вам принять участие в переговорах? – спросил он.

– Я занимаюсь этим под руководством Мика Андреаса и Дуэйна Андреаса, – ясным голосом ответил Уайтекер.{62}

Джинджер, одетая в ночную рубашку и халат, смотрела на спящего семилетнего сына Алекса. Она поплотнее укрыла его одеялом и подошла к окну. Отсюда была видна машина Шепарда.

Они все еще разговаривали. Первые же слова Марка,

услышанные ею из дверей, убедили ее, что Марк наконец решился выложить правду. Одно зрелище того, как муж разговаривает в автомобиле с агентом, прогнало страхи недавних дней.

Она вышла в коридор. Наверное, скоро их сыну больше не придется засыпать в этой спальне. После сегодняшнего разговора они вряд ли долго пробудут в Моуикве. Марку наверняка придется искать другую работу, и семья переедет на новое место.

Разговор длился несколько часов. Шепард записывал кое-что из рассказанного Марком, но гораздо меньше, чем накануне. Неожиданное признание Уайтекера застало его врасплох.

Постепенно Уайтекер вошел во вкус и, помимо сговора о ценах, раскрыл агенту и другие тайны АДМ.

– Мы крадем микроорганизмы у других компаний, – сообщил он. – Наш президент Джим Рэнделл рассказал мне об этом все.

Одной из обворованных компаний, сказал Уайтекер, была «Интернэшнл минералс» из штата Индиана. Рэнделл сообщил, что АДМ подкупила сотрудника этой корпорации Майкла Фрейна. Во время первого разговора с Шепардом он нервничал еще и поэтому, признался Уайтекер. Он подозревал, что Шевирон присутствует при встрече для того, чтобы Марк не сболтнул лишнего.

Но и это не все. Несколько месяцев назад Рэнделл велел Уайтекеру составить список служащих американского отделения компании «Адзиномото» в Эддивилле, штат Айова.

– Когда я принес Рэнделлу список, он сказал, что по заданию Шевирона несколько женщин подружились кое с кем из этих служащих. Он приказал мне составить вопросы, которые эти женщины могли бы задать служащим из списка.

Шепард поднял голову. Женщины? Неужели АДМ нанимает проституток для промышленного шпионажа?

– А как они называли этих женщин?

Уайтекер посмотрел на агента непонимающе:

– Они говорили просто «женщины».

Эти секреты и были причиной того, что руководители АДМ обратились к ФБР с такой неохотой, объяснил Уайтекер. Они, по-видимому, считали, что если вовремя прекратить расследование, то Шепард ни до чего не докопается. Поэтому было решено, что Уайтекер должен поскорее отделаться от Фудзивары.

– Сегодня я говорил с ним и велел не звонить мне, пока обстановка не разрядится.

Шепард время от времени заводил машину и включал обогреватель. Он позвонил жене и предупредил, что вернется поздно. Затем он вновь обратился к Уайтекеру, который из

упирающегося свидетеля постепенно превращался в заинтересованного союзника.

– Вы не дадите мне диктофон? – спросил Уайтекер. – С ним я мог бы подтвердить все, о чем рассказал.

Пока нет, ответил Шепард. Для этого требовалась санкция сверху. Но Уайтекеру не терпелось добыть доказательства своей правоты, и он добавил, что готов пройти испытание на детекторе лжи. Свой рассказ он закончил около двух ночи.

– Благодарю вас за то, что вы все честно рассказали, – сказал Шепард. – Вы поступили правильно. Я должен обсудить это с руководством, а потом мы обязательно встретимся снова.

Уайтекер выразил опасение, что Шепард начнет расспрашивать сотрудников АДМ, чтобы найти подтверждение полученной от него информации. Агент успокоил его, сказав, что рассматривает их разговор как строго конфиденциальный.

– Завтра на работе ведите себя как обычно и сообщите о моем визите. Скажите, что я установил прослушку и сразу уехал.

Уайтекер кивнул и выбрался из машины. Шепард смотрел, как он входит в дом, затем включил зажигание. Сделав круг по подъездной аллее, он повернул налево, в Декейтер, чей самый именитый житель, Дуэйн Андреас, стал объектом уголовного расследования.

Спавший рядом с женой Дин Пейсли проснулся первым. На туалетном столике надрывался телефон. Пейсли откинул простыни и голым прошлепал к телефону.

– Дин? Это Брайан.

Пейсли встряхнулся, прогоняя сон.

– Что случилось, Брайан?

– Я только что разговаривал с Уайтекером. – Шепард помедлил. – За всем этим кроется гораздо больше, чем мы думали.

Глава 3

На следующее утро, в пятницу, ровно в 9.30, на столе ASAC спрингфилдского офиса ФБР Джона Хойта запищал зуммер интеркома. Звонил Дон Стаки, сообщивший, что прибыл Шепард, чтобы доложить о разговоре с Уайтекером. Хойт вышел в холл. Он хотел собрать других руководителей, чтобы те выслушали рассказ Шепарда.

В то утро по спрингфилдскому офису словно пропустили мощный заряд тока. Тех крох информации, которые сообщил Дин Пейсли, было достаточно, чтобы понять, что Шепард столкнулся с чем-то неординарным. Именно этого отделению так не хватало. Все самые громкие дела неизменно доставались чикагцам, и потому у агентов в Спрингфилде выработался своего рода комплекс неполноценности. Время от времени в штаб-квартире ФБР раздавались голоса, что можно обойтись и без их отделения. Если то, что сообщает Пейсли, подтвердится, критики умолкнут, а боевой дух спрингфилдских агентов поднимется, – видит Бог, они давно в этом нуждались.

Хойт известил главного юридического советника отделения Кевина Корра и Боба Андерсона, который обычно курировал расследования, связанные с «беловоротничковой» преступностью. Не прошло и минуты, как все трое были на пороге большого, обшитого деревянными панелями кабинета Стаки. Кроме Стаки, сидевшего в коричневом кожаном кресле, на одном конце дивана с такой же обивкой устроился Пейсли, а рядом примостился Шепард. При появлении троицы во главе с Хойтом Пейсли поднял голову:

– Присаживайтесь, парни.

Хойт присел и взглянул на Шепарда. Тот выглядел далеко не лучшим образом. Он и в обычные-то дни был слегка помятым, а сегодня выглядел и вовсе изможденным. Хойту пришло на ум сравнение с оленем, застигнутым на дороге светом автомобильных фар.

Пейсли открыл совещание.

– Как известно большинству из вас, Брайан встречался вчера вечером с Марком Уайтекером из АДМ, – сказал он. – Но свидание прошло не совсем так, как ожидалось.

Все посмотрели на Шепарда.

– Брайан, не расскажешь нам, как все было?

Шепард заглянул в свои записи:

– Ну, вы знаете, что вчера я отправился к Уайтекеру домой, чтобы установить «жучок» на телефонной линии.

Несколько минут Шепард довольно бессвязно излагал события предыдущего вечера, перескакивая с одного на другое. Он и прежде не блистал лаконизмом и ясностью, а недосып сделал его речь еще сбивчивее. Вместо того чтобы просто передать слова Уайтекера, он все время съезжал на описание обстоятельств разговора и душевное состояние беседовавших. Слушатели вздыхали.

– Разговор состоялся поздно вечером, – говорил Шепард, – можно сказать, даже ночью. Мы все время сидели в машине, все три или четыре часа, и в полной темноте. Делать записи было очень трудно. А у меня была назначена еще одна встреча на сегодняшнее утро, и…

– Брайан, – прервал его Стаки, – начни с начала и расскажи нам четко и ясно, что происходило и что говорил Уайтекер.

Подталкиваемый и направляемый наводящими вопросами, Шепард поведал свою историю. Он сказал, что сначала Уайтекер боялся разоблачения – был напуган до смерти, по его словам. Затем он изложил все, услышанное от бизнесмена, – от сговора о ценах и кражи микробов до попыток сбить ФБР со следа.

Руководители озадачились. Пока что было неясно, какие обвинения можно предъявить верхушке АДМ. То ли препятствование отправлению правосудия, выразившееся в сговоре с целью ввести в заблуждение ФБР, то ли перевозку краденого, то есть микробов, из одного штата в другой. Но в любом случае было ясно, что нечто противозаконное имело место.

Марк Шевирон тоже был потенциальной проблемой, сказал Шепард. Начальник службы безопасности живо интересовался тем, как идет расследование вымогательства Фудзивары и даже напросился встретиться в этот день с руководителями спрингфилдского офиса ФБР. Все понимали: говорить с Шевироном придется крайне осторожно, чтобы он не догадался о том, что дело приняло новый оборот.

Пока остальные обсуждали тактику беседы с Шевироном, Шепард смотрел в окно, где виднелся купол законодательного собрания штата. Он не скрывал тревоги. Признания Уайтекера выбили его из колеи. Он понимал, что придется проводить расследование, но делать это ему не хотелось. Шепард жил в Декейтере уже десять лет и влился в местное общество. Он ходил в ту же церковь, что и сотрудники АДМ, их дети играли вместе. Он не представлял, как можно выступить против компании и оставаться жителем города, которым компания фактически владела. Что будет с его семьей?

Хойт заметил, как завертелись колесики в голове агента, и

решил после совещания взять подчиненного в оборот и выяснить, что его гложет.

Шепард закончил свое «краткое сообщение» через час с лишним. Несколько секунд в кабинете стояла тишина. Наконец Стаки нарушил ее.

– А знаете, – сказал он, – я не удивлен.

Он рассказал, как много лет назад, молодым агентом, участвовал в расследовании Уотергейтского дела. Стаки не забыл, что взлом штаб-квартиры демократов был совершен на деньги Дуэйна Андреаса. Это вызвало у него подозрения в отношении АДМ, хотя Андреасу он их не высказывал. Руководители компании работают на грани закона, сказал он. И теперь его команде предстоит проверить, не переступили ли они эту грань.

Стаки распределил поручения.

– Брайан, постарайся отдохнуть, но не забудь занести свой разговор с Уайтекером в «форму триста два».

Андерсон должен был отправить в управление ФБР телетайпное сообщение с описанием этого дела. Шепарду вместе с юрисконсультом Корром следовало внимательно просмотреть законы против фиксирования цен и установить роль ФБР в расследовании таких нарушений.

– Когда вы с этим закончите, мы соберемся еще раз и решим, что предпринять, – сказал Стаки.

Он распустил сотрудников, и те разошлись. Работы было много. В первую очередь надо было изучить все, касающееся фиксирования цен.{63}

Закон, запрещавший ценовой сговор, существовал в США уже сто два года – по крайней мере, на бумаге.

Он был закономерным результатом промышленной революции в эпоху расцвета капитализма, когда выявились и его худшие стороны. Постройка трансконтинентальных железных дорог, вызвавшая стремительное развитие промышленности, энергетики и финансов, изменила жизнь с головокружительной быстротой. Никогда прежде перспективы не казались столь безграничными, – перспективы путешествий, экономического роста, национального превосходства.

Но все эти успехи достались дорогой ценой. Промышленные бароны-разбойники вроде Дж. П. Моргана и Джона Рокфеллера[34] создали гигантские корпорации-империи, называемые трестами. Цены на продукцию устанавливались не в конкурентной борьбе, а на переговорах за закрытыми дверями. Постепенно американская мечта о равных возможностях становилась фикцией. Впервые со всей очевидностью открылось,

что свободный рынок, если предоставить ему полную свободу, становится полностью несвободным и подчиняется прихотям сильных мира сего.

Возмущенные политикой трестов, лавочники и мелкие оптовики возроптали. Ропот был таким громким, что в 1890 году Конгресс принял антитрестовский закон Шермана, который запретил любые сговоры, «препятствующие торговле и коммерции», под угрозой штрафа или тюремного заключения.{64} Казалось, что интересы общества одержали победу над трестами.

Но радость была недолгой. Закон оказался таким немощным, что подвергся осмеянию. Формулировки были неточны и позволяли применять его лишь в отдельных случаях. В законе имелось столько дыр, что его прозвали «Акт о швейцарском сыре». Толку от него не было почти никакого, – с таким же успехом можно было его не принимать вовсе.

Затем на рубеже веков пришла Прогрессивная эпоха.[35] Американцы полностью осознали, что условия, позволяющие богатеть лишь немногим, сулят остальным нищету. Детский труд, тяжелые рабочие условия, недоброкачественное питание – таковы были побочные эффекты неограниченного капитализма и наивной веры в благие намерения корпоративных деспотов.

Но эти настроения пришедший в Белый дом Тедди Рузвельт[36] решил обратить в политический капитал. В феврале 1902 года он попытался влить новую кровь в издыхающий закон Шермана, возбудив иск против железнодорожной дороги «Нортерн секьюритиз», которая входила в империю Дж. П. Моргана. Четыре года спустя правительство, используя закон Шермана, возбудило иск для расформирования детища Рокфеллера «Стандард ойл». К 1911 году с решением Верховного суда о расформировании некогда могущественного нефтяного треста верховенство закона стало неоспоримым.

В последующие годы ценовой сговор стал самым частым обвинением, выдвигаемым на основе закона Шермана. Схема была проста. Возьмем две компании, выпускающие стиральные машины. Если качество машин одинаковое, одна компания может соревноваться с другой, манипулируя ценами. Чтобы привлечь покупателей, она снижает цену, и тогда ее конкурент вынужден сделать то же самое. Теоретически такая конкуренция на руку покупателям и тем компаниям, у которых производство налажено лучше.

Но при ценовом сговоре все меняется. Условившись поддерживать цены на одинаково высоком уровне, компании часто договариваются и о разделе рынков сбыта, о том, где и кому именно они будут продавать свой товар по условленной

цене. При таком раскладе покупатели бессильны. Куда бы они ни сунулись и что бы ни предпочитали, цены остаются такими, какие устраивают производителей, действующих в обход правил, установленных капиталистической системой.

Фиксирование цен разрушало рынок, и в начале XX века Верховный суд признал его незаконным независимо от того, какими мотивами руководствуются предприниматели. В результате ценовой сговор и другие подобные ему нарушения стали основным объектом применения антитрестовского закона.

Но обвинить в сговоре мало – нужно его доказать. Эти договоренности заключались втайне, и потому государство могло выявить нарушителей лишь на основании сложного экономического анализа. Зачастую для изучения документации и допроса свидетелей приглашали агентов ФБР. Однако установить факт фиксирования цен было, как правило, не легче, чем подтвердить существование черных дыр в космическом пространстве. Ни то, ни другое невозможно увидеть и пощупать, и приходится полагаться на наблюдения за порожденным ими изменением окружающих условий. За всю историю применения антитрестовского закона нарушители крайне редко добровольно соглашались сотрудничать с властями и доносить на своих соучастников.

Изучив развитие событий вплоть до 1992 года, Шепард и Корр поняли, что свалившееся на них дело может стать единственным в своем роде. Марк Уайтекер был редкой птицей. Сотрудничество с ним следовало непременно продолжать, но очень осторожно.

В то утро Уайтекер, стараясь выглядеть непринужденно, вошел в ангар декейтерского аэропорта, где стояли самолеты, принадлежащие АДМ. Его ждал измотанный Джим Рэнделл. Они должны были лететь в Северную Каролину для проверки нового завода. Рэнделл любил начинать дела с раннего утра и злился на Уайтекера за задержку. К тому же ему велели передать Уайтекеру, чтобы тот перед вылетом позвонил в офис компании. И еще неизвестно, насколько придется отложить вылет из-за этого звонка.

– Салют, Марк, – проворчал Рэнделл. – Позвони Шевирону. Ему не терпится поговорить с тобой.

Сердце Уайтекера ушло в пятки. Неужели Шевирон уже знает о том, что он все рассказал Шепарду?

– А что ему надо?

– Откуда я знаю? Иди и звони.

Уайтекер кивнул и направился к телефону. Секунды текли

как вечность. Сначала он набрал служебный номер Шевирона, но того не оказалось на месте. Он звонил и звонил, а в ангаре кипятился Рэнделл. Наконец Уайтекер поймал Шевирона у него дома.

– Как прошла вчерашняя встреча? – спросил Шевирон.

У Марка отлегло от сердца. Похоже, тот ничего не знал.

– Нормально. Брайан Шепард установил записывающее устройство.

– На служебной линии?

– Ну да. Он велел мне записать разговор с Фудзиварой, если тот позвонит.

Шевирон помолчал. Ему не верилось, что ФБР предоставило самому Уайтекеру решать, что именно записывать. Скорее всего, Шепард установил там и «жучок», чтобы прослушивать переговоры.

– Сделай это обязательно, – предупредил его Шевирон. – Может, они проверят, выполнил ты их указание или нет.

Подтекст был ясен. Шевирон не доверял Уайтекеру. Он что-то заподозрил.{65}

В то же самое время в Лунде Харальд Скогман, служащий шведской сельскохозяйственной компании «Эй-би-пи интернэшнл», просматривал текст договора, присланный АДМ. По договору АДМ обязывалась выплатить шведам три миллиона долларов за микробы для производства треонина, новой кормовой добавки.

Скогман захлопнул папку с договором и положил ее на стол. Управляющий «Эй-би-пи» Леннарт Торстенссон подписал документ два дня назад. Вчера Скогман отправил две копии с курьером Рику Рейзингу, а вечером позвонил Уайтекеру и сообщил об этом. Американцы тоже должны были уже подписать его, но ответа от них пока не поступало.

Скогман потянулся к телефону, чтобы поторопить Уайтекера. Созваниваться пришлось несколько раз, но наконец договор был готов и подшит к делу. Так этот документ, на первый взгляд малозначительный, и пролежал на полках двух компаний почти три года, никем не востребованный. Пока что никто не осознавал чрезвычайной важности этого туманного документа в разворачивающемся расследовании дела АДМ.{66}

Шепард сидел на диване в кабинете Хойта. Он скрывал беспокойство затеянным в тот день делом, но от Хойта ничего нельзя было утаить, и тот потребовал объяснений.

– Ну, просто мне кажется, что я не очень подхожу для этого.

И признался, что ему будет трудно жить в Декейтере, одновременно занимаясь расследованием дела АДМ.

– И потом, расследование наверняка будет масштабным, и одному человеку все равно с ним не справиться. Пусть его ведут другие, а я буду на подхвате, введу в курс дела, познакомлю с нужными людьми – с Уайтекером, например. А сам займусь текущими делами – их ведь никто не отменял.

Хойт внимательно наблюдал за Шепардом. У него создалось впечатление, что подчиненный слабоват. Очевидно, он, как и многие агенты, долго просидевшие в захолустном отделении, привык иметь дело с мелкими повседневными преступлениями. Крупное дело его пугало.

Но Брайан Шепард был хорошим сыщиком и подходил для ведения расследования больше всех. Для рутинных дел агентов подыскать нетрудно, а такого, кто знал бы город так же хорошо, как Шепард, – вряд ли. Кроме того, Уайтекер уже проникся доверием к Шепарду и сообщил ему ценную информацию. Если к нему явится новый агент, он может замолчать и закрыться, как улитка в раковине.

Хойт наклонился к Шепарду:

– Брайан, никто в ФБР не знает эту компанию лучше тебя. Это сильный козырь, и мы должны им воспользоваться. Я уверен на все сто, что ты справишься. И ты будешь не один. Сильнее ФБР в Америке нет никого, а мы не бросим тебя в трудный час.

Шепард кивнул. При всех своих сомнениях он знал, что, пока за ним стоит Бюро, он может рассчитывать на любую поддержку. Он не одинок. Его начальник лишь подтвердил, что в его распоряжении все ресурсы правительства.

Время показало, что оба они были слишком оптимистичны.

– Мы не хотим, чтобы ФБР рылось в шкафах.

Шевирон был в кабинете Стаки и заявил это, глядя в глаза SAC спрингфилдского офиса Бюро. Его беседа с сотрудниками ФБР началась в 14.30. В ходе разговора он все время упирал на то, как беспокоит компанию это расследование. Отчасти, сказал он, это объясняется последствиями неудачной операции ФБР на товарной бирже несколько лет назад.

– Из-за этого пострадала наша репутация, а вы удивляетесь, что мы относимся к сотрудничеству с ФБР без энтузиазма. Репутация нам важнее, чем пара-тройка миллионов, уплаченных вымогателю.

Поэтому компания хочет заранее договориться об определенных ограничениях расследования, объяснил Шевирон. Без этого она не сможет сотрудничать с ФБР.

– Дуэйну Андреасу не нравится, что ФБР будет собирать данные о верхушке АДМ, – сказал он. – И мы не даем согласия на прослушивание телефонных разговоров.

Агенты слушали Шевирона очень внимательно. Из сведений, полученных от Уайтекера, они поняли, что за словами начальника службы безопасности может стоять многое. Нежелание давать разрешение на прослушивание деловых переговоров естественно. Но правда могла заключаться в опасениях АДМ, что агенты подслушают и раскопают и фиксацию цен, и другие сговоры.

Стаки заверил Шевирона, что ФБР интересует единственный служебный телефон – тот, что установлен в доме Уайтекера.

– Теперь я верю рассказу Уайтекера о звонке Фудзивары, – кивнул Шевирон. – Только учтите, что он – молодой ученый, и к тому же параноик. Все это сильно подействовало на него. – Он окинул взглядом присутствующих. – Для нас главное – чтобы дело не страдало. Мы вовсе не хотим, чтобы наши служащие занимались этим расследованием в ущерб своим основным обязанностям. Овчинка выделки не стоит. Поэтому, если вы собираетесь продолжать расследование, мы должны знать, что происходит.

Ответ Стаки был образцом дипломатии:

– Мы понимаем вашу обеспокоенность, но поймите: служащий, подавший жалобу, вовсе не обязан участвовать в расследовании. Если вскрылось нарушение закона, мы обязаны его расследовать, независимо от того, будете вы сотрудничать с нами или нет. Мы по возможности постараемся держать вас в курсе, но всего раскрыть вам не сможем.

Собеседники перешли к обсуждению мер, которые следует предпринять в связи со звонком Фудзивары. Кевин Корр вручил Шевирону проект соглашения между АДМ и ФБР. В нем говорилось, что ФБР передаст компании три миллиона долларов на проведение операции по разоблачению Фудзивары. Если деньги по той или иной причине пропадут, АДМ обязуется возместить ФБР всю сумму в течение двенадцати часов. Шевирон заявил, что с проектом должны ознакомиться юристы компании, после чего будет дан ответ.

На этом встреча закончилась. Шевирон встал и обменялся с агентами рукопожатиями, улыбками и уверениями в нижайшем почтении. Позиция Шевирона была ясна: как бывший полицейский, он понимал, что закон есть закон. При всех расхождениях с ФБР по этому делу в целом он был свой парень.

Стаки проводил Шевирона до лифта и с улыбкой открыл перед ним стеклянную дверь. Войдя в кабину, Шевирон уехал

вниз.

Шепард собрал записи, сделанные во время беседы. Стаки просил его сразу же, пока детали свежи в памяти, перенести их в «форму 302». Он знал, что в будущем кому-нибудь из них скорее всего придется давать показания о состоявшейся встрече.{67}

В тот же день Уайтекер, вернувшись из Северной Каролины, прошел прямо в кабинет и, взяв телефонную трубку, соединился с голосовой почтой компании, чтобы прослушать поступившие на его имя сообщения.

Одним из первых было сообщение от Джинджер с просьбой позвонить домой. Она звонила ему на работу лишь в экстренных случаях, и Уайтекер встревожился.

Что там еще случилось?

Он набрал номер домашнего телефона.

Едва Шевирон уселся за стол, в его кабинет влетел Уайтекер.

– Ты говорил мне, что они подключатся только к одной линии! – заорал он.

Объяснения Шевирону были не нужны. Было ясно, что речь идет о ФБР.

– Они и подключились только к одной.

– Неправда. Неправда! Я только что говорил с Джинджер. Ей позвонила какая-то Реджина из Континентальной телефонной компании и сказала, что обе наши линии прослушиваются. Мой домашний телефон прослушивается.{68}

Шевирон изумленно уставился на Уайтекера. Сущий бред. Телефонные компании не звонят своим клиентам с предупреждениями о том, что к их линии подключилось ФБР.

– Марк, этого не может быть. Я только что был у них и разговаривал именно об этом. Они заверили меня, что подключились только к служебной линии.

– Они врут! С какой стати эта Реджина стала бы звонить, будь это враньем?

Шевирон с трудом сдерживался. Он был по горло сыт фортелями Уайтекера. Все это, несомненно, такая же выдумка, как угрозы его дочери. Он вежливо намекнул, что не верит Уайтекеру.

– Тогда позвони моей жене – или, еще лучше, этой Реджине из телефонной компании. Они тебе скажут, был звонок или нет.

Шевирон холодно посмотрел на него:

– Хорошо, Марк, обязательно позвоню. – Он продолжал так же холодно в упор рассматривать Уайтекера. Тот, не сказав ни слова, повернулся и вышел.

Новость облетела руководство АДМ за час. Забеспокоились все. Шевирону велели пригласить Рейзинга и расспросить Уайтекера толком.

– Но этого не может быть! – кипятился Шевирон. – Я только что виделся с SAC спрингфилдского офиса ФБР, и он заверил, что они подсоединились только к одной линии, к служебной.

Шевирон стоял на своем, и это было неосмотрительно. Что бы он ни думал об Уайтекере, молодой ученый был выше его по положению в компании и возглавлял одно из самых важных подразделений АДМ. И вот ему, начальнику службы безопасности, приходится доказывать руководству, что их любимчик-вундеркинд – злостный выдумщик. А между тем это всего лишь слова Дона Стаки. Вернувшись в кабинет, Шевирон решил проверить историю со звонком. Он набрал номер домашнего телефона Уайтекера.

– Приветствую, это Марк Шевирон из АДМ. Ваш муж сообщил мне о полученном вами звонке. Я хотел бы уточнить, кто звонил.

– Это была оператор Континентальной телефонной компании. Она назвалась Реджиной.

– И что ей было нужно?

– Она сказала, что в обязанность компании входит предупреждать клиентов в том случае, если на их линии установлено какое-либо устройство.

Шевирон задал еще несколько вопросов и простился с Джинджер. Ее слова совпадали с рассказом мужа. И все же Шевирон не мог этому поверить. Бессмыслица. Никогда телефонные компании не извещают клиентов о прослушке.

А если это правда, то почему лжет ФБР?

Вечером Шепард снова отправился к Уайтекеру. Накануне тот был сам не свой и не знал, как предстать назавтра перед коллегами. Ему казалось, что все догадываются о его предательстве. Поэтому Шепард решил расспросить Уайтекера, как прошел день. Важно было показать ему, что он не одинок.

Уайтекер вышел навстречу. Он был спокоен – похоже, что страхи его прошли, как только он выпустил пар, и больше не проявлял тревоги об установленной в его доме прослушке. Уайтекер провел Шепарда в восьмиугольную комнату с выходом к бассейну. Огромное помещение с камином и роялем было заставлено мебелью. Раньше здесь был амбар, сказал Уайтекер.

Сегодня, когда волнения улеглись, беседовать было легче. Достав блокнот, Шепард стал расспрашивать Уайтекера, что он делал в этот день. Марк рассказал ему об утреннем разговоре с Шевироном, о поездке с Рэнделлом в Северную Каролину и о том,

как они с Рейзингом дорабатывали контракт со шведами из «Эйби-пи Интернэшнл». Упомянул он и о звонке Реджины из телефонной компании.

– Она сказала Джинджер, что разговоры с моего домашнего телефона тоже прослушиваются.

Удивившись, Шепард записал и это. ФБР *действительно* установило на обеих телефонных линиях Уайтекера устройства для регистрации входящих и выходящих звонков, которые запоминали день и час звонка и номера абонентов, но не позволяли прослушивать разговоры. Шепард выяснил у Джинджер подробности телефонного разговора, и они пришли к выводу, что она, по-видимому, ошибочно решила, будто речь идет о прослушивающих устройствах. И все же телефонная компания не должна была ничего сообщать. Будь Уайтекер подследственным, этот ляпсус загубил бы все дело.

Как бы то ни было, бурная реакция Уайтекера могла пойти только на пользу. После этих жалоб никто не заподозрит его в сотрудничестве с ФБР.

Разговор уже подходил к концу, когда Уайтекер заявил, что должен рассказать еще кое о чем.

– После нашей первой встречи в АДМ вечером я звонил Шевирону и сказал, что моей дочери звонили в школу и угрожали.

Уайтекер передал Шепарду содержание телефонного разговора с Шевироном и беседы с ним и Рейзингом на следующий день.

– Когда Шевирон стал сомневаться в моих словах, я признался, что все выдумал.

Шепард не стал высказывать мнения о выдумке Уайтекера. Он был опытным агентом и знал, что сотрудничающие с ФБР свидетели откалывают порой очень странные номера. Замешанных в преступлении может выбить из колеи любой разговор с агентом ФБР. Для пользы дела лучше не тыкать их носом в их вранье или неадекватное поведение.{69}

И все же небылица Уайтекера об угрозах его дочери оставила в душе Шепарда неприятный осадок. Это было непонятно, совсем непонятно.{70}

Следующая поездка Шепарда в Моуикву состоялась через два дня, 8 ноября. Это было воскресенье, и Пейсли решил составить ему компанию. Пора руководству взглянуть на этого Уайтекера и постараться понять, что им движет и можно ли на него положиться.

Они подъехали к дому Уайтекера в девятом часу вечера.

Хозяин выскочил на крыльцо, взъерошенный и возбужденный, и стал настаивать, чтобы Пейсли обращался к нему по имени. Он устроил для агентов экскурсию по всему дому, показал оба гаража и похвалился своими автомобилями. В большом гараже на шесть машин Уайтекер остановился, положив руку на капот красного «феррари».

– Эту я купил совсем недавно, – сказал он. – По правде говоря, купил ее подержанной у нашего президента Джима Рэнделла. Он уступил мне ее по сходной цене.

Пейсли и Шепард восхищались автомобилем, гаражом и всем, что показывал Уайтекер, пока тот не привел в комнату рядом с бассейном. Марк поведал историю Старой усадьбы, вновь упомянув ее прежнего владельца Дуэйна Андреаса. Пейсли с интересом расспрашивал его об истории и архитектуре особняка. Шепард отмалчивался, предоставив начальнику подготовить почву. Наконец он решил перейти к делу и напомнил Уайтекеру о своей просьбе показать визитные карточки конкурентов АДМ, которые участвовали в сговоре о ценах на лизин.

– Да-да, вот они. – Уайтекер протянул ему пачку визиток.

Шепард, сев на кушетку, стал перебирать их. В основном попадались японские и корейские имена. Он переписал их в свой блокнот.

Тем временем Пейсли с Уайтекером стояли у раздвижных стеклянных дверей, ведущих к бассейну. Яркий свет прожекторов придавал окружающему изысканно-неземной вид. Пышный сад был в идеальном порядке. Даже сейчас, осенью, не видно было ни одного неубранного листочка. Обстановка была умиротворяющая и способствовала неспешной беседе. По крайней мере, так она действовала на Уайтекера. Ему было приятно присутствие SAC из ФБР. Он испытывал ощущение, что агенты помогают ему выполнить некую возложенную на него миссию.

Пейсли перевел разговор на расследование.

– Я знаю о том, что вы рассказали Брайану на днях, – начал он. – Мы благодарны вам за вашу готовность помочь и за вашу прямоту. У нас есть вопросы. Возможно, некоторые из них вам уже задавали, но я хочу быть уверенным, что мы все поняли верно и составили из ваших слов полную и законченную картину.

– Да, хорошо, понимаю, – отозвался Уайтекер.

Разговор тек свободно. Уайтекер рассказал о целой серии преступных сговоров.

– До апреля я и понятия не имел о коммерческой стороне дела в АДМ, – объяснил он. – Я занимался чисто техническими вопросами – производством лизина и тому подобным. Но в апреле меня вызвал Мик Андреас и сказал, что я буду работать вместе с

Терри Уилсоном.

Уайтекер признался, что эта новость рассердила его. Уилсон руководил переработкой зерновых и ничего не смыслил в лизине. И вообще, с точки зрения Уайтекера, Уилсон был необразован, неотесан и способен лишь пьянствовать, сквернословить да играть в гольф. Уайтекер пытался отказаться, но Мик сказал, что для него это хороший случай изучить деловую сторону деятельности компании.

При первой встрече с Уилсоном, рассказывал Уайтекер, тот ничего не спросил ни о сотрудниках подразделения биопродуктов, ни о самом производстве. Его интересовали только конкуренты компании – их названия и насколько хорошо Уайтекер их знает.

– Спустя пару недель мы с ним полетели в Японию. Это была моя первая командировка как бизнесмена, а не как инженера. Я не знал, зачем мы едем, совершенно не представлял.

Пейсли почесал подбородок:

– А когда вы узнали о цели поездки?

– Да очень скоро. Мы должны были договориться с азиатскими конкурентами о ценах и объемах производства.

Пейсли понимающе кивнул. Он знал, что по-настоящему эффективным ценовой сговор становится лишь тогда, когда производство контролируется полностью. Иначе нераспроданный товар затопит рынок и цены пойдут вниз. Сам факт, что конкуренты на лизиновом рынке обсуждали *и* цены, *и* объемы, ясно показывал: они знали, что делают.

В Токио, продолжал Уайтекер, они с Уилсоном встречались с руководителями «Адзиномото» и «Киова хакко когио». Затем они вылетели на гавайский остров Мауи, где вновь встретились с японцами. К ним присоединились представители южнокорейской компании «Мивон».

– В первый день мы просто знакомились, – сказал Уайтекер. – Общались, играли в гольф и все такое. На следующий день начались переговоры.

– Кто выступал от АДМ? – прервал его Пейсли.

– Терри. Терри Уилсон. Он активно консультировался со всеми по ценам и объемам. – Уайтекер откинулся на спинку кресла. – Очень скоро я понял, зачем меня послали вместе с Терри: показать мне, как и что делается на встречах по фиксированию цен.

Следующая встреча, рассказывал Уайтекер, была в июне, примерно пять месяцев назад, в Мехико. В сентябре представители «Адзиномото» приехали в Декейтер, чтобы осмотреть лизиновый завод и убедиться, что АДМ говорит правду

о своих мощностях. Это важно для переговоров по объемам производства. Позднее Уилсон и Уайтекер прогулялись по американским заводам «Адзиномото», а несколько недель назад участники сговора вновь встретились в Париже для обсуждения цен и объемов производства.

– Вы принесли копии своих отчетов о расходах, о которых мы говорили? – наклонился к нему Шепард.

– Конечно, вот они, – кивнул Уайтекер. Открыв кейс, он вынул отчеты и вручил их Шепарду.

Пролистав бумаги, Шепард увидел, что они документально подтверждают поездки в Токио, Мехико и Париж. Это было первое доказательство сказанного Уайтекером.

– Кто планирует эти встречи? – спросил Шепард.

– Икэда. Он один из акционеров «Адзиномото».

– И когда следующая?

– Наверное, в январе, – ответил Уайтекер. – Где-нибудь в Азии. Вероятно, окончательное решение примет Икэда.

Фиксирование цен невероятно выгодно для АДМ, сказал Уайтекер. Только в прошлом месяце прибыль на производстве лизина составила два с половиной миллиона долларов, а перед этим компания ежемесячно теряла столько же.

– И все это из-за ценового сговора, – добавил он.

Агенты надавили на Уайтекера, спросив, слышал ли он о фиксировании цен на другую продукцию АДМ. Уайтекер кивнул:

– Как раз в последние выходные Мик Андреас и Терри Уилсон съездили на встречу с конкурентами во Флориду, в ассоциацию «Корн рефайнерс». Днем были обычные переговоры, а по вечерам они встречались без свидетелей, чтобы обсудить цены.

– А как именно были организованы эти встречи? – спросил Пейсли.

– Не знаю. Меня не посвящали в подробности. Сказали только, что ведутся переговоры о ценах.

Пейсли не знал, что и думать. Все выглядело совершенно невероятным. Он никогда не имел дела с такими осведомителями, как Уайтекер. Даже место, где они находились, подчеркивало необычность ситуации, – не лачуга мизантропа-отшельника и не квартира ожесточившегося уволенного служащего, а богатый особняк одного из высших чинов в иерархии АДМ. Уайтекер, несомненно, зарабатывал более чем хорошо. Вряд ли он выигрывал от добровольного сотрудничества с ФБР, а потерять мог все. Пейсли даже не слышал о подобном прецеденте в истории правоохранительных органов.

– Марк, – произнес он осторожно, – я хочу задать вам еще один вопрос.

– Конечно, конечно.

– Почему вы это делаете? Сначала вы солгали насчет телефонной линии и поэтому побаивались нас. А теперь вдруг решили выдать все секреты. Почему?

Уайтекер помрачнел:

– Я не одобряю того, что у нас происходит. Мне это не по душе. Я хочу сказать, что я биохимик, инженер. А меня втягивают в коммерцию, да еще в незаконную, и говорят, что это одна из составляющих бизнеса. Но мне это не нравится.

Агенты слушали, затаив дыхание.

– Мне сказали, что я буду расти вместе с АДМ, стану нераздельной частью компании. Я понимал, что меня вынуждают нарушать закон. Мне приказывали лгать, и я лгал. Но меня это угнетает. – Уайтекер прокашлялся. – Да, я обманул вас, но против воли. И теперь хочу все исправить, хочу очиститься и загладить свою вину. Я не мог объяснить, почему солгал, не рассказав об этих противозаконных делишках. Мне они с самого начала не нравились, но мне приходилось… ну, мириться с ними. Но это мучило меня, и я решил обратиться к вам. Хочу жить с чистой совестью.

Пейсли кивнул. Это было понятно и объясняло, почему Уайтекер нервничал при первой встрече с агентами. В целом ответ Уайтекера удовлетворил его, хотя кое-какие вопросы у него и оставались.

– То есть они парни в черных шляпах,[37] а вы хотите носить белую? – уточнил он.

– Ну да, – отозвался Уайтекер, – что-то вроде.

Настало время выяснить, как далеко готов зайти Уайтекер в сотрудничестве с ФБР.

– Марк, – произнес Пейсли чуть ли не отеческим тоном, – готовы ли вы сделать еще кое-что для нас?

– Конечно. Что именно?

– Не согласились бы вы носить с собой диктофон? Так мы получили бы доказательства тех правонарушений, о которых вы говорите. По-другому теперь не получится. Нам нужна ваша помощь.

Пейсли понимал, что обращается к Уайтекеру с просьбой пойти на риск, и решил быть откровенным.

– Я полностью сознаю, что значит для вас моя просьба, – сказал он. – Вам придется добывать улики против своих коллег по работе. Это, безусловно, нелегко. И к тому же очень рискованно.

Уайтекер несколько раз мигнул.

– Да-а, – протянул он. – Но, знаете, даже если кого-то посадят и все такое, я все равно буду чувствовать, что поступил

правильно. Я уверен, что все сотрудники компании поймут меня и будут только уважать меня за это. Они поддержат меня, и, может, в конце концов я стану президентом АДМ.

Пейсли не верил своим ушам. Уайтекер витал в мире фантазий и не представлял, куда суется.

– Марк, вам следует понять, что руководители и акционеры компании, узнав, что вы заварили всю эту кашу, не станут любоваться вашей белой шляпой. Они будут в ярости. Неужели вы всерьез верите, что они сделают вас президентом компании?

– Да, верю. Потому что я поступил правильно.

«Черта с два», – подумал Пейсли. Но его дело предупредить, а если человек не хочет внять предупреждению – что ж, ему с этим жить. К тому же Шепард наверняка вернется к этому вопросу в дальнейших разговорах с Уайтекером.

Остались еще кое-какие детали, сказал Пейсли. Следовало решить, как организовать контакт Шепарда с Уайтекером так, чтобы в АДМ ничего не заметили.

– Как действует голосовая почта у вас в компании? – спросил Шепард.

Обычная почта, пожал плечами Уайтекер. Такая же, как везде.

– Тогда сделаем вот как, – сказал Шепард, отстегнув с пояса миниатюрный пейджер. – Если мне нужно будет связаться с вами, я оставлю вам сообщение на голосовой почте в форме вот такого сигнала.

В комнате эхом отдался пронзительный писк пейджера.

– Этот сигнал будет означать, что вы должны позвонить мне, – продолжал Шепард.

Уайтекер кивнул. Это его устраивало.

Шепард дал ему листок бумаги с номером своего телефона.

– Вот мой служебный номер. Спрячьте его в надежное место и звоните, когда услышите пейджер.

Уайтекер взял бумажку и проводил агентов до двери, где они еще раз поблагодарили его. Он кивнул, довольный своим решением.

На прощание Шепард напомнил Уайтекеру, что на следующий день он должен вести себя на работе как обычно, и сказал, что позвонит ему в течение дня, чтобы договориться, где и как они сделают первую запись.

– Ладно, друг, – улыбнулся Уайтекер. – Тогда и поговорим. {71}

Шепард выехал из поместья на шоссе. Пейсли безучастно смотрел на окружающие поля. Когда Моуиква осталась позади, он задал вопрос, давно крутившийся у него в голове:

– Ну, и что ты думаешь об этом парне? Как по-твоему, на этот раз он сказал правду?

– Я решил поверить ему. Конечно, сначала он обманул нас, но какой смысл ему врать теперь, когда он сам вызвался помогать?

– Да, но с другой стороны, зачем ему это надо, с его-то положением? Ведь если все раскроется, это будет просто самоубийство.

Оба помолчали, так как не нашли ответа.

– Ну если он согласился, так не отказываться же нам, – подвел итог Пейсли. – Приступим сразу, как только Стаки даст письменное распоряжение. Мы не собираемся ждать, пока этот парень разродится. Нам известно об этих сговорах только с его слов, и чем быстрее мы получим вещественные доказательства, тем лучше.

– Ну… не знаю, – отозвался Шепард, глядя на дорогу.

Не было и восьми утра, когда Уайтекер снова ворвался в кабинет Шевирона, такой же встревоженный, как в предыдущие дни.

– Ты связался с Реджиной из Континентальной телефонной? – спросил он резко.

Шевирон изо всех сил старался не показать, как ему хочется послать Уайтекера куда подальше.

– Нет.

Казалось, что Уайтекер, обычно сдержанный, в это утро вот-вот взорвется.

– Тебе что, наплевать?

– Нет, но я не вижу повода для беспокойства.

– А по-моему, у тебя или у кого-то из руководства просто зуб на меня! – заорал Уайтекер, кипя от злости. – Ты обманываешь меня! Они подключились к обеим моим линиям.

Гнев Уайтекера был таким же показным, как безмятежность Шевирона. Шепард заверил его, что домашняя линия не прослушивается. Но чтобы избежать подозрений, он делал вид, что не знает этого. Шевирону до смерти надоели истерики Уайтекера, и он не скрывал недоверия. Но лишние скандалы ему, начальнику службы безопасности, ни к чему. Вздохнув, он сказал:

– Дай телефон этой Реджины. Я свяжусь с ней.

– Ну то-то же, – бросил Уайтекер и выскочил из кабинета. Через несколько минут он позвонил секретарше Шевирона и сообщил номер Реджины.

В половине одиннадцатого Уайтекер снова был в кабинете Шевирона. По его поведению всякий бы решил, что для Уайтекера нет ничего важнее этого звонка.

– Ну, позвонил?

– Нет еще. Времени не было.

Именно этого Уайтекер и добивался.

– Не думай, пожалуйста, будто я не понимаю, что происходит! – завопил он. – Ты работаешь на ФБР!

Шевирон поднял руки вверх:

– Не смеши меня. Я вот что сделаю, Марк: позвоню Шепарду и спрошу его самого.

Уайтекер уселся в кресло, а Шевирон отыскал номер Шепарда в справочнике и стал тыкать в кнопки, пытаясь сдержать гнев.

– ФБР.

Шевирон узнал голос Шепарда.

– Брайан, это Марк Шевирон. У меня тут сидит Марк Уайтекер, и у него проблема.

Бросая злобные взгляды на Уайтекера, он изложил историю со звонком из Континентальной телефонной.

– У вас в конторе я спрашивал, какую линию у него дома вы задействовали, и вы сказали, что только служебную. А на самом деле?

– Без комментариев, – отозвался Шепард.

Аппаратура была установлена на обеих линиях, но она не прослушивала разговоры, а только регистрировала входящие и исходящие звонки. Однако объяснять это посторонним он не имел права.

Шевирону хватило и этого. Это «без комментариев» убедило его, что в пятницу агенты солгали.

– Ладно, не отвечай, – сказал он. – Мне и так все ясно. – Он бросил трубку. Он посмотрел на Уайтекера: – Марк, похоже, ты прав. По-видимому, они подключились к обеим линиям.{72}

Уайтекер вскочил.

– Я знал, знал! – выпалил он. – Они обещали, что установят эту штуку только на одной линии. Они обещали!

– Понимаю, Марк, – Шевирон снова вскинул руки. – Они и мне так сказали. Но они обманули нас, скорее всего.

– Я так и знал! Так и знал! Я знал, что нельзя обращаться в ФБР. Я говорил это всем, но вы и слушать не хотели!

Шевирон попытался успокоить Уайтекера, но ничего не вышло. Когда Уайтекер убежал, он отправился к Рейзингу и ввел его в курс дела.

Прежде чем ответить, Рейзинг долго смотрел на Шевирона в упор.

– Из твоего рассказа вывод один: ты не справляешься со своими обязанностями. Ты не можешь проследить за тем, что делает ФБР.

Шевирон почувствовал, что с него хватит. К моменту, когда он покинул кабинет Рейзинга, решение было принято: АДМ выходит из игры и больше не будет сотрудничать с ФБР.

Вскоре он снова позвонил Шепарду и выложил ему все – и как он, поверив агентам ФБР, выставил Уайтекера лжецом перед руководством компании, и как это привело к тому, что теперь руководство не доверяет ему и что ему грозит увольнение.{73}

– АДМ не хочет больше участвовать в расследовании, – сказал он. – Я не стану выполнять ваших указаний и буду переадресовывать их Рейзингу.

Шевирон дал отбой. Он был не в настроении продолжать разговор. Спустя четыре часа, в 15.25, раздался звонок. Звонил Дин Пейсли.

– Брайан только что сообщил мне о твоем звонке, – сказал Пейсли. – Не пойму, что ты так вскипятился. Какая муха тебя укусила?

Шевирон взвился, будто его и в самом деле укусили.

– Я понимаю, вы не можете откровенничать со мной обо всем. Но я уже сказал Брайану: я не потерплю, чтобы мне врали. Не обманывайте меня, и я не буду обманывать вас.

Он рассказал о звонке Реджины и подчеркнул, что Стаки утверждал прямо противоположное. Он сказал, что назвал Уайтекера лжецом перед *самим Дуэйном Андреасом,* а теперь из-за ФБР выглядит круглым дураком.

– Мне больше не доверяют, – прибавил Шевирон. – Сказали, чтобы я в это дело не совался и что его передадут юридическому отделу.

Пейсли объяснил, отчего они не могли сказать Шевирону правду. По-видимому, кто-то из служащих АДМ ведет подрывную деятельность. Понятно, что это сугубо секретная информация. Но теперь ему надо знать точно, какую позицию занимает АДМ.

– Ты хочешь сказать, что ваша компания отказывается сотрудничать с ФБР по вопросу, с которым сама к нам обратилась?

– Да, – ответил Шевирон.

– И ты уполномочен сделать мне такое заявление официально от лица всей компании?

– От юридического отдела. Так сказал Рик Рейзинг.

– Нет, постой, – упорствовал Пейсли. – Значит, с какой бы просьбой в связи с этим расследованием мы к вам ни обратились, вы ни за что и ни при каких обстоятельствах не пойдете нам навстречу? Ты это хочешь сказать?

Шевирон насторожился. Чего Пейсли добивается? Он ответил осторожно:

– Не могу поручиться, что Рейзинг сформулировал бы нашу позицию именно так. Скорее, он имеет в виду, что мы берем свою жалобу назад.

– Это несерьезно, Марк, – фыркнул Пейсли. – Ты же понимаешь, что федеральное расследование нельзя вот так взять и остановить. Если Бюро его начало, то обязано довести до конца.

Что-то подсказало Шевирону, что лучше ответить уклончиво.

– Я хочу сказать только то, что меня отстранили от этого дела. У меня такое чувство, что мне больше не доверяют, и это не моя вина. Обращайтесь к Рейзингу.

Пейсли сказал, что свяжется с Рейзингом, и разговор закончился. Шевирон задумчиво смотрел на телефонный аппарат. Он не совсем понимал Пейсли, но что-то в его словах беспокоило начальника службы безопасности.{74}

В сорока милях от него Пейсли тоже повесил трубку. Затем потянулся к магнитофону, включенному несколько минут назад, и нажал кнопку «стоп». Бобины замерли.{75}

В то утро ФБР стало записывать все переговоры с АДМ, начиная со второго звонка Шевирона Шепарду. Агенты предполагали, что компания хочет прекратить расследование по делу Фудзивары, опасаясь раскрытия преступной деятельности, о которой рассказал Уайтекер. Но для того чтобы доказать, что компания препятствует отправлению правосудия, требовались улики. В качестве таковых было решено использовать магнитофонные записи разговоров агентов с представителями АДМ.

Пейсли извлек кассету из магнитофона и отослал ее в помещение, на двери которого висела табличка «Техник ЭЛНАБ», то есть сотрудник, ведающий записями электронного наблюдения. Доставленная кассета была зарегистрирована под номером 1B2. Пейсли не сомневался, что в недалеком будущем она будет востребована.

В тот же день Уайтекер набрал номер внутренней голосовой почты и ввел свой код. Он прослушал несколько сообщений и нажал кнопку, вызывая следующее.

«Биип».

Уайтекер тут же нажал две клавиши. Электронный голос произнес: «Сообщение удалено».

Марк прошел в ближайший конференц-зал, где никто не помешает ему говорить с Шепардом. Вряд ли у агента уйдет много времени на то, чтобы сообщить, когда они встретятся, чтобы сделать первую запись участников ценового сговора.{76}

Уайтекер свернул с Першинг-роуд на стоянку отеля «Бест вестерн Шелтон», недалеко от центра Декейтера. Проехав отель, он остановился около пиццерии «Шейкиз», которая пользовалась той же стоянкой. Двухэтажное бежевое с зеленым здание отеля ничем не выделялось среди тысяч других таких же безликих гостиниц, разбросанных по всей стране и предлагавших усталым путникам бесплатное кабельное телевидение и кондиционер.

Уайтекер запер машину, запахнул пальто поплотнее и направился к отелю. На улице ему было неуютно: любой проезжающий мог заметить его, а то и узнать. Правда, уже темнело, хотя не было и шести вечера.

В вестибюле он осмотрелся и сморщил нос. *Что за убожество!* Помещение было маленьким; спрятанные в нишах светильники тускло освещали его, придавая мрачноватый и запущенный вид. Но в определенном смысле так было лучше. Сюда наверняка не заглядывает никто из людей его круга.

– Чем могу служить? – спросил портье.

– Спасибо, ничего не нужно. Просто жду приятеля.

Минуту спустя он увидел, как через боковой вход в вестибюль входит Шепард в плаще-тренчкоте. Он направился прямо в коридор и остановился у телефонов-автоматов. Уайтекер подошел к нему.

– Привет, – произнес он придушенным голосом. – Как дела?

– Прекрасно, прекрасно. Слушайте, сегодня мы не сможем снять комнату, но я все равно хочу, чтобы вы кое-кому позвонили.

Уайтекер недоуменно уставился на него.

– Ладно, – отозвался он неуверенно. – А с какого телефона?

– С одного из этих, – кивнул Шепард на ряд автоматов в вестибюле.

«Прямо здесь? На виду у всех?» – подумал Уайтекер. Он не понимал, что происходит. У Шепарда не в порядке кредитная карта?

Шепарду и самому не слишком нравилась мысль, пришедшая им в голову в последний момент, когда кто-то в отделении сказал, что разговаривать по гостиничному телефону опасно. Что, если у человека, которому они будут звонить, есть определитель номера? Звонок из отеля может вызвать подозрения.

Уайтекер огляделся:

– Не знаю… Здесь как-то неудобно…

– Сейчас я не могу предложить ничего лучше.

Открылась боковая дверь, ведущая в бассейн. Один из постояльцев прошел мимо, извинившись, и направился в ресторан «Честнат» при гостинице. Когда он скрылся за дверью, Шепард

посмотрел на Уайтекера:

– Давайте поговорим в машине.

Они вернулись на стоянку и забрались в автомобиль Шепарда. Агент просверлил Уайтекера взглядом.

– Очень важно, чтобы вы позвонили сегодня, Марк, – сказал он.

ФБР требовалось доказательство того, что Уайтекер говорит правду.

– Хорошо, – кивнул Уайтекер. – Что я должен сделать?

Шепард вынул из кармана небольшой диктофон. Он выглядел как обычный кассетный магнитофон, но такие устройства имелись только у ФБР. К нему был подсоединен проводок с маленьким микрофоном.

– Прижмите микрофон к приемному концу трубки. На нем есть зажим, но прикреплять его к трубке не надо, просто держите микрофон рядом с ней, а я буду держать диктофон.

– Хорошо.

– У вас с собой номера телефонов ваших конкурентов?

– Да, есть. Я принес их.

Уайтекер достал листок с номерами. Шепард просмотрел их, и они обсудили, кому звонить и что говорить. Первой жертвой выбрали сотрудника компании «Киова хакко» по имени Масару Ямамото, или Масси, как называл его Уайтекер.

Открыв кейс, Шепард вынул документ с кодом FD-472 и объяснил, что это разрешение на запись телефонного разговора. Затем он вручил Уайтекеру документ FD-473 – разрешение на ношение записывающего устройства. Само устройство, добавил Шепард, он передаст в следующий раз.{77}

Они вернулись в вестибюль. Шепард держал записывающее устройство, а Уайтекер, пристроив к трубке микрофон, набрал ноль.

Ему ответил оператор телефонной станции Иллинойса. Уайтекер заказал разговор с Японией, и его переключили на оператора «Эй-ти-энд-ти». Он продиктовал одиннадцать цифр кода и четырнадцать цифр нужного ему номера.

Мужской голос сообщил по-японски, что Уайтекер попал в фармацевтическое подразделение компании «Киова хакко».

– Хорошо, – отозвался Уайтекер. – Могу я поговорить с господином Ямамото?

Японец перешел на английский:

– Вы не скажете свое имя?

– Скажу. Я Марк Уайтекер.

Наступила пауза, во время которой играла легкая музыка.

Наконец Ямамото подошел к телефону.

– Слушаю? – произнес он на ломаном английском.

– Господин Ямамото?

– Да-да, я Ямамото. Здравствуйте. Как вы живете?

Они обменялись любезностями. Уайтекер извинился за то, что не сразу ответил на предыдущий звонок японца. Он сказал, что уезжал по делам и завтра опять уедет.

– На этой неделе связаться со мной практически невозможно, – сказал он.

– О, мне понятно. Как ваши продажи?

(Не прошло и тридцати секунд, как разговор свернул на продажи.)

– Вполне успешно. А как у вас?

– Тоже хорошо.

Ямамото пожаловался, что кое-кто предлагает слишком низкие цены на лизин. В это время мимо Уайтекера прошла пожилая женщина, с удивлением заметившая микрофон, который он держал возле трубки. Уайтекер почувствовал неловкость. Может, женщина решила, что он шпионит за женой. Он отвернулся, не зная, что тем самым усилил звучание собственного голоса на пленке.

– Господин Икэда сказал мне, что вы собираетесь встретиться тридцатого ноября с корейцами.

– Да-да.

– Очевидно, в Корее?

– Да, в Сеуле.

Разговор шел в нужном направлении.

– А потом состоятся переговоры, в которых буду участвовать я и, наверное, кто-нибудь еще из нашей компании. Может быть, даже Мик Андреас. Это будет в начале января, да?

– Да, будет, может быть, – ответил Ямамото. – Тогда и обсудим планы девяносто третьего года.

Уже горячо.

Уайтекер решил, что не мешает уточнить, о каких именно планах на 1993 год идет речь.

– Да-да, – сказал он. – Поговорим о ценах и объемах продаж.

– О!.. Мм…

– Встреча будет в Гонконге или Сингапуре, если не ошибаюсь?

– Да-да, правильно.

Говорил Уайтекер, а Ямамото ни разу ему не возразил. Конкуренты собираются обсуждать и цены, и объемы продаж, – для ФБР это весомое доказательство.

Ямамото к тому же упомянул о том, что, по отзывам клиентов, АДМ продает продукцию по заниженным ценам, а это

нарушает их договоренность.

– Может, эти клиенты делают какой-то обман, – сказал Ямамото, – мы не знаем.

– Да, клиенты иногда хитрят, – согласился Уайтекер.

– Но мы должны делать хорошо для хороших клиентов, – продолжал Ямамото. – Для больших клиентов нужны большие цены, вы так думаете?

– Да-да, я согласен.

И тут Ямамото выдал нечто поистине ценное:

– Лучше поговорить заранее, понимаете ли, чтобы поддержать цену в один доллар пять центов в США и два с половиной доллара в других странах.

Ну прямо джекпот![38] В одной фразе Ямамото сформулировал всю суть сговора о ценах. Уайтекера даже в жар бросило.

Разговор продолжался еще несколько минут. Ямамото поздравил Уайтекера с повышением.

– С успехом вас! До быстрой встречи.

– До встречи, Масси.

– Пока.

Уайтекер отсоединил микрофон и повесил трубку. Затем он повернулся к Шепарду. Ему не терпелось передать агенту слова Ямамото.{78}

Примерно без четверти семь Шепард и Уайтекер вернулись на стоянку. Уайтекер сделал еще несколько звонков, но связаться удалось только с Икэдой и Мимото из «Адзиномото».{79} Икэда подтвердил все, что Ямамото говорил о предстоящих встречах, а Мимото не успел сказать ничего интересного, как кончилась магнитофонная пленка. И все же Уайтекер был счастлив.

В автомобиле Шепарда он несколько минут пересказывал ему содержание состоявшихся разговоров.

– Марк, это именно то, что нам нужно, – сказал Шепард. – Это подтверждает все, что вы говорили.

Уайтекер улыбнулся.

Шепард заполнил еще несколько бланков, касающихся записи разговоров, в том числе «форму FD-504b», где указывались день и час, когда была произведена запись.{80} Покончив с документами, он спросил Уайтекера, что происходило в АДМ в последнее время. Уайтекер рассказал ему о событиях прошедшего дня и добавил:

– Есть еще одно дело.

– Какое?

– Всем топ-менеджерам АДМ известно, что Марк Шевирон

тайно записывает разговоры клиентов, останавливающихся в «Декейтер Клаб».

– Что это значит?

– В «Декейтер Клаб» АДМ постоянно снимает номер для клиентов из других городов. Я слышал, что там установлен «жучок». Так что когда мы ведем переговоры с приезжими партнерами, то знаем, что они думают на самом деле.

– Откуда вы это узнали? – спросил Шепард.

– Ну, в компании ходят слухи. И потом, моя секретарша Лиз раньше работала у Шевирона и рассказала, что ей приходилось перепечатывать эти записи.

Шепард просмотрел свои заметки. Если АДМ занималась тайным наблюдением, это основание для отдельного расследования.

– На сегодня у меня все, – сказал он. – Спасибо за помощь. Я прослушаю записи и свяжусь с вами.

Уайтекер распрощался и пересел в свою машину. Он свернул налево, в сторону Южного 51-го шоссе, перебирая в уме события этого вечера. Наконец-то ФБР убедится, что он сказал правду о фиксировании цен. Теперь у Шепарда есть основания для возбуждения дела.{81}

Он улыбался. Скоро все закончится. Агенты ФБР получат от него все, что им нужно, и оставят в покое. Он сможет вернуться к своей работе. Возможно, это произойдет уже через несколько дней, думал он.

Взволнованный Шепард вел машину по Першинг-роуд. Все складывалось удачно. Теперь имеется доказательство ценового сговора. Но расследование только начиналось. Для того чтобы предъявить обвинение, нужны и другие материалы, так что Уайтекеру придется записывать и записывать. Шепард знал, что ФБР нескоро оставит Уайтекера в покое.

Глава 4

Вокруг расстилались уходящие в темноту гектары пахотной земли. Ночной ветер подхватывал косые струи дождя и с силой бросал их в ветровое стекло автомобиля Пейсли. «Дворники» почти не помогали. Дождь лил с самого утра, а теперь дорогу заволокло клочьями тумана. Обычно на этом монотонном участке 72-го шоссе между Декейтером и Спрингфилдом мало кто справлялся с искушением превысить разрешенную скорость в шестьдесят пять миль в час. Но в тот вечер 9 ноября 1992 года распоясавшаяся погода заставляла терпеть, и Пейсли ехал со скоростью пятьдесят пять миль в час.{82}

Часовая стрелка приближалась к одиннадцати. С тех пор как Шепард зарегистрировал сделанные Уайтекером записи, прошло больше трех часов.{83} Теперь эти кассеты были в портфеле Пейсли на переднем сиденье. Шепард позвонил Пейсли, и тот почти сразу направился в Декейтер за свежими новостями. Рассказ Шепарда развеял почти все сомнения в существовании сговора. А Уайтекер между делом навел их еще на один след – незаконную прослушку в «Декейтер Клаб».

Пейсли пересек границу округа Мейкон. Обычно в этом месте, устав от долгого пути, он включал радио и слушал какое-нибудь из полюбившихся вечерних ток-шоу. Но в этот вечер было не до ток-шоу – он погрузился в размышления.

Он не понимал Уайтекера. Его бездумная готовность к сотрудничеству с ФБР настораживала. Уайтекер свидетель ненадежный, чтобы не сказать хуже. Пройдет время, может, совсем немного времени – и он осознает, что сотрудничество ему обойдется слишком дорого. И чтобы не упустить этот момент, нужно внимательно за ним присматривать.

Пейсли смотрел на линии разметки, белевшие в свете фар, и обдумывал то, что сказал Уайтекер о «Декейтер Клаб». Это дело представлялось ему еще менее перспективным, чем остальные. Уайтекер не сообщил ничего, кроме слухов. Если ФБР начнет расследование, в АДМ сразу же поймут, откуда ветер дует, и заподозрят предательство. Они могут даже прекратить переговоры о ценах.

Пусть это дело отлежится, решил Пейсли. Гораздо важнее расследовать фиксирование цен. Кроме того, надо разобраться с Фудзиварой и с сообщением Уайтекера о промышленном шпионаже. Нельзя хвататься за все сразу. «Декейтер Клаб» подождет, – может, со временем Уайтекер раздобудет более определенные сведения.

Расследование и без того разрослось и стало не по плечу всего одному агенту. В Нью-Йорке или Чикаго на него бросили бы дюжину агентов. Шепарду нужен помощник.

Когда Пейсли добрался до моста через реку Сангамон на окраине Спрингфилда, у него созрело решение. Завтра он попросит у руководства выделить людей в помощь. Если ему откажут, придется перекинуть на это расследование кого-нибудь из подчиненных ему агентов. Так или иначе, но через сутки Шепард обязательно получит хотя бы одного помощника.

Однако, сворачивая с 72-го шоссе, он все еще гадал, кто станет этим помощником.

«Как ваши продажи? – Вполне успешно. А как у вас?»

Голос Уайтекера доносился из плеера на столе Дона Стаки. Руководитель спрингфилдского офиса ФБР слушал, откинувшись в кресле; рядом стоял его помощник Джон Хойт. Напротив Стаки сидел Пейсли, переводивший взгляд с плеера на своих руководителей и назад. Он надеялся, что запись убедит их в необходимости подключить к делу АДМ больше агентов.

Прослушивание длилось почти час. Затем Стаки, вертевший в руках ручку, выпрямился.

– Да, похоже, там и вправду творится что-то из рассказанного вашим источником, – сказал он, глядя на Пейсли. – Так какой у тебя план действий?

– Если это то, что мы думаем, Брайану придется оставить остальные дела, и все равно он не справится в одиночку. Я считаю, этим должны заниматься трое.

– Так уж и трое? – поморщился Стаки.

Пусть не трое, ответил Пейсли, но должен быть резерв, чтобы подменить Шепарда, если тот заболеет, или уйдет в отпуск, или будет давать показания по другому делу.

В довершение всего, в расследовании возникли новые осложнения. Как раз этим утром Кевин Корр записал свой разговор с главным юридическим советником АДМ Ричардом Рейзингом, который сообщил, что приказ прекратить сотрудничество с ФБР по делу Фудзивары отдал сам Дуэйн Андреас. В том, что действиям ФБР ставил помехи сам глава АДМ, не было ничего удивительного.

Хойт поддержал просьбу Пейсли.

– Ну что ж, – резюмировал Стаки. – Пока дадим Брайану одного помощника, а там посмотрим.

Пейсли кивнул. Для начала и это неплохо.

– И кого ты наметил в помощники?

Пейсли размышлял над этим всю ночь, и ответ был у него

готов.

– С одной стороны, нужен агент, который справится с заданием наилучшим образом, – сказал он. – С другой стороны, он должен сработаться с Шепардом. Новичок или молодой сотрудник тут не годится.

– Так кого же ты рекомендуешь?

– Джо Везеролла. Он очень добросовестен и работал с Шепардом раньше.

Все они хорошо знали Везеролла, надежного сотрудника, своего рода Джо Фрайдея.[39] Он был SAC резидентуры ФБР в Шампейне, которая подчинялась спрингфилдскому офису и находилась в сорока с лишним милях от Декейтера. По работе Везероллу приходилось бывать в Декейтере, но руководители АДМ вряд ли были с ним знакомы.

Везеролл работал в ФБР уже несколько десятилетий. В свои пятьдесят четыре года он имел право уйти в отставку, однако никто не слышал, чтобы он собирался уходить в ближайшем будущем. Крупный лысеющий человек с кустистыми бровями, он возвышался над землей на шесть футов и три дюйма и весил около двухсот двадцати фунтов. Грозный вид и голос Везеролла производили устрашающее впечатление, но это был добрый великан. Он окончил Вест-Пойнт,[40] провел некоторое время на армейской службе{84} и славился отсутствием амбиций, о чем говорило то, что его всегда звали Джо и никогда Джозефом или Джои. Даже в его свидетельстве о рождении было написано: Джо Альберт Везеролл-младший.

В работе Везеролл был чрезвычайно скрупулезен и придирчиво следил за тем, чтобы все шло строго по плану. Когда коллеги допускали небрежность в работе, Везеролл мягко журил их, повторяя свою излюбленную фразу: «Во Вьетнаме невнимательность к мелочам означала, что тебе крышка». Авторитет и сильный характер Везеролла превращали обычное утверждение в уничтожающий упрек.

Стаки и Хойт с энтузиазмом поддержали кандидатуру Везеролла. Вернувшись в свой кабинет, Пейсли тут же позвонил ему:

– Привет, Джо, как дела? Слушай, хочу сделать тебе предложение.

Два дня спустя, около шести вечера, Шепард и Везеролл молча шли по коридору пятого этажа декейтерского отеля «Холидей-Инн». Остановившись около одной из дверей, Шепард вытащил из кармана взятый у портье «электронный ключ» и вставил карточку в замок. Дверь открылась, агенты вошли.

Первым делом Шепард направился к телефону и набрал номер голосовой почты Уайтекера.

– Пять – четыре – семь, – произнес он.

И положил трубку.

На другом конце города Уайтекер выехал из подземного гаража АДМ и повернул на Эльдорадо-стрит в направлении от центра. В начале седьмого, согласно полученным от Шепарда инструкциям, он вызвал голосовую почту с автомобильного телефона. Пропустив несколько поступивших сообщений, он услышал голос, назвавший трехзначное число. Это был номер комнаты отеля, где его ждал агент ФБР. Уайтекер отключил телефон.

Везеролл спокойно сидел за столом в комнате отеля. Шепард, в отличие от него, не мог усидеть на месте. Раздался стук в дверь. Шепард ответил, и в комнату вошел Уайтекер.

– Привет, друг, – сказал он. – Прошу прощения, что чуть опоздал: в коридоре были люди, и я ждал, пока они разойдутся. Не хотелось, чтобы меня видели входящим сюда.

– Все правильно, Марк, – отозвался Шепард. – Очень предусмотрительно.

Уайтекер оглядел комнату и заметил массивную фигуру. Шепард предупредил, что на встречу придет еще один агент, и все же Марку стало не по себе. В этом человеке ему почудилась угроза – и не только из-за его габаритов. Он держался со строгой педантичностью, которая соответствовала укоренившемуся у Уайтекера представлению об агентах ФБР.

– Марк, это специальный агент Джо Везеролл из нашего отделения в Шампейне, – представил его Шепард. – Он будет работать со мной над этим делом.

Уайтекер улыбнулся и обменялся с Везероллом рукопожатием.

– Приветствую, – сказал он – Как поживаете?

– Замечательно, – откликнулся Везеролл. – Рад знакомству.

Везеролл говорил кратко и отрывисто. Он не любил болтовни и был куда флегматичнее Шепарда. Но выглядел он дружелюбно, и Уайтекер успокоился.

Везеролл пересел на кровать, а Уайтекер занял его место за столом против Шепарда.

Несколько минут Шепард с Уайтекером болтали о погоде, о семейных делах и прочих посторонних предметах. Везероллу это было не по нутру, ему хотелось поскорее приступить к делу. Но он понимал, что Шепард избрал такую тактику неслучайно и что

она оправдывала себя.

Наконец Шепард перешел к делу. Он попросил Уайтекера разъяснить подтекст некоторых высказываний в его разговоре с Мимото. Слушая Уайтекера, он записывал его слова. Затем он захлопнул блокнот.

– Не хотите сообщить еще что-нибудь?

Уайтекер кивнул.

– Компанию очень беспокоит ваше присутствие, – сказал он. – Это началось, как только вы стали опрашивать сотрудников.

За два дня до этого Уайтекер летал в Мексику вместе с Джимом Рэнделлом и несколькими другими руководителями АДМ.

– Когда мы проходили таможню, Рэнделл сказал, что отныне АДМ будет вести дела по всем правилам. – Уайтекер взглянул на агентов. – А потом добавил, что, по его мнению, наша компания ФБР не по зубам. Он сказал, что Дуэйн сильнее, чем думают некоторые.

Но, заметил Уайтекер, нет сомнений, что в дальнейшем АДМ собирается действовать в рамках закона.

– Это крутой поворот в нашей политике. Рэнделл сказал, что Мик, по всей вероятности, сообщит об этом завтра. Пока это большой секрет, и он просил меня не забыть удивиться, будто я слышу новость впервые.

Уайтекер взглянул на Везеролла. Тот не сказал ни слова.

Примерно в два часа дня, продолжил Уайтекер, он звонил в офис и говорил с Миком Андреасом.

– Мик стал говорить о том, как много сил и средств вложила АДМ в мое подразделение и как много я значу для компании. Он долго распространялся о том, что у меня все шансы стать в будущем президентом компании, потому что его отец и Рэнделл не молодеют.

Шепард записал и это.

– Потом он сказал, что с сегодняшнего дня все будет иначе. Он сказал: «Марк, мы будем вести дела так, как ты привык. Мы решили, что тебе не стоит ехать в Японию в январе. Так что не звони им больше».

– А как насчет фиксирования цен? – спросил Шепард.

– Оно прекратилось, – пожал плечами Уайтекер. – Так сказал Мик. Мы больше не будем участвовать в ценовом сговоре.

Шепард задал еще несколько вопросов, Везеролл отмалчивался. Шепард сказал Уайтекеру, что принес для него диктофон и хочет показать, как им пользоваться. Это был микрокассетный диктофон, похожий на обычные диктофоны для офисов. Шепард объяснил, какие кнопки нажимать и как

проверить, работает ли аппаратура.

Затем он поместил устройство с прикрепленным к нему маленьким микрофоном во внутренний карман пиджака Уайтекера. Догадаться о наличии диктофона, не заглянув в карман, было нельзя.

– На работе держитесь свободно и естественно, – сказал Шепард. – Не думайте о том, что у вас при себе записывающее устройство. А теперь проиграем несколько возможных ситуаций, чтобы вы знали, что делать в том или ином случае.

К концу вечера Уайтекер вполне освоился с устройством. Одернув пиджак, он пожал агентам руки. Шепард сказал, что скоро свяжется с ним. Кивнув, Уайтекер вышел.{85}

Шепард разворошил постель, чтобы горничная не удивлялась, почему на ней никто не спал. На всякий случай они с Везероллом подождали несколько минут, прежде чем уйти.

Везеролл посмотрел на Шепарда.

– Ты веришь всему, что он тут наговорил? – спросил он.

В понедельник в 21.10 в доме Шепарда раздался звонок. Звонила телефонистка их офиса Джин Флинн.

– Брайан, – сказала она, – тут звонил Марк Уайтекер и сообщил, что работает с тобой над одним делом.

Шепард еще днем оставил для Уайтекера сообщение на его голосовой почте, но ответа не получил. Очевидно, Уайтекер решил сделать это вечером. Узнав у Флинн, с какого телефона звонил Уайтекер, он набрал номер:

– Марк? Это Брайан. Что вы хотели сказать?

С Уайтекера слетела всякая учтивость.

– Брайан, что вам от меня надо? – резко спросил он, понизив голос. – Когда вы оставите меня в покое?

«Так, началось», – подумал Шепард. Кажется, Уайтекер вовсе не случайно обмолвился о том, что с фиксированием цен покончено, то есть пошел на попятный. Очевидно, сдали нервы. Шепард попытался успокоить его, но Уайтекер ничего не хотел слушать.

– Я сообщил вам все, что знал, – заявил он. – Я доказал, что говорил правду. Записи подтверждают это. Я сделал все, что вы просили, и теперь мне надо заниматься своей работой. Не знаю, что еще вы от меня хотите.

– Марк, нам предстоит сделать еще очень много, – сказал Шепард. – Пока что вы у нас единственный свидетель. Больше мы ни с кем не можем говорить об этом деле. Вы же знаете, что это очень важно и что мы по-прежнему нуждаемся в вашей помощи.

Уайтекер вздохнул. Он звонил из телефона-автомата

административного здания пивоваренной компании «Курс брюинг», в Голдене, штат Колорадо. Уайтекер приехал сюда, чтобы прощупать почву на предмет возможной сделки между компаниями. День прошел хорошо – он занимался только своим бизнесом, забыв о всяких правоохранительных проблемах. Но вечером, проверяя поступившие на его почту сообщения, он снова услышал пейджер Шепарда. Этот парень вцепился в него, как собака в кость.

– Не знаю, Брайан, смогу ли я вам помогать. Мы с Джинджер решили, что я попрошу перевода в Мексику. А если не переведут, то я, наверное, уйду из АДМ.

– А зачем переводиться в Мексику, Марк? Что это даст?

Уайтекер явно хотел отделаться от Шепарда и придумал этот перевод как предлог. Он тяжело дышал.

– Мне придется обратиться к адвокату, – проскрипел он. – Вы, парни, разрушаете мою семью.

– Кто разрушает, Марк?

– ФБР.

– Каким образом?

– Вы просто используете меня, и вам плевать, что со мной будет. Я честно рассказал вам все, что знаю.

Шепард начал говорить, но Уайтекер прервал его:

– Я приехал сюда по делу, по законному делу. Поймите, парни, у меня работа и я не могу тратить все свое время на выполнение ваших поручений.

– Я понимаю это, Марк. Нам надо обсудить этот вопрос… – попытался урезонить Уайтекера Шепард, но тот вновь прервал его.

– Вы ни о чем не думаете, кроме своего расследования. Вас не волнует, что оно навредит и мне, и Мику Андреасу, и еще многим невинным людям.

Шепард, записывавший разговор в блокнот, подчеркнул выражение «невинные люди».

– Я поступал так, как мне велели, – продолжал Уайтекер. – И уверен, что, если бы обратился к адвокату, тот посоветовал бы мне не разговаривать с вами. Я всего-навсего хочу заниматься своим делом, честно и добросовестно. Больше мне ничего не надо.

– Марк, вам-то, возможно, больше ничего не надо, но вас ведь снова втянут в сделки с фиксированием цен, и вы сами об этом знаете.

– Нет, не втянут. Я же говорил: все меняется. Когда к нам пришло ФБР, мы поняли, что нельзя вести дела по-старому. Теперь у нас совсем другая политика, другой подход к делу.

– Марк, вы же понимаете, что нельзя изменить всю политику компании в одночасье. Вы говорите это просто потому, что хотите от нас отделаться.

– Вы ошибаетесь. Фиксирования больше не будет. Абсолютно. Мы даже собираемся снизить цену на лизин, чтобы вести дела по-честному. И когда мы сделаем это, то, уверяю вас, наши конкуренты будут в ярости, особенно японцы. Так что договариваться с ними мы уже ни о чем не сможем.

– А как насчет других отделов компании? Там все останется по-прежнему?

– Я не знаю, что происходит в других отделах. Не имею представления.

Уайтекер снова противоречил самому себе. Всего неделю назад он говорил Шепарду и Пейсли о том, что переработчики кукурузы тоже, по всей вероятности, сговариваются с конкурентами о ценах. А сейчас он твердит, что не ведает об этом ни сном ни духом. Шепард решил высказаться начистоту:

– Марк, вы же рассказывали нам о проблемах в других отделах. Вы сообщили нам много интересного. Вы знаете гораздо больше, чем говорите.

Марк закрыл глаза, борясь с охватившим его отчаянием.

– Послушайте, – сказал он, – я ничего не знаю. Я не хочу больше иметь дел с ФБР.

И дал отбой.{86}

Он стоял возле телефона, и его трясло. Все летело к чертям. Вот уж не думал он, что ФБР так вцепится в него. Что им нужно? Он же не собирается, черт побери, становиться профессиональным агентом. Он хочет заниматься своей работой. Он отдал им аудиозапись. Он сделал достаточно.

Почему этот Шепард не может оставить меня в покое?

На третьем этаже ничем не примечательного административного здания в центре Спрингфилда сорокалетний федеральный обвинитель Байрон Кадмор знакомился с материалами одного из уголовных дел. Будучи первым помощником окружного прокурора Центрального Иллинойса, он просматривал почти всю документацию по крупным преступлениям, совершавшимся в этой части штата, и добавлял к ней немало документов собственного изготовления.

Чтобы упорядочить нескончаемый поток бумаг, вдоль стен стояло около десятка дубовых шкафов, набитых бордовыми складными папками. У Кадмора все было отлажено безупречно. Он неизменно носил темный костюм и накрахмаленную рубашку и не терпел беспорядка ни на письменных столах, ни в головах.

Служащие правоохранительных органов, приходившие к Кадмору по делу, знали, что к разговору надо подготовиться, иначе не будет ни помощи, ни совета. Атлетически сложенный юрист был с головой погружен в работу, и времени на забавы и болтовню у него не было. Даже заключенные, к которым Кадмор наведывался, называли его «Каменным лицом».

Зазвонил один из телефонов. Кадмор взглянул на мигавшую лампочку, но не пошевелился. Трубку сняла секретарша. Лампочка продолжала мигать. Секретарша сообщила, что звонит Брайан Шепард из ФБР.

– Я возьму трубку, – ответил Кадмор.

Но прежде чем начать разговор, он подкатил в кресле к одному из шкафов и извлек из него папку с делом АДМ. Папка впервые легла на его стол несколько недель назад, на следующий день после того, как Уайтекер сообщил Шепарду о фиксировании цен. С тех пор Кадмор был кем-то вроде серого кардинала и по мере надобности обеспечивал Шепарда полезными советами. Кадмору и раньше приходилось работать с Шепардом, и он уважал его. Агент был усердным работником и, кроме того, отличался пунктуальностью. Поэтому прокурор был уверен, что Шепард по пустякам звонить не станет.

Кадмор положил папку на стол, достал блокнот и записал дату. Приготовившись, он нажал мигающую клавишу телефона.

– Брайан? Это Байрон. Что у тебя за дело?

– У нас тут небольшая проблема. С нашим источником творится неладное. Закапризничал, не хочет работать.

Кадмор не удивился. Осведомители поначалу часто ведут себя непредсказуемо. Как правило, они не понимают главного: согласившись сотрудничать, они отдают себя в руки правоохранительных органов, тут действует принцип «все или ничего». Тот, кто пытается делиться информацией лишь частично, ввязывается в рискованную игру и может в один миг превратиться из свидетеля в обвиняемого.

Из рассказа Шепарда Кадмор знал, что Уайтекер легковозбудимый интеллектуал. Возможно, его поведение объяснялось эмоциональной неустойчивостью, но не исключено, что агенты слишком попустительствовали ему.

– Вероятно, такой уж у него характер, – предположил Кадмор. – А может быть, он еще что-то скрывает.

Этим проблемы не исчерпывались, продолжал Шепард. Основным объектом расследования по-прежнему было вымогательство Фудзивары, но Уайтекер до сих пор не записал ни одного разговора с японцем. Сам он оправдывался, во-первых, тем, что Фудзивара струсил, а во-вторых, тем, что Шевирон

заставляет его переводить на служебную линию все звонки, которые ФБР регистрирует на домашней.{87} Шепарду эти оправдания казались неубедительными. Прежде всего потому, что Уайтекера давно научили обращению с выданной ему техникой, а он так и не сделал ни одной записи. Это настораживало.

– Что предлагаете? – спросил Шепард.

– Оставьте его на время в покое и посмотрите, как он себя поведет. Если он не исправится, объясните ситуацию открытым текстом: нельзя сидеть на двух стульях. Либо он сотрудничает, либо становится объектом расследования вместе с другими.

Кадмор поднес трубку к самому рту:

– Пусть выбирает: он либо свидетель, либо подсудимый.

Уайтекер закрыл дверь своего кабинета и подошел к столу. Ему требовалось поговорить хоть с кем-нибудь из тех, кому можно доверять.

Не заглядывая в телефонную книгу, он набрал номер отделения АДМ в Атланте. Он выучил его наизусть. Руководил отделением Сид Халс, давний друг Уайтекера, через которого он проводил почти все продажи лизина. Уайтекер звонил Халсу по нескольку раз на дню – обсудить дела, поговорить о личных финансах или просто потрепаться.

Раздался голос Карен Стерлинг, помощника Халса:

– Отделение АДМ в Атланте.

– Привет, это Марк.

– Секундочку, сейчас соединю.

Карен нажала кнопку удержания вызова и обернулась к начальнику. Она проработала у Халса несколько месяцев и цепенела в его присутствии. Он пугал ее своей физической мощью и эмоциональной несдержанностью. В нем бурлила сексуальная неудовлетворенность, и в конце концов Карен втайне от него стала носить заряженный пистолет для самозащиты.{88}

– Сид, – произнесла она нерешительно, – это Марк.

Халс сгреб пятерней трубку.

– Привет, – произнес он. – Что там?

– У меня тут проблемы, старина. Кое-что случилось, хочу обсудить это с тобой.

Халс спросил, что произошло.

– Ну, ты в курсе, что у нас на заводе неладно. И похоже, дело в том, что кто-то из сотрудников занимается вредительством. Дуэйн обратился в ФБР, и они начали расследование.

Халс не видел в этом ничего плохого.

– Вот и ладно, они прищучат этого гада.

– Но, понимаешь, все бы ничего, но тут еще кое-что. Мы

фиксировали цены на лизин.

И несколько минут Уайтекер описывал Халсу методы фиксирования цен. О ценовом сговоре тот слышал от него впервые, хотя они разговаривали часто и помногу.

– И ты боишься, что ФБР это разнюхает? – спросил Халс.

Уайтекер помолчал.

– Они уже знают. Я сам им сказал.

– Что-что?

– Да, в том-то проблема и заключается. Я все им рассказал. И теперь они хотят, чтобы я помогал расследовать это дело.

Халс не знал, что сказать.

– Я просто сам не свой из-за этого, – продолжал Уайтекер. – Не представляю, как выпутаться. Решил позвонить тебе, посоветоваться. Я знаю, ты не проболтаешься.

Они перебрали варианты, но ни один из них не годился.

– Просто несправедливо, что меня втягивают во все это, – жаловался Уайтекер. – Я имею в виду фиксирование цен. Не хочу в это мешаться, но и работу терять не хочу.

Разговор длился, и отчаяние Уайтекера росло.

– Прямо не знаю, Сид, что мне делать.

Халс выслушал друга, но почти ничего не сказал.

Он не знал, чем помочь Уайтекеру.{89}

Синие воды озера Кэмелбек безмятежно раскинулись под небом Аризоны на сорока четырех акрах территории города Скотсдейл. Они давно не знали такого покоя – до сих пор их непрестанно бороздили любители виндсерфинга, носившиеся по всему озеру на прицепе у разноцветных моторок. Но с приближением зимы – на календаре было 18 ноября 1992 года – вода стала слишком холодна для купания, и азарт участников гонок, которые устраивались администрацией местного курорта под названием «Королевское ранчо Маккормика»,{90} тоже поостыл. Гонщики переключились на гольф.

Сидя за столиком ресторана «Пиньон гриль», неоднократно завоевывавшего призы, Уайтекер бросил взгляд на озеро. Он прибыл для встречи с представителями одной из компаний местной пищевой промышленности и теперь беседовал с ними за ланчем – не о делах, а так, о том о сем. Уайтекер расслабился и наслаждался обстановкой.{91}

Ланч заканчивался. Распростившись с коллегами, он прошел в вестибюль отеля. Здесь выстроился ряд телефонов-автоматов, а он уже целый час не проверял свою голосовую почту. Набрав номер, он убедился, что пришло несколько сообщений. Прослушав и стерев одно из них, Уайтекер набрал ноль, чтобы

услышать следующее, и услышал «бип-бип». Пейджер Шепарда.

Уайтекер тут же удалил сигнал и швырнул трубку на рычаг. Он чувствовал, что не вынесет напряжения. С этим нужно покончить. Снова сняв трубку, он набрал номер декейтерской резидентуры ФБР.

Гудки.

– ФБР.

К телефону, как обычно, подошел Шепард.

– Это Марк, – отрывисто бросил Уайтекер.

Он соврал, что звонит из Финикса – города, куда этим утром его доставил самолет.{92} И снова Шепард попросил его о встрече.

– Слушайте, я здесь по делу, – ответил Уайтекер. – У меня работы невпроворот. Из-за вас у меня одни неприятности. Последние две недели я так угнетен, что не могу толком сосредоточиться на работе.

– Почему? Какие неприятности?

– Все будто сговорились против меня.

– Кто?

– Все. Мое начальство в АДМ. Они утверждают, что в компании нет никаких нарушений. Всё против меня.

Шепард задал еще несколько вопросов и попытался успокоить Уайтекера, но тот его не слушал.

– Вы же знаете, что я биохимик. В АДМ много литературы по этой специальности, и я взял несколько книг домой, чтобы уточнить летальную дозу разных химических препаратов.

– Зачем вам это? – спросил Шепард, помолчав.

– Я хочу покончить с собой, – произнес Уайтекер, и его голос сорвался. – Я всегда радовался жизни, всегда. А сейчас, последние две недели, мне не хочется жить. У меня депрессия.

Уайтекер говорил первое, что приходило в голову. Что-нибудь да подействует на Шепарда и убедит того отстать от него. Но Шепард не верил ни одному его слову.

– Марк, это несерьезно, вы и сами это понимаете. Никакого самоубийства вы не замышляете. Просто вы расстроены и пытаетесь отделаться от ФБР.

– Брайан, я не могу вести двойную жизнь. Когда все это кончится?

– После того, как вы нам поможете. Поймите, сейчас нам нужна ваша помощь. Никто не может заменить вас. Сотрудничество с нами – это правильный путь. Мы так или иначе продолжим расследование, с вами или без вас. Такие дела. Но если вы не будете заодно с нами, вы рискуете оказаться среди обвиняемых.

Шепард сделал паузу, чтобы Уайтекер усвоил значение

сказанного.

– По вашим словам, сотрудники АДМ не знают ни о каких нарушениях закона. Я дал вам диктофон. Где записи этих разговоров?

– Их нет, – ответил Уайтекер, оглянувшись.

– Почему?

– Если я буду записывать разговоры с боссами, то скомпрометирую себя самого. Я уверен, что они сделают меня козлом отпущения. Кто я такой, чтобы победить Андреасов? У меня нет шансов.

– Марк, вы же не в одиночку с ними воюете. Мы…

– Нет, ничего не выйдет, – прервал его Уайтекер.

– Марк…

– Я посоветовался с одним другом. Он на двадцать лет старше меня и занимает высокое положение, руководит компанией в другом штате. Он хорошо знает Андреасов и не любит их. Я объяснил ему, в каком положении нахожусь…

Уайтекер рассказывает посторонним людям о своем сотрудничестве с ФБР?!

– Как зовут вашего друга, Марк?

– Не ваше дело. Он считает, что японцы не станут доверять мне и раскрывать секреты, потому что я работаю в компании всего три года.

Шепард записывал в блокнот все, что наговорил Уайтекер.

– А вы ничего не можете для меня сделать. Мой друг дал мне телефон одного юриста, который раньше работал в Федеральной комиссии по торговле. О фиксировании цен он знает все. Я звонил ему.

– Вы наняли юриста? – помолчав, спросил Шепард.

– Я не плачу ему сам, мой друг платит. Но я верну деньги с процентами. Через год. Обязательно верну. Мой друг сказал, чтобы я не разговаривал с вами без адвоката.

– О'кей, – протянул Шепард. Плохо дело. Вряд ли найдется такой юрист, который посоветует своему клиенту сотрудничать с ФБР, а выведывать у Уайтекера, что тот ему насоветовал, Шепард не имел права.

– Я провел с ним пять с половиной часов, и он сказал, что я не нарушил никаких законов, – продолжал Уайтекер. – Все законно. Он, правда, добавил, что это может стать незаконным, но пока что все в рамках.

Шепард заподозрил, что Уайтекер снова сочиняет. Если юрист в самом деле так и сказал, значит, Уайтекер не раскрыл ему всей правды – хотя бы той, которая была записана на пленке, имевшейся в распоряжении ФБР. А может, никакого юриста не

было вовсе. И Шепард высказал свои сомнения вслух.

– Нет, он так и сказал, – настаивал Уайтекер. – Он сказал, что я имею право встречаться с конкурентами и обсуждать с ними цены и объемы продаж, если они известны нашим клиентам.

Шепард напомнил Уайтекеру все, что тот говорил ему. Уайтекер знал, что совершаются незаконные сделки. ФБР и вмешалось-то только потому, что Уайтекера это беспокоило. Он хотел восстановить порядок. Что же с ним случилось теперь? И почему АДМ так озабочена начатым расследованием, если она не нарушает закон?

Уайтекер замялся и стал говорить, что Мик Андреас против того, чтобы ФБР занималось делом Фудзивары, потому что он сам сообщил Уайтекеру о встречах во Флориде и в Европе.

– На этих встречах обсуждалось фиксирование цен?

– Думаю, да. Мик забеспокоился, потому что Дуэйн не знает, что он рассказал об этих встречах мне.

Даже если переговоры о лизине не нарушали закона, продолжал Уайтекер, Мик боялся, что звонки Уайтекера конкурентам могут вызвать у агентов ФБР подозрения и они начнут раскапывать все это.

– Насчет лизина-то они не беспокоятся, – заверил он Шепарда. – Они боятся, что ФБР наткнется на что-нибудь незаконное в других подразделениях компании.

Шепард слушал очень внимательно. Он уже убедился, что говорить с Уайтекером – все равно что ловить дым голыми руками. У него на все готовы объяснения.

– Хорошо, Марк, если вы хотите, чтобы мы вам поверили, – сказал он, – не скрывайте ничего. Мы дали вам диктофон. Воспользуйтесь им и запишите все эти разговоры.

Наступило молчание.

– Отлично, Брайан, – сдался Уайтекер. – Запишу.{93}

В следующий вторник, 24 ноября, в комнате 545 декейтерского отеля «Холидей-Инн» сидел Уайтекер, а напротив него – Шепард и Везеролл.

Начало встречи не предвещало ничего доброго. Уайтекер признался, что не смог записать никаких разговоров в АДМ. Фудзивару он тоже не записал. Он был в разъездах. После Аризоны он отправился в Лейк-Чарльз, штат Луизиана, чтобы встретиться с Крисом Джонсом и Тимом Холлом, бывшими коллегами из компании «Дегасса», и обсудить новый совместный проект.{94}

Записей не было. Шепард стал расспрашивать Уайтекера о подробностях переговоров между АДМ и другими

производителями лизина.

Переговоры действительно велись, сказал Уайтекер, – в Токио, на Мауи, в Мехико и Париже. Но в них не было ничего незаконного. Говорили о ценах и о производстве лизина, но просто чтобы основать отраслевую ассоциацию и расширить рынок лизина, пояснил Уайтекер. Может, дело и дойдет до фиксирования цен, но пока все стараются не переступать закон. Предлагали даже пригласить на переговоры юристов, чтобы уж точно все было тип-топ.

Везеролл, сидя на кровати, внимательно наблюдал за Уайтекером. Он не верил ни единому его слову. Все-то у Уайтекера тип-топ, и все совершенно противоречит тому, что он говорил раньше. А раз Уайтекер уверял, что консультируется с адвокатом, то все, что он говорит теперь, должно свидетельствовать о его невиновности.

Везеролл понимал, что происходит.

«Парень просто повторяет то, чему его научили», – подумал он.{95}

Разговор с агентами продолжался несколько часов, и домой Уайтекер вернулся поздно. Его домашние в последнее время заметили, что с ним творится неладное, – он был рассеян и внимателен к ним менее обычного. Но с женой он говорить не мог: она ясно дала понять, что хочет, чтобы он перешел из АДМ в другую компанию или стал работать с ФБР. Ни то, ни другое не годилось. Но теперь он придумал план выхода из этого положения.

Про себя он улыбался. Перехитрить Шепарда будет нетрудно, и скоро ФБР от него отстанет.

А самое замечательное – никто не догадается о его роли в происходящем, и он был совершенно в этом уверен.

На следующий день Уайтекер позвонил Сиду Халсу из своего кабинета.

– Объем производства на нашем заводе растет, – заявил он. – Поэтому можно больше не удерживать высокий уровень цен. Я даже хочу, чтобы ты их снизил.

Халс почесал в затылке. Совсем недавно Уайтекер жаловался, что для повышения цен приходится нарушать закон, а теперь хочет их снизить. Но Уайтекер сказал, что решение об изменении рыночной стратегии принято на самом высоком уровне. Халс спросил, по какой цене теперь продавать лизин.

– По обстоятельствам, – ответил Уайтекер. – Главное, продавай как можно больше.

Халс предупредил, что это приведет к тотальному падению цен.

– Знаю, – отозвался Уайтекер. – Но наши склады переполнены, и, если мы продадим больше, себестоимость снизится.

– Ладно, – согласился Халс.

Уайтекер положил трубку и улыбнулся. ФБР считает, что он у них в кармане и будет плясать под их дудку. Как бы не так.

Все будет так, как хочу я.

Никто в Декейтере не знал рынок лизина лучше его. Вопрос о ценах на лизин всегда задавали именно Уайтекеру. За ответом на вопрос о том, что делается у японцев, тоже шли к Уайтекеру. И именно Уайтекер решал, что другим следует знать, а что нет.

А о том, что происходит сейчас, им уж точно знать не следует. Он сам, лично станет управлять мировым рынком лизина. По его воле цены начнут падать. Чтобы наводнить рынок своей продукцией, АДМ будет снижать цены всякий раз, когда корейцы или японцы захотят сравняться с ними. Конкуренты ответят увеличением объемов производства и продаж, и гонка неминуемо приведет к краху. Азиаты поддерживают связь с АДМ только через него, и, если будут жаловаться, он все свалит на решение руководства. А если руководство спросит с него, он свалит вину на азиатов. Таким образом, недавняя тенденция к повышению цен прервется, а через несколько недель начнется ценовая война.

Таков был первый этап его плана, и безупречного плана. Из-за разгоревшейся войны ценовой сговор будет невозможен. А если не будет фиксирования цен, то ФБР не нужен никакой свидетель. {96}

Уайтекер был на седьмом небе. Теперь нужно на несколько недель прикинуться невинной овечкой, а потом – свобода!

Примерно через неделю в гостиной Уайтекеров раздался звонок. К телефону подошла Джинджер, но поговорить хотели с ее мужем. Она позвала Марка, он прошел с беспроводной трубкой в столовую и уселся на диван.

– Марк Уайтекер.

– А, мистер Уайтекер! Это мистер Мимото.

Уайтекер заерзал. Он не ожидал звонка из «Адзиномото».

Мимото тем временем продолжал:

– Я хотел поговорить с вами о продажах лизина в Японии.

– Мистер Мимото, я должен попросить у вас прощения. Я не могу сейчас разговаривать с вами – у нас гости. Нельзя ли поговорить в другой раз?

– О да, – отвечал Мимото. – Извините. Мы можем обсудить в другой раз.

Уайтекер пообещал позвонить в более подходящее время, положил трубку и вернулся в гостиную. Джинджер читала, детишки смотрели телевизор.

Гостей не было. И не было никакой вечеринки.

Пусть ФБР слушает сколько хочет. Он только что сделал так, что они все равно ничего не услышат.{97}

30 ноября около шести вечера Байрон Кадмор припарковал свой голубой пикап «шеви сильверадо» недалеко от декейтерского отеля «Холидей-Инн». Взяв лежавший на сиденье портфель, он направился к входу. Шепард ожидал его в вестибюле, сидя в кресле. Они обменялись рукопожатиями, и Шепард сообщил, что все готово. Кадмор кивнул.

Шепард молча провел его к лифту мимо стеклянной стены ресторана «Гринхаус». Кадмор приехал, чтобы взглянуть наконец на осведомителя, которого они с Шепардом обсуждали весь месяц.

Шепард попросил Кадмора об этой встрече несколько дней назад. Сотрудничество со свидетелем разладилось, и агент не знал, чему верить. Когда Уайтекер сообщил о консультациях с юристом, Шепард испугался, что Уайтекер будет действовать и говорить под диктовку законника. А теперь он заподозрил, что никакого законника не существует. Какой юрист позволит своему клиенту встречаться с агентом ФБР в одиночку?

Шепард решил, что Уайтекер должен подписать соглашение с Министерством юстиции, – это прочнее привяжет его к ФБР. Большинство осведомителей сотрудничают без соглашения, но нередко – особенно если свидетель упорствует и запирается – приходится к нему прибегать. В таком документе указываются обязательства свидетеля перед государством и правовые последствия невыполнения этих обязательств. Шепард сказал Кадмору, что Уайтекер не возражает против того, чтобы встретиться с прокурором и обсудить соглашение.

Кадмор прошел вслед за Шепардом в номер, где уже был Везеролл.

– Когда ждать Уайтекера? – спросил Кадмор, кладя свой кейс на стол.

– Должен вот-вот подъехать, – ответил Шепард.

Спустя несколько минут в дверь постучали. Впустив Уайтекера, Шепард представил его прокурору. Кадмора поразила молодость Уайтекера – тот был похож скорее на ученого, чем на высшего руководителя крупной компании. Кадмор пригласил

гостя присаживаться.

– Сегодня мы просто посмотрим друг на друга и расскажем, отчего поступаем так, а не иначе, – сказал Кадмор. – Так мы выйдем на нужный уровень доверия, и вы сможете задать мне вопросы, которые у вас возникнут, когда мы вместе начнем вырабатывать соглашение о сотрудничестве.

Затем Кадмор спросил Уайтекера, не беспокоит ли его что-нибудь.

– Ну, я, естественно, беспокоюсь о себе, о семье, о нашем доме, – ответил Уайтекер. – Мы только что купили дом – раньше в нем жил Дуэйн Андреас, – и он обходится недешево.

Всего несколько дней назад, прибавил Уайтекер, ему дали прибавку в сто тысяч долларов и опцион еще на сорок тысяч, поэтому ему не хотелось бы рисковать всем этим.

Кадмор не верил своим ушам. Уайтекер явно не вполне понимал свое положение. Каким бы риск ни был, у него не было выбора.

– Поймите, никаких гарантий мы не даем. Вы сами поставили себя в такое положение, единственный логичный путь из которого – сотрудничество с нами. Вы не сможете отмахнуться и уйти.

Уайтекер выпрямился и промолчал.

– Если вы откажетесь сотрудничать, то может выйти так, что вы станете обвиняемым, – предупредил его Кадмор.

– В чем меня могут обвинить, если мы больше не занимаемся фиксированием цен? – возразил Уайтекер. – Я же говорил Брайану.

– Уголовное преследование может быть возбуждено не только в связи с фиксированием цен, – мягко втолковывал ему Кадмор. – Вы рассказали нам очень много. По сути дела, вы сообщили нам столько противоречивых фактов, что все они не могут быть правдой одновременно. А обманывать агентов ФБР – серьезное преступление, подпадающее под статью о так называемой фелонии,[41] и наказание за него – тюремное заключение сроком до пяти лет и солидный штраф.

Кадмор выдержал паузу.

– Поймите, – продолжил он, – уголовное дело будет возбуждено так или иначе, и меня не интересует, против кого – против вас или против ваших коллег, занимающихся фиксированием цен. И в том, и в другом случае основания для возбуждения дела есть. Не имея достаточных оснований, я за дело не берусь.

Глаза Уайтекера за стеклами очков моргнули.

– Ладно, – пробормотал он.

Кадмор взглянул на кейс, в котором лежал заготовленный

текст соглашения, но решил, что доставать его пока рано. Пусть Уайтекер сначала осмыслит происходящее.

– Теперь о самом соглашении, – сказал Кадмор. – Я много лет назад составил стандартный образец и неизменно пользуюсь им. Условия всегда одни и те же и предлагаются только один раз.

– Это соглашение будет гарантировать мою неприкосновенность? – спросил Уайтекер.

– Оно не дает гарантий. Мы ничего не обещаем, потому что это подорвало бы ваш статус свидетеля, и вас обязательно спросят об этом, когда вызовут в суд для дачи показаний. Наши отношения строятся на доверии.

Уайтекер продолжал задавать вопросы, Кадмор отвечал, все больше недоумевая. Уайтекер говорил так бесстрастно, будто его лично все это не касалось.

– Суть дела проста: сотрудничай или будешь обвиняемым, – резюмировал Кадмор. – Посоветуйтесь с адвокатом, чтобы убедиться, что все так и есть, и сделайте правильный выбор.

Кадмор поднялся. Он устал, ему хотелось домой.

– Сообщите агентам, когда вы захотите встретиться снова, чтобы подписать соглашение, – сказал он.

Кадмор пожал руку Уайтекеру. Шепард проводил его до дверей. Прокурор обернулся к агенту.

– Держите меня в курсе, – сказал он вполголоса.{98}

1 декабря Шепард услышал в трубке голос Ричарда Рейзинга и сразу включил магнитофон. Он звонил Рейзингу еще утром, но не застал его, и только сейчас, несколько часов спустя, от главного юридического советника АДМ раздался ответный звонок.

Шепард спросил, не изменилась ли позиция компании по делу Фудзивары и по-прежнему ли они не желают сотрудничать с ФБР. Бюро собиралось продолжать расследование вопреки сопротивлению руководства АДМ, и Шепард ожидал, что Рейзинг будет отмалчиваться. Но оказалось, что АДМ дает задний ход и делает вид, что никакого сопротивления не было.

– Не помню, чтобы мы отказывались от сотрудничества, – сказал Рейзинг, не ведая о том, что у агентов имеется сделанная несколько недель назад аудиозапись, где он заявляет Кевину Корру именно это. – Мы неоднократно сотрудничали с ФБР в прошлом и делаем это и в данном случае.

И Рейзинг перечислил условия. Уайтекера беспокоить нельзя. Все вопросы, которые возникнут у ФБР, следует решать через Шевирона.

– Андреас не хочет угрозы благополучию руководства АДМ и

их семей. Мы просим вас оставить Уайтекера в покое именно поэтому. Расследование – не его дело. У вас своя работа, у нас своя. Вы следите за соблюдением закона, а в наши обязанности это не входит.

Шепард возразил, что Уайтекер так или иначе уже вовлечен в расследование, ведь именно он несколько раз разговаривал с Фудзиварой.

– Насколько я знаю, звонков от Фудзивары не было уже давно, – ответил Рейзинг. – Если он позвонит, мы непременно известим вас. Да вы и без нас об этом узнаете.

Разговор занял всего несколько минут.{99}

Итак, после того как АДМ целый месяц вставляла ФБР палки в колеса, она заявляет, что ничего не имеет против сотрудничества. Правда, на определенных условиях – ФБР будет держаться подальше от Уайтекера.

Вечером того же дня Уайтекер подошел к стойке проверки багажа в аэропорту. Он опустил свои ключи в корзину, поднял ручной багаж на ленту транспортера и, пока тот проползал через просвечивающее устройство, шагнул сквозь раму металлодетектора. Взяв прошедшие досмотр вещи, Уайтекер взглянул на часы. До отлета оставался почти час. Он прошелся по аэровокзалу, высматривая телефон-автомат.

Спустя несколько минут он набирал номер декейтерской резидентуры ФБР. Трубку снял Шепард. Уайтекер с ходу выложил главное: он давно подозревал, что в АДМ избегают говорить с ним о возникших проблемах. А теперь у него есть тому доказательства.

Примерно за час до отъезда в аэропорт, сказал Уайтекер, он видел на столе Рейзинга записку о том, что звонил агент ФБР, а ему Рейзинг ничего об этом не сказал.

– Я заговорил с Рэнделлом о записке, но он ничего не ответил и сменил тему. Вот вам еще одно свидетельство, что они не посвящают меня в свои дела. Я хочу сотрудничать с ФБР. Абсолютно. Но мне не доверяют.

Уайтекер добавил, что улетает в Европу и его не будет по меньшей мере неделю. Шепард пожелал ему счастливого пути, и разговор закончился.{100}

Подняв с пола сумку, Уайтекер направился на посадку. Все шло по плану. Скоро ФБР *придется* отвязаться от него.

В самом деле, что толку от свидетеля, с которым не хотят говорить потенциальные обвиняемые?

Шепард сразу связался с Шампейном и сообщил Везероллу о

звонке Уайтекера. Везеролла новость не порадовала. Проблемы росли.

Положив трубку, Везеролл стал составлять текст неутешительной докладной записки, чтобы отправить ее телетайпом в штаб-квартиру ФБР. Если руководство АДМ не доверяет Уайтекеру, то его ценность как свидетеля под вопросом, писал он.

На следующее утро, уже в Германии, невыспавшийся Уайтекер забрался под горячий душ в одном из тридцати номеров отеля «Шератон Франкфурт», напротив франкфуртского аэропорта.{101}

Приняв душ и побрившись, он вышел из ванной и взглянул на будильник, стоявший на тумбочке у кровати. По местному времени было почти восемь утра. Он прикинул, который час в Токио, и сел за стол. Отель обеспечивал прямую международную связь, и Уайтекер решил рискнуть. Может, никто и не будет проверять его гостиничный счет на предмет звонков.

Спустя пару минут один из молодых людей, отвечавших на звонки, которые поступали в офис Кандзи Мимото, сообщил, что звонит мистер Уайтекер. Мимото потянулся к телефону. Ему и самому не терпелось поговорить с Уайтекером и спросить, чего ради АДМ снижает цены на лизин во всем мире.

– Алло? – произнес он.

– Мистер Мимото?

– Да, добрый день. Или у вас это уже добрый вечер?

– На самом деле доброе утро. Я звоню из Франкфурта.

– Ах, из Франкфурта! Вы там по делу?

– Да, надо повидаться с нашими сотрудниками из европейского филиала.

Некоторое время они обменивались любезностями, а затем Уайтекер сказал:

– Слушайте, я хочу извиниться за то, что не стал говорить с вами несколько дней назад.

– Ну что вы, не нужно извиняться.

– Да нет, я должен объясниться. Дело в том, что у меня в тот вечер не было гостей.

– Не было?.. – недоуменно переспросил Мимото.

– Да, не было, и поэтому я звоню вам отсюда, из отеля. Я не хотел говорить с вами из дому, потому что боялся, что мой телефон прослушивается.

– Прослушивается?

– Да, ФБР. Они расследуют нашу ценовую политику на рынке двуокиси углерода.

ФБР? С какой стати ФБР вдруг заинтересовалось таким малозначащим продуктом, как двуокись углерода? К тому же он не знал, что Уайтекер занимается ею, добавил Мимото.

– А я и не занимаюсь, – сказал Уайтекер. – Но меня вызвали в ФБР.

– Зачем?

– Они допрашивали всех руководителей компании. И говорили о том, что, возможно, наши телефоны будут прослушиваться.

Мимото заерзал. Он прекрасно понимал, что его разговоры с Уайтекером о ценах противозаконны, и ему вовсе не хотелось, чтобы их услышало ФБР. Это было чревато катастрофой.

– В таком случае вы поступили правильно, что не стали говорить со мной в тот вечер.

– Да, поэтому я и звоню отсюда. Наверное, вам не надо больше звонить мне домой. Это слишком опасно.

– Да-да, конечно.

Уайтекер предложил Мимото звонить ему на работу и оставлять сообщение на голосовой почте.

– Это не выход, – ответил Мимото. – Я не хочу называть свое имя. Я буду называть какое-нибудь другое.

– А что, если я буду звать вас мистер Тани? – спросил Уайтекер, подумав. – Это наш нью-йоркский агент по продажам. Никто, кроме меня, не знает его голоса, и звонок от него не вызовет подозрений.

– Вот это хорошо, – одобрил Мимото. – Да, это хорошо.

Их разговор растянулся на час. Напоследок Уайтекер еще раз напомнил Мимото, как они теперь будут связываться: после того как японец оставит сообщение, Уайтекер позвонит с безопасного телефона. Мимото поблагодарил Уайтекера за предупреждение и распрощался.{102}

Уайтекер повесил трубку. Он чувствовал себя всемогущим. Все шло по плану. Переговоры о фиксировании цен он вел в основном через Мимото, и тот без конца названивал ему по любому пустячному поводу. Теперь звонков больше не будет. Говорить с Мимото он будет только из телефонов-автоматов.

Уайтекер улыбнулся. Пусть ФБР ставит «жучки» где угодно. Все равно они ничего не услышат.

– Разберемся со звонками Фудзивары, – сказал Шепард. – Сколько раз он звонил вам?

Уайтекер задумчиво посмотрел в потолок.

– Около полудюжины, – ответил он.

– То есть шесть?

– От пяти до восьми.

Шепард кивнул. Расследование вымогательства Фудзивары длилось больше месяца, а Уайтекер все еще не записал ни одного разговора с японцем. На этой встрече Шепард хотел прояснить кое-какие подробности вымогательства.

– Куда он звонит вам обычно?

– По большей части домой, но в самый первый раз он звонил в АДМ.

– И вы говорите, что звонков не было уже несколько недель?

– Один раз он звонил мне на работу, но ко мне как раз зашел Мик Андреас, и я не смог сделать запись.

Шепард хотел продолжить вопросы, но Уайтекер перебил его, сменив тему:

– Вам, парни, надо кое-что знать. Сегодня уволили одного нашего, Уэйна Брассера. Велели собрать манатки и освободить помещение еще до конца рабочего дня.

– Отчего бы это? – спросил Шепард.

– Думаю, он слишком много знал о фиксировании цен. Похоже, это ему не нравилось, и он не скрывал этого. Наверное, сочли, что он угроза для компании.

Шепард без энтузиазма записал имя Брассера. За месяц Уайтекер не дал им ничего, ни одной ниточки. Скорее всего, и этот случай не исключение.{103}

Шепард позвонил Кадмору в Спрингфилд. Он был по горло сыт пустыми обещаниями Уайтекера. Похоже, тот считал, что он умнее и потому может врать без зазрения совести.

– Ничего не складывается, я просто не знаю, чему верить, – пожаловался Шепард прокурору.

Он уже обращался к психологам-бихевиористам из научного подразделения ФБР, которые составляют профили и анализируют поведение. Те дали ему несколько советов. Кадмор выслушал предложение Шепарда.{104}

– По-моему, толково, – сказал он. – Попробуйте.

Спустя две недели Уайтекер ехал в отель «Холидей-Инн» на очередную встречу с ФБР. Он был спокоен и уверен в себе. Постоянный рост цен на лизин замедлился, а потом остановился. Из Японии больше не звонили. Агентам он морочил голову жалобами на недоверие со стороны руководства АДМ, заверял их в своем стремлении к сотрудничеству и даже торопил с подписанием соглашения. Он был убежден, что расследование все равно скоро рассыплется. Его план сработал даже лучше, чем ожидалось.

Припарковав автомобиль, Уайтекер вошел в отель. Из сообщения на голосовой почте он знал, что его ждут в комнате 515. Он поднялся и постучал.{105}

Дверь открыл Шепард. Агенты поприветствовали Уайтекера как обычно и обменялись с ним рукопожатиями, но в соседней комнате он заметил незнакомого темноволосого человека. При появлении Уайтекера тот вышел в общую комнату. На вид он был даже моложе Уайтекера.

– Марк, познакомьтесь, – сказал Шепард. – Это специальный агент Эд Гамара. Он сегодня поможет нам.

Еще один агент. Ну что ж, одним больше, одним меньше. Уайтекер дружески приветствовал Гамару. Шепард и Везеролл наблюдали за ним. По-видимому, он ни о чем не догадывался.

– Агент Гамара работает с полиграфом, – сказал Шепард.

Уайтекер посмотрел на него непонимающе.

– Полиграф, – пояснил Шепард, – это детектор лжи.

Глава 5

– Вас зовут Марк?

Агент Гамара пометил ручкой место своего первого вопроса на выползавшей из полиграфа бумажной ленте. Сидевший рядом Уайтекер ответил «да». Гамара поставил маленький плюсик под осциллограммой.

Уайтекер боялся пошевелиться. Его грудь и живот обвивали резиновые трубки, регистрировавшие дыхание. Два маленьких зажима на безымянном и указательном пальцах измеряли поток электронов в коже. Манжета для измерения давления крови, соединенная с трубкой, содержавшей ртутный столбик высотой сантиметров восемь, определяла объем крови, протекавшей в плечевой артерии. Уайтекер сидел лицом к окну, выходившему на шоссе. Шторы были задернуты.

Он удивился решению Шепарда и Везеролла использовать полиграф, но возражать не стал. Шепард обиняками дал ему понять, что отказ будет расцениваться как признание в обмане. Поэтому Уайтекер прошел вместе с Гамарой в соседнюю комнату, снял пиджак и терпеливо подождал, пока агент подсоединит его к аппарату. Дверь между двумя комнатами Гамара закрыл, они остались с глазу на глаз.

Манеры Гамары успокаивали; чтобы уменьшить тревогу Уайтекера, которая могла исказить истинную картину, он заранее объяснил, каких вопросов следует ожидать. Они касались исключительно Фудзивары и не затрагивали фиксирования цен.

– Вы родились в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году? – спросил Гамара.

– Да.

Гамара поставил еще один плюсик. Уайтекер дышал ровно, примерно восемнадцать вдохов и выдохов в минуту. Сердце тоже билось ровно, электрическое сопротивление кожи стабилизировалось. Прежде чем продолжить, Гамара выждал секунд двадцать.

– Вы намерены отвечать правдиво на вопросы о звонках Фудзивары?

– Да.

Сам по себе вопрос ничего не значил, он был нужен для того, чтобы Уайтекер без лишнего волнения ответил на два более существенных.

Прошло двадцать секунд.

– Вы не опасаетесь, что я задам вопрос, о котором не предупредил?

– Нет.

Гамара поставил на графике минус и проверил результаты. Уайтекер говорил правду. Он готов к проверке и не испытывал беспокойства, которое могло бы повлиять на результаты.

– До этого года вам случалось лгать с целью выпутаться из неприятного положения?

– Нет.

Это была ложь, но, очевидно, сознательная. Почти все испытуемые отвечали на этот вопрос «да»: был ли кто-нибудь полностью откровенен с родителями, рассказывая о студенческой вечеринке? Но Гамара перед испытанием объяснил Уайтекеру, что ему важно получить как можно больше правдивых ответов, чтобы ложь заметнее выделялась на их фоне.

Двадцать секунд.

– Фудзивара действительно звонил вам домой и сообщил о том, что в АДМ орудует «крот»?

– Да.

Очень важный вопрос. Уайтекер посмотрел на график. *Никаких изменений.* На его взгляд, все было точно так же, как при прежних ответах.

Гамара поставил плюс. От него не укрылось едва заметное смещение дихроического зубца на кардиоваскулярной кривой, свидетельствующее о сбое в сердцебиении.

Двадцать секунд.

– До этого года вам приходилось обманывать людей, доверявших вам?

– Нет.

Снова проверка результатов и снова пауза.

– Фудзивара сказал вам, что раскроет имя «крота» за определенную денежную сумму?

– Да.

Важный вопрос.

Уайтекер вновь покосился на график. И вновь не заметил никаких отклонений.

Двадцать секунд.

– Вы женаты?

– Да.

Гамара поставил плюс.

Первый этап испытания был завершен.

– Хорошо, мистер Уайтекер, – сказал Гамара, – теперь я задам вам те же вопросы еще раз. Нам нужно убедиться, что полученные результаты верны.

– Ладно, – кивнул Уайтекер. Он чувствовал себя уверенно.

И Гамара начал все снова.

Шепард и Везеролл ждали больше часа. Наконец дверь открылась, вышел Уайтекер, а за ним Гамара. Лица обоих выражали облегчение.

– Мне надо с вами поговорить, – обратился Гамара к коллегам.

Все трое вышли в соседнюю комнату и закрыли дверь. Уайтекер опустился в кресло. Он был спокоен. Он следил за графиком и не заметил никаких отклонений. Он выдержал испытание.

Гамара взял в руки листок, на котором подвел итоги проверки в численном выражении.

– Ну и как? – спросил Везеролл.

Гамара еще раз взглянул на свои подсчеты.

– Хуже некуда, – ответил он.

От вранья Уайтекера даже полиграф покраснел, сказал он.

Через десять минут Шепард и Везеролл вернулись. По их лицам Уайтекер все понял: он провалил испытание.{106}

Везеролл сел на кровать, внимательно наблюдая за Уайтекером. Он не слишком доверял детекторам лжи – ему не раз приходилось видеть, как закоренелые преступники проходят этот экзамен, а невинные проваливаются. Но сложившаяся картина да еще то, что Уайтекер так и не представил им записей разговоров с Фудзиварой, не оставляла сомнений: Уайтекер что-то скрывает.

Шепард сел рядом с Уайтекером.

– Марк, с вашими ответами не все гладко, – сказал он.

Уайтекер заерзал.

– Подождите, – сказал он, – я наблюдал за графиком, и в нем не было никаких изменений.

Они пытались мягко вразумить его, показали несоответствия на осциллограмме. Но Уайтекер упрямо стоял на своем. С него хватит.

И решил сменить тему.

– Между прочим, сегодня кое-что произошло, о чем вы должны знать. Нашим не дает покоя Уэйн Брассер.

Агенты выслушали его, позволив разрядиться напряжению, которое давило на всех. Сегодня они не станут нажимать на Уайтекера, надо сделать передышку. Пусть Уайтекер подумает день-другой. Пусть за них поработает испытываемая им тревога.

Уайтекер между тем говорил, что Брассера уволили якобы за то, что он был против сговора о ценах на глюконат натрия, который используется в промышленных очистителях. Но затем,

сказал Уайтекер, руководство АДМ перепугалось, что Брассер начнет болтать, и выдало ему огромное выходное пособие, чтобы заткнуть ему рот. Уайтекер сообщил также, что его спрашивали, не прихватил ли Брассер с собой каких-нибудь документов, – руководству было известно, что Уайтекер дружил с Брассером и часто разговаривал с ним.{107}

Шепард решил воспользоваться моментом.

– Марк, эта информация о Брассере нас очень интересует, – сказал он.

– Что еще вы хотите об этом знать?

– Вы говорите, что часто разговариваете с ним?

– Да, практически ежедневно, – с готовностью подтвердил Уайтекер.

– Он рассказывал вам о том, как его уволили?

– Да-да, рассказывал.

– Тогда давайте позвоним ему, – предложил Шепард, наклонившись к Уайтекеру.

Уайтекер молчал, переводя взгляд с Шепарда на Везеролла и обратно. Он выглядел загнанным в угол. Наконец кивнул:

– Давайте.

В трубке раздавались гудки.

Сидя на кровати и прижимая одной рукой трубку к уху, другой Уайтекер держал подсоединенный к ней провод микрокассетного диктофона. Напротив сидел Шепард, Везеролл стоял у стола. Агенты не смотрели на Уайтекера, чтобы не нервировать его.

К телефону подошла женщина. Уайтекер попросил ее позвать Брассера.

– Слушаю.

– Уэйн?

– Да.

– Это Марк Уайтекер.

– Марк? Привет.

Брассер отвечал сонным голосом. Уайтекер посмотрел на часы. Четверть двенадцатого.

– Я не разбудил тебя?

– Да нет. Как дела?

Разговор закружил вокруг неких неназванных событий. Уайтекер рассказал о ходивших в АДМ слухах, будто Брассер взял с собой свою рабочую документацию. Но Брассер отверг это предположение и ответил, что отдал все документы Барри Коксу, возглавлявшему производство лимонной кислоты, которая добавляется в самые разные продукты, от питьевой соды до

детергентов.

Уайтекер переспросил о документах. Какого продукта они касались?

– Глюконата, – ответил Брассер. – Они же хотели… ну, ты знаешь. Новая информация им ничего не дала, а я просто… ты знаешь. Я все им вернул.

Брассер говорил уклончиво, не называя имен и ничего не уточняя. Уайтекер понимал, что агентов это не устраивает.

– То есть это были документы переговоров с другими производителями глюконата? – спросил он.

– Ну да.

Инструктируя Уайтекера перед разговором, агенты просили его вести речь о самых разных продуктах и добиваться от Брассера позитивных ответов. Особенно интересовала их лимонная кислота. Уайтекер решил, что сейчас самое время поговорить о ней.

– Похоже, их беспокоит, что ты обо всем этом слишком много знаешь, ну, про дела с лимонной кислотой, – произнес он, нервничая все больше. – Я несколько раз слышал, как они спрашивали друг друга: «Что Уэйну известно о том, что там было?»

– Мне об этом рассказывал Барри, – спокойно ответил Брассер.

– То же самое, что в деле с глюконатом?

– Типа того.

Ну наконец что-то важное! Барри Кокс говорил Брассеру, что на рынке лимонной кислоты, где крутятся миллиарды долларов, тоже зафиксированы цены.{108} Уайтекер перевел разговор на выходное пособие Брассера.

– Они надеялись подсластить тебе увольнение, да?

– Ну да, – кратко ответил Брассер.

Уайтекер взглянул на Шепарда. Агент просил его спросить Брассера, участвовал ли тот в переговорах о фиксировании цен. Уайтекер вновь переключился на лимонную кислоту, заведя разговор о том, как быстро цены на нее подскочили с пятидесяти восьми до восьмидесяти двух центов.

– Ты ведь не участвовал в этих переговорах?

– Нет.

– Значит, опять же знаешь о них со слов Барри?

– Да.

– А на переговорах по глюконату ты был? Их вели только Терри Уилсон и Барри Кокс или ты тоже?

– Был один раз. А потом они ездили без меня, – ответил Брассер.

– «Они» – это Барри и Терри?

– Ага.

Уайтекер хохотнул.

– Я тогда поехал, потому что меня послали, и даже не знал, что там творится, – сказал Брассер. – А когда попал и увидел, то подумал: «Ни хрена себе!»

– Ну, тогда понятно, что их беспокоит, – ты видел это своими глазами.

– Знаешь, они ведь играют с огнем.

Уайтекер снова взглянул на Шепарда. Агент смотрел на него выжидательно.

– Похоже, всякий раз в этом участвуют одни и те же, а? – спросил Уайтекер.

– Ага, – отозвался Брассер и сменил тему. Он спросил Уайтекера, нет ли у него шансов снова устроиться на работу в АДМ.

Но Уайтекер не дал определенного ответа и стал спрашивать о выходном пособии. Брассер ответил, что проработал в компании всего около пяти лет, а в компенсацию получил пособие в размере зарплаты за восемнадцать месяцев и автомобиль впридачу. И все же ему не давало покоя то, что творится в АДМ.

– Я предупредил Уилсона о том, что это опасно. Я сказал: «Ты же должен понимать, что это как русская рулетка».

– Да, я тоже так считаю, – ответил Уайтекер. – Это аморально и совершенно незаконно. Абсолютно.

– Мик и другие там, наверху, если и сознают это, то полагают, что им ничто не грозит, потому что сами в этом не участвуют.

Уайтекер вновь согласился.

– А вообще это их дела, – заключил Брассер. – Только рано или поздно их поймают.

– Ну, если их поймают на лимонной кислоте, то размотают и дела с фиксированными ценами на остальные продукты. И что тогда?

– Не знаю, – ответил Брассер.

Агент слышал лишь то, что говорил Уайтекер, но понимал, что собеседники обсуждают противозаконные действия руководства АДМ. Между тем Брассер говорил, что Уилсон хочет договориться о ценах на молочную кислоту, еще одну кормовую добавку.

– То есть он собирается устроить «это самое» и по ценам на молочную кислоту?

– Ну да.

Но АДМ придется повоевать с конкурентами за приличный кусок рынка, добавил Брассер. Занижая цены, делаешь конкурентов сговорчивее.

– Ничего себе! – откликнулся Уайтекер.

– И еще Терри сказал мне: «Не волнуйся, если кто и попадет за решетку, так это мы с Барри».

Уайтекер был поражен, но, стараясь казаться спокойным, только фыркнул:

– Так и сказал?

– А я ему говорю: знать ничего не хочу об этом.

– Он так и сказал: «за решетку» и все такое?

– Ага, – засмеялся Брассер.

Уайтекер взглянул на часы: было 11.35. Он сказал Брассеру, что пора спать, но тот болтал еще минут пять, пока не выговорился. Уайтекер пообещал Брассеру, что будет ему звонить.

– Счастливого Рождества тебе и твоей семье, – сказал он напоследок.

– Давай созвонимся до Рождества, – предложил Брассер.

Уайтекер согласился, и они распрощались. Положив трубку, Уайтекер с шумом выдохнул и посмотрел на Шепарда и Везеролла.

– Ох, ничего себе, – произнес он.{109}

Минут через двадцать Шепард проводил Уайтекера к выходу из отеля и, коснувшись его плеча, сказал, что на следующий день им придется поговорить еще раз. Он оставит сообщение на голосовой почте с номером комнаты, где они встретятся. Уайтекер выглядел совсем обессиленным. Он кивнул и вышел на улицу.

Вернувшись к Везероллу, Шепард покачал головой. Даже из того, что они слышали, было ясно, что запись представляет собой нечто исключительное.

Их свидетель, лживый, пытавшийся обвести их вокруг пальца и не выдержавший проверку на полиграфе, был втянут в сеть обширного криминального заговора.

И каким бы невероятным ни казалось то, что говорил Уайтекер, сеть эта, похоже, была еще шире, чем они смели представить.

На перекрестке возле отеля Уайтекер повернул налево и поехал домой, в Моуикву.

Ему все же не верилось в провал испытания на детекторе лжи. Чепуха какая-то. При всех его ответах график не менялся.

Возможно, подумал он, агенты солгали, что он провалился, чтобы сделать его послушнее. Скорее всего именно так.

Он глубоко вздохнул, избавляясь от тревог этого вечера. С записью разговора с Брассером все вышло даже лучше, чем он ожидал. Теперь агенты, по крайней мере, знают, что не ему одному есть что порассказать о фиксировании цен. Может, они даже откажутся от него, Уайтекера, как от свидетеля.

А лучше всего то, что Брассер ничего не знает о лизине. Надо будет почаще упоминать его в разговоре с агентами, решил Уайтекер.

На следующий день Шепард и Везеролл снова были в «Холидей-Инн», полные решимости взять Уайтекера за жабры и окончательно разобраться со звонком Фудзивары. Что-то было не так. Пахло враньем. Уайтекера не отпустят, пока не вытянут из него правду.

Уличать свидетеля в обмане – дело тонкое. Угрозами можно только все испортить: в конце концов, их цель – вернуть доверие, а страх – плохой советчик. Решили, что изобличать Уайтекера будет Везеролл. Он вел допросы очень искусно, и с ним Уайтекер чувствовал себя не так комфортно, как с Шепардом.

Прибыл Уайтекер, и вначале все шло заведенным порядком. Они обменялись рукопожатиями, Шепард спросил Уайтекера о его семье, Уайтекер тоже спросил Шепарда о семье. Наконец Уайтекер сел. Напротив него уселся Везеролл, и Уайтекер сразу понял, что готовится что-то необычное.

– Марк, – сказал Везеролл, – надо поговорить.

– О'кей, – кивнул Уайтекер.

– Я хочу поговорить о том, насколько откровенны вы были с нами, рассказывая о попытке вымогательства со стороны Фудзивары.

Это, казалось, застало Уайтекера врасплох.

– Я сказал вам правду, – произнес он растерянно.

– Понимаете, Марк, когда вы вчера проходили проверку с полиграфом, график показал, что в этом вопросе вы были не вполне откровенны. Вам есть что добавить.

Уайтекер энергично замотал головой:

– Нет, я рассказал вам все. Я сказал правду.

– Марк…

– Знаете, я слышал, что эти детекторы лжи не всегда надежны. Я хочу сказать, есть такая точка зрения.

– Марк…

– Да нет, я рассказал все, как есть. Абсолютно.

Везеролл наклонился к нему и произнес самым ласковым,

почти отеческим тоном:

– Марк, дело не только в детекторе лжи. В этой истории с Фудзиварой и без того много странного. С тех пор как ФБР занялось этим делом, не поступило ни одного звонка. У вымогателей нет привычки позвонить, назвать свое имя и забыть об этом. Тем более что речь шла о нескольких миллионах долларов.

Уайтекер изворачивался, но всякий раз Везеролл спокойно объяснял, что его слова не вяжутся с фактами.

– Марк, я понимаю, вам трудно. Вы не раз повторяли эту историю – сначала на работе, затем нам. Но она лишена смысла.

Уайтекер молча смотрел в стол с непроницаемым выражением.

– Марк, вы же мучаетесь из-за того, что скрываете правду. – Везеролл вперил в Уайтекера долгий взгляд. – Пора облегчить душу. Пора сказать правду.

Уайтекер глубоко вздохнул. В глазах заблестели слезы.

– О'кей, – произнес он сдавленным голосом.

Ну наконец-то. Первый успех. Согласившись сказать правду, Уайтекер тем самым признал, что до сих пор обманывал агентов. А в этом, понимал Везеролл, признаться труднее всего.

– Ну хорошо, Марк! – сказал он. – Все хорошо. Теперь скажите мне, в этой истории с Фудзиварой не все было правдой?

Уайтекер кивнул.

– То есть вы обманывали нас?

– Ну да, – вздохнул Уайтекер.

– И обманывали сотрудников АДМ?

Уайтекер снова кивнул:

– Я соврал Мику.

Везеролл перевел дыхание.

– Скажите, Марк, звонил ли вам Фудзивара, чтобы сообщить о саботажнике на заводе?

Уайтекер в нерешительности молчал.

– Марк…

– Я уверен, что на заводе орудует «крот». И Рэнделл тоже так думает…

Уклончивый ответ. К тому же голос свидетеля дрогнул.

– Марк, – повторил Везеролл, – Фудзивара когда-нибудь звонил вам? Говорил о саботаже? Требовал ли он денег?

Нет ответа.

Наконец Уайтекер медленно покачал головой.

– Нет, – сказал он тихо. – Я это выдумал.{110}

Разговор длился несколько часов. Как и ожидал Везеролл,

сознавшись в обмане, Уайтекер начал сыпать откровениями. Сам он при этом то испытывал облегчение, то впадал в расстройство.

Нет, звонка о саботаже не было, и не было попытки вымогательства, сказал он, но он не думал, что все зайдет так далеко. Дела на заводе шли хуже некуда. Откуда-то появился вирус, из-за него не могли наладить производство, и все наседали на Уайтекера, требуя решить проблему. Миллионы долларов летели псу под хвост. Начальство было им недовольно.

Вредительство, с его точки зрения, объясняло все. Но когда он высказывал эту идею, никто не воспринял ее всерьез и не пытался выяснить, что происходит на самом деле. А затем в сентябре ему позвонил Фудзивара.

– Зачем? – спросил Шепард.

– По техническому вопросу. Он интересовался статусом нашей патентной заявки на процесс сушки продуктов. Я не знал ответа на его вопрос, но пообещал выяснить и перезвонить.

Но этот звонок, сказал Уайтекер, навел его на мысль устроить так, чтобы руководство компании прислушалось к его подозрениям. Он пошел к Мику Андреасу и сказал ему, что, по словам Фудзивары, на заводе орудует «крот» и что тот обещает назвать его имя за деньги.

Мика, казалось, все это не слишком взволновало. Его больше интересовала возможность достать с помощью Фудзивары микробы, которые применяла «Адзиномото». Он был готов заплатить за эти штаммы шесть миллионов долларов.

– Через несколько дней Фудзивара позвонил снова. Я сказал ему, что, по моему мнению, у нас на заводе действует диверсант, засланный «Адзиномото».

– И как он отреагировал на это? – заинтересовался Везеролл.

– Похоже, он удивился. Но отрицать не стал.

В ходе дальнейшего разговора, сказал Уайтекер, он передал Фудзиваре предложение Мика Андреаса об уплате денег за микробы, принадлежавшие «Адзиномото».

– Фудзивара удивился и, по-моему, не слишком заинтересовался этим предложением, – продолжал Уайтекер. – Но я все же сказал, чтобы он подумал, и спросил номер его домашнего телефона. Номера он не дал. В течение месяца он звонил несколько раз, но продавать микробы не соглашался. Мик стал беспокоиться, что японцы что-то замышляют, и попросил меня не приставать пока к Фудзиваре, потому что он сам собирается кое-что предпринять. Ну а затем в компанию нагрянули вы.

С появлением ФБР политика АДМ круто изменилась, сказал Уайтекер. Андреас тут же велел Уайтекеру передать Фудзиваре,

что сделка отменяется. Уайтекер якобы позвонил японцу и сказал, что в АДМ сейчас напряженная обстановка и с микробами надо подождать.

Уайтекер перевел взгляд с Шепарда на Везеролла.

– С тех пор, – сказал он, – никаких переговоров с Фудзиварой не было. Вообще не было.

Агенты просмотрели свои записи. Теперь история была похожа на правду. Идея покупки иммунных микробов у конкурента согласовывалась со всем тем, что Уайтекер рассказывал им о промышленном шпионаже.{111}

– Итак, – резюмировал Шепард, – основным мотивом, побудившим вас сочинить эту историю и рассказать ее Мику Андреасу, было…

– Основным мотивом было доказать Мику, что то, о чем я говорил в течение полутора лет, действительно существует, – ответил Уайтекер. – Я думаю, что у нас на заводе «крот», который заражает вирусом баки и добывает информацию.

– А почему вы согласились попробовать достать иммунных микробов через Фудзивару?

– Я же руководил производством и хотел быть в команде, – пожал плечами Уайтекер. – Думал, это поможет улучшить отношения с Миком.

Агенты еще раз расспросили Уайтекера с самого начала и подробно записали ответы. Они хотели увериться в том, что эта версия событий окончательная и Уайтекер от нее не отступит. Везеролл показал ему протокол и спросил:

– Все верно?

Уайтекер кивнул.

– Марк, если вы умолчали о некоторых обстоятельствах, сейчас самое время рассказать о них. Нам нужна полная правда.

– Это полная правда, – сказал Уайтекер.

– Теперь это документ, который может быть предъявлен в суде, как и все остальное, что вы скажете. Понимаете?

– Да, понимаю.

– Значит, вы можете подписать его? Больше ничего не добавите?

Уайтекер помотал головой.

– Хорошо, – сказал Везеролл и передал ему бумаги.

Уайтекер подписал показания, Шепард и Везеролл поставили подписи как свидетели.

– Хорошо, Марк, – сказал Везеролл. – Я рад, что вы рассказали правду. Вы поступили правильно.

Минут через двадцать встреча закончилась. Уайтекер наконец перестал врать. Теперь агенты могли рассчитывать на настоящее

сотрудничество свидетеля.

Джинджер Уайтекер в ночной сорочке и халате вошла в гостиную с двумя стаканами лимонада. Марк растопил камин, и пламя озарило комнату теплым светом. Джинджер подошла к дивану, на котором сидел Марк, подала ему стакан, села рядом и сделала глоток, глядя на огонь.

– Марк, – сказала она, – ты все делаешь правильно.

– Я знаю, – ответил он, отпив лимонада.

– Раз ты сделал первый шаг, надо идти до конца.

– Но я всегда могу бросить все это.

– Ну да, можешь уйти и устроиться на другую работу. Я-то буду только рада. Но пока ты в АДМ, нужно сотрудничать с ФБР. Ты должен подписать соглашение.

Он сделал еще глоток.

– От этого ничего не изменится, – сказал он. – Я и так по первому их свистку бегу на встречи, записываю разговоры на диктофон. Теперь разве что писанины добавится.

Джинджер не знала о том, что он обманывал ФБР и признался в обмане; не знала она и о его плане. А Марк все еще надеялся повернуть расследование в нужную сторону и отделаться от ФБР. Но до этого нужно было сотрудничать с ними и подписать соглашение. По крайней мере, в этом случае ему не смогут предъявить обвинение.

– Ладно, – сказал он. – Позвоню Брайану и скажу, что согласен подписать.

Джинджер положила голову ему на плечо. Она гордилась мужем. Он поступал правильно.

Пришло и закончилось Рождество, а после него Шепард и Везеролл получили от Уайтекера подарок: согласие подписать соглашение. Вечер его признания стал, по-видимому, поворотным. Теперь Уайтекер только и говорил о том, как он рад помочь ФБР. Шепард позвонил Кадмору и сообщил: прокурор может приезжать и выкладывать соглашение на стол.

Они встретились в «Холидей-Инн» во вторник, 29 декабря. Уайтекер опоздал: он ездил в магазин, где купил семь банок засахаренного попкорна – запоздалое рождественское подношение своим сотрудникам.{112}

– Я привез соглашение, – сказал прокурор, доставая документ на трех страницах. – О нем я вам уже рассказывал. Давайте пройдемся по нему вместе, чтобы у вас не оставалось никаких вопросов.

Уайтекер прочитал тринадцать пунктов соглашения. В нем

говорилось, что Уайтекера не могут привлечь к судебной ответственности на основании предоставленной им информации. Он же, со своей стороны, обязан «полно и правдиво» описать все преступления, которые совершил он сам или другие. Если он солжет или утаит какие-нибудь сведения, то все сообщенное им может быть использовано против него как основание для обвинения, включая обвинение в лжесвидетельстве.

> «Вы не должны скрывать или преуменьшать свою роль в том или ином преступлении,

– было написано далее. –

> Вы обещаете, что будете участвовать в преступной деятельности любого вида, только предупредив агентов ФБР и с их одобрения».

Уайтекер обратил внимание на пункт, запрещающий передачу информации о проводящемся расследовании без согласия ФБР. В документе неоднократно упоминались «действия под прикрытием» и «статус прикрытия» свидетеля. Уайтекер спросил, в чем будут заключаться его действия под прикрытием.

– Это ваши тайные действия, – ответил Кадмор, – записывать разговоры на диктофон, добывать документы и так далее.

Закончив чтение, Уайтекер посмотрел на прокурора:

– Я должен подписать это прямо сейчас?

– Не обязательно, – ответил Кадмор. – Возьмите текст соглашения с собой, покажите его вашему адвокату. Но этот текст окончательный и не обсуждается. Я уже говорил, что нам все равно, рассматривать вас вместе с другими в качестве обвиняемого или нет. Подписав соглашение, вы тем самым доказываете свои честные намерения, и расследование сосредоточится на других лицах.

– Понятно, – кивнул Уайтекер.

В начале января, добавил Кадмор, Уайтекер должен окончательно решить, подпишет он соглашение или нет. Затем прокурор собрал бумаги.

– Вы приняли верное решение, – сказал он, пожимая Уайтекеру руку.

Кадмор направился к дверям, но вдруг остановился и, обернувшись, сказал:

– Всех с Новым годом![113]

В следующий понедельник Уайтекер явился в отель к Шепарду в дорогом костюме и ярком галстуке. Держался он по-

свойски, был спокоен и уверен в себе. Судя по всему, на попятный он идти не собирался.

Уайтекер и Шепард сели за стол. Уайтекер начал с того, что соглашение еще не подписал, потому что все еще изучает его.

Шепард спросил его, нет ли новой информации о фиксировании цен. Уайтекер ответил, что не произошло ничего, о чем стоило бы сообщать.

– Но я подумал, что, может, стоило бы допросить Уэйна Брассера. Он знает обо всем этом гораздо больше.

– Мы собираемся поговорить с ним, Марк.

– Лучше с этим не тянуть. Если пройдет много времени, он забудет подробности.

Уайтекер должен разузнать как можно больше о фиксировании цен, настаивал Шепард. Тот ответил, что постарается, но это будет непросто – все осторожничают.

От фиксирования цен перешли к промышленному шпионажу. Уайтекер и раньше говорил, что АДМ подкупила одного из служащих «Интернэшнл минералс», Майкла Фрейна. Шепард попросил рассказать об этом подробнее.

Все эти сведения от Рэнделла, сказал Уайтекер. АДМ заплатила Фрейну солидную сумму за то, чтобы он добыл микроорганизмы, которые «Ай-эм-си» использует в производстве антибиотика бацитрацина.

– Вы увидитесь с Рэнделлом в ближайшее время? – спросил Шепард.

– Я вижусь с ним каждый день.

– В следующий раз спросите его о Фрейне. Посмотрим, что он скажет.{114}

В среду, 6 января 1993 года, Джим Рэнделл с наслаждением откинулся на спинку мягкого кресла реактивного самолета, принадлежащего АДМ. Он отдыхал, пусть и под рев двигателей. Ни звонков, ни совещаний. Он ослабил галстук, вытянул ноги, взял стакан с напитком.

Уайтекер стал искоса наблюдать за президентом АДМ. Уже второй день они облетали разные города в поисках места для производства нового продукта, метионина, – аминокислоты, которая, как и лизин, ускоряет рост животных. Большую часть пути их сопровождал консультант Крис Джонс, бывший коллега Уайтекера из компании «Дегасса». Только что они высадили Джонса на аэродроме города Лейк-Чарльз в Луизиане и остались вдвоем.

Несколько минут они говорили о том о сем. Уайтекер сказал, что встретил на днях одного типа из компании «Американ

цианамид», которая занималась производством бацитрацина. Рэнделл откинул голову, собираясь вздремнуть.

Уайтекер сунул руку в левый внутренний карман пиджака, где лежал диктофон ФБР. При включении лампочка-индикатор загорелась красным.

Уайтекер наклонился к Рэнделлу:

– Знаете, этот парень из «Цианамида» все приставал ко мне с вопросом, откуда мы взяли технологию.{115}

Несколько дней спустя Шепард вставил кассету 1B13 в плеер «Тэскам». Надев пару объемистых наушников, он включил воспроизведение. По его ушам ударил рев двигателей реактивного самолета, и стало ясно, что запись испорчена фоновым шумом. Тем не менее он расслышал, как Уайтекер говорит о парне из «Цианамида», который интересовался, откуда у АДМ некая технология.

– Я сказал ему, что мы раздобыли ее, то есть технологию производства бацитрацина, у корейцев.

Рэнделл что-то сказал, но его слова заглушили самолетные двигатели.

– Что-что? – спросил Уайтекер. По-видимому, и в самом самолете слышимость была не лучше.

– Где раздобыли? – повысил голос Рэнделл.

– У корейцев, – сказал Уайтекер. – Стандартный ответ, который мы даем на такие вопросы. Правда, задают их не так уж часто.

– Угу, – пробасил Рэнделл.

Шепард отмотал часть пленки назад и прослушал разговор еще раз. Рэнделла не удивило, что Уайтекер соврал о происхождении технологии. Уже одно это кое-что означало. Шепард стал слушать дальше. Снова голос Уайтекера.

– А он говорит мне, что разговаривал с парнями из «Интернэшнл минералс» и они считают, что Майкл Фрейн, который ушел от них, украл штамм микробов и передал нам. Вот так и сказал.

– Угу, – отозвался Рэнделл.

Никакого удивления, полная индифферентность. Интересно, интересно.

Разговор перескакивал с одного на другое. Рэнделл упомянул некоего Скотта, сотрудничавшего с АДМ.

– Он ведь дружил с Майком Фрейном? – спросил Уайтекер.

– Ага, дружил.

– Через него вы и вышли на Фрейна, да?

– Угу.

– Значит, Фрейн не сам пришел к нам в поисках работы, его прислал Скотт?

– Не помню точно, что там было… – начал Рэнделл, но его слова потонули в реве двигателей.

Через несколько секунд слышимость восстановилась.

– Я заплатил ему за эту «букашку» пятьдесят тысяч.

– Самая дешевая «букашка» из всех, что мы покупали, – заметил Уайтекер, и оба рассмеялись.

Шепард попытался выудить хоть кусочек потонувшего в гуле высказывания Рэнделла, но безуспешно. Зато первая же фраза звучала как удар колокола: «Я заплатил ему за эту „букашку“ пятьдесят тысяч».

Затем Уайтекер сменил тему.

– Зря мы связались с Фрейном и его бацитрациновым микробом, – посетовал он. – Что нам надо, так это лизиновые «букашки» «Адзиномото».

– Думаешь, они лучше наших?

Шепард навострил уши. Микробы «Адзиномото» упоминались уже не раз. В вечер, когда Уайтекер в своей машине впервые рассказал Шепарду о мошенничестве с ценами, он говорил, что АДМ нанимала женщин, чтобы те покрутились возле американского филиала азиатской компании, постарались завести знакомство с кем-нибудь из служащих и навели их на разговор о продаже микробов. Шепард надеялся, что в записанном разговоре всплывет и это.

Рэнделл с Уайтекером обсудили технические отличия разных микробов. Вдруг Уайтекер, распространявшийся о характеристиках микробов, круто повернул разговор:

– Шевирону так и не удалось тогда добиться толку с этими девками?

– Нет, мы велели ему прикрыть дельце, – ответил Рэнделл. – У нас тогда завязалась дружба с японцами, и требовалась другая стратегия.

Шепард остановил пленку и отмотал немного назад.

> «– Шевирону так и не удалось тогда добиться толку с этими девками?
>
> – Нет, мы велели ему прикрыть дельце».

Потрясающе.

Шепард прослушал запись до конца. Качество ее было хуже некуда, но теперь Шепард считал, что история Уайтекера о промышленном шпионаже может оказаться правдой.{116}

9 января, после двух дождливых дней, солнце пробилось

сквозь тучи и засияло над Декейтером. Шепард быстро добрался до стоянки отеля «Холидей-Инн». Сегодня, в такую хорошую погоду, они решили не прятаться в номерах.

Через несколько минут подъехал Уайтекер. Спустя секунду к нему подсел Шепард.

– Соглашение у вас с собой? – спросил он.

– Да, вот оно, – ответил Уайтекер.

В тот день Уайтекер в телефонном разговоре сказал, что готов подписать соглашение. Шепард хотел сделать все как можно быстрее, и Уайтекер согласился прийти на встречу. На следующей неделе он собирался по делам на Каймановы острова. {117}

Уайтекер вручил Шепарду подписанное соглашение, и они перебросились парой слов, а Уайтекер решил добавить к соглашению еще один пункт. Достав ручку, на последней странице он написал:{118}

> «В дальнейшем я обещаю проходить проверку на полиграфе в любое время».

Огромный угловой кабинет Дуэйна Андреаса находился на шестом этаже административного здания АДМ, рядом с залом заседаний совета директоров. Конфиденциальность ценили в компании очень высоко, и кабинет Андреаса был настоящим храмом тайн. Без приглашения сюда не входил почти никто, и мало кто был свидетелем того, как Андреас плетет телефонные интриги с промышленниками и политиками.

В этом кабинете принимались все окончательные решения. Дуэйн прислушивался к советам, но последнее слово всегда было за ним, главой компании. В тот день Андреасу предстояло принять особенно важное решение.

Увольнять Уайтекера или нет?

Эта история с Фудзиварой всем уже въелась в печенки. Теперь уже никто не верил, что в компании завелся «крот». По-видимому, Уайтекер сочинил «крота», чтобы выиграть время для наладки заводского производства. А эта нелепая выдумка с угрозами его дочери? Да что с ним такое?

Рейзингу поручили допросить Уайтекера с пристрастием и выяснить в точности, звонил ему Фудзивара или нет. Уайтекер по-прежнему настаивал на версии саботажа, но доказательств привести не мог.

Ситуация была слишком необычной. Хорошо еще, что ФБР, похоже, не отнеслось к этому расследованию всерьез. Время от времени заглядывал Шепард, но новых звонков от Фудзивары не

было, и его интерес к этому делу вроде бы увял. Дуэйн не желал, чтобы эти разговоры дошли до правительства. Он не любил выносить сор из избы.

В конце концов Дуэйн решил, что с Уайтекером лучше расстаться. Он позвонил Рэнделлу и пригласил его к себе. Президент АДМ работал с молодым менеджером больше других, и к его мнению стоило прислушаться.

Услышав о решении председателя, Рэнделл остолбенел.

– Дуэйн, вы это серьезно? Уайтекер нам нужен. Никого лучше нам не найти.

Конечно, продолжал он, Уайтекер не без странностей и вся эта история с Фудзиварой – сплошная галиматья. Но Уайтекера можно понять: он неопытен, он испугался. И в конечном счете главное – бизнес, а подразделение, которым руководит Уайтекер, стало наконец прибыльным.

– Его прибыли выше всех. Нам без него не обойтись, – заключил президент.

Рэнделл даже пообещал, что будет лично приглядывать за Уайтекером, и Дуэйн сдался. Рэнделл убедил его, что Уайтекер необходим для процветания АДМ.{119}

На всем протяжении чикагской «Великолепной мили», знаменитого торгового района с шикарными магазинами, псевдоготическими офисами газетных издательств и отелями мирового класса, царила атмосфера волшебной сказки. 22 января рождественские фонарики все еще прятались в ветвях деревьев на Мичиган-авеню, словно город не мог расстаться с отошедшим в прошлое праздником. Виновницей затянувшегося Рождества была одна из голливудских киностудий, снимавшая здесь кино, но чикагцы охотно подхватили иллюзию. Отголоски праздничного веселья бодрили Чикаго и помогали городу пережить очередную студеную зиму.{120}

В самом центре этого покупательского рая два азиата направлялись в сорокашестиэтажный отель «Чикаго Марриот Даунтаун». В элегантных костюмах и галстуках приглушенных тонов, они выглядели как обычные бизнесмены, приехавшие по делам. Так оно, в общем, и было – Кандзи Мимото и Хирокадзу Икэда приехали по важному делу: чтобы совершить преступление. Их послали восстановить незаконный ценовой сговор между производителями лизина.

Одним из пунктов их программы была встреча с представителями компании АДМ, которая теперь стала их соперником. На эту встречу они шли без воодушевления: руководителям АДМ, на их взгляд, не хватало рассудительности и

хороших манер. Американцы ворвались в лизиновый бизнес как ковбои и перевернули вверх дном столы переговоров, за которыми азиатские компании уже много лет обсуждали проблемы фиксирования цен. Привычный и удобный способ ведения дел канул в прошлое.

Более того, они подозревали АДМ в воровстве. В «Адзиномото» хорошо знали, сколько лет требуется для выведения нужного штамма микробов. А АДМ стала крупным игроком чуть ли не в один день. Японцы были уверены, что этого можно достичь лишь кражей их собственного штамма.{121}

Во время сентябрьского визита в Декейтер, когда Икэда и Мимото осматривали завод АДМ вместе с двумя своими инженерами, им представился случай проверить свои подозрения. Мимото попытался похитить микробы АДМ, протерев мокрым носовым платком перила лестницы. Дома они немедленно отправили платок в лабораторию для поисков генетических маркеров, внедренных в микроорганизмы, которые использовали они сами, и тем самым доказать факт воровства.

Увы, затея провалилась. Если на платке и остались микробы, они погибли в пути через океан.{122} Так что выпихнуть АДМ с рынка, предъявив американцам иск в нарушении патента, не удалось, и эти планы пришлось отложить до будущих времен. Оставалось только сотрудничать с ними. До поры до времени.

Икэда и Мимото прошли через вестибюль отеля к лифтам и вознеслись наверх. Там они долго бродили в поисках конференц-зала, где была назначена встреча с одним из представителей АДМ. Наконец зал нашелся. Они вошли, и ожидавший их человек встал.

– Мистер Уайтекер! – произнес Икэда. – Рад видеть вас.

Уайтекер улыбнулся, и они обменялись энергичными рукопожатиями.

– Я тоже рад снова встретиться с вами.

Все уселись и принялись за доставленную из ресторана еду, дружески болтая. Постепенно перешли к делу. Японцы выдвинули условие: при любых соглашениях «Адзиномото» остается лидером на рынке лизина. Уайтекер уклонился от ответа, сказав, что все условия следует обсудить при встрече с Миком Андреасом, иначе их договоренность не будет иметь силы.

Японцы не растерялись. Шли обычные переговоры, когда сталкиваются интересы и стороны отстаивают свои непримиримые позиции.{123}

Необычным в переговорах было то, что Икэда и Мимото беседовали с человеком, подписавшим соглашение с ФБР, по которому он должен был информировать агентство обо всех

незаконных сделках. Все сказанное предполагалось записать на диктофон, чтобы агенты ФБР могли проследить за ходом встречи.

Но ничего этого сделано не было. Уайтекер не делал записей, агенты не вели никакого наблюдения. Они даже не знали о том, что Уайтекер отправился в Чикаго договариваться о ценах с японцами. Он ничего им не сказал.

Уайтекер решил сохранить эту поездку в тайне.

Расти Уильямс, увидев, что к нему направляется Уайтекер, отложил садовые инструменты. Уильямс работал садовником Уайтекеров всего полгода, но уже привязался к новому боссу. Говоря проще, Уайтекер стал для него не боссом, а другом. Узнав, что Уильямс задолжал семь тысяч долларов, Уайтекер вручил ему эту сумму в подарок. Он не смотрел на Уильямса как на пустое место, не был высокомерен и часто делился с ним своими рабочими и домашними проблемами.

По газону Уайтекер прошел к белой изгороди, возле которой стоял Уильямс.

– Привет, друг, – поздоровался он.

– Привет. Как дела?

Они поговорили о состоянии участка. Уайтекер всегда заботился о чистоте подъездной дорожки. Затем он переключился на свою работу в АДМ. Недавно Уильямс узнал, что Уайтекер занимает высокое положение в компании и руководит производством лизина, и был впечатлен.

В этот раз Уайтекер сказал, что рассчитывает стать очень богатым.

– У меня планы, приятель, у меня есть планы.

– Что за планы?

– Знаешь, если бы я мог контролировать цены на бензин, то стал бы миллионером.

– Ну да?

Уайтекер кивнул.

– А если я буду контролировать цены на лизин и другие продукты АДМ, – продолжил он, – то к пятидесяти годам стану миллиардером.{124}

Прошло шесть недель.

Расследование зашло в тупик. Шепард официально уведомил АДМ, что ФБР прекращает дело Фудзивары. Новых звонков от японца не поступало, и расследовать было нечего. В компании все вздохнули с облегчением.

От Уайтекера, несмотря на подписанное соглашение, толку было мало. С конца января агенты встречались с ним раз пять или

шесть, но о фиксировании цен он не сообщил ничего нового. Зато все чаще упоминал Уэйна Брассера. Он откровенно надеялся, что главным свидетелем вместо него станет Брассер. Агенты провели пробный допрос Брассера по делу Фудзивары и среди прочих задали вопрос о том, не желает ли он обсудить иные проблемы. Брассер такого желания не выразил, а агенты не стали настаивать. Чем больше народу будет знать об их интересе к фиксированию цен, тем скорее об этом узнает руководство АДМ, и оно непременно насторожится.{125}

К тому же те немногие аудиозаписи, которые представил Уайтекер, были плохого качества. Агенты на своем веку прослушали тьму записей разговоров и ожидали более качественного материала. Некоторые из записей – вроде записанного в самолете разговора с Рэнделлом – было трудно расслышать. В других случаях слова заглушал телевизор и прочие помехи. А в содержании записей хорошего качества не было ничего ценного. Агентам осточертело слушать о Брассере, они хотели знать, что говорят те, кто работает в компании. Но Уайтекер снова и снова твердил, что записывать было нечего.

Наконец терпение Шепарда лопнуло.

– Уайтекер только притворяется, что сотрудничает, – заявил он Везероллу. – Думаю, он хочет сорваться с крючка.

Везеролл согласился. Уайтекер, несомненно, что-то утаивает. Агенты снова обратились к спецагенту Стивену Эттеру из подразделения психологов-бихевиористов, который уже консультировал их относительно Уайтекера несколько месяцев назад. Шепард изложил ему соображения, и Эттер дал несколько советов, после чего Шепард позвонил Байрону Кадмору и поделился с ним своими заботами.

– И что вы собираетесь делать? – спросил Кадмор.

– Еще раз прогнать его через машину.

То есть снова проверить на полиграфе.

– Ну и правильно, – отозвался Кадмор. – Сообщите результаты.

Двадцать секунд.

– Вы говорите нам всю правду о своем участии в фиксировании цен? – спросил агент Гамара.

Уайтекер взглянул на график. В тот вечер, 10 марта, он увидел Гамару и удивился. Его снова не предупредили. Он пытался сохранить невозмутимость, заявил, что ничего не скрывает и охотно пройдет еще одну проверку. Гамара вновь заранее перечислил вопросы, которые собирался задать. Но этот вопрос его встревожил.

– Да, – ответил Уайтекер, повысив голос.

Кажется, график не изменился. Этот вопрос был пятнадцатым по счету и вторым из тех, что касались фиксирования цен. Еще два были таковы: правда ли, что Мик Андреас велел ему купить микробы у Фудзивары, и действительно ли он перевел звонки со своей домашней линии на служебную по указанию Марка Шевирона. Оба раза Уайтекер ответил «да».

Гамара задал последний, контрольный, вопрос и, не поднимая головы, сделал пометку на графике.

Закончив повторную серию вопросов и ответов, Гамара внимательно изучил графики и сделал пересчет результатов. Сомнений не было: на все вопросы о фиксировании цен Уайтекер дал ложные ответы.

Он снова не прошел испытание.{126}

Как и в первый раз, агенты ушли совещаться в соседнюю комнату и прикрыли дверь. Затем дверь отворилась. По их лицам он понял все и заговорил, даже не дав им сесть:

– Знаете, парни, я устал, а завтра утром у меня важные дела, так что мне надо домой.

Агенты медлили с ответом, и он повторил:

– Мне правда надо ехать. Завтра трудный день, я устал, так что…

Ну что ж, если Уайтекер решил уйти, не удерживать же его силой.

– Ладно, Марк, – сказал Шепард. – Иди домой.

Уайтекер направился к дверям. Разочарованные агенты молчали. Уайтекер, несомненно, и сам понимал, что провалился. Везеролл был уверен, что, выйдя из номера, Уайтекер больше не вернется. А если и вернется, то снова будет врать.

На тайном сотрудничестве можно ставить крест, удрученно думал Везеролл.{127}

На следующее утро в декейтерской резидентуре ФБР раздался телефонный звонок. Шепард снял трубку.

– Привет! – свистящим шепотом произнес Уайтекер. – Это Марк.

Шепард в растерянности не знал, что сказать.

– Я хочу встретиться, – продолжал Уайтекер. – Мне нужно поговорить с вами.

– Но Марк, мы же…

– Брайан, выслушайте меня еще раз. Поверьте, это очень важно.

– Ну хорошо, Марк, – согласился Шепард, помедлив. – Я

закажу комнату.

Уайтекер был полон энтузиазма. Он с жаром уверял Шепарда и Везеролла, что говорил правду, что хочет сотрудничать и что они могут ему доверять. В этот день он много читал о полиграфах и убедился, что они ненадежны. Проверку на детекторе лжи проваливали многие, говорившие правду. Он сам читал об этом. Он знает.

Агенты на это не купились. Уайтекер может до посинения доказывать, что детектор лжи соврал, это их с толку не собьет.

Когда Уайтекер выдохся, в разговор вступил Везеролл.

– Марк, – сказал он, – я понимаю, что вам нелегко работать в компании, где все это происходит, и нелегко доносить на своих друзей и коллег. Но легких путей не бывает, что поделаешь.

Уайтекер молчал.

– У вас нет выбора, с самого начала не было. Мы все равно никуда не исчезнем. И у вас только один способ защитить себя, только один верный путь – начать говорить правду.

Везеролл несколько минут вразумлял Уайтекера, стараясь в то же время понять его и влезть в его мысли.

– Ну да, конечно, говорить правду трудно. Мы знаем, что вы о чем-то умалчиваете, скрываете от нас что-то. Ясно, что это угнетает вас. Я знаю, как тяжело нести это бремя.

Уайтекер молча смотрел в стол.

– Марк, признайте, ведь так и есть?

Сначала Уайтекер не двигался, затем медленно кивнул.

Есть контакт.

– Говорю вам, Марк, правда – единственное, что принесет облегчение. Перестаньте терзать себя. Начните говорить, и все пойдет само собой. – Он наклонился. – Вам надо думать не о своих коллегах, Марк, а о себе.

Уайтекер взглянул на Везеролла. Он был в тупике. Война цен затухала, встречи с конкурентами из Азии возобновились. Его планы провалились.

Он прокашлялся. Эти ребята слишком упертые, их с толку не собьешь. Еще чуть-чуть, и навесят на него обвинение.

Выхода не было.

– Последние пять недель, – сказал он, – я лично участвовал в переговорах о фиксировании цен на лизин.

Весь следующий час он рассказывал о проведенных им сделках, о переговорах с «Адзиномото» и другим японским конкурентом, «Киова хакко».

– Кто-нибудь знает об этих переговорах? – спросил Шепард.

– Мик Андреас. Он полностью в курсе.

Их сотрудничество зашло довольно далеко, сказал Уайтекер. Японцы согласны установить цену в один доллар десять центов за фунт лизина – почти вдвое выше, чем недавно, – но только если АДМ снизит объемы производства. Очередная встреча назначена на 30 апреля: управляющий «Адзиномото» лично приедет в Декейтер, чтобы увидеться с Миком Андреасом. Уайтекер тоже будет участвовать в переговорах.

Агенты слушали с воодушевлением. После долгих месяцев застоя плотину прорвало. Уайтекер рассказывал о преступлениях, в которых участвовал сам, и это не могло не быть правдой. Не идиот же он возводить на себя напраслину перед агентами ФБР.

Что важнее, сам Уайтекер изменился и держался теперь совершенно иначе, не нервничая и не изворачиваясь. Глаза его горели, казалось, работа на ФБР вдохновляла его. Либо он на самом деле перешел Рубикон, либо был величайшим из всех актеров, каких им доводилось видеть.

– Хорошо, Марк. Но я хочу, чтобы вы не просто высказали нам все это, а записали на пленку. Ваших слов нам мало. Нужна запись. Вы согласны?

Поколебавшись, Уайтекер решился. Агенты были правы: выбор у него простой – либо коллеги, либо он.

– Да, – энергично кивнул он. – Я запишу все, что вы хотите. {128}

Книга вторая
Законы воровской чести

Глава 6

17 марта, в День святого Патрика, к воротам номер три перед административным зданием АДМ подъехал синий «таун-кар». Сидевший в будке охранник вгляделся сквозь стекло в водителя. Уайтекер оторвал руку от руля и помахал ему. Охранник кивнул, и «таун-кар» медленно вкатился на территорию компании.

Объезжая статую Рональда Рейгана перед зданием, Уайтекер включил вмонтированное в козырек над ветровым стеклом электронное устройство, и металлические ворота подземного гаража стали открываться. Уайтекер напрягся. Микрокассетный диктофон, спрятанный в кармане пиджака, казался огромным. Он уже им пользовался, но не при таких обстоятельствах, как сегодня.

Остановив машину на отведенном для нее месте, он сунул руку в карман и включил диктофон, а для проверки заглянул под пиджак. Красная лампочка горела. Уайтекер одернул пиджак, и диктофон записал легкий шорох.

– Сейчас семь тридцать утра, – уставившись в стену, сказал Уайтекер диктофону. – Среда, семнадцатое марта. Я собираюсь пройти в свой кабинет.

Затем объяснил, что включил диктофон именно сейчас, потому что, как только он появится в кабинете, его наверняка немедленно захотят видеть Уилсон и Рэнделл. Накануне вечером он должен был звонить Масару Ямамото из компании «Киова хакко», второго по величине производителя лизина в Японии после «Адзиномото». До Ямамото, которого в АДМ называли между собой Масси, он не дозвонился, но Уилсон и Рэнделл все равно спросят его об этом. Поэтому, сказал он, проще включить диктофон сейчас, когда он один.

Уайтекер открыл дверь машины.

– Выхожу и направляюсь в кабинет, – сказал он будущим слушателям.

По пути в кабинет он ни с кем не разговаривал; войдя, сел за стол и посмотрел на часы.

– Семь тридцать три, – объявил Уайтекер. – Среда, семнадцатое марта.

Он переложил бумаги на столе с места на место и услышал, что кто-то идет.

– Терранс Уилсон на подходе, – предупредил он.

Уилсон был настроен не слишком любезно.

– Ну, говорил ты с Масси? – спросил он.

– Я… ммм… звонил ему, но его не было на месте.

Зато он разговаривал с Кандзи Мимото, сказал Уайтекер. В «Адзиномото» почему-то считали, что АДМ обещала уменьшить в сентябре объем производства лизина, если цены на него вырастут. Однако, как, конечно, помнит Уилсон, они таких обещаний не давали, говорили только, что обсудят это с руководством, если цена достигнет одного доллара десяти центов за фунт. Но этого не произошло – они сейчас продавали лизин по девяносто три цента за фунт.

– Я сказал, что при таких низких ценах разговаривать с нашим руководством нет смысла, – продолжил Уайтекер, – они поднимут нас на смех.

– А он что ответил?

– «Мы считаем, что таково было ваше обещание. Мы рассматриваем это как измену своему слову».

Тут вошел Джим Рэнделл. Президент АДМ присел на стол, сложив руки на груди. Уайтекер повторил все, сказанное Уилсону.

– Нам вчера звонили.

– То есть тебе? Япошки?

– Ага.

– И что сказали?

– Это был Мимото из «Адзиномото». Сначала он оставил сообщение у меня на голосовой почте, и я позвонил ему из телефона-автомата.

Рэнделл сморщил нос.

– Между прочим, твой телефон больше не прослушивается, – сообщил он. – Так что ты зря тратишь деньги на автоматы.

– Ты думаешь?

– Шевирон так сказал. ФБР свернуло расследование и отключилось от твоего телефона.

– Это хорошо, – отозвался Уайтекер. – Все же телефон-автомат по-любому безопаснее. – И изложил Рэнделлу разговор с Мимото. – Он прямо кипятком ссал, – добавил Уайтекер.

– Ну, если ему захотелось поссать, мы мешать не станем, – заявил Рэнделл и рассказал о новинках в производстве лизина, применяемых «этими евреями», а затем вернулся к звонку Мимото и якобы нарушенному обещанию АДМ.

– Что он говорил? Угрожал?

– Он сказал только, что это означает продолжение войны, а цены останутся на нынешнем уровне.

Задав еще несколько вопросов, Рэнделл удалился. Уайтекер сообщил Уилсону, что Мимото беспокоится о соглашении.

– Он сказал, что хочет поговорить с тобой, а я ответил, что вряд ли ты…

– Ты слишком с ними церемонишься, – прервал его Уилсон. – Надо было сказать: «Слушай, засранец японский!..» – Он засмеялся.

Недовольство японца их не заботило. Это их тактический ход в конкурентной борьбе с американцами, считали они. Они никаких обещаний не давали…

– Знаешь, они ведь хитрые, – заметил Уайтекер.

– Это точно.

– И Икэда наверняка сидел рядом с Мимото и подсказывал ему, что говорить.

– Угу. И к тому же в девяносто втором году у нас были именно те объемы, как мы договаривались. Точно такие.

Уайтекер поиграл ручкой, стараясь скрыть возбуждение. Уилсон только что признал, что АДМ обещала «Адзиномото» придерживаться в 1992 году определенных объемов производства.

Они поговорили о загородной конференции по продажам лизина, организованной для лизинового подразделения. Уайтекер спросил Уилсона, приедет ли он.

– Странно быть зрителем, а?

– Ага. Никакой ответственности, и не к чему прицепиться. Уже поэтому стоит съездить.

На этом разговор закончился. Уайтекер положил ручку на стол и следил, как Уилсон выходит из кабинета.{129}

– Только что у меня были Джим Рэнделл и Терри Уилсон, – обратился он к диктофону и несколько минут резюмировал все сказанное. – И кстати, никакого разговора с Мимото вчера не было, я его выдумал для большей выразительности. Только для выразительности, ни для чего больше. Подчеркиваю: разговора с Мимото вчера не было.

Уайтекер повторял свои слова, потому что был взволнован. Он всегда волновался, когда брался за новое дело.

В одиннадцать часов следующего утра Уайтекер снова сидел за рабочим столом. Он включил диктофон в кармане и открыл черный кожаный кейс, на крышке которого блестел золотом тисненный логотип АДМ. Справа в кейсе был блокнот, слева – калькулятор и карта мира. Из специального держателя в стенке кейса Уайтекер вынул ручку и нажал маленькую белую кнопку. Теперь, знал он, завертелась спрятанная под картой микрокассета.{130}

Предыдущий день наполнил его трепетным ощущением собственного могущества. Он расхаживал по помещениям компании, записывал разговоры, и никто его ни в чем не заподозрил. Теперь он мог продемонстрировать агентам ФБР

корпоративную этику АДМ в неприкрашенном виде.

Уайтекер зашел в кабинет Уилсона. Там Мик Андреас обсуждал с Уилсоном какую-то сделку. Спустя несколько минут Андреас обратился к Уайтекеру:

– Теперь о лизине. Когда у тебя очередная встреча с японцами?

– Те, что из компании поменьше, хотят увидеться со мной пятнадцатого в Чикаго, – ответил Уайтекер, имея в виду «Киова хакко».

– То есть через месяц?

– Да. В Чикаго.

– У нас есть время подумать.

– Да.

– А они тем временем звонят и не стесняются делать всякие намеки.

– Точно. – И Уайтекер пожаловался, что японцы твердят о якобы данном АДМ обещании снизить объемы производства. А ведь никто таких обещаний не давал.

– Вот на это и напирай, – сказал Андреас. – А если они обратятся ко мне, я отвечу, что мы не торгуемся и что они дезорганизуют рынок. Скажи ему: «У вас, ребята, цены не поймешь какие, на рынке полный бардак, и я просто не знаю, что за дерьмовую политику вы проводите».

– И она становится все дерьмовее и дерьмовее, – поддакнул Уайтекер.

Приказав вмешаться в ценовую политику конкурентов, Андреас проговорил вслух именно то, что требовалось. Уайтекера вновь охватило радостное волнение. Теперь в ФБР точно ему поверят.

Уилсон бросил:

– Рынок на самом деле больше, чем мы думали. Мы просто вышли на него, ничего не нарушая и никого не ущемляя.

– Точно, – согласился Уайтекер.

– И насрать нам на японцев, – резюмировал Уилсон.

Следующей темой обсуждения стал запрос Говарда Баффета, помощника председателя АДМ и сына Уоррена Баффета, знаменитого миллиардера-инвестора из Омахи. Политики и их помощники, желая получить деньги от АДМ, часто обращались к Говарду.

– Звонил Гови, – сказал Уайтекер, – насчет денег для какого-то Томми Томпсона, или как его там.

Томпсон, губернатор Висконсина, был восходящей звездой Республиканской партии. Сейчас он занимался сбором средств на предвыборную губернаторскую кампанию и хотел переизбираться

в 1994 году. Но партийные функционеры активно продвигали его в федеральные органы управления, – может, даже в Белый дом. Деньги нужны были ему как первый шаг на этом пути, чтобы исключить потенциальных соперников из своего штата.{131}

С деньгами проблема, сказал Уайтекер.

– Мы с Терри объяснили им, что исчерпали средства, которыми имеем право распоряжаться, и не можем ничего выделить. Мы свой лимит исчерпали.

– Иногда можно и выйти за этот лимит, – пожал плечами Андреас. – За небольшой штраф.

– Ага, – бросил Уилсон, – мы им так и сказали.

Уайтекер засмеялся. Радовался он в основном тому, что Андреас беспечно советовал нарушить закон финансирования предвыборных кампаний, а Уилсон вторил ему. Он представил, что подумает общество о политической беспринципности семейства Андреас, когда услышит эту запись.

– Можно дать им тысячу долларов, если это их устроит, – продолжал Уилсон. – Но нам это обойдется в девять тысяч, – сказал он, добавив примерную сумму штрафа за нарушение законов о выборах.

– Двенадцать тысяч, если с налогом, – снова засмеялся Уайтекер.

– Да, верно, – кивнул Андреас. – Так что не давайте им ничего, и посмотрим, что они предпримут.

Тут засмеялся и Уилсон.

Андреас посмотрел на веселящихся помощников:

– Никаких чеков без одобрения отца. Он ведь проверяет их?

– А как же, – подтвердил Уилсон.

На этом разговор закончился, и Уайтекер вернулся в кабинет. Сев за стол, он посмотрел на часы.

– Время одиннадцать пятнадцать, – информировал он диктофон. – Блеск!

Шепард снял наушники, подсоединенные к плееру «Тэскам». Он несколько часов прослушивал две пленки с записями, которые Уайтекер сделал в АДМ и на днях передал им. Качество было неважным, к тому же Уайтекер слишком много говорил сам. Надо сказать ему, чтобы болтал поменьше.

И все же дело наконец пошло. Теперь у них было вещественное доказательство, подтверждавшее показания Уайтекера, – надо признать, сокрушительное доказательство. В компании совершенно плевали на закон, шла ли речь о ценовом сговоре или о финансировании предвыборных кампаний. Сомнений нет: при всех недостатках эти аудиозаписи произведут

огромное впечатление на жюри.

Эти записи полностью проясняли ситуацию со сговором по лизину. В прошлом году на встречах в Мехико и Париже было достигнуто общее соглашение о ценах. Но участники сговора не доверяли друг другу, и, когда цены начали плясать, каждый старался продать побольше, чтобы не упали доходы. «Адзиномото», по-видимому, рассчитывала, что АДМ сократит производство до сорока пяти тысяч тонн в год в одностороннем порядке, но, как показывали аудиозаписи, эти надежды не оправдались. АДМ хотела, чтобы все конкуренты ограничили производство, а она выпускала бы не меньше шестидесяти пяти тысяч тонн в год.

В этом деле решающую роль играл объем производства. Как правило, ценовой сговор возможен, только если производители контролируют естественные факторы рынка – законы спроса и предложения. Чем выше цена продукции, тем меньше спрос. Поэтому дешевые гамбургеры раскупаются лучше, чем качественные бифштексы, хотя, понятно, все предпочли бы бифштекс. Повышая цену, компания сужает рынок сбыта, и на нем остаются лишь те покупатели, которых цена не пугает. Но если компания произведет больше бифштексов, чем способно потребить ограниченное число покупателей, возникнут проблемы. Рестораны и магазины будут забиты нераспроданной продукцией. А раз нельзя принудить людей купить больше, чем им нужно, придется снизить цену бифштекса, чтобы привлечь потребителей гамбургеров. Одностороннее фиксирование цен без договоренности с конкурентами об ограничении количества производимого товара неизбежно приводит к перепроизводству.

Шепард понимал, что ради выживания компаниям рано или поздно придется сесть за стол переговоров. А если все пойдет как надо, тогда ФБР и послушает, что они скажут.

Но это относилось к рынку лизина. О других продуктах АДМ собрать данные было труднее. Компания организовала сбыт по классическому принципу колеса, осью которого были Уилсон и, возможно, Мик Андреас. Они координировали цены на продукцию различных подразделений. А в ведении Уайтекера и других была лишь одна из спиц этого колеса. Усложняло задачу и то, что сговариваться о ценах на разные продукты приходилось с разными компаниями. Например, если надо было зафиксировать цену на лимонную кислоту, то японские и корейские производители лизина никого не интересовали. И единственный путь к уликам пролегал через ось колеса – через Уилсона и Андреаса, и Уайтекер должен был почаще заводить с ними разговоры об этом.

Шепард позвонил Кадмору. Теперь ясно, что расследование становится масштабным, и агентам требовалось подкрепление. Теперь следовало звать на помощь экспертов антитрестовского офиса Министерства юстиции.

Южная часть чикагского района, прозванного «Петлей», состоит из ансамбля зданий – вклада федерального центра в городской архитектурный ритм. Вокруг площади, которую Александр Колдер[42] украсил пятидесятитрехфутовой конструкцией из красной стали, высятся здания, оккупированные силами правопорядка – от федеральных районных судов до чикагского офиса Генерального прокурора США.{132}

Весной 1993 года на тридцать восьмом этаже федерального здания Джона Клучински, самого высокого среди окружающих площадь небоскребов из стали и стекла, работала группа не известных публике прокуроров. В отличие от большинства федеральных прокуроров, эта группа не подчинялась министерству напрямую и редко участвовала в процессах, получавших широкую огласку. Она входила в состав антитрестовского офиса Министерства юстиции на Среднем Западе и следила за соблюдением закона Шермана и связанных с ним актов. Сговоры о ценах и связанные с ними аферы чрезвычайно запутаны, и тем, кто их распутывает, приходится просмотреть тысячи документов, чтобы составить целостную картину экономического преступления.

В марте письмо Кадмора с просьбой о помощи легло на стол Кента Брауна, начальника антитрестовского офиса Министерства юстиции на Среднем Западе. По телефону Кадмор вкратце изложил суть дела АДМ, и Браун ответил, что обсудит его со своей подчиненной Робин Манн, после чего та перезвонит Кадмору.

Браун был уверен, что Манн как нельзя лучше подходит для этого дела. Ветеран отдела, она неоднократно участвовала в расследовании ценовых сговоров, в том числе с использованием аудиозаписей. Правда, ее предыдущие расследования не были настолько масштабными. Она выросла в чикагской семье, которая вела вечную борьбу за существование: отец был мелким торговцем, мать – секретарем. Прежде чем стать юристом, Робин Манн некоторое время работала в отделе социального обеспечения штата. Окончив юридическую школу и не желая прозябать в душной атмосфере юридической фирмы, она вооружилась справочником правительственных учреждений и стала звонить в те из них, что казались ей интересными. Ей повезло: в антитрестовском офисе оказалось вакантное место.

Неизвестно, горела ли Манн с самого начала желанием вступить в борьбу с трестами, но вскоре она стала незаменимым членом команды. Она докапывалась до мельчайших деталей дела и порой изводила коллег своей скрупулезностью. Но зачастую именно ее пристальное внимание ко всем обстоятельствам позволяло найти слабые места в, казалось бы, непробиваемой броне противника.

Взяв записи по делу, Браун нашел Робин Манн и спросил, возьмется ли она за дело о вероятном фиксировании цен в АДМ, построенное на свидетельских показаниях осведомителя.

Манн вопросительно посмотрела на него:

– А что за АДМ?

Уайтекер снова был в комнате отеля вместе с агентами ФБР. На этот раз все были в приподнятом настроении.

– Марк, ваш труд неоценим, – сказал Шепард. – Эти записи – именно то, что надо.

Уайтекер сиял. Его приняли в команду.

Но Шепард указал ему и на некоторые просчеты. Во-первых, сказал он, не надо подробно рассказывать, с кем и о чем он собирается говорить, это будет ясно из самой записи. Во-вторых, спешка ни к чему: никто не просит его за несколько дней обегать с диктофоном в кармане всех сотрудников. В-третьих, ни в коем случае нельзя сочинять байки вроде вымышленного телефонного звонка Мимото – неизвестно, каковы будут последствия.

– Не стоит ходить в кабинеты и заводить ни с того ни с сего разговоры об интересующем нас предмете, если для этого нет повода, – добавил Везеролл. – Разговор должен возникнуть сам собой.

– Парни, – ответил Уайтекер, – сами они ко мне не пойдут. Я руковожу определенным участком работы, и, если я не обращаюсь к ним, значит, всё под контролем.

Агенты задумались, под каким предлогом Уайтекеру удобнее нанести визит начальству.

– Зайдите к ним, например, перед совещанием, – предложил Везеролл. – Скажите, что хотите обсудить связанные с этим производственные вопросы.

– Спросите, какие шаги вам следует предпринять, – подхватил идею Шепард, – а после обсудите результаты. Это будет вполне естественно.

– Ладно, – кивнул Уайтекер.

В заключение Шепард сказал, что один из их сотрудников придумал еще один способ добычи информации.

Уайтекер внимательно выслушал план, который ФБР хотело опробовать.

Сумерки сгустились, и стало темно. Административное здание АДМ опустело. Уборщики приступили к делу; за ними присматривал охранник, расхаживающий по вестибюлю. Примерно в половине восьмого с улицы вошел Уайтекер в сопровождении человека, которого охранник не знал. Человек был одет в костюм, а в руках нес большой кейс. Кто-то из начальства, решил охранник.

– Я привел одного из наших клиентов, – объяснил Уайтекер. – Надо кое-что ему показать.

Охранник равнодушно кивнул. Уайтекер занес в книгу учета посетителей данные «клиента»: «Дуайт Армстронг, компания „Карл Эйки инкорпорейтед“, Огайо».

Они прошли в кабинет Уайтекера, где тот первым делом задернул шторы окон и стеклянной стены. Затем он вопросительно взглянул на своего гостя.

– Поговорим о деле, – сказал тот.

– Производство лизина у нас на подъеме, Дуайт, – начал Уайтекер, садясь за свой стол. – И хочу сказать вам, что мы очень довольны сотрудничеством с вашей компанией. «Карл Эйки» – один из наших лучших партнеров.

Гость тем временем встал на стул и сдвинул одну из плиток облицовки потолка. Затем он перебрался на стол, и его голова скрылась в образовавшемся отверстии.

– Я рад, что вы зашли ко мне, Дуайт, – разливался Уайтекер, глядя, как гость расхаживает по его столу. – Уверен, наши планы произведут на вас впечатление, – тем более что они прекрасно согласуются с профилем вашей компании.

Гость установил плитку на место и сошел на пол.

– Как вы собираетесь дальше развивать свой бизнес в Огайо? – спросил его Уайтекер. – Кого будете в основном разводить – птицу или свиней?

– Мы остановили свой выбор на свиньях, – ответил тот, направляясь к деревянному шкафчику в дальнем конце кабинета. Открыв дверцы, он изучил содержимое.

– А каковы успехи вашей экспериментальной фермы? – полюбопытствовал Уайтекер.

– Все отлично, просто замечательно, – ответил гость, доставая из кейса электронное устройство. Включив его, он проверил радиочастоту.

Еще через десять минут гость вышел из кабинета Уайтекера и направился в конференц-зал.

– У меня тут набор слайдов, думаю, вам интересно будет посмотреть, – произнес Уайтекер.

Погасив верхний свет, он включил проектор. На экране появились желтые буквы на синем фоне: «Отдел биопродуктов АДМ».

– Из этой серии слайдов вы поймете, как организовано подразделение биопродуктов, – обратился Уайтекер к противоположной стене.

Гость вернулся и занялся потолком. Он сдвинул несколько пластин, что-то проверил, спустился, включил электронное устройство и прошел с ним по всему конференц-залу. Уайтекер смотрел на это, продолжая бубнить и переключая слайды. Примерно через полчаса гость собрал свои инструменты и сложил их в кейс.

– Спасибо большое, Марк, – сказал он. – Это действительно производит впечатление.

– Я очень рад, – откликнулся Уайтекер, выключил проектор и зажег верхний свет.

В заключение гость заглянул в компьютерный центр АДМ, после чего они покинули здание. Весь их визит занял примерно час. Выйдя на стоянку, они сели в «таун-кар» Уайтекера, выехали за ворота и повернули в сторону ближайшего отеля.

– Ну как? – спросил Уайтекер. – Удачно?

Его спутник, специальный агент Томас Гиббонс, отвечавший за техническое обеспечение спрингфилдского офиса ФБР, покачал головой:

– Ничего не выйдет. Передать сигнал прямо из здания невозможно.

Уайтекер покивал.

ФБР надеялось смонтировать в административном корпусе АДМ передающее устройство, которое позволило бы наблюдать за переговорами о фиксировании цен. Но сигнал что-то блокировало, – вероятно, низкочастотный прибор, затрудняющий конкурентам возможное прослушивание. Передающее устройство, которое опробовал Гиббонс, транслировало одни помехи.{133}

Так что аудиозаписи, сделанные Уайтекером, по-прежнему были для ФБР единственным источником информации.

Телефон зазвонил, когда Уайтекер из окна своего кабинета разглядывал статую Рональда Рейгана.

– Марк? – произнес голос в трубке. – Это Дэвид Хёх.

Уайтекер улыбнулся про себя. Хёх был из тех, кто рыщет по темным углам индустриального мира. Он, как детектив, собирал конфиденциальную информацию о рынках и поставлял ее клиентам своей консалтинговой фирмы, специализировавшейся в области сельскохозяйственной индустрии. Уайтекер впервые

встретился с Хёхом несколько лет назад, когда тот приехал в Декейтер для ознакомления с АДМ. Рассказывая о себе, Хёх сообщил, что он некоторое время жил в Японии. Знал Уайтекер и то, что Хёх до сих пор поддерживает знакомство с Ямамото из компании «Киова хакко», одним из лучших своих клиентов.

В последний раз Уайтекер говорил с Хёхом несколько недель назад, поэтому сначала они обменялись свежими новостями. Затем Хёх начал мало-помалу вытягивать из Уайтекера информацию.

– Как дела в лизиновом бизнесе?

– Дела идут прекрасно, Дэвид. К июню мы рассчитываем увеличить производство до семнадцати миллионов фунтов лизина в месяц. Так что к войне цен мы готовы.

– Это что-то новенькое, – иронически протянул Хёх.

– На этот раз у нас все шансы победить, Дэвид. При таком уровне производства себестоимость у нас всего пятьдесят центов за фунт. Мы можем снизить цены и все равно останемся с прибылью.

Эта хвастливая тирада заинтриговала Хёха, и он забросал Уайтекера вопросами. В ответах Уайтекера звучала уверенность и даже самодовольство.

Закончив разговор, Уайтекер порадовался своей ловкости. Информация, которой он поделился с Хёхом, была «не для печати», и Уайтекер знал, что Хёх передаст ее в «Киова хакко». Может, Ямамото прочтет это и запаникует.

Это был тактический ход – окольным путем принудить Ямамото сесть за стол переговоров. В конце концов, чем быстрее развернется фиксирование цен, тем скорее Уайтекер отделается от ФБР.{134}

Больница Святой Марии возвышается на берегу озера Декейтер как мерцающий белизной замок. Она расположилась на полпути между АДМ и Моуиквой, и ее большая автостоянка стала удобным и уединенным местом кратких встреч Шепарда и Уайтекера.

Однажды вечером Уайтекер по дороге домой свернул в сторону больницы. С собой у него был кейс, который Шепард попросил его привезти с собой.

Увидев машину Шепарда на стоянке, Уайтекер подрулил ближе. Агент быстро подсел к Уайтекеру.

– Это займет всего минуту, – сказал он, взял кейс Уайтекера и записал его размеры и прочие особенности.

– Мы выдадим вам еще один, точно такой же, – объяснил он. – Но внутри будет вмонтирован диктофон, более

качественный, чем тот, что у вас сейчас.

– Значит, теперь я буду ходить с новым кейсом?

– Только когда надо будет что-нибудь записать. Управиться с ним легче, чем с карманным диктофоном. А в остальное время можете носить старый.

Уайтекер кивнул. От всех этих игрушек его дело становилось еще более захватывающим.

Закончив разговор с управлением ФБР, Джон Хойт, помощник руководящего спецагента спрингфилдского офиса Бюро, в ярости грохнул телефонной трубкой о стол.

– Тупоумные бюрократы! Безмозглые невежды! – заорал он, отмечая каждое слово ударом по столу.

Уже несколько недель он упрашивал штаб-квартиру прислать в помощь одного-двух агентов. Дело АДМ быстро разрасталось, и Шепард с Везероллом были до предела измотаны. Они делали сами буквально все – встречались с Уайтекером, собирали аудиозаписи, прослушивали их. Работали по пятнадцать часов в сутки, почти без выходных. Боже правый, *агенты* тратят время на расшифровку этих чертовых записей! К тому же агентов в спрингфилдском отделении было немного и выделение двух человек из общего графика сказывалось на всей работе. Везеролл перебрался из Шампейна в Декейтер, на его место пришлось поставить другого агента, и теперь нужны были люди, чтобы заменить тех, кто заменил Везеролла и Шепарда. Уж чему-чему, а этому расследованию Бюро должно уделять куда больше внимания, считал Хойт.

Он позвонил в Вашингтон, описал размах проводившегося расследования и требования, которые оно предъявляло агентам.

– Да-а, – протянул вашингтонский чиновник, отвечавший за их участок. – Похоже, это и вправду большое дело. Мы сделаем вот что. Пришлите мне факс об этом деле и скажите, когда будете готовы передать дело в суд. Мы постараемся обеспечить национальный пресс-релиз.

Факс? Хойт работал в системе достаточно долго и знал, что такие письменные отчеты запрашивают, когда хотят отделаться от проблемы. И он ответил, что до передачи дела в суд далеко, что нужны агенты, чтобы вести расследование, нужны записывающие устройства для сбора информации и, возможно, понадобятся деньги на оплату осведомителей. Нельзя работать без обеспечения.

Но вашингтонский чиновник пропустил его слова мимо ушей. Нарушение антитрестовских законов работников управления не волновало. Оно редко влекло за собой длительные сроки

заключения и большие штрафы; сообщения о них не печатались на первых страницах газет. Хойт просто читал эти чиновничьи мысли, пока собеседник твердил о нехватке кадров и помещений. Протесты и просьбы Хойта не возымели действия. Неудивительно, что он взбесился.

Хойт еще раз треснул по столу кулаком и швырнул телефонную трубку на рычаг. Он помнил обещание, которое дал Шепарду много месяцев назад: «Ты не будешь работать в одиночку… Бюро предоставит тебе любую помощь…»

Теперь Хойт понимал, что выполнить это обещание будет непросто.

Подъездная аллея была засыпана листьями, сучьями и прочим мусором, и Расти Уильямс сдувал его в сторону с помощью бензиновой воздуходувки. Увидев, что в ворота въезжает автомобиль Уайтекера, он сошел с дороги. Уайтекер остановился рядом и вышел из машины.

– Эй, друг! – крикнул он. – Иди-ка сюда. Хочу показать тебе кое-что.

Открыв заднюю дверцу, он вытащил кейс и, обойдя машину сзади, пристроил его на багажнике. Когда Уильямс подошел, он открыл кейс и улыбнулся:

– Посмотри. Нравится?

Уильямс заглянул в кейс. Там было пусто.

– Хороший кейс.

– Ты погоди, погоди! – возбужденно произнес Уайтекер.

Он ухватился за лямку в верхней части кейса, и Уильямс услышал, как «липучка» с треском отдирается от стенки. Вместе с ней отделилась и часть стенки, открыв потайной кармашек, в котором поблескивал серебром маленький диктофон. Уильямс, конечно, не знал, что это «Награа», одно из лучших записывающих устройств, имевшихся в распоряжении ФБР.

– Ну, как тебе это? – промурлыкал Уайтекер.

Уильямс не знал, что сказать.

– Можешь называть меня теперь «агент ноль-четырнадцать», – заявил Уайтекер.

– Почему «ноль-четырнадцать»?

– Потому что я вдвое умнее, чем ноль-ноль-семь! – улыбнулся Уайтекер.{135}

В начале девятого утра 15 апреля Уайтекер постучал в дверь кабинета Мика Андреаса. Он пришел поговорить о встрече с Ямамото из «Киова хакко», назначенной на этот день в Чикаго. Микрокассетный диктофон в кармане был уже включен.

– Сегодня у меня большой день! – объявил Уайтекер.

Андреас поднял голову.

– Ну, не такой уж большой, – улыбнулся он. – Это же не «Адзиномото».

Компания «Адзиномото» действительно была намного больше, чем «Киова хакко».

– Ладно, тогда маленький, – сказал Уайтекер. – Встреча с маленьким япошкой.

– Ты ведь собираешься в основном слушать, да? – спросил Андреас.

– Да. Мы только что обговорили это с Терри.

– Все же не забудь изложить Ямамото нашу позицию, – наставлял его Андреас. – Скажи ему, что, занижая цены, они дезорганизуют рынок. Скажи, мы очень разочарованы.

– Хорошо.

– Ты ведь знаешь, наш план просто супер, – продолжал Андреас. – И все бы хорошо, если бы эти ребята не засрали рынок так, что на нем невозможно работать. Веди разговор так, чтобы Ямамото все время оправдывался. Скажи ему, что мы пытались снизить объемы производства, а в результате упали цены.

– Точно, цены упали, – кивнул Уайтекер.

– А кто в этом виноват? Кто не дает им подняться? Они и не дают.

– Особенно «Адзиномото», – сказал Уайтекер. – Я думаю, что для справедливости надо это подчеркнуть, да?

– Конечно, я бы так и сказал.

– Перевести стрелки на другого, правильно?

– Абсолютно, – согласился Андреас.

– Чтобы доверие «Киова хакко» к своему большому брату немного поколебалось, да?

– Именно, – кивнул Андреас.

На глаза Уайтекеру попался аквариум с морской водой. Он рассеянно понаблюдал за рыбками. Спустя несколько минут разговор был окончен, и Уайтекер отправился к себе.{136}

Сев за письменный стол, он посмотрел на часы.

– Пятнадцатое апреля, восемь тридцать утра, – произнес он. – Только что разговаривал с Миком Андреасом и получил его… напутствие.{137}

Спустя несколько часов Шепард и Везеролл еще раз внимательно осмотрели конференц-зал на восемнадцатом этаже отеля «Чикаго Марриот Даунтаун». Команда технического обеспечения сработала на «отлично» и не оставила видимых следов. Настольная лампа со встроенной видеокамерой прекрасно

вписывалась в интерьер.

Агенты направились в комнату 1817, где расположился командный пункт ФБР.{138} Техники установили в номере монитор, который позволит Шепарду и Везероллу наблюдать за переговорами с Ямамото. Включив монитор, они увидели, что мебель в конференц-зале расставлена неправильно. Закрепленная неподвижно скрытая камера смотрела в пустоту: перед ней не было ни одного стула. Они вернулись в конференц-зал и передвинули всю мебель так, как требовалось.

Вскоре на командный пункт прибыл Уайтекер. Познакомив его с техниками, Шепард и Везеролл провели бизнесмена в конференц-зал.

– Марк, камера вон там, – указал Шепард на лампу.

Уайтекер подошел к лампе и приподнял ее, чтобы проверить, насколько она тяжела.

– Не трогайте! – воскликнул агент.

Уайтекер поставил лампу на место.

Подойдя к одному из стульев, Шепард сказал:

– Камера нацелена прямо сюда. Постарайтесь, чтобы Ямамото сел на этот стул.

– Хорошо, – кивнул Уайтекер.

Шепард дал еще несколько указаний. Агенты имеют право вести видеозапись, только если в помещении присутствует их сообщник. Если Уайтекер выйдет, они должны будут отключить камеру. Поэтому Уайтекер, собираясь покинуть помещение, должен предупредить об этом агентов условными словами. Уайтекер ответил, что все понял.

Шепард посмотрел на часы. 17.45. Пора было расходиться по местам.

Уайтекер ждал в вестибюле уже пятнадцать минут, когда в 18.05 сквозь вращающиеся двери наконец прошел Ямамото.

– Масси, рад вас видеть, – сказал Уайтекер. – Добро пожаловать в Чикаго.

– Спасибо, я тоже рад вас видеть.

Уайтекер провел Ямамото в бар и заказал напитки.

Минут двадцать сидевший в баре агент ФБР наблюдал, как два бизнесмена едят, пьют и болтают. В 18.25 он прекратил наблюдение. Оно возобновится чуть позже.

В половине восьмого Уайтекер и Ямамото уплатили по счету и направились к лифту. Как только закрылись двери кабины, один из сидевших в вестибюле снял трубку внутреннего телефона и набрал номер командного пункта.

– Они поднимаются, – сказал агент.

Бизнесмены вышли на восемнадцатом этаже, где прохаживался еще один агент. Когда они зашли в конференц-зал, агент подошел к двери командного пункта и открыл дверь магнитным ключом.

– Они на месте, – сказал он.

Часы показывали девятнадцать часов сорок минут семнадцать секунд. Агент, сидевший за монитором, включил его и одновременно нажал кнопку видеозаписи. На экране возникли стулья в конференц-зале; изображение было зернистым. Рядом со стульями стоял Уайтекер.{139}

– Присаживайтесь, Масси, – произнес Уайтекер. Он встал с таким расчетом, чтобы загородить все стулья, кроме того, который находился прямо против камеры и был предназначен для Ямамото.

– Хорошо, – сказал японец где-то за кадром.

– Хотите еще выпить?

– Нет, не думаю.

– О'кей, тогда к делу. Если вам захочется выпить, только скажите.

Тут на экране появился Ямамото. Он уселся там, где требовалось.

На командном пункте Шепард и Везеролл, стоя возле монитора, смотрели на мигающее изображение. Шепард слушал разговор через наушники.

Везеролл не слышал, о чем идет разговор, но восхитился тем, как ловко Уайтекер усадил японца на нужный стул.

«Молодец, Марк, – подумал он. – Просто молодец».

Сидя спиной к камере, Уайтекер как бы между прочим перечислил все состоявшиеся в прошлом переговоры конкурентов, о которых агенты не знали.

– На Гавайях, как я понимаю, ничего серьезного не обсуждалось, – говорил Уайтекер. – Зато переговоры в Мехико и Париже были очень плодотворны, правда?

Ямамото что-то согласно пробурчал.

– Как вы помните, когда цена была шестьдесят пять центов за фунт, Терри Уилсон сказал, что если она поднимется до одного доллара пяти центов, то мы, возможно, обратимся к своему руководству и, возможно, убедим его снизить объемы производства.

Ямамото опять что-то буркнул.

Уайтекер заявил, что они с Уилсоном сообщили руководству АДМ об этой договоренности, но цена на мировом рынке так и не дошла до одного доллара пяти центов.

– Наши руководители считают, что рынок очень нестабилен и пока нет повода сокращать производство.

Уайтекер следовал инструкциям, полученным от Мика Андреаса.

Почти два часа Ямамото и Уайтекер обсуждали объемы производства. Наконец в 21.33 они поднялись, договорившись только о том, что надо встретиться еще раз.

– О'кей, Масси, – произнес в заключение Уайтекер.

– Увидимся, – распрощался Ямамото.

Оба исчезли с экрана монитора.

В наушниках Шепарда еще звучали слова бизнесменов, направлявшихся к дверям.

– Итак, скоро увидимся. Счастливого пути.

– Спасибо, – ответил Ямамото.

Наступила тишина.

Шепард снял наушники.

– Финиш, – сказал он.{140}

Через несколько минут в дверь командного пункта постучали, и агенты впустили Уайтекера. Он был горд и взволнован.

– Вы слышали, как мы говорили о других встречах? – спросил он Шепарда. – Мы не пропустили ни одной, обо всем поговорили.

– Отлично, Марк, – похлопал его Шепард по плечу. – Просто фантастика.

Каждое успешное федеральное уголовное дело – результат командного труда следствия и прокуратуры. Но согласие между ними бывает порой хрупким. Выполнив свою часть работы, агенты передают дело юристам, надеясь, что те забьют гол. Но до этого прокуроры выступают в роли критиков, подсказывая агентам, достаточно ли сильны их доказательства, чтобы выстоять в схватке, которая развернется в зале суда.

Поэтому для агентов передача следственных материалов в прокуратуру – момент наивысшего напряжения. Несколько дней агенты живут между небом и землей, переходя от надежды, что их похвалят за хорошую работу, к страху, что ее заклеймят как никчемную и вернут для дополнительного расследования.

Первое представление результатов расследования по делу

АДМ было назначено на среду, 27 апреля. В это утро Робин Манн прибыла в спрингфилдский офис ФБР в сопровождении своего коллеги, юриста из антитрестовского отдела по имени Трейси Мирс. Обоим не терпелось познакомиться с аудио- и видеозаписями, о которых они столько слышали.

Через стеклянные двери они вошли в вестибюль здания, где их ждал Байрон Кадмор. Кадмор знал, что, по всей вероятности, он в последний раз принимает участие в этом расследовании, – по крайней мере, на этом этапе. Министр юстиции Дженет Рено, выполняя указание администрации Клинтона, уволила чуть ли не всех окружных прокуроров страны, в том числе и босса Кадмора. Накануне Кадмора привели к присяге на эту должность, и теперь он вряд ли сможет уделять много времени делу АДМ.

К прокурорам вышел Джон Хойт и проводил их в конференц-зал. Начальник спрингфилдского офиса Стаки отсутствует, объяснил он, но будет много других агентов.

Спустя несколько минут явились Шепард и Везеролл, а вслед за ними Пейсли. Агенты взволнованно поведали гостям о том, как идет расследование, и сказали, что им удалось привлечь к сотрудничеству высокопоставленный источник.

Манн несколько охладила их пыл.

– Иметь осведомителя, конечно, неплохо, – сказала она. – Но этого мало. Необходимы свидетели и документы, которые подтверждали бы все факты, которые мы собираемся представить суду. Тогда у нас будет крепкое антитрестовское дело.

Хойт не смолчал.

– Мы считаем, что это больше, чем просто антитрестовское дело, – бросил он. Затем, осознав, что его слова будут восприняты как невежливость, добавил: – Дело в том, что тут не только нарушение антитрестовских законов, а еще и препятствование отправлению правосудия, и промышленный шпионаж, и прочее. Мы полагаем, что тут неплохая перспектива для обвинения в рэкете или другом, не менее серьезном преступлении.

Манн не спорила. Законы об уголовной ответственности за рэкет были разработаны в 1970-е годы, когда правительство объявило войну организованной преступности, но в последнее время применялись в основном в делах с участием «белых воротничков». Закон давал право налагать арест на имущество предприятия, уличенного в преступной деятельности, – в данном случае имущество АДМ, – но процедура такого ареста была крайне сложна и допускалась лишь с одобрения высших органов власти. На этом этапе Манн не могла сказать ничего определенного.

Шепард и Везеролл рассказали о том, как АДМ осваивала

производство лизина, и сообщили биографические данные их осведомителя. Манн почувствовала, что агенты осторожничают. Личность осведомителя была ей известна, и все же агенты не упоминали имени Уайтекера, предпочитая называть его «наш источник». Странно, подумала она.

Манн хотела встретиться с осведомителем лично, но агенты воспротивились, объяснив, что на преодоление сопротивления свидетеля у них ушло несколько месяцев и сотрудничать он стал лишь недавно, а вмешательство еще одного официального лица может снова его напугать. Манн неохотно согласилась подождать.

В заключение Шепард подошел к видеомагнитофону.

– Мы хотим показать вам отрывки из видеозаписи, сделанной на прошлой неделе в Чикаго с ведома одного из участников, – сказал он и пояснил, что это запись переговоров между источником, сидящим спиной к камере, и Ямамото.

Он включил видеомагнитофон и отступил в сторону, чтобы не мешать Манн. На экране возникло расплывчатое изображение человека. «Присаживайтесь, Масси», – сказал он.

Манн внимательно просматривала запись, время от времени делая пометки в блокноте. Через несколько минут она почувствовала, что речь Ямамото из-за сильного акцента трудно понять.

– Что он сказал? – переспросила она.

Шепард остановил пленку, повторил слова Ямамото и прокрутил фразу еще раз. Через пару минут Манн тяжело вздохнула.

– Остановите и прокрутите снова, – попросила она. – Я все же плохо понимаю его.

Шепард снова повторил сказанное на записи. Ему акцент Ямамото не мешал. Но, по мнению Манн, было важно, чтобы слова, записанные на пленке, могли понять не только агенты ФБР.

– Прямо не знаю… – сказала она. – Боюсь, у нас возникнут проблемы с присяжными. Очень трудно разобрать слова.

Кроме качества записи были и другие сложности. Чтобы осудить человека за сговор о ценах, присяжные должны убедиться, что сговор имел место. А тут собеседники спорили, но к соглашению не пришли. К тому же многие важные заявления делал Уайтекер, а японец лишь поддакивал ему. Адвокат может заявить, что Ямамото просто не понял собеседника. Фразы, изобличающие потенциального обвиняемого, должны прозвучать из его уст.

Атмосфера сгустилась. Агенты рассчитывали поразить Манн своими успехами, а в ответ услышали критику и указания на

проблемы.

Оставив препирательства по поводу записи, перешли к другим аспектам дела. Агенты сообщили Манн, что на следующий день Уайтекер и Уилсон должны встретиться в Чикаго с двумя французами из европейских филиалов японской компании. Встреча состоится в ресторане, и сделать видеозапись нельзя, но Уайтекер принесет с собой несколько диктофонов. Манн попросила дать ей прослушать эти записи как можно скорее.

Беседа агентов с юристами завершилась к вечеру. Спускаясь вместе с Мирсом на лифте, Манн подумала, что дело выглядит многообещающим.{141}

Агенты собрались в кабинете Хойта. Все были разочарованы. Вместо аплодисментов и криков «браво» они слышали лишь сомнения и критические замечания.

– М-да… – резюмировал Хойт. – Один большой пшик.

В то раннее утро 28 апреля на первом этаже декейтерского отеля «Бест вестерн Шелтон» не было никого. Уайтекер прошел по коридору и разыскал номер 143.{142} Подойдя к двери, он оглянулся, проверяя, пусто ли в коридоре, и только после этого постучал. Шепард открыл дверь почти в ту же секунду.

– Ну, как дела? – спросил Уайтекер, едва войдя. – Я тороплюсь.

Он поздоровался с Томом Гиббонсом, которого в один из недавних вечеров знакомил с административным корпусом АДМ. Гиббонс, сидя на кровати, возился с каким-то электронным приспособлением. Уайтекер знал, что ему предстоит получить записывающее устройство, которое превосходит все, с чем он имел дело до сих пор. У Уилсона на этот день была назначена встреча с Филипом Ролье и Аленом Круи, сотрудниками европейских отделений «Адзиномото». Возможность услышать переговоры Уилсона с конкурентами представлялась впервые, и желательно было записать их слово в слово.

Шепард достал бритву и крем для бритья.

– Марк, – сказал он, – снимите рубашку.

– Да, конечно, – ответил Уайтекер, расстегивая пуговицы.

Шепард предупредил, что ему выдадут новый катушечный магнитофон, который называется «нательной „Нагрой“», потому что крепится на спине под рубашкой. От него на грудь протянут тонкие провода с микрофонами панорамного восприятия. «Награ» позволяет делать более качественные записи, чем кассетный диктофон. К тому же на груди микрофон будет меньше тереться о ткань, чем в кармане, а значит, шумов будет меньше. В отличие

от кейса или ноутбука, магнитофон будет с Уайтекером везде, куда бы он ни пошел.

Уайтекер бросил рубашку на кровать, Шепард выдавил ему на грудь крем из тюбика. Уайтекер терпеливо стоял, уставившись в одну точку, пока Шепард брил его. Когда кожа стала гладкой, Гиббонс передал Шепарду микрофоны, и тот прикрепил их на груди Уайтекера клейкой лентой.

Затем с помощью широкого белого пояса агенты закрепили диктофон на пояснице Уайтекера. Тому казалось, что на его спине возвели огромную конструкцию, но Шепард успокоил его, сказав, что диктофон не виден, и предупредил, чтобы Уайтекер садился поосторожнее. Устройство может звякнуть, например при ударе о спинку металлического стула.

– А теперь придется проделать небольшую дырку в кармане брюк, чтобы вы могли включать и выключать магнитофон, – сказал Шепард.

Уайтекеру это не понравилось, но он был вынужден согласиться. Сняв брюки, он вручил их Гиббонсу, который выстриг в кармане дырочку и просунул в нее один из соединенных с «Нагрой» проводков.

Когда Уайтекер застегнул молнию брюк, Гиббонс объяснил ему, что в кармане находится крошечный выключатель, так что, если понадобится что-нибудь записать, достаточно сунуть руку в карман.

Гиббонс предложил Уайтекеру опробовать устройство. Они с Шепардом встали за спиной Уайтекера, а он сунул руку в карман и нащупал выключатель.

– Включайте, – скомандовал Гиббонс.

Уайтекер нажал на кнопку.

– Вроде ничего сложного, – сказал он.

Уайтекер оделся, и Шепард передал ему кейс с диктофоном. Они решили, что лучше записывать на два диктофона одновременно, чтобы ничего не упустить.

– Ну вот, – сказал Шепард. – Вечером мы встретимся снова, и вы отдадите записи. – Он пожал Уайтекеру руку. – Удачи![143]

Принадлежавший АДМ турбовинтовой самолет «Бич кинг эйр B300» мягко приземлился на полосу 18/36 аэропорта «Меррил Мейгз филд» недалеко от центра Чикаго.[144] Около пяти часов пилот завел самолет в ангар. Семеро руководителей компании, сидя в просторных кожаных креслах, терпеливо ждали, когда перестанут вращаться пропеллеры и им позволят выйти.

Первым самолет покинул Ричард Рейзинг. Главный юрисконсульт АДМ прибыл в Чикаго, чтобы вместе с другими

юристами компании принять участие в обеде с инвестиционными банкирами. Вслед за ним вышли Уайтекер с Уилсоном, договорившись встретиться с юристами позднее, чтобы вылететь обратно. Уайтекер ступил с трапа на бетонную площадку последним. К его спине была пристегнута «Награ», и он не хотел, чтобы кто-нибудь шел позади.

Выйдя из здания аэропорта, коллеги стали искать такси. Никто не смотрел на Уайтекера, и тот остановился, притворившись, что ищет в кейсе документ. На самом деле он расстегнул находящиеся внутри замки.

Кейс ожил. Включилась спрятанная в потайном кармашке «Награ», питавшаяся от батареек, которые Гиббонс установил утром. Магнитная лента заскользила по записывающим головкам.

Диктофон регистрировал все, что происходило вокруг.{145}

Уайтекер выпрямился.

– Похоже, не так-то легко поймать здесь такси, – произнес он.

– Да нет, вон едет, – отозвался один из юристов.

– Точно, – сказал Уилсон и поднял руку.

– У нас полно времени, так что берите машину, – сказал юрист.

– Хорошо, спасибо, – ответил Уилсон.

Уилсон и Уайтекер направились к автомобилю. Уайтекер первым занял заднее сиденье.

– Не забывайте, что надо вылететь до темноты, иначе придется здесь ночевать, – напомнил им юрист.

– Мы будем на месте между девятью и половиной десятого, – ответил Уайтекер.

Рейзинг наклонился к окошку.

– Охлопайте их на предмет микрофонов, – сказал он Уилсону.

Это что значит? Уайтекер не видел, кто это произнес, но слово «микрофоны» расслышал отчетливо.

– Что-что? – спросил Уилсон.

– Насчет похлопать их по спине и проверить, нет ли микрофонов, – повторил Рейзинг.

Уилсон засмеялся.

Такси тронулось с места. Уайтекер посмотрел на Уилсона:

– Что он сказал?

– Велел похлопать французов по спине, чтобы проверить, не спрятаны ли на них микрофоны.

Он что, серьезно? Если они действительно начнут охлопывать французов, те могут ответить тем же. А диктофон на его спине прощупывается очень легко.

– Может, и правда надо так сделать, – рассмеялся Уайтекер.

Уилсон велел водителю ехать в международный аэропорт О'Хара, где они должны были встретить французских бизнесменов. Уайтекер сунул руку в карман и включил «Нагру». Разговор, который он собирался завести с Уилсоном, непременно следовало записать.

– Значит, Рейзинг знает, с кем мы встречаемся? – сказал он.

– Я не говорил ему, – ответил Уилсон.

– И я не говорил.

– Должно быть, он определил это методом дедукции, – рассмеялся Уилсон.

– Наверное, он все-таки думает, что это Икэда, раз велел ощупать его.

– Бог его знает, – пробормотал Уилсон.

– Вряд ли имеет смысл ощупывать Ролье.

Сквозь светофоры такси ползло в аэропорт больше часа, то и дело останавливаясь. Уайтекер отключил диктофоны, чтобы сэкономить пленку. Наконец они добрались до отеля «О'Хара Хилтон». Расплатившись с таксистом, Уайтекер и Уилсон прошли через вестибюль в ресторан «Гэслайт Клаб», где договорились встретиться с французами. Уайтекер запустил руку в карман и снова включил «Нагру».

Ресторан выглядел как воспоминание о 70-х годах – не то ночной клуб, не то викторианский стейк-хаус.{146} Обилие бордельно-красного цвета, бархата, официантки в расшитых блестками купальниках, чулках в сеточку и туфлях на высоченных каблуках. Клиенты ресторана выбирали куски сырого мяса, которые официантки демонстрировали на круглых блюдах. Среди клиентов были и агенты наружного наблюдения из чикагского офиса ФБР.

Извинившись, Уайтекер направился в туалет. Там, как договаривались, его ждал агент. Назвавшись, Уайтекер сообщил, что их группа расположилась в зале для курящих. Выйдя из туалета, Уайтекер столкнулся с французами, которых они ждали, и провел их к Уилсону. Все расселись. Подошла скудно одетая официантка.

– Добрый вечер. Меня зовут Тери, – представилась она. – Сегодня я буду вашей гэслайт-девушкой. Принести вам что-нибудь выпить?

Спустя несколько минут они покончили с поджаристыми тостами и приступили к делу.

– Как успехи? – спросил Уайтекер. – Вы довольны тем, что творится на рынке?

– Не вполне, – ответил Ален Круи. – Нам пришлось ограничить производство лизина, чтобы удержать цены, э-э-э, на

удовлетворительном уровне. Цены-то нас устраивают.

– Особенно в Европе, – сказал Уайтекер.

– Да, – согласился Круи. – Но в последнее время они пошли вниз, и, чтобы компенсировать потери дохода, мы снова начали производить больше.

– В Европе цены пошли вниз? – переспросил Уайтекер.

– И очень активно, – ответил Круи. – Вашими стараниями.

Уайтекеру пришлось отдуваться за предпринятые им несколько месяцев назад попытки расстроить систему фиксирования цен. Он постарался объяснить свои действия в благоприятном для него свете.

Разгорелся спор о ценах на мировом рынке и объемах производства лизина. Ролье и Круи винили АДМ почти во всех проблемах. Уилсон, поглотивший уже второй скотч, был настроен воинственно и парировал обвинения французов, напомнив им об одной из предыдущих встреч.

– Мы объявили простыми и всем понятными словами, что к концу девяносто третьего года собираемся стать такой же большой компанией, как «Адзиномото». Мы не скрывали своих планов, – заявил он. – Ален, то, что цены в Европе некоторое время оставались высокими, было случайностью. Чтобы в одном уголке земного шара рынок действовал иначе, чем в остальном мире, – да такого просто не бывает. Рано или поздно все уравновешивается. Это просто не может длиться долго.

Тепло, почти горячо. Не называя вещи своими именами, Уилсон фактически говорил о фиксировании цен. Похоже, виски развязало языки.

Подошла полуобнаженная Тери. Она несла блюдо с кусками мяса. Бизнесмены выбрали бифштексы, ягненка и креветок. Когда она отошла, разговор возобновился.

Круи сказал, что после парижской встречи в октябре у него осталось впечатление, что договариваться о сокращении производства не хочет никто. Спор об ответственности за падение цен возобновился.

– Мы можем обвинять друг друга до бесконечности, – сказал Уайтекер, ставя на стол бокал с шардонне. – Я думаю, важнее решить, что делать теперь.

Уилсон согласился и напомнил, что на первой большой встрече в Мехико они договорились о ценах без труда.

– Мы заявили без обиняков: «Наша цена будет вот такой». – Он изобразил величину руками. – И все согласились. И она действительно была такой. Мы неукоснительно и повсеместно поддерживали цены на этом уровне.

Затем, продолжал Уилсон, начались отступления и

извинения. Японцы стали жаловаться, что их торговцы ради привлечения клиентов снижают цены и они не могут воспрепятствовать этому.

Надо разработать систему, сказал Уилсон, при которой каждая компания сообщала бы другим, сколько она продает. Тогда все будут знать, кто именно продает слишком много, сбивая цены. И виновный должен будет в следующем месяце продавать меньше. Если компании будут сотрудничать, все получат по справедливости и цены не будут скакать.

– Надо отчитываться друг перед другом каждый месяц, – заключил он.

– Тогда и встречаться придется почаще, – заметил Ролье.

– Не обязательно, – возразил Уилсон. – Главное, чтобы цифры были известны.

Уайтекер знал, что по такой системе сговора с конкурентами АДМ действовала на рынке лимонной кислоты. Шепард просил его записать то, что будет говорить Уилсон о рынке лимонной кислоты, и сейчас настал подходящий момент.

– Вы ведь именно так торгуете лимонной кислотой, да? – спросил он.

– Да, – ответил Уилсон.

Итак, подтверждение есть.

Алену Круи идея взаимного обмена цифрами не понравилась.

– С азиатами это не пройдет, – сказал он.

Ролье с ним согласился:

– Предположим, мы на это пойдем, но корейцы и японцы вряд ли.

– Они не станут в этом участвовать, – бросил Круи.

– Уж корейцы – точно, – поддержал его Ролье. – Они будут хитрить. Скажут «да», а сами…

– Нет, с ними это бесполезно, – сказал Круи.

– Ну, значит, эта система не будет работать, – резюмировал Уилсон.

Они еще раз уточнили позиции. Уилсон был разочарован и, чтобы разрядить атмосферу, стал заигрывать с официанткой, но потом снова попытался пробить свою идею. Если все будут участвовать в обмене информацией, сказал он, станет известно, кто сколько производит, и можно было бы регулировать объемы.

– Если мы произвели слишком много, значит, нам следует притормозить. Черт побери, это же так просто. Как иначе вы собираетесь работать на рынке, вашу мать?

Французы вновь сослались на корейцев, которые будут мошенничать. Уайтекер предложил проводить аудит объемов продаж через независимую бухгалтерскую фирму, которую

производители лизина наймут в складчину.

– С лимонной кислотой мы так и делаем, – заметил Уилсон.

Ролье и Круи сказали, что надо встречаться почаще. Даже если не дойдет до соглашения об ограничении объемов производства, всегда есть что обсудить.

– Не знаю… – протянул Уилсон без энтузиазма.

Круи наклонился к нему:

– Не забывайте, что в Европе цены выросли только потому, что мы обговорили это в Мехико.

– Да, это так, – признал Уилсон.

– И у себя в Европе тоже обсудили.

– Вы это планировали, – отозвался Уилсон.

– Ну да, я и говорю, что это произошло не само по себе.

– Вот именно, вы запланировали это.

Уайтекер затаил дыхание. Уилсон и Круи только что признались, что цены на лизин возросли, потому что конкуренты договорились об этом в Мехико: *они запланировали это.*

Пообедав, бизнесмены заказали кофе. Уайтекер посмотрел на часы. Больше половины девятого. Им с Уилсоном пора идти, чтобы не опоздать на самолет. Уайтекер прихватил счет на двести шестьдесят семь долларов, оплатил его, и они распрощались с французами. Затем Уайтекер и Уилсон остановили такси.

По дороге на «Мейгз филд» Уайтекер решил сделать еще одну запись. Он спросил Уилсона:

– Я должен указать обед с французами в отчете о расходах?

– Не-а, – отозвался Уилсон. – Думаю, не надо.

– Я сделал так однажды и получил взбучку от Рэнделла.

– Вот-вот. Лучше не указывать.

Уайтекер откинулся на сиденье. Это был неплохой завершающий штрих.{147}

Примерно в двадцать минут двенадцатого Уайтекер снова был в «Бест вестерн».{148} Он едва сдерживал восторг.

– Брайан, вы просто не поверите! – захлебывался он. – Они успели сказать обо всем! Даже о Мехико, а Терри говорил о лимонной кислоте. Они рассказывали, как сговариваются о ценах, – в точности как я вам говорил.

Шепард успокаивающе поднял руку. Уайтекер чересчур взволнован, следовало привести его в чувство.

– Это здорово, Марк, но давайте все по порядку. Вы все записали?

– Да, я делал все, как сказал Том. Кажется, все работало отлично.

– Прекрасно. Давайте сначала освободим вас от микрофона, а

потом поговорим.

– О'кей, Брайан.

Уайтекер скинул пиджак и швырнул его на кровать.

– Марк, по-моему, вам страшно нравится это дело. Просто до смерти нравится.

В ту ночь Джинджер Уайтекер разбудили звуки шагов мужа, поднимавшегося по лестнице. Посмотрев на часы, она увидела, что уже второй час. А через четыре часа ему вставать. Она не понимала, как Марк выдерживает это. Он разрывался между АДМ и ФБР, и времени на сон почти не оставалось.

Опершись на локоть, Джинджер приподнялась. Марк тихо приоткрыл дверь. Он уже ослабил галстук и расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Я не сплю, – сказала она.

– Привет! – произнес он тихо. – Как дела?

– У меня все хорошо.

– А в Чикаго все прошло просто замечательно, – сказал он, продолжая расстегивать рубашку. – Только что закончили с Брайаном.

Джинджер глубоко вздохнула, ничего не ответив. В последние недели ее энтузиазм по отношению к ФБР несколько угас. От ее мужа они хотели слишком многого.

– Кстати, – заметил он, снимая рубашку. – Полюбуйся.

Он включил небольшую медную лампу, стоявшую на прикроватном столике.

Джинджер в ужасе воззрилась на него. Кто-то сбрил волосы у него на груди! Они, можно сказать, вместе прилежно растили их долгие годы и не раз шутили на этот счет. А теперь на их месте виднелись полосы выбритой кожи.

– О боже! – простонала она.

– Теперь у меня грудь, как у женщины, – рассмеялся Марк.

– Зачем это?

Он объяснил, стаскивая брюки.

– Да! Это еще не всё, – сказал он, выворачивая карман. – Они проделали в кармане дырку, так что я не смогу носить в нем мелочь.

– Это что, шутка такая? Твои лучшие брюки!

Джинджер вскипела. ФБР уже распоряжается всей жизнью Марка. Одно дело сотрудничать, и другое – сбривать волосы на груди и кромсать одежду.

– До чего забавно! – бросила Джинджер. – Почему *ты* должен делать все это? Агенты проходят специальную подготовку и должны быть готовы к работе в таких условиях. А тебя никто к

этому не готовил. Если им что-то нужно, пускай бы сами и делали!

Марк засмеялся и стал уговаривать ее не волноваться. Но она знала, что его это беспокоит ничуть не меньше.

– Марк, с этим надо завязывать, – решительно заявила Джинджер. – Скажи им, что ты переходишь на другую работу. Они же не смогут заставить тебя остаться только для того, чтобы делать записи? Разве ты не можешь уехать куда-нибудь?

Уайтекер сел на кровать.

– Не знаю, – произнес он тихо. – Не знаю.

На следующее утро Шепард и Везеролл отправились в Спрингфилд, чтобы передать новые записи в архив «ЭЛНАБ». Они прибыли в 10.40, сделали копии записей и стали слушать их, отмечая самые важные места.{149}

«Охлопайте их на предмет микрофонов».

Эта фраза звучала двусмысленно. Надо постараться, чтобы ее не поняли как намек на Уайтекера.

«С лимонной кислотой мы так и делаем».

Отлично. Махинации с лимонной кислотой тоже попали в досье.

«В Европе цены выросли только потому, что мы обговорили это в Мехико».

Этот кусок непременно надо подсунуть Манн. Лучшего признания в преступлении и не придумаешь.

Прослушав записи, Шепард и Везеролл в три часа дня пошли искать Джона Хойта и Дина Пейсли. Это был настоящий прорыв.

Хойта они нашли в кабинете и вкратце пересказали содержание записей. Тот поздравил их с успехом и пожал руки.

Когда агенты ушли, он достал свой ежедневник, куда заносил все важные события. Хойт открыл его на 29 апреля.

«Брайан и Джо по делу АДМ», – написал он.

Затем улыбнулся и приписал: «1:0 в нашу пользу!»{150}

Глава 7

Дежурная по спрингфилдскому офису ФБР посмотрела сквозь пуленепробиваемое стекло на вошедшего с улицы молодого человека в строгом костюме. Незнакомец шести с лишним футов, с рыжевато-каштановыми волосами и уверенными манерами, был хорош собой. Он вынул кожаный бумажник и раскрыл его. Дежурная увидела значок и удостоверение. Агент.

– Доброе утро, – произнес он. – Меня зовут Боб Херндон. Работаю у вас с сегодняшнего дня.

Для тридцатишестилетнего агента этот июньский день 1993 года был счастливым. Он снова мог свободно зайти в офис Бюро, предъявить удостоверение, назвать свое имя. Всего этого он был лишен давно. Предыдущие три года он вел тайную жизнь под чужим именем, выполняя задание контрразведки. Все это время они с женой жили вдали от родных и друзей и не могли связаться с ними. Он не имел права предъявлять свои подлинные документы или зайти в Бюро, где состоял в штате. Задание, конечно, интересное, но он был рад снова стать Бобом Херндоном. Он хотел вернуться на родной Средний Запад, а спрингфилдскому отделению Бюро как раз требовались сотрудники. Это место подходило ему как нельзя лучше.

Хердон и его жена Рилен только что купили домик неподалеку, и Боб хвалился друзьям, что теперь живет всего в трех милях от работы. По телефонному разговору с новым начальником Бобом Андерсоном у него сложилось впечатление, что их отношения сложатся хорошо.

Через несколько минут Боб Андерсон вышел в приемную, провел Херндона в свой кабинет, сел за стол и ухмыльнулся.

– У меня для вас новость, – сказал он. – Мы вас продали на сторону.

И объяснил, что в последний момент поступил приказ перевести одного из сотрудников к Дину Пейсли, который уже несколько месяцев вел сложное финансовое расследование.

– Им, несомненно, требуется подкрепление, – сказал Андерсон. – Вы будете работать с двумя отличными парнями.

В преступлении замешана не больше не меньше как АДМ, объявил начальник, выжидающе глядя на Херндона, но тот понятия не имел о том, что такое АДМ.

Почти час Андерсон вводил Херндона в курс дела, рассказывая об АДМ, лизине и фиксировании цен. Упомянул он и переданную осведомителем непроверенную информацию о промышленном шпионаже и «жучках» в «Декейтер Клаб», а также

вымышленную историю о вымогательстве.

– Расследование ведет Декейтер. Это в сорока милях отсюда, но добраться можно быстро, движения почти нет.

Андерсон добавил, что Херндон может работать и в Спрингфилде, но в Декейтере ему придется бывать часто, там у него тоже будет свое рабочее место. Покончив с объяснениями, начальник замолк, ожидая вопросов. Но Херндон лишь обронил:

– Звучит неплохо.

Андерсон встал, показал новому сотруднику его стол и дал ему телефон декейтерской резидентуры Бюро для связи с Шепардом и Везероллом. Возможно, будет правильнее съездить в Декейтер прямо сейчас, посоветовал он, и поймать агентов за ланчем.

Сев за стол, Херндон набрал номер декейтерского отделения. Расследование, к которому его прикомандировали, заинтересовало его, да и хотелось поскорее увидеться с новыми коллегами.

Он сожалел лишь о том, что трехмильное расстояние до работы оказалось иллюзией.

В тот же день три агента шагали по пыльной декейтерской дороге, направляясь в ресторан «Лок Сток энд Баррел», находившийся в миле от их отделения. Несмотря на жару, Шепард и Херндон были в пиджаках, которые скрывали висевшие на поясе пистолеты. Везеролл пиджак снял, оставив оружие в кейсе.

По пути Шепард и Везеролл устроили Херндону настоящий перекрестный допрос. Сотрудничество с осведомителем наконец наладилось, и они опасались, что им в коллеги достанется не в меру молодой да горячий служака, который нагонит на Уайтекера страху. Они выясняли, не принадлежит ли Херндон к тем, кто идет к цели кратчайшим путем и считает, что знает свое дело лучше всех.

Херндон ответил на все вопросы и рассказал о себе. Вырос он в Оверленд-Парке, в Канзасе, был единственным ребенком главного бухгалтера-ревизора штата и школьной учительницы. Еще в школе он изучил бухгалтерское дело и после школы устроился в одну из фирм в Канзас-Сити. Но ему всегда хотелось работать в ФБР, и в 1986 году он подал заявление. Момент был выбран удачно: в стране разразился кризис ссудо-сберегательных ассоциаций, и Бюро требовались сотрудники, разбирающиеся в бухгалтерии. Двадцатитрехлетнего Херндона тут же отправили на учебу в Национальную академию ФБР в Куантико, штат Виргиния.

После учебы Херндона направили в Новый Орлеан, где он

расследовал мошенничество в одном из сберегательных банков. {151} В первом же деле его ждал успех: ему удалось так обработать мошенника-клерка, что тот признался во всех грехах и стал сотрудничать. Затем ему досталось дело федерального судьи, подозреваемого во взяточничестве. Вместе с коллегами он установил «жучки» в кабинете судьи и подослал к нему одного из свидетелей со спрятанным магнитофоном. В результате агенты добыли доказательства, а судья из своего кресла пересел в тюремную камеру. После этого дела начальство выбрало Херндона для участия в контрразведывательной операции.

Херндон спохватился, не слишком ли он много болтает, – ему вовсе не хотелось, чтобы новые коллеги приняли его за хвастуна. Поэтому он сменил тему:

– Боб Андерсон рассказал мне о вашем расследовании. По-моему, это что-то исключительное.

– Давай не будем об этом здесь, – отозвался Шепард.

Они подошли к ресторану, который показался Херндону вполне приличным и доступным по цене для агентов ФБР. Херндон и Везеролл совершили набег на салатный бар, предлагавший закуски на любой вкус, Шепард ограничился черным кофе без кофеина. Во время ланча Шепард и Везеролл в свою очередь рассказали новому сотруднику о себе. Шепард признался, что учился сначала на метеоролога, вслед за чем, естественно, последовала серия шуток о прогнозах погоды. Везеролл поведал о том, как вырос в Техасе, как служил в армии и какими делами занимался с тех пор, как его направили на работу в Шампейн.

Удовлетворив таким образом взаимное любопытство, агенты почувствовали, что они сработаются.

В первые дни Херндон изучал документы расследования, подшитые в три папки. Он понимал, что нужно спешить: дела не ждут. Через несколько дней в Ванкувере, Британская Колумбия, должны были состояться очередные переговоры по фиксированию цен.

Херндон выписал из дела все имена – в первую очередь Дуэйна и Мика Андреасов и Джима Рэнделла как главных лиц в АДМ, а также Марка Уайтекера и Терри Уилсона, непосредственно связанных с переговорами о ценах на лизин.

Запомнить имена их конкурентов было труднее. Основным соперником АДМ была компания «Адзиномото», от лица которой чаще всего выступали Кандзи Мимото и Хирокадзу Икэда – японские Уайтекер и Уилсон. Кадзутоси Ямада занимал в компании примерно такую же должность, как Мик Андреас в

АДМ. Около месяца назад Ямада прилетал в Декейтер для беседы с Миком Андреасом, и Уайтекер записал их, но ничего нового сказано не было.{152}

Ямаду легко было спутать с Ямамото из компании «Киова хакко». Но Ямада был более значительной фигурой как по должности, так и по масштабу деятельности его компании. Чтобы отличать их друг от друга, Херндон запомнил, что важнее из них тот, у кого имя короче.

Помимо японцев, среди фигурантов имелись и другие иностранцы – служащие европейских филиалов «Адзиномото» и корейских компаний «Мивон» и «Чейл йеданг». Херндон надеялся, что со временем усвоит все эти имена.

Прослушал он и аудиозаписи, которых к этому моменту было уже пятьдесят. Только за последние недели переговоры проводились несколько раз. Менеджеры АДМ встречались с японцами и за океаном, и на своем поле. Херндон решил составить по всем сделанным записям краткое резюме. В свое время этот способ очень помог ему в деле с федеральным судьей. Он предложил эту идею Шепарду, и тот дал добро.

Весь день 23 июня{153} в ванкуверском международном аэропорту высаживались представители крупнейших мировых производителей лизина. Всего месяц назад сотрудники АДМ летали в Токио, и выбрать местом встречи американский континент было только справедливо. К тому же в Ванкувере они были за пределами досягаемости правоохранительных органов США, жестко следивших за соблюдением антитрестовских законов.

Представители разных компаний прилетали в разное время. Приехали не только бизнесмены из США, Японии и Кореи, но и сотрудники двух европейских отделений «Адзиномото», остановившиеся в отеле «Хайет ридженси Ванкувер».{154}

Проходя через терминалы прилета, участники встречи не подозревали, что их фотографируют и снимают на видеопленку. Американские блюстители закона не могли действовать за рубежом самостоятельно, но с северным соседом у них был договор о взаимопомощи. Королевская канадская конная полиция[43] следила за каждым шагом заговорщиков.

Следующее утро, 24 июня, Джо Везеролл провел в своем номере ванкуверского отеля «Хайет ридженси Ванкувер». Он составил программу оперативных действий на время переговоров. Сам он обеспечивал контакт с Уайтекером и взаимодействие с канадской полицией. Без десяти девять раздался телефонный

звонок.

– Джо? Привет, это Марк.

И Уайтекер описал свои планы на утро. Они с Уилсоном должны встретиться с представителями «Адзиномото» и обсудить продажу глютамата натрия, который употребляется главным образом в качестве добавки к блюдам китайской кухни. Уайтекер не имел прямого отношения к производству этого продукта – им, как и лимонной кислотой, в АДМ занимался Барри Кокс. На этой встрече он мог ознакомиться с тем, как ведутся переговоры не только по лизину, но и по другим продуктам.{155}

Все утро Уайтекер то и дело звонил Везероллу, информируя его о развитии событий. «Адзиномото» выразила желание встретиться с Барри Коксом и поговорить о рынке глютамата натрия. Один из японцев спросил: «Может, стоит заниматься глютаматом по той же схеме, как и лизином?»

Обсуждение вопросов по лизину, добавил Уайтекер, назначено на час дня. Он пообещал Везероллу позвонить во время перерыва в заседаниях.

Везеролл задумался.

Так-так. А теперь еще и глютамат.

Эти компании возжелали манипулировать ценами на все продукты, которые они производили, на все без исключения.

Ближе к вечеру Дин Пейсли вышел из своего кабинета и окликнул Херндона:

– Эй, Бобби! Звонит Джо, хочет с тобой поговорить.

Херндон поспешил в кабинет начальника, который успел вернуться за свой стол.

– Бобби сейчас возьмет трубку, – произнес Пейсли в микрофон. – Как там у вас?

– Наш друг говорит, что встреча была толковая, – осторожно ответил Везеролл.

И кратко изложил суть состоявшихся переговоров. Они шли весь день, и в них участвовали все пять основных производителей лизина. Уайтекер сообщил, что договоренность о ценах была достигнута, а с объемами производства дело застопорилось. Представители АДМ рвали и метали.

Агенты взволнованно обсудили новости из Ванкувера. Канадцы запретили делать аудиозаписи переговоров, но теперь у ФБР было первое солидное доказательство, что в тайных встречах участвуют не две-три компании, а все производители лизина.

И еще один обнадеживающий факт: Уайтекер больше не хитрил и не изворачивался, а вел честную игру.

Мексиканское кафе «Карлос О'Келли» пользовалось в Декейтере популярностью. Вдоль многоцветной стены зала были разбросаны пластмассовые бычьи черепа и росли пластмассовые кактусы. Уайтекер и его коллега Дэвид Пейдж обедали за столиком у стены. Уайтекеру нравилась здешняя кухня, и несколько часов назад они с Пейджем уже заходили сюда на ланч. {156}

Они беседовали под мексиканскую музыку, доносившуюся из стереосистемы. Пейдж был исполнительным директором компании «Ванетта», которая поставляла АДМ витамин С. Они познакомились еще в начале 80-х, когда Уайтекер работал в компании «Ролстон пурина», а Пейдж – в «Гетерохимической корпорации». С тех пор Уайтекер успешно продвигался по служебной лестнице, и Пейдж не терял связи с ним. И теперь Уайтекер встретился со старым товарищем, чтобы предложить ему работу в своем подразделении биопродуктов.

За обедом Уайтекер изложил Пейджу условия: в первый год ему заплатят сто двадцать тысяч долларов, не считая аванса в тридцать тысяч, а в дальнейшем его зарплата будет расти. Уайтекер подчеркнул, что, как начальник отдела, он обладает полномочиями нанимать служащих.

Пейдж внимательно слушал. Деньги неплохие, не говоря об авансе, но он не понял, в чем будут заключаться его обязанности.

– А за что я буду отвечать? – спросил он.

На лице Уайтекера промелькнула улыбка.

– Ни за что, – обронил он небрежно.

Через несколько дней Уайтекер сидел за столом, составляя отчет о недельных затратах. Достав чеки «Карлоса О'Келли» за ланч и обед, он приплюсовал их к общей сумме. В графу «Принимаемые лица» он вписал имя Дэвида Пейджа, пояснив, что встречался с ним по поводу приема на работу. Следующая графа называлась «Представляемая этим лицом компания». Сюда Уайтекер вместо «Ванетты», где работал ныне Пейдж, вписал «Гетерохимическую корпорацию», которую тот покинул шесть лет назад.{157}

«Ванетта», в отличие от «Гетерохимической корпорации», была поставщиком АДМ, и тот факт, что Уайтекер обхаживал крупного административного работника компании-поставщика, мог вызвать нежелательные вопросы. Он не хотел, чтобы в АДМ спрашивали, для чего ему понадобился Пейдж.{158}

ФБР устроило «мозговую атаку». Агенты бились над тем, как заманить зарубежных производителей лизина в США.

Если встреча состоится не на американской земле, записать на пленку важнейшие переговоры конкурентов о ценах скорее всего не получится. Американские законы строго карали фиксирование цен, и поэтому представители компаний ни за что не согласятся приехать в США.

Везеролл вдруг выпрямился.

– У меня мысль, – проговорил он.

Большинство интересующих их лиц любили гольф. Но все знают, что в Азии, а особенно в Японии, хороших полей для гольфа очень мало. А есть ли в мире поля лучше, чем на Гавайях?

Идея Везеролла пришлась всем по душе. Решили поручить Уайтекеру, не тратя времени даром, начать склонять конкурентов к проведению встречи на Гавайях.

Они надеялись, что сочная трава на гавайских полях для гольфа станет соблазном, который победит страх иностранных производителей лизина перед тюремной камерой.

К северу от Декейтера, на пересечении 72-й магистрали с 51-м шоссе, есть деревушка Форсит. Основанная в 1854 году во время строительства Центральной железной дороги штата Иллинойс, в последующие годы она была малозначительным придатком Декейтера. Но в конце 70-х годов XX века там построили торговый центр «Хикори пойнт», а за ним массу недорогих отелей. Так Форсит стал популярным центром, где предпочитали останавливаться все те, кто ограничен в тратах. К лету 1993 года отели Форсита оценили и агенты ФБР, которые перенесли сюда встречи с Уайтекером.{159}

Вечером 13 июля над дорогой, по которой Херндон ехал в служебной машине в Форсит, нависли грозовые тучи. Херндон участвовал в расследовании уже месяц, на впервые встречался с Уайтекером лишь сегодня.

Завидев бело-коричневый указатель торгового центра, Херндон включил поворотник и свернул налево, к гостинице «Хэмптон». Припарковавшись, он взял с пола коврик и прикрыл им портативную красную мигалку, а рацию сунул под сиденье, не то прохожие задумаются: что делают представители закона в этой гостинице?

Шепард и Везеролл уже ждали его. Агенты проверили аппаратуру для записи телефонных разговоров, которой собирались воспользоваться в тот вечер. Шепард и Херндон отстегнули пистолеты и убрали их в кейсы. Ни к чему лишний раз нервировать Уайтекера.{160}

Он прибыл минут через сорок пять. К этому времени дождь лил как из ведра.

– Привет, как дела? – произнес Уайтекер, входя и отряхиваясь.

Он огляделся. На диване сидел Везеролл, а на кровати – молодой, атлетически сложенный незнакомец.

– Марк, это специальный агент Боб Херндон, – представил его Шепард. – Я уже говорил вам, что его перевели нам в помощь.

Уайтекер расплылся в улыбке:

– Рад познакомиться. Здорово, что вы теперь будете тут работать.

И они обменялись рукопожатиями. Херндону Уайтекер скорее понравился – уверенный, он, казалось, заполняет собой всю комнату. Словно опытный продавец, стремящийся расположить к себе покупателей. Заметил Херндон и то, что белокурые волосы Уайтекера были двух заметно отличающихся друг от друга оттенков. (Неужели он носит накладку?) Уайтекер носил дорогой костюм и яркий галстук, притягивающий взгляд. Херндон решил, что нашел подходящий предлог, чтобы наладить доверительные отношения.

– Ого, красивый галстук, – сказал он.

– Спасибо, – ответил Уайтекер. – Это от «Бахраха». Мне нравится их лавочка.

Херндон кивнул.

– А ваш галстук тоже хорош, – сказал Уайтекер.

Херндон посмотрел на свой галстук:

– Спасибо.

Уайтекер с притворной скромностью взглянул на Шепарда в неприметном спортивном пиджаке из магазина готового платья и монотонно-тусклом галстуке и перевел взгляд на Херндона. Они улыбнулись друг другу, подумав одно и то же: «Надо бы и нашего друга приодеть».

Шепард вынул блокнот:

– Есть новые записи, Марк?

Уайтекер извлек из кармана две микрокассеты и несколько минут перечислял, какие сведения содержит эта запись двух телефонных разговоров с «Адзиномото». Как только Шепард начал оформлять прием записей, Уайтекер уселся за стол против Везеролла.

– Итак, Марк, что творится у вас в АДМ? – спросил тот.

Уайтекер ответил, что в последнее время был в отпуске и путешествовал по Мексике. Но этим утром он разговаривал с Икэдой и истратил на него одну из двух кассет. Японец считал, что два ответственных руководителя их компаний, Мик Андреас и Кадзутоси Ямада, должны встретиться и уладить свои разногласия по объемам производства. Они виделись в апреле, во

время визита японской делегации в Декейтер, но сколько-нибудь серьезных переговоров между двумя производителями лизина тогда не было.

Везеролл велел Уайтекеру дать им знать, когда компании договорятся о встрече.

Уайтекер кивнул.

– Марк, еще одно, – сказал Везеролл. – Мы уже говорили, что желательно провести одну из встреч в США, и у нас в связи с этим возникла идея.

Узнав о замысле ФБР соблазнить азиатов гольфом, Уайтекер расплылся в улыбке. Это и вправду может сработать.

Прошло минут двадцать.

– Я должен использовать свою собственную телефонную карту? – спросил Уайтекер, берясь за телефон.

– Ну да, – ответил Шепард.

Сидя на кровати, Уайтекер набрал номер рабочего телефона Кандзи Мимото. До этого он несколько раз репетировал свое предложение бизнесмену из «Адзиномото» встретиться на Гавайях. К телефону подключили звукозаписывающее устройство.

После гудков в трубке раздался женский голос.

– Могу я поговорить с мистером Мимото?

– Простите, он сейчас на совещании. Он освободится в двенадцать часов.

– Мистер Мимото сказал, чтобы я вызывал его в любом случае, даже если он на совещании, потому что это очень важно.

Женщина спросила его имя, и Уайтекер стал ждать. Наконец на том конце провода ответили:

– Алло?

– Это мистер Тани из Нью-Йорка или мистер Мимото? – спросил Уайтекер, употребив выдуманный им псевдоним Мимото.

– Да, это мистер Тани, – усмехнулся японец.

– Как ваши дела?

– Марк?

– Да, это Марк Тани.

– А, понятно, – засмеялся Мимото. – Марк Тани.

Они обсудили возможные последствия запланированного ими повышения цен. Уайтекер сказал, что АДМ хочет полностью удовлетворить спрос на лизин.

– Вы же помните, в Ванкувере Терри Уилсон говорил совершенно определенно, что мы стремимся поддерживать уровень производства лизина на максимально возможном уровне.

– Да, помню, – согласился Мимото.

– Но не повышать цены чрезмерно, чтобы не сузить рынок.

– Да, конечно, – отозвался Мимото, – если рынок сузится, придется снизить цены.

Уайтекер взглянул на агентов. Пора ставить силки на дичь.

– Раз в Ванкувере принимающей стороной были вы, то, наверное, в следующий раз в роли хозяина должна выступить АДМ, да?

– Да, правильно.

– Я думаю, что мы, может быть, устроим встречу в Мауи.

– В Мауи?

– Да, в Мауи, на Гавайях. Соберем всех производителей лизина, как в Ванкувере.

– Но Гавайи – это США, – насторожился Мимото.

Агенты просили Уайтекера попытаться уговорить Мимото и, если тот заартачится, заставить его назвать причину, по которой он не хочет встречаться на американской территории. Уайтекер посмотрел на Шепарда.

– Ну и что же, что США?

– Ну как «что»?.. – замялся Мимото. – Это США, а у вас в Америке, э-э-э, очень строгая антитрестовская деятельность, разве не так?

Глаза Уайтекера блеснули. После этого заявления Мимото будет трудно отвертеться. И он отмел тревоги Мимото:

– На Гавайях, рядом с полем для гольфа на восемнадцать лунок. А?

– Ну хорошо, – засмеялся Мимото. – Если АДМ считает, что проблем не будет, я посоветуюсь с нашим юридическим отделом.

Уайтекер напомнил, что прошлогодние переговоры о фиксировании цен проходили на Мауи.

Что ж, сказал Мимото, можно провести на Гавайях учредительную встречу для ассоциации производителей аминокислот. Похоже, «Адзиномото» приняла идею проведения встречи по фиксированию цен под видом конференции отраслевой ассоциации производителей.

– Ладно, – сказал Уайтекер. – Это будет организационное собрание ассоциации. К тому же, – добавил он, – расстояние примерно одинаковое и для нас, и для вас.

– Да, правда, – отозвался Мимото. – И там поле для гольфа.

– Вот именно.

– Думаю, проблем не будет, – сказал японец.

Дело сделано. Мимото заглотил наживку.{161}

Через несколько минут Уайтекер повесил трубку.

– Вы только послушайте! – вскричал он, захлебываясь словами. – Он выдал нам все! Он знает, что это незаконно, и он

говорил об американских антитрестовских законах.

Агентам и той половины разговора, которую они слышали, хватило, чтобы прийти в волнение. Вытащив кассету из магнитофона, они выломали защитные пластинки, чтобы случайно не стереть запись. Затем перемотали пленку и стали слушать. Уайтекер в нетерпении ходил взад-вперед по комнате.

– Вот сейчас, сейчас! – сказал он.

«…У вас в Америке, э-э-э, очень строгая антитрестовская деятельность, разве не так?» – прозвучал голос Мимото.

– Вот оно! Вот оно! – приговаривал Уайтекер.

Агенты хладнокровно покивали. Но и они понимали всю важность произнесенной фразы: Мимото фактически сознавался в нарушении американских законов.

Прослушав запись, агенты поздравили Уайтекера с успехом и, сверившись с расписанием, договорились о следующей встрече. На этом с делами было покончено.

– О'кей, парни, спасибо, – сказал Уайтекер, надевая плащ. – До скорого!

Группа лизиновых магнатов закончила вкушать изысканный ланч. Ресторанчик находился в историческом районе крепости в Будапеште, неподалеку от готического коронационного собора венгерских королей. Завершив споры о мировых ценах на лизин и объемах производства, японские, корейские и европейские бизнесмены распрощались и разбрелись в разные стороны.{162}

Масару Ямамото, шагавший рядом с другими представителями «Киова хакко», вел беседу с одним из младших коллег. Война между АДМ и ее японскими конкурентами, похоже, затихает, сказал он. Их сотрудничеству уже ничто не мешает; цены на лизин растут везде.

– Теперь с американцами можно разговаривать, – объявил Ямамото. – АДМ нам больше не враг.

В Линкольне, штат Небраска, показались первые светлячки, когда Джон Хойт вышел на веранду и опустился в большое кресло. Рядом сидел его шурин Дж. Р. Ховелсруд. Агент взял краткосрочный отпуск, чтобы навестить вместе с женой ее родственников. Тем вечером на ферме Ховелсруда в их честь устроили обед. Все пребывали в благодушном настроении. Воздух был теплым и свежим.

Хойт поднял голову, разглядывая первые звезды. Он уважал шурина и с удовольствием гостил у него. Ховелсруд трудился на ферме почти всю жизнь и бился за урожай практически без выходных. Всю жизнь он зависел от погоды, от банков, от

перерабатывающих компаний. Недавно они с другом решили взять судьбу в свои руки и открыли небольшое предприятие по производству кормов. У Хойта до сих пор не было возможности расспросить шурина о его бизнесе.

– Как продвигаются дела? – спросил он.

– Продвигаться-то продвигаются, – ответил Ховелсруд с некоторой досадой, – но со скрипом. Прямо не знаю, как свести концы с концами, при таких-то сумасшедших ценах.

– Ценами на что?

– Да есть такое вещество, лизин называется.

Хойт замер, уставившись в пространство. Он не мог рассказать родственнику о секретном расследовании, которое вел сам, и потому спросил:

– А что такое лизин?

– Искусственная аминокислота, которая добавляется в свиной корм и другие продукты, – ответил Ховелсруд. – И вдруг – бабах, и цена на нее взлетает до небес.

Хойту и без шурина были известны кое-какие цифры. В июне, когда производители еще не достигли договоренности о ценах, фунт лизина стоил всего шестьдесят центов. Но к концу июля, после ванкуверской сделки, цена взлетела до одного доллара двадцати центов за фунт – вдвое, и всего за несколько недель.{163}

Хойт слушал Ховелсруда, сетовавшего на финансовые трудности, и в нем рос гнев. Он понимал, что этим компаниям плевать на его шурина. Они не станут снижать цену, чтобы привлечь лишнего покупателя. У них все схвачено. И как бы усердно ни трудился Ховелсруд, успех и неуспех его нового предприятия определяла кучка джентльменов в номере дорогого отеля.

Всего несколько недель назад Хойт смотрел телевизионное шоу «Неделя с Дэвидом Бринкли» и видел сюжет про АДМ, называвшей себя «мировым супермаркетом». Эта попытка компании предстать в образе морально безупречного радетеля об общественном благе разъярила Хойта. А теперь, слушая рассказ Ховелсруда о трудностях, он ясно понял причину своего гнева.

Хойту приходилось слышать проклятия в адрес шишек из АДМ, рассекающих по дорогам Иллинойса на своих «феррари» и других дорогих спортивных автомобилях. Он знал, что из-за высоких цен разорились очень многие клиенты АДМ, и в том числе боровшиеся за выживание фермеры вроде Ховелсруда. Он знал, что грабят всех простых американцев, вынужденных еженедельно переплачивать за продукты ради того, чтобы удовлетворить ненасытные аппетиты АДМ и ее конкурентов.

Хойт и его коллеги, конечно, всегда понимали теоретическую

концепцию антитрестовских законов и преступную природу ценового сговора. Но жертв этого сговора он увидел воочию только теперь. Они были реальны, эти жертвы, и это были обычные люди. Такие как Ховелсруд.

Дело не в экономической теории, думал он, а в том, что это настоящее *воровство*. Эти бизнесмены крали. От вооруженных налетчиков на винную лавочку они отличались только тем, что были куда богаче своих жертв.

Хойт знал, что в ближайшее время проблемы Ховелсруда усугубятся, но не имел права сказать ему об этом. Производители лизина вот-вот согласуют объемы производства, и цены подскочат еще выше. И Хойт поклялся сделать все, чтобы защитить своего шурина и других фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Увидев реальные результаты преступной деятельности руководителей АДМ, он понял, чего они заслуживают.

«Ворье. Да по ним тюрьма плачет», – думал он.

Всем крупным делам, которые ведет ФБР, даются кодовые имена, чтобы агенты могли свободно говорить о них при посторонних, не опасаясь утечки информации. А делом АДМ занимались уже восемь месяцев, но оно до сих пор было безымянным. Шепард предложил пару имен, но управление их отвергло – одно уже использовалось раньше, а другое, обыгрывавшее словосочетание «мировой супермаркет», слишком прозрачно намекало на объект расследования.

В один из летних вечеров Пейсли вызвал Херндона и сказал, что пора наконец дать расследованию кодовое имя.

– Это просто нелепо, Бобби, – заявил Пейсли. – Сядь и придумай как можно больше названий, а завтра сообщишь их мне.

Вернувшись на место, Херндон раскрыл блокнот и задумался.

Первый вариант: лизин как добавка к кормам для цыплят. – «Цыплячьи нежности»? «Цыплячья радость»? «Куриная слепота»?

Второй вариант: Иллинойс – «страна Линкольна». – «Предатели Авраама»? «Кёльн ли?» «Утраченные иллюзии»?

Третий: Декейтер – «гордость прерий». – «Заблудившийся в прерии»? «Прелая гордыня»?

Четвертый: сельскохозяйственная компания. – «Свое поле»? «Поле сражения»? «Нива преступления»? «Сельские забавы»?

Пятый: фиксирование цен во всемирных масштабах. – «Фикса»? «Идея фикс»? «Глобальное остолбенение»?

Просидев три часа, Херндон сочинил шесть десятков названий. На следующее утро он отнес список начальнику. Пейсли в него даже не заглянул.

– Брайан тебя опередил – предложил неплохое название, я его переслал в штаб-квартиру, там одобрили.

Расследование лизинового сговора называлось теперь «Битва за урожай».

– Мимото передумал, – сообщил Уайтекер Шепарду и Херндону. – Он говорит, что Гавайи для встречи не годятся.

Было это в отеле в Форсите вечером 24 августа.{164} За несколько недель, прошедших со дня, когда Уайтекер предложил Гавайи, Мимото обсудил предложение с другими производителями лизина. Гольф на одном из лучших в мире полей – это замечательно, но рисковать свободой – ну уж нет, увольте. Они выдвинули контрпредложение: собраться в Париже 5 октября.

Обсуждение цен на другие продукты идет своим чередом, сказал Уайтекер. 23 сентября Уилсон должен встретиться в Цюрихе с представителями европейского отделения «Адзиномото», которое производит глютамат натрия. Возможно, его будет сопровождать Барри Кокс. Насколько Уайтекеру известно, намечена еще и встреча производителей лимонной кислоты с участием фармацевтического гиганта «Хоффман-Ларош».

– А еще Мик сказал, что круг моих обязанностей расширится, – похвастался Уайтекер. – Я буду отвечать за совместные предприятия и за поглощения компаний по всему миру. И еще сказал, что на следующем заседании совета директоров предложит повысить мне оклад на сто тысяч долларов или больше.

Агенты выслушали это сообщение скептически. С какой стати вдруг решили платить Уайтекеру так много?

– Марк, – спросил Херндон, – вы не считаете, что это либо плата за молчание, либо премия за успехи в фиксировании цен?

– Да ничего подобного, – обиделся Уайтекер. – Парни, я пашу как карла. И встречи по фиксированию цен не главное мое занятие. Мне платят за всю мою работу.

Агенты не возразили. Может, Уайтекер прав и эта прибавка вовсе не плата за преступление. Но они решили проследить за тем, как АДМ будет рассчитываться с Уайтекером. Не исключено, что их предположение подтвердится и руководство компании хочет таким образом подкупить Уайтекера. А этот факт может быть использован в суде.

По заснеженной дорожке возле вашингтонского Мемориала ветеранов войны во Вьетнаме шагал молодой человек. Рядом шел

агент ФБР.

– Если я вас правильно понял, – сказал он, – я должен выкрасть документы в своей фирме, передать их ФБР, затем донести на своих коллег и засадить их за решетку?

Актер Эд Харрис, игравший роль специального агента Уэйна Тарранса, посмотрел на Тома Круза.

– Они же подставили вас, – возразил он.{165}

Зрители, заполнившие кинотеатр в этот летний вечер 1993 года, наслаждались игрой Круза в роли молодого адвоката по имени Митч Макдир, который узнал, что его фирма вошла в сговор с мафией. ФБР предлагает Митчу сотрудничество. Вернувшись домой, он рассказывает обо всем жене. Та приходит в ужас.

Сидевшие в зале Марк и Джинджер Уайтекер поежились. Все это было им так знакомо.

Экранизация бестселлера Джона Гришэма «Фирма» была тем летом одним из кинохитов. Марк любил эту книгу. Он прочел ее несколько лет назад и очень хотел посмотреть фильм. Но изображенная в фильме ситуация до ужаса напоминала его собственную. Герой Круза не хочет сотрудничать с ФБР. Тогда агенты начинают давить на него и угрожают уголовным преследованием в случае отказа от сотрудничества. Казалось бы, выбора у Макдира нет и ему придется выдать коллег.

Но молодой адвокат находит выход. Встретив агента Тарранса на собачьих бегах, он выдвигает требование:

– Миллион долларов на номерной счет в швейцарском банке. «Ай-би-джи интернэшнл», банк в Цюрихе.

Играющий агента ФБР Харрис снимает пальто.

– Что-то вас вдруг жадность одолела.

Кроме того, Макдир требует, чтобы ФБР добилось освобождения из тюрьмы его брата, осужденного за непредумышленное убийство. Тарранс приходит в ярость и грозит Макдиру, что засадит за решетку его самого, сфабриковав неопровержимые улики. Но Макдир перехитрил агента: он взял с собой магнитофон и записал все слова Тарранса. Так что, если тот не выполнит его требований, аудиозапись будет обнародована. В конце фильма Макдиру удается отделаться и от мафии, и от ФБР, и он вновь становится хозяином своей жизни.

Возникли заключительные титры на фоне панорамы Мемфиса. В зале зажегся свет. Марк и Джинджер вышли из кинотеатра, делясь впечатлениями. Книга, по мнению Марка, была лучше. Но по дороге домой они говорили главным образом о сходстве сюжета с реальными событиями в жизни Марка, о пугающем сходстве.

От реальности фильм отличался тем, что характер его героя был сильнее, чем у Марка, и он добился и денег, и иммунитета от преследования.

Вечером 26 сентября Шепард примерно в половине восьмого закончил разговор со спрингфилдским офисом и набрал номер Уайтекера. С коммутатора сообщили, что Уайтекер звонил сам и хотел поговорить.

В последние недели в поведении Уайтекера произошли непонятные перемены. Серьезных проблем пока не было, но чувствовалось, что их не избежать. Десять дней назад он сказал Шепарду, что выполнил все условия заключенного между ними соглашения и хочет, чтобы ФБР занялось расследованием других преступных действий АДМ без его участия. Этот неожиданный всплеск строптивости не удивил Шепарда, но он не желал участвовать в очередной игре, которую затевал Уайтекер.{166}

Уайтекер ответил на звонок агента. Он кипел энтузиазмом.

– Я только что узнал важную новость! – воскликнул он. – Мне сказали, что я, возможно, буду следующим президентом АДМ.

Шепард записал это. Рэнделлу было около семидесяти. Ничего удивительного, что АДМ подыскивает ему замену. Уайтекер всегда говорил, что у него неплохие шансы получить эту должность.

Шепард спросил, нет ли других новостей.

– Цены зафиксированы по крайней мере на десять продуктов, выпускаемых АДМ.

– На десять?

– Да. И, по моим прикидкам, все компании, участвующие в этом, получают дополнительную прибыль от восьмисот миллионов долларов до миллиарда. Это только цифры прибыли от фиксации цен.

Шепард снова записал цифры и поинтересовался подробностями, но Уайтекер не добавил ничего, кроме того, что в переговорах о ценах и объемах участвуют по два-три человека от каждой компании.

– Брайан, – сказал он, – если против этих компаний выдвинут обвинение в фиксировании цен, им придется выплатить колоссальные штрафы, правда?

– Не знаю, Марк. Конечно, если их признают виновными или они сами признаются, то, возможно, должны будут заплатить большой штраф. Но трудно сказать, как все обернется.

– Ну да, я понимаю.

Помолчав, Уайтекер продолжил:

– Вы знаете, Брайан, я ведь очень многим рискую. А я должен

думать о своей семье.

– К чему вы клоните, Марк?

– Было бы неплохо, если бы АДМ заставили заплатить и мне, – скажем, в размере моего оклада за десять лет.

– Но, Марк…

– Брайан, это было бы только справедливо.

– Марк…

– И еще. Я не думал, что это расследование продлится так долго. И если я соглашусь сотрудничать с вами и дальше, до конца, то вы, я считаю, должны обеспечить мне иммунитет от уголовного преследования.

Вот и выяснилась истинная цель звонка: Уайтекер ставил свои условия.

– Послушайте, Марк. Лично я не могу гарантировать вам неприкосновенность и не могу сказать ничего определенного о том, будет или не будет наложен штраф на АДМ. Единственное, в чем я уверен, – рано или поздно эти вопросы будут обсуждаться с участием Министерства юстиции.

Уайтекер настаивал, но Шепард повторил, что на этом этапе он ничего не может обещать.

– Ну ладно, Брайан, – разочарованно протянул осведомитель. {167}

Спустя два дня Уайтекер встретился с Шепардом и Везероллом в одном из отелей Форсита.{168} На следующей неделе, 5 октября, конкурирующие производители лизина собирались съехаться в Париж на переговоры. Уайтекер сообщил, что Мик Андреас велел ему предварительно встретиться с французскими бизнесменами и договориться об объемах производства – он надеялся таким образом поддержать цены в Европе на высоком уровне.

– Мик хочет встретить азиатов во всеоружии, – пояснил Уайтекер.

Парижское совещание обещало быть интересным, но агентам не удалось получить у французского правительства разрешения на аудиозапись. Еще одни важные переговоры пройдут для ФБР впустую.

После встречи с ФБР Уайтекер вернулся домой, когда все уже пообедали. Поздоровавшись с женой и детьми, он поднялся в свой кабинет. Достав из кармана диктофон, он раскрыл его и вытащил микрокассету. Агенты о ней не знали – он сделал эту запись во время разговора с ними. Подобно герою Тома Круза, он тайком записывал агентов ФБР.{169}

Чувствуя себя продувной бестией, Уайтекер открыл шкаф и положил кассету на полку. Забавно, что технику, выданную ФБР, он использует для того, чтобы записывать сотрудников Бюро.

5 октября в 11.53 Филип Ролье и двое его коллег из французского филиала «Адзиномото» вошли в вестибюль парижского отеля «Риц». Минут через пятнадцать в вестибюль из своего номера спустился и Уайтекер.{170}

Все четверо встретились в центре вестибюля и направились в ресторан. По дороге Уайтекер бросил взгляд на одно из кресел. В нем сидел Брайан Шепард, притворяясь, что читает газету. Он вел наблюдение в паре с французским полицейским. Уайтекер про себя усмехнулся. Шепард выглядел в точности как агент ФБР.

«Надо приодеть этого парня», – подумал Уайтекер.

В тот же день Уайтекер выскочил из дверей отеля «Ле Гран Интерконтиненталь» и сел в такси. В машине он вынул из кармана записку с адресом.

– В американское посольство, – сказал он водителю и протянул листок с адресом.

Подъехав к посольству, он увидел на тротуаре Шепарда. Остановив такси, Уайтекер быстро расплатился и вышел. Вместе с агентом они поспешили ко входу. Времени у Уайтекера было в обрез – скоро начинался обед заговорщиков, на котором он должен был присутствовать.

В вестибюле их встретила Реджина Суперно. Она была помощником атташе по правовым вопросам. Суперно провела Шепарда с его подопечным к лифту, и вскоре все трое были в ее кабинете.

Уайтекер вкратце описал Шепарду события этого дня. За ланчем Ролье согласился с предложением АДМ поддерживать в Европе высокие цены на лизин даже в том случае, если в Америке они упадут. Затем они переместились в «Ле Гран Интерконтиненталь», где в 14.20 начались общие переговоры. После официальной части, провозгласившей образование Ассоциации производителей лизина, перешли к основной, нелегальной. По ценам на лизин принципиальных разногласий не было, и продавать его постановили за один доллар двадцать центов за фунт в Америке и за один доллар восемьдесят центов в Европе. Договориться об объемах производства так и не смогли. В конце концов все согласились, что эту проблему смогут разрешить только Мик Андреас и Кадзутоси Ямада, и только при личной встрече.{171}

– Что ж, прекрасно, Марк, – сказал Шепард. – А теперь

давайте сообщим новости Андреасу.

Шепард включил магнитофон, Уайтекер сел за стол и набрал номер Мика Андреаса. Запись будет сделана в присутствии двух свидетелей, Шепарда и Суперно. Правда, слишком многого от этой записи никто не ожидал, но будет, по крайней мере, лишнее свидетельство того, что Андреас знал о цели парижской встречи.

Французские власти запретили записывать телефонные переговоры, но здесь, в посольстве, они были на американской территории и могли отвести душу. Они могли записать не только отчет о переговорах, которого ожидал Андреас, но и все, что им заблагорассудится.

Агенты ФБР чувствовали, что приближается кульминация «Битвы за урожай». Пора было форсировать события. Они изложили план действий Уайтекеру, и тот радостно его одобрил.

План привели в действие 12 октября. В шесть утра Уайтекер постучал в дверь номера 121 отеля «Хэмптон-Инн» в Форсите.{172} На нем были темно-синие костюмные брюки, а пиджака не было.

– Ну как? – спросил он, быстро входя в комнату. – У меня мало времени.

– Много и не требуется, – отозвался Херндон.

У него был наготове темно-синий пиджак, идеально подходивший к брюкам Уайтекера и начиненный новейшей звукозаписывающей аппаратурой. Уайтекер улыбнулся.

За прошедшую неделю он ни разу не виделся с Миком Андреасом, а сегодня расскажет ему о переговорах в Париже. Если повезет, Андреас выскажется и насчет предполагаемой встречи с Ямадой. Так что техника ни в коем случае не должна была подвести.

Пиджак принадлежал Уайтекеру и составлял пару к брюкам. Неделю назад агенты забрали у него этот пиджак, и в Спрингфилде в его подкладку вшили маленький магнитофон, а в лацканы – микрофоны.

Уайтекер надел пиджак. Никаких изменений в нем он не почувствовал.

– О'кей, Марк, – сказал Херндон. – Когда захотите начать запись, выключатель в кармане.

Выключатель был маленький и простой. ФБР поработало отлично.

Уайтекер передал Херндону микрокассету и магнитофон, и тот вставил пленку и батарейки. Затем Уайтекер рассовал звукозаписывающие устройства по местам – все четыре штуки. Он был готов к работе.

Чуть позже, в 9.15, Уайтекер и Уилсон пробирались сквозь лабиринт столов дилингового зала АДМ к кабинету Мика Андреаса. Мик вызвал их, затребовав отчет о переговорах в Париже. Записывающие устройства в подкладке пиджака Уайтекера и в нагрудном кармане были включены.

– Как они оценивают наше производство? – спросил Андреас.

– Примерно в пятьдесят тысяч тонн, – ответил Уайтекер. – А на самом деле мы производим около шестидесяти восьми.

– Они считают, сорок пять, – рыкнул Уилсон.

Уайтекер покачал головой:

– Они хотят, чтобы мы производили не больше сорока пяти, но думают, что мы производим пятьдесят.

– А у нас, значит, семьдесят?

– Пока шестьдесят восемь, – уточнил Уайтекер.

Андреас спросил, может ли АДМ сократить производство на двадцать тысяч тонн, чтобы ублаготворить конкурентов, но Уайтекер ответил, что проблема не в этом. Количество лизина, которое хотят производить в совокупности все компании, превышает объем текущего рынка. Если все выбросят продукцию на рынок, цены неизбежно упадут.

– Я думаю, все было бы в порядке, если бы не Икэда, – сказал Уайтекер. – Мы с Терри его на дух не переносим.

– Не будь наивным! – презрительно фыркнул Уилсон. – Он делает то, что велит ему Ямада.

Чтобы решить проблему, сказал Уайтекер, потребуется личная встреча Андреаса с Ямадой.

– Вот кто меня действительно беспокоит, – отозвался Андреас.

– Да, но он-то вроде бы мыслит разумно, – сказал Уайтекер. – А Икэда – задница, и, я считаю, он-то и заварил кашу.

– Ямада действует как остальные: посылает на переговоры своего болванчика, – откровенно брякнул Андреас. – Велит ему: «Поезжай, сражайся, не уступай ни пяди».

– Да, похоже, что такова их политика, – согласился Уайтекер.

– Ты передал Ямаде, что я могу встретиться с ним где угодно? – спросил Андреас.

– Передам сегодня же вечером, – кивнул Уайтекер.

Ситуация требует срочных мер, добавил он. Иначе цены неминуемо упадут.

– Месяца три-четыре мы продержимся, а потом, если ничего не изменится…

– …мы все потеряем кучу денег, – закончил за него Андреас.

В 15.30 того же дня все трое встретились еще раз. Андреас хотел досконально разобраться в положении дел на рынке лизина и в объемах этого рынка. Уайтекер и Уилсон подробно изложили мнения конкурентов.

Уилсон почесал подбородок.

– Цены запросто могут упасть процентов на десять, – сказал он.

– На десять? – удивленно переспросил Андреас.

– Да, – ответил Уилсон.

– Это верно, – подтвердил Уайтекер.

Андреас улыбнулся и поднял руки ладонями вверх:

– Тогда нам остается только врать конкурентам. А уж если мы врем, то делаем это с открытыми глазами, этого у АДМ не отнимешь.

Уилсон согласился, что в этом преимущество АДМ перед японцами.

Независимо от размеров рынка, продолжил Андреас, надо продумать позицию на переговорах. Месяцев через шесть надо начать жаловаться на ограничения по объему производства – даже если АДМ будет тайно производить намного больше. Если к тому времени конкуренты будут готовы договориться об объемах, следует создавать искусственные препятствия, чтобы оттянуть этот момент до тех пор, пока не удастся скрыть обман.

– Таким образом, мы на время избавимся от этих разборок, – сказал Андреас.

– Правильно, – поддакнул Уайтекер.

– Итак, – заключил Андреас, – начинаем врать, прямо сейчас.

В 16.40 Уайтекер снова был в кабинете Андреаса, на этот раз один на один. Единственным звуком, нарушавшим тишину в кабинете, было пыхтение аквариумного насоса. Мик вызвал Уайтекера, чтобы получить дополнительную информацию о японцах. По-видимому, он понял, что настал критический момент. Выбор был один: либо извлекать максимальную прибыль, либо развязывать войну цен.

Мик снова и снова прокручивал варианты развития событий. Врать конкурентам имело смысл в том случае, если они не пойдут на соглашение. Если пойдут, ну что ж, тогда дело другое. Андреасу в некотором смысле даже нравилось положение АДМ на рынке. Все азиатские компании присутствовали на нем еще до появления АДМ и действовали, сговариваясь о ценах. Когда АДМ стала стучаться в дверь, желая вступить в клуб, ее проигнорировали. Не получив ответа, компания снизила цены, послав ясный сигнал тем, кто поначалу не принял новичка

всерьез.

Андреас откинулся в кресле. Теперь пора сделать паузу и успокоить рынок, сказал он. Если спрос упадет, АДМ сократит производство.

– Вот так им и скажи, – велел он Уайтекеру, – но предупреди, что никаких штучек с их стороны мы не потерпим. Если они начнут переманивать наших клиентов, никакого сокращения не будет. И пусть знают: все, что мы потеряем, мы отберем назад, когда цены вырастут. Но, вообще-то, я не думаю, что они попрут против нас, как ты считаешь?

– Да, вряд ли, – согласился Уайтекер.

– Кишка у них тонка.

– Тут еще и вопрос доверия.

– Знаю.

– Я хочу сказать, что Терри нагнал на них страху.

– Совсем как Икэда, – улыбнулся Андреас. – Терри – это наш Икэда.

Уайтекер засмеялся:

– Терри сделал нужную вещь в нужное время.

– Ну да, ну да. – Андреас наклонился к Уайтекеру. – Икэда, наверное, пошел к своему боссу и сказал: «Я велел этим ублюдкам, чтобы они сократили производство вдвое, или им будет плохо». А Ямада про себя подумал: «Плохо-то, может, и будет, только кому, сукин ты сын?»

Ямада наверняка понимает, что конфронтация с АДМ ничего не даст, рассуждал Андреас. Американцам уже случалось сбивать цены на лизин, и они сделают это снова, если им не пойдут навстречу.

– Ведь по правде говоря, им известно, на что мы способны.

– Да, – согласился Уайтекер. – Мы трижды сбивали цену до шестидесяти центов.

– Вот именно. В третий раз это было просто чудо.

Андреас наклонился к нему, съехав на самый край кресла.

– А знаешь, я с удовольствием встречусь с Ямадой.

Уайтекер навострил уши:

– Правда? Я думаю, рано или поздно придется это сделать.

– Да-да, я с удовольствием лично переговорю с ним. Наедине. Я сяду и скажу ему: «Знаете, у меня ведь есть акционеры…»

– Мне предупредить его о личной встрече? – спросил Уайтекер. – По-моему, Икэда собирался быть на ней.

– Сделаем это в последний момент.

Может, лучше сначала переговорить всем вместе, предложил Уайтекер, а потом Андреас и Ямада уединятся. Тогда все будут довольны.

– М-да. Возможно, действительно стоит сначала выслушать их бред, – согласился Андреас.

– Да.

– А после этого я заведу Ямаду в укромное местечко и скажу ему: «Смотрите, что получается. Эти ребята грызутся и стараются перерезать друг другу глотки, а деньги при этом теряем мы с вами. Почему бы нам не договориться?»

– Отлично, – рассмеялся Уайтекер.

– Обязательно устрой так, чтобы мы оказались наедине. Так я смогу говорить гораздо откровеннее.

– Угу.

Андреас улыбнулся, не разжимая губ.

– Не исключено, что Икэда записывает все наши переговоры. Таскает магнитофон под пиджаком.

Уайтекер заморгал и принужденно засмеялся. Диктофон в его кармане вдруг стал очень тяжелым.

– Он, наверное, записывает их, чтобы потом перевести на японский, чтобы японцы могли прочитать… – бессмысленно забормотал он, лихорадочно пытаясь сменить тему. – Я очень ценю все, что вы сделали… – Язык его от волнения начал заплетаться. – И мне очень, да, очень нравится заниматься всем этим. Мы… вы… достигли таких успехов. Не то что с лимонной кислотой, говоря честно.

– Ну да, знаю.

Это напомнило Андреасу, что он хотел распорядиться о назначении Барри Кокса президентом группы лимонной кислоты. А это вело к ряду кадровых перестановок.

– Возможно, мы назначим вице-президентом его помощницу, а девушку из Канады – знаешь, симпатичную такую – вторым вице.

– Ну да.

– Надо сделать это до заседания совета директоров.

Уайтекер подхватил тему. В его отделе работала женщина по имени Кэти, которую он тоже хотел повысить в должности. Она была предана компании и честолюбива.

– Я говорил отцу, что нам надо бы создать женскую команду по продажам. Назначить, например, Дебби[44]{174} ответственной за Западное побережье. Будем почаще устраивать корпоративные вечеринки.

Уайтекер засмеялся.

– А он говорит: «Ага, здорово! Обязательно приду на первую же вечеринку». – Андреас прочистил горло. – Не боится, что его привлекут к ответственности. Ему уже семьдесят пять, блин.

Уайтекер снова перевел разговор на Кэти, сказав, что она

ничуть не хуже Анны из отдела лимонной кислоты. Андреас заметил, что Анну он продвигать не собирается. Вообще-то, сказал он, Анна его пугает. Однажды на собрании просто забомбила его вопросами. Все спрашивала, как он относится к обязательствам АДМ перед обществом.

– Я ответил, что вижу наши обязательства перед обществом в том, чтобы обеспечивать трудолюбивых людей высокооплачиваемой работой.

Уайтекер затеребил галстук.

– А она говорит, что этого мало, – продолжал Андреас. – Завела шарманку про детские сады и всякую муть. А я сижу и думаю: «Шла бы ты…»

– Да, она феминистка, – отозвался Уайтекер. – С ней надо быть начеку.

Может, раздумывал вслух Андреас, продвинуть пару женщин в вице-президенты, а еще одну в президенты Западного отделения.

– А чего мне, на хрен, бояться? – добавил он.

– Ну да, это просто название, и только, – сказал Уайтекер. – По сути, это ничего не меняет, а публика будет довольна.

– Вот и хорошо, – кивнул Андреас.

Вечером Уайтекер снова увиделся с Херндоном и Везероллом в отеле «Хэмптон» и передал сделанные за день записи. Встреча Андреаса с Ямадой, по-видимому, состоится скоро, сказал он. Проблема в том, что Мик хочет разговаривать с японцем наедине. Если так и будет, как тогда сделать запись, которую примет суд? Разве что с разрешения того же суда спрятать микрофон в помещении. Агенты посоветовали Уайтекеру устроить все так, чтобы японцы потребовали общего участия в переговорах, как и планировалось вначале.

Они сверили часы. Около половины восьмого. Икэда, по-видимому, уже на месте. Решили, что Уайтекер попробует договориться о встрече прямо сейчас. Херндон подсоединил к телефону записывающее устройство.

Включив диктофон, Везеролл произнес в микрофон:

– Я специальный агент Джо Везеролл-младший. Я говорю в присутствии специального агента Роберта Херндона и Марка Уайтекера. Мы находимся в отеле «Хэмптон-Инн» в Форсите, Иллинойс. Мистер Уайтекер будет говорить по телефону с Хирокадзу Икэдой.

Уайтекер набрал номер, заплатив своей картой «Эй-ти-энд-ти». К телефону подошла секретарша. Уайтекер назвался и попросил позвать Икэду.

В трубке раздался голос японца:

– Алло?

– Добрый день. Мистер Икэда?

– Да. Как поживаете, доктор Марк Уайтекер?

Уайтекер перешел прямо к делу:

– Я звоню по поручению Мика Андреаса. Он считает, что наши отношения налаживаются, но мы должны пойти дальше.

– Да, это верно.

Уайтекер объяснил, что Андреас хочет встретиться с Ямадой, но в ближайшие месяцы не сможет прилететь в Японию и поэтому предлагает встретиться в США.

Уайтекер поставил японцев перед жестким выбором – либо ехать в Америку, либо терпеть убытки из-за того, что отсутствует договоренность по объемам производства лизина. И если любви к гольфу оказалось мало, то любовь к деньгам победила. Икэда согласился в конце года провести переговоры в Калифорнии.

Теперь Уайтекеру требовалось обеспечить свое присутствие на встрече, чтобы ФБР могло ее записывать.

– Андреас считает, что лучше встретиться вчетвером: вы с мистером Ямадой, Андреас и я. А затем он хотел бы поговорить с мистером Ямадой наедине.

– Да. Таково и наше мнение.

Уайтекер улыбнулся.

Проблема решена.

Икэда сказал, что обсудит с Ямадой время встречи и сообщит Уайтекеру о решении факсом.

– Вы сейчас у себя дома, я полагаю? – вдруг спросил Икэда.

Уайтекер растерялся. К этому вопросу он не был готов.

– Д-да… – ответил он, но сразу осознал, что Икэда может прислать ему факс буквально через несколько минут и захочет сразу обсудить его. Он быстро поправился: – Точнее, я звоню из телефона-автомата. Я уезжаю и вернусь только завтра к вечеру.

Икэда, казалось, был озадачен.

– Но какое-то время вы еще будете дома? – спросил он.

А что, если у него есть определитель номера?

– Нет-нет! Я уже еду в Чикаго и вернусь в Декейтер только завтра.

– А, понятно, – отозвался Икэда.

Опасность, кажется, миновала.

– Я смогу позвонить вам в отель? – спросил Икэда.

Час от часу не легче. Уайтекер сказал, что будет в Чикаго, но по телефонному коду Икэда поймет, что на самом деле он близ Декейтера. Уайтекер лихорадочно искал выход. Агенты ничем не могли ему помочь и наблюдали за его муками.

– Понимаете… Дело в том… Дело вот в чем, – запинаясь, произнес он, – я остановлюсь у одного из наших оптовиков.

Глупее не придумаешь. АДМ из соображений экономии заставляет свое руководство селиться у оптовиков?

Однако Икэду это объяснение удовлетворило.

– Понятно, – сказал он.

– И мне не хотелось бы при нем обсуждать эти дела, понимаете?

– О! Да-да, конечно.

Уайтекер был ни жив ни мертв. Икэда пообещал отправить факс Уайтекеру в его кабинет АДМ, а тот пообещал поговорить на следующий день с Андреасом. На этом разговор закончился.

Все вздохнули с облегчением.{175}

Назавтра в 14.00 Уайтекер взял присланный Икэдой факс и быстро пробежал его глазами. Ямада выражал желание встретиться с Андреасом и Уайтекером в Лос-Анджелесе 25 или 26 октября. Точное место встречи можно было выбрать позже, когда договорятся о дате.

Уайтекер направился к Мику Андреасу, не забыв включить диктофон в кармане.

– Мик, – спросил он в дверях кабинета, – найдется минутка?

Андреас поднял голову от бумаг на столе:

– Угу.

Уайтекер протянул ему факс.

– На нас поработал Икэда, да так быстро, – сказал он. – Ямада хочет встретиться в Эл-Эй через две недели.

– Серьезно?

– По телефону Икэда сказал мне, что тоже приедет.

– Чего ради? – проворчал Андреас.

Пока Уайтекер объяснял подробности, Андреас проверил свое расписание и убедился, что 25 октября он свободен. Уайтекер сказал, что пойдет сделать для Мика копию факса Икэды. Оригиналом, полагал он, заинтересуется ФБР.

Когда Уайтекер вернулся, они обсудили детали встречи. Андреас спросил, есть ли у них в Лос-Анджелесе человек, у кого котелок варит. Уайтекер ответил, что туда переехала их бывшая сотрудница Тина.

– Она выходит замуж, – пояснил Уайтекер.

– Какая потеря! – откликнулся Андреас.

Позвонив пилотам компании, Андреас выяснил, что перелет в Лос-Анджелес займет четыре часа. Он предложил вылететь в семь утра. Тогда переговоры можно будет начать в 9.00 по местному времени. А часам к семи вечера они смогут вернуться домой.

Уайтекер сказал, что отдаст соответствующие распоряжения.

Пользуясь моментом, он решил напомнить начальнику о продвижении Кэти, работавшей в его подразделении, и заодно спросил, как обстоят дела с Анной. Андреас ответил, что ее босс против этого повышения.

– Он сказал, что у нее слишком большие аппетиты. То и дело спрашивает: «Вы повысите меня или нет? Вы дадите мне машину? Вы дадите мне то? Вы дадите мне это?»

– Кэти не такая. Она ничего не выпрашивает.

– Это хорошо, но…

– Она удовлетворится тем, что ей дадут. Анна другая.

– Да, чересчур агрессивна.

Уайтекер закашлялся.

– Наверное, трахать ее – просто фантастика, – сказал Андреас с мечтательной улыбкой. – Но боюсь, что возникнут Проблемы с большой буквы, как ты считаешь?

– Да, наверное, – ответил Уайтекер и поспешил добавить, что с Кэти не будет никаких проблем, у нее нет привычки жаловаться.

Какое-то время они продолжали обсуждать продвижение женщин. Откинувшись в кресле, Андреас улыбнулся:

– Значит, моя Тина выходит замуж?

– Да, через две или три недели, – ответил Уайтекер.

– Я думаю, это ненадолго. Как ты считаешь?

– Да.

– Знаешь, у нее куриные мозги, – заметил Андреас. – Она еще вернется к нам. Надеюсь, что не с пузом. На фиг нам ее пеленки.

– Да, – согласился Уайтекер.

– Красивое тело, – продолжал Андреас, – особенно титьки. У нее самые потрясающие титьки в мире. – Его улыбка стала еще шире. – Во всем мире.{176}

В тот же день в 15.15 в декейтерской резидентуре ФБР зазвонил телефон. Везеролл снял трубку.

– Джо? Привет, это Марк.

– Привет, Марк. Как дела?

– Всё на мази. Я получил факс от Икэды. Они хотят встретиться через две недели. – Уайтекер рассказал о предложении японцев и о своем разговоре с Андреасом. – Ему не терпится поговорить с Ямадой. Он свободен двадцать пятого, так что, по-видимому, это и будет датой встречи. Мы возьмем самолет компании, «Фэлкон», и вылетим в семь утра. А где-нибудь в час дня, после ланча, отправимся обратно. Так что все уже расписано.

– Вот и хорошо, Марк. Здорово.{177}

Они простились, и Везеролл позвонил Херндону.

Осталось двенадцать дней. Всего двенадцать дней, чтобы все подготовить. Первым делом надо выяснить, в каком номере будут проходить переговоры, а затем установить там прослушивающую аппаратуру. Надо предусмотреть тысячу мелочей, из-за которых может случиться прокол, ведь эта встреча так важна.

Все должно пройти без сучка без задоринки.

Глава 8

Над толпами пассажиров нависала девятифутовая подсвеченная снизу бронзовая статуя Джона Уэйна[45] при всех ковбойских регалиях. Выйдя из гейта прибывающих рейсов, агенты оказались на нижнем уровне главного терминала аэропорта «Джон Уэйн» на окраине Ирвайна, штат Калифорния. Высящиеся до потолка пальмы и бьющее в стеклянные стены солнце воплощали великолепный образ солнечной Калифорнии. {178}

Шепард и Везеролл подхватили багаж с ленты транспортера. Прошло чуть больше недели с тех пор, как Уайтекер сообщил им о встрече, намечавшейся в Лос-Анджелесе. За это время конкуренты договорились провести переговоры в отеле «Марриот» в Ирвайне. Городок находился в тридцати пяти милях южнее Лос-Анджелеса, но, располагая корпоративным самолетом, добраться туда не составляло труда. Как только место встречи определилось, Дин Пейсли позвонил за помощью в лос-анджелесский офис ФБР, и ему придали для связи агента из резидентуры Санта-Аны.

Шепард и Везеролл направились прямо в «Марриот», расположенный всего в миле от аэропорта. Сверкающий белизной отель – четыреста восемьдесят пять номеров, двадцать девять конференц-залов, два ресторана – был как замкнутый мирок о семнадцати этажах. Уайтекер заказал для переговоров одно из самых больших помещений отеля – люкс номер 1538 из нескольких комнат.

Оставив багаж в номере, агенты прошли в люкс. В центре его стоял большой стол для банкетов и конференций. Самое подходящее место для переговоров. Агенты установили в номере лампу со спрятанной в ней видеокамерой, в поле зрения которой попадал весь стол. Управлять камерой можно было дистанционно, так что возможные перемещения бизнесменов по комнате не стали бы помехой – с помощью оптического зума можно приближать изображение или охватывать объективом всю комнату.

Проблемы возникли с самого начала. Начальник охраны отеля решил перестраховаться и связался с хозяевами. Тут же позвонил адвокат компании «Марриот» с требованием приостановить операцию ФБР. Компания хотела прислать представителей, чтобы договориться о своем полном и безусловном иммунитете. Времени вступать в переговоры и пререкания не было, и ФБР согласилось удовлетворить

требования хозяев. Все нелады утрясли несколькими звонками.

К утру понедельника, 25 октября, все было готово.

Без десяти девять по местному времени гладкая сигара турбореактивного «Фэлкона-50»{179} приземлилась в аэропорту «Джон Уэйн». Это был один из самых быстрых самолетов воздушного флота АДМ, и на перелет из Декейтера времени ушло немного, а погода на всем пути была прекрасная, не считая небольшого тумана над Ирвайном.

Пилот повел самолет в ангар, оставив Мика Андреаса и Марка Уайтекера на поле. Уайтекер чувствовал, что из-за «Нагры» кейс тяжелее обычного. В подкладку темно-синего костюма было зашито звукозаписывающее устройство. В кармане прятался микрокассетный диктофон. Но запись он пока не включал. Агенты велели экономить пленку для переговоров, которые еще неизвестно сколько продлятся. Было бы обидно упустить что-нибудь важное из-за технических неполадок.

Добравшись до «Марриота», Андреас и Уайтекер поднялись на пятнадцатый этаж.

В номере неподалеку от них Шепард в наушниках «Сони» сидел перед черно-белым экраном монитора. В руках он держал пульт дистанционного управления. Не ладивший со сложной современной техникой Везеролл стоял рядом и наблюдал.

Дежуривший в коридоре агент сообщил, что Уайтекер зашел в люкс. Шепард нажал «пуск». На часах было ровно 9.00.

На экране Шепард разглядел обоих менеджеров АДМ. Послышался голос Уайтекера:

– Я сказал им, что у нас в Декейтере есть один чокнутый, который хочет поднять его до трехсот пятидесяти миллионов фунтов.

Вскоре принесли демонстрационный стенд, заказанный Уайтекером. Его установили «лицом» к камере, что и требовалось агентам.

АДМ заплатила за этот стенд двадцать четыре доллара пятьдесят центов.{180} Пройдет немного времени, и, может, компания заплатит намного, намного больше.

Минут двадцать Уайтекер и Андреас беседовали наедине, уточняя данные о рынке лизина. Андреас хотел оперировать точными цифрами при обсуждении дел с Ямадой.

В 9.22 дверь открылась и вошли Икэда и Ямада, высокий лысеющий японец в очках.{181}

– Ну вот мы и вместе, – сказал Андреас.

– Привет, – откликнулся Икэда.

– Доброе утро, – произнес Ямада.

Бизнесмены поговорили о перелете и самолетах.

– У вас ведь сейчас середина ночи, если не ошибаюсь? – спросил Андреас.

– О да, – рассмеялся Ямада.

– Сожалею, что подняли вас так рано, – сказал Андреас.

Все уселись за стол.

Шепард наблюдал, как эти четверо рассаживаются за столом. Андреас и Уайтекер сидели почти прямо против камеры, а японцы были хорошо видны в профиль. Обзор был идеальный.

Более часа разговор, то живо, то вяло, вертелся вокруг глютамата натрия, различных компаний и перспектив сотрудничества с ними, но о лизине не было сказано ни слова. Персонал отеля приносил беседующим кофе, чай, соки, бутерброды, фрукты, причем в таком количестве, что его хватило бы, заметил Уайтекер, человек на сорок.

В 10.39 Ямада посмотрел на Икэду, на Андреаса и спросил:

– Поговорим о лизиновой ассоциации?

– Давайте, – кивнул Андреас.

– Ассоциация существует официально, – вставил Уайтекер.

– Да-да, официально, – откликнулся Ямада. – Я думаю, это хорошо для развития рынка.

Уайтекер записал что-то в блокнот и кашлянул.

– Мы уже больше года потратили на то, чтобы, э-э-э, выправить ситуацию на рынке, – произнес Ямада, с некоторым трудом подбирая английские слова, и добавил, что пора заключить соглашение об объемах производства.

– Мы немного говорили об этом в Париже, – заметил Уайтекер, кладя ногу на ногу.

– Все предыдущие встречи, – сказал Андреас, устраиваясь поудобнее, – оставили у меня впечатление, что большинство наших конкурентов не осознает подлинных размеров рынка.

Он посмотрел на Уайтекера.

– Мне так кажется, – добавил он.

Шепард решил рассмотреть Андреаса поближе и нажал нужную кнопку пульта. Изображение увеличилось, но весь экран заполнила люстра. Шепард немного повернул камеру, и в поле зрения попал Андреас, но без головы. Манипулируя камерой так и этак, агент наконец поймал крупный план.

– Мне так кажется, – говорил Андреас, – потому что цифры, о которых мы все время слышим, не отражают действительности.

Шепард слушал, как Уайтекер называет объемы производства

АДМ. Камера была направлена на Андреаса, и в кадре виднелась лишь рука Уайтекера.

– Я заместитель председателя совета директоров, – сказал Андреас. – Совет у нас большой, и много акционеров.

Ямада пробурчал что-то одобрительное.

– У нас были те же проблемы, что и у вас, – продолжал Андреас. – Цены были далеки от тех, на которые мы рассчитывали, и никак не росли.

И добавил, что производственные мощности АДМ уже сейчас позволяют наполовину удовлетворить расширение объема рынка этой продукции, но компания понимает, что это не в интересах остальных производителей, и не жадничает.

– Если бы мы увеличили производство процентов на семьдесят, это нарушило бы равновесие и привело к нестабильности, но и сокращать его мы не намерены.

АДМ выложила свои карты на стол. Компания не собирается отхватывать себе весь прирост рынка, но и сокращать продажи не станет. Предложение «Адзиномото», выдвинутое несколько месяцев назад, неприемлемо.

Икэда пробормотал, что они могли бы договориться и найти компромиссную цифру.

– Тут есть бумага? – спросил Андреас у Уайтекера.

В ответ Уайтекер и Икэда указали на стенд позади Андреаса с прикнопленным к нему листом бумаги.

– А, вижу, – сказал Андреас, обернувшись.

Икэда подошел к стенду, чтобы записать цифры, а Андреас тем временем направился к столику с закуской и кофе.

Уайтекер тоже встал.

– Туалет-то тут есть? – спросил он громко, чтобы Шепард слышал, что он собирается покинуть помещение.

Икэда искал ручку, и Уайтекер подал ему одну из лежавших на столе. Икэда начал записывать цифры объемов производства.

Уайтекер посмотрел на лампу с камерой и объявил:

– Пока вы пишете, я быстренько сбегаю в туалет.

«Ну уж этого хватит, чтобы меня услышали», – подумал он и вышел.

Шепард выключил видеокамеру. Он пропустил первое предупреждение Уайтекера. Магнитофонная лента крутилась еще несколько секунд после того, как Уайтекер вышел, но за это время никто ничего не произнес.

Шепард ждал, гадая, сколько времени потребуется Уайтекеру. Через полторы минуты он включил видеосистему. Уайтекер был

уже в номере, Икэда все еще писал на доске. Андреас говорил что-то о том, как телевидение освещает деятельность АДМ.

– «Встреча с прессой», шоу Дэвида Бринкли и все такое, – говорил Андреас.

Наступило неловкое молчание. Уайтекер встал рядом с Икэдой у стенда.

– А что означает этот ваш лозунг «мировой супермаркет»? – спросил Икэда у Андреаса.

– Мы его не сами выдумали, – ответил Андреас. – А идея та, что мы поставляем еду для тех, кто продает еду. Ведь именно этим наша компания и занимается с первых дней ее основания.

Икэда закончил писать и обратился к остальным:

– Простите, я вас побеспокою.

Все повернулись к нему.

Несколько минут Икэда рассказывал о производстве за последние два года. На основании этих цифр, сказал он, надо определить, сколько каждая из компаний должна будет произвести в 1994 году. Андреас и Уайтекер время от времени подходили к стенду, споря о цифрах. Если все, написанное Икэдой, соответствует действительности, сказал Уайтекер, то рынок лизина гораздо больше, чем все думают.

– А в этом случае, – заявил Андреас, – и проблема гораздо меньше, чем все думают. Если эти цифры ни у кого не вызовут возражений, то всего-то и нужно, что рассчитать прирост рынка на следующий год и распределить объем этого прироста между компаниями.

Икэда быстро произвел необходимые вычисления и объявил, что рынок должен вырасти на четырнадцать тысяч тонн.

– Итак, у нас прирост в четырнадцать тысяч тонн в год, – сказал Андреас, подходя к стенду и записывая цифры. – Так что вопрос в том, кому он достанется.

Это происходило. Прямо на глазах Шепарда. Эти люди, сидя рядом с ним – сидя в «Марриоте», – делили между собой многомиллиардный рынок.

Спокойно попивая кофе.

Андреас решил первую задачу всего за несколько минут. «Киова хакко», «Мивон» и «Чейл йеданг» получают по две тысячи тонн из четырнадцати, а остальные восемь делят между собой «Адзиномото» и АДМ.

– Но как именно? Сколько нам, а сколько вам? Вот в чем вопрос, – сказал он.

Икэда заметил, что нужно учесть еще кое-что. Другие конкуренты не верят, что АДМ представила подлинные показатели своего производства. Если Андреас хочет, основываясь на них, планировать дальнейшую деятельность, он должен сначала доказать, что эти цифры соответствуют действительности.

Уайтекер отошел от стенда и сел на место. Его кейс лежал на столе перед ним. И вдруг…

Что это?

Щелчок. Да, никакого сомнения. В кейсе что-то щелкнуло.

Андреас в это время сидел к нему спиной, повернувшись к доске.

Еще щелчок.

Кейс издавал шум. Что, если его услышат другие?

Уайтекер потихоньку потянул кейс поближе и открыл замки.

Шепард внимательно смотрел на монитор.

– Я предлагаю вот что, – говорил Андреас.

Он вот-вот сделает свое предложение. Обратившись в слух, Шепард не видел, что Уайтекер возится с потайным отделением своего кейса.

Уайтекер потянул панель, закрывавшую кармашек. «Липучка», чуть сдвинувшись, все еще удерживала панель. Может, теперь щелчков не будет. Он закрыл кейс.

– Я предлагаю сказать отсутствующим: пусть производят в девяносто четвертом году на две тысячи тонн больше, чем в девяносто третьем, а остальное мы делим между собой, – говорил Андреас.

Икэда, все еще державший ручку, поглядел на него с сомнением.

– Надо назвать им конкретную цифру, – возразил он.

– Да пусть просто к объемам девяносто третьего прибавят два, – сказал Андреас, – а все остальное мы делим между собой.

Вот это да! Шепард своими ушами слышал, как Андреас пытается диктовать объемы производства другим компаниям, в том числе и тем, которых даже не было на встрече.

Это была убийственная улика.

Щёлк.

Опять! К счастью, остальные стоят у стенда с цифрами. Уайтекер открыл кейс и снова дернул «липучку». Панель отошла

чуть больше.

Он закрыл кейс и поднял голову. Прямо к нему направлялся Андреас. Он был уже в нескольких футах.

Шепард все еще ничего не замечал. Его свидетель вел себя спокойно и, очевидно, вполне владел ситуацией. Все шло своим чередом.

Конкуренты вот-вот придут к соглашению. Андреас направился в ванную, двое японцев по-японски обсуждали его предложение, стоя у стенда.

Щёлк.

Уайтекер решился на радикальные меры. Иначе кто-нибудь непременно услышит. Как он объяснит щелчки в кейсе?

Он огляделся. Андреас еще был в ванной, а японцы разговаривали друг с другом, не обращая на него внимания.

Он открыл кейс и дернул за «липучку» посильнее. Она отодралась полностью. Уайтекер убрал панель в сторону, открыв взгляду диктофон.

Если кто-нибудь встанет за спиной Уайтекера, он тоже его увидит.

Шепард не знал, о чем говорят японцы. Они говорили вполголоса и по-японски. Он вывел их на экран крупным планом и не замечал, чем занят Уайтекер.

Теперь, наверное, все будет в порядке. Уайтекер закрыл кейс.

Щёлк.

Он снова открыл кейс. Возможно, кассеты цеплялись за стенку кейса. Надавив на стенку, он закрыл кейс.

В комнату вернулся Андреас, задумчиво дергавший себя за мочку уха.

Никто ничего не заметил.

Ямада подошел к стенду. Азиатским компаниям трудно согласиться с тем, что АДМ имеет право хоть на сколько-нибудь увеличить производство лизина в 1994 году, заявил он.

– Дело в том, что АДМ уже съела весь прирост рынка.

– Но в течение трех лет, – заметил Уайтекер.

– А теперь АДМ пытается захватить и новый прирост, – засмеялся Ямада. – Это несправедливо.

Ямада разыгрывал вариацию классической японской тактики ведения переговоров «нанивабуси». Он изображал жертву и жаловался, что его оппонент несправедливо пользуется его

слабостью. В Токио эта тактика эффективно разрешает споры и позволяет избежать открытых столкновений.

Но для Андреаса и Уайтекера все это звучало как пустословие. Андреас был раздосадован. Все четверо стояли, споря о цифрах. Настало время четко обозначить позицию АДМ.

– Есть еще одна вещь, которую вам следует помнить, – сказал Андреас, повернувшись к стенду. – Наши мощности используются не на сто процентов.

Этого «Адзиномото» боялась больше всего. Андреас мог наводнить рынок своими продуктами и развязать очередную войну цен.

– Да, мы понимаем, – кивнул Икэда.

– Если мы не будем связывать себя обязательствами, – продолжил Андреас, – то запросто заберем пять тысяч тонн прироста.

– Хм, – произнес Ямада, сцепив руки за спиной.

– Мы можем увеличить производство не на пять, а на двадцать тысяч тонн.

Ямада кивнул.

В комнату вошли две женщины в форме официанток, катившие перед собой сервировочный столик с ланчем для Андреаса и Ямады. Одна из них была агентом ФБР.

– Вы собираетесь оставить это на сервировочном столике? – спросил их Андреас.

– Мы можем накрыть большой стол, если хотите, – ответила одна из женщин.

Икэда и Ямада подошли к доске и снова заговорили по-японски. Андреас и Уайтекер посторонились, чтобы официантки убрали со стола и расставили тарелки с салатами и бутербродами.

Шепард знал, что, согласно регламенту, общие переговоры должны вот-вот закончиться. После этого Икэда и Уайтекер на час оставят Андреаса и Ямаду беседовать за ланчем. И как только Уайтекер покинет помещение, им придется прекратить видеозапись. А между тем стороны так и не пришли к соглашению.

У них оставалось всего несколько минут.

Пока Уайтекер подписывал счет за предоставленные отелем услуги, Икэда выступил с предложением «Адзиномото»: они согласны, чтобы к тому количеству лизина, которое АДМ производила в последнее время, – около шестидесяти семи тысяч тонн, – прибавилась неопределенная, но отнюдь не маленькая

величина, условно обозначаемая как «альфа».

Предложение было в самом деле неопределенным и имело ясный подтекст.

Но Андреасу и Уайтекеру казалось, что дело сделано. АДМ хотела хоть какого-то прироста. Уайтекер сказал, что «Адзиномото» повторяет их собственное предложение.

– Это просто формулировка, – сказал Икэда, – и она более приемлема для остальных.

Андреас улыбнулся. Ему было плевать на формулировку соглашения, лишь бы оно соответствовало желаниям АДМ.

– Словесное оформление предоставляю вам, – сказал он.

Икэда подошел к стенду и снял с него лист с цифрами.

– Думаю, это лучше сохранить, – рассмеялся Андреас.

Хотя ни та, ни другая сторона не высказали этого вслух, в самом конце встречи им удалось заключить противозаконное соглашение – в присутствии накрывавших на стол официанток.

Уайтекер вышел в коридор.

Он достиг цели.

Шепард тоже слышал эти слова. Они заключили сделку перед самым перерывом. Как только Уайтекер вышел из номера, Шепард нажал кнопку пульта, и экран монитора погас.

Спрятанная в лампе камера неслышно отключилась.

Андреас посмотрел на Ямаду. Они были наедине. Теперь он мог высказаться откровенно и заявить японцам, что АДМ не подчинится диктату.

– Слушайте, – сказал он, – я только что еще раз проверил все цифры Марка и убедился, что они верны. Так что меня не волнует, что вы собираетесь делать.

– Мы предпочитаем обрисовать эту ситуацию по-другому, в азиатском стиле, – отозвался Ямада.

– Да мне плевать, что вы там рисуете, – сказал Андреас. – Это ваше право.

Ямада не ответил.

Час спустя один из агентов доложил Шепарду, что Уайтекер и Икэда вернулись в номер. Шепард включил монитор и видеомагнитофон. Уайтекер стоял у стола. Лист бумаги, который Икэда снял со стенда, все еще лежал на столе.

Шепард и Везеролл наблюдали, как Уайтекер сворачивает лист и кладет его в кейс.

– Думаю, надо это сохранить, да? – сказал Уайтекер.

Везеролл восхитился тем, как естественно у него все

получилось. Уайтекер только что пошел на риск и ловким маневром раздобыл для ФБР ключевое вещественное доказательство.

«Этот парень – лучший осведомитель из всех, кого я видел», – подумал Везеролл.

В тот же вечер, около половины восьмого, Херндон припарковал машину на стоянке пиццерии около декейтерского аэропорта. Через несколько минут из-за угла вывернул синий «таун-кар» Уайтекера. Как только «таун-кар» остановился рядом, Херндон пересел в него.

– Привет, Марк. Я слышал, встреча прошла успешно?

– И еще как! – возбужденно ответил Уайтекер. – Я думаю, вам, ребята, понравится то, что я добыл.

Уайтекер говорил быстро и много, постоянно повторяясь. Было видно, что он горд собой.

– Это как раз то, чего вы, парни, добивались. Доказательство, что Мик участвует в сговоре. Теперь это ясно как день: он участник сговора. Он в заговоре. Он делит мировой рынок с Ямадой. Он только что сделал это. Прямо сейчас. Эти записи помогут вам в деле с Миком, помогут доказать, что он в этом участвует. Да, уникальная запись. Она показывает, как Мик делит мировой рынок. Это то, что вам, парни, было нужно. Потрясающе, Бобби.

Слова сыпались из Уайтекера, как горох. Херндон терпеливо ждал. Уайтекеру нужно время, чтобы выпустить пар и прийти в себя. А сейчас ему предоставился случай поговорить о том, что произошло.

– Хорошо, давайте посмотрим, что у вас, – сказал наконец Херндон. – Я понимаю, вам пора домой, к семье, но сначала отдайте записи.{182}

Уайтекер протянул ему микрокассетный диктофон. Херндон вынул кассету и ручкой отогнул закрывающие выемку пластинки, чтобы запись не стерлась. Затем, задавая Уайтекеру вопросы, он записал ответы в блокнот. Пиджак Уайтекера с зашитым в нем записывающим устройством уже лежал на сиденье между ними. Херндон взял пиджак и кейс с диктофоном, чтобы следующим утром извлечь записанные кассеты.

Минут через двадцать Херндон поблагодарил Уайтекера и простился с ним. Он пронаблюдал, как Уайтекер выезжает со стоянки на дорогу, и проверил, не следует ли за ним кто-нибудь. Херндон чувствовал себя за него в ответе. Уайтекер помог раскрыть международный заговор. Он был частью их команды.

Через несколько дней, в канун Хеллоуина, Херндон уселся в кресле перед телевизором в гостиной. Он наконец получил копию видеозаписи, сделанной в Ирвайне, и начал писать к ней резюме. Вставив кассету в видеомагнитофон, Херндон взял пульт дистанционного управления и нажал кнопку воспроизведения. Один из котов, Муки, прыгнул к нему на колени.

Запись действительно была невероятной. Херндон снова и снова перематывал пленку, чтобы еще раз просмотреть самые важные моменты.

Время, указанное белыми цифрами в нижней части пленки, приближалось к 11.00, когда Уайтекер отправился в туалет. Кейс он, разумеется, оставил на своем месте, и магнитофон продолжал работать. Однако запись, сделанная в отсутствие лица, давшего на нее согласие, не будет иметь юридической силы в суде.

Затем Андреас изложил перед конкурентами свою позицию.

Что это?

На экране Херндон увидел, как Уайтекер открывает кейс и начинает у всех на глазах ковыряться в записывающем устройстве.

Что он делает?

Херндон отмотал пленку назад и прокрутил сцену еще раз.

Он что, рехнулся?

Они обязательно поговорят об этом с Уайтекером.

Чуть позже он позвонил Шепарду в Декейтер:

– Ты просто не поверишь, Брайан. Я только что просмотрел видеозапись, и на ней Уайтекер открывает кейс и приподнимает закрывающую устройство панель прямо за столом, в присутствии всех остальных.

– Ты шутишь, – сказал Шепард, помолчав.

Херндон сообщил коллеге точное время, когда это произошло. Шепард положил телефонную трубку. Он хотел увидеть это собственными глазами. Если диктофон в кейсе был не в порядке, Уайтекер должен был просто отключить его. Придется отчитать его. Что за беспечность!

– Ну и где же соглашение?

Робин Манн обратилась с этим вопросом по телефону к трем агентам ФБР, ведущим расследование. Несколько дней назад они послали ей копии всех записей, сделанных в Ирвайне, и ожидали поздравлений. Вместо этого снова последовали недоуменные вопросы. По закону преступным деянием считается *заключение соглашения,* а не обсуждение возможностей его заключения. Манн признавала, что соглашение, по сути, было достигнуто, но знала, что жюри захочет услышать, как участники подтверждают, что

сделка заключена. А в Ирвайне конкуренты несколько часов спорили, и лишь в самом конце, за несколько минут до ланча, прозвучал намек на достижение договоренности. Это хорошая улика, сказала Манн, но недостаточная. Любой мало-мальски грамотный защитник на суде не оставит от нее камня на камне.

В резидентуре Декейтера агенты, слушавшие ее по трем телефонным аппаратам, были в расстройстве. Неужели Манн не видит, что соглашение *было* достигнуто? Может, она *не хочет* этого видеть?

– Как еще это назвать, если не заключением соглашения? – возразил Везеролл. – Не зацикливайтесь на их словах, смотрите, что они делают, что пишут.

– Я смотрю, Джо, – ответила Манн. – И я вижу лист с цифрами, но можно ли считать его соглашением?

– Ну а чем же еще?

– Это можно рассматривать как предложение. Остальных компаний на встрече не было. Никто из них не заявлял о своем согласии.

Шепард заспорил и стал вновь объяснять, что вся запись в совокупности недвусмысленно свидетельствует о достижении соглашения. Везеролл в досаде бросил трубку и вышел в соседнюю комнату, где у телефона сидел Херндон. Везеролл махнул рукой и показал ему язык, ясно выразив свое мнение.

Херндон подавил улыбку.

Когда Херндон и Шепард простились с прокурором, все трое собрались в главном офисе. Чего еще хочет Манн? Может, предположили агенты, она просто боится браться за это дело? В конце концов решили, что Уайтекер должен сделать такую запись, где прозвучит слово «соглашение». Хотя неизвестно, удовлетворит ли прокуратуру и это.

В понедельник, 22 ноября, Уайтекер составлял новый отчет о последних расходах.{183} Всю предыдущую неделю он был в разъездах, и теперь его стол был завален счетами и квитанциями. Он заполнил бланк, написав, что в понедельник и вторник был в Чикаго, и приложил счет за президентский номер в отеле на Норд-Стейт-стрит. Четыре следующих дня он провел в Майами на отраслевой конференции.

Уайтекер включил в отчет триста восемьдесят семь долларов двадцать семь центов, уплаченных за гостиницу в Майами, но счет не приложил, написав, что он должен прийти по почте. Еще он перечислил затраты на посещение нескольких ресторанов с приложением счетов, верхняя часть которых была обрезана, так что название и местонахождение этих ресторанов были

неизвестны. Слово «Майами» не значилось ни в одном из документов. И хотя обычно Уайтекер делал по нескольку десятков телефонных звонков в день, за все три дня его пребывания во Флориде не состоялось ни одного разговора – ни по карточке «Эй-ти-энд-ти», ни из комнаты отеля.

Иначе говоря, Уайтекер сделал все, чтобы не осталось никаких письменных свидетельств его поездки. Поэтому не только АДМ, но и ФБР было трудно понять, что на самом деле он был вовсе не во Флориде, а далеко за пределами страны.

Подтвердить факт заключения соглашения в Ирвайне оказалось труднее, чем представлялось агентам. Обе компании считали, что договоренность между ними достигнута, но условия соглашения виделись им по-разному. По мнению Уайтекера и Андреаса – и агентов ФБР, – японцы согласились, что АДМ будет производить столько же лизина, сколько в предыдущем году, плюс значительную долю прироста рынка 1994 года в четырнадцать тысяч тонн.

Однако ни Ямада, ни Икэда не подтвердили этого прямо. Долю АДМ они весьма неопределенно обозначили буквой «альфа», отозвавшись о ней как о «существенной части дополнительного количества». Но, в отличие от АДМ, под дополнительным количеством они имели в виду не ожидаемую прибавку в четырнадцать тысяч тонн, а то, что будет произведено *сверх этого*. Четырнадцать тысяч тонн они собирались поделить исключительно между азиатскими компаниями, а если вдруг удастся достичь цифры в пятнадцать тысяч тонн, то *существенную* часть этой дополнительной тысячи они уступали АДМ. Иначе говоря, они оставляли американцам крохи, которые останутся после того, как насытятся японцы и корейцы.{184}

«Адзиномото» просто продала американцам старые предложения в новой упаковке, не изменив их суть. Неопределенная формулировка, предложенная Ямадой, должна была умиротворить американцев. Логические доводы представителей АДМ не повлияли на убежденность японцев в своей правоте. Они считали свою позицию естественной и правильной.

В ноябре Уайтекер записал несколько своих разговоров с Икэдой об условиях достигнутого в Ирвайне соглашения, но толку не добился. 1 декабря он зашел в кабинет Мика Андреаса, чтобы рассказать тому о состоявшемся накануне споре с Икэдой. Он кипел от возмущения.

– Мы проговорили полчаса, но я так и не смог его убедить, что согласно договору мы будем производить семьдесят две

тысячи тонн в девяносто четвертом. Они считают, что шестьдесят семь. «Господи боже мой, – говорю я ему, – можно подумать, что мы вовсе не с вами договаривались на этой дурацкой встрече!» «Восходящее солнце», да и только.

Андреас кивнул. Они с Уайтекером уже обсуждали бестселлер Майкла Крайтона в связи с этим делом.

На днях Уайтекер с Уилсоном должны были лететь в Токио для очередной встречи по ценам. Уайтекер был так зол на японцев, что спросил Мика, нельзя ли отменить эту встречу.

Но Андреас был спокоен. Спор шел всего из-за пяти тысяч тонн. Чепуха, не стоящая усилий.

– Может, не стоит и спорить с ними?

Уайтекер вскинул руки вверх:

– Ну, как скажешь. Но согласись, они бессовестные сукины дети.

Андреас посоветовал ему сообщить японцам, что АДМ ожидает в 1994 году некоторый прирост производства, но цифру не уточнять. В любом случае «альфа» будет значительно больше нуля.{185}

Утверждение Байрона Кадмора в должности спрингфилдского окружного прокурора заняло в Сенате несколько недель. Он уже больше полугода сотрудничал с отделением ФБР в Декейтере. Теперь его должна была сменить Фрэнсис Хьюлин, опытный сотрудник иллинойсской прокуратуры.{186}

Первые дни на новом месте она провела, вникая с помощью Кадмора в детали «Битвы за урожай». Он даже переложил часть повседневных обязанностей на своего помощника Роджера Хитона, – разумеется, сохраняя контроль над ситуацией. Кадмор сказал Хьюлин, что прокуроры работали в тесном сотрудничестве с чикагским антитрестовским офисом и что отношения между ними были хорошими. Потенциальная значимость расследования, к которому подключилась Хьюлин, представлялась ей несомненной, и она с нетерпением ожидала встречи с ФБР.

Встреча состоялась в конференц-зале спрингфилдского офиса ФБР. Шепард сделал общий обзор проведенного расследования, Херндон подробно остановился на переговорах производителей лизина и воздействии этих переговоров на состояние рынка. Для наглядности он продемонстрировал диаграмму изменения цен на лизин за последние годы.

Все это впечатлило Хьюлин. К концу встречи она говорила агентам, как ей хочется поработать над этим делом и довести его до победного конца.

Атташе США в Токио по правовым вопросам сообщил досадную новость. Уайтекер успешно записал недавние переговоры в Японии о ценах, и ФБР запросило разрешение использовать на предстоящей встрече в Токио новое, более сложное оборудование. Но японская полиция вдруг заартачилась и наложила вето на использование *любой* звукозаписывающей аппаратуры.

И все же лазейка оставалась. Японские власти сказали, что их запрет не распространяется на «личные диктофоны участников». Если Уайтекеру захочется записать что-нибудь на память, никто не возразит. Теоретически это нарушение закона, и его могут арестовать. Но американцам, можно сказать, пообещали, что посмотрят на это сквозь пальцы.

Агенты обсудили положение и решили, что о нем надо сообщить Уайтекеру. Окончательное слово за ним.

Шепард мрачно смотрел на Уайтекера. Они сидели за столом в комнате отеля.

– Марк, у нас проблема. Нам запретили ввозить наше оборудование в Японию. Японское правительство запретило.

Уайтекер кивнул. Аналогичные проблемы возникали и раньше.

– Ну что ж, я буду делать записи в блокноте, как в Ванкувере, да?

– Безусловно, вы имеете право записывать переговоры в блокнот. Но мы хотим, чтобы вы сделали кое-что еще. Как я сказал, нам не разрешили оснащать вас своей аппаратурой. Однако мы не можем запретить вам записать что-либо на собственный магнитофон, а потом дать послушать нам.

– Как это? – Уайтекер недоуменно воззрился на агента. – То есть вы хотите, чтобы я все-таки сделал аудиозапись?

– Я не имею права говорить этого, – пожал плечами Шепард.

Уайтекер откинулся на спинку стула. Ничего себе. Шепард фактически просил его сделать запись, не произнося самой просьбы вслух. Что это?

– Ну ладно, – произнес он покладисто, – я сам запишу. Я решил записывать эту встречу.

Шепард вынул из кармана листок. В тот день их технический эксперт агент Гиббонс сообщил, что самое качественное электронное оборудование выпускает компания «Рейдио шэк». Шепард записал название.

– Если вы решили записывать, может, вам понадобится аппаратура этой фирмы. Она продается в торговом пассаже

«Хикори пойнт», – сказал он, вручая листок Уайтекеру.

Уайтекер покосился на листок с подозрением и хотел что-то сказать, но передумал.

– Сами мы не можем купить это оборудование, – пояснил Шепард. – Если мы его купим, оно будет принадлежать ФБР. Тогда его нельзя будет использовать в Японии законным образом.

– А если меня застукают, когда я буду записывать?

– Я не знаю японских законов, но, возможно, у вас будут неприятности. А если вас арестуют, то мы вряд ли сможем вам помочь.

Уайтекер несколько секунд обдумывал все это. Затем спокойно и буднично произнес:

– Договорились.

2 декабря Уайтекер пробрался сквозь предпраздничную толпу, заполнившую пассаж «Хикори пойнт», и вошел в отдел фирмы «Рейдио шэк». Подождав, пока продавец освободится, он обратился к нему:

– Я хотел бы купить магнитофон. – Он посмотрел на листок. – «Рейдио шэк майкро-двадцать шесть».

Продавец ушел в подсобку и вернулся с магнитофоном, тремя батарейками «А» и тремя кассетами на девяносто минут каждая. Стоило все это сто сорок девять долларов восемьдесят два цента, включая налог.

Забрав покупку, Уайтекер направился к автомобилю. Его беспокоили не лишние затраты, а риск, на который его обрекло ФБР. Но если он запишет переговоры в Японии, окончание расследования приблизится, а это важнее.{187}

Он сел в машину и положил пакет на сиденье. По дороге он обдумывал разговор с Шепардом. Жаль, что его не предупредили заранее. Он позаботился бы о том, чтобы обезопасить себя на случай, если в Японии попадет в беду, а ФБР отречется от него.

Ну ладно. Скорее всего, перед отъездом он еще поговорит с Шепардом и уж тогда постарается, чтобы тот повторил свою просьбу. Агенты сами учили его приемам, заставляющим людей повторить сказанное, и Уайтекер неплохо навострился делать это.

Императорский дворец возвышается в центре Токио, на месте прежнего замка Эдо, который вплоть до конца XIX века был цитаделью правителей-сёгунов. К юго-востоку от него раскинулся обширный «внешний сад» Кокэ Гёэн, где сохранилась сторожевая башня Фусими, к которой можно пройти по двухарочному каменному мосту, перекинутому через ров.

7 декабря Уайтекер и Уилсон увидели этот сад, подъезжая к

«Палас-отелю» на такси, взятом в аэропорту Нарита.{188} Уайтекер расплатился с водителем йенами, и они направились ко входу. Уилсон устал и был раздражен. Длительный перелет на самолете компании «Джапан эйрлайнз» обострил боли в спине, которые беспокоили его и прежде. Он был сыт по горло этими перелетами.

Напряженность в отношениях между производителями лизина возникла еще до токийской встречи. Многие компании были недовольны результатами переговоров в Ирвайне. Корейские компании «Мивон» и «Чейл йеданг» были уверены, что при распределении объемов производства их обманули. Руководители «Чейл йеданг» даже отказались приехать в Токио. Споры между АДМ и «Адзиномото» тоже были улажены лишь отчасти, и компании подозревали друг друга в нечестности. Решением, принятым в Ирвайне, была довольна только японская «Киова хакко».

По мере того как прибывали участники, воцарялась атмосфера вымученного дружелюбия. Последними, с пятиминутным опозданием, прибыли представители «Адзиномото» Икэда и Мимото. Было 9.35 по токийскому времени.

– Доброе утро, – произнес Икэда, входя в помещение. – Мы опоздали.

– Да нет проблем, – откликнулся Уилсон. – Мы тут только что уменьшили вашу долю на двадцать тысяч тонн, так что охотно вас извиняем…

Все засмеялись.

Минут сорок они разбирали по косточкам рынок лизина, обсуждая регион за регионом, клиента за клиентом. Скучно, зато снимает напряжение и способствует продуктивной работе.

Уайтекер взглянул на часы. Пора включать магнитофон.

Извинившись, он удалился в туалет и закрылся в кабинке. Там он вытащил свой «Рейдио шэк», нажал на кнопку «запись» и снова положил диктофон в карман. Затем, спустив воду, вышел и столкнулся нос к носу с Жаком Шодре, который вышел в туалет вслед за ним.

– Тоже решили проветриться? – улыбнулся Уайтекер.

Они вместе вернулись в конференц-зал. Уайтекер пропустил всего минуту начавшейся дискуссии.

Несмотря на начальные разногласия, основные производители лизина начали наконец приходить к единому мнению. В конце концов объемы производства были распределены. Правда, по некоторым вопросам, особенно по

таинственной цифре «альфа», закрепленной за АДМ, так и не договорились, но в целом достигли согласия, какого не было прежде. Производство будет под контролем, даже в отсутствие «Чейл йеданг». Цены на лизин годами будут оставаться прежними.

Уилсон воспользовался случаем упорядочить неорганизованный доселе рынок. Пора всем производителям лизина регулярно обмениваться показателями объемов производства, сказал он. Эти данные может собирать образованная недавно отраслевая ассоциация. В других отраслях такой законный обмен информацией о размере рынка идет уже давно. При этом отраслевая ассоциация может оповещать всех участников лишь об общем количестве производимого лизина, оставляя долю каждого в тайне, – раскрытие этих цифр наверняка было бы противозаконным.

Вот тут-то и возникает возможность схитрить, продолжил Уилсон. Ежемесячный отчет о продажах не вызовет подозрений, если его итоги будут открыто докладываться отраслевой ассоциации. А после этого для согласования объемов компании будут негласно оповещены о продажах конкурентов. Если одна из компаний продаст больше намеченного, она должна будет купить лизин у отстающих. Это обеспечит контроль над производством.

– Делишься информацией, – заключил Уилсон, – и каждый месяц получаешь информацию в обмен.

Уилсон предложил по телефону докладывать цифры продаж Кандзи Мимото из компании «Адзиномото». Тот будет обобщать их и знакомить всех участников с результатом.

– Иначе говоря, – прибавил Уайтекер, – официально таким центром будет ассоциация, а на самом деле – Мимото.

Некоторые участники все еще сомневались. Уайтекер с Уилсоном не сдавались.

– Мимото будет сообщать нам только одну цифру – общий объем продаж, – сказал Уайтекер. – Данные по каждой компании в отдельности останутся ее коммерческой тайной.

– А это законно? – спросил Мимото.

– Да, сообщая только общую цифру, вы не нарушаете закон.

– Это вы так говорите… – с сомнением возразил Мимото.

– Незаконным будете только вы, – ответил ему Уайтекер. – А если считать, что это не вы, а ассоциация, то все в порядке.

Все снова развеселились. Отличная мысль.

Уилсон предупредил собравшихся, что сообщать информацию Мимото по телефону надо с осторожностью, убедившись, что телефон не прослушивается.

– Прослушка в наше время, знаете ли, вещь вполне

возможная.

«Рейдио шэк» в кармане Уайтекера записал и эти слова.{189}

Свидетельства по делу о фиксировании цен становились все убедительнее. И все же прокуроры не могли избавиться от какого-то гнетущего чувства. Не считая агентов ФБР, единственным сотрудником правоохранительных органов, встречавшимся с Уайтекером, был Кадмор, а он вскоре должен был покинуть их группу. Робин Манн поделилась этими мыслями с Роджером Хитоном, который временно вел общее наблюдение за ходом расследования. Они решили, что им пора познакомиться с Уайтекером лично.

Спустя несколько дней Манн провела с агентами ФБР телефонную конференцию, чтобы обсудить одну из сделанных в последнее время аудиозаписей. Объяснения агентов ее удовлетворили.

– Знаете, – вздохнула она, – было бы больше толку, если бы Уайтекер сам прокомментировал эту запись. Подумайте о том, как организовать нашу встречу. Чем скорее она произойдет, тем лучше.

Манн уже не впервые обращалась к ним с этой просьбой. Везеролл и Херндон молчали.

– Да, это понятно, – отозвался наконец Шепард. – Но вы же знаете, что тут есть кое-какие препятствия, которые мы пытаемся устранить. Безусловно, мы организуем встречу в ближайшее время. Просто мы не можем пока сказать, когда именно.

– Что за препятствия? – быстро спросила Манн. Раз тема затронута, нужно извлечь из агентов как можно больше.

Снова молчание. Агенты не верили, что прокуроры найдут правильный подход к Уайтекеру. Они боялись, и больше всех Везеролл, что общение с прокурорами повлияет на психику их осведомителя и выведет его из того неустойчивого равновесия, которого они достигли с таким трудом. С Уайтекером следовало обращаться деликатно, а Манн предпочитает действовать напрямик. Однако сказать это в открытую было нельзя, приходилось прибегать к дипломатии.

Шепард сослался на то, что они уже давно используют прокуроров в качестве козлов отпущения. Всякий раз, когда Уайтекер приставал к ним с вопросами о дальнейшем ходе расследования: «Придется ли ему выступать свидетелем в суде?», «Что будет с семейством Андреас?» – они отвечали, что все решения принимают прокуроры.

– Мы не хотим, чтобы он досаждал вам вопросами, на которые вы сейчас тоже не можете ответить, – сказал Шепард. – А

пока вы для него недосягаемы, он довольствуется существующим положением вещей.

Манн продолжала настаивать, но уломать агентов ей не удалось. Они подумают о том, как устроить встречу, сказал Шепард, но чуть позже, когда наступит благоприятный момент.

Джинджер Уайтекер не узнавала своего мужа. Семья всегда была для него главным в жизни. Он находил время покормить кроликов с младшим сыном в его клубе «4-H», посещал все школьные праздники. А теперь первыми в списке ценностей стояли АДМ и ФБР, а семья съехала на последнее место. Как-то вечером она попыталась вразумить мужа. Он должен больше бывать дома, сказала она. Он нужен детям, он нужен *ей.*

– Но я делаю все это ради тебя и детей, – протестовал он. – Я хочу, чтобы вы ни в чем не нуждались. Поэтому я и работаю так много. Ради нашей семьи.

Джинджер вздохнула. Марк говорил раздраженным тоном. Раньше он был так весел и жизнерадостен, а в последнее время чаще всего был усталым и недовольным.

– Марк, семье это не нужно. Мы обойдемся.

– Что ты говоришь? – возмутился он. – Ты хочешь быть как все, жить в какой-нибудь халупе? Хочешь быть одной из тех, кто не может даже купить автомобиль для детей?

Джинджер была поражена. Кажется, он всерьез полагал, что деньги возвысили его над другими людьми. Он определенно изменился.

– Несколько автомобилей и высокий заработок не означают, что ты лучше всех, – сказала она. – Все это не имеет отношения к твоим человеческим качествам.

Помолчав, она тихо добавила:

– Раньше ты понимал это. Ты понимал, в чем истинная ценность. Тебе нужно понять это снова. Ты должен обратиться к Богу.

Марк уставился на нее.

– Я не нуждаюсь в Боге, – бросил он. – Я буду посильнее Бога.

2 февраля 1994 года Уайтекер встретился с Шепардом и Везероллом.{190} За те несколько недель, что прошли после поездки в Токио, он записал несколько пленок, в основном свои разговоры с японцами. Сотрудничество с конкурентами приносило плоды. Если в 1993 году АДМ потеряла на продаже лизина два миллиона долларов, то в 1994-м, по оценкам Уайтекера, их ожидала прибыль в пятьдесят пять миллионов.

Этим вечером он был в приподнятом настроении.

– Намечены следующие переговоры по фиксированию цен, – объявил он и, помолчав, добавил: – На Гавайях.

В последние недели Уайтекер усиленно склонял конкурентов к встрече на Гавайях. Ни о чем он не говорил так часто, как о гольфе. После Токио недоверие производителей лизина друг к другу несколько ослабло, и они в конце концов согласились. Гавайи так Гавайи, гольф так гольф.

Всё на мази, сказал Уайтекер. Официально они в начале марта отправятся на Гавайи для участия в конференции лизиновой ассоциации, а на самом деле будут тайно договариваться о ценах.

Шепард и Везеролл обрадовались. Их трудное дело близилось к финалу. И все благодаря знаменитым гавайским полям для гольфа.

Глава 9

Выйдя из здания Международного аэропорта Гонолулу, Везеролл бросил чемодан в багажник взятого напрокат автомобиля с откидным верхом. Им повезло: отель предоставил машину бесплатно и они могли наслаждаться тропическим солнцем, не думая о расходах. Херндон устроился на пассажирском сиденье, поставив чемодан со звукозаписывающим оборудованием на пол перед собой. Опустив верх автомобиля, агенты отправились в сорокапятиминутный путь в долину Макаха.

Дорога вилась между скалистыми утесами хребта Вайанаэ вдоль западного побережья острова Оаху. Они проехали великолепную, окруженную огромными вулканическими скалами площадку для гольфа на восемнадцать лунок, откуда открывался вид на долину Макаха и просторы Тихого океана. За площадкой виднелись коттеджи и бунгало роскошных отелей «Шератон» на сто восемьдесят пять номеров и «Кантри Клаб». Именно это место в уединенном живописном уголке острова компании-заговорщики выбрали для очередной встречи, которая должна состояться через два дня.

На следующее утро агенты встали пораньше, оделись как обыкновенные туристы – в слаксы и рубашки с открытым воротом, спустились в вестибюль и направились к стойке портье.

– Прошу прощения, – обратился Херндон. – Мы приехали встретиться с Марком Уайтекером из компании АДМ. Он зарезервировал конференц-зал. Мы хотели бы его осмотреть.

Один из служащих отеля вывел их на улицу и проводил через лужайку к коттеджу, в котором находился конференц-зал. Служащий отпер дверь.

Зал был полной катастрофой. Он был огромен. Участники переговоров могли разбрестись по углам, – как видеокамере уследить за ними? Что еще хуже, соседнее помещение, где предполагали разместиться агенты, было отделено от зала лишь тонкой перегородкой. Они, конечно, могли бы сидеть затаившись и не издавая ни звука, но перегородка убиралась простым нажатием кнопки в конференц-зале. Херндон взглянул на Везеролла.

– М-да, – произнес тот, – так не пойдет.

– Это помещение не годится, – обратился он к служащему. – Нам нужно что-нибудь другое.

Они вернулись в вестибюль отеля. Явился агент офиса ФБР в

Гонолулу. Его сопровождала команда наблюдателей, которая называлась «группа спецопераций». Группа заметно отличалась от обычных агентов ФБР: загорелые, в шортах и ярких рубашках с короткими рукавами, они могли легко затеряться в толпе отдыхающих.

Все вместе отправились к начальнику службы безопасности отеля и объяснили ему ситуацию. ФБР проводит операцию, сказали они, и им нужен зал поменьше и еще одно помещение рядом, где они могли бы работать.

– Это непросто, парни, – сказал начальник службы безопасности. – Отель переполнен. Но я посмотрю, что можно сделать.

Выйдя из кабинета, Везеролл вздохнул.

– Как всегда, Боб, – сказал он. – Все не так просто, как кажется.{191}

В тот же день им показали номер из двух комнат. Он был мал, и лизиновые боссы сочли бы его неудобным. В спальне агенты решили поселить Уайтекера, и это правдоподобно объясняло то, отчего для встречи выбрано именно это помещение.

До начала переговоров оставалось меньше суток, сделать надо было много, а проблем не убавлялось. Соседние номера были заняты, так что агенты могли устроить наблюдательный пункт лишь в одном из дальних. Спрятать провода на всей дистанции было невозможно, и оставалось транслировать сигнал сквозь стены двух смежных номеров.

Группа специального назначения привезла первую порцию аппаратуры, установила ее и включила для проверки. Сигнал то пропадал, то появлялся. Иначе говоря, запишется лишь часть того, что будет говориться на встрече. Спецназовцы притащили дополнительное оборудование для усиления сигнала. Оборудование включили, и все затаили дыхание. На этот раз и звук, и изображение были стабильны.

Но теперь не годилась видеокамера. В отличие от той, что использовалась в Ирвайне, она не вращалась и не делала крупных планов. Кроме того, помещение было слишком мало и не позволяло установить камеру на таком расстоянии от стола переговоров, чтобы охватить всех участников. Кто-то неизбежно выпадет из поля зрения камеры. Спецназовцы связались с группой технической поддержки в Куантико, штат Виргиния, и попросили срочно прислать другую камеру.

В ожидании камеры агенты постарались, как могли, приспособить помещение для своих целей. Они расставили стулья по кругу с таким расчетом, чтобы все они попадали в поле зрения.

Стол подвинули к окну, чтобы потом установить на нем лампу с видеокамерой. Комната стала выглядеть странно, но ничего не поделаешь.

На следующий день в отделение ФБР на Гавайях прибыл ящик с новой видеокамерой. Один из техников доставил ее в «Шератон». Херндон и Везеролл наблюдали, как агент распаковывает ящик и достает из него настольную лампу под зеленым абажуром. Выглядела она очень знакомо.

– Хм, – сказал Везеролл. – Похоже, она путешествует вслед за нами.

Лампа действительно была идентична той, которая использовалась в Ирвайне, но менять ее было поздно. Оставалось надеяться, что, заметив сходство, иностранные бизнесмены подумают, будто некая фирма электротоваров проделала неплохую маркетинговую работу и поставляет свое оборудование всем сетям американских отелей.

На следующее утро Уайтекер после завтрака прошел прямо в номер, где устроили оперативный центр ФБР. Он знал, что его ждет Херндон.

Херндон внимательно разглядывал вошедшего Уайтекера. Никаких признаков напряженности или страха. Предстоял ответственный день, но свидетель был спокоен. Обменявшись приветствиями, они поговорили о достоинствах и недостатках отеля.

Херндон взял небольшой пакет и вынул бритву и крем для бритья.

– Еще разок, Марк, – произнес он извиняющимся тоном.

– Конечно, конечно, нет проблем, – отозвался Уайтекер.

Уайтекер снял рубашку, а Херндон, выдавив на ладонь крем, размазал его по груди Марка и сбрил волосы. Оба чувствовали себя неловко.

Затем Херндон достал звукозаписывающее устройство. Оно относилось к одному из первых поколений новой марки «Ф-бёрд», разработанной научно-исследовательским отделом ФБР.{192} На практике его опробовали впервые. Тонкий корпус был величиной с портсигар. Вместо магнитной ленты в устройстве использовалась карта памяти. Записанный разговор можно было сбросить на компьютер и прослушать. Устройство не требовалось включать и выключать. Перед началом переговоров агенты запустят его, запрограммировав на определенное время работы. «Ф-бёрд» будет записывать все подряд, пока не истечет это время или пока его не остановят агенты.

Пристроив аппарат на спине Уайтекера, Херндон

подсоединил микрофоны и тщательно закрепил их на выбритой коже.

– Боб, я уверен, что все получится, – заявил Уайтекер, надевая рубашку.

– Как по-вашему, помещение не слишком тесное?

– Ничего, поместимся. Все будет нормально.

Напоследок Херндон передал Уайтекеру инструкции прокуроров.

– И еще одно, Марк, – сказал он. – Когда вы начнете договариваться о ценах и объемах производства, постарайтесь провести голосование по обсуждаемым вопросам, чтобы убедиться, что все согласны. И желательно, чтобы прозвучало слово «соглашение».

Херндон ожидал, что Уайтекер начнет возражать. Ведь так дела не делаются. Херндон и сам понимал, что голосование выглядело бы неестественно. Но этого требовали прокуроры. К удивлению агента, Уайтекер спокойно сказал, что с голосованием проблем не будет.

– Во время переговоров я, наверное, позвоню вам, даже если не возникнет затруднений, – просто для того, чтобы вы знали, что мы держим руку на пульсе, – предупредил Херндон. – Сделайте вид, что это звонят из обслуживания номеров и спрашивают, все ли в порядке.

– Ладно.

В номер вошел Везеролл. Вид у него был серьезный и решительный. Он был готов начать операцию.

Херндон снова обратился к Уайтекеру:

– Я уверен, все будет хорошо, Марк. Не забудьте только про слово «соглашение».

– Не забуду, Боб.

– И не говорите слишком много. Пусть лучше все происходит естественно, само собой.

– Но мне придется говорить! – возразил Уайтекер.

– Я знаю, но…

– Я ведь представляю АДМ и должен буду заявить нашу позицию. Если я промолчу, это вызовет подозрения.

– Я понимаю, Марк. Говорите все, что нужно. Просто старайтесь не затыкать рот остальным. Пусть все выскажутся.

– Ну да, это понятно.

Уайтекер собрался уходить. В этот момент Херндон почувствовал прилив симпатии к нему и подумал о том, как им повезло с помощником. Именно из-за него они были здесь. Именно он помогает ФБР следить за переговорами и собирать улики. Без Уайтекера никакого расследования не было бы вовсе.

Масару Ямамото из японской компании «Киова хакко» толкнул стеклянные двери отеля «Шератон Макаха» и вышел на свежий воздух. Он только что позавтракал и теперь направлялся на встречу с другими предпринимателями в номер Уайтекера. Несмотря на слаксы и спортивную рубашку, он выглядел почти официально и отличался от других постояльцев отеля, направлявшихся играть в гольф.

Он не замечал, что один из этих небрежно одетых людей следует за ним. Когда Ямамото свернул на дорожку, ведущую к коттеджу Уайтекера, человек остановился и, прикоснувшись к карману, включил спрятанную рацию.

– К вам движется расфранченный азиат лет сорока, – доложил он.

У подножия холма Ямамото повернул за угол коттеджа и прошел мимо окна, закрытого жалюзи.

Человек, стоявший за этими жалюзи, чуть раздвинул их и нацелил на Ямамото объектив автоматической фотокамеры.

Камера несколько раз щелкнула.

Херндон уселся перед пустым экраном монитора и надел наушники. Вошли несколько агентов из команды наблюдения и сообщили, что в гостиной Уайтекера уже находятся некоторые участники встречи и он сам. Херндон посмотрел на часы. Стрелка подбиралась к 8.55. Он включил аппаратуру, экран ожил, комната наполнилась звуками. Говорил Терри Уилсон.{193}

– Мы даем вам пять процентов, – услышал Херндон. – Эта часть рынка будет в вашем распоряжении.

– Пять процентов? – саркастически переспросил Ямамото. – Ну-ну…

– Вот теперь он окончательно проснулся, – прокомментировал Анри Веттер, представлявший на этой встрече компанию «Евролизин».

Все рассмеялись.

Херндон не понимал, о чем речь, но это было неважно. Манипулируя джойстиком, он сфокусировал камеру на группе вокруг стола. Кореец Чхом Су Ким поставил стул прямо перед лампой, но стул тут же куда-то исчез. Оказалось, что Уайтекер передвинул его на другое место. Херндон улыбнулся. Уайтекер держал ситуацию под контролем.

Уайтекер оглядел заполненное людьми помещение. Стулья стояли почти впритык друг к другу. Лампа – неужели та самая, что в Ирвайне? – находилась перед самым окном и была совсем

не к месту. Уайтекер провел ночь в этом номере, но только сейчас обратил внимание на тесноту. Бизнесмены сидели чуть ли не на коленях друг у друга.

Он посмотрел на часы. Пора начинать.

– Разрешите мне приветствовать всех присутствующих, – сказал он. – Я рад, что вы смогли приехать, и мне жаль тех, кто не сможет сыграть завтра в гольф. Уверен, мы хорошо проведем время.

Остальные девять человек, потягивающие кофе или апельсиновый сок, рассмеялись.

Уайтекер объявил, что на утреннем заседании они обсудят объемы производства и результаты последней встречи в Японии. После ланча будет рассмотрена проблема с «Чейл йеданг», меньшей из двух южнокорейских компаний, которая все еще отказывалась соглашаться с отведенной ей долей прироста объемов производства. Чтобы оказать на «Чейл» давление, решили, что компанию не допустят к участию в утреннем заседании.

– Разумеется, мы можем утром коснуться и вопроса о ценах, – добавил Уайтекер.

Уилсон, сидевший на диванчике со светлой обивкой, достал сигарету, и тесное помещение наполнилось дымом.

Уайтекер предоставил слово Кандзи Мимото, который подошел к установленному в углу стенду и принялся писать на нем цифры. Эти цифры, сказал он, означают количество лизина, которое компании, по их сообщениям, произвели в феврале. Он сопоставил их с долей, отведенной каждой из компаний по договору.

– Это делается для того, чтобы, знаете ли, поддержать цены, – объяснил он. – А поддерживая цены, э-э-э, ну, мы все понимаем друг друга.

На обсуждение цифр ушло около получаса. Уайтекер начал беспокоиться из-за того, что Херндон не звонит. Может, нарушена телефонная связь? Он не выдержал. В 9.34 он схватил телефонную трубку и набрал номер.

– Хочу заказать еще апельсинового сока, – объяснил он окружающим.

Херндон снял трубку после первого же звонка.

– Все в порядке? – спросил Уайтекер.

Херндон поразился, как у Марка хватило духу задать такой вопрос, находясь в гуще заговорщиков.

– Да, все в порядке, – ответил он. – Чуть было не возникла проблема с этим стулом, но теперь все нормально.

– О'кей, – отозвался Уайтекер. – Еще апельсинового сока, пожалуйста.

Они разъединились. Уайтекер снова переключил внимание на коллег. Херндон снова воззрился на экран.

Агентам и в голову не пришло запастись апельсиновым соком. Если кто-то из участников переговоров обратит внимание на то, что сок так и не принесли, он, скорее всего, спишет это на нерадивость обслуживающего персонала.

Заговорщики, обменявшиеся цифрами объемов производства, хотели быть уверены в их истинности. Кто-то предложил нанять независимых аудиторов. Мимото забеспокоился.

– Если мы… это… не доверяем друг другу, тогда нам, конечно, нужны аудиторы, – произнес он, запинаясь. – Но мы не можем нанять их, потому что… потому что мы говорим о незаконных вещах и…

– Это законно, – бросил Уилсон.

Мимото уставился на него в изумлении:

– Это очень незаконно!

– Аудит? Аудиторы? – покачал головой Уайтекер. – Ну-ну. Аудиторы и без того знают наши финансовые данные.

– И вы думаете, что мы поступаем законно?

– Да, – ответил за Уайтекера Уилсон, – абсолютно законно.

– Да все это незаконно! – возразил Мимото.

– Нет, законно, – упорствовал Уилсон.

Для японцев это звучало как бессмыслица. Они были *уверены*, что нарушают закон. Поэтому их встречи и были тайными. Они не понимали, что Уилсон проводит различие между абсолютно законной передачей данных в адрес отраслевой ассоциации и незаконным использованием этих данных для фиксирования цен. Следующие несколько минут Уилсон объяснял, отчего ассоциациям позволено владеть цифрами объемов продаж.

Ямамото заспорил. А что происходит после того, как цифры окажутся в распоряжении ассоциации?

– Сообщать цифры в ассоциацию – это законно, – отвечал Уилсон. – А то, что мы с ними здесь делаем, незаконно.

– Вот эти данные незаконны, – указал Ямамото на одну из написанных Мимото цифр.

– Даже спорить с вами не буду, Масси, – отмахнулся Уилсон.

Все рассмеялись.

– Эта цифра незаконная, – не унимался Ямамото, тыча указкой в написанное. – А эта законная. Эта опять незаконная…

Уилсон присоединился к общему смеху.

Агенты из команды наблюдения столпились позади Херндона, глядя на экран и не веря своим глазам.

– Нет, вы это слышали? – воскликнул один из них. – Вот это материальчик!

– Да, материальчик хорош, но такого у нас уже полно, – пожал плечами Херндон.

Группа наблюдения некоторое время молча смотрела на происходящее.

– Нет, это все-таки уникальное дело, – тихо сказал кто-то.

Корейцы из «Мивона» бросали на всех косые взгляды. Какие еще аудиторы? Разве мало того, что компании сообщают о своих продажах обычным бухгалтерам? И насколько можно верить такому аудиту? Может, предположили корейцы, компании смогут принуждать бухгалтеров лгать. Тогда надо всякий раз обращаться к новой бухгалтерской фирме.

Сидя в углу, Жак Шодре из «Евролизина» покачал головой. Что за дикая мысль! Сменишь бухгалтеров, и все поймут, что в компании что-то не так.

– У нас в Европе, как и в США, антитрестовские законы соблюдаются очень строго, не то что в Корее, – возразил он. – Мне трудно будет объяснить бухгалтерам-контролерам, почему аудит проводит другая фирма. С какой стати?

– Точно, – поддакнул Уилсон.

– Это сразу вызовет подозрения, – сказал Шодре.

Разгорелся спор. Закурив новую сигарету, Уилсон слушал их, удивляясь готовности корейцев идти на совершенно неоправданный риск.

– Как, черт побери, вы рассчитываете сохранить это в тайне? – не выдержал он. – Это невозможно.

Спор возобновился с новой силой. Уилсон слушал, потягивая кофе из пенопластовой чашки, но вскоре снова вмешался в разговор.

– Либо мы доверяем друг другу, либо нет, – заявил он. – В принципе, я ничего не имею против аудиторов, мы постоянно приглашаем их. Но в конечном счете все упирается в вопрос о доверии.

В конце концов собравшиеся решили полагаться на информацию, предоставляемую обычными аудиторами компаний. Конечно, она будет не такой надежной, как при постоянной смене контролеров, которую предлагала «Мивон», зато не будет никакого риска.

Осталось решить, что делать с «Чейл йеданг», не представленной на переговорах. Правда, на дневном заседании

должен был присутствовать менеджер этой компании Чун Мо Су. Но что ему сказать?

Стали спорить, какую долю выделить компании – две тысячи тонн или шесть тысяч. По мнению Уилсона, надо позволить «Чейл йеданг» занять то положение на рынке, на которое они претендуют, иначе они сведут на нет все договоренности, начав продавать лизин по заниженной цене.

– Они поведут себя как слон в посудной лавке и сокрушат рынок, – сказал Уилсон. – Эти две тысячи тонн могут обрушить рынок с одного доллара двадцати центов до шестидесяти пяти центов.

– Верно, – кивнул Мимото.

– Нам в АДМ нравится американская поговорка «Пусть лучше ссут из палатки наружу, чем снаружи в палатку».

– Как это: «ссут из палатки»? – не понял Мимото.

Все рассмеялись.

– Иначе говоря, лучше, если они будут с нами, – пояснил Уилсон.

– Надо, чтобы они оставались нашими друзьями, – вступил в разговор Уайтекер. – Не забывайте наш принцип: конкурент – друг, клиент – враг.

С этим согласились все. «Чейл йеданг» выделят долю достаточно большую, чтобы она по-прежнему была заодно со всеми. Мимото снял исписанный цифрами лист бумаги с доски.

– Следующий вопрос, – сказал Мимото, складывая бумагу, – как использовать нашу ассоциацию производителей аминокислот.

Ямамото засмеялся.

– Мы ее используем, – сказал Уайтекер. – Используем.

Слово предоставили Жаку Шодре. Он раздал распечатанные копии повестки дня фиктивного собрания ассоциации, в котором они в данный момент якобы участвовали. Она должна была объяснить, зачем все производители лизина слетелись на Гавайи.

– Разумеется, в том, что мы делаем, нет ничего противозаконного, – произнес Шодре под дружный смех собравшихся, – но на всякий случай…

– Это ваши законники вам сказали? – рассмеялся Уайтекер. – Наши в этом не уверены. – Он пробежал глазами листок с повесткой дня. – Это официальная повестка?

– Да, – ответил Шодре, садясь на место. – Для нас, по крайней мере, это хорошее прикрытие.

– Конечно, – согласился Уилсон.

Минут двадцать все обсуждали пункты фиктивной повестки дня и возможные проблемы, которые могли возникнуть в ходе воображаемого собрания ассоциации.

Утреннее заседание закрылось после одиннадцати часов. Уайтекер встал. «Классно», – подумал он. Ему до смерти захотелось поделиться радостью с Херндоном.

– Мне надо позвонить, – бросил он и, шмыгнув в спальню, схватил телефонную трубку. «Ф-бёрд» между тем вел запись.

Херндон наблюдал за спектаклем, разыгрывавшемся на экране монитора, как вдруг раздался телефонный звонок.

– Боб? – услышал Херндон в трубке. – Это Марк.

Что за черт? Херндон испуганно посмотрел на экран. По телефону в гостиной никто не говорил. *А Уайтекера в комнате вообще не было.* Херндон тут же выключил видеокамеру. На часах было 11.13.

– Марк, вы где?

– Я у себя в спальне.

Про себя Херндон выругался. Камера была установлена так, чтобы видеть входную дверь, и агент был уверен, что заметит, когда его свидетель покинет гостиную. Ему и в голову не приходило, что Уайтекер может улизнуть в спальню. Если он будет и дальше прыгать туда-сюда, видеозапись признают недействительной.

Все не так просто, как кажется.

– Марк, – сказал Херндон, стараясь сдержать раздражение, – вы покинули помещение, а видеокамера продолжала работать.

– Почему же вы ее не отключили?

– Я уже отключил. Но я не слышал, чтобы вы предупреждали, что собираетесь выйти.

– Я предупредил.

– Постарайтесь в следующий раз произнести это четко и громко.

– Но я произнес, – оправдывался Уайтекер, – сказал, что пойду позвонить и что мы все увидимся снова в одиннадцать тридцать.

На самом деле заявление Уайтекера звучало иначе.

– Ну ладно, Марк, оставим это, – произнес Херндон ровным тоном, хотя внутренне он кипел.

– Я что-нибудь испортил?

– Надеюсь, что нет. Но в следующий раз громко объявляйте, что уходите.

– Я объявил! Я сказал, что пойду позвоню и что мы расстаемся до одиннадцати тридцати.

– О'кей, о'кей. Я просто не расслышал.

Помолчав, Уайтекер сказал:

– По-моему, все очень неплохо, да? Это то, что вам надо?

Херндон понимал, что именно для этого Уайтекер и звонил. Он был взволнован развитием событий, и ему не терпелось обсосать каждую подробность.

– Да, это то, что надо. Вы хорошо справляетесь, Марк.

– Это ничего, что немного сместили стулья?

– Нет-нет, все в порядке.

– Этот Ким сначала поставил свой стул прямо перед камерой, вы заметили? Но я его передвинул. Потому что он загородил бы всю комнату. Ничего не было бы видно. – Уайтекер чуть ли не задыхался от возбуждения. – И слово «соглашение» говорили, да?

– Да-да, Марк, говорили.

– И не один раз, а несколько, много раз, да?

Уайтекер сказал, что теперь будет ланч и что сейчас, пока камера выключена, агенты ничего важного не пропустят. Все просто болтают о пустяках.

– Значит, не забудьте, Марк, если будете выходить из комнаты, просто объявите об этом, – напомнил ему Херндон еще раз.

– Я и в этот раз объявлял. Я сказал, что позвоню и встречусь с ними через пятнадцать минут в ресторане. Я сказал это ясно троим или четверым из них.

– Понятно, понятно, Марк. Я просто напоминаю.

В разговоре наступила пауза.

– Значит, получается как надо, да? – опять спросил Уайтекер.

– Да, Марк, все как надо.

– Вы поняли, зачем я позвонил тогда насчет апельсинового сока, да? Никакого сока я не хотел, а просто хотел спросить, все ли в порядке.

Они поговорили о планах на вечер. Обедать Уайтекер собирался в компании других производителей лизина.

Пауза.

– Все получается как надо, да?

Спустя несколько минут Уайтекер встретился с Уилсоном на первом этаже отеля. Диктофон на его спине был включен.

– По-моему, все идет отлично, да? – спросил Уайтекер.

– Угу, – пробурчал Уилсон.

Призывы Уилсона к взаимному доверию возымели действие, сказал Уайтекер. Все стали держаться свободнее. Уилсон сделал большое дело.

– Ну да, смотрят друг на друга уже не так косо, – согласился тот.

Уайтекер рассмеялся.

– И все равно только и думают, как облапошить других, –

пожал плечами Уилсон. – Мик наверняка тоже думает об этом, ты ж его знаешь.

После ланча Уайтекер привел Чун Мо Су из компании «Чейл йеданг».

– Вы будете играть завтра в гольф? – спросил его Су.

– Да, и сегодня, думаю, тоже.

– Я только для этого сюда и приехал, – засмеялся Су.

В номере появились и другие бизнесмены. Стало еще теснее, чем утром, и не всем хватило места за столом. Су пристроился на диванчике.

– Удивительно тесно тут, – заметил Уилсон, оглядывая комнату.

– Да, номер меньше, чем я ожидал, – отозвался Уайтекер.

Затем он объявил, что идет в соседнюю комнату, чтобы взять оттуда еще один стул. Объявил громко, но естественно.

Херндон на несколько секунд отключил камеру. Его наставления подействовали.

Су, подперев голову рукой, оглядел комнату. Он злился на то, что его не допустили на утреннее заседание.

– Не объясните ли, почему вы не позволили мне присутствовать? – спросил он.

– Я же объяснял вам это по телефону! – взвился Мимото. – Я говорил вам несколько раз. Не понимаю, зачем объяснять снова!

Су молча смотрел на него в упор. Если Мимото думает, что может запугать его, то он ошибается. Да, «Чейл йеданг» самая маленькая компания из всех, что производят лизин, но это не значит, что он позволит помыкать собой.

– Во всяком случае, забудем прошлое, – сказал Мимото. – Мы же не против того, чтобы принять вас – на определенных количественных условиях.

Су спросили, на какую долю продаж рассчитывает его компания. Тот ответил, что на восемнадцать тысяч тонн.

– На меньшее мы не согласны, – заявил Су.

– Какой в этом смысл? – раздраженно воскликнул Мимото.

Херндон в своем номере усмехнулся. Конечно, Су участвовал в преступном сговоре вместе с остальными, но агент невольно почувствовал нечто вроде симпатии к нему. Су выступил против крупнейших акул лизинового бизнеса, понимая, что его маленькая компания может при желании спутать им все карты. Он играл на их страхах, играл ва-банк.

«Лихой парень», – подумал Херндон.

Несколько минут Уилсон объяснял Су ситуацию. Если представленные на встрече цифры верны, то «Чейл» получит долю, на которую претендует, – восемнадцать тысяч тонн, а то и больше. Но если рынок сузится, всем компаниям придется производить пропорционально меньше лизина – в соответствии от их доли на рынке.

Су равнодушно выслушал сообщение о том, что компании решили обмениваться информацией об объемах производства, и спросил только, будут ли они приглашать аудиторов для проверки цифр.

– Мы предпочитаем доверять друг другу, – ответил Уилсон. – А если вы обманете наше доверие, то мы наймем уже не аудиторов, а каких-нибудь мафиози, которые сотрут вас с лица земли.

Все рассмеялись.

– Если не доверять друг другу, то и договариваться незачем, – заключил Уилсон. – Я так считаю.

– Тогда и встречаться незачем, – добавил Уайтекер.

Уилсон закурил. Настал решающий момент – либо да, либо нет.

Мимото посмотрел на Су:

– Вы согласны с этим предложением?

– Да, ничего не имею против, – кивнул тот.

– Ну вот и хорошо, замечательно! – сказал Мимото.

Он с улыбкой оглядел собравшихся.

– Это просто фантастика! – воскликнул он. – Все пять компаний пришли к соглашению об объемах производства. Такого еще не было.

Все пять компаний пришли к соглашению…

– Вот оно! – воскликнул Херндон. – Наконец!

После целого года расследования один из заговорщиков произносит слово «соглашение» под запись. Это оценят и Робин Манн, и жюри.

Херндон оглянулся. Позади него стоял Везеролл.

Их глаза встретились.

Везеролл улыбнулся и кивнул. Он тоже слышал это.

С этого момента встреча проходила в атмосфере дружелюбия. Несколько часов бизнесмены обсуждали региональные цены и решали, как поступить в случае, если клиент лжет, утверждая, что ему предлагали более низкую цену. Если все компании будут

твердо придерживаться соглашения, то клиенту волей-неволей придется покупать лизин у одной из них по той цене, какую они определили.

Уилсон бросил со своего диванчика:

– Просто говорите, что цена не может быть ниже такой-то величины, и точка. Это жесткая позиция, но если знаешь, что другие компании тебя не подведут, то бояться нечего.

– Да, если мы будем доверять друг другу, то все выиграем, – кивнул Мимото. – Мы будем продавать по той цене, по какой хотим.

Уилсон встал с диванчика, прошел в конец комнаты и, взяв банку содовой, вернулся на место. Некоторые все же опасались, что другие их обманут.

– Если так пойдет, то эти долбаные покупатели будут манипулировать нами! – прогремел Уилсон, размахивая руками. – Они обставят нас, если позволить им это.

Все замолкли.

– Они нам не друзья, не забывайте об этом, – продолжал Уилсон. – Слава богу, что они у нас есть, но они нам не друзья. – Он обвел взглядом слушателей. – *Вы* мои друзья. Я хочу быть заодно с вами, а не с ними, потому что от вас зависит, сделаю я деньги или нет.{194} По крайней мере, на этом рынке. Я одно хочу вам сказать: главное – договориться о ценах. Давайте согласимся, что мы все хотим этого, а потом разойдемся и сделаем все, чтобы так и было.

Его зажигательная речь подействовала. Все были готовы попробовать работать на доверии. Со смехом и шутками, разговор длился еще часа полтора. Мимото до того расчувствовался, что даже пригласил присоединиться к нему за обедом в ресторане отеля.

– Очень щедрое предложение. Принимается, – отозвался Уайтекер, следуя указаниям Херндона. – Встретимся за обедом.

Разговор перешел на посторонние темы. Дело сделано; кто на гольф?

– Я только сделаю несколько телефонных звонков, – сказал Уайтекер, – а минут через пятнадцать встречаемся у первой метки.

– Я хочу поиграть в гольф, – сказал Чун Мо Су.

Все поднялись и потянулись к выходу.

Как только Херндон выключил монитор, зазвонил телефон.

– Это Боб?

– Да, Марк, я.

– Ну как?

Херндон вздохнул:

– Это хорошая запись, Марк. Очень хорошая.

– Да! И она как бы связывает все воедино, правда? Как бы объединяет все, о чем мы говорили.

Херндону нечего было возразить.

– Да, Марк, вы потрудились на славу. Отличная работа.

Херндон поднял руки, расправил плечи, потянулся и сделал выдох, напрягая мышцы. Иногда он ленился делать разминочные упражнения, но сегодня добросовестно выполнил всю программу. После нескольких часов сидения перед черно-белым экраном надо было хорошенько размяться.

Почувствовав, что мышцы стали гибче и подвижнее, он взял корзину с сотней мячей для гольфа и прошел на одну из принадлежащих отелю площадок, где не было почти никого. Установив первый мяч, он замахнулся клюшкой.

Минут десять он гонял мячи. Корзина быстро пустела. Херндон услышал, что кто-то подходит сзади, но сосредоточился на своем ударе.

Вжик.

Мяч пролетел футах в трех слева. Херндон отскочил и, обернувшись, посмотрел на мазилу.

Это был Жак Шодре.

На плечи Шодре был накинут светлый свитер. С растерянным видом он подошел к Херндону.

– Ох, простите, – произнес Шодре на ломаном английском. – Это ужасная ошибка. Она часто бывает у меня в гольфе, к сожалению.

– Вы меня напугали, – улыбнулся Херндон.

– Я знаю. Я думал, что собираюсь прибить вас.

– Ну, ничего, – сказал Херндон. – Хорошего вам отдыха.

– Да, и вам того же.

Шодре повернулся, собираясь уйти. Но момент был настолько занимательный, что Херндону хотелось продлить его.

– Чудесная погода, верно? – произнес он.

Шодре остановился.

– Да, чудесная, – повторил он почти механически и направился к своей метке.

Херндон наблюдал за ним, внутренне ухмыляясь.

Знал бы ты, кто я такой и что сделал сегодня.

– О'кей, – сказал Мимото, подходя с клюшкой к первой метке. – Если я выиграю, мы получаем «Тайсон».

Бизнесмены, столпившиеся рядом с меткой, рассмеялись. Это

была шутка. Они не собирались проигрывать в гольф контракты на поставку лизина с «Тайсон фудз» и другими компаниями, но подхватили шутку и повторяли ее, переходя от лунки к лунке. «Кто загонит мяч в следующую лунку, получает „Хадсон фудз“». «Кто промахнется, отдает пять тысяч тонн из своей доли». «Ясно, какой будет счет у Уайтекера: шестьдесят семь плюс *альфа*».

Нанося удары по мячу и смеясь, они не замечали человека со спортивной сумкой, стоявшего на ближайшем холме. Это был один из агентов команды наблюдения. Глядя сквозь темные очки на бизнесменов, он чуть повернул сумку и незаметно нажал кнопку. Камера, спрятанная в сумке, щелкнула.

К метке подошел следующий игрок.

Агент сделал еще один снимок.

С наступлением вечера Уайтекер подошел к бунгало, которое занимал Уилсон. На нем был легкий пиджак спортивного покроя, во внутреннем кармане притаился диктофон. После заседания Херндон освободил его от устройства «Ф-бёрд».

Собрав столько улик против производителей лизина, агенты решили, что будет нелишне, если Уайтекер в разговоре с Уилсоном добавит немного материала по фиксированию цен на лимонную кислоту. Сейчас, когда Уилсон был один, настал подходящий момент.

Уилсон вышел к Уайтекеру, и они зашагали по дорожке между бунгало, своего рода туннелю, куда почти не доходил свет гавайского закатного солнца. Наигравшись в гольф и расслабившись, Уилсон был счастлив.

Они дошли до автостоянки со щебеночно-асфальтовым покрытием, устроенной перед рестораном. «Вот здесь в самый раз», – подумал Уайтекер.{195}

– А что с лимонной кислотой – примерно то же, что и с лизином? – спросил он.

– Ага, – отозвался Уилсон.

– Я думал, там у вас давно уже все на мази.

– Да нет, тоже все зависит от доверия.

– Так же, как у нас?

– Немножко по-другому, но зависит.

Они подошли к краю площадки.

– Вы тоже обмениваетесь производственными показателями? Это помогает?

– Ага.

– А как вы ведете учет – по регионам или по странам?

– По странам.

– Хм, не уверен, что у нас получится то же самое.

– Не получится, – заверил его Уилсон, покачав головой. – *Пока* не получится. Вы производите еще слишком мало.

– Значит, вы сообщаете данные кому-то вроде нашего Мимото? – спросил Уайтекер.

Уилсон задумался:

– Кому же мы их сообщаем? Ах да, «Хоффман-Ларош».

Они были уже под козырьком входа в отель. Пропуская Уилсона вперед, Уайтекер сдержал улыбку. Его коллега только что признал, что одна из крупнейших в мире фармацевтических фирм участвует в фиксировании цен на лимонную кислоту.

Уайтекер глубоко вздохнул. До чего удачный день!

Везеролл и Херндон заранее заняли места за столиком на террасе, выходящей в патио отеля. Небо темнело, с моря доносился ветерок, шуршавший в кронах пальм. Великолепный тропический вечер.

Херндон расположился у стеклянной стены. С его места хорошо просматривался весь ресторан. Он видел, как вошли Уайтекер с Уилсоном, как к ним присоединились другие участники переговоров. Женщина-метрдотель провела их к большому столу.

– Кажется, они устраиваются внутри, Джо, – сказал Херндон.

Но углом глаза он заметил, что Уайтекер говорит что-то, указывая в сторону патио. Бизнесмены встали и направились к агентам.

– А, идут к нам. Все-таки хотят сидеть здесь, – заметил Херндон.

Все столы в патио были малы, так что бизнесмены сдвинули несколько столиков вместе.

Херндон встретился взглядом с Уайтекером, но тут же опустил глаза, боясь, что тот начнет ему подмигивать или подавать какие-нибудь сигналы, – с него станется. К тому же Шодре мог узнать его и захотеть поговорить об инциденте на поле для гольфа.

Официантка принесла агентам заказанную еду, и те начали есть. Они были здесь не для наблюдения. Уделять внимание ближнему столу было незачем. Но Херндон заметил, как Уайтекер встал и, посмотрев на Херндона со значением, вышел с террасы. Чего он хочет?

– Уайтекер, похоже, направляется в сортир, – сказал Херндон Везероллу. – Пойду-ка я за ним и узнаю, что ему нужно.

Он вытер рот салфеткой и отодвинул стул. У дверей туалета он оглянулся. Никого. Открыв дверь, он вошел. Уайтекер мыл руки под краном.

– У меня есть кое-что для вас, – сказал он.

Херндон быстро окинул взглядом кабинки, но ничьих ног не заметил. Они были одни, но он остался стоять у дверей.

– Мы с Терри по дороге сюда говорили о лимонной кислоте, и я все записал, – сказал Уайтекер. – Они точно так же договариваются о ценах на лимонную кислоту. Точно так же. Обмениваются данными о том, сколько они продают в той или другой стране.

Уайтекер не вытерпел и теперь изливался прямо в общественном туалете. Херндон предложил поговорить позднее.

– Боб, это просто замечательно! Отличная запись. Как раз то, что нужно.

Херндон поднял руки:

– Очень хорошо, Марк. Но сейчас лучше вернуться в зал и…

– В котором часу вы завтра уезжаете? – спросил Уайтекер.

Херндон хотел было ответить, но затем воздержался. Он не желал болтать в туалете.

– Послушайте, Марк, встретимся ближе к ночи и поговорим. Позвоните нам и…

– Но я не знаю, сколько мы пробудем в ресторане, – прервал его Уайтекер.

– Неважно. Мы не будем спать. Позвоните мне или Джо, и мы встретимся, ладно?

– Ладно, – обрадованно кивнул Уайтекер.

Он направился в зал, а Херндон, вздохнув, подошел к раковине. Волнение Уайтекера подвергает операцию ненужному риску.

«Что за странная натура!» – подумал Херндон.

Агенты стали собираться в дорогу спозаранок. Изъяли лампу из номера Уайтекера, упаковали оборудование. Было еще утро, когда Везеролл и Херндон вышли с чемоданами в вестибюль, готовые к отъезду.

В очереди к портье к ним пристроились несколько японских бизнесменов во главе с Ямамото. Они тоже уезжали. Агенты не обращали на них внимания.

Неудивительно, что они покидали курорт одновременно. Бизнесмены закончили переговоры. А агенты закончили наблюдение за бизнесменами.

Расследование лизинового дела было фактически завершено. Компании договорились о ценах и объемах производства, на последующих переговорах оставалось лишь уточнить детали.

Дело АДМ вступало в новую фазу. Добытые агентами ФБР

улики неоспоримо свидетельствовали о том, что фиксирование цен является образом действий АДМ. Многие другие продукты – лимонная и молочная кислоты, глютамат натрия и даже кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы – производились в количествах, значительно превосходящих количество лизина. Уайтекер не был напрямую связан с их производством, но мог добыть кое-какую информацию из вторых рук, как сделал это в разговоре с Уилсоном на Гавайях. Удобным случаем узнать кое-что новое о торговле лимонной кислотой стало даже празднование шестидесятишестилетия Дуэйна Андреаса.{196} Но в одиночку Уайтекер не мог собрать достаточно свидетельств, которые стали бы основанием для солидного дела.

14 апреля агенты встретились с представителями прокуратуры, чтобы обсудить перспективы возбуждения дел о нарушениях АДМ в делах с другими продуктами. Херндон и Шепард прибыли с целым перечнем идей. Может, ФБР внедрит агента в качестве поставщика для производителей лимонной кислоты. Еще одно предложение заключалось в том, чтобы склонить к сотрудничеству бухгалтеров, которые проведут аудит данных «лимонного сговора». Но все это представлялось сомнительным.

В конце концов решили действовать в двух направлениях. Во-первых, поручить Уайтекеру собрать как можно больше сведений. Во-вторых, с помощью работавшего по этому делу спрингфилдского прокурора Роджера Хитона добиться разрешения на прослушивание телефонных разговоров АДМ. Это было непросто, это требовало много времени и усилий, но в случае удачи ФБР знало бы, о чем говорят руководители АДМ со своими конкурентами.

Херндон чувствовал какой-то подвох. Уайтекер сидел против агентов за столом в номере одной из гостиниц Форсита. Он был в пиджаке – можно подумать, что он никогда его не снимал.

Херндон посмотрел на Шепарда. Тот был в рубашке. Собственный пиджак Херндона висел на вешалке у дверей. День был знойный, и, хотя кондиционер работал на полную мощность, в комнате стояла жара.

Почему Уайтекер не снимает пиджак?

– Марк, здесь жарко. Давайте, я повешу ваш пиджак на крючок, – предложил Херндон.

– Спасибо, Боб, не стоит. Предпочитаю остаться в пиджаке.

Они продолжили разговор, но в голове агента по-прежнему звенел сигнал тревоги.

Когда Уайтекер ушел, Херндон подошел к Шепарду:

– Послушай, Брайан. Марк в последнее время категорически не желает снимать пиджак.

– Ну и что?

– Тебе не кажется, что это не случайно? Может, он нас записывает?

Шепард задумался. Даже если это так, что они могли поделать? Разоблачение Уайтекера может испортить их отношения.

– Не знаю, Боб, – сказал Шепард, – не думаю.

– Ну да, – кивнул Херндон, – я тоже так не думаю.

Работы на Уайтекера наваливалось все больше и больше. Теперь он не только руководил производством лизина, но и отвечал за проведение законных сделок с другими компаниями; торговые представители АДМ в Европе участвовали в региональных переговорах по фиксированию цен на лизин, а это тоже требовало внимания и отнимало время.

3 мая Уайтекер разрывался между несколькими делами. Через восемь дней он должен был лететь в Европу для встречи с руководителями европейского филиала его подразделения, Марти Оллисоном и Альфредом Янсеном.{197} Кроме того, он хотел отвезти туда корпоративный чек, а для этого требовалось оформить кучу документов.

Он вытащил бланк стандартной заявки на выписку чека. Сверху написал имя компании-получателя «Эй-би-пи интернэшнл», которая поставила АДМ микробы, необходимые для получения кормовой добавки под названием «треонин». За микроорганизмы АДМ обязалась уплатить поставщику два с половиной миллиона долларов, совершенно обычную в таких случаях сумму. К бланку Уайтекер приложил договор на покупку.{198}

Перед тем как послать документы в бухгалтерию, он написал краткое сопроводительное письмо, объяснявшее, что он уезжает в Европу и во время своего визита хочет лично вручить деньги компании «Эй-би-пи».

Уайтекер знал, что заявкой будет заниматься бухгалтер-контролер подразделения биопродуктов Кирк Шмидт, с которым он дружил и всего несколько дней назад обедал в декейтерском «Кантри Клаб». Заявка была весьма необычной, но Уайтекер не сомневался, что получит чек вовремя. Со Шмидтом проблем не будет.

Терпение Хитона было на исходе. Вот уже больше года он занимался этим лизиновым делом. Он прослушал все записи и

изучил документы, но еще ни разу не встречался с главным свидетелем. Сработается ли Уайтекер с обвинителями? Как отнесутся к нему присяжные? Хитон не имел об этом никакого представления: агенты все откладывали и откладывали их встречу.

Они с Робин Манн постоянно говорили об этом и торопили агентов, но безрезультатно.

Хитон работал на втором этаже федерального здания Спрингфилда. Сейчас он направлялся в кабинет Джозефа Харцлера, одного из самых авторитетных прокуроров округа. Фрэнсис Хьюлин, недавно занявшая пост окружного прокурора, поручила Харцлеру курировать дело АДМ. На счету Харцлера было немало побед в залах суда. Он отточил мастерство в чикагской генеральной прокуратуре, но затем перешел в более спокойное спрингфилдское, чтобы уделять больше времени семье. Обвинителя по делу АДМ так и не назначили, но, если оно поступит в суд, Харцлер, несомненно, будет желанной кандидатурой.

Харцлер был у себя. Рядом стояла коляска с мотором, на которой передвигался этот энергичный человек, – единственное свидетельство рассеянного склероза. Хитон спросил Харцлера, есть ли у него время обсудить дело АДМ.

– Не кажется ли вам странным, что агенты ФБР противятся нашей встрече с этим свидетелем? – задал вопрос Хитон.

Харцлер в ответ спросил, под каким предлогом агенты отказывают в этой встрече. Хитон сказал, что они боятся, как бы свидетель не пал духом. Это объяснение Харцлеру не понравилось.

– Так продолжаться не может, – проворчал он. – Добейтесь встречи с этим парнем и выясните, на что он годен.

Харцлер понимал, что прокурорам необходимо посмотреть свидетелю в глаза, чтобы определить, можно ли ему доверять. А в этом деле имелось обстоятельство, которое делало встречу еще более насущной. Уайтекер был одним из руководителей АДМ, на нем лежала большая ответственность, и платили ему более чем хорошо. Отсюда вытекал вопрос, который не давал Харцлеру покоя и ответ на который, он был убежден, необходимо выяснить, прежде чем делать какие-то дальнейшие шаги.

Чего ради Уайтекер все это затеял?

3 июня 1994 года сотрудники спрингфилдского офиса ФБР в полном составе поглощали кофе с пирожками в конференц-зале. Везеролл поднялся и встал у одной из стен лицом к аудитории. Прозвучали аплодисменты.

– По-испански *jubilarse* значит «уходить», – сказал Везеролл. – Это похоже на слово «юбилей», и именно так я воспринимаю уход на пенсию.

Проработав в ФБР двадцать три года, Джо Везеролл решил, что с него хватит. Момент был подходящий. Расследование мошенничества с лизином завершилось. Дин Пейсли, который вел дело с самого начала, ушел на покой после встречи на Гавайях. Дальнейшая судьба дела будет доверена другим сотрудникам и другим ведомствам. Уж если увольняться, то именно сейчас.{199}

Везеролл сообщил о своем решении Шепарду и Херндону несколько дней назад и надеялся, что все пройдет в камерном ключе. Он не хотел устраивать прием по этому случаю и согласился лишь на небольшой «междусобойчик» в офисе. Коллеги поднесли ему адрес, и на этом все закончилось. Вернувшись в Шампейн, Везеролл очистил свой рабочий стол и в 17.00 отдал ключи коллегам. Распрощавшись со всеми, он в последний раз вышел из своего кабинета.

На душе Везеролла было спокойно. Он был уверен, что Шепард и Херндон доведут дело до конца. Преступные переговоры производителей лизина записаны на пленку, все помехи устранены, сюрпризов можно не опасаться. Нет сомнений, что теперь все пойдет как по маслу.

В Мобиле, штат Алабама, специальный агент Крэг Даль просматривал протокол своей беседы с одним из представителей немецкой корпорации «Дегасса». Даль вел следствие по делу о предполагаемом промышленном шпионаже, в котором обвинялись двое бывших сотрудников этого гиганта сельскохозяйственной индустрии. Компания подозревала, что служившие в ней ранее Крис Джонс и Тим Холл незаконным путем воспользовались секретной информацией о производстве аминокислоты под названием «метионин». Корпорация подала исковое заявление в Министерство юстиции, а то направило дело на рассмотрение юристам Мобила, где находилось одно из отделений «Дегассы».{200}

24 июня сотрудник «Дегассы» Эндрю Бёрк дал показания агенту Далю в Министерстве юстиции в Вашингтоне. Сам Бёрк не имел свидетельств преступных действий и говорил со слов своего информатора Кайла Раунтри. Тот утверждал, что он достоверно знает о том, что Холл завладел конфиденциальной информацией «Дегассы» по метионину. Раунтри представил и письма, которыми Джонс обменивался с одним из руководителей АДМ. Раунтри полагал, что Джонс и Холл продали секретную информацию компании АДМ, – он даже видел несколько чеков АДМ на имя

Джонса, каждый на десять тысяч долларов. Если преступление действительно имело место – в чем Даль не был полностью уверен, – значит, АДМ собиралась использовать украденную у «Дегассы» технологию при планировании строительства метионинового завода.

Возможно, ключом к расследованию служил этот самый руководитель из АДМ. Надо выяснить, не использовал ли он украденные секреты сознательно и не подбивал ли других к участию в этом преступлении. Даль перелистал свои записи, чтобы узнать его имя.

Марк Уайтекер.

Даль никогда не слышал о Марке Уайтекере, но не сомневался, что вскоре с ним познакомится. Не исключено, что по итогам расследования этому Уайтекеру предъявят обвинение.

Глава 10

Прошло две недели, и информация о расследовании, начатом в Мобиле, просочилась по каналам ФБР в спрингфилдский офис. Первая весточка пришла 12 июля по телефону из вашингтонского подразделения ФБР по борьбе с мошенничеством.{201} Затем один из сотрудников отдела переслал в Спрингфилд по факсу копию докладной записки с изложением претензий «Дегассы» к ее бывшим служащим Джонсу и Холлу.{202}

Копию передали Шепарду и Херндону. Они знали, что метионином занимается подразделение Уайтекера, – этот продукт не раз упоминался в записанных ими разговорах сотрудников АДМ. Херндон вспомнил, что Уайтекер летал как-то с Рэнделлом на самолете компании, выбирая место для строительства метионинового завода. В этом же самолете летел и Крис Джонс, – правда, Уайтекер начал записывать их беседу с Рэнделлом уже после того, как Джонс сошел в одном из промежуточных пунктов посадки.

На полях полученной копии агенты наставили множество вопросительных знаков и обсудили свои сомнения по телефону. Имя Уайтекера в тексте записки не встречалось. Агенты надеялись, что если преступление и было, то Уайтекер в нем не замешан и его, возможно, удастся использовать как свидетеля и по этому делу.

В конце записки в графе «контактное лицо» стояло имя руководителя офиса ФБР в Мобиле – Тим Фурман.

– Брайан, давай позвоним этому Фурману и выясним подробности, – предложил Херндон.

Шепард согласился. Херндон нажал кнопку телеконференции и набрал номер. Фурман подошел к телефону, агенты представились.

– Как вам работается в Мобиле? – спросил Шепард.

Но Фурман не любил лишней болтовни, и Шепард перешел к делу. Он сказал, что они с Херндоном занимаются расследованием фиксирования цен в АДМ, и принялся излагать историю «Битвы за урожай», чтобы у Фурмана сложилась полная картина.

– Мне в общих чертах известно ваше дело, – прервал его Фурман и добавил, что им надо поговорить с Далем, который ведет расследование по метионину. Но Даля на месте нет, сказал он. – Вам следует знать, – продолжил Фурман, – что, согласно самым последним сведениям, ваш Уайтекер все же замешан в нашем деле.

Наступила пауза.

– Тогда нам надо поговорить с Далем как можно скорее, – сказал Херндон.

– Да, я думаю, именно это вам и следует сделать в первую очередь, – согласился Фурман.

В тот же вечер Робин Манн вместе с Роджером Хитоном вошли в один из номеров декейтерского отеля «Холидей-Инн». Манн осмотрелась. Комната была просторная, но мрачная, поскольку из конспиративных соображений шторы были задернуты. Над круглым столом висела замысловатая лампа, которая не столько освещала, сколько создавала игру теней. Не выпуская из рук портфель, Манн выдвинула стул и села. Хитон занял место рядом с ней, Шепард и Херндон остались стоять.

Прокуроры добились своего после года безуспешных попыток встретиться с Уайтекером и сегодня должны были познакомиться со свидетелем. Расследование мошенничества в торговле лизином было в целом закончено, и дело могли передать большому жюри в любой из последующих двенадцати месяцев. Это означало, что прокурорам потребуется время, чтобы вместе с Уайтекером подготовить его показания. Поэтому откладывать встречу больше было нельзя.

В ожидании Уайтекера собравшиеся обсудили, как лучше построить беседу с ним. Агенты рассказали Манн и Хитону о расследовании, проводившемся в Мобиле, но имя Уайтекера не упомянули. Они хотели скоординировать свои действия с Далем.

Договорились, что беседу начнет Шепард, который представит прокуроров и произнесет несколько вводных фраз. После этого прокуроры – в основном Манн – будут задавать интересующие их вопросы. Агенты попросили их не слишком давить на Уайтекера и не запугивать его – это ведь их первое знакомство, а не перекрестный допрос.

Когда появился Уайтекер, все встали. Он был, как всегда, весел и общителен, в нем бурлила энергия подростка. Сшитый по фигуре легкий двубортный костюм был тщательно отглажен, галстук украшал сложный геометрический узор. Хитону, вращавшемуся в мире строгих темных костюмов и белых рубашек, Уайтекер показался пижоном. Он сделал в памяти отметку не забыть проследить за костюмом свидетеля, – если он предстанет перед присяжными в таком виде, его сочтут ветреным и тщеславным фигляром.

– Марк, это Робин Манн, прокурор чикагского антитрестовского отдела, – сказал Шепард.

– Наконец-то мы встретились, – произнесла Манн с улыбкой.

Уайтекер улыбнулся в ответ и протянул руку:

– Рад познакомиться.

Покончив с представлениями, все расселись. В портфеле Манн были заготовлены два списка вопросов – один на тринадцати страницах, другой на семи. Поколебавшись, она вынула семистраничный – на первый раз хватит.

– Мистер Уайтекер, расскажите с самого начала, где и кем вы работали, – начала она.

Встреча заняла несколько часов. Уайтекер произвел благоприятное впечатление на юристов. Было ясно, что свидетель человек умный, знающий и красноречивый. Он толково и подробно отвечал на все вопросы и выгодно отличался от обычных свидетелей по уголовным делам.

Попрощавшись, Уайтекер ушел. Оставшиеся обменялись мнениями. Все были довольны встречей. Шепард отметил, что Уайтекер держится с прокурорами уверенно и спокойно.

– Чего вам не хватает? – вопрошал Уайтекер две недели спустя, вечером в понедельник, 1 августа. – Зачем втягивать меня в это еще глубже?

Уайтекер вместе с Шепардом и Херндоном был в комнате отеля в Форсите. Он не понимал, почему ФБР по-прежнему цепляется за него. Он помог им построить лизиновое дело. Он выполнил свои обязательства.{203}

– Вы что, не можете найти еще кого-нибудь? Обратитесь к Барри, он все знает о лимонной кислоте. А я ею не занимаюсь.

– Марк, никто, кроме вас, не может в данный момент помочь нам.

Уайтекер воздел руки:

– Вы что, не можете напихать в наши офисы «жучков»? За месяц вы соберете сколько угодно улик. Вы сами услышите все от Терри и Барри. Я вам не нужен.

– Марк, прекратите, – остановил его Шепард. – Поймите, что, хотя ФБР может многое, есть вещи, которые не в нашей власти.

И Шепард терпеливо объяснил, что они должны подать заявку на прослушивание федеральному судье, который обладает соответствующими полномочиями. Они подадут эту заявку, но время идет, и нет гарантии, что судья разрешит прослушку. Кроме того, агенты не могут войти в принадлежащее АДМ здание, установить там свою аппаратуру и удалиться как ни в чем не бывало: все не так просто.

– Бросьте, – возразил Уайтекер. – ФБР может все. Вы можете проникнуть в здание и сделать все, что вам надо.

– Даже если мы и можем туда проникнуть, нельзя подвергать риску все дело, – сказал Шепард. – Все это требует подготовки и длительного наблюдения.

– Марк, мы и сами хотим избавить вас от хлопот и неприятностей, – вмешался Херндон. – Если бы могли привлечь кого-то еще, мы сделали бы это не задумываясь. Дело только выиграло бы, будь у нас второй свидетель по другим линиям продуктов АДМ. Но для этого нам надо больше узнать об этих продуктах. Поговорите с Барри и Терри о лимонной кислоте. Поговорите с Миком о фруктозе.

– Это бесполезно. Мик не станет говорить со мной. Я знаю, что он скажет: «Марк, какое тебе дело до лимонной кислоты или фруктозы? Занимайся своим лизином». Парни, да это погубит все ваше дело.

Херндон хотел возразить, но Уайтекер перебил его:

– Я боюсь, что Мик разделается со мной, если я дам показания против него.

Херндон прибег к тактике, выработанной Шепардом: когда Уайтекер внезапно отклонялся от обсуждаемой темы, его следовало притормозить вопросами.

– Марк, что же вам такого сказал Мик, что вы испугались расправы с его стороны?

– Не знаю. Просто боюсь. Ну… Просто такой уж он человек. Я боюсь его.

– Но он говорил что-нибудь такое, что вас напугало, или нет?

Уайтекер нервно поправил очки:

– Просто я уверен, что он это сделает. У него власть. Он на все способен.

Херндон в третий раз повторил свой вопрос, и Уайтекер был вынужден признать, что угроз в его адрес не было. Херндон хотел урезонить Уайтекера, но тот прервал его:

– Найдите кого-нибудь другого. У меня нет времени, на мне тьма новых обязанностей. Я теперь отвечаю за все новые слияния и поглощения и за совместные предприятия с участием АДМ. Мы собираемся в этом году инвестировать шестьсот или семьсот миллионов долларов в разные компании. Это большая ответственность.

Херндону пришло в голову: если АДМ договорится с другими компаниями и организует совместное производство лимонной кислоты или фруктозы, ФБР сможет войти в контакт с партнерами АДМ и добывать сведения через них.

– Ребята, это исключено, – ответил Уайтекер и объяснил, что правительство никогда не одобрит слияния, после которого доля АДМ на этих рынках вырастет. – Я занимаюсь всеми видами

поглощений, – кроме тех, что связаны с лимонной кислотой и фруктозой, – и докладываю совету директоров. Так было, например, когда мы составляли договор с компанией «Рон-Пуленк» о совместном предприятии по метионину.

Метионин.

Шепард и Херндон не смотрели друг на друга и даже боялись дышать. Они ни разу не заговаривали с Уайтекером о расследовании, проводившемся в Мобиле, и сейчас впервые появилась возможность узнать, что ему об этом известно. Но действовать следовало очень осторожно и не проявлять заинтересованности.

– А что это за проект? – небрежно спросил Херндон.

Уайтекер улыбнулся и прочел им небольшую лекцию о метионине. Бизнес весьма интересный, сказал он, потому что метионин позволит АДМ значительно расширить ассортимент биопродуктов, предлагаемых покупателям.

– Мне хотелось построить завод метионина еще и потому, – добавил Уайтекер, – что я прежде работал в «Дегассе», а это крупнейший производитель метионина в мире.

Он рассказал, как подыскивал место для строительства завода, как налаживал связи с поставщиками сырья для этого проекта.

– Я воспользовался услугами двух консультантов, тоже бывших служащих «Дегассы», Криса Джонса и Тима Холла, и они посоветовали мне, к кому из поставщиков обратиться.

Но все его старания были впустую, продолжал Уайтекер. АДМ отказалась от намерения строить завод и вместо этого решила вложить средства в действующий завод компании «Рон-Пуленк».

– А Дуэйн или Мик Андреасы участвовали в разработке этого проекта? – спросил Херндон.

– Нет, это была моя идея, – ответил Уайтекер.

– Ладно, – кивнул Херндон. – Давайте вернемся к нашему делу.

Минут через двадцать Уайтекер отправился домой. Агенты, как всегда, задержались. Им было о чем поговорить.

Если Уайтекер замешан в махинациях с метионином, то отчего он рассказал об этом проекте так много? Возможно, претензии «Дегассы» необоснованны, а Джонс с Холлом просто делились с Уайтекером опытом, не выдавая коммерческих тайн.

И все же агенты не могли отделаться от подозрений. Не исключено, что Уайтекер хотел подтолкнуть их к этому выводу. Может, он предложил свою версию этого дела, зная, что им интересуется ФБР в Мобиле?

Джо Харцлер сидел в зале заседаний спрингфилдского федерального суда и ел свой завтрак. Он подготовил документы, которые собирался передать Роджеру Хитону на совещании, намеченном на час дня, – обвинители по лизиновому и метиониновому делам решили встретиться и обменяться информацией. Два этих дела тесно связал Уайтекер: в одном из них он выступал как свидетель обвинения, в другом сам был потенциальным обвиняемым. Ожидалось, что после этой встречи обе группы прокуроров будут работать вместе.{204}

Шепард, Херндон и Джон Хойт прибыли в сопровождении Робин Манн и двух ее коллег по антитрестовскому отделу, Марвина Прайса и Сьюзен Букер. Все шестеро только что вернулись с ланча. Поздоровавшись с Харцлером, они заняли места рядом с ним за круглым столом.

Весть о том, что Харцлер будет участвовать в деле АДМ, агенты получили еще несколько недель тому назад и приняли ее с радостью. Хойту в 80-е годы довелось работать с Харцлером в Чикаго по делу пуэрто-риканских террористов. Агрессивный стиль Харцлера произвел на Хойта хорошее впечатление.

В ожидании начала совещания юристы и агенты ФБР обсудили план действий. Времени на это было предостаточно: рейс, которым летели из Вашингтона Питер Кларк и Джим Бейкер, юристы из отдела по борьбе с мошенничеством, задерживался.

Открыть совещание поручили Хойту. Сделать это нужно было дипломатично, так как Кларк славился сильным и жестким характером, а конфликтов не хотелось никому.

Наконец явились вашингтонские гости. Хойт, приветливо улыбаясь, расспросил их о перелете и постарался создать за столом дружескую атмосферу.

– Мы все жаждем интересных дел, и вот на нас свалилось сразу два, и оба очень значительные, – сказал он. – Но каждое из них может навредить другому.

Хойт вкратце рассказал о том, как проходила «Битва за урожай», упомянув, что в ходе этого расследования были выявлены серьезные нарушения со стороны компании из списка «Форчун 500»[46]

– Да знаю я о вашей «Битве», – перебил его громовым голосом Кларк. – Но наше дело тоже важное. Этот ваш «Форчун 500» замешан и в нашем деле. У нас есть несколько очень надежных свидетелей.

Кларк обращался с ними, как с сопливыми юнцами. Шепард и Херндон удивились: им еще не приходилось видеть, чтобы служащий Министерства юстиции так бесцеремонно осаживал

сотрудника ФБР, ведущего собрание.

Команды прояснили ситуацию на обоих фронтах. Решили, что Шепард и Херндон встретятся с главным свидетелем по делу в Мобиле и сопоставят его информацию с тем, что известно им. Часть этой информации они используют как свидетельство вместе с имеющимися у них аудио- и видеозаписями. Кроме того, спрингфилдский офис ФБР вызовет некоторых свидетелей из Мобила для показаний перед большим жюри о банковских счетах, открытых отдельными лицами в их округе, в том числе о счетах, открытых Уайтекером.

Заговорила Робин Манн. В Мобиле, штат Алабама, не действует закон об исковой давности, а значит, прокурорам не стоит торопиться с предъявлением обвинений по делу о метионине.

– Обещайте нам, что не будете предпринимать никаких мер по вашему делу, пока мы не закончим свое расследование, – сказала она.

Кларк взвился как укушенный.

– Не собираюсь давать никаких обещаний, – прорычал он.

Манн и Кларк гневно воззрились друг на друга. В комнате словно похолодало. Манн снова надавила на Кларка, используя аргумент о сроках процессуальных действий.

– Когда встанет вопрос о сроках, его решит помощник генерального прокурора Джо Энн Харрис, – ледяным тоном отрезал Кларк.

Повисла тишина. Упоминание главы уголовного отдела министерства антитрестовской команде показалось излишним. Для пользы дела двум командам нужно найти общий язык, а не ссылаться на вашингтонские авторитеты. А Кларк, похоже, хотел прежде всего утвердить свое право поступать так, как считает нужным.

Харцлер прокашлялся и спросил:

– Питер, но вы, может быть, согласитесь не предпринимать никаких действий до тех пор, пока спрингфилдские агенты не поговорят со своим коллегой из Мобила? От этого зависит дальнейший ход расследования.

– Хорошо, подожду, – кивнул Кларк. – Но хочу подчеркнуть, что недолго. – Он оглядел всех собравшихся. – Мы не останавливаем расследование.

Казино «Плейерс ривербот» стояло у причала вблизи города Лейк-Чарльз, рядом с 10-й магистралью, соединяющей Луизиану с Техасом.{205} Судну, имитирующему викторианскую эпоху, не исполнилось и года. Сбоку виднелось громадное гребное колесо –

непременная принадлежность всех плавучих казино в Луизиане, даже если они, как «Плейерс ривербот», оснащены дизельными двигателями и подводными винтами. Уже в первые месяцы своего существования «Плейерс ривербот» принес процветание в Лейк-Чарльз, город нефтяников, который бедствовал со времен падения цен на нефть в 80-е годы. Некоторые горожане поначалу восприняли казино как проявление упадка нравов. Но теперь, когда в город потекли деньги, казино считали даром небес и спасителем города.

24 августа Шепард и Херндон проехали мимо казино, полюбовавшись его зазывно сияющими огнями. Может, они посетят заведение позже, решили агенты, но сначала нужно добраться до отеля, где Крэг Даль ждал их, чтобы познакомить со своим главным свидетелем.

Даль встретил агентов в ресторане отеля, где они собирались вместе пообедать. Все были дружелюбны, но несколько напряжены. Агенты знали, что одно из двух дел скоро прикроют. Вопрос был в том, чье именно.

После обеда Даль взглянул на часы.

– Я, пожалуй, поднимусь наверх, на случай если свидетель уже на месте, – сказал он.

Шепард и Херндон пообещали вскоре последовать за ним.

Но Даль все еще был один, а свидетель Кайл Раунтри постучал в дверь через десять минут. Представив всех друг другу, Даль попросил его вкратце изложить всю историю.

Раунтри сказал, что бывшие служащие «Дегассы» Джонс и Холл теперь работают вместе с ним в компании «Кронос» в Лейк-Чарльзе. Он не скрывал, что Джонс ему не нравится, а одну из сотрудниц, с которой тот сблизился, Раунтри заподозрил в промышленном шпионаже. Она показала ему документы с компьютерного диска, который якобы нашла на столе Тима Холла. Это были документы корпорации «Дегасса» с секретной информацией о производстве метионина.

Раунтри сообщил, что у него есть переписка Джонса с Марком Уайтекером, а также корешки чеков на десять тысяч долларов, выписанных компанией АДМ на имя двух бывших сотрудников «Дегассы». Дата на одном из корешков совпадала с датой письма Уайтекера к Джонсу.

– В прошлый раз вы говорили мне о том, что Уайтекер посещал «Кронос», – напомнил свидетелю Даль.

– Да, я видел его имя в книге записей посетителей «Кроноса» примерно в ноябре 1992 года.

Херндон сморгнул.

– Вы помните записи двухгодичной давности? – спросил он.

– Я регулярно просматриваю эти книги, чтобы знать, кто когда приходил и уходил, – ответил Раунтри.

Ответ представился Херндону бессмыслицей, но он не стал докапываться до истины. Свидетель рассказывал им о деле еще около часа, но имя Уайтекера больше не всплывало.

Закончив разговор, Шепард и Херндон направились в «Плейерс ривербот». Настроение у них поднялось. Судя по всему, Уайтекер не участвовал в махинациях с метионином. Расследование в Мобиле ничем не угрожало.{206}

Процесс получения разрешения на прослушивание телефонных разговоров в АДМ шел своим чередом. Юристы говорили, что оснований, чтобы убедить судью в необходимости прослушивания, достаточно, но для полной уверенности необходимо доказать, что ФБР технически в силах записывать разговоры лишь с определенных телефонов. С этим было труднее всего, потому что агенты не знали, как устроена телефонная связь в компании. Не могли же они явиться в АДМ и спросить об этом.

Явиться не могли, а спросить могли. На очередной встрече с Уайтекером в Форсите они попросили его задать Мику Андреасу несколько определенных вопросов. Просто разыграть небольшую пьеску.

Утром 12 сентября Уайтекер включил карманный диктофон и вошел в кабинет Мика Андреаса.

– Мик, как дела? – спросил он.

Андреас поднял голову от бумаг.

– Привет, – отозвался он.

Несколько минут они обсуждали перспективные инвестиции в подразделение лизина, и Уайтекер мимоходом упомянул о том, что один из их конкурентов сомневается в безопасности телефонной сети АДМ.

– Я сказал ему, что не верю в прослушку, – при тех-то разговорах, что я веду. А ты?

– Ты о чем? – не понял Андреас.

– Ну, что по нашим служебным телефонам можно свободно говорить о лизине. Я не верю, что они прослушиваются.

– Чтобы подключить к ним прослушку, надо попасть внутрь здания, – ответил Андреас. Он указал на свой телефон: – Вот эта линия, например, идет прямо от компьютера. Сигнал поступает в компьютер, а из него на один из сотни или пяти сотен телефонов.

– Я примерно так и думал.

– И поэтому нельзя перехватить сигнал извне, – добавил Андреас.

Компьютерная связь гарантировала, что подключиться к линиям АДМ невозможно. Да и круглосуточная телекоммуникационная служба безопасности сразу засекла бы такую попытку. Так что за телефоны компании можно не опасаться, сказал Андреас.

– Но это не значит, что можно болтать по телефону все, что взбредет в голову, – заметил он. – Осторожность не помешает. {207}

Прослушав запись разговора с Андреасом, агенты приуныли. Преодолеть систему защиты телефонной связи АДМ – а значит, и выполнить требование судьи – оказалось невозможным.

Попытка добиться разрешения на прослушивание не удалась. Разумеется, агенты ФБР могли по-прежнему записывать переговоры злоумышленников, благо в октябре была назначена встреча АДМ и «Адзиномото» в Чикаго, а в расширенном составе производители лизина должны были собраться в Цюрихе. Но было ясно, что добыть доказательства участия АДМ в фиксировании цен на другие продукты не получится.

Говард Баффет и конгрессмен Дик Дёрбин распрощались. Баффет повесил телефонную трубку. Он был доволен собой. Может, он только что спас АДМ от скандала.

Говард пришел в АДМ несколько лет назад из Омахи, где родился и где располагалась инвестиционная империя его знаменитого отца.[47] В 1994 году он был одним из директоров АДМ и помощником Дуэйна Андреаса. Кроме того, он отвечал за связи с общественностью и с политической элитой страны и считал своей обязанностью предотвращать неприятности, которые могли грозить компании.

Именно об этом был телефонный разговор с Дёрбином. Несколько дней назад Баффет проведал, что конгрессмен мечтает попасть на футбольный матч с участием чикагских «Медведей». Он сказал об этом Дуэйну Андреасу, и тот велел ему позаботиться о том, чтобы желание Дёрбина исполнилось.{208}

Но секретарь Баффета напомнил о прошлогоднем инциденте с Майком Эспи, министром сельского хозяйства в администрации Клинтона. Скандал разразился из-за подношений, которые делали министру различные компании, и в том числе из-за билета на баскетбольный матч от «Квакер оутс».{209} Покупка билетов на игру «Медведей» для Дёрбина может привести к аналогичным результатам, предупредил секретарь. Поблагодарив, Баффет обратился за советом к юристу. Тот определенно ответил, что конгрессмена можно обеспечить билетами, только если он

оплатит их хотя бы частично.

Баффет рассказал это Дёрбину, и тот учтиво поблагодарил его, заверив, что, безусловно, заплатит свою долю в покупке билетов. Баффет был уверен, что спас АДМ от скандала.

Но были и те, кто смотрел на это иначе. Дуэйн Андреас, прослышавший об истории с билетами, страшно разозлился.

– Если конгрессмен о чем-то просит, ваше дело исполнить просьбу! – резко заявил он. – А последствия – это его проблема.

Баффет сослался на мнение юриста, но Андреас ничего не хотел слушать.

– На кой ты нам нужен, Говард, если всякий чих согласовываешь с юристом? – бросил он.

Встреча в Форсите 11 октября была своего рода примирением.{210} В сентябре у Херндона родился первенец, девочка, поэтому он пропустил несколько встреч с Уайтекером. И когда Херндон наконец появился в комнате отеля, Уайтекер просиял и принялся расспрашивать агента о дочери.

Перешли к делу, и оказалось, что новой информации у Уайтекера мало. Он сообщил, что Дуэйн Андреас гневается на служащих, которые по собственному почину выписывают себе дальние командировки, не согласовав это с руководством. Эти мелочи ФБР не заинтересовали.

Вдруг Уайтекер заулыбался.

– Вы не поверите, что мне рассказал Говард Баффет! – воскликнул он.

Говард Баффет? Это имя всплывало в разговорах с Уайтекером нечасто. Агенты посмотрели на него вопросительно.

– Ну, Говард Баффет, – пояснил Уайтекер, – наш вице-президент, отвечающий за связи с общественностью. Вы, надеюсь, знаете, кто его отец?

Агенты кивнули. Кто же не знает Уоррена Баффета?

– Так вот, – сказал Уайтекер. – Они с Дуэйном друг друга недолюбливают. Дуэйн сказал Говарду, что от него нет никакого толку.

Он посмотрел на агентов и, не дождавшись их реакции, продолжил:

– Говард сам мне рассказал. Пожаловался на грубость Андреаса и сказал буквально вот что, цитирую: «Зная, что здесь творится, я мог бы запросто подложить им свинью». Вот что он сказал.

Шепард пристально посмотрел на Уайтекера. Может, это и впрямь важно?

– Что вам еще об этом известно? – спросил он. – Что он имел

в виду?

– Не знаю. – Уайтекер пожал плечами. – Я не спрашивал.

Агенты чуть ли не физически ощущали исходящую от Уайтекера неясную опасность. Он столько наговорил, а толку? И все же Херндон записал эту фразу. Может, позднее удастся поговорить с Баффетом и выяснить, что тому известно.

Они продолжили разговор, но ничего ценного Уайтекер так и не сообщил. Все шло к тому, что пора закругляться.

– Кстати, – небрежным тоном заметил Уайтекер, – есть еще новость: этот мой друг, Куно Зоммер, занял место Хори в «Хоффман-Ларош». У него докторская степень, и теперь он командует производством лимонной кислоты.

Агенты обратились в слух. Из аудиозаписей они знали, что «Хоффман-Ларош» собирала данные о производстве лимонной кислоты для компаний, вступивших в ценовой сговор. И вдруг оказывается, что Куно Зоммер, играющий в этом сговоре не последнюю роль, друг Уайтекера? С прослушиванием телефонных переговоров ничего не вышло, а тут Уайтекер прямо-таки раскатывает ковровую дорожку для продолжения расследования.

– Расскажите об этом Куно Зоммере, Марк, – попросил Шепард.

Уайтекер достал визитную карточку Зоммера, которая гласила, что ее обладатель руководит продажей на мировом рынке витаминов и чистых реактивов, производимых компанией «Хоффман-Ларош». Шепард и Херндон благоговейно рассмотрели визитку.

Момент был подходящий. На следующий день Уайтекер направлялся в Чикаго вместе с Уилсоном и Миком Андреасом, чтобы в отеле «Четыре времени года» встретиться с представителями «Адзиномото». Агенты решили дать Уайтекеру дополнительное задание: расспросить Уилсона о Куно Зоммере. Раз этот друг Уайтекера собирал сведения о продажах лимонной кислоты, то Уилсон, несомненно, об этом знал.

Лицо Уайтекера вытянулось.

– Куно этим давно не занимается, так что вряд ли Уилсон в курсе, – протянул он.

Агенты пытались уговорить Уайтекера, но тот стоял на своем, и было ясно, что он готов записывать сказанное Уилсоном, Андреасом и их конкурентами на рынке лизина, но не хочет рыть яму другу.

– Марк, ведь неизвестно, что там выяснится, – увещевал его Херндон. – Если Куно Зоммер ни в чем не замешан, это избавит его от лишних вопросов при расследовании злоупотреблений с продажей лимонной кислоты. Просто спросите его, а там будет

видно.

В конце концов Уайтекер согласился расспросить Уилсона о Зоммере. Встреча окончилась, Уайтекер направился к двери. Шепард взглянул на Херндона.

– Знаешь, – сказал он, – а ведь это прорыв.

Уайтекер открыл дверь нового «линкольн-таун-кара» 1994 года. Его зеленый цвет нравился ему больше, чем синий цвет прежней машины. Мик Андреас занял пассажирское сиденье, Уилсон сел сзади. Его по-прежнему донимала боль в спине. Врач настаивал на операции, но Уилсон все оттягивал ее. Уайтекер тоже садился в машину с осторожностью, боясь повредить пристегнутый к спине «Ф-бёрд».

Задним ходом он выехал с парковки и направился в декейтерский аэропорт, где их ждал самолет компании.

– Это наша машина? – спросил Андреас.

– Ага, – отозвался Уайтекер. – Всегда мне достаются подержанные. На моей прежней раньше ездил Баффет.

– Какой почет! – пошутил Андреас.

– Пытаюсь сэкономить компании деньги, – улыбнулся Уайтекер.

Уилсон и Андреас усмехнулись.

Андреас переключился на предстоящие переговоры.

– От «Адзиномото» будет Ямада… – начал он.

– И Мимото, – продолжил Уайтекер.

– А это кто такой?

– Он вместо Икэды, тот ушел недавно на пенсию.

– Я с ним вроде не встречался, – заметил Андреас.

– А в Лос-Анджелесе его разве не было? – спросил Уайтекер.

– Нет, там был Икэда.

– А теперь будет Мимото, – сказал Уайтекер. – Но он ничуть не лучше.

– Что, такой же подонок?

– Редкостная скотина, – проворчал Уилсон с заднего сиденья.

– В чем это выражается? – обернулся к нему Андреас.

– В том, что все должно быть так, как он хочет.

Андреас повернулся обратно.

– Каковы наши успехи на рынке? – спросил он. – Сколько лизина мы сейчас производим?

– Семьдесят три тысячи тонн, – ответил Уайтекер.

– А что им скажем?

– Семьдесят три тысячи тонн.

– В самом деле?

– Да, – кивнул Уайтекер. – Мы теперь все вместе

сопоставляем показатели по отдельным регионам, каждый месяц. Мимото собирает эти данные.

– Почему Мимото? Он у вас что, большой начальник?

– Ну да, – ответил Уайтекер, заезжая на автостоянку аэропорта.

– Он лакей, – бросил Уилсон.

Они выбрались из машины. Уайтекер держался поближе к Уилсону, пытаясь использовать удобный момент.

– Мимото играет такую же роль, как «Ларош» в торговле лимонной кислотой, да? – спросил он.

– Ну да, – подтвердил Уилсон.

– А заправляет всем у них кто? Куно?

– Угу.

– Куно неплохой малый, – сказал Уайтекер. – Он тебе понравится. Я работал с ним в «Дегассе».

И они сели в самолет.

Через час они в такси «Американ юнайтед» ехали из чикагского аэропорта «Мейгз филд» в отель «Четыре времени года».{211} Говорили в основном о новых продуктах, производство которых должно было освоить подразделение Уайтекера. С одним из продуктов, кормовой добавкой триптофан, особенно много возни, пожаловался Уайтекер. Учитывая, сколько времени компания потратила на отладку производства молочной кислоты, выпускать триптофан в полном объеме она сможет не раньше чем через два года.

– Ничего, освоим и это дело, – отозвался Андреас.

– Небольшое количество мы можем выдать уже в этом году, – заметил Уайтекер, – примерно половину фуры.

– А с молочной кислотой у нас как? – спросил Андреас. – Когда мы наконец зафиксируем цены и на нее?

В Чикаго наступил разгар бабьего лета, все были одеты легко. Перед входом в отель «Четыре времени года» собралась небольшая толпа, наблюдавшая за строительством церкви по соседству. Заплатив водителю двенадцать долларов, Уайтекер посмотрел на зевак и тут же отвел взгляд, заметив в толпе Боба Херндона.{212}

Бизнесмены толкнули стеклянные двери отеля и вошли в вестибюль. Херндон последовал за ними. Наблюдение началось.{213}

Справившись с неизбежной организационной неразберихой, бизнесмены встретились с представителями «Адзиномото» в

холле седьмого этажа.

– Как дела? – спросил Андреас, пожимая руку Ямаде. – Рад вас видеть.

– Мик Андреас, – представился он, протягивая руку Мимото. – Как поживаете?

– А я Марк Уайтекер, – произнес Уайтекер с улыбкой, подходя к Мимото.

– А я мистер Тани, – отозвался тот.

Они прошли в ресторан и заняли отдельный кабинет. Обед начался с выяснения некоторых недоразумений. С японской стороны должен был присутствовать служащий, стоявший на служебной лестнице ступенькой выше Ямады, но его не было. Японцы исподволь дали понять, что это небольшая месть Андреасу за то, что тот не пожелал ехать в Токио. Уайтекер усугубил неловкость, назвав этого служащего мистером Тоби, тогда как его имя было Тоба, и продолжал называть его Тоби даже после того, как его поправили.

– Я знаю, что в Японии переговорам придают очень большое значение, – сказал Андреас, чтобы разрядить обстановку, – и обязательно побываю в Токио.

Произнесли тост, выпили. Мимото рассказал о трудностях южнокорейской «Мивон». Из-за внутренних проблем компания распалась надвое – «Мивон» и «Севон». Лизином теперь занималась «Севон», а руководил ею человек, работать с которым было непросто.

– Они больше не докладывают нам свои объемы, – сказал Мимото.

– Вот как? – откликнулся Уилсон.

– Да, – кивнул Мимото и сообщил о том, что корейцев не устраивает отведенная им доля объема производства и они не считают себя связанными прежними договоренностями.

– Из-за этого может полететь к черту весь рынок, – проворчал Уилсон.

Новость озадачила бизнесменов из АДМ. Они встречались с корейцами совсем недавно, и те вроде бы всем были довольны.

– Будем надеяться, что они образумятся, – сказал Уайтекер.

Андреас задумчиво почесал подбородок. Он вспомнил, как корейцы отреагировали во время последней встречи на его предложение инвестировать в «Севон».

– Помнишь, как один из них спросил: «А это не будет нарушением закона?» – обратился он к Уилсону.

– Ага.

– Он так и спросил? – удивился Уайтекер.

– Может быть, это как-то связано с их решением, –

предположил Андреас.

Уайтекер отрицательно помотал головой.

– А что же это?

– Ты имеешь в виду, что они боятся антитрестовских законов, и так далее? – спросил Уайтекер.

– Угу, – кивнул Андреас.

– Это их не волнует, – заявил Уайтекер.

Бизнесмены занялись белой рыбой и салатом, продолжая обсуждать ситуацию, но так ни к чему и не пришли. Не успел Андреас промокнуть рот накрахмаленной салфеткой, как официант подал кофе. Обошлись без десерта. Цель обеда была достигнута: обе компании подтвердили приверженность принятому ранее курсу.

Андреас пожал руку Мимото:

– Удачи вам во всех ваших делах.

– Большое спасибо, – отвечал Мимото.

– Надеюсь, ваш доход будет большим, – сказал Андреас. – А значит, и наш тоже.

В такси Андреас поделился с Уайтекером и Уилсоном впечатлениями о встрече. Всех позабавило, что японцы обиделись на Андреаса за то, что он не был в Токио.

– Куно Зоммер не звонил тебе утром? – неожиданно спросил Уайтекер Уилсона.

Тот ничего не ответил.

– Этот Мимото держался вызывающе, – заметил Андреас. – Как будто я не поехал к ним умышленно.

Уайтекер с ним согласился:

– Мик Андреас предпочел провернуть еще одну сделку и загрести кучу денег, чем отведать суши в Японии.

Все рассмеялись.

Посмеялись и над именем мистера Тоба.

– Надо было сказать на прощание: «Привет мистеру Тоби!» – ржал Андреас.

Уайтекер повернулся к Уилсону:

– Так Куно Зоммер звонил тебе сегодня?

Шутки звучали и в самолете. Все угомонились лишь перед самым Декейтером. В салоне наступила тишина.

– Слушай, Терри, – вдруг спросил Уайтекер, – а в делах нашего бизнеса Куно Зоммер достаточно разумен?

– Кто?

– Куно Зоммер.

Уилсон уставился на Уайтекера. Дался ему этот Куно

Зоммер!

– Я видел его всего один раз, – ответил он. – Нормальный мужик.

– Не то что японцы, да?

Уилсон поерзал на сиденье. Его донимала спина. Уайтекер спросил, правда ли, что компании «Хоффман-Ларош» производство витаминов удается лучше, чем производство лимонной кислоты.

Уилсон сменил тему. Ему не хотелось распространяться о Куно Зоммере и лимонной кислоте.

В декейтерском аэропорту они сели в «таун-кар» Уайтекера и направились в АДМ. Уилсон устроился на заднем сиденье и с любопытством рассматривал волосы Уайтекера.

– Уайтекер, что ты делаешь с головой? – спросил он. – Почему она у тебя двухцветная? Красишь волосы, что ли?

– Они вроде как выцветают, – ответил тот, – особенно летом.

– А может, это Сью насоветовала тебе покраситься? – спросил Уилсон, имея в виду одну из сотрудниц.

– Нет, но ей так нравится.

– Кстати о птичках, – произнес Андреас с улыбкой. – Сью ведь, кажется, выходит замуж?

– Да, и переезжает в Канаду, – ответил Уайтекер.

– А какие еще новости у нас в конторе? – спросил Андреас.

– Эми развелась, – сказал Уилсон.

Уайтекер спросил, имеет ли он в виду ту самую Эми, которая связалась с кем-то из руководства.

– Ну да, он трахал ее, – ответил Андреас. – Но с него хватит. С ней что хочешь делай, она все равно бревно бревном.

Уайтекер посмотрел в зеркальце заднего вида на Уилсона.

– Она действительно развелась, Терри?

– Ага. Я хотел посоветовать ей, как лучше…

– Как лучше у тебя отсосать? – бросил Андреас.

– Нет, – усмехнулся Уилсон, – как лучше пристроить своих малышей.

Андреас обернулся к Уилсону.

– А как поживает эта твоя толстушка? – спросил он.

– Анна?

– Нет, другая. А как Анна, кстати? Кто ее теперь трахает?

– Не знаю, – покачал головой Уилсон.

– По-моему, она дает налево и направо, – сказал Андреас.

– Ну, она общительная девушка, – улыбнулся Уилсон. – Очень общительная. Она тут скучает. Не в АДМ, я имею в виду, а после работы.

– Что, не с кем потрахаться? – спросил Андреас.

Разговор перешел на другую женщину. Андреас бросил взгляд на Уайтекера:

– Я знаю, ты с ней трахался несколько раз.

– Нет, нет.

– Вблизи она хуже, чем издали, – улыбнулся Андреас.

– Да, но фигура у нее что надо, – отозвался Уилсон.

– И все равно она мне не нравится, – сказал Андреас. – В ней есть что-то такое… мужское, что ли.

– Губы у нее как у негритянки, – оживился Уилсон. – Очень чувственные. Особенно когда отсасывает.

Уайтекер поперхнулся. Он-то знал, что все это записывается.

– На ней столько штукатурки, что не разглядишь, какая она на самом деле, – продолжал Андреас. – Лицо плоское, глаза как яйцо.

– Она похожа на испанку, – заметил Уилсон.

– Латиноамериканка, – согласился Андреас.

– В общем, латинская раса, – вставил Уайтекер.

– Но губы толстые, – не унимался Уилсон. – Прямо как у негритянки.

– С ней можно развлечься, – произнес Андреас с улыбкой.

Он расспросил Уайтекера о новых женщинах в АДМ. Уайтекер упомянул одну из новеньких.

– Лезешь ей в трусы, а она после этого дуется и даже разговаривать не хочет, – отозвался Андреас.

– Просто она тихая, – сказал Уайтекер.

– Робкая, – уточнил Андреас.

– Да, но она выглядит как…

– Как шлюха, – закончил за него Андреас. – Как перетраханная шлюха.

Автомобиль въехал на территорию АДМ, Уайтекер свернул к гаражу. Минуту спустя заместитель председателя совета директоров компании и начальники двух подразделений вошли в административное здание, улыбаясь и учтиво раскланиваясь с женщинами, которых только что смешали с грязью.

– Брайан, Терри здорово на меня злится, – сказал Уайтекер на следующий день.

Он звонил Шепарду из Скотсдейла, чтобы рассказать, как Уилсон накинулся на него этим утром, возмущенный тем, что Уайтекер слишком неосторожно разговаривал в чикагском такси. {214}

– Он сказал мне: «Нельзя болтать так открыто – вокруг полно сыщиков в штатском, а в Чикаго особенно». Я сказал, что Андреас

болтает ничуть не меньше, а он будто не слышит. И знаете, Брайан, из-за чего еще он злился?

– Из-за чего?

– Из-за Куно Зоммера. Он сказал мне: «Что ты все пристаешь ко мне со своим Куно? Может, он тебе и друг, но у меня с ним свои дела, и тебя они не касаются».

Повесив трубку, Шепард задумался. Если Уилсон так нервничает при разговорах о Куно Зоммере, надо будет найти другие подходы к этому другу Уайтекера.

Два дня спустя, проходя мимо сверкавшего на солнце бассейна курорта «Марриотс маунтин шедоуз», Уайтекер любовался высившейся над Скотсдейлом горой Мамми и качающимися на ветру пальмами. Но пейзаж пейзажем, а дела делами. Он направился в конференц-зал. Около зала собирались служащие АДМ, и среди них его друзья.{215}

Он дружил с Сидом Халсом и Рейнхартом Рихтером, и, столкнувшись в дверях, они радостно поздоровались. Обоих переманил в АДМ Уайтекер. Халс заведовал продажами лизина в Атланте и был для Уайтекера, пожалуй, самым близким человеком в компании.

Рихтер возглавлял отделение АДМ в Мехико, но поддерживал постоянный контакт с Уайтекером. В 1989 году они оба участвовали в промышленной конференции в Атланте и неплохо провели там время. Тогда же Уайтекер рассказал Рихтеру о том, как потерял в детстве родителей и был усыновлен богачом, который был так щедр, что выделил по миллиону долларов каждому из троих детей Уайтекера. Рихтер завороженно слушал рассказ друга и высказал мнение, что Марк и Джинджер должны постараться, чтобы их дети, несмотря на свалившееся на них богатство, стремились всего в жизни добиваться своими силами.{216}

Зал постепенно заполнялся служащими компании. Вошел Марти Оллисон – первый, кого Уайтекер пригласил в АДМ. Теперь он был главным торговым представителем АДМ в Европе. Прежде чем занять свое место, он подошел поболтать с Уайтекером.

Солнце заливало зал золотистым светом. Уайтекер, улыбаясь, открыл совещание:

– У нас есть что обсудить, так что начнем, пожалуй.

Начал он с рассмотрения общего состояния лизинового рынка. Слушая Уайтекера, сотрудники делали пометки в своих блокнотах.

– Позвольте ознакомить вас с некоторыми цифрами, – сказал

Уайтекер и включил проектор. Экран над его головой осветился, и он вывел на него таблицу объемов производства лизина различными компаниями.

– Вы видите поквартальные производственные показатели, которые сообщили нам конкуренты, – продолжал он.

Оллисон не верил своим ушам, хоть и знал о переговорах между конкурентами, на которых обсуждалось фиксирование цен, и даже участвовал в некоторых, происходивших в его регионе. Но большинство присутствующих слышали об этом впервые. Всем было ясно, что эти данные невозможно добыть, не нарушив закон. Обычно подобную информацию скрывают даже от своих инвесторов, а уж о конкурентах и говорить нечего. Уайтекер открыто признавал существование ценового сговора.

Оллисон, Халс, Рихтер и шестеро других сотрудников стали переглядываться. Все недоумевали. В зале было полно опытных специалистов по продажам, и никто из них прежде не сталкивался ни с чем подобным.

– Раздавать вам копии этого документа я все-таки не буду, – сказал Уайтекер, – но если вы хотите переписать цифры – пожалуйста.

Все дружно принялись переписывать эти некогда секретные цифры, нисколько не смущаясь тем, что участвуют в противозаконном деянии.

И никто в ФБР не знал о том, что происходит.

По цюрихской Банхофштрассе прогуливались многочисленные покупатели, которые разглядывали витрины с часами «Картье», ювелирными изделиями «Тиффани» и шоколадом «Шпрюнгли». Улица выходила на Парадеплатц, где когда-то действительно проводились парады. Швейцар в ливрее распахнул перед Уайтекером двери одного из самых роскошных швейцарских отелей «Савой Бор-ан-Виль», и тот, поблагодарив его кивком, вышел на площадь.

Накануне, 24 октября, он прилетел в Цюрих, чтобы подготовить переговоры по фиксированию цен на лизин, которые должны были начаться 25-го в гранд-отеле «Долдер». Ни Шепард, ни Херндон в Цюрих не поехали, и поэтому на сей раз переговоры решили не записывать – конкуренты собирались утрясти кое-какие мелочи, и краткого отчета Уайтекера было достаточно. Так что он был предоставлен самому себе и мог делать все, что хочет.

Мимо, в сторону центрального вокзала проехал трамвай. Колокол расположенной по соседству церкви пробил десять. Уайтекер быстрым шагом направился к зданию на краю площади. Это было цюрихское отделение корпорации «Объединенный

швейцарский банк», основная цель его путешествия.{217}

Войдя в вестибюль, Уайтекер обратился к швейцару в ливрее:

– *Guten Morgen. Ich mochte Herr Briel finden, bitte.*[48]

Швейцар махнул рукой в сторону лифта:

– *Herr Briel ist nach oben am vierten Stock.*[49]

– *Danke schön.*[50]

Уайтекер прошел в лифт и нажал кнопку четвертого этажа. Наверху он подошел к дежурной:

– *Guten Tag. Wie geht es Ihnen? Ich suche Herr Briel, bitte.*[51]

Дежурная указала ему на кресло, стоявшее перед ее столом:

– *Nehmen Sie Platz, bitte.*[52]

Из глубин роскошного кожаного кресла Уайтекер смотрел вслед дежурной, удалявшейся по коридору. Не прошло и минуты, как она вернулась в сопровождении подтянутого молодого человека с каштановой шевелюрой и широкой улыбкой. Уайтекер видел его впервые, но понял, что это и есть Даниэль Бриль.

– Мистер Уайтекер! – воскликнул молодой человек, протягивая ему руку.

Уайтекер встал и, расплывшись в ответной улыбке, обменялся с Брилем рукопожатием.

– *Jawohl. Guten Morgen. Wie geht es Ihnen?*[53]

– *Gut, gut,* – ответил Бриль, внутренне ужаснувшись произношению Уайтекера. – *Wie geht's? Gut das wir uns eben getroffen haben.*[54]

Они направились в кабинет обслуживания особых клиентов, помещение без окон. Войдя, Уайтекер сел, а Бриль тихо закрыл тяжелую деревянную дверь. Никто не мог подслушать их. Разговор был кратким.

Уайтекер привез из Швейцарии поразительную новость: зарубежные конкуренты АДМ хотели провести еще одни переговоры о ценах на лизин, и не где-нибудь, а в США, в Атланте.{218} Встретившись с Шепардом и Херндоном в Спрингфилде, Уайтекер объяснил, что их конкуренты напуганы проводившимся в Европе расследованием фиксации цен на цемент. Жак Шодре заявил, что он примет участие в переговорах только в том случае, если они их проведут под прикрытием отраслевой конференции. В середине января в Атланте планировалась конференция птицеводов, в которой собирались участвовать и производители лизина, и все они согласились, что это будет удобный случай поговорить и о ценах.

В антитрестовском отделе эта новость вызвала бурные дебаты. Некоторые предлагали арестовать всех иностранных участников сговора – доказательств их вины собрано

предостаточно, а удастся ли добиться их выдачи в США, еще неизвестно.{219}

Однако внезапные аресты могли породить много проблем. Обвинительные заключения пришлось бы составлять второпях, всего за несколько недель. У прокуроров не оставалось времени для использования большого жюри в качестве инструмента расследования. Кроме того, после выдвижения обвинений арестованные имели право требовать немедленного рассмотрения их дела в суде. А прокуратуре требовалось подготовиться к процессу, в частности распечатать тысячи страниц текстов аудиозаписей. Получалось, что прокуроры начнут процесс, не будучи к нему готовыми.

Все это вынудило их принять решение: позволить иностранным производителям лизина покинуть США. Но дебаты не прошли даром: все поняли, что расшифровки аудиозаписей следует распечатать как можно быстрее.

В Моуикве Джинджер Уайтекер в тревоге спустилась на первый этаж. По крыше стучал дождь. В выходные разразилась гроза, которая так напугала ее. Меряя шагами гостиную, Джинджер задавалась вопросом, где может быть ее муж. Прожив с Марком много лет, она вдруг перестала его понимать. Что-то изменилось, что-то было утрачено.

И дело не только в том, что он все время в разъездах, не участвует в семейных событиях, перестал приходить домой на обед, – к этому они привыкли. Даже когда Марк был дома, казалось, что мыслями он не здесь. Он бродил по дому, как пассажир по пустому перрону в ожидании поезда.

Но и это не все. В последнее время Марк вел себя просто *странно*. Джинджер не понимала, что с ним творится. Летом они построили конюшню, прямо против дома, и Джинджер любила время от времени покататься верхом и отдохнуть от забот. А Марк пропадал в конюшне часами, задерживаясь там порой до двух часов ночи. Он отговаривался тем, что чистил лошадей. *Но чистить лошадей по три-четыре часа?* А рано утром он ехал на работу. Времени на сон у него практически не оставалось. Это просто ненормально.

Она хотела было окликнуть мужа, но в это время за окном взревел бензиновый двигатель воздуходувки.

– Этого еще не хватало! – ахнула Джинджер и подошла к окну.

Еще один бзик Марка. Он требовал, чтобы садовник поддерживал подъездную аллею в идеальной чистоте, а осенью это было не просто, потому что двухсотлетний грецкий орех

засыпал листвой весь участок. Но Марк не выносил мертвой листвы.

Джинджер выглянула в окно. Ветер и дождь перетряхивали крону дерева, и листья так и сыпались на подъездную аллею. На дорожке стоял промокший до нитки Марк с воздуходувкой. Он завел ее, листья веером полетели на газон, во все стороны брызнула вода. Молния прочертила небо, осветив фигуру Марка, с которого струились потоки. Он чистил дорожку.

Джинджер закрыла глаза. Она испугалась и ощутила беспомощность. Что, ради всего святого, происходит с ее мужем?

В октябре 1994 года антитрестовский отдел усердно трудился над планом процесса АДМ. До атаки на компанию оставались считаные месяцы, а еще не были назначены обвинители, которым предстояло вести процесс. В чикагском офисе отдела даже не было постоянного начальника. Робин Манн, несомненно, была талантливым юристом, но ей недоставало опыта выступлений в суде.

В это время Джеймс Гриффин, завершив работу на посту консультанта правительства Венгрии по правовым вопросам, возвращался на свой пост заместителя начальника антитрестовского отдела в Атланте. Это был спокойный человек с открытым лицом и копной седых волос. Утонченные манеры парадоксальным образом уживались в нем со склонностью к эпатажу. Его сотрудники и предположить не могли, что этот тихий и скромный человек дома с увлечением врубает на полную мощность грандж. А непосвященные не знали, что он один из опытнейших прокуроров округа.

Гриффин обживал после долгого отсутствия свой кабинет на одиннадцатом этаже федерального суда Атланты, когда раздался звонок из Вашингтона. Телефонистка сказала, что звонит Джозеф Видмар, заместитель помощника генерального прокурора, в чьем ведении все уголовные процессы антитрестовского отдела. Гриффин снял трубку.

Видмар расспросил его о Венгрии, затем перешел к делу.

– Это касается вакансии начальника чикагского отдела.

– Слушаю.

– Я хочу, чтобы вы подумали об этой должности.

– Почему я? – спросил Гриффин. В Атланте он был счастлив. К тому же однажды ему довелось перезимовать в Чикаго, и он не горел желанием повторять этот опыт.

Видмар долго расписывал преимущества, которыми обладал начальник отдела. В Чикаго, подчеркнул он, этот пост особенно интересен, потому что там много крупных процессов, и было бы

желательно, чтобы именно Гриффин взял командование отделом на себя.

Гриффин выслушал с любопытством. Он, разумеется, слышал об этих делах, – антитрестовский отдел был не настолько велик, чтобы сотрудники одного из подразделений не знали о том, что делается в другом. Особенно он заинтересовался делом АДМ. Предоставляющийся случай выступить на процессе такого размаха был соблазнителен сам по себе. Гриффин сказал Видмару, что подумает о предложении. Сам он почти не сомневался, что вскоре примет его.

В день, когда Видмар позвонил Гриффину, воинственный молодой прокурор чикагского антитрестовского отдела готовился выступать в суде.

Джим Мучник, которому несколько недель назад стукнуло тридцать, последние два года занимался расследованием предполагаемого мошенничества в торговом центре Канзас-Сити. Расследование оказалось сущим наказанием. Он ездил в Канзас, где работал вместе с агентом ФБР. Они нашли свидетелей преступления, записали на пленку разговоры преступников. Но почти все они прекратили участвовать в незаконных сделках, и остался лишь один обвиняемый, суд над которым должен был начаться через несколько недель. Мучник готовился к судебному заседанию, но было ясно, что оно не состоится. Здоровье обвиняемого резко ухудшилось, улики против него были неопровержимы, и он наверняка признает себя виновным.

Мучник работал за компьютером, сидя спиной к дверям кабинета, когда услышал позади голос Марвина Прайса, исполнявшего обязанности начальника чикагского отдела:

– У тебя не найдется минутки?

Мучник повернулся в кресле. Прайс уселся рядом.

– Послушай, Джим, похоже, твое расследование разваливается, и тебе нужно чем-то заняться. Хочу подключить тебя к делу о зерновых.

Делом о зерновых или, точнее, о зерновых и бобовых называли у них в отделе дело АДМ. Мучник знал кое-что о нем со слов Робин Манн.

– Это дело крепкое, – сказал Прайс. – Ты ведь много работал с ФБР и имел дело с аудиозаписями, а их в этом деле предостаточно. Робин нужен помощник.

Мучник кивнул. На такое задание он и надеялся.

– Звучит заманчиво, Марвин.

Узнав, что к делу подключили Мучника, к нему зашла Робин Манн. Она рассказала ему о расследовании, и молодой юрист

понял: для того чтобы вникнуть в дело и разобраться в бесчисленных именах участников и географических названиях, требуется перевернуть горы документов.

Так сформировалась команда антитрестовцев для «Битвы за урожай».

5 декабря в 15.45 Джордж Смит, федеральный окружной судья в Колумбусе, штат Огайо, объявил перерыв в заседании. Представителей обвинения он попросил зайти в его кабинет.

Рассматривавшееся дело было самым громким из всех, какими антитрестовскому отделу приходилось заниматься за последние десять лет. Компания «Дженерал электрик» обвинялась в фиксировании цен на промышленные алмазы. Обвинители изложили свою версию несколько дней назад. Компания не признала себя виновной.

Когда юристы собрались в кабинете судьи Смита, он сообщил новость, которая повергла всех в шок: присяжные не будут рассматривать это дело – судья снимает все выдвинутые против «Дженерал электрик» обвинения, не дожидаясь выступления защиты. Он убедился, объявил судья, что на основании собранных обвинителями свидетельств невозможно заключить, что компания совершила преступление.

«Дженерал электрик» выиграла дело самым унизительным для обвинения образом.{220}

Весть о сокрушительном поражении прокуратуры прокатилась по всем залам суда и юридическим конторам страны. Все спрашивали: как мог антитрестовский отдел так опозориться на процессе, который был, так сказать, финалом юридического «Суперкубка»? Может, ставки были так высоки, что у сотрудников отдела не выдержали нервы?

Эти вопросы отдались тревожным эхом в Спрингфилде. Уже несколько недель в отношениях между юристами антитрестовского отдела и окружной прокуратуры нарастала напряженность. И те и другие постоянно предъявляли агентам ФБР претензии, что их не поставили в известность о том, что давно известно другой стороне. Сам стиль работы неуклонно вел их к конфликту. Антитрестовцы продвигались медленно, а Министерство юстиции было лучше знакомо с делами, связанными с политикой и требовавшими быстрых и решительных действий. А в «Битве за урожай» ход расследования не устраивал ни тех, ни других.

После решения судьи о прекращении дела «Дженерал электрик» в прессе стали появляться критические статьи, направленные против антитрестовского отдела. Самую

разгромную опубликовал журнал «Американ лойер», и ее даже переслали по факсу в спрингфилдский офис ФБР. Агенты с растущим беспокойством читали уничтожающий текст:

> «Антитрестовский отдел Министерства юстиции все последние годы показывал, что не умеет доводить дела до суда, а если доводит, то проигрывает их…
>
> Многие юристы полагают, что сотрудников антитрестовского отдела вряд ли можно назвать настоящими прокурорами».

Статья вызвала у агентов вопрос: что будет с делом АДМ? Справится ли с ним антитрестовский отдел?

Поезд медленно причалил к перрону спрингфилдского вокзала. Роджер Хитон вглядывался в пассажиров, выходивших из вагонов. Наконец он увидел Робин Манн, Сьюзен Букер и их нового коллегу Джима Мучника. Сотрудники антитрестовского отдела приехали для беседы с Марком Уайтекером.

Хитон поприветствовал их и проводил в свою машину. Открыв багажник, он разгреб кучу теннисных мячей и ракеток, чтобы освободить место для чемоданов. Прежде чем направиться в Декейтер на встречу с Шепардом и Херндоном, юристы заехали перекусить в скромный ресторанчик.

Встреча должна была помочь юристам составить ордера на обыск в АДМ. В первую очередь их интересовали планы помещений и устройство компьютерной системы. Уайтекер несколько дней потратил на подготовку ответов на их вопросы.

В декейтерской резидентуре ФБР гостей встретили Шепард и Херндон. Поздоровавшись с прибывшими и познакомившись с Мучником, агенты проводили их в кабинет Шепарда. Мучник сел за его стол, а в середине комнаты поставили стул для «звездного» свидетеля обвинения.

Вскоре появился и он. Прокуроры хотели на этот раз поговорить с Уайтекером без агентов, и Шепард с Херндоном сначала пригласили Марка в соседнюю комнату, чтобы сообщить ему об этом и убедиться, что он освоился. Затем Уайтекера отвели к прокурорам.

– Поговорите с нашими друзьями, Марк. Если что, мы рядом.

Агенты вышли. Уайтекер сел на отведенное ему место. Он выглядел уверенным. Юристы поздоровались с ним, Мучник представился.

Начались вопросы. Задавал их в основном Хитон. Уайтекер поразил юристов своей подготовленностью. Он даже принес с собой кое-какие документы АДМ и обстоятельно разъяснял

внутреннее устройство компании.

Про себя Мучник восхищался Уайтекером. Перед ним был один из руководителей гигантской компании, ворочавший крупными делами. И зарабатывал он, насколько Мучнику было известно, несколько сот тысяч долларов в год. В сравнении с тем, что он делал для АДМ, эта зарплата казалась молодому юристу смехотворной. По мнению Мучника, Уайтекеру недоплачивали.

Херндон с предвкушением вставил последнюю из полученных от Уайтекера кассет в плеер «Тэскам». После нескольких недель уговоров Уайтекер наконец записал разговор со своим другом Куно Зоммером из компании «Хоффман-Ларош». Херндон хотел послушать человека, подозреваемого в организации сговора о ценах на лимонную кислоту.{221}

Разговор начинался на значении счетчика 123. Зоммер рассказывал о недавней поездке в Китай. Затем он поведал о том, как Терри Уилсон показывал ему завод АДМ по производству витамина С и говорил, что неплохо бы двум их компаниям обговорить ситуацию на рынке этого продукта. Херндон удивился. Какое отношение Уилсон, ведавший обработкой зерновых, имел к производству витаминов?

Разговор продолжался, но лимонную кислоту больше не упоминали. Зоммер сказал, что не доверяет телефонам, – проще, сказал он, поговорить лично.

Херндон выключил плеер. Ясно, что Зоммера голыми руками не возьмешь и разоблачить сговор о ценах на лимонную кислоту будет не так просто, как представлялось. Для того чтобы предъявить обвинение в фиксации цен на лизин, требовалось еще несколько месяцев работы. Попытки расследовать махинации с лимонной кислотой и другими продуктами могли преждевременно раскрыть секрет «Битвы за урожай». А секретность имела решающее значение. Утечка информации о планах прокуратуры ставила под угрозу успех всего дела.

Войдя в кабинет Говарда Баффета на шестом этаже главного здания АДМ, Уайтекер улыбнулся. Другого такого кабинета не было во всей компании. Помещение было завалено «корпоративными игрушками»: от грузовиков с логотипами АДМ и «Кока-колы» до пластиковых бутылочек кока-колы, исполнявших популярные мелодии.{222}

– Привет, Говард, – сказал Уайтекер, прислонившись к стеллажу рядом с письменным столом. – Как дела?

Баффет откинулся на спинку кресла, закинув руки за голову.

– Да не блестяще, Марк, – ответил он. – Подумываю уйти из

компании.

Новость потрясла Уайтекера. Ему нравился Баффет, и он считал его своим другом; они часто беседовали.

Он попытался отговорить Баффета, но тот уже все решил и даже обсудил этот шаг с отцом, Уорреном Баффетом. Говарду не нравилась инвестиционная политика компании, не нравился стиль руководства. Ему было неуютно в атмосфере АДМ.{223}

Помимо прочего, Баффет был одним из директоров, но Дуэйн Андреас обращался с ним как с ребенком. Баффету часто приходилось бывать по делам в мексиканском отделении АДМ, где престиж его должности помощника председателя совета директоров был не выше, чем у главного уборщика. Желая повысить авторитет, он просил у Дуэйна разрешения изменить название своей должности, пусть даже оно не будет отражать его подлинной роли в компании. Дуэйн отказал.

Уайтекер уговаривал, Баффет не поддавался. Он разочаровался и в АДМ, и в Андреасах. Конфликт зашел слишком далеко. Но Уайтекер был уверен, что, как только компании предъявят обвинение, Андреасы уйдут. Это вопрос нескольких месяцев.

Он набрал в грудь воздуха, проверил, закрыта ли дверь, и сказал:

– На твоем месте я бы не торопился. Скоро все изменится.

– Почему? Что ты имеешь в виду?

Уайтекер наклонился поближе.

– Как знать, Говард, – произнес он тихо. – Может, скоро заправлять этой компанией будем мы с тобой.

Глава 11

– Марк, ты что, идиот?

Джинджер сидела на диване в гостиной со стаканом прохладительного напитка в руках и оторопело смотрела на мужа. Он несколько дней находился в необычайно, чуть ли не противоестественно экзальтированном настроении. Но сейчас он перешел все границы. Она только что под треск поленьев в камине слушала, как Марк расписывает свое блестящее будущее в АДМ.

– Да правда же, – убеждал он Джинджер. – Скоро все они полетят – Дуэйн, Мик, Терри, – и, кроме меня, руководить компанией будет просто некому.

Джинджер в отчаянии всплеснула руками.

– Полная бессмыслица! Как ты останешься в компании после того, как всех заложил? Думаешь, тебя просто похлопают по плечу?

Марк помотал головой. Зажигательная речь перед Говардом Баффетом вдохновила и его самого. Если даже Баффет, один из директоров компании, неудовлетворен ее руководством, то другие наверняка занимают ту же позицию. Баффет согласился отложить свой уход из АДМ, так что по крайней мере один союзник в совете директоров у Уайтекера уже был. Как только преступления Андреасов и других будут раскрыты, все в АДМ изменится. И его имя наверняка будет одним из первых в списке кандидатов на пост главы компании, – а может, и единственным.

– Джинджер, я им нужен, – говорил он. – Без меня компания не сможет существовать. Меня ценят. И я поступил правильно, честно. Совет наверняка поймет это и только зауважает меня.

Джинджер продолжала спорить, пытаясь доказать Марку, как бессмысленны его ожидания. Все было напрасно. Он был убежден, что скоро возглавит компанию, – и это будет наградой за его сотрудничество с ФБР. Эти надежды владели им еще в начале расследования, но затем он стал смотреть на вещи более трезво. А теперь, непонятно почему, все началось снова.

Чем ярче разгоралось возбуждение в глазах Марка, тем больше гневалась Джинджер. Эта бредовая идея не могла явиться ниоткуда, сама по себе. Кто-то постарался раздуть искру. Все поведение Марка говорило о том, что его основательно обработали. И пока тот расписывал свое блестящее будущее, она пришла к убеждению, что знает имя виновника.

Брайан Шепард.

Она винила ФБР. Они запудрили мозги ее мужу для того,

чтобы удержать его. Им плевать, что с ним будет. Это точно.

– Мы беспокоимся за нашего парня, – говорил Херндон. – Мы не хотим, чтобы он остался ни с чем.

Слушавший его Джек Кордес, сотрудник отдела ФБР по контролю за договорами, задал несколько вопросов. Просьба Херндона не была беспрецедентной, но для ее исполнения требовалось время. Чтобы получить разрешение выплатить компенсацию человеку, потерявшему работу из-за сотрудничества с ФБР, требовалось преодолеть массу бюрократических препон.

Все это происходило 10 января 1995 года. Приближался день атаки на АДМ, и Шепард с Херндоном все чаще задавались вопросом, что станет с Уайтекером. Сам он витал в облаках, уверяя, что все будут считать его героем и изберут главой компании. Агенты делали все, чтобы он осознал возможность своего увольнения, но делали это аккуратно. Они понимали, что сейчас ему трудно. И если для того, чтобы пережить это нелегкое время, ему нужно верить в светлое будущее, лучше его не разочаровывать. Но если Уайтекер лишится работы, они его не бросят.

Шепард и Херндон поделились своей тревогой с прокурорами. Те разошлись во мнениях. Одни считали, что улаживать этот вопрос должно ФБР, другие были категорически против того, чтобы платить осведомителю. Уайтекер не наркоделец какой-нибудь, говорили они, он найдет себе работу. А на свидетеля, которому заплатило обвинение, присяжные наверняка посмотрят косо.

Наконец решили оставить вопрос на усмотрение ФБР. К концу разговора с отделом по контролю за договорами агенты несколько успокоились. По крайней мере, они могли продолжать свое дело.

Шесть дней спустя Шепард и Херндон вылетели в Атланту, чтобы подготовиться к очередным переговорам по фиксированию цен. Переговоры должны были состояться 18 января в отеле «Марриот», близ аэропорта. Прибыв в отель, агенты обнаружили, что шестнадцатиэтажное здание жужжит, как улей. Зал Кобба, избранный на этот раз центром лизинового мошенничества, был занят до одиннадцати часов следующего вечера, так что агентам пришлось бездельничать сутки с лишним. Когда наконец они попали в зал, то убедились, что с видеозаписью, как всегда, будут трудности. Помещение было достаточно просторным, в нем стоял большой стол, множество мягких стульев и – сервировочный столик у стены. Но пристроить лампу было некуда. Камеру можно

было спрятать разве что в сервировочном столике, стоявшем в совершенно неподходящем месте. Агенты до глубокой ночи передвигали с места на место тяжелую мебель.

Номер, доставшийся им для наблюдательного пункта, тоже не вызвал восторга. Он соединялся дверью с залом Кобба, и, стало быть, участники переговоров могли их слышать. Херндон подоткнул под дверь полотенце. Высокотехнологичным методом это не назовешь, зато можно будет перешептываться.

Рано утром готовый к подвигам Уайтекер явился в номер Шепарда. Херндон провел краткий инструктаж, подчеркнув, что Уайтекер должен предупреждать, когда покидает помещение, и стараться, чтобы побольше говорили другие.

Шепард тем временем решил еще раз проверить диктофон, спрятанный в кейсе. Он положил его на кровать и включил.

Никакого эффекта.

Он включил диктофон снова. По-прежнему ничего.

– Похоже, у нас проблема, – пробормотал он.

Херндон присоединился к нему, и они некоторое время возились с диктофоном вдвоем, но толку не добились. Шепард был озадачен: он проверял устройство в Декейтере перед самым отлетом.{224}

Уайтекер беспомощно наблюдал. Затем он посмотрел на часы.

– Алло, парни, – произнес он извиняющимся, нетерпеливым тоном, – там у нас, наверное, народ уже собирается, так что мне тоже пора.

Возразить было нечего. Агенты отпустили Уайтекера, а сами, безуспешно провозившись с диктофоном еще несколько минут, в досаде убрали его и поспешили на наблюдательный пункт. Шепард занял место за монитором, а Херндон позвонил в ФБР Атланты и вызвал группу поддержки.

Местные агенты прибыли всего через несколько минут и занялись диктофоном. Осмотрев его, они пришли к выводу, что сели батарейки, даром что новые. Один из агентов, Джей Спейдафор, сказал, что запасные батарейки у него в машине, и побежал за ними. Следовало поторопиться, ведь заседание в соседней комнате уже начиналось. Шепард включил камеру.

Кореец Й. Е. Ким из «Чейл йеданг» развеселился. Он остановился в отеле «Ренессанс» и вызвал такси, чтобы доехать до «Марриота», не зная, что отели стоят бок о бок. Уайтекер подошел вместе с ним к окну. День был ясный и солнечный, и подъезд «Ренессанса» был хорошо виден.

– Это же по соседству, – сказал Уайтекер.

– Ну да! А я не знал, – отозвался Ким. – Заплатил водителю два доллара за посадку.

Стрелки часов подошли к девяти.{225} Прибыл Ямамото из «Киова хакко». Поздоровавшись с ним, Уайтекер подошел к телефону, чтобы распорядиться относительно ланча и заказать завтрак. В это время Ямамото бросил свое пальто вместе с прочими вещами прямо на столик с камерой, но Уайтекер поспешил исправить положение.

– Здесь, наверное, есть гардероб, куда можно повесить пальто, Масси, – сказал он. – Не беспокойтесь, я уберу.

Ким занял место за столом и сказал, что слышал о землетрясении, разрушившем накануне Кобе, город в западной части Японии.

– Да, – покачал головой Ямамото, – погибло две с половиной тысячи человек.

– И взорвался лизиновый завод, – добавил Уайтекер.

– Да-да, – кивнул японец, улыбаясь.

– Лизиновый завод? – переспросил Ким, глядя на Ямамото с недоумением. – *Ваш* завод?

– Да, – ответил тот. – И теперь нам придется увеличить цену на лизин. До одного доллара и пятидесяти центов, наверное. – Он засмеялся.

Ким все еще не понимал.

– Значит, завод пострадал лишь частично?

Уайтекер и Ямамото, смеясь, помотали головами.

– Да нет, – сказал Уайтекер, – это просто…

– Это шутка, – закончил за него Ямамото.

Теперь они смеялись вместе.

Агенты вставили в диктофон новые батарейки. Херндон нажал кнопку, и бобины начали вращаться. Он снял телефонную трубку и набрал номер зала Кобба.

К телефону подошел Уайтекер.

– Это Боб, – прошептал Херндон. – Кейс в порядке.

– Простите? – не понял Уайтекер.

– Диктофон работает. Я принесу вам кейс.

– Спасибо, это будет замечательно, – отозвался Уайтекер.

– Я придумал, как объяснить это.

– Хорошо… – протянул Уайтекер. – Я составлял меню пару дней назад.

– Я сделаю вид, что я из обслуживающего персонала, – прошептал Херндон. – Скажу, что вы забыли кейс внизу.

– Ладно.

– Буду через пару минут.

– Хорошо, спасибо, – ответил Уайтекер.

Он положил трубку и вернулся к столу.

Часы показывали 9.05. Все было готово к началу переговоров. Мимото занял место во главе стола. Рядом с ним сидел новый сотрудник «Адзиномото» Хисао Синохара. В последний момент в зал ворвался Жак Шодре и устремился к столу с закусками, чтобы налить кофе. Все были в сборе, не считая представителей корейской компании «Севон».

– Не хватает двух участников, – сказал Уайтекер.

– Они будут в десять тридцать, – отозвался Мимото.

– Только в десять тридцать?

– Да.

– Тогда у нас в запасе уйма времени, – сказал Уайтекер.

– Будут еще двое из «Севона»? – спросил Ким.

– Не только двое из «Севона», – бросил Жак Шодре от сервировочного столика, – а еще один из «Тайсона» и один из «Конагры».

Все засмеялись при мысли о присутствии двух крупных клиентов при обсуждении вопроса о фиксировании цен.

– И еще один из ФБР, – произнес Мимото, улыбаясь и глядя прямо на Уайтекера.

Сердце Уайтекера пропустило удар, но все снова рассмеялись, и он понял, что это шутка.

– Ага, и семеро из ФКТ, – подхватил он.

Как и ФБР, Федеральная комиссия по торговле тоже была бы не прочь узнать о происходящем в зале Кобба.

– Да, и из ФКТ, обязательно, – отозвался Мимото, просматривая свои бумаги.

– Ха! ФБР! – повторил Уайтекер, еще не до конца успокоившись.

Он посмотрел на свои часы. *Пора начинать.*

– Итак, добро пожаловать в Атланту, – произнес он. – Мы столько раз встречались в Азии и в Европе, что приятно видеть вас всех наконец в Америке. Вести собрание предоставим, наверное, Кандзи. Думаю, сначала поговорим в основном об объемах.

Раздался стук в дверь. Все замолчали.

– Да? – отозвался Мимото. – Это ФКТ?

Уайтекер подошел к двери.

Это было ФБР.

В дверях стоял Херндон с чемоданчиком в руке.

– Я не уверен, туда ли попал, – сказал он. – Это ваш кейс?

– Да, – ответил Уайтекер.

– Вы оставили его в кафе, – сказал Херндон, протягивая ему кейс.

– Спасибо.

– Посыльный подумал, что это, может быть, ваш.

Уайтекер взял кейс, в котором работал диктофон, и, закрыв дверь, вернулся к столу.

– Это из обслуги, – объяснил он коллегам. – Я оставил кейс в вестибюле, когда заказывал нам еду и прочее.

– Вы забыли там кейс? – спросил Шодре.

– Ну да.

– Ничего себе!

– Погрузился в счета и заказы, а все остальное из головы вылетело.

– Какая честность! – восхитился Шодре. – В Париже его давно уже продали бы.{226}

– Да. Хорошо еще, что я оставил паспорт и остальные документы в номере.

– Вы носите все документы в кейсе? – вытаращил глаза Ямамото.

– Нет-нет, боже упаси! – ответил Уайтекер.

Все снова рассмеялись.

Запись переговоров в Атланте была еще одним несомненным успехом. Всего за полтора часа бизнесмены провели обзор производства лизина за 1994 год, то и дело восхищаясь тем, как дисциплинированно ведут себя участники сговора и как точно они придерживаются условленных объемов продаж. Присоединившийся к ним Чхом Су Ким из «Севона» внес лепту в банк компрометирующих данных, заявив, что долю «Севона» в объеме продаж надо увеличить на порядок. Другие возразили, сказав, что в этом случае обрушатся цены на всем рынке. В конце концов все, кроме «Севона», согласились с предложенными объемами производства на 1995 год и о повышении цены на лизин до одного доллара тридцати центов за фунт.

Через несколько дней Джим Мучник, новый юрист антитрестовского отдела, недавно включившийся в «Битву за урожай», вошел в конференц-зал с копией видеозаписи переговоров в Атланте. Запись необычайно его захватила. Остальные прокуроры уже вдоволь насмотрелись на конспиративные сборища производителей лизина, и эта новая встреча вызывала у них чуть ли не зевоту.

А для Мучника сборище в Атланте было просто потехой. Шутки про ФБР и ФКТ его просто сразили. Юрист не верил своим глазам, глядя, как участники преступного сговора воспринимают его как веселую игру.

В конце совещания конкуренты договорились установить цену на лизин в доллар тридцать центов за фунт. Мимото оглядел собравшихся.

– Итак, решено, – заключил он. – В Канаде будет та же цена?

Никто не знал, каков обменный курс канадского доллара, и Жак Шодре, достав газету, стал просматривать колонки финансовой информации.

– Так-так… Что же у нас в Канаде? – бормотал он.

Наконец он нашел то, что искал, и оказалось, что 1,3 американского доллара соответствуют 1,83 канадского. Мимото объявил, что новая цена назначается со следующей недели. За пару минут с помощью той же газеты они оценили весь канадский рынок примерно в сто миллионов долларов.

Мучник смотрел на все это, едва не остолбенев. «Это сон, – думал он. – Не может быть, этого просто не может быть».

Эдгар-Гувер-Билдинг[55] – самое громоздкое и непривлекательное строение официального Вашингтона. На Пенсильвания-авеню оно занимает целый квартал. Кабинеты вдоль коридора на седьмом этаже занимают помощники и заместители директора ФБР, которые надзирают за работой всей организации и докладывают человеку в кабинете в конце коридора – директору Бюро Луису Фри.

В начале 1995 года одним из новичков этого коридора был Уильям Эспозито, начальник Шестого, или уголовного, следственного отдела. Еще прошлой осенью он руководил офисом в Сан-Диего, откуда его перевели в управление заместителем помощника директора ФБР. Скоро он получил повышение и теперь отвечал за все крупные уголовные расследования, которые проводило Бюро.

Почти сразу после вступления в новую должность ему доложили, что с ним хочет поговорить начальник спрингфилдского офиса Дон Стаки. Эспозито взял трубку.

– Дон? Чем могу быть полезен?

– У нас тут очень важное расследование, но нужна ваша помощь в кое-каких недоразумениях с Министерством юстиции.

– Что за недоразумения? – спросил Эспозито.

Стаки объяснил, что расследование идет очень медленно. Оно касается нарушения антитрестовских законов, и агенты ФБР накопили столько вещественных доказательств, включая аудио- и

видеозаписи, что дело можно было передать по инстанции еще несколько месяцев назад, однако антитрестовский отдел тормозит его. К тому же антитрестовский отдел никак не придет к соглашению с офисом окружного прокурора, который как раз настроен решить этот вопрос как можно быстрее.

– Но я не хочу поднимать шум, не заручившись согласием Бюро, – сказал Стаки. – Дело затрагивает интересы очень влиятельных людей, и наверняка на нас постараются оказать давление. Я думаю, что вам, а может, и директору нужно быть в курсе, чтобы это не стало для вас неожиданностью. У меня такое впечатление, что за пределами Спрингфилда почти никто об этом деле не знает.

Эспозито не удивился. Спрингфилд не то место, где случаются сенсации. Если работникам управления попадался документ спрингфилдского отделения, они лишь бегло просматривали его. К тому же в ФБР привыкли обращать внимание в первую очередь на насильственные преступления. И хотя преступления в среде «белых воротничков» в последнее время участились, на обычаи управления это не повлияло. Расследование корпоративных преступлений редко привлекало внимание.

– Хорошо, Дон, – сказал Эспозито. – Присылай своего агента со всеми записями и схемами, я выкрою время, чтобы посмотреть их.

Утром 31 января Уайтекер прошел сквозь серые легионы трейдеров в дилинговом зале, не обращая внимания на сбивчивый ритм отрывистых распоряжений, которые они отдавали в телефон. Перед дверью своего кабинета он кивнул секретарше.

С возвращения из Атланты прошло больше недели, но Уайтекер еще не виделся ни с агентами ФБР, ни с представителями прокуратуры. Он целиком погрузился в дела производства, забыв и о фиксировании цен, и о правопорядке. В конце концов, нужно заниматься и своими прямыми обязанностями.

Сев за стол, он снял телефонную трубку, чтобы прослушать сообщения голосовой почты. Среди них было несколько срочных, в том числе одно из Луизианы. Туда он и позвонил в первую очередь. Трубку сняла секретарша.

– Офис доктора Джонса.

– Будьте добры, позовите Криса Джонса. Это Марк Уайтекер, ответный звонок.

– Секунду.

Уайтекер откинулся в кресле. Он работал вместе с Джонсом в «Дегассе», а два года назад нанял его в качестве консультанта АДМ по вопросам производства метионина.

– Марк? – прозвучал голос Джонса в трубке.

– Привет, – отозвался Уайтекер. – Как жизнь?

– В порядке. А у тебя?

– Все замечательно. Ты чего мне звонил?

– У нас тут кое-какие проблемы, – ответил Джонс обеспокоенным тоном.

– Какие именно?

– Марк, – спросил Джонс, – ты имеешь представление о том, чем тут занимается ФБР?{227}

Спустя несколько минут на линии «алло» в декейтерской резидентуре ФБР раздался телефонный звонок. Эта стандартная линия имелась в большинстве отделений Бюро и использовалась для связи со свидетелями, сотрудничавшими с ФБР. Называлась она так потому, что, сняв трубку, сотрудники отделения не называли себя, а произносили просто «алло». Это позволяло сохранить в тайне связь свидетеля с ФБР, на случай если кому-нибудь захочется проверить, куда он звонит.

На этот раз «алло» произнес Шепард.

– Брайан, привет. Это Марк.

– Слушаю.

– Мне только что звонил Крис Джонс, с которым я работал в «Дегассе». АДМ однажды заплатила ему за услуги, когда мы рассматривали строительство метионинового завода.

Многообещающее начало. Интересно.

– И что ему было нужно?

– Он сказал, что ему позвонил его сотрудник Тим Холл и сообщил, что его допрашивал агент ФБР Крэг Даль.

– Так-так.

– Джонс сказал, что речь шла о предполагаемой краже секретной технической информации «Дегассы», касающейся строительства метионинового завода.

Уайтекер бегло рассказал о том, как АДМ собиралась наладить производство метионина. Джонс разъезжал вместе с Уайтекером в поисках подходящего места для завода. Однако впоследствии АДМ отказалась от этих планов и заключила договор о совместном предприятии с компанией «Рон-Пуленк».

– Марк, прежде всего скажите мне вот что: вы можете припомнить, чтобы Джонс передавал вам какую-либо закрытую или секретную информацию? Против него может быть выдвинуто обвинение в связи с этим?

– Нет-нет, абсолютно.

– Абсолютно не помните или абсолютно не передавал?

– Ну… я *не могу сказать* абсолютно точно, делал он это или не делал. Когда он встречался с Рэнделлом и со мной, мы спросили, не являются ли его сведения закрытыми или защищенными авторскими правами. Он ответил, что нет и что срок действия патента истек. Он так сказал.

На все сомнения Шепарда Уайтекер отвечал, что никакого нарушения не может быть, потому что, по словам Джонса, «Дегасса» не меняла технологию производства метионина с 1949 года.

Шепард решил действовать напрямик:

– Марк, вы никогда не просили Джонса добыть какую-либо закрытую и секретную информацию?

– Конечно не просил. Абсолютно.

Уайтекер добавил, что, по словам Джонса, расследование предполагаемого промышленного шпионажа набирает обороты и агенты ФБР собираются допросить не только самого Джонса, но и других служащих АДМ, в том числе и Уайтекера. И скоро будет созвано большое жюри.

Закончив разговор с Уайтекером, Шепард отыскал в справочнике номер телефона Крэга Даля. Он хотел сообщить ему о том, что скрывать от Уайтекера то, что идет расследование по иску «Дегассы», больше не нужно.{228}

Даль сразу же вылетел из Мобила в Декейтер. Раз Уайтекеру стало известно о расследовании, агент хотел незамедлительно допросить его. Шепард с Херндоном встретили Даля в аэропорту и отвезли его в отель в Форсите. Вскоре приехал и Уайтекер. Он нервничал, но тоже хотел побеседовать с Далем. Шепард представил агента и сказал, что тот хочет задать Уайтекеру несколько вопросов.{229}

– Ладно, – кивнул Уайтекер.

Он сел напротив Даля, и тот для начала спросил о звонке от Джонса. Уайтекер повторил то, что рассказал Шепарду.

– Я не разговаривал с Крисом Джонсом года полтора, – сказал Уайтекер, – и его звонок меня порядком удивил.

– Что вы думали о деле, которое он хотел обсудить с вами?

– Я даже не понял, о чем он говорит. И очень удивился.

Джонс был разозлен, сказал Уайтекер, и утверждал, что расследование затеял один из сотрудников «Дегассы» в отместку за то, что он, Джонс, уволился из компании. В конце разговора Уайтекер пообещал Джонсу связаться с ним через пару дней, но с тех пор Джонс еще дважды звонил ему на голосовую почту.

Даль пролистал свои записи.

– Хорошо, – сказал он. – Давайте начнем с самого начала. Изложите мне по порядку всю историю о планах АДМ по строительству завода и объясните, какое отношение имели к этому Джонс и Холл.

Уайтекер рассказал, как он решил наладить производство метионина и как в 1992 году стал предпринимать шаги в этом направлении. Джонс был известным специалистом в этой области, и логично было обратиться именно к нему.

– Я спросил, на каких условиях он согласится помочь нам, и он ответил, что хочет десять тысяч долларов в месяц. Это приемлемо, АДМ часто выплачивает такие суммы разным специалистам.

Вместе они проработали шесть месяцев, сказал Уайтекер. Они подыскивали место для строительства завода. Однажды Уайтекер понял, что от Джонса потребуется больше, чем предполагалось ранее, и он увеличил его гонорар до двадцати тысяч. Джонс предложил кандидатуру Тима Холла на пост директора завода. Уайтекер не был знаком с Холлом и решил встретиться с ним. Тот произвел на него благоприятное впечатление. Чуть позже Джонс предложил привлечь Холла к подготовительной работе, и Уайтекер согласился. АДМ стала платить Холлу десять тысяч долларов в месяц.

– У вас не было оснований подозревать, что они использовали закрытую информацию «Дегассы»? – спросил Даль.

– Нет, никогда. При первой же встрече с Джонсом я спросил, не будут ли нарушены права интеллектуальной собственности. Он ответил, что технология «Дегассы» запатентована, но если мы построим метиониновый завод, то ее использовать не станем.

Уайтекер завершил рассказ на том, что АДМ отказалась от планов строительства и вместо этого вложилась в метиониновый завод «Рон-Пуленк». Даль задал последний вопрос: не согласится ли Уайтекер позвонить Джонсу прямо сейчас и записать разговор? Уайтекер пожал плечами и сказал, что не имеет ничего против.

Шепард и Даль решили звонить из автомобиля Уайтекера. Все вместе вышли на парковку и подсоединили к автомобильному телефону записывающее устройство. Но, прослушав разговор Уайтекера с Джонсом, ничего нового не узнали.

Агенты распростились с Уайтекером и вернулись в номер. Шепард спросил Даля его мнение о проведенной беседе.

– Его рассказ звучит правдоподобно, – сказал Даль.

Херндон поплотнее запахнул пальто, защищаясь от кусачего

мороза первой недели февраля, сковавшего Вашингтон, округ Колумбия. Он шел по Пенсильвания-авеню вместе с Доном Стаки и Кейт Киллэм, которая недавно возглавила декейтерскую резидентуру. Настало время представить результаты «Битвы за урожай» руководству ФБР.

В бюро пропусков агенты показали удостоверения и отметились в книге посетителей. Им выдали специальные пропуска и проводили в конференц-зал, где уже работали телевизор и видеомагнитофон. Херндон вынул из кейса кассету, на которую они переписали наиболее значительные выдержки из видеозаписей различных переговоров о фиксировании цен, – «хиты сезона», как называли их агенты между собой. Он вставил кассету в видеомагнитофон.

Вскоре помещение заполнилось сотрудниками финансового отдела, включая его начальника Томаса Кьюбика. Вместе с ним пришла Эликс Саггс, которой недавно поручили курировать «Битву за урожай».

Когда все расселись, Херндон вышел на авансцену, чтобы произнести заготовленную речь.{230}

– Приветствую вас. Меня зовут Боб Херндон, – начал он. – Я один из агентов, принимающих участие в «Битве за урожай». – Он достал указку. – Как видите, мне не повезло: я вытащил короткую соломинку, – сказал он, вызвав дружный смех собравшихся.

Херндон кратко обрисовал дело, объяснив, что объектом расследования является сговор о ценах на лизин.

– Лизином подкармливают кур, чтобы они росли толстыми, сытыми и довольными жизнью. Но мы с вами, как потребители, не настолько толсты, сыты и довольны, насколько могли бы быть, потому что немного переплачиваем всякий раз, когда заходим в «Макдональдс» и заказываем «макнаггетс».

Закончив вступительное слово, Херндон включил видеомагнитофон. На экране возникли сцены встреч в Ирвайне, Атланте и на Гавайях. По мере того как разворачивались сцены, зрители все больше приходили в восторг.

Когда пленка кончилась, Херндон снова взял слово. Он сказал, что, несмотря на убедительные свидетельства сговора, есть две нерешенные проблемы.

– Во-первых, нужно посмотреть, достаточно ли в нашей команде прокуроров. До сих пор неясно, кто из прокуроров руководит этим делом. Антитрестовский отдел Чикаго переживает переходный период – у них новый начальник, Джим Гриффин. Поэтому мы даже не всегда знаем, кому именно передавать информацию.

Его спросили, так ли сильно это мешает работе агентов.

– Пока что не очень сильно, – ответил Херндон, – но могут возникнуть осложнения, когда дело дойдет до суда.

О второй из нерешенных проблем доложил Стаки. Он сказал, что следует предоставить Уайтекеру денежную компенсацию, если тот потеряет работу. Херндон тем временем раздал присутствующим собранные Уайтекером материалы, отражающие его финансовое положение. Материалы произвели на сотрудников ФБР неизгладимое впечатление. Ежемесячные расходы Уайтекера составляли семнадцать тысяч шестьсот восемьдесят долларов. Им было трудно представить человека, который позволяет себе тратить так много.

Херндон достал из кейса рождественскую открытку, которую прислал ему Уайтекер. Это была фотография его семьи.

– Я хочу, чтобы вы посмотрели на эту открытку, – сказал Херндон. – Это наш главный свидетель со своей семьей. Я не расстаюсь с этой фотографией, и она напоминает мне, что мы имеем дело с реальным человеком, который должен заботиться о семье. Решившись помогать нам, он рискнул своей карьерой. Все видеозаписи, которые вы только что просмотрели, были добыты только благодаря ему. Мы хотели бы быть уверены, что в случае необходимости Бюро поддержит его.

Том Кьюбик поднял руку.

– Если он потеряет работу из-за сотрудничества с ФБР, мы примем меры даже раньше, чем вы, Боб, – сказал он. – Так что не беспокойтесь.

В тот же день Эликс Саггс, курировавшая спрингфилдское расследование, обошла все управление, разыскивая Херндона и Кейт Киллэм. Она нашла их в компьютерном центре.

– Боб, я повсюду ищу вас – сказала она Херндону. – Помощнику директора ФБР Эспозито только что сообщили о ваших видеозаписях, и он хочет их посмотреть.

Сам помощник директора? Значит, новость уже достигла седьмого этажа! Херндон почувствовал комок в горле.

Кейт Киллэм, услышав об этом, разволновалась.

– Пойдемте, Боб, – теребила она Херндона, – идемте скорее.

– *Вы* идите, Кейт, – сказал он.

– Нет, Боб, – возразила она, схватив его за руку. – Мы пойдем вместе.

Уильям Эспозито усаживался в кресло небольшого уголка для совещаний, составлявшем часть его кабинета. Том Кьюбик и Дон Стаки достали из шкафа телевизор и видеоплеер. Стаки вставил в плеер кассету с «хитами сезона», а Кьюбик расставил стулья.

На экране появилась зернистая черно-белая картинка. Стаки начал комментировать происходящее, но он не знал всех участников так хорошо, как агенты, непосредственно занимавшиеся этим делом. К его облегчению, вскоре появились Херндон и Киллэм, и Херндон избавил начальника от неловкого положения.

Просмотрев запись, Эспозито поднялся на ноги.

– Я, конечно, не эксперт по антитрестовскому законодательству, – сказал он, пожимая руку Херндону, – но судя по тому, что я только что видел, наши позиции в этом деле очень сильны.

Агенты поблагодарили Эспозито за то, что он уделил им внимание, и направились к дверям. Эспозито попросил Стаки задержаться.

Они сели.

– Бог ты мой, кто-нибудь еще знает обо всем этом? – воскликнул Эспозито.

Увидев запись, он понял, что это одно из крупнейших «беловоротничковых» дел в истории ФБР, – и никто в штаб-квартире не знал о нем. И по этому делу работали всего два агента, а ведь дела хватило бы на дюжину человек.

– Ваши люди хорошо поработали, – продолжал он. – Но мы знаем, что нас ожидает, и, учитывая масштабы этой компании, вам потребуется куда больше агентов. Продумайте свои дальнейшие действия, прикиньте, что вам понадобится, и сообщите мне план игры, чтобы я начал организовывать поддержку.

Стаки пообещал, что скоро вернется и тогда передаст свои соображения.

– И еще одно, – сказал Эспозито. – Если возникнут затруднения с Министерством юстиции, дайте мне знать. Я схожу в дом напротив и сделаю для вас, что смогу.

Стаки поблагодарил его. В доме напротив находились главные офисы Министерства юстиции. Теперь Бюро было готово поддержать Спрингфилд в «Битве за урожай».

Директор ФБР Луис Фри занял место во главе стола в своем кабинете. Его помощники и заместители приготовились к брифингу, который проводился в восемь часов утра.

– Есть что-нибудь новое? – спросил он, окинув взглядом присутствующих.

И тут же заговорил о статье в «Вашингтон пост», которую успел прочесть утром. Ее обсуждение шло недолго – Фри не любил разводить канитель. Затем он обратился к одному из

помощников:

– Что у тебя?

Помощник вкратце обрисовал ситуацию в своем отделе и ответил на вопросы директора. Во время брифинга директора информировали о событиях за прошедшие сутки и о том, что ожидалось в следующие.

Фри взглянул на Эспозито.

– Что скажешь, Билли?

Сверяясь со своим блокнотом, Эспозито рассказал начальнику о текущих делах и добавил:

– Парни из Спрингфилда только что рассказали мне о деле АДМ. Это громадное дело. Оно потребует много ресурсов.

Подняв голову, он увидел озадаченные лица.

– Что такое АДМ? – спросил один из них.

– Компания «Арчер Дэниелс, Мидленд».

Снова непонимание. Эспозито пояснил:

– Это компания из списка «Форчун пятьсот», один из крупнейших в мире переработчиков зерновых.

По глазам Фри Эспозито понял, что ему название «АДМ» знакомо.

– Насколько убедительны свидетельства, собранные спрингфилдскими агентами? – спросил директор. – Раз речь идет об АДМ, они должны быть *очень* убедительны.

Эспозито понимающе кивнул. Такая могучая компания, как АДМ, могла привлечь крупные юридические силы, которые запросто разгромят плохо подготовленного противника.

– У них есть видеозаписи, – ответил Эспозито. – Я видел некоторые из них. Производят сильное впечатление.

Он описал просмотренные им записи. Фри закидал его вопросами, – верный признак, что директор ФБР заинтересовался.

– Ну что ж, звучит неплохо, – сказал тот. – Главное, не растерять преимущество. – Он повернулся к следующему подчиненному: – Что у тебя?

Напряжение между двумя прокурорскими группами, задействованными в «Битве за урожай», росло. Пока дело было на стадии расследования, все мирились с разногласиями. Но теперь, когда его вот-вот вынесут на публику, конфликты прорывались наружу.

Сотрудники антитрестовского отдела предпочитали действовать методично и хотели участвовать в допросах, которые должны были последовать сразу после атаки на АДМ, а также, по укоренившейся традиции, во всей оперативной работе. Это приводило агентов ФБР в отчаяние: они привыкли совсем к

другим методам. В отличие от антитрестовцев, юристы спрингфилдской окружной прокуратуры не мешали агентам самостоятельно выслеживать и вылавливать преступников, но настаивали на том, чтобы они делали это быстро и решительно.

В начале февраля агенты ФБР и работники прокуратуры устроили телефонную конференцию, чтобы обсудить план атаки. Все согласились, что во время операции на командном пункте должны присутствовать юристы, на случай если придется разрешать непредвиденные вопросы. Робин Манн выразила желание принять участие в допросах служащих АДМ непосредственно во время рейда. Ей особенно хотелось побеседовать с Уилсоном.

Работники окружной прокуратуры не видели в этом смысла. Они считали, что всю оперативную работу надо оставить ФБР, а прокуроры вступят в игру на стадии судебного преследования.

Находившийся в Спрингфилде Джо Харцлер не мог смолчать:

– Робин, послушайте, Боб и Брайан справятся с этим без нас. Они лучше знают, как захватить свидетеля врасплох и что делать в экстремальных условиях.

– По-моему, здесь все же необходимо присутствие юриста, знающего антитрестовские законы, – упорствовала Манн.

– Робин, ну о чем вы говорите?! – кипятился Харцлер. – Часто ли вам приходилось вламываться в дома, арестовывать преступников и допрашивать их, ломая их сопротивление?

Шепард и Херндон не вмешивались, но внутренне были согласны с Харцлером. Они не имели представления, чего можно ожидать от юриста антитрестовского отдела в напряженный момент, и им вовсе не хотелось, чтобы Робин Манн вертелась рядом.

Но она стояла на своем.

– Джо, мне случалось присутствовать при захвате и допросе преступников, и я убедилась, что это очень полезно для дела.

Харцлер все больше распалялся. Это настолько расходилось с правилами работы окружной прокуратуры, что он не мог принять слова Манн всерьез. Ему казалось, что она спорит просто из упрямства.

– Робин, – резко бросил он, – этим должны заниматься люди, которые знают, что делают!

– То есть работники окружной прокуратуры, вы хотите сказать? – парировала она.

Повисла неловкая пауза, и один из прокуроров поспешил сменить тему. Через несколько минут Манн высказала особое мнение по какому-то чисто техническому вопросу.

– Вы согласны, Джо? – спросила она с вызовом.

Но ответа не получила.

Харцлер отошел от телефона и устранился от участия в конференции.

Спрингфилдский окружной прокурор Фрэнсис Хьюлин была обеспокоена конфликтом с антитрестовским отделом. Препирательства между обвинителями только на руку обвиняемым. С этим следовало покончить.

Она решила съездить в Вашингтон и встретиться с помощником генерального прокурора Анной Бингеман, руководившей антитрестовским отделом. Хьюлин полагала, что они смогут договориться. Готовясь к поездке, она позвала в свой кабинет на третьем этаже нескольких помощников, чтобы объявить им о принятом решении.{231}

– Я хочу поговорить с Анной Бингеман и убедить ее передать это дело в наши руки, – сказала Хьюлин. – Ваше мнение?

– Формально антитрестовский отдел будет иметь основания для возражений, – сказал Харцлер. – Если все окружные прокуроры в стране начнут перехватывать дела о нарушении антитрестовских законов, то зачем нужны эти отделы?

Хьюлин возразила, что такие прецеденты были. К примеру, раньше всеми нарушениями в области налогового законодательства занимался исключительно отдел налогов, а теперь их зачастую рассматривает окружная прокуратура. Она обратилась за поддержкой к своему помощнику Рику Коксу, но он был согласен с Харцлером.

– Жаль, но, боюсь, из этого ничего не выйдет, – сказал Кокс.

Хьюлин от своей затеи не отказалась. В пятницу, 24 февраля, она явилась в вашингтонский офис антитрестовского отдела. Анна Бингеман была занята, и Хьюлин пришлось наведаться в офис еще пару раз. Когда Бингеман освободилась, она, сердечно поприветствовав Хьюлин, пригласила ее в кабинет. После вступительного обмена любезностями Хьюлин перешла к делу.

– Как вам известно, наша прокуратура с некоторых пор курирует расследование по АДМ, – начала она.{232}

В тот вечер Херндон повел семью обедать в ресторан «Эплбиз». Его родители приехали из Канзас-Сити погостить и познакомиться с родившейся недавно внучкой, и на несколько часов он выкинул «Битву за урожай» из головы.

Посреди обеда запищал пейджер. Посмотрев на номер, Херндон увидел, что это Роджер Хитон.

– Сейчас вернусь, – сказал он своим и отошел к телефону-автомату, чтобы позвонить Хитону.

– Я только что говорил с Фрэнсис, – сказал тот. – Она сообщила, что Анна Бингеман передала расследование в ее руки. Бингеман якобы сказала ей: «Командуйте».

– Это точно? – изумленно спросил Херндон.

– По крайней мере, Фрэнсис так утверждает. Она говорит, что Бингеман целиком одобрила ее намерение передать дело большому жюри в марте, а вскоре после этого начать слушания.

Херндон в растерянности оглядел зал ресторана. Новость выбила его из колеи. Хьюлин слишком поторопилась.

– А антитрестовцы знают об этом? – спросил он. – Я имею в виду, чикагские.

– В понедельник будет совещание по этому вопросу. Твое начальство тоже будет. Да, мы продвигаемся прямо семимильными шагами.

Они простились. Херндона ошеломил этот внезапный крутой поворот после длинного размеренного пути. Теперь они будут иметь дело только с одной прокурорской командой, и придется форсировать подготовку к решительному штурму. Нужно срочно сообщить Шепарду. Опустив в автомат еще несколько монет, Херндон набрал номер домашнего телефона своего коллеги.

– Брайан, ты не поверишь, – выпалил он. – Я только что говорил с Хитоном. Делом теперь командует Фрэнсис Хьюлин, и она собирается через месяц передавать его большому жюри и сразу выносить на публику.

– Ты шутишь! – воскликнул Шепард. – Это исключено. Антитрестовский отдел не допустит этого.

– Да, полная неожиданность. Все вроде бы было так четко и ясно…

– И что мы скажем Робин и Джиму? – задумчиво протянул Шепард.

В понедельник в 13.00 Шепард и Херндон вместе со Стаки, Джоном Хойтом и Кейт Киллэм прибыли в офис окружного прокурора. Хитон и Харцлер уже были на месте.

Фрэнсис Хьюлин рассказала о встрече с Анной Бингеман и объявила, что итогом встречи явилось окончательное и бесповоротное решение: командовать будет Хьюлин. Не мешкая, она отдала приказ о наступлении – через две недели дело должно быть представлено большому жюри для вынесения обвинительного акта. Рейд на АДМ назначается на 3 апреля.

– Надо действовать быстро, – сказала она. – В отношении правонарушений с лизином дело не представляет особой сложности. Присяжные вынесут приговор на основании аудио- и видеозаписей, и много свидетелей не понадобится.

Покидая офис, все были готовы приступить к выполнению плана, но никто не сомневался, что чикагские антитрестовцы своих позиций без боя не сдадут.

Тем временем в Вашингтоне Анна Бингеман отправляла по электронной почте письмо своему заместителю и всему личному составу чикагского отделения.{233}

> «Мне нанесла визит Фрэнсис Хьюлин,

– писала она. –

> Она беспокоилась о координации работы над делом АДМ, – по-моему, до сих пор нам это и так удавалось. Основной ее целью было заручиться моим одобрением ее плана. Согласно этому плану, их главный свидетель должен дать показания большому жюри уже 6 марта».

Бингеман добавила, что Хьюлин подчеркнула особую важность незамедлительных и решительных действий.

> «Наша беседа прошла в дружеской обстановке. Фрэнсис Хьюлин, как мне кажется, искренне заинтересована в сотрудничестве с нашим отделом,

– продолжала Бингеман. –

> Я, правда, не ожидала, что свидетель предстанет перед большим жюри так скоро, – о 6 марта я слышу впервые».

Закончив письмо, Бингеман нажала кнопку «отправить».

Известие о маневре Хьюлин произвело в Чикаго эффект разорвавшейся бомбы. Эта бесцеремонность привела антитрестовцев в ярость. Некоторые подозревали, что не обошлось без содействия Херндона и Шепарда, которые не раз открыто выражали свое неодобрение медленной работой их отдела. Но ведь расследовалось нарушение именно *антитрестовских* законов. Как могла Бингеман согласиться на это?

Прокуроры во главе с новым начальником отдела Джимом Гриффином составили электронное письмо Гэри Спратлингу, заместителю Анны Бингеман.{234}

> «До сих пор и речи не было о том, чтобы вызывать

нашего свидетеля в суд уже в марте,

– писали они. –

Это решение мисс Хьюлин, несомненно, очень опрометчиво».

Они привели несколько доводов в пользу того, что спешить нельзя, и заключили письмо фразой:

«Важно не то, когда свидетель будет давать показания, а то, кто в дальнейшем будет вести это дело и принимать решения – антитрестовский отдел или Хьюлин».

К концу дня борьба между антитрестовским отделом и офисом окружного прокурора вышла из-под контроля. Никто – кроме, может быть, Хьюлин – не мог сказать с уверенностью, кто теперь ведет дело.

Для прояснения ситуации снова созвали телефонную конференцию с участием Фрэнсис Хьюлин, прокуроров антитрестовского отдела и верхушки спрингфилдского офиса ФБР. Стаки и Хойт явились в офис Хьюлин и устроились вместе с ней возле микрофона с динамиком.

Первые двадцать минут к яблоку раздора избегали прикасаться. Все дружно заявляли о своем стремлении к тесному сотрудничеству. Анна Бингеман стала превозносить достижения антитрестовского отдела.

– Мы смогли почти идеально наладить свою работу, – заявила она. – Наш девиз – неуязвимые обвинительные акты и высококлассные обвинители.

Хойту это хождение вокруг да около стало надоедать. Он решил взять быка за рога.

– Прошу прощения, мисс Бингеман, – прервал он ее, – Джон Хойт, спрингфилдский офис ФБР. Нашей работе мешает нерешенный вопрос о том, кто главный прокурор. Кто отвечает за *это расследование?*

Молчание.

– Мы ведь обсуждали это с вами, – нарушила тишину Хьюлин. – И если вы помните, решили, что дело возглавит мой офис.

Молчание.

Наконец Бингеман заговорила:

– Я реформировала наш отдел. Я помощник генерального

прокурора, отвечающий за борьбу с нарушением антитрестовских законов. Эту задачу возложил на меня президент Соединенных Штатов Америки.

Она опять сделала паузу.

– И будь я проклята, если допущу, чтобы это дело отобрали у нашего отдела. Только через мой труп – да и с ним придется побороться! Мы вели это дело и будем вести его дальше. Благодарю за внимание.

Хьюлин побледнела. От Бингеман никто не ожидал такой отповеди и никто не понимал, как могло случиться, что два юриста настолько превратно поняли друг друга. Прозвучали ничего не значащие фразы, призванные разрядить обстановку.

– Благодарю вас всех за то, что вы не пожалели своего времени на участие в совещании, – произнесла в заключение Хьюлин. Выключив микрофон и захлопнув блокнот, она добавила: – Вопрос, я полагаю, решен. Мы вне игры.

Сразу после совещания прокуроры чикагского антитрестовского отдела позвонили Гэри Спратлингу. Все восхищались выступлением Анны Бингеман.

– Да-а, этого у нее не отнимешь, – согласился Спратлинг. – Уж если она решит показать, на что способна, то это просто фантастика.

Чикагские юристы – Манн, Мучник, Гриффин, Букер и Прайс – испытывали такую радость и облегчение, что решили отпраздновать победу и после работы отправились в бар Центра Джона Хэнкока. Там, чокаясь бокалами с «Маргаритой», они успокаивали нервы, истрепанные в напряженной, но победоносной борьбе.

С отстранением от дела спрингфилдской окружной прокуратуры Шепард и Херндон оказались между небом и землей. Хитон и Харцлер исчезли со сцены вместе с Фрэнсис Хьюлин, но и с оставшимися прокурорами никакой связи не было. По-видимому, они уверовали в то, что агенты пытались обойти их на финише. Шепард и Херндон чувствовали себя, как дети после скандального бракоразводного процесса.

Прошло две недели, но антитрестовцы не звонили. После нескольких лет чуть ли не ежедневных контактов это молчание было многозначительным. Каждый день агенты гадали, будет звонок из прокуратуры или нет.

Наконец они решили сделать первый шаг навстречу и позвонить Джиму Мучнику. Мучника они выбрали потому, что он, в отличие от Робин Манн, не посвятил несколько лет жизни возне

с АДМ и был способен, как им представлялось, исходить из презумпции их невиновности. Кроме того, они не могли вести расследование, не советуясь *ни с кем* из юристов.

– Джим Мучник.

– Добрый день. Это Брайан и Боб, – сказал Херндон.

– Приветствую вас, – ответил Мучник деловым и, возможно, чуть осторожным тоном.

Но в ходе разговора лед между ними стал таять.

Агенты звонили Мучнику ежедневно в течение двух недель, – он стал связующим звеном между ними и прокуратурой. Но до откровенного обсуждения проблем дело не дошло. Мучник порой говорил натянуто, в его голосе проскальзывали нотки подозрительности.

Однажды во время их разговора в трубке раздался щелчок.

– Вы что, записываете нас? – помолчав, спросил Херндон шутливым тоном. Но шутка пришлась не к месту.

– Ну и вопросы вы задаете! – взвился Мучник. – Неужели вы думаете, что я на это способен? Мы уже две недели беседуем с вами, а вы по-прежнему не доверяете мне?

Херндон попытался исправить положение:

– Джим, не стоит лезть в бутылку. Я просто пошутил.

– Хороши шутки! – сердито фыркнул Мучник. С этими агентами невозможно говорить по-человечески, решил он. Все две прошедшие недели они просто пытались выудить у него информацию. – Ладно, – бросил он, – спрашивайте, что вас интересует, и закончим на этом.

Разговор не получился. Вскоре Херндон решил позвонить еще раз.

– Джим, – сказал он. – Я хочу извиниться.

– Боб, – ответил Мучник, – вы должны понять, что я не ваш сотрудник. Я вам не осведомитель. Меня эта роль не устраивает. Я не собираюсь шпионить за вами, но и работать на вас тоже не буду. Если вы это понимаете – что ж, прекрасно. Естественно, вас интересует, что мы делаем и почему. Но не надо играть в шпионов.

Стычка пошла на пользу. Все выпустили пар, все выложили карты на стол. Отныне их отношения будут становиться все лучше и лучше.

В том же месяце Манн и Мучник вылетели в Вашингтон, чтобы встретиться со Спратлингом и другими юристами главного антитрестовского офиса. Вслед за ними отправился и Джим Гриффин со своим заместителем Марвином Прайсом.

В здании Министерства юстиции их встретил Гэри Спратлинг, крупный человек с энергичным дружелюбным лицом. Он пригласил на совещание нескольких коллег.

От лица прибывших говорила Робин Манн. Она вставила в плеер Спратлинга кассету с «хитами сезона» и более часа комментировала события, разворачивавшиеся на экране. Держалась она спокойно и уверенно.

Спратлинг был потрясен.

– Матерь Божья! – приговаривал он, наблюдая за Миком Андреасом в Ирвайне. – Просто глазам не верю.

Запись подошла к концу, и со стороны вашингтонских юристов посыпались поздравления. Манн сияла.

– Отличная работа, – говорил Спратлинг, тряся руку Манн. – Выше всяких похвал.

После презентации «хитов» Манн и Мучник в приподнятом настроении спустились в кафе. Гриффин и Прайс, договорившись встретиться с ними позже, задержались, чтобы обсудить предстоящие должностные перемещения. Когда с этим было покончено, Спратлинг отозвал Гриффина в сторону.

– Джим, это незаурядное дело. А у тебя за плечами двадцатилетний опыт работы, – начал Спратлинг.

Гриффин сразу понял, к чему он клонит.

Не дождавшись Гриффина, Манн и Мучник вернулись из кафе в кабинет Спратлинга и почувствовали, что за время их отсутствия что-то изменилось. Спратлинг предложил им сесть и сказал:

– Вы проделали большую работу. Теперь дело достигло стадии, когда его пора представлять в суде, и я решил составить список юристов нашего отдела, которые способны справиться с этим наилучшим образом. То же самое я попросил сделать Джо Видмара. И оба наших списка возглавляет Джим Гриффин.

Итак, главным обвинителем назначен Гриффин. Манн и Мучник не знали, что сказать. Манн чувствовала, что все ее надежды рушатся. Юристы не знали, что Гриффин был согласен уступить руководство им, если они воспримут его назначение слишком тяжело. Но они старались не выдавать своих чувств.

Спратлинг пригласил Гриффина, и тот заверил Манн и Мучника, что они по-прежнему будут играть важную роль во вновь образованной команде. Юристы обсудили ближайшие задачи, и совещание закончилось.

Спустившись и выйдя на улицу, Манн, Мучник и Прайс остановили такси. Несколько минут они ехали молча, пытаясь справиться с обидой. Наконец, когда такси выехало на Ланфан-

плаза, они заговорили о своих подозрениях: идея назначить Гриффина главным обвинителем пришла Спратлингу в голову не сейчас. Сегодняшнюю встречу он задумал именно с этой целью.

Гриффин первым делом постарался сгладить шероховатости в отношениях между чикагским антитрестовским отделом и ФБР. Он наметил встречу с руководителями спрингфилдского офиса ФБР, на которой хотел произнести инаугурационную речь. Но еще до этого, 20 марта, он пригласил агентов и юристов на совместный обед.

В половине седьмого все собрались за большим круглым столом. Поначалу обстановка была довольно натянутой. Шепард, обычно открывавший подобные сборища кратким приветственным словом, на этот раз от выступления воздержался. Агенты присматривались к новому прокурору, курировавшему их расследование. Судя по его мягкому тону и любезным манерам, вряд ли он был склонен действовать круто.

Гриффин первым начал разговор, пожаловавшись на чикагские морозы, спутавшие ему все планы; во время утренней пробежки лыжная шерстяная маска, прикрывавшая лицо, примерзла к коже. Херндон и Шепард поддержали его в желании разрядить обстановку и поделились своими впечатлениями о погоде.

Наступила пауза. Затем Гриффин перешел к тому, ради чего они собрались:

– У всех нас одна цель – вывести преступников на чистую воду, чтобы они понесли наказание. Так давайте двинемся вперед, не теряя времени даром. Вы прошли свою часть дистанции отлично. Моя задача – принять у вас эстафету и постараться не разочаровать вас.

Херндон и Шепард с облегчением закивали. Новый руководитель говорил на их языке.

8 апреля Кандзи Мимото в номере парижского отеля взялся за телефон. Ему только что сообщили, что Уайтекер просил как можно быстрее связаться с ним, и у Мимото было мало сомнений в том, о чем пойдет разговор.{235}

В последние месяцы «Адзиномото» окончательно утвердилась во мнении, что отдел биопродуктов АДМ использует один из видов микробов, запатентованных японской компанией. В 1992 году Мимото пытался выкрасть американский лизиновый микроб во время визита на завод АДМ, но ничего не вышло. «Адзиномото» не оставляла этих попыток и недавно получила неоспоримое доказательство того, что АДМ незаконно использует

принадлежащий «Адзиномото» патентованный микроб, с помощью которого производит аминокислоту под названием «треонин». Два дня назад «Адзиномото» возбудила против АДМ иск в одном из федеральных судов, и теперь Мимото ожидал бурной реакции Уайтекера.

Его ожидания оправдались.

– Кандзи, я не понимаю, как вы могли возбудить иск, даже не предупредив нас об этом! – горячился Уайтекер. – Мик Андреас просто вне себя.

Мимото возразил, что «Адзиномото» вынуждена защищать свои интересы, но Уайтекер не желал слушать никаких возражений. В их микробе нет абсолютно ничего японского, утверждал он, АДМ купила его у шведской компании «Эй-би-пи». А теперь из-за этого иска возникнут осложнения, в том числе и у самой «Адзиномото».

– Какие осложнения? – спросил Мимото.

Мик Андреас запретил ему ехать в Гонконг, где 21 апреля должны проводиться очередные переговоры о ценах, объяснил Уайтекер.

Мимото стал успокаивать его, подчеркивая, что переговоры очень важны для обеих компаний и их нельзя прекращать. В конце концов Уайтекер пообещал приехать в Гонконг и попытался в свою очередь уговорить японского бизнесмена отказаться от иска. Мимото отделался ни к чему не обязывающим обещанием подумать над этим, и на том разговор закончился.

Уайтекер положил трубку. Отключать диктофон не требовалось, потому что он его и не включал. Уайтекер не хотел, чтобы агенты ФБР знали об этом разговоре.

Билл Эспозито, начальник уголовного следственного отдела ФБР, просматривал за рабочим столом докладную записку о «Битве за урожай». Уже несколько недель он исполнял данное Дону Стаки обещание и следил за тем, чтобы вашингтонские бюрократические рогатки не мешали расследованию.

Но в этом деле его удовлетворяло не все. Прежде всего, вызывал сомнения главный свидетель обвинения. Никогда еще в этой роли не выступал человек такого высокого положения. Эспозито не понимал, что заставляет Уайтекера идти на риск.

«Нужно прояснить этот вопрос, прежде чем передавать дело на рассмотрение в суд», – думал Эспозито. Но агенты, ведущие расследование, и без того перегружены работой. Приходилось поручить это задание другому человеку.

Он позвонил в Спрингфилд и поручил местному руководству найти агента, который покопался бы в прошлом Уайтекера. У

спрингфилдского руководства эта идея не вызвала энтузиазма. Эспозито понимал, что, чтобы получить ответ на занимавший его вопрос, придется подгонять Спрингфилд, и не раз.

Утром 19 апреля около правительственного здания Альфреда Марры в Оклахома-Сити остановился грузовик. В его кузове была бомба, начиненная смесью мазута и химических удобрений. Водитель Тимоти Маквей поспешно выбрался из кабины и удалился. Через несколько минут бомба взорвалась, разрушив опорные колонны и вызвав многочисленные повреждения по всему фасаду здания. Под завалами нашли сто шестьдесят восемь трупов.{236}

Пять дней спустя в штаб-квартире одного из лоббистов лесной промышленности взорвалась бомба, пришедшая по почте; погиб один человек. Скоро установили, что бомбу послал знаменитый «Унибомбер»[56] который двадцать лет терроризировал Америку.

Американским органам правопорядка еще не приходилось сталкиваться с двойными террористическими актами, и они удвоили свои усилия по поимке террориста. ФБР бросило на выполнение этой задачи сотни агентов со всей страны. Луис Фри и другие высшие чины ФБР не покидали командного пункта на пятом этаже Эдгар-Гувер-Билдинг. Эспозито несколько недель проводил там по восемнадцать часов в сутки, пока его не отправили командовать операцией в Оклахоме.

Эти два расследования первостепенной важности отнимали столько внимания и средств, что остальные, не столь срочные дела отошли на задний план. А у Эспозито и вовсе не было времени заниматься ничем иным, и о своем решении изучить прошлое главного свидетеля по делу АДМ он просто забыл.

Шепард и Уайтекер сидели в автомобиле на стоянке декейтерской больницы Святой Марии. Уайтекер рассказывал агенту о переговорах с конкурентами в Гонконге, откуда только что вернулся. В заключение Шепард вручил Уайтекеру несколько кассет и прочие материалы, которые могли понадобиться, и посоветовал спрятать их в кейс.

– Обязательно, Брайан, – заверил его Уайтекер. – Вот только наведу в нем порядок, а то там скопились бумажные завалы.

Кивнув, Шепард распрощался с Уайтекером и вышел. Уайтекер перевел дух и завел машину. Слава богу, Шепард не заставил его открыть кейс. Было бы трудно объяснить, почему он набит пачками банкнот на сумму в несколько десятков тысяч долларов.{237}

Шепард уже больше двух лет не занимался ничем, кроме «Битвы за урожай», и все рутинные дела декейтерской резидентуры легли на агента Джона Брака. Его рабочий стол стоял рядом со столом Шепарда, и Брак был в курсе расследования по делу АДМ, хоть и не принимал в нем участия. Ему хватало повседневных обязанностей, исполнения которых от резидентуры требовали по-прежнему, невзирая на проводимое крупное расследование.

Утром 27 апреля Брак был в помещении один. В 9.55 раздался звонок на линии «алло». Может, звонит Уайтекер? И Брак подошел к телефону.{238}

– Алло, – произнес он.

Помолчав, человек на другом конце провода спросил:

– Это ФБР?

– Вы ошиблись номером, – ответил Брак.

Через двадцать пять минут раздался звонок на основной линии.

– ФБР, – произнес агент на этот раз.

В трубке снова помолчали, затем звонивший сказал: «Простите, я ошибся номером» – и дал отбой.

Голос был, похоже, тот же самый, который он слышал по линии «алло».

Что еще за проверки?

Брак набрал номер спрингфилдского офиса. Следовало немедленно доложить об этом руководству.

Глава 12

В ожидании лифта Уайтекер покосился на прилавок с деликатесами, установленный на первом этаже элегантного просторного вестибюля. В этот день, 18 мая 1995 года, небо над Чикаго хмурилось, но под стеклянным потолком вестибюля было светло. Прибыл лифт, Уайтекер зашел в кабину и нажал кнопку шестого этажа, где теперь располагался новый офис антитрестовского отдела Среднего Запада.

Подготовка к решительному штурму АДМ набирала обороты. Уайтекера без конца таскали на совещания, уточняя всевозможные детали. Юристов и агентов ФБР интересовала планировка зданий, расположение кабинетов главных менеджеров и их распорядок дня, места хранения документов и многое другое. А еще требовалось подготовить Уайтекера к появлению перед большим жюри, которое соберется уже скоро.

Теперь, посреди общего ликования, звонок по линии «алло» прозвучал особенно неприятно, но времени на расследование этого случая уже не было. Бюро подключило к линии «алло» автоматический регистратор звонков, чтобы записать номер звонившего. Но никто не звонил.

На шестом этаже Уайтекер вышел из лифта, пересек вымощенный мрамором холл и оказался в антитрестовском отделе. Там его проводили в конференц-зал, где уже были Манн и Мучник. Уайтекер уселся за большой фанерованный стол. Напротив устроился Мучник. Манн стала задавать вопросы, но Уайтекер отвечал невпопад и казался рассеянным.

– Как вы думаете, ребята, все кончится для меня хорошо? – спросил он вдруг. – Все ведь поймут, что я поступил правильно, да?

– Как мы можем это знать, Марк? – ответила Манн.

– Мошенников арестуют, со мной все будет в порядке, правда?

– Марк, мы не знаем. И не можем знать. Давайте займемся делом.

Манн хотела восстановить ход событий с самого начала и прежде всего разобраться с вымышленным телефонным звонком Фудзивары, когда, по утверждению Уайтекера, тот вымогал у АДМ деньги. Для чего он это делал?

– Давайте пройдемся по этой истории с самого начала, – попросила она.

Уайтекер смущенно кивнул.

– Ну… у нас на заводе не ладилось с производством лизина,

и все это было очень странно, – начал он.

Звонка от Фудзивары на самом деле не было, просто он подумал, что на заводе действует саботажник, сказал Уайтекер. Но никто не принимал его опасений всерьез, и тогда он решил придумать эту историю со звонком, чтобы привлечь внимание руководства.

Мучник слушал бизнесмена, не перебивая. Он подозревал, что Уайтекер просто напортачил с наладкой лизинового производства и, чтобы скрыть это, сочинил дурацкую историю. «Он ввязался в опасную игру, – думал Мучник, – и к тому же перестарался».

Когда беседа закончилась, Мучник выглянул в окно. Сыпал мелкий дождь. Но в этот вечер у его бейсбольной команды была назначена игра, и он хотел принять в ней участие, невзирая на непогоду. Переодевшись в спортивный костюм, он поспешил вниз. Выйдя из здания, он остановился, увидев Уайтекера.

Тот стоял под защитным козырьком около дверей, уставившись на здание банка на противоположной стороне улицы. Мучник подошел к нему.

– Может, возьмем такси на двоих? – спросил он.

– Нет, мне надо встретиться с одним человеком, – ответил Уайтекер, не отрывая взгляда от банка.

Дождь лил все сильнее.

– Точно? – спросил Мучник. – А то я еду в северном направлении и мог бы подкинуть вас.

– Спасибо, не надо, – рассеянно отозвался Уайтекер. – До скорого, Джим. Рад был познакомиться с вами. По-моему, вы толковый парень.

Пока Мучник подзывал такси, он все стоял на том же месте, не двигаясь.

– До встречи, Марк, – бросил юрист на прощание. – Увидимся.

Когда такси тронулось с места, Мучник оглянулся. Уайтекер вышел из-под козырька и направился куда-то, не обращая внимания на дождь.

По спине Мучника пробежала дрожь. Приближался день штурма АДМ, и юрист догадывался, что испытывает Уайтекер, думая о своей роли в этом деле и о том, что его ждет. Он был сейчас, пожалуй, самым потерянным человеком на планете.

«Какой странный, запутавшийся парень», – подумал Мучник.

Марк Шевирон был горд. 29 июня его будут чествовать в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория». Чествовать будут и Дуэйна Андреаса, и Шевирон был озабочен тем, чтобы все прошло без

сучка без задоринки. В конце концов, не всякая компания удостаивается публичной похвалы ФБР.

29 июня Шевирона должны были объявить председателем консультативного совета Национальной академии ФБР, созданного в рамках программы усовершенствования работы правоохранительных органов, а Дуэйна – почетным председателем совета.{239}

31 мая Шевирон диктовал секретарше памятную записку для Клаудии Мэннинг, секретарши Андреаса, в которой сообщал все детали предстоящей церемонии. В записке перечислялись гости, которые будут на церемонии, и в том числе главы таких компаний, как «Меррил Линч», «Джонсон и Джонсон» и «Ай-би-эм». Придумав заключительную фразу: «Благодарю всех за помощь в осуществлении этого проекта», Шевирон отправил записку Мэннинг.

Сам того не ведая, Шевирон только что составил единственный документ, который мог остановить волну, собиравшуюся накрыть его компанию.

– Боб, хочу показать тебе кое-что.

К Херндону, сидевшему за своим столом в спрингфилдском офисе ФБР, подошел спецагент Алек Уэйд. Уэйд был по работе связан с Национальной академией и видел некоторые документы, касающиеся церемонии в «Уолдорф-Астории». Только что отдел безопасности АДМ прислал подтверждение, что Дуэйн Андреас и Марк Шевирон будут присутствовать. Бросалась в глаза дата: 29 июня. Атака на АДМ должна была состояться за два дня до этого.

Херндон решил переслать факс Шевирона в Вашингтон. Он уже отправил Эликс Саггс, курировавшей их расследование, несколько докладных по поводу «дня атаки». Саггс передаст факс по назначению.

После утреннего кормления сынишка Мучника благополучно уснул, и юрист направился к своему автомобилю. Одетый слегка небрежно, он на своей черной «хонде аккорд» пробрался сквозь утренние заторы на Камберленд-авеню, выехал на шоссе 90 и вскоре добрался до небольшого комплекса офисных зданий.

Мучник подъехал к третьему из них, немного волнуясь. Чикагский антитрестовский отдел поручил ему произвести осмотр офиса компании «Хартленд лизин», американского филиала «Адзиномото». Компанию предстояло обыскать во время облавы, и для выписки ордера надо было знать планировку помещений.

В вестибюле Мучник изучил указатель размещавшихся в

здании фирм и организаций. «Хартленд лизин» занимал помещение 650.

– Вы к кому? – спросил его охранник.

– К знакомому на шестом этаже, – ответил Мучник.

Охранник кивнул, и юрист поднялся на лифте на шестой этаж. Там он прошел мимо дверей компании «Хартленд лизин», отведя взгляд. У последней двери перед туалетом он остановился, взглянул на табличку находившейся там фирмы и повернул назад. На этот раз, проходя мимо японской компании, он заглянул в открытую дверь и затем зашел.

В приемной было пусто. Мучник огляделся. Письменные столы, шкафы, картотека – все как обычно. Он должен запомнить их расположение, потому что это требовалось указать в ордере. Вдруг в комнату вошла молодая японка.

– Чем могу помочь? – спросила она.

Мучник объяснил, что ищет знакомого, который, как ему известно, работает на шестом этаже. Он назвал фирму, дверь которой находилась около туалета.

Девушка на плохом английском попыталась объяснить, где находится эта фирма. Поблагодарив, Мучник вышел, спустился вниз и прошел к своему автомобилю. В машине он достал небольшой блокнот и набросал схему офиса, в котором только что побывал.

Покончив с этим, он завел двигатель и поспешил домой. Надо вернуться, пока не проснулся малыш.

В кабинет Дуэйна Андреаса на шестом этаже вошел Джим Рэнделл. Президенту компании недавно делали операцию на открытом сердце, но он вновь проводил на работе целые дни.

Они поговорили о делах. Неожиданно взгляд Рэнделла затуманился.

– Дуэйн, я хотел сказать вам… – произнес он. – Я обязан вам всем, что у меня есть, и я искренне предан компании.

Дуэйн удивленно поблагодарил Рэнделла, и спустя несколько минут тот ушел. Этот визит оставил у главы АДМ странное чувство. Они с Рэнделлом работали вместе уже много лет, но теплые, доверительные отношения у них не сложились. Поэтому такое проявление эмоций озадачило Андреаса.

«Что бы это значило?» – думал он.

Кого из потенциальных обвиняемых переманить на свою сторону?

Этот вопрос уже несколько недель бурно дебатировался членами антитрестовской команды. Они могли сделать только

одну попытку. Если все получится, это поможет вскрыть сговор о ценах на все продукты, выпускаемые АДМ. Если нет, оставалось только устраивать облаву. Все или ничего.

Сначала рассмотрели кандидатуру Барри Кокса, возглавлявшего производство лимонной кислоты, но отвергли ее. Кокса нечем было зацепить – у прокуроров не было серьезных, компрометирующих его улик. К тому же он вряд ли мог сообщить ценные сведения о чем-либо, помимо своей лимонной кислоты.

Уилсон был темной лошадкой. Против его вербовки говорило многое. Он предан семейству Андреас и вряд ли согласится выступить против них. К тому же оказать на него давление можно было только с помощью аудио- и видеозаписей. А в них неизменно фигурировал Уайтекер, чье участие следовало держать в секрете до последнего момента. Так что показывать Уилсону эти записи было нельзя.

Оставался только один кандидат.

22 июня, за несколько дней до запланированной операции, Херндон послал в штаб-квартиру ФБР телетайп с изложением плана действий.

> «Во вторник, 27 июня, с наступлением вечера агенты, ведущие расследование, побеседуют с Майклом Д. Андреасом,

– писал он. –

> Мы постараемся склонить Андреаса к сотрудничеству и добыть у него другие улики».

В следующий понедельник начальник криминального следственного отдела Билл Эспозито получил из Спрингфилда сообщение о том, что через два дня после намеченного штурма АДМ топ-менеджеры компании должны участвовать в церемонии чествования Дуэйна Андреаса. Эспозито тут же позвонил заместителю директора ФБР в Куантико, который собирался присутствовать на торжествах.

– Я запрещаю вам участвовать в этом, – сказал он. – Какие чествования? Мы собираемся разнести гнездышко Андреаса в пух и прах.

Он отправился в кабинет директора, чтобы поставить его в известность о готовящейся церемонии.

– Что происходит? – возмутился Фри.

Он впервые слышал о дате атаки на АДМ и был рассержен, что ему сообщают о ней в последний момент. Он привык, что

перед принятием решительных мер его информируют заблаговременно. АДМ не та компания, чтобы брать ее нахрапом. И Фри потребовал дополнительную информацию.

Прежде чем штурму АДМ дадут зеленый свет, кто-то из спрингфилдского офиса должен доложить Фри о положении дел лично.

Джон Хойт раздраженно бросил телефонную трубку. Всего через тридцать часов должна начаться крупнейшая за всю историю их отделения операция. И вдруг Стаки приказывает ему и Кейт Киллэм, руководителю операции, отправляться в Вашингтон, чтобы отчитаться перед директором.{240}

Хойт позвонил Киллэм.

– Бросай все дела и собирайся, – сказал он. – Завтра в девять мы должны докладывать Фри о подготовке операции.

– Как это? – опешила Киллэм. – Разве Фри не знает о ней? Куда же подевались все материалы, которые мы посылали им?

– Не имею понятия, – отвечал Хойт. – Похоже, это для него абсолютная новость. Все приостанавливается до тех пор, пока мы не обрисуем директору обстановку и он не даст добро.

Киллэм не находила слов.

– И чем только они там занимаются?!

Полчаса спустя паркинг перед отелем «Хэмптон» в Форсите кишмя кишел юристами и агентами ФБР. Три прокурора – Манн, Мучник и Прайс – прибыли из Чикаго для последнего инструктажа своего главного свидетеля. Но они согласились, что сначала с Уайтекером должны побеседовать Шепард и Херндон.

Агенты растерянно сообщили антитрестовцам, что Фри приостановил операцию. Только завтра будет известно, состоится ли операция вообще.

Манн окаменела.

– Невероятно! – воскликнула она. – Может, послать кого-нибудь в Вашингтон?

– Лучше не стоит, – отозвался Шепард.

– Черт, в самый последний момент! – сетовала Манн.

Все было готово к штурму. Федеральный магистрат подписал ордер на обыск. Уайтекер принес присягу перед большим жюри. Шепард и Херндон назубок выучили вопросы, которые они зададут Мику Андреасу и Терри Уилсону. Все топ-менеджеры АДМ были в городе. А теперь все повисло в воздухе до особого распоряжения Фри.

Оставив юристов, Шепард и Херндон поднялись в зарезервированный номер, куда вскоре явился и возбужденный

Уайтекер.{241}

Шепард встретил его на пороге:

– Привет, Марк. Как настроение?

– Настроение хорошее, – ответил Уайтекер. – Ну что, завтра начинаете?

– Вроде бы да, – сказал Шепард. – А как ваша семья?

– Нормально. Завтра они едут на весь день в парк аттракционов. Мы решили, что так будет лучше.

Уайтекер говорил быстро и возбужденно жестикулировал. Агенты несколько недель готовили его, растолковывая шаг за шагом последовательность событий. Они предупредили свидетеля, что, если в его прошлом есть что-нибудь компрометирующее, АДМ непременно до этого докопается. Уайтекер отвечал, что он это понимает, но раскапывать нечего. Так что им остается только окончательно договориться о своих действиях.

– Хорошо, Марк, – сказал Шепард. – Но мы должны предупредить вас еще кое о чем.

– О'кей, – кивнул Уайтекер.

– Во-первых, когда эта заварушка начнется, руководство АДМ из кожи вон вылезет, чтобы выяснить о нашем расследовании все до капли: когда и с чего оно началось, кто в этом участвовал и так далее. Так что ведите себя очень осторожно и будьте готовы к тому, что они попытаются выведать, какую роль вы в этом играли.

– Ну да, понятно.

– Они будут доискиваться причин очень настойчиво, рыскать повсюду, расспрашивать, кто что делал и говорил. Чтобы выяснить, кто дал всему первый толчок, они будут готовы почти на все. Так что держитесь тише воды, ниже травы и глядите в оба.

– Ну да, ну да, я знаю, – кивал Уайтекер.

Но агенты не отступались. Чтобы участие Уайтекера в расследовании оставалось в тайне как можно дольше, ему следует быть предельно осторожным. Нельзя упоминать факты, которые он мог узнать только от агентов ФБР. Уайтекер продолжал уверять их, что все понимает.

– Хорошо, Марк, – сказал Шепард. – Но есть еще несколько важных моментов. Во-первых, мы советовались с прокурорами антитрестовского отдела. Они говорят, что, как только мы произведем обыски в АДМ, вам нужно будет заявить, что у вас есть свой адвокат.

Уайтекер растерянно посмотрел на агентов:

– То есть… вы хотите, чтобы я прямо сейчас нанял адвоката?

– Нет-нет, не сейчас, – вмешался Херндон. – Но тут есть юридические тонкости, которые вы должны понимать. Вы

находитесь в двойственном положении. Вы член корпорации, но в то же время индивидуум. Когда это дело станет достоянием гласности, вы не будете иметь права рассказывать нам о том, какие юридические действия предпринимает АДМ. Если у вас будет адвокат, вы будете лучше защищены от возможных происков с их стороны.

– Вот именно, – подтвердил Шепард. – Поэтому скажите им, что у вас есть свой адвокат и что вы собираетесь сотрудничать с властями.

– Но ведь это будет выглядеть странно, – возразил Уайтекер. – С какой стати я вдруг начну говорить им это? Они сразу поймут, что я что-то скрываю.

– Это вовсе не странно, Марк, – сказал Херндон. – Сотрудничать с властями – это, естественно, правильная позиция. Вы занимаете в компании высокое положение, и нет ничего удивительного в том, что вы наняли адвоката. Они отнесутся к этому с пониманием.

Уайтекер посмотрел на них задумчиво.

– Пожалуй, в Декейтере есть адвокат, которого я могу нанять, – сказал он.

– Нет, ни в коем случае! – испугался Шепард. – Город слишком маленький. Нельзя обращаться ни к кому из местных адвокатов.

Уайтекер вконец растерялся. Агенты обсуждали этот вопрос с прокурорами, и никто из них не брался рекомендовать свидетелю адвоката. Для них это означало бы превышение полномочий. Уайтекер должен был найти адвоката сам.

– И еще одно, Марк, – сказал Херндон. – Мы советовались с прокурорами антитрестовского отдела, и они говорят, что юристы компании первым делом обойдут всех сотрудников со списком адвокатов, предлагая выбрать кого-нибудь из них. Этих адвокатов будет оплачивать АДМ. – Херндон наклонился к Уайтекеру. – Марк, вы должны понимать, что эти адвокаты не будут представлять вас. Им будет платить АДМ, и они будут работать на нее. Не соглашайтесь на адвокатов, которых они будут предлагать. Вот тут-то и скажите им, что у вас уже есть адвокат.

Уайтекер нахмурился.

– Но это действительно будет странно, – бросил он.

– Нет, не будет, Марк, – ответил Херндон. – У вас есть право на своего адвоката. Можете сказать, что вы давно с ним знакомы. Вы находитесь в таком же положении, как они. Объясните, что вам нужен адвокат, которому вы доверяете.

Уайтекер еще немного поартачился, но в конце концов сдался:

– Ну хорошо. Надеюсь, все пройдет нормально.

Юристам антитрестовского отдела надоело ждать на стоянке. Они не рассчитывали, что их продержат здесь так долго. Постояльцы гостиницы уже начали коситься на них с подозрением. К тому же Мучник появился с новой прической «ежиком». По мнению Манн, он был похож на героя фильма «Прирожденные убийцы». Неудивительно, что людям было не по себе оттого, что подобная личность крутится поблизости.

Наконец к ним вышел Шепард и сказал, что их беседа с Уайтекером еще не окончена. Чтобы не торчать на парковке, юристы отправились в находившийся неподалеку «Хикори пойнт» и отыскали там кондитерский отдел. Марвин Прайс купил несколько фунтов «желейных бобов».[57] В ближайшие два дня им придется проводить в ожидании немало времени, рассудил он, и неплохо, если будет чем подкрепиться.

А тем временем в отеле Шепард и Херндон рассказывали Уайтекеру о том, что произойдет в эти два дня. Первым делом они попытаются договориться с Миком Андреасом. Если с этим ничего не выйдет, они допросят Уилсона, который будет обедать с Уайтекером и Стивеном Ю, сотрудником представительства АДМ в Китае.

– Мы прибудем в «Кантри Клаб» втроем, – сказал Херндон. – Мы с Брайаном возьмем на себя Уилсона, а третий агент уведет вас куда-нибудь, чтобы создать видимость, что вас тоже допрашивают. Я сразу скажу, что мы должны допросить вас по отдельности.

– Отлично, – улыбнулся Уайтекер. – По-моему, здорово задумано.

– А теперь, – сказал Шепард, когда они покончили с объяснениями, – с вами хотят поговорить прокуроры антитрестовского отдела. Они придут сюда после нашего ухода и растолкуют вам всякие юридические штуки лучше нас.

Прежде чем уйти, Херндон еще раз повторил свои наставления:

– Не забывайте, Марк, что адвокаты, список которых вам дадут на выбор, будут работать на АДМ. Скажите им, что у вас свой адвокат и что вы собираетесь честно сотрудничать с властями. Сегодня же вечером подумайте, кого вы хотели бы нанять.

– О'кей, парни, – ответил Уайтекер. – Я все понял.

Пожав Уайтекеру руку и пожелав ему удачи, агенты оставили его.

Через несколько минут появились антитрестовцы. Уайтекер улыбнулся, увидев Мучника:

– У вас, я смотрю, новый «ежик».

– Ага, – отозвался Мучник и, подойдя к Уайтекеру, наклонил голову: – Хотите потрогать?

Рассмеявшись, Уайтекер провел рукой по затылку Мучника.

– Пусть это будет приметой на счастье, Марк, – сказал тот.

Манн села за стол против Уайтекера, Прайс устроился рядом, а Мучнику досталась кровать.

Слово взяла Манн:

– Марк, что бы ни случилось завтра, с юридической точки зрения суть дела не меняется. Но если вы возьмете адвоката, предложенного АДМ, может возникнуть коллизия. Они представляют компанию, а не вас лично. Мы хотим, чтобы вы осознали, что в ваших интересах взять адвоката, который будет представлять только вас.

Опять то же самое: «Наймите адвоката».

– Ясно, – ответил Уайтекер. Окинув взглядом юристов, он спросил: – Как вы думаете, в компании все пройдет для меня благополучно?

– Марк, ну откуда мы можем это знать? – откликнулась Манн. – Бесполезно спрашивать нас об этом. Вы должны сделать все, чтобы обезопасить себя. А для этого, в частности, надо сказать руководству компании, что вы будете способствовать проведению расследования.

Это Марк тоже уже слышал. Он согласно кивнул.

По мере того как прокуроры объясняли ему юридические нюансы дела, настроение Уайтекера падало. Он все яснее осознавал истинное положение вещей.

– Не знаю… – неожиданно протянул он. – Не уверен, что все обойдется для меня хорошо и я останусь в компании. Понимаете, слишком далеко это зашло. Хотя, как знать? Может, все-таки обойдется. В компании много хороших людей. В общем, не знаю… – Помолчав, он спросил: – Ведь расследование подходит к концу, да?

– Да, – кивнула Манн.

– Как вы думаете, мне придется давать показания в суде?

– Не знаю, Марк, – ответила Манн. – Пока нельзя утверждать что-либо с уверенностью. Работайте как обычно. Будущее покажет.

Они беседовали еще минут пятнадцать, затем Мучник подытожил сказанное, напомнив Уайтекеру, что он должен подумать, как лучше защитить свои интересы и какого адвоката

нанять.

– Это понятно, – ответил Уайтекер. – У меня есть на примете один.

На прощание Уайтекер произнес с улыбкой:

– Знаете, Джим, эта прическа – вы в армию собрались, или что?

Командир рейса 602 «Юнайтед эйрлайнз» выключил сигнал «пристегните ремни». Джон Хойт вынул из бумажника кредитную карту и снял трубку телефона в салоне самолета. Следуя инструкциям на маленьком экране, он вставил карту в щель.

Поездка в Вашингтон по вызову Луиса Фри обернулась гонкой с препятствиями. Не имея запаса времени, трудно выбрать подходящий рейс. Ближайшим был утренний, с пересадкой в Чикаго. Но Хойт с Киллэм могут опоздать на этот самолет.{242}

К телефону подошла секретарша Стаки.

– Дон? Это Джон Хойт. Шеф на месте?

– Минутку.

Стаки взял трубку:

– Джон? Ну как?

– Мы сделали пересадку, Дон. Летим.

– Хорошо. Держите меня в курсе.

Положив трубку, Хойт посмотрел на часы.

Все планы полетели к черту. Фри хотел, чтобы они отчитались перед ним в девять утра, а в вашингтонском аэропорту они будут только около одиннадцати. Хойт подсчитал, что в Спрингфилд они вернутся всего за шесть часов до намеченного начала операции.

Он глубоко вздохнул. Явятся в последний момент.

Херндон и Шепард поглядывали на часы. Они с самого утра беседовали с разными агентами, разъясняя им их задачи, но общий инструктаж был назначен на 14.00. Агенты, съехавшиеся отовсюду, были готовы приступить к действиям. Даже погода была идеальной. Если переносить операцию, уйдет несколько месяцев, чтобы привести все в такую же готовность.

Нет, откладывать нельзя.

В Вашингтонском национальном аэропорту Хойт и Киллэм отстегнули ремни и поспешили к выходу. Багажа у них не было, но пришлось пережидать, пока схлынут плотные людские толпы. Они поспешили в очередь на такси. На часах было начало двенадцатого.

Наконец очередь дошла и до них.

– Штаб-квартира ФБР, – сказал водителю Хойт.

Тот тронулся с места.

Никаких вестей.

Херндон и Шепард нервно мерили шагами кабинет Стаки. Время инструктажа приближалось, а они все еще не знали, состоится ли операция. Было решено, что инструктаж проведут так или иначе и объяснят агентам ситуацию. Время не оставляло выбора.

В здании Гувера Хойт и Киллэм смогли наконец отдышаться. Назначенное им время давно прошло, и пришлось ждать, пока Фри освободится. Не больше двух часов, успокоили их.

Два часа.

Пора.

Группы агентов заполнили конференц-зал спрингфилдского офиса ФБР. Стаки вышел к трибуне.

– Хотим сразу предупредить вас, что операция может не состояться, – сказал он. – Директор еще не дал добро. Джон Хойт и Кейт Киллэм разговаривают с ним прямо сейчас.

Херндон снова взглянул на часы. Что-то долго они там.

– Разрешите мне поблагодарить вас всех за участие в сегодняшней операции. Это поистине знаменательный день для нашего отделения, – продолжил Стаки. Затем он предоставил слово Херндону и Шепарду, которые детально изложили всю последовательность действий.

Когда Хойт и Киллэм вошли в конференц-зал Фри, их ждали директор и несколько его заместителей. Спрингфилдские агенты хотели было сесть в конце длинного стола, но Фри поднял руку:

– Нет-нет, Джон. Садитесь оба рядом со мной.

Хойт и Киллэм заняли места рядом с Фри.

– Прежде всего, – сказал Фри, – я хочу поблагодарить вас за то, что вы приехали, хотя я вызвал вас в последний момент, а также прошу извинить за причиненные неудобства. Понимаю, что вы предпочли бы остаться в Спрингфилде и участвовать в подготовке операции. Расследование, которое вы проводите, действительно уникальное и очень важное. Пожалуйста, расскажите о нем.

Он обвел взглядом своих помощников.

– Кое-что следовало бы сделать уже давно, – произнес он со значением. – Но к этому мы вернемся позже.

Все напряглись и сидели молча. Киллэм казалось, что она

слышит, как потеют эти люди.

– Итак, Джон, – повернулся Фри к Хойту, – приступайте.

Хойт начал говорить, заглядывая в свой блокнот:

– Это дело о фиксировании цен компанией АДМ. Вы, конечно, знаете об этом и видели документы, которые мы присылали. И вот наконец мы готовы действовать в открытую. Сегодня вечером мы собираемся предъявить ордера на обыск.

Хойт бегло описал ход расследования, Киллэм добавила кое-какие детали. Фри задал несколько вопросов по существу дела, и, к удивлению спрингфилдских агентов, оказалось, что в целом он неплохо осведомлен.

– Ну что ж, – подытожил Фри. – Ваш план выглядит безукоризненно. Думаю, это дело заинтересует прессу. – Он посмотрел на Хойта и Киллэм. – Так что же вы тратите тут время? Вам, наверное, не терпится вернуться в Спрингфилд, в эпицентр событий.

– Да, – произнесли в унисон Хойт и Киллэм, улыбнувшись.

– Ну так удачи вам, – сказал Фри.

Хойт и Киллэм кинулись к дверям. Прежде всего нужно было найти телефон, а потом мчаться в аэропорт.

– Боб и Брайан, зайдите ко мне, пожалуйста.

Услышав голос по интеркому, Шепард и Херндон прошли по коридору в кабинет Стаки, даже не постучав, перед тем как войти. Стаки сидел за своим столом.

– Только что позвонили, – сказал Стаки. – Дали зеленый свет.

Агентов охватило волнение. Наконец-то!

– Действуйте, – проговорил Стаки.

Выйдя из кабинета Стаки, Херндон зашел в конференц-зал, где несколько агентов еще ждали окончательного решения. Шепард направился в радиорубку, чтобы сообщить новость по интеркому.

Минуту спустя по всему зданию разнеслось:

– Участникам «Битвы за урожай»: начинаем.

Спустя два часа Шепард и Херндон сидели в автомобиле напротив одного из открытых допоздна магазинов. Раздался звонок сотового телефона, подключенного к прикуривателю. Херндон ответил.{243}

– Привет, это Марк. Похоже, Мик выехал.

– Спасибо.

Через минуту мимо проехал «мерседес» Андреаса.

– Вот он, – сказал Шепард.

Агенты не спешили. Они не собирались останавливать

Андреаса: пусть доедет домой, наденет шлепанцы, перекинется парой слов с домашними. Когда он расслабится, справиться с ним будет легче.

Прошло десять минут. Херндон сделал глубокий вдох:

– Думаю, пора.

Шепард включил зажигание.

– Вот и я так думаю, Боб.

Шепард вырулил на проезжую часть. Херндон потер вспотевшие от волнения ладони. Вскоре они уже ехали по Норд-Кантри-клаб-роуд к дому Андреаса. Перед подъездной аллеей Шепард посигналил.

Херндон взял микрофон.

– Восемь-ноль-семь, – произнес он. – Это эс-ай-пятнадцатый.

– Слушаю вас, эс-ай-пятнадцатый.

– Заходим в дом к объекту номер один.

Сделав круг по подъездной аллее, Шепард остановился. Секунду-другую они сидели молча.

– Ну, пошли, – сказал Херндон.

Они подошли к двери и позвонили. Им открыла Салли Андреас, жена Мика.

– Добрый вечер, мадам, – сказал Шепард. – Я специальный агент ФБР Брайан Шепард. Это специальный агент Боб Херндон. Мы можем поговорить с вашим супругом?

– Да, конечно. Заходите.

Агенты вошли в прихожую, а Салли отправилась звать мужа. Он появился минуту спустя без галстука и пиджака и, как планировалось, в шлепанцах.

– Привет, парни, как дела? – произнес Андреас низким раскатистым голосом. – Чем обязан? Всегда рад оказать помощь правоохранительным органам.

– Мы хотим обсудить с вами одно очень серьезное дело, – сказал Шепард.

Андреас едва заметно пожал плечами:

– Хорошо. Идите за мной, прошу вас.

Агенты проследовали за Андреасом через дом. По пути они миновали небольшую комнату, где младший сын Мика смотрел телевизор. Андреас привел их в свой кабинет и устроился за столом. Шепард и Херндон сели по другую сторону и показали хозяину свои удостоверения.{244}

– Ладно, – отозвался тот. – Так что у вас за серьезное дело?

Шепард набрал в грудь воздуха:

– Вы первый, к кому мы обращаемся. Мы делаем это, потому что уважаем ваше положение в компании и знаем, каким авторитетом вы пользуетесь. Мы попросили бы вас сначала

выслушать все, что мы хотим сообщить.

У Андреаса ни дрогнул ни один мускул.

– Я весь внимание, – ответил он.

– Речь идет о международном расследовании сговора о ценах, в котором участвуют много компаний, включая АДМ, – сказал Шепард. – В ходе расследования мы использовали самую разную технику, в том числе новейшую. Нам удалось добыть даже больше вещественных доказательств, чем мы рассчитывали. Для нас это было неплохой практикой. – Он кивнул на Херндона. – Специальный агент Херндон вручит вам один из образцов добытого нами материала.

– Это не займет много времени, мистер Андреас, – сказал Херндон. – Мы не будем тянуть резину. Мы просто хотим поставить вас в известность о том, что удалось выяснить, и послушать, что вы скажете. И мы собираемся просить вашей помощи.

Он перечислил некоторые факты. Создание фиктивных торговых ассоциаций для прикрытия. Незаконный обмен информацией о продажах и объемах производства. Привлечение аудиторов с целью застраховаться от обмана. Все факты касались производства лимонной кислоты и кукурузного сиропа с высоким содержанием фруктозы. Лизин не был упомянут ни разу. Агенты хотели по возможности оградить Уайтекера от неприятностей.

Андреас слушал спокойно, сцепив руки на столе. Это производило впечатление – Херндону еще не попадались такие хладнокровные клиенты.

– Мы знаем многое – мы слушали и видели переговоры, – сказал Херндон. – У нас есть даже записи.

Он поднял с пола кейс и достал диктофон. Агенты несколько дней спорили о том, какую из записей дать послушать Андреасу. В конце концов выбор определило стремление как можно дольше не раскрывать участие Уайтекера. Они остановились на переговорах Андреаса с Ямадой 30 апреля 1993 года. Голоса Уайтекера на пленке не было, фиксирование цен напрямую не обсуждалось. Эта запись лучше прочих позволяла сохранить инкогнито Уайтекера. Они надеялись, что на Андреаса подействует уже то, что он услышит на пленке собственный голос.

В комнате стояла полная тишина, и Херндону на секунду подумалось, не записывает ли Андреас их разговор.

– Позвольте задать вам вопрос, сэр, – обратился он к Андреасу. – Вы когда-нибудь слышали фразу «Конкуренты – наши друзья, а клиенты – враги»?

– А второе из наших любимых изречений вам известно? –

откликнулся Андреас. – «Уж если мы врем, то делаем это осознанно».

Агенты не ответили.

– Знаете, – сказал Андреас, – мне кажется, что вы, друзья, не слишком-то разбираетесь в бизнесе.

– Давайте я объясню вам ситуацию, – сказал Шепард. – Это, возможно, самое крупное нарушение антитрестовских законов за всю историю США. Как говорят юристы антитрестовского отдела Министерства юстиции, участникам этого сговора, включая вас лично, грозит тюремное заключение.

Хотя в сговоре участвовало несколько компаний, привлечь к ответственности американские власти могли только АДМ, остальные были иностранными.

– АДМ остается в одиночестве. Если вы не пойдете нам навстречу, ваши конкуренты от этого только выиграют. Вашим клиентам по-прежнему будут нужны кукурузный сироп и лимонная кислота, и они обратятся к другим компаниям, которые не пострадают.

Ни слова о лизине. Может, Андреас и вовсе не думает о Уайтекере.

– Сегодня у вас есть возможность принять решение, от которого будет зависеть и ваше собственное будущее, и будущее вашей компании. Вы можете повлиять на ход расследования и защитить АДМ. Но решить это вы должны прямо сейчас.

Шепард сделал паузу. Андреас тоже молчал.

– Мы знаем, что ваш отец долго и упорно создавал эту компанию, и мы глубоко уважаем и его, и вас. Но нам нужна ваша помощь.

– Я чту закон и всегда стараюсь сотрудничать с органами правопорядка, – ответил Андреас. – Но я не могу принять решения о безоговорочном сотрудничестве с вами, не посоветовавшись с отцом и своим адвокатом. АДМ – публичная компания, и я отвечаю перед советом директоров.

– Мистер Андреас, – возразил Шепард, – нам кажется, что вы обладаете достаточной властью, чтобы вынести решение о сотрудничестве. Мы хотим вашей помощи в сборе свидетельств фиксирования цен на кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы, лимонную кислоту и, возможно, на другие продукты. Если решите помогать нам, вам придется сделать ряд телефонных звонков. Мы понимаем, что это очень важное решение и что принять его нелегко. Но если вы отвергнете его, АДМ окажется в изоляции.

Андреас молчал.

– С нашей точки зрения, решение напрашивается само собой:

чтобы сохранить компанию, спасти все, что ваш отец создавал с таким трудом, вы должны пойти на соглашение и дать сведения о других компаниях, участвующих в сговоре.

Шепард остановился. Он привел все доводы, какие мог.

– Нет, в самом деле, парни, вы, по-моему, не понимаете, что такое бизнес, – ответил Андреас.

Он отрицал, что АДМ участвует в фиксировании цен. Те продукты, о которых говорят агенты, относятся к группе биржевых товаров, и манипулировать ценами на них невозможно. Он признал, что время от времени компания ведет переговоры с конкурентами – но это в порядке вещей. Это все равно что разговор соседей, торгующих подержанными автомобилями, о перспективах рынка на следующий год, и не более того.

– Я знаю антитрестовские законы, – сказал Андреас, – и мы их не нарушали. Переговоры, которые вы записывали, не противозаконны.

– Мы дали вам прослушать именно эту пленку потому, что на ней записаны вы, а не потому, что она доказывает нарушение закона, – сказал Херндон. – У нас есть и более убедительные свидетельства. – Он посмотрел Андреасу прямо в глаза. – Мы не будем уговаривать вас всю ночь. Решайтесь.

– Я не пойду на это, – резко заявил Андреас. – Я не буду шпионить и таскать с собой записывающие устройства. И мои дети не станут этого делать. – Он откинулся на спинку кресла. – Так что, я думаю, вам пора идти, парни. Мне надо срочно связаться с отцом и с нашими юристами.

– Ну что ж, – сказал Херндон. – Но, прежде чем уйти, мы должны вручить вам повестку о явке в суд. – Он достал из кейса четыре документа – повестку для Андреаса и три ордера на обыск помещений АДМ – и вручил их Мику.

Мик положил бумаги на стол и встал.

– Я думаю, вам пора, – повторил он и направился к дверям.

Проходя мимо Шепарда, он остановился, и по его глазам было видно, что он узнал агента.

– Вы мой должник, – сказал он ему.

– Что вы имеете в виду? – спросил Шепард.

– Я узнал вас. Пару лет назад мы встречались по другому поводу.

Он имел в виду дело со звонком Фудзивары. Шепард не ответил.

Андреас выпроводил агентов спустя полчаса после их прибытия. Шепард сел за руль, а Херндон снова взялся за телефон.

– Восемь-ноль-семь, это эс-ай-пятнадцатый.

– Слушаю вас, эс-ай-пятнадцатый.

– Восемь-ноль-семь, передайте другим командам: действуем по плану.

Оператор связи понял, что это значит: Мик Андреас не поддался. Около шести вечера это сообщение получили агенты по всей округе.

Облава началась.

Спустя несколько минут Шепард и Херндон свернули на песчаный пустырь у дороги и остановились рядом с ожидавшей их машиной. Из нее вышел Кевин Корр, главный юрист спрингфилдского офиса ФБР. Шепард опустил стекло.

– Вас не было так долго, что я уж решил, вы уломали его, – сказал Корр.

– Увы, нет, – ответил Херндон. – Так что продолжаем как договорились.

Корр кивнул и вернулся к своей машине. На очереди был Уилсон.

В то же самое время бригада агентов вошла в административное здание АДМ и, размахивая ордерами на обыск, рассыпалась по кабинетам руководящих работников.

Кузен Мика Аллен Андреас, который прежде работал в лондонском представительстве АДМ, был в своем новом кабинете. Он увидел, как агенты разошлись по офису, стали собирать документы компании и куда-то уносить их. На Аллена они не обращали внимания.

Понаблюдав за ними, Аллен решил, что рабочий день окончен, и направился к лифту.

Вечер был теплым, дул ветерок, и гости декейтерского «Кантри Клаб» решили ужинать в патио. За одним из столиков сидел адвокат Андреасов Джим Шафтер, некогда присутствовавший при беседе Мика Андреаса с агентами по делу Фудзивары. Вместе с женой Джиджи он потягивал вино в ожидании главного блюда.

В шесть часов на стоянку ярдах в двадцати от их столика въехали два автомобиля. Шафтер сидел спиной к стоянке и не видел, как из машин вышли Шепард, Херндон и Корр, как они прошли в клуб и как Корр через несколько минут вернулся в сопровождении Уайтекера.

Официантка принесла заказ, и Шафтеры занялись едой. В это время Шепард и Херндон вышли из клуба, а Уайтекер выбрался из машины и с встревоженным видом подошел к ним. Они кратко

переговорили о чем-то.

Спустя некоторое время подошла официантка.

– Мистер Шафтер, – сказала она, – мистер Рейзинг просил вас позвонить ему, когда вы закончите ужин.

– Хорошо, – отозвался Шафтер. – Спасибо.

Он не придал значения звонку Рейзинга. Скорее всего, юридический советник хотел договориться о партии в гольф. Однако официантка вскоре вернулась.

– Мистер Шафтер, мистер Рейзинг просит позвонить вас как можно скорее.

– Хорошо, хорошо, благодарю.

Через несколько минут официантка подошла в третий раз.

– Мистер Шафтер, мистер Рейзинг просит, чтобы вы позвонили ему немедленно.

Сначала Шафтер хотел воспользоваться мобильным телефоном, но передумал. Если Рейзинг звонит три раза подряд, этот разговор скорее всего не для посторонних ушей. Он вытер рот салфеткой и поднялся.

– Я ненадолго, – сказал он жене.

Он прошел в клуб к телефону-автомату в мужской раздевалке и позвонил Рейзингу домой. Трубку сняла жена Рейзинга и сказала, что ее муж у Мика Андреаса и чтобы Шафтер звонил туда. Адвокат набрал номер Андреаса. К телефону подошел Рейзинг. Только Шафтер хотел спросить, в чем дело, как Рейзинг перебил его:

– Немедленно приезжай сюда.

– Рик, может, ты хоть объяснишь? Что за…

– Бросай все, немедленно! – рявкнул Рейзинг и дал отбой.

Отъехав от «Кантри Клаб», Шепард свернул к небольшому причалу для яхт. У них с Херндоном еще не было возможности перевести дух и обсудить происшедшее. К тому же им не хотелось сразу бросаться в водоворот декейтерской резидентуры Бюро.

Шепард выключил двигатель и посмотрел на Херндона.

– Ну и как, по-твоему, все прошло нормально?

– Да, – ответил Херндон. – По-моему, все было как надо.

Они не ожидали, что Андреас уделит им столько времени. А некоторые его высказывания очень им пригодятся. С Уилсоном получилось еще лучше – он постоянно отрицал собственные слова, записанные на пленку. Присяжные, несомненно, обратят на это внимание.

Агенты взглянули друг на друга и обменялись рукопожатием.

– Да, хорошая работа, – сказал Шепард.

В это время другие агенты колесили по всему Декейтеру с визитами к сотрудникам АДМ. Два старейших агента ФБР, Алек Уэйд и Стивен Нэш, подъехали на служебной машине к воротам поместья Дуэйна Андреаса. Сидя в автомобиле, они набрали номер домашнего телефона Дуэйна. Они сообщили хозяину о своем прибытии, и ворота распахнулись.

Андреас встретил их в доме. Агенты сказали, что расследуют предполагаемый сговор о ценах на кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы, лимонную кислоту и лизин. Они спросили Дуэйна, знает ли он о существовании отраслевых ассоциаций предприятий по производству этих продуктов.

– Нет, мне о таких неизвестно, – пожал плечами Андреас. – Но, в принципе, я считаю, отраслевые ассоциации – вещь полезная.

– Вы не знаете, АДМ продает какой-либо из этих продуктов государству? – спросил один из агентов.

– Нет, не знаю. А вы?

– Я тоже не знаю, сэр.

Агенты задали Дуэйну несколько вопросов о фиксировании цен, но тот с отсутствующим видом качал головой. О ценах на эти продукты сговориться нельзя, сказал он, потому что в их производстве слишком много нестабильных составляющих.

Они продолжали осаду, спросив, встречался ли он с конкурентами и известно ли ему о прослушке в «Декейтер Клаб», которую Уайтекер упомянул несколько лет назад. Но на каждый вопрос Андреас отрицательно мотал головой.

– Сэр, объясните, пожалуйста, почему был уволен Уэйн Брассер? – спросил один из агентов.

Дуэйн посмотрел на него с недоумением:

– Уэйн Брассер? Кто это такой? Наш бывший служащий?

– Да, сэр. По нашим сведениям, он был уволен за то, что отказался принимать участие в фиксировании цен.

– Черта с два, – фыркнул Андреас.

Барри Кокса, возглавлявшего отдел по производству лимонной кислоты и жившего в другом конце города, агенты остановили на улице около его дома. Они сказали, что расследуют предполагаемый сговор о ценах, и Кокс гостеприимно пригласил их к себе. Они только расселись в гостиной, как раздался телефонный звонок. Кокс подошел к телефону, а когда вернулся, уже не улыбался.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – заявил он вдруг. – Если у вас есть вопросы, обратитесь к моему непосредственному начальнику Терри Уилсону или к нашему главному

юридическому советнику Ричарду Рейзингу. Мне нечего вам сказать.
{245}

Агенты встали и перед уходом вручили Коксу повестку о явке для дачи показаний перед большим жюри. Не прошло и часа после начала операции, как компания предупредила своих сотрудников держать рот на замке. Юристы АДМ работали быстро.

Говард Баффет принимал у себя дома спецагента Роберта Шулера. Он говорил много и охотно, и некоторые из его откровений были поистине сенсационными.{246}

– Я считаю, что Дуэйн Андреас не вполне честный человек, – заявил Баффет. – Чтобы добиться своего, он пойдет на все. Он деспотичен и очень хитер.

Агент попросил привести примеры. Баффет рассказал о взбучке, полученной от Андреаса в связи с билетами на футбольный матч для конгрессмена, и о том, что, по его мнению, АДМ занизила сумму дохода от одной из сделок, чтобы скрыть от инвесторов связанный с нею риск. Однако относительно фиксирования цен и тайного прослушивания гостей АДМ в «Декейтер Клаб» Баффет не мог сказать ничего определенного.

Беседа затянулась допоздна. Шулер пришел к выводу, что Баффет может стать ценным свидетелем обвинения.

Специальный агент Кен Темплз позвонил в дверь Кирка Шмидта, бухгалтера-контролера подразделения биопродуктов АДМ. Шмидт открыл дверь и, когда Темплз показал ему удостоверение, произнес:

– Да-да, заходите.

Он будто ожидал этого визита.{247}

Во дворе дома Мика Андреаса Рик Рейзинг, утонув в кресле, читал оставленные агентами повестки о явке в суд. Сидевший рядом с ним Мик перебирал в памяти подробности разговора с Шепардом и Херндоном.

Услышав шаги, они подняли головы и увидели приближавшегося Джима Шафтера. Рейзинг встал.

– Вот, – сказал он. – Прочти, и начнем действовать.

Шафтер пробежал глазами ордера.

– Та-ак, – протянул он. – И как развиваются события?

– В данный момент агенты – двадцать или тридцать человек, не знаю точно, – роются в наших кабинетах и выносят документы, – ответил Рейзинг.

– А кто-нибудь из наших при этом присутствует?

– Люди Шевирона, – кивнул Рейзинг.

– Скажи им, чтобы они по возможности проследили за тем, что и куда увозят, – не вмешиваясь, конечно.

– Ничего себе. Спасибо, – отозвался Рейзинг саркастически.

Они втроем обсудили происходящее. Они знали, что агенты ФБР объезжают дома руководства компании и не обошли вниманием даже Дуэйна. Рейзинг посмотрел на часы.

– Прошу прощения, мне пора. – Он ждал к себе домой еще нескольких сотрудников.

Шафтер подсел к Андреасу.

– Мик, расскажи же мне, черт побери, о чем агенты говорили с тобой.

– О лизине, – холодно ответил Андреас.

В декейтерской резидентуре ФБР царило лихорадочное возбуждение. Шепард и Херндон прибыли в половине седьмого и занялись сортировкой поступающих со всех сторон сообщений. В стороне от них агенты вместе с юристами следили за экраном монитора. Компьютер принимал сигналы от устройств регистрации входящих и исходящих звонков на домашних телефонных линиях нескольких служащих АДМ. Всякий раз, когда владелец дома говорил по телефону, на экране высвечивался номер телефона его собеседника. Оставалось уточнить его имя.

Мучнику некогда было перевести дух. Он сидел на телефонах и метался от одного аппарата к другому, отрывисто бросая в трубку: «КП», что означало «командный пункт». Он чувствовал себя опытным полицейским.

Стоило ему выйти, как его тут же позвали обратно.

– Там один парень хочет поговорить.

Мучник взял трубку:

– КП.

– Приветствую. Это Кен Темплз.

– Привет, Кении. Это Джим Мучник.

– Слушай, Джим, тут у меня проблема.

Голос Темплза звучал растерянно. Мучник сразу насторожился:

– Что случилось?

– Я только что разговаривал с одним из служащих АДМ, Кирком Шмидтом.

– И что?

– Оказалось, Шмидт знал, что мы должны прийти. Уайтекер еще несколько дней назад сказал ему про облаву.

Через несколько минут Мучник положил трубку. Он был едва ли не в трансе и тут же устремился в комнату, где работали другие антитрестовцы – Манн, Прайс и Сьюзен Букер. Ворвавшись к ним, он выпалил:

– Марк сказал им.

Все трое уставились на него.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Манн.

– Марк сказал им, – повторил Мучник. – Они всё знали.

Через десять минут тревожное сообщение поступило от другого агента: Уайтекер сказал о готовящейся операции сотруднице своего подразделения Кэти Даферти. Но самое оглушительное известие пришло от агента, который допрашивал секретаршу Уайтекера Лиз Тейлор. Уайтекер не только предупредил ее об облаве, но и давным-давно рассказал ей о своем сотрудничестве с ФБР.{248}

Шепард и Херндон были вне себя. Несколько месяцев они успокаивали Уайтекера, утешали его, когда он плакался им в жилетку, жалуясь на свое положение и трясясь перед разоблачением. Допрашивая сотрудников АДМ, они старались уберечь его от нежелательных последствий и даже избегали употреблять слово «лизин», хотя оно могло стать неплохой наживкой для Мика Андреаса. А теперь оказывается, что все это впустую!

Служащие АДМ знали, что Уайтекер работает на ФБР.

В связи с этим возникала масса проблем. Неизвестно, насколько ухудшится ситуация. Если предупреждение дошло до руководителей АДМ, они могли сочинить историю, выгораживающую их, и даже сфабриковать фиктивные свидетельства своей невиновности. Над расследованием нависла угроза.

В половине девятого, когда разгневанные агенты готовились к встрече с Уайтекером, раздался телефонный звонок. Звонил один из сотрудников штаб-квартиры. Фри отдал приказ, сказал он, чтобы завтра к 6.30 утра на его столе лежали отчеты всех агентов обо всех проведенных в Декейтере действиях и допросах.

Херндон сжал зубы, внутренне кипя. Типичные штучки вашингтонской бюрократии. Он не верил, что приказ исходил от Фри, – тот слишком хорошо знал оперативную работу, чтобы требовать письменных отчетов в разгар операции. Херндон пытался протестовать, но все было напрасно. Спор привлек внимание проходивших мимо юристов антитрестовского отдела.

– Сделаю, что смогу, – процедил Херндон сквозь зубы. – Но

это неправильно. Чушь это, вот что.

– Боб, – ответил управленец снисходительным тоном, – я тут тоже не прохлаждаюсь, всю ночь проведу на работе.

Херндон швырнул трубку на рычаг и посмотрел на юристов.

– Это самая настоящая долбаная хренотень! Вы просто не поверите.

Выслушав Херндона, юристы посоветовали ему не забивать голову отчетами. Им с Шепардом нужно срочно встретиться с Уайтекером. Отчет об операции они напишут для директора сами.

Херндон был тронут. Хотя между агентами ФБР и юристами существовали поначалу кое-какие трения, со временем они стали сплоченной командой.

– Спасибо, – облегченно произнес он. – Вы, ребята, молотки, честное слово.

С этими словами он вместе с Шепардом поспешил к выходу.

Агенты сидели в машине Шепарда, разглядывая рыболовный пруд позади паркинга гостиницы «Холидей-Инн». Шепард был зол на Уайтекера даже больше, чем Херндон. Он был знаком с бизнесменом дольше остальных, он всегда защищал его и даже выстроил под него все расследование. А его предали.

– Боб, – сказал Шепард, – давай я поговорю с ним первый.

– Давай, – кивнул Херндон.

Подъехал Уайтекер. Шепард открыл переднюю дверцу машины Уайтекера, а Херндон сел на заднее сиденье.

{249}

Уайтекер был взбудоражен. Он взахлеб рассказывал о том, как был напуган Уилсон, как они встретились с Миком Андреасом и как он записал весь разговор. По его мнению, запись была очень ценной. Шепард пробурчал свои поздравления.

– А как у вас? – спросил Уайтекер. – Все прошло хорошо?

Шепард посмотрел на Уайтекера тяжелым взглядом.

– Марк, – резко спросил он, – кому вы рассказывали об этом?

На миг в салоне воцарилась тишина.

– Что… что вы имеете в виду? – пробормотал Уайтекер.

– Кому вы рассказали?

Уайтекер сначала не мог ничего произнести.

– Ну… Лиз Тейлор, – выдавил он наконец. – Мне пришлось сказать ей.

Глаза Шепарда гневно блеснули.

– Я давно сказал ей, месяца три назад, – стал торопливо оправдываться Уайтекер. – Я ничего не говорил ей о том, что вы предпринимаете, я просто сказал: «Мне надо встретиться с

агентами ФБР по одному делу, так что некоторое время меня не будет». Я должен был сказать ей, чтобы она могла со мной связаться, если что. Мне часто приходится выносить важные решения, и случалось так, что меня искали. Надо было сказать Лиз, где меня можно найти, и я объяснил, что у нас с вами есть одно дело. Но я не говорил ей о том, чем вы занимаетесь.

Шепард молча смотрел на Уайтекера, ожидая продолжения.

С заднего сиденья Херндон почти видел, как вращаются колесики в голове Уайтекера. Тот гадал, что еще известно агентам.

– А, да, еще я предупредил Кэти Даферти, – продолжал Уайтекер. – Она мой друг, и ей можно доверять. Я просто сказал несколько дней назад, что на этой неделе придут агенты ФБР, чтобы расспросить ее кое о чем, так что пусть она спокойно отвечает на все вопросы.

– С какой стати вы сказали ей это, Марк? – прогремел Шепард. – Марк, бросьте, вы несете чепуху. Зачем вы сказали ей?

– Нет, правда, только для того, чтобы она не испугалась. – Уайтекер понемногу заводился. – Вы, парни, не представляете, что все это значит для обычного человека. Я просто хотел защитить ее интересы. А ей можно доверять, да, ей можно доверять. Вот смотрите, сегодня ведь все прошло хорошо, да? Разве что-нибудь сорвалось?

Шепард и Херндон не ответили. Не объяснять же ему, что свидетельства и показания допрашиваемых могут оказаться ложью. К тому же Уайтекер испакостил их карьеру. С их подачи у начальства сложилось о нем определенное мнение. Предполагалось, что они контролируют его полностью. А он начисто вышел из-под контроля.

– Кому еще вы рассказали, Марк? – рявкнул Шепард. – Только не пачкайте нам мозги, скажите прямо: кому?

Потребовалась минута, чтобы вытянуть из Уайтекера имя Кирка Шмидта.

– Я сказал ему, чтобы он знал, что может говорить с вами спокойно. А то он отказался бы говорить с вами, чтобы не причинить мне вреда. Вы не понимаете, парни. Расследование закончится, и вы уйдете, а мне и дальше работать с этими людьми.

Гнев ударил в голову Шепарда.

– Марк! – взорвался он. – Вы что, не понимаете? Вы могли завалить всю операцию!

Уайтекер побледнел и стал бормотать извинения. Стало ясно, что странный звонок, полученный агентом Браком по линии «алло», был попыткой одного из друзей Уайтекера проверить его

рассказ.

Херндон слушал, и ему все это не нравилось. Назавтра Уайтекеру понадобится ясная голова. Он положил руку на плечо Шепарда в знак того, что хочет взять слово.

– Марк, тайм-аут, – медленно проговорил Херндон. – То, что вы сделали, нам не нравится.

Уайтекер снова начал оправдываться, но Херндон остановил его.

– Помолчите. Мы обсудим это позже, ладно? Пока оставим это. Скажите лучше, о чем еще мы не знаем?

Уайтекер помотал головой:

– Нет-нет, вроде больше ничего, Боб.

– Хорошо. Давайте поговорим о сегодняшнем вечере. Вы сказали кому-нибудь в АДМ, что собираетесь сотрудничать с властями?

Уайтекер помолчал.

– Поймите, я не мог после всего, что было. Ну… я просто боялся.

Херндон сдержал гнев.

– Ладно, Марк, но поймите и вы. Нельзя, чтобы они обсуждали свои планы в вашем присутствии. Завтра утром вы должны объявить, что будете сотрудничать с нами.

– О'кей, о'кей, – закивал Уайтекер. – Как только приду на работу, сразу и скажу.

Напряжение прошло, и агенты рассказали Уайтекеру о событиях этого дня. К концу рассказа Уайтекер, казалось, перестал нервничать. Распрощавшись, агенты пересели в свой автомобиль и направились в Декейтер.

Их не оставляло ощущение, что Уайтекер все еще что-то скрывает. Почему он проболтался о готовящейся операции? Может, он неправильно их понял? Перебрав все, что они ему говорили, агенты пришли к заключению, что все делали правильно. Уайтекер болтал по собственному почину.

А это еще хуже. Если Уайтекеру не хватило ума сохранить это в секрете, то какие еще сюрпризы их ждут?

Рик Рейзинг подвел итог совещания юристов АДМ, заявив: нет сомнения, что впереди серьезное уголовное расследование. Нужно прямо сейчас сколотить команду адвокатов. Он позвонил в юридическую компанию «Уильямс и Конноли», вашингтонский центр влияния с репутацией «никто не выйдет из зала суда под стражей».

Фирму «Уильямс и Конноли» основал вашингтонский юрист экстра-класса Эдвард Беннет Уильямс, имевший широкие связи в

политических кругах, и вскоре она стала бичом прокуроров и желанным союзником состоятельных подсудимых. Среди клиентов «Уильямс и Конноли» были миллиардер Майкл Милкен, прославленный мастер по сделкам с бросовыми облигациями, и Билл Клинтон. Милкен обратился к услугам фирмы в 80-е годы, когда разразился скандал на Уолл-стрит, а Клинтон – во время Уайтуотерского расследования.[58]

Рейзинг попросил к телефону Обри Дэниела Третьего, партнера фирмы, очень сильного адвоката и своего хорошего знакомого.{250} Дэниел прославился на всю Америку в 1971 году, когда был главным обвинителем военного трибунала, судившего лейтенанта американской армии Уильяма Келли. Лейтенант Келли расстреливал мирных жителей вьетнамской деревни Май Лай. Дэниел, недавний выпускник юридического колледжа, произнес пламенную речь, всколыхнувшую всю страну. Когда президент Никсон велел освободить Келли из-под стражи и поместить под домашний арест, Дэниел написал письмо протеста, его опубликовало множество газет. На него обратил внимание Эд Уильямс и пригласил Дэниела в свою фирму, которая в те дни только становилась на ноги.

За прошедшие годы Дэниелу удалось набрать впечатляющую по своему составу клиентуру из промышленников, политиков и государственных служащих. Случалось ему работать и на АДМ, – в частности, по делу об обвинении компании в фиксировании цен на двуокись углерода. Но сейчас речь шла об уголовном преступлении и ситуация складывалась куда серьезнее: сотрудникам компании грозила тюрьма. Дэниелс был нужен в Декейтере – и сию минуту.

– Обри, это Рик Рейзинг, – произнес юрисконсульт АДМ. – У нас проблема.

Уайтекер приехал домой около половины одиннадцатого. Он скинул пальто на кушетку, подошел к ожидавшей его Джинджер, улыбнулся и обнял ее. Все идет просто замечательно, как он и думал. Может, очень скоро он возглавит АДМ и поведет компанию в новую эру.

– Вот и все, – сказал он. – Еще два-три дня, и парни из ФБР оставят нас в покое.

На следующее утро в АДМ царил хаос. Говард Баффет сидел в своем кабинете на шестом этаже под впечатлением от событий последних шестнадцати часов.{251} Обыски. Пленки. Визит агента ФБР к нему домой сразу после шести часов вечера. Все было так, как Уайтекер предсказал много недель назад, когда поведал

Баффету о проводившемся расследовании.

Около десяти часов Баффет заметил, как два старых сотрудника АДМ выносят из кабинета Дуэйна Андреаса охапки бумаг. Это длилось почти полчаса, а потом они взялись за магнитофонные кассеты. Баффет решил взять это на заметку и рассказать агентам ФБР.

Немного погодя к нему зашел сам Дуэйн и начал с вопроса:

– А ты что им сказал вчера вечером?

Баффет предупреждающе поднял руку:

– Я собираюсь сотрудничать со следствием и нанял адвоката. Говоря со мной, вы все равно что говорите с ФБР.

Андреас огорчился и стиснул зубы. Больше он не сказал о расследовании ни слова.

Утром в декейтерский аэропорт прибыл Обри Дэниел с коллегой из «Уильямс и Конноли». Шафтер встретил их и отвез прямо в АДМ.

Первым делом адвокаты изучили ордера на обыск. Они тут же убедились, что целью обыска были кабинеты Мика Андреаса, Уилсона, Уайтекера и Кокса, которые агенты опустошили еще вчера. ФБР явно знало, что делало, и работало по чьей-то наводке.

Всем следовало срочно обзавестись адвокатами, прямо сейчас. Дэниел, прекрасно знакомый с адвокатским корпусом, работавшим с «белыми воротничками», предложил ряд кандидатур. Шафтер и Рейзинг приняли его список не глядя и начали обзванивать тех, кто в нем значился. Первых адвокатов ждали в Декейтере уже к вечеру.

В Вашингтоне Боб Страусс положил телефонную трубку, ошарашенный новостями из Декейтера. Страусс входил в совет директоров АДМ, но был законченным жителем столицы и имел связи во всех властных структурах, независимо от их партийной принадлежности. Он с равным успехом председательствовал на съездах Демократической партии – и служил администрации Джорджа Буша в качестве посла в Советском Союзе. А еще он уже несколько десятилетий был доверенным лицом и лучшим другом Дуэйна Андреаса.

Страусс звонил Дуэйну каждый день. На этот раз он узнал самые свежие новости о налете ФБР на АДМ, а также о поиске адвокатов. АДМ даже выслала в Вашингтон самолет, который должен был привезти адвокатов в Декейтер. В свою очередь, Страусс предложил кандидатуру Билла Хандли, юриста его собственной фирмы «Эйкин, Гамп, Страусс, Хауэр и Фелд».

Но выяснилось, что сейчас Хандли нет в городе. Времени ждать не было, самолет АДМ через тридцать минут вылетал в Декейтер. Кем его заменить? Страусс подумал о Джоне Дауде, другом незаурядном адвокате из его фирмы. Дауд начинал как прокурор и приобрел известность, возглавив расследование главной бейсбольной лиги по обвинению Пита Роуза в мошенничестве с тотализатором.[59]

Страусс потянулся к телефону.

Кандидатов в обвиняемые по очереди приглашали в кабинет Рейзинга для беседы с юристами. Уайтекера вызвали с самого утра.

Дэниел приветливо взглянул на Уайтекера:

– Рад познакомиться. Меня зовут Обри Дэниел, я представляю в этом деле АДМ.

Юристы расспросили Уайтекера о допросе, учиненном ФБР накануне. Уайтекер дал заученные ответы. Затем его уверили в том, что ему не о чем беспокоиться и что АДМ не бросит его на произвол судьбы.

Через несколько часов один из юрисконсультов компании зашел к Уайтекеру в кабинет и сообщил, что компания подобрала команду выдающихся адвокатов. Многие из них прибудут в Декейтер уже вечером. Если Уайтекер хочет, он может встретиться с ними вечером в офисе Джима Шафтера.

Это и было то, о чем говорили агенты. Они долго вдалбливали Уайтекеру, что именно он должен отвечать.

– Хорошо, – ответил Уайтекер. – Я приду.

Услышав, что звонит Уайтекер, Херндон и Шепард сняли трубки параллельных аппаратов.{252}

– Марк, как дела? – спросил Херндон.

– Хорошо, – ответил Уайтекер. – Я хотел сказать вам, что договорился встретиться с адвокатом. Он уже вылетает в Декейтер.

– И когда он здесь будет?

– Часа через два. К вечеру увижусь с ним.

Похоже, Уайтекер прислушался к их советам и не взял адвоката, предлагаемого компанией. Агенты облегченно вздохнули.

В следующие часы Декейтер захлестнула первая волна защитников. Вечером они сошлись в кабинете Шафтера, чтобы познакомиться с подзащитными.{253}

В ожидании клиентов защитники обсудили ситуацию.

Сначала Уайтекеру предложили Рейда Вайнгартена, восходящую звезду коллегии адвокатов, но поразмыслили и изменили свое решение. Вайнгартен был почти сверстником Уайтекера, а молодой бизнесмен, судя по всему, обладал довольно неустойчивой психикой. Ему требовался адвокат постарше, который отнесся бы к нему с отеческой заботой. И было решено, что лучшим выбором станет Джон Дауд, которому около шестидесяти лет.

Все прошло без сучка без задоринки. Уилсон встретился с Вайнгартеном, Коксу достался Уильям Тейлор – еще одна заметная фигура в вашингтонской команде. Шафтер предложил для встречи Уайтекера и Дауда свой кабинет. Они вошли и закрыли за собой дверь.

Усевшись за стол Шафтера, Дауд не торопясь рассказал Уайтекеру о себе. Уайтекер с подозрением уставился на Дауда и, когда тот закончил рассказ, спросил:

– Кого вы представляете – меня или компанию?

Ожидавшие в приемной Шафтер и другие адвокаты устали. Шафтер почувствовал, как выпитая кока-кола подступает к горлу.

– Хватит с меня этой чертовой коки, – объявил он.

Адвокаты засмеялись. Шафтер направился к холодильнику и вернулся с пивом.

– На обслуживание, по крайней мере, жаловаться нельзя – фирма предоставит вам все что угодно.

Но к пиву требовалась закуска, и юристы заказали ее по телефону. Вскоре доставили пиццу. Они покончили с едой раньше, чем завершились конфиденциальные беседы. Первым появился Барри Кокс со своим новым адвокатом Уильямом Тейлором.

– Барри, – обратился Тейлор к своему подзащитному, – я думаю, на сегодня достаточно. Продолжим завтра.

– Хорошо, – мрачно кивнул Кокс. – Спасибо.

После десяти вечера вышли Уилсон и Вайнгартен и тут же подсели к общему столу. Все ждали Уайтекера с Даудом.

Наконец дверь кабинета распахнулась, и вышел важный Уайтекер. Дауд был бледен.

Подойдя к Рейзингу, Уайтекер заявил:

– Рик, я должен предупредить вас, что собираюсь сотрудничать с ФБР.

Уайтекер наконец поступил в соответствии с данными ему инструкциями – с опозданием на двадцать четыре часа.

– Марк, – ответил Рейзинг, – у вас хороший адвокат. Вам

нужно поступать так, как он посоветует.

Уайтекер искоса взглянул на Дауда.

– Я беру другого адвоката, – сказал он, – и Джон не возражает.

Он подошел к Рейзингу вплотную и пожал ему руку. Шафтер, стоявший поблизости, услышал, как Уайтекер пробормотал что-то о «сотнях пленок».

Уайтекер направился к выходу, а за ним Уилсон. Их сопровождал Шафтер: было так поздно, что для выхода из здания нужно было открыть запертую на ночь дверь. Перед уходом Уайтекер обернулся к Шафтеру и с чувством потряс его руку.

– Я сожалею, что так получилось, – сказал он.

Шафтер не понял, что он имеет в виду, но на всякий случай кивнул.

Вайнгартен между тем внимательно наблюдал за Даудом. Тот был расстроен. Судя по тому, что Дауд посоветовал Уайтекеру взять другого адвоката, возникла проблема. И Вайнгартен догадывался, в чем она состоит.

Поздно вечером юристы вернулись в «Декейтер Клаб», где Дауду и Вайнгартену отвели номер из нескольких комнат. Перед сном адвокаты сели выпить по стаканчику, и Вайнгартен решил проверить свое предположение.

– А знаешь, – сказал он, – очень может быть, что этот сукин сын записал ваш сегодняшний разговор тоже.

Дауд поперхнулся и пролил спиртное на брюки.

Книга третья
Все не так просто, как кажется

Глава 13

Машина взбиралась на холм. Подъезжая к своему дому, Брайан Шепард обеими руками крепко сжимал руль. Напряжение последних дней, особенно вчерашней облавы, и врожденная склонность к меланхолии обернулись каменной усталостью. Прошлой ночью поспать почти не удалось и теперь хотелось забыть о делах. Шепард свернул на подъездную дорожку. Его ждали дом, семья, отдых.

Надеждам на спокойный вечер пришел конец ровно в половине одиннадцатого, когда запищал пейджер. Звонил Уайтекер. Шепард набрал его номер.{254}

– Марк? – протянул он. – В чем дело?

– Привет, Брайан, как вы там? Я звоню сказать, что встретился с адвокатом, о котором говорил. И знаете, я не в восторге…

Шепард прервал его, напомнив, что передавать конфиденциальную информацию, которой они обменивались с адвокатом, нельзя.

– Знаю, – сказал Уайтекер. – Это известный адвокат, его зовут Джон Дауд.

Он бегло описал карьеру Дауда, подчеркнув, что раньше тот был обвинителем.

– Я подумал, что раз он был прокурором, то отнесется к моему сотрудничеству с ФБР с пониманием, но он меня разочаровал.

Уайтекер признался: он рассказал Дауду, в чем заключалось сотрудничество и как он записывал все разговоры.

– Но я сделал это только после того, как Дауд сказал, что наш разговор строго конфиденциален и что он представляет меня лично, – добавил он.

И тут до Шепарда дошло: Дауда наняла АДМ. Уайтекер беседовал с ним вопреки прямому предостережению агентов. И рассказал все.

Уайтекер с женой были в постели, когда в соседней комнате зазвонил телефон служебной линии. Откинув одеяло, Марк выбрался из постели и посмотрел на часы. Начало первого.

Он прошел в исподнем в соседнюю комнату и снял трубку.

– Марк Уайтекер.

– Мистер Уайтекер, это Обри Дэниел. Мы уже встречались с вами. Я адвокат, представляющий компанию АДМ.{255}

– Мне велели не появляться в АДМ! – выпалил Уайтекер Шепарду в телефонную трубку на следующее утро, 29 июня. – Обри Дэниел сказал, что против меня ведется расследование и поэтому мне не надо ходить на работу. Но это же чушь! Ведь Мику-то не запрещают появляться на работе, правда?

– Подождите, Марк. Это вам сказал кто-нибудь из руководства компании или только адвокат?

– Никто в АДМ не говорил мне ничего такого. Абсолютно.

Подумав, Уайтекер решил:

– Все равно пойду.

Уайтекер с кейсом в руках скользнул по дилинговому залу к своему кабинету, надеясь, что его не заметили. Он пришел чуть позже обычного, но не настолько, чтобы привлечь осуждающие взгляды. Сев за стол, он стал перебирать бумаги. Кажется, все в порядке. Никто не сказал ему ни слова.{256}

Почти целый час ничего не происходило, но в начале десятого на пороге кабинета возник Скотт Робертс, молодой юрисконсульт компании.

– Марк, боюсь, вам придется уйти, – сказал Робертс. – Вы временно отстранены от работы.

– С какой стати я должен уходить? – вскинулся Уайтекер.

– Я просто передаю вам распоряжение начальства: вы должны уйти.

Сначала Уайтекер отказался уходить, но Робертс не стал вступать в пререкания. Ему дали поручение, и он его выполнял.

– Ну ладно, – сдался в конце концов Уайтекер.

Схватив кейс, он проследовал мимо Робертса к лифту.

Юрист ни на шаг не отходил от Уайтекера, пока тот не покинул здание.

Выехав за ворота, Уайтекер потянулся к телефону.

Шепард и Херндон взяли трубки параллельных аппаратов.

– Привет, как дела? – спросил Уайтекер. Голос его звучал на удивление бодро. – Слушайте, у меня есть одно дело в здании, где вы находитесь, вот и думаю, не зайти ли к вам.

– Конечно, заходите, – ответил Шепард. – А как вас встретили на работе?

– Да не слишком приветливо. – Уайтекер рассказал, как его выгнали, и добавил: – Я буду искать другого адвоката. Дауд меня определенно не устраивает.

Херндон только что узнал от Шепарда о разговоре Уайтекера с Даудом, и в нем все еще бурлило возмущение. А Уайтекер подлил масла в огонь, сказав, что наймет одного из декейтерских

адвокатов. Искать адвоката в Декейтере, в цитадели АДМ? Немыслимо.

– Марк, – сказал Херндон, – давайте лучше поговорим, когда вы придете к нам.

Вскоре Уайтекер стучался в дверь комнаты 353 здания на Саут-Уотер-стрит.

Дверь открыл Шепард.

– Привет, Марк. Заходите.

Уайтекер переступил порог декейтерской резидентуры ФБР. Его лицо отражало пережитое этим утром потрясение. Все прошли в кабинет Шепарда, где можно было говорить без помех.

Во время рассказа Уайтекера о своих злоключениях его пейджер запищал. Высветились цифры «5413». Это был номер Баффета.

– Можно, я позвоню Говарду Баффету? – спросил Уайтекер.

– Конечно, Марк, – ответил Шепард.

Агенты знали, что Баффет – друг Уайтекера, а после утренних переживаний тот наверняка нуждался в дружеской поддержке.

– Мы выйдем, чтобы не мешать, – сказал Шепард.{257}

Уайтекер благодарно кивнул, и агенты оставили его одного, закрыв за собой дверь. Он набрал номер Баффета.

– Гови, это Марк, – произнес он в трубку.

– Я не могу говорить долго, – сказал Баффет. – Мне надо сообщить тебе одну очень важную вещь.

Спустя несколько минут пепельно-бледный Уайтекер возник в дверях. Шепард говорил по телефону, и Херндон вернулся вместе с Уайтекером в кабинет. Уайтекер сел за стол.

– Говард передал мне последнюю новость, – сообщил он. – С ним беседовал Дуэйн. Он знает все. Дауд сказал ему.[60] Дуэйн говорит, что это я натравил ФБР на компанию.

Уайтекер глянул на Херндона.

– Дуэйн повторяет то, что я сказал своему адвокату. Разве он имеет на это право? Разве это не нарушение закона, Боб?

«Конечно нет», – подумал Херндон, но вслух сказал:

– Я посоветуюсь с нашими юристами, но думаю, что правом конфиденциальности обладают только разговоры между адвокатом и клиентом. А Дуэйн имеет право говорить все, что хочет.

– Все равно это неправильно.

Вошел Шепард, и Уайтекер передал ему то, что сообщил Баффет. Агенты выразили ему не совсем искреннее сочувствие. В АДМ ничего бы не узнали, если бы Уайтекер следовал их

инструкциям и не трепал языком. Он *сам* подвел себя под монастырь. Агенты предвидели, что после произведенных обысков АДМ постарается сделать все, чтобы развалить следствие, но не ожидали, что этот труд возьмет на себя их главный свидетель.

Юристы антитрестовского отдела собрались в кабинете Марвина Прайса, и в это время им сообщили, что звонит Шепард с каким-то срочным сообщением. Прайс включил микрофон громкой связи.

– Мы слушаем вас, Брайан.

– У нас тут проблема, и нужна ваша помощь.

– Что случилось? – спросила Манн.

– Короче, Марк сегодня был у нас, и он в растрепанных чувствах. Я уже говорил, что сегодня утром его выгнали из АДМ.

Прокуроры ушам не верили, слушая историю о беседе Уайтекера с Даудом, о звонке Говарда Баффета и о том, что сотрудничество Уайтекера с ФБР, судя по всему, перестало быть тайной.

– Он в панике, – сказал Шепард. – Ему нужен адвокат. Вы не посоветуете кого-нибудь?

– Мы не можем подыскивать адвокатов для свидетелей, – отрезала Манн. – Он должен найти его сам.

– Он, как видите, пытался, но ничего не вышло. Можете что-нибудь для него сделать?

Посовещавшись, прокуроры пришли к невысказанному вслух заключению, что ситуация выходит из-под контроля. Они согласились составить список опытных адвокатов, которые могли бы представлять Уайтекера при условии, что окончательный выбор он сделает сам. Шепард пообещал передать список свидетелю и поблагодарил юристов.

Отключив связь, прокуроры дали волю гневу: «Мы предупреждали его!», «О чем он только думает?», «Как он мог?»

Мучник обратил внимание на перемену в их речи. Прежде, говоря об Уайтекере, юристы всегда называли его «Марк». Теперь они были так на него сердиты, что даже не желали упоминать его имя.

В тот же день Джеймс Эпстайн работал в своем чикагском офисе, когда секретарша сообщила, что звонит федеральный обвинитель по фамилии Мучник.

– Ладно, переключи его на меня, – отозвался адвокат.

Эпстайн привык к звонкам из Министерства юстиции. В свои сорок два года он был одним из самых авторитетных адвокатов в

Чикаго. В 1985 году, проработав шесть лет государственным защитником в округе Кук, Эпстайн решил заняться частной практикой. Очень скоро дел стало так много, что на помощь пришлось пригласить двоих друзей, которые потом стали его партнерами. Через их руки проходили самые разные дела: уголовные и гражданские, федерального значения и те, что подлежали юрисдикции штата. Эпстайн поговаривал, что в его фирме творится примерно то же самое, что в телесериале «Закон Лос-Анджелеса»,[61] только секса поменьше.

Эпстайн взял трубку, и Мучник представился.

– Чем могу служить? – спросил адвокат.

– Мы тут кое с кем проводим расследование, и одному из свидетелей срочно нужен адвокат. Вы не согласились бы встретиться с ним? Его зовут Марк Уайтекер.

Эпстайн помолчал. Он никогда не проявлял инициативы. Он не желал, чтобы его обвинили в вульгарной погоне за клиентурой.

– Дайте ему мои координаты, – сказал он. – Если он позвонит, мы договоримся о встрече.

Мучник поблагодарил адвоката и повесил трубку.

Посидев и подумав, прокуроры набросали список адвокатов. Когда Уайтекер позвонил Мучнику, тот без околичностей сказал:

– Мы остановились на трех кандидатурах. – Он назвал имена адвокатов и вкратце рассказал о них.

– Замечательно! Спасибо большое, – откликнулся Уайтекер. – Так что мне теперь, позвонить им?

– Делайте что хотите, – ответил Мучник. – Это вам решать.

На следующее утро в половине одиннадцатого Марк и Джинджер поднялись на одиннадцатый этаж дома 120 на Саут-Риверсайд-плаза в деловом центре Чикаго. Найдя помещение под номером 1150, офис фирмы «Эпстайн, Зейдеман и Эсриг», они обратились к секретарю приемной.

Адвокат вскоре вышел. Оставив Джинджер в приемной, он увел Марка в одну из двух комнат для переговоров. Это была небольшая комната без окон, почти целиком занятая деревянным столом человек на шесть. К ним присоединился Боб Зейдеман, один из партнеров Эпстайна.

– Прежде всего, – сказал Эпстайн, – довожу до вашего сведения, что наш разговор конфиденциальный. Рассказывайте, что вас привело.

Ободренный, Уайтекер принялся излагать дело во всех подробностях. Перед адвокатами со скоростью экспресса

замелькали правонарушения в АДМ и переговоры о ценах, аудиозаписи и видеозаписи, спрятанные под рубашкой диктофоны и скрытые камеры в вазах, тайные встречи с агентами ФБР и беседы с антитрестовцами.

Эпстайн затаил дыхание. Звучит как дешевый боевик, подумал он.

Когда Уайтекер выдохся, Эпстайн начал выуживать из него опущенные рассказчиком подробности и расспрашивал, пока все фрагменты не сложились в законченную картину.

– Значит, так, – произнес Эпстайн. – Вы еще не наняли меня, а я еще не сказал, что берусь за это дело. Но я расскажу вам о себе все, что вы захотите знать.

Ответив на вопросы Уайтекера, Эпстайн сказал, что его главная цель – сделать все, чтобы Уайтекера не могли обвинить в невыполнении обязательств перед компанией и перед ФБР. Собирается ли Уайтекер продолжать работу в АДМ? Если да, то почему? В таком случае нужно заключить с компанией соглашение, в котором будут оговорены условия его вероятного увольнения. И Эпстайн посоветовал специалиста по финансовым соглашениям.

К концу беседы Уайтекер чувствовал себя увереннее, чем в последние несколько месяцев. Поблагодарив адвокатов, он распрощался.

Эпстайн и Зейдеман переглянулись. Таких дел им еще не попадалось. Когда Уайтекер отошел подальше, они расхохотались.

В тот же вечер в дверь манхэттенской квартиры Дуэйна Андреаса на Пятой авеню позвонили. Через минуту до Дуэйна донесся знакомый голос, приветствовавший старую служанку Фатиму.

Это был Зев Фёрст, давний приятель и консультант Андреаса. Они сдружились много лет назад, когда Андреас присматривался к возможности развернуться на Среднем Западе. Фёрст помог ему своими обширными связями, которые приобрел в Антидиффамационной лиге. С тех пор Фёрст стал для Андреаса посредником в отношениях с прессой и правительством. Фёрст узнал о налете на АДМ из новостей Си-эн-эн во время поездки в Германию и сразу позвонил Андреасу, а сегодня они впервые после этого встретились лично.

Служанка проводила гостя в кабинет Андреаса. Пожав другу руку, Фёрст погрузился в глубокое кресло с подголовником.

– Так что это за чертовщина? – спросил он.

– У нас есть некто Марк Уайтекер, он президент

подразделения биопродуктов, – ответил Андреас с непроницаемым видом игрока в покер. – Выяснилось, что он уже несколько лет работает на ФБР и записывает нас на диктофон.

Андреас заметил, что Уайтекер всегда казался ему странным. Однажды компания поймала его на лжи об угрозах в адрес его дочери, затем он сочинил историю о саботаже на предприятии.

– Я хотел выгнать его к чертям, но Рэнделл меня отговорил – Уайтекер, по его словам, приносил большую прибыль.

Теперь, после налета ФБР, сказал Андреас, многое видится иначе. Подозрения вызывают даже обычные, казалось бы, события, которые происходили в последние недели на его глазах. Он боится, что в компании до сих пор ведется тайная деятельность.

– Я не раз видел, как Уайтекер заходит в кабинет Рэнделла и закрывает за собой дверь. И всегда этому удивлялся. А несколько недель назад Рэнделл пришел ко мне и, чуть ли не рыдая, стал уверять в своей лояльности. – Андреас посмотрел Фёрсту в глаза. – И вот теперь я думаю, не знал ли Рэнделл о том, что Уайтекер таскает с собой диктофон?[62]

Фёрсту все это не нравилось.

– Дуэйн, если это правда, не имеет значения, насколько дорог тебе Рэнделл. Если он обо всем знал, то был обязан прийти к тебе и к совету директоров.

Андреас задумался.

– Знаешь, Дуэйн, – продолжил Фёрст, – тут не один сюжет, а два. Один – это расследование ФБР. А в основе второго, возможно, лежит попытка выжить Андреасов из АДМ.

– Да, ты прав, – кивнул Дуэйн. – Некоторые у нас до сих пор смотрят на меня как на саквояжника[63] из Миннесоты.

Они засиделись до глубокой ночи, перебирая одного за другим сотрудников АДМ и гадая, кто из них работает против Андреасов. Так начиналась паранойя, вскоре охватившая АДМ.

На следующий день на пейджер Шепарда снова поступил вызов Уайтекера. После недавних событий в АДМ он вновь стал звонить часто. Было ясно, что он ищет поддержки.

– Привет, как дела? – прозвучал голос Уайтекера. – Вы мне звонили?

– Нет, я звоню в ответ на ваш сигнал.

– А-а! А то у меня на пейджере высветился какой-то странный номер, и я подумал, может, вы хотели поговорить со мной.

– Нет, это был не я, но неважно. Что нового?

– Я встречался еще с одним адвокатом, Джимом Эпстайном из Чикаго. Он мне очень понравился.

Эпстайн согласился заняться его делом, сказал Уайтекер, так что все налаживается.

Через несколько минут Шепард положил трубку. Похоже, Уайтекер пришел в себя, подумал агент с облегчением, да и его голос звучал увереннее. Теперь, когда интересы их главного свидетеля взялся защищать адвокат, можно надеяться на благополучный исход дела.

Скотт Робертс, один из юрисконсультов АДМ, перелистывал бумаги у себя в кабинете. Несколько месяцев назад, когда «Адзиномото» обвинила АДМ в краже японских микробов, вырабатывающих треонин, Робертсу поручили уладить это дело, а теперь он проверял документацию относительно покупки микробов у шведской компании «Эй-би-пи интернэшнл».{258}

Робертс изучил два контракта. Первый из них, на сумму в три миллиона долларов, был заключен в ноябре 1992 года. Это произошло в ту неделю, когда Уайтекер впервые встретился с Шепардом, но этого Робертс, понятно, не знал. Второй, на два с половиной миллиона, был подписан 21 октября 1993 года.

Что-то в этих контрактах беспокоило Робертса. Во-первых, выписано слишком много счетов-фактур. Во-вторых, сами контракты выглядели странно. Если в первом президенты двух компаний, Джим Рэнделл и Леннарт Торстенссон, завизировали каждую страницу, то во втором они этого не сделали. С чего бы это?

Юрист взглянул на последние страницы документов, где стояли подписи. На первый взгляд они были одинаковы в обоих контрактах. Робертс решил сравнить их.

Он сложил две последние страницы вместе и поднял их, держа против света, чтобы сличить подписи.

Они были не просто одинаковы, они *полностью совпадали.*

Робертс положил документы на стол. Нужно срочно найти Рика Рейзинга.

Уайтекер сидел дома. После обеда он просмотрел старый номер «Нэшнл джиографик». Вечер за окном был тих и ясен, а в голове Уайтекера бушевал вихрь мыслей и эмоций. Раздался звонок, и Уайтекер отложил журнал. Звонил его друг Лу Рочелли, бухгалтер-контролер АДМ. Уайтекер обрадовался: ему до смерти хотелось узнать, что говорят о нем в компании.

– Привет, Марк, – сказал Рочелли. – Что-то тебя не видно. Что случилось?

– А что, ходят какие-нибудь слухи?

– Да похоже, тут катят бочку на тебя. В чем дело-то?

– Это все из-за расследования. Кто-то у нас в компании работал на ФБР. А что обо мне говорят?

Рочелли рассказал ему все, что знал, о событиях, происходящих в штаб-квартире АДМ.{259}

На следующее утро, в пятницу 2 июля, Уайтекер позвонил Шепарду.

– Дуэйн объявил мне войну, – проговорил он расстроенно.

Спокойствие и уверенность, которые пришли после разговора с Эпстайном, пропали без следа. Слоняясь без дела по дому, он нервничал все больше.

– Мне звонили двенадцать наших сотрудников, – сообщил он, – и все говорят, что Дуэйн утверждает, будто это я виноват в том, что ФБР прицепилось к АДМ. Но они все на моей стороне. Абсолютно. А Говард Баффет сказал, что собирается увольняться. Он считает, что компанией руководят преступники и что их привлекут к суду. Он не хочет больше работать в АДМ.{260}

В тот же день армия адвокатов во главе с «Уильямс и Конноли» двинулась на сближение с прокурорами чикагского антитрестовского отдела. Командовал операцией Обри Дэниел, а на подхвате были Барри Саймон и другие. Цель демарша была в том, чтобы продемонстрировать противнику свою мощь и готовность к битве.{261}

Встреча началась мирно и непринужденно. Марвин Прайс ознакомил прибывших с историей здания, после чего все направились в большой конференц-зал. Прокуроры заранее захватили все ключевые стратегические пункты, заставив команду защиты АДМ занять линию обороны с одной стороны длинного стола, спиной к окнам. Защитники держались по-дружески, но их тактика носила агрессивный характер.

– Рик Рейзинг сказал, что, по словам Уайтекера, тот сделал тысячи аудио- и видеозаписей, – начал Дэниел. – Мы хотим получить полную информацию о ходе расследования вплоть до сегодняшнего дня, а также кассеты с записями. Они являются собственностью АДМ, так как все записи сделаны служащим компании в рабочее время.

Прокуроры подавили улыбки.

Нет, возразил Гриффин, адвокаты ничего не получат. Записи принадлежат государству. Их предъявят при необходимости в ходе подготовки к судебному заседанию.

Поднялся Барри Саймон. Он повел атаку на Джима Эпстайна, нацелив на него указательный палец.

– Ваш клиент – сотрудник АДМ, – кинул он, – и у него есть обязательства перед компанией, которые ему придется выполнить.

Эпстайн приподнял одну бровь и издал саркастический смешок. Намеренно или случайно Дэниел и Саймон разыгрывали роли доброго и злого следователей, и выпад Саймона ясно указывал на то, какую из ролей он избрал. Эпстайн не любил слишком задиристых противников и не собирался подыгрывать адвокату.

Борьба за столом развернулась вокруг вопроса о том, будет или нет Уайтекер помогать расследованию обстоятельств сговора о ценах, которое собиралась провести по заданию АДМ фирма «Уильямс и Конноли». Эпстайн считал, что подобное расследование не будет объективным. Бог ты мой, сказал он, сыну председателя совета директоров грозит тюремное заключение. АДМ, несомненно, хочет использовать показания Уайтекера для усиления своей обороны. Но он посоветуется на этот счет с юристами антитрестовского отдела – если у них не будет возражений, Эпстайн, возможно, разрешит адвокатам АДМ допросить Уайтекера на условиях ограниченного сотрудничества. Просто чтобы связать концы с концами.

После налета ФБР на АДМ прошла неделя, но уголовное расследование в Иллинойсе почти не привлекло внимания национальных СМИ. О том, что на предприятиях АДМ и еще нескольких компаний произведен обыск, вышло лишь несколько крохотных статеек, затерявшихся на внутренних страницах газет. Ничего из ряда вон выходящего.

Но вскоре все должно было измениться. Два журналиста чикагского бюро «Уолл-стрит джорнал» намеревались вытащить это расследование на первые страницы мировой прессы.

Вечером в пятницу 7 июля Джинджер услышала, как к их дому подъехал автомобиль. Мгновение спустя раздался звонок. Открыв дверь, она увидела на пороге бородатого мужчину.

– Добрый вечер, – сказал он. – Мистер Уайтекер дома?

– Простите, его нет в городе, – ответила Джинджер, недоуменно глядя на бородача.

– Меня зовут Скотт Килман, – представился мужчина. – Я из «Уолл-стрит джорнал».

Килман объяснил, что он вместе с коллегой по редакции Томом Бёртоном работает над статьей о деле АДМ, и рассказал, что им удалось узнать. Джинджер односложно отвечала на его вопросы, упирая на то, что в отсутствие мужа не может ответить

на его вопросы. В конце концов Килман поблагодарил ее и вернулся в свой автомобиль.{262}

Джинджер слышала, как он отъезжает, и радовалась, что один из друзей позвонил и предупредил о визите репортера. Подойдя к телефону, она набрала номер конюшни на противоположной стороне дороги.

– Марк, он уехал, – сказала она. – Можешь возвращаться.

В последующие дни Килман и Бёртон рыскали по городу в поисках фактов, подтверждающих информацию о том, что Марк Уайтекер был осведомителем ФБР.

Уайтекер в последнее время был подавлен. Карьера рушилась, никто не хвалил его за примерное поведение. На нем красовалась белая шляпа, но злодеи в черных шляпах выживали его из города. Может, все изменится, думал он, если люди узнают правду. Может, его поддержат жители Декейтера, сотрудники АДМ, а то и совет директоров. Да и журналисты уже разобрались, что к чему, и собираются все это напечатать, а это тоже пойдет ему на пользу.

В воскресенье утром Килман приехал снова и на этот раз остановился возле конюшен. Уайтекер ждал его. Он чувствовал, что пришло время все рассказать.

В тот же день Уайтекер позвонил Шепарду.

– Брайан, – сказал он, – тут объявились репортеры из «Уолл-стрит». Они говорят, что завтра или послезавтра выйдет статья, в которой пишут, что я сотрудничал с ФБР.

Шепард нахмурился. Ничего хорошего в этом не было.

– Вы разговаривали с ними, Марк? Что вы им сообщили?

– Сначала они приехали в пятницу, но Джинджер сказала им, что меня нет в городе. Сегодня утром один из них снова приехал и поймал меня дома. Но я сказал: «Без комментариев».

Уайтекер повесил трубку. Он не испытывал угрызений совести, обманув Шепарда. Он уже столько помогал агентам, что не обязан говорить им всю правду.

Придя в понедельник утром на работу, Мучник первым делом проверил почту. Среди прочего из приемной принесли несколько экземпляров «Уолл-стрит джорнал».{263} Мучник схватил газету, и в глаза ему бросился заголовок на первой странице:

> ГИГАНТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ В СМЯТЕНИИ: ТОП-МЕНЕДЖЕР АДМ ОКАЗЫВАЕТСЯ ОСВЕДОМИТЕЛЕМ ФБР.

В середине колонки была фотография улыбающегося Уайтекера. По дороге в кабинет Мучник пробежал глазами статью и понял, что репортерам удалось разведать немало. Писали о том, как Уайтекер начал сотрудничать с ФБР в 1992 году, как он помогал делать аудио- и видеозаписи, перечисляли некоторые места, где проводились переговоры конкурентов, – Токио, Гавайи, Лос-Анджелес. Они даже знали о кейсе со спрятанным в нем диктофоном. У них, видно, были хорошие источники, подумал Мучник.

Он стал читать статью во второй раз. Но тут позвонили Шепард и Херндон. Они тоже видели статью и были очень расстроены.

– Не понимаю, как они все это разузнали! – сетовал Шепард.

– Да, Марку не позавидуешь, – отозвался Мучник.

Уничтожая утреннюю порцию овсянки, Марк смотрел телевизионные новости местного канала «Вэнд». Сразу после сводки погоды ведущая Гейл Симпсон объявила сенсационное известие:

– Как пишет «Уолл-стрит джорнал», Марк Уайтекер, топ-менеджер компании «Арчер Дэниелс, Мидленд», в течение нескольких лет был осведомителем ФБР.{264}

Уайтекер исполнился гордостью.

– Джинджер! Скорее сюда! – крикнул он. – Послушай-ка!

Прибежавшая Джинджер глядела на экран, не находя слов.

В городе Лейк-Чарльз, штат Луизиана, Кайл Раунтри взял с прилавка экземпляр «Уолл-стрит джорнал», заплатил и, направившись к выходу, глянул на передовую статью.

Марк Уайтекер.

Это имя было известно Раунтри с тех пор, как он сам сотрудничал с ФБР в расследовании предполагаемой кражи секретной информации о производстве метионина у компании «Дегасса». Уайтекер играл в том деле ключевую роль, и Раунтри в свое время доложил об этом агентам. А теперь оказывается, что Уайтекер тоже сотрудничает с ФБР – да еще с 1992 года?

Из ближайшего телефона-автомата Раунтри позвонил спецагенту Крэгу Далю в Мобил, штат Алабама.

– Это Кайл Раунтри, – сказал он, когда Даль снял трубку. – Что все это значит?

Рон Феррари был дома, в пригороде Чикаго, и смотрел новости. Вдруг на экране появилось знакомое лицо Марка Уайтекера. Выслушав рассказ о том, как его друг сотрудничал с

ФБР, Феррари потянулся к телефону.

Некогда им гордился весь его родной городок Моуиква. Ведь Феррари пять лет играл полузащитником футбольной команды «Сан-францисские золотоискатели».{265} В 1985 году они даже попали на «Суперкубок», – правда, Феррари из-за травмы колена не участвовал в игре. Но он и так знал, что настоящей звездой ему не стать, и готовился вернуться к своей основной специальности, торговле зерном. Когда футбольная карьера прервалась, Феррари устроился в АДМ, где познакомился с Уайтекером. Затем он ушел из компании, но продолжал поддерживать отношения с руководителем подразделения биопродуктов. Феррари набрал номер домашнего телефона Уайтекера.

– Привет, – сказал Феррари. – Я тут сижу смотрю телевизор, и вдруг показывают тебя.

– Ага, – отозвался Уайтекер. – И что ты об этом думаешь?

– Что я могу об этом думать? Просто глазам не верю.

Уайтекер рассказал о событиях последних дней. Феррари спросил о Мике Андреасе.

– Мика вышвырнут из компании, – ответил Уайтекер. – Я буду вместо него. Его дни в АДМ сочтены.{266}

У решетчатой ограды усадьбы Уайтекеров собралась толпа репортеров. Некоторые вытягивали шеи в надежде увидеть самого знаменитого в эти дни служащего АДМ.

Оглушительная новость сотрясала Декейтер. Имя Уайтекера звучало с экранов телевизоров и из радиоприемников. Джинджер было не по себе. Она не привыкла выставлять напоказ свою личную жизнь. А теперь стоило выйти из дома, как ее окружали крикливые репортеры. Но все это чепуха по сравнению с тем, что сказал ей Марк: ему звонили и угрожали незнакомые люди. Такое и в кошмарном сне не приснится.{267}

И все же Марк был поначалу доволен. Он был героем дня всех СМИ, он был отважным борцом за правду. Ему это нравилось.

Но на третий день шумихи тон прессы изменился. Утром, заехав на заправочную станцию, Уайтекер купил свежий выпуск «Уолл-стрит джорнал». Еще не сев в машину, он взглянул на первую страницу, и крупный заголовок сразил его, как удар под дых:{268}

> ЭТО ГРЯЗНАЯ КРЫСА, ГОВОРИТ ДЕКЕЙТЕР О ДОНОСЧИКЕ, ВЫЯВЛЕННОМ В «АРЧЕР ДЭНИЕЛС». ЛЮДИ СЧИТАЮТ, ЧТО МАРК УАЙТЕКЕР ПРЕДАЛ ИХ, СВЯЗАВШИСЬ С ФБР.

Негодование охватило Уайтекера. С какой стати его обливают помоями? Он поехал домой, разгневанный и оскорбленный.

В тот же день Херндон, сидя в офисе в Спрингфилде, вслушивался в гневные излияния Уайтекера в телефонной трубке.

– Дуэйн и Терри смешивают меня с грязью, – кипятился он. – Они говорят, что я никудышный работник и что мне нельзя доверять. Как они смеют клеветать?

– Марк, – успокаивал его Херндон, – стоит ли волноваться? Вы же знаете, что это неправда, вы хороший специалист и настоящий трудоголик. Эти люди нарушали закон, и ничего удивительного, что они накинулись на вас.

– Да, но…

– Послушайте, Марк, мы неоднократно предупреждали вас об этом. Сколько раз мы говорили вам: может случиться самое неожиданное, многим не понравится то, что вы делаете, на вас будут нападать и могут уволить.

– Но это несправедливо. Кто им дал право говорить все это? Я привлеку их за клевету.

– Марк, я не адвокат и не могу консультировать вас по юридическим вопросам. Но мне кажется, что обвинение в клевете тут не пройдет.

Уайтекер чуть не задохнулся. Херндон чувствовал, что свидетель вот-вот выйдет из себя.

– Марк, вам нужен отдых. Давайте сыграем партию-другую в гольф?

– Не буду я играть ни в какой гольф.

– Почему бы вам не устроить небольшие каникулы? Весь Декейтер сейчас бурлит. Возьмите семью и съездите куда-нибудь, пока все не успокоится.

Но Уайтекер отверг и это. Сейчас ему не до того. Потом он, наверное, и впрямь бросит все и уедет из Декейтера. Он уже обращался с просьбой помочь в продаже дома, но не получил ответа. Как насчет этого?

Херндон ответил, что не может сказать на этот счет ничего определенного, но, до тех пор пока Уайтекер получает зарплату в АДМ, правительство вряд ли окажет ему материальную помощь. Но Шепард и Херндон понимают его тревоги и не забывают о нем. {269}

Через пять дней, 18 июля, в офис АДМ пришли два невинных на вид письма. Оба были отправлены 13 июля из Ноксвилла, штат Теннесси, оба без обратного адреса; на обоих конвертах наклеены марки с портретом президента Никсона. Одно из писем было

адресовано Дуэйну Андреасу, другое Джиму Рэнделлу. Письма не были подписаны, но к содержащимся в них обвинениям против Уайтекера и ФБР в АДМ отнеслись со всей серьезностью.

Прочитав письма и сделав с них копии, руководители компании переслали их Обри Дэниелу. В драке с правительством он сумеет обернуть их на пользу АДМ.{270}

Город Франклин раскинулся среди поросших пыреем холмов штата Теннесси, в двадцати милях к югу от Нашвилла.{271} Жители Франклина утверждают, что не только хорошо помнят свою историю, но и живут в ней. Город вырос вокруг старинного делового района из пятнадцати кварталов, застроенных в викторианском стиле. В центре его высится статуя солдата армии конфедератов, один из многочисленных памятников, посвященных произошедшей здесь в 1864 году кровавой битве.

В 1995 году была выиграна еще одна битва под Франклином. После нескольких лет интенсивной перестройки и реновации города здесь решили поселиться молодые обеспеченные предприниматели. Цены на жилье пошли вверх. Торговля недвижимостью стала прибыльным делом.

Одним из участников этой битвы была Гертруд Бораски, ведущий риелтор агентства недвижимости «XXI век». Дела агентства шли успешно, телефон не умолкал. Однажды, сняв трубку, Гертруд услышала женский голос.

– Здравствуйте, – произнес голос, – меня зовут Джинджер Уайтекер. Мы с мужем живем в штате Иллинойс, в Моуикве, и хотим приобрести дом под Нашвиллом. Я хочу посмотреть что-нибудь в вашем районе.

– Разумеется, – ответила Бораски. – А что именно вас интересует?

– Нам нужен дом в девять тысяч квадратных футов и место для лошадей.

Бораски улыбнулась. Это будет крупная сделка. Договорились, что в конце июля Уайтекеры приедут подыскать что-нибудь подходящее.{272}

В воскресенье 16 июля в 15.19 в АДМ на факс Дуэйна Андреаса поступило сообщение. Телефон отправителя в заголовке был скрыт, зато имя адресата было на месте:

Обри Дэниелу и Совету директоров АДМ.
От Наблюдательного комитета акционеров АДМ.

Текст послания поверг всех в изумление. Его автор – или авторы – утверждали, что представляют добровольное общество

акционеров, которое занимается расследованием деятельности компаний, чьими акциями они владеют.

> «Мы собираем информацию уже несколько лет и хотели огласить ее на предстоящем собрании акционеров,

– говорилось в послании. –

> К сожалению, ФБР опередило нас. Нам доподлинно известно, что АДМ занимается фиксированием цен».

Далее авторы письма обвиняли менеджеров АДМ в расходовании миллионов долларов на полеты на корпоративных самолетах и упрекали Обри Дэниела, ошибочно назвав его Дэниелсом, в том, что он защищает интересы семейства Андреас, а не акционеров.

> «У нас есть люди в каждом подразделении АДМ,

– говорилось дальше. –

> Эта компания принадлежит нам, а не Андреасам! Пятьдесят тысяч акционеров – это спящий великан, который скоро пробудится, и все увидят незаконные действия Дуэйна и его воровской шайки!»

И подпись: «Лэмет Вов».{273}

В следующие сорок пять минут «Лэмет Вов» разослал копии этого послания в офисы членов совета директоров АДМ, разбросанные по всему континенту, – в Вашингтон, Спрингфилд, Миннеаполис и Монреаль.

Бывший премьер-министр Канады Брайан Малруни, войдя 19 июля в зал заседаний совета на шестом этаже административного здания, улыбнулся директорам АДМ. Все расселись за большим круглым столом, занимавшим значительную часть помещения. На стенах рядом с дипломами, почетными адресами и прочими знаками почета, которыми был удостоен Дуэйн Андреас в течение своей карьеры, висели репродукции произведений искусства, выполненные с помощью компьютерной техники.

Малруни оглядел собравшихся. Рядом с ним сидел Росс Джонсон, бывший председатель правления компании «Р. Дж. Р. Набиско», который проиграл сражение за право владения компанией. Зато он приобрел национальную известность, став героем фильма об этом сражении «Варвары у ворот». За ним

Малруни увидел Боба Страусса, старейшину вашингтонских политиков. Хэппи Рокфеллер, вдова Нельсона и давний друг Андреасов, разговаривала с профессором Гарвардского университета Реем Голдбергом. Джон Дэниелс, бывший председатель совета директоров АДМ, просматривал материалы, приготовленные к встрече.

Основным вопросом повестки дня было начавшееся уголовное расследование. Обри Дэниел во вступительном слове рассказал, как развивались события до настоящего момента. Многие акционеры компании уже стали предъявлять ей иски на том основании, что фиксирование цен снизило капитализацию.

– Мы знаем прецеденты, – сказал Дэниел, – когда совет директоров пытался справиться с угрозой судебного преследования, не образуя чрезвычайного комитета, и тогда комитет созывали по своей инициативе акционеры. Нельзя пускать это на самотек, иначе акционеры возьмут дело в свои руки, – добавил он.

Директора согласились, что надо избирать комитет. Самый новый член совета, президент «Голд кист инкорпорейтед» Гейлорд Коун, заявил, что не может быть членом комитета, поскольку является партнером АДМ и крупным покупателем лизина, то есть попадает в ситуацию конфликта интересов.

Боб Страусс сказал, что ему из-за расследования тоже приходится нелегко. Его фирма представляла АДМ в нескольких делах, а его партнер Джон Дауд был, пусть очень недолго, адвокатом Уайтекера.

В итоге избрали чрезвычайный комитет, в который вошли девять из семнадцати директоров компании, включая Малруни, Джонсона, Дэниелса и Голдберга. Председателем комитета стал Малруни.{274}

– Было бы целесообразно избрать и сопредседателя, – сказал Обри Дэниел.

Переглянувшись, директора посмотрели на Джона Дэниелса. Тот не раздумывал: его дед был основателем компании, отец – управляющим, а уж ему сам бог велел встать на ее защиту.

– Меня привело в ужас все то, что я слышал об этом деле в последние недели, – сказал он. – Я в компании не чужой и, чтобы помочь ей, сделаю все, что в моих силах. – Он окинул взглядом собравшихся. – Так что я принимаю это предложение.

На следующее утро расследование столкнулось с новой проблемой. Ею стала статья в «Чикаго трибюн».{275}

Она начиналась с сообщения АДМ об образовании чрезвычайного комитета. Комитет создан для того, чтобы

разрулить сложившуюся ситуацию. Затем авторы переходили на подробности биографии Уайтекера, которые сообщил находившийся в Декейтере университет Милликин. Эти сведения Уайтекер передал городскому школьному отделу перед выборами в попечительский совет. Согласно этой информации, Уайтекер получил степень магистра по менеджменту в престижной Школе Келлога и степень доктора биохимии в Корнеллском университете.

Но все это неправда, утверждала газета. По сообщению одного из представителей Школы Келлога, она не присваивала Уайтекеру никаких степеней. Уайтекер действительно получил докторскую степень в Корнелле, но не по биохимии, а по диетологии.[64]

Большое жюри может усомниться в правдивости свидетеля, пророчила «Чикаго трибюн».

Мучник прочел эту заметку по дороге на работу на утреннем поезде в 6.53. Им овладел приступ нервного смеха. Он всегда ощущал в Уайтекере некую фальшь, и заметка подтверждала его ощущения. Приехав в офис, он первым делом направился к телефону и позвонил агентам. Ответил Херндон.

– Привет, Боб, – произнес он со смехом.

– Что тебя так разобрало? – отозвался Херндон.

– Подожди, я тебе прочту, – сказал Мучник.

Выслушав статью «Трибюн», Херндон вздохнул.

– Ну и дает, – буркнул он. – И что он нам еще преподнесет?

В тот же день Марк и Джинджер осматривали большой дом в Теннесси в сопровождении Герт Бораски из фирмы «XXI век». Осмотр занял больше часа. Уайтекеры решились на покупку. К вечеру Бораски позвонила владельцам, предложив цену восемьсот девяносто тысяч долларов – на шестьдесят тысяч ниже запрошенной цены. Владельцы дома, Пол и Кэрол Майер, выдвинули встречное предложение – девятьсот тридцать пять тысяч. В конце концов стороны столковались, и сделка была заключена.

На следующий день Уайтекер в сопровождении риелторов приехал подписать договор. Все собрались вокруг стола и смотрели, как Марк ставит свою подпись. Пол Майер был рад. Дом выставили на продажу еще месяц назад. Теперь с этим наконец было покончено.

{276}

– Мистер Майер, – обратился к бывшему владельцу Уайтекер, – давайте на минуту выйдем? Я хочу расспросить вас о горячей воде.

– Конечно, – отозвался Майер, поднимаясь.

На крыльце Уайтекер остановился и посмотрел Майеру в глаза.

– Вы знаете, кто я? – спросил он, понизив голос почти до шепота.

– Я знаю, что вы человек, который только что потратил почти миллион на покупку моего дома, – ответил Майер и тут же пожалел о своих словах.

– Я задал вам этот вопрос, потому что недавно мое имя появлялось на первой странице «Уолл-стрит джорнал» в статье о компании «Арчер Дэниелс, Мидленд». Я был осведомителем ФБР в расследовании деятельности АДМ, компании, в которой я работаю. Два с половиной года я записывал все разговоры, собирая доказательства сговора о ценах. Теперь об этом стало известно, а Декейтер очень небольшой город, так что ФБР посоветовало мне переехать в другое место. Поэтому я и купил дом у вас.

«Зачем он рассказывает мне все это?» – удивился Майер.

– Я подумал, не помешает ли все это нашей сделке.

– Зачем мне все это? Меня волнует только одно – продать дом и получить деньги.

– Насчет денег не беспокойтесь, они у меня есть, – заверил его Уайтекер. – И ФБР обещало помочь, – возможно, мне дадут ссуду на покупку. Так что мой переезд из Декейтера обеспечен правительством.

На лице Уайтекера мелькнула слабая улыбка.

– Деньги у меня есть, – повторил он.{277}

Прошло несколько дней, и в фирму «Уильямс и Конноли» пришло еще одно анонимное письмо. Оно было отправлено 17 июля из Сан-Франциско и адресовано Обри Дэниелу. К тому времени Дэниела захлестнуло потоком анонимок. Казалось, что под именем «Лэмет Вов» скрываются две группы, одна из которых нападает на АДМ, а другая на Уайтекера. Письмо из Сан-Франциско пришло от антиуайтекерской команды.{278}

«Сэр,

– говорилось в нем, –

> у Уайтекера из АДМ поистине странные союзники. Кроме того, его *шантажировали* в связи с чем-то. Советуем также проверить его отношения с членами его семьи, „друзьями“ и *некоторыми представителями закона».*

Далее безымянный автор предупреждал, что не стоит прибегать к услугам какого-нибудь «сыщика-растяпы», надо найти такого же «жесткого и ловкого», как знаменитый Гордон Лидди, один из членов команды, вломившейся некогда в Уотергейт.

Заканчивалось письмо фразой:

> «Вы будете *очень* удивлены, узнав, кто такой Уайтекер *на самом деле*».

Генеральный прокурор Дженет Рено вошла в конференц-зал Министерства юстиции, где ее ждали Луис Фри и его заместители, прибывшие из штаб-квартиры ФБР. Эти два ведомства проводили встречи в верхах каждые две недели. Со стороны министерства присутствовал, среди прочих, заместитель генерального прокурора Джейми Горелик. Встречи были открытым каналом межведомственной коммуникации, и Рено старалась не пропускать эти собрания.

Дискуссия шла в хорошем рабочем темпе. Когда почти все вопросы повестки дня были исчерпаны, Рено заметила:

– Теперь о деле АДМ. Я получила несколько писем их ведущего адвоката из «Уильямс и Конноли».

Рено сообщила, что в последние дни Обри Дэниел прислал ей несколько жалоб.{279} Большинству присутствующих, включая Горелика, это было известно. Фри тоже получил копии писем. В последнем из них выражалось неудовольствие в связи с чрезмерной активизацией прессы. Кто-то из людей, «работающих на правительство», писал Дэниел, слишком много болтает с репортерами – намекая, что это либо агенты ФБР, либо Уайтекер, либо все они вместе.

Собравшиеся обсудили жалобу адвокатов; попутно представители ФБР рассказали Рено и Горелику о последних шагах в расследовании. Все заняло не более нескольких минут.

В следующие дни делу АДМ в верхних эшелонах Министерства юстиции стали уделять все более пристальное внимание. Предпринятая «Уильямс и Конноли» лобовая атака была предупредительным сигналом, ясно указывавшим на то, что АДМ готова к войне. Команде прокуроров требовалось подкрепление. Прежде всего, нужно найти обвинителя с опытом ответственных схваток с защитниками самого высокого класса.

В здании бывшего газетного издательства в Оклахома-Сити Джо Харцлер изучал материалы о взрыве бомбы возле городского муниципалитета. Отойдя несколько месяцев назад от дела АДМ, Харцлер покинул офис окружного прокурора в Спрингфилде,

чтобы заняться расследованием преступления Тимоти Маквея и его дружков-террористов. Все шло к тому, что через несколько недель обвинительные акты будут готовы.

На столе Харцлера зазвонил телефон. Это был Меррик Гарленд, сотрудник министерства, курировавший дело террористов. Они с Харцлером обсуждали детали этого дела по нескольку раз на дню, но на этот раз Гарленд говорил о другом.

– Мы в Чикаго столкнулись с довольно сложным делом о финансовых нарушениях, – сказал он. – Нарушителей защищает весьма мощная команда адвокатов. Кто из сотрудников окружной прокуратуры был бы, по вашему мнению, способен сразиться с ними?

У Харцлера закралось подозрение, что речь идет о знакомой ему «Битве за урожай», и он тут же припомнил человека, подходившего как нельзя лучше: его друг Скотт Лассар. Лассар был федеральным обвинителем и с успехом провел несколько крупных дел. Правда, сейчас он погрузился в расследование под кодовым названием «Серебряная лопата». Осведомителем в этом деле был коррумпированный мусорщик, который имел возможность записывать на магнитофон разговоры чиновников чикагского муниципалитета, вымогавших у граждан взятки. Лассар был знаком и с осведомителями, и с пленками, а с крутыми соперниками он справлялся не раз.

– Я рекомендую Скотта Лассара, первого помощника окружного прокурора, – ответил Харцлер. – Но сейчас он вряд ли может посвятить этому делу все свое время.

– Ну что ж, – сказал Гарленд. – Вы не могли бы никому ничего не говорить, а просто позвонить Лассару и выяснить, возьмется ли он за наше дело? – спросил Гарленд.

Харцлер дозвонился до Лассара после десяти вечера, когда тот расположился на отдых в своей гостиной с беспроводным телефоном под рукой. Сам Харцлер был в президентском номере отеля в Оклахома-Сити, где жил временно.

– Скотт, мне тут позвонили из Министерства юстиции. Им нужен человек для ведения сложного дела о финансовых нарушениях. Я подумал о тебе. Интересуешься?

Лассар не знал, о каком деле говорит Харцлер и где проводится расследование. Но он не задумываясь ответил:

– Очень даже интересуюсь.

Остановив машину у дешевого отеля, Уайтекер вышел и застегнул на все пуговицы пиджак легкого двубортного костюма. Дорога из Моуиквы по шоссе 51 заняла чуть больше часа, времени

в запасе было много. Посмотрев на часы, он увидел, что еще нет шести. Может, он приехал слишком рано.

Несколько дней он мучился от желания поделиться с кем-нибудь переполнявшими его секретами. Уайтекер знал, что раскрывать эти секреты нельзя, и сопротивлялся своему желанию изо всех сил. Вконец измотанный, он решил излить душу.

Уайтекер пересек вестибюль и направился в комнату, снятую для тайной встречи. За последние годы он привык все делать втайне и ходить крадучись. Это стало едва ли не второй его натурой. Подойдя к нужной комнате, Уайтекер постучал. Ему ответил молодой голос.

– Марк? – спросил молодой человек, протягивая ему руку. – Приветствую. Рон Хенкофф. Рад познакомиться.

Уайтекер улыбнулся. Хенкофф, репортер журнала «Форчун», выглядел точно так, как представлял Уайтекер. Он знал, что «Форчун» пользуется доверием Уоррена Баффета, – об этом ему говорил Говард. И «Форчун» обещал ему позволить рассказать о деле АДМ со своей точки зрения, своими словами. Это был случай обратиться ко всему Декейтеру – да что там к Декейтеру, ко всему миру! После этого все поймут, почему он сделал такой выбор, и признают, что он поступил правильно.

Хенкофф пригласил Уайтекера в соседнюю комнату, где ждал фотограф Крис Сэндерс. Жалюзи были закрыты. По стенам в качестве фона развесили простыни. Уайтекер принимал задумчивый вид всякий раз, когда Сэндерс делал очередной кадр. Он знал, что одна из этих фотографий украсит обложку журнала.

Съемка закончилась. Уайтекер вернулся к Хенкоффу и сел за стол. Несколько часов он отвечал на вопросы журналиста, излагал свой взгляд на проводившееся расследование, рассказывал о том, какую роль играли в сговоре о ценах Уилсон и Мик Андреас, как проходили переговоры с «Киова хакко» и «Адзиномото», как он сошелся с Шепардом, как делал аудиозаписи.

Они расстались около полуночи. Уайтекер предал гласности множество секретов «Битвы за урожай».{280}

Покупка дома во Франклине протекала гладко. Уайтекер сообщил Герт Бораски, что найти ссуду под покупку ему поможет один из его партнеров. Он сказал и то, что два года работает осведомителем ФБР, но просил не говорить об этом никому, потому что это секрет.

Бораски потребовала подтверждения кредитоспособности Уайтекера. Вскоре она получила письмо, отправленное 26 июля из Нью-Йорка неким Джозефом Каяццо. Каяццо писал, что он

адвокат, представляющий кредитора, который согласился предоставить Уайтекеру ссуду на покупку дома в размере девятисот тридцати тысяч долларов.

На вид все было в порядке. Единственное, что показалось Бораски странным, – ни Каяццо, ни Уайтекер не сообщили ей имя этого щедрого кредитора. Но это, в конце концов, было несущественно.{281}

Больше всего Уайтекера интересовало, что говорят о нем в АДМ. Услышав сплетню о себе, он тут же начинал горячо ее оспаривать. Джинджер уговаривала его прекратить названивать коллегам и собирать слухи о самом себе. Иногда он, казалось, соглашался с ней – и снова бежал к телефону, и все начиналось сначала.

В июле Уайтекер навестил своих родных в Огайо и, позвонив оттуда в АДМ бухгалтеру Лу Рочелли, спросил его, что нового в компании.

– Тут и правда случилась одна штука, которая тебя заинтересует, – ответил Рочелли.{282}

Сию же минуту Уайтекер позвонил Шепарду.

– АДМ старается подорвать мою репутацию! – жаловался он. – Это недопустимо!

Он услышал, объяснил Уайтекер, что Мик Андреас поручил ревизорам проверить его финансовые отчеты, надеясь найти в них какие-либо нарушения.

– Мик сказал ревизорам, что, если они ничего не найдут, пусть придумают сами!

– Марк, – произнес Шепард успокаивающе, – мы же говорили вам, что следует ожидать чего-нибудь подобного.

Но, вопреки усилиям Шепарда, Уайтекер не желал успокаиваться. Происходящее ему не нравилось. Абсолютно.{283}

Весь июль таинственный «Лэмет Вов» бомбардировал письмами и факсами директоров и служащих АДМ – и на работе, и дома. От Марка Шевирона требовали, чтобы он рассказал правлению все, что ему известно. Старшему пилоту компании велели признаться в незаконных полетах. Копии анонимок посылались Обри Дэниелу, которого эти «угрозы», по его словам, «уже достали».{284}

30 июля в совет директоров пришло новое послание, куда агрессивнее прежних. В нем требовали уволить Дуэйна и Мика Андреасов, Терри Уилсона и Барри Кокса, назначить главой компании Джо Хейла, входившего в совет директоров, а его

заместителем – Уайтекера.

> «Мы советуем предпринять шаги в правильном направлении,

– говорилось в послании, –

> иначе мы через две недели распространим на улицах города брошюру, которая откроет людям все установленные нами факты и погубит не одну блестящую карьеру».

У Брайана Малруни не было сомнений в позиции адвокатов из «Уильямс и Конноли». Они сражались за компанию АДМ, а значит, за семейство Андреас. Но Малруни возглавлял чрезвычайный комитет совета директоров, которого не существовало в момент приглашения фирмы «Уильямс и Конноли». А что, если комитету придется принимать меры, ущемляющие интересы Андреасов? Есть ли надежда, что нанятые ими адвокаты сохранят объективность и в этой ситуации?{285}

Малруни позвонил сопредседателю Джону Дэниелсу.

– Меня заботит вот что, – сказал он. – Может случиться, что мы окажемся по разные стороны фронта с «Уильямс и Конноли». Нам нужен независимый юрист.

Дэниелс согласился, но не знал, в какую фирму обратиться. Но у Малруни на этот счет имелись свои соображения.

В деревушке Эмигрант под густо-синим небом Монтаны группа рабочих в ковбойских костюмах высыпала из главного корпуса ранчо «Би-бар». Начинался обычный день. На ранчо, раскинувшемся на девяти тысячах акров посреди Скалистых гор, стояла страдная пора – сенокос и уборка овощей. Но богатые клиенты могли выбрать и другое – ловить рыбу во вьющейся среди скал реке Йеллоустон или сесть в седло и пасти скот.

Ричард Битти, глава нью-йоркской юридической фирмы «Симпсон, Тэтчер и Бартлетт», решил поудить рыбу. Бывший морской пехотинец с мягкими манерами, Битти вращался в самых разных кругах – от нью-йоркской верхушки Демократической партии до крупнейших инвесторов Уолл-стрит. Он приобрел известность, консультируя по юридическим вопросам Генри Крейвиса, главного партнера фирмы «Колберг, Крейвис, Робертс и компания», которая прославилась блестящими поглощениями компаний за счет стороннего финансирования. Именно он посоветовал Крейвису при поглощении компании «Р. Дж. Р.

Набиско» предложить сумму, превышающую предложение Росса Джонсона, тогдашнего председателя совета директоров. Битти, подобно Крейвису с Джонсоном, стал прототипом героя книги «Варвары у ворот», в которой описана эта сделка.

Однажды Битти и его старинный приятель Кеннет Липпер, известный инвестиционный банкир и бывший помощник мэра Нью-Йорка, вместе проводили отпуск. Поездка двоих друзей и их жен на ранчо «Би-Бар» отвлекла, хоть и ненадолго, от манхэттенской суеты и бесконечных телефонных звонков. Но в то утро в конторе ранчо Битти ждало сообщение: с ним хочет поговорить Брайан Малруни. Битти сразу направился к телефону.

– Я звоню, потому что чрезвычайному комитету директоров компании «Арчер Дэниелс, Мидленд» требуется консультант, – сказал Малруни. – Мне настоятельно рекомендовали обратиться к вам, – в частности, вас очень хвалили Генри Крейвис и член нашего комитета Росс Джонсон.

Битти принял предложение, несмотря на то что Малруни обрисовал ситуацию лишь в общих чертах. Они договорились встретиться на следующем заседании чрезвычайного комитета в вашингтонском офисе фирмы «Уильямс и Конноли».

Утро выдалось солнечное и ясное, прохладный бриз умерял августовскую жару. Херндон решил, что стоит идеальная для гольфа погода, да и не мешало показать Уайтекеру, что ФБР о нем не забыло. Агент набрал номер Уайтекера.{286}

– Привет, – сказал Херндон, – это Боб. Как дела?

– Да… все нормально, все нормально, – пробормотал Уайтекер.

Херндон осекся. Его собеседник был расстроен и пребывал в смятении.

– Ну, я звоню, чтобы узнать, все ли в порядке. Мы давно не виделись. Как насчет партии в гольф? Я мог бы высвободить полдня, если вы…

– Да нет, вряд ли у меня найдется время, – прервал его Уайтекер.

– Тогда, может, мы с Брайаном подъедем к вам на днях и вместе сходим на ланч. Нам надо забрать свою аппаратуру, да и просто хотелось бы повидаться с вами, поговорить.

– Ну… давайте. Когда вам удобнее?

– Когда удобнее вам, Марк.

Уайтекер просмотрел свой календарь и предложил встретиться через два дня, в среду 2 августа.

– Ну, вот и отлично, – сказал Херндон. – Мы приедем к вам домой.

В тот же день в офисе Джима Эпстайна раздался звонок. Эпстайн согласился вести дело Уайтекера меньше месяца назад, а оно уже отнимало значительную часть его времени. Он в целом договорился с АДМ о выходном пособии для Уайтекера в размере семи с половиной миллионов долларов, и для этого Уайтекер должен был явиться в компанию и ответить на ряд вопросов заключительной беседы. Но этим дело Эпстайна не исчерпывалось, и телефонные переговоры с АДМ, ФБР, юристами, репортерами и Уайтекером продолжались почти весь день.

На этот раз звонок удивил Эпстайна. Звонили Джим Рэнделл и один из адвокатов из «Уильямс и Конноли».

– Мы говорим с вами от имени АДМ. Желательно, чтобы 3 августа в 17.00 Уайтекер встретился с руководством компании, – сказал Рэнделл.

Эпстайн поинтересовался зачем.

– Мы хотим расспросить его о некоторых финансовых операциях.

Утром 2 августа Джим Гриффин работал в своем кабинете, когда ему сообщили, что с ним хочет поговорить Обри Дэниел. Гриффин взял трубку.

– Я звоню по срочному делу, – сказал Дэниел. – Мне надо как можно скорее встретиться в Вашингтоне с сотрудником антитрестовского отдела, который облечен властью принимать решения относительно вашего расследования.

Гриффин был заинтригован.

– А в чем дело? – спросил он.

– Объясню при встрече. Уверяю, дело очень важное, иначе я не стал бы обращаться к вам с этой просьбой.

Грифин на миг задумался. Голос Дэниела звучал слишком озабоченно, и отклонить просьбу было нельзя. Гриффин решил поверить юристу на слово.

– Хорошо, – ответил он, – я поговорю с нашими людьми и перезвоню.

– Что еще они там откопали? – покачал головой Шепард.

Весть о срочном требовании Дэниела обрушилась на агентов как холодный душ. Гриффин договорился встретиться с Дэниелом на следующее утро и заказал билеты на самолет. По мнению агентов, адвокат зашел слишком далеко. Скорее всего, это очередная жалоба на утечку в прессу.

– Представителю министерства вообще не о чем говорить с этим типом, – заявил Херндон.

– Да, – согласился Шепард, – или надо было сказать: «Если вы, мистер Дэниел, хотите встретиться с кем-нибудь из министерства, поезжайте в Чикаго к Джиму Гриффину. Он ведет это дело».

Поворчав, агенты взглянули на часы и увидели, что пора отправляться на ленч с Уайтекером.

Дорога до Моуиквы заняла минут двадцать пять. Оставив машину на подъездной аллее, агенты направились к дверям, но Уайтекер вышел навстречу сам. Он был, казалось, в хорошем настроении.

– Эй, слушайте, – сказал Уайтекер, – можно съездить в китайский ресторанчик. Я знаю один в Тейлорвилле. Ничего особенного, но кормят неплохо.

– Давайте, Марк, – согласился Шепард.

Ехать решили на машине Шепарда, и Уайтекер забрался на заднее сиденье. По дороге он расписывал ресторан, но наконец выдохся и, наклонившись вперед, положил руки на спинки передних сидений.

– Парни, – произнес он серьезным тоном, – я хочу рассказать вам кое-что.

Херндон повернулся к Уайтекеру, Шепард посмотрел на него в зеркальце.

– Мой адвокат, правда, не велел говорить об этом никому. Я давно собирался поговорить с вами, но он сказал, что надо подождать, пока АДМ сама не поднимет этот вопрос. Но я все равно хочу рассказать.

Вот сейчас он что-нибудь ляпнет. Херндон предупреждающе поднял руку.

– Марк, подождите. Не надо. У вас есть адвокат, и ему виднее, можно ли нам это знать.

– Боб прав, Марк, – подтвердил Шепард. – Теперь не то что прежде. Теперь у вас есть адвокат.

Уайтекер разочарованно откинулся на спинку сиденья. Агенты видели, что он борется с желанием поделиться, и поспешили сменить тему.

– Как поездка в Теннесси? – спросил Херндон. – Что там за дом?

– Дом отличный, – улыбнулся Уайтекер и пустился в описание.

Узкая дорога пролегала среди кукурузных полей. Некоторое время они болтали. Постепенно разговор заглох. Уайтекер смотрел в окно.

Затем, взглянув на агентов, он вдруг выпалил, что ему звонил

Джим Рэнделл.

Херндон заинтересованно обернулся к нему.

– Вот как?

– Они хотят поговорить со мной. О денежных делах.

– О каких делах?

– Финансовые операции. Я вам о них не рассказывал.

Секунда, и Уайтекер вернулся к занимающей его теме.

– Это то, о чем вы хотели рассказать?

– Да.

Херндон колебался. Позвонить бы юристам и спросить, как быть. Но это неудобно. И он решил еще раз предостеречь Уайтекера.

– Марк, вы ведь помните, что адвокат посоветовал не рассказывать об этом.

– Ну да, помню.

– Мы вас ни о чем не просим и не спрашиваем. Так что все, что вы скажете нам, вы скажете по собственному желанию и добровольно, ослушавшись совета адвоката. И вы должны понимать, что в отсутствие адвоката некому защитить ваши интересы. Понимаете?

– Понимаю. Но все равно хочу рассказать.

Агенты слушали Уайтекера молча, не глядя на него.

Говорить было бы неосмотрительно, думали они. Уайтекер сам по себе. Что бы ни произошло, это было его собственное решение.

– АДМ проведала о некоторых сомнительных финансовых штучках, в которых я участвовал. Они хотят, чтобы завтра я пришел к ним с Эпстайном и ответил на вопросы. И говорят, что, если я не приду, они примут «соответствующие меры». – Уайтекер был встревожен. – Что значит «соответствующие меры»? Пойдут в ФБР? Или к прокурорам?

Час от часу не легче. Шепард снова взглянул в зеркало.

– Трудно сказать, Марк. И трудно сказать, что предпримут органы правопорядка, если до них дойдет эта информация, – начнут ли расследование и доведут ли дело до суда.

Шепард говорил несколько минут. Он растолковал различие между гражданскими и уголовными делами, между федеральными и теми, что подлежат юрисдикции местных властей, и объяснил, как определить, насколько серьезно то или иное обвинение. Херндон слушал и надеялся, что монолог напарника продлится до самого ресторана, откуда они смогут позвонить юристам антитрестовского отдела.

Шепард так и сделал. Он закончил лекцию, когда машина подъехала к торговому центру, где был китайский ресторан.

Припарковавшись, они направились в ресторан, прервав разговор. Увидев телефон-автомат, Херндон подумал, не позвонить ли юристам сразу, но решил подождать. Им предложили столик у самого входа.

– Мм… А нельзя ли нам сесть подальше? – спросил Уайтекер.

Их провели к большому круглому столу. Агенты сели лицом к стене по обеим сторонам от Уайтекера. Быстро пробежав глазами меню, они сделали заказ. Еду принесли через несколько минут. Херндон попробовал цыпленка в апельсинах и убедился, что Уайтекер прав. Готовили здесь и впрямь замечательно.

Несколько минут они болтали о еде и обо всем, что приходило на ум. Никто не хотел расспрашивать Уайтекера о сомнительной финансовой операции. Беседа заглохла. Всем было не по себе.

Уайтекер пристально разглядывал содержимое своей тарелки.

– Давайте я сделаю несколько предположений, – сказал он. – Я буду рассказывать о неких финансовых операциях, а вы скажете, что в них не так и насколько это серьезно, ладно?

Агенты сосредоточенно жевали с равнодушными лицами.

– Предположим, компания выделила служащему автомобиль для деловых поездок, – начал Уайтекер. – А он ездит по делам на своей машине, а служебную отдал в распоряжение дочери. Это серьезное нарушение?

Агенты чуть не расхохотались. После всех пышных предисловий тревоги Уайтекера оказались чепухой.

– Марк, это, скорее всего, нарушение внутренних правил компании и, возможно, заинтересует налоговую службу, – ответил Херндон. – Не исключено, что придется заплатить за это налог, только и всего.

Уайтекер кивнул и помолчал. Он казался серьезным.

– Другой гипотетический случай, – продолжил он. – Что, если служащий использует корпоративный самолет в личных целях?

Херндон объяснил, что и в этом случае вопрос будет идти, по всей вероятности, только о налогах.

– Ну хорошо, – сказал Уайтекер, – еще пример.

– Давайте.

Снова пауза.

– А что, если – гипотетически – речь о взятке, которую дали руководители компании.

Агенты не дрогнули.

– Марк, вы наверняка лучше меня знаете, что компании привлекают клиентов по-разному, – сказал Херндон. – Приглашают их в ресторан, покупают билеты на спортивные

мероприятия, даже дарят подарки. Такое сплошь да рядом.

– Насколько мне известно, – добавил Шепард, – это не рассматривается как нарушение закона. Возможно, это неэтично, но так поступают многие. Я имею в виду то, что в бизнесе так принято.

Уайтекер задумался над их словами. Казалось, он взвешивает свой ответ.

– Мне нужно выяснить… – протянул он. – Наш разговор официальный?

– Разумеется, официальный, – ответил Шепард. – Все, что вы скажете, будет записано в отчете.

Херндон отправил в рот кусок цыпленка, внимательно наблюдая за Уайтекером. Тот пребывал в нерешительности и, казалось, хотел пойти дальше. Но было неясно, насколько далеко и в каком направлении.

– Ладно, – продолжил Уайтекер. – А что, если взятки в компании в порядке вещей?

– Какого рода взятки вы имеете в виду? – спросил Шепард.

– Ну, если компания позволяет руководителям брать взятки. «Откаты», как их называют. Обычно тысяч по десять-двадцать, а верхушке и побольше.

Шепард отложил вилку.

– О каких суммах вы говорите? – спросил он.

Уайтекер помедлил.

– Скажем, до пятисот тысяч.

Шепард и Херндон уставились на него, потеряв дар речи.

Шепард пришел в себя первым.

– Ну, принимать деньги – любую сумму – это не то же самое, что приглашение в ресторан или билеты на футбольный матч, – сказал он.

Херндон взглянул на него. «Блестящее объяснение, Брайан», – подумал он.

– Но тут все непросто, – продолжил Шепард. – В вашем изложении эти деньги принадлежат компании, и трудно сказать, является ли подобное нарушение уголовно наказуемым.

Насколько ему известно, объяснил агент, в делах о мошенничестве, которые расследует ФБР, обычно фигурируют деньги, обеспеченные государством. Херндон покачал головой, не соглашаясь. Он знал, что практически любое присвоение денег незаконным путем можно расценивать как мошенничество с использованием телефонной линии.[65] Так он и сказал.

– А если деньги принадлежат не той компании, в которой работает принявший взятку человек? – сказал Уайтекер. – Будет ли разница, если в сделку вовлечена иностранная компания?

К чему он клонит? Слушая Уайтекера, с ума сойдешь. Он выдавал обрывки информации, из которых не складывалась общая картина. Херндон ответил, что с иностранной компанией все может быть сложнее, но трудно сказать что-нибудь определенное, не зная обстоятельств.

Шепард попытался заставить Уайтекера высказаться конкретнее:

– О каких сделках вы говорите?

На этот вопрос Уайтекер предпочел не отвечать и спросил:

– А имеет ли значение то, что сделка заключена по инициативе иностранной компании?

– Нет, Марк, – ответил Шепард. – Скорее всего, не имеет.

«А ведь у него докторская степень, – подумал Херндон. – Ведет себя как простачок. Задает дурацкие вопросы. При чем тут использование служебных автомобилей? Да, а главное-то – что за откаты в полмиллиона баксов?»

Тем временем тарелки опустели. Расплатившись, они вернулись в машину, Уайтекер занял переднее сиденье, а Херндон сел сзади. Он откинулся, разглядывая Уайтекера.

– Вы не против, если мы не сразу поедем обратно, а поговорим еще немного? – спросил его Херндон.

Уайтекер кивнул, ничего не сказав. Некоторое время они молча ехали по окрестностям Тейлорвилла. Затем Шепард свернул на обочину и остановился возле кукурузного поля.

– Итак, – произнес он, – когда состоялась первая сделка?

Уайтекер опустил глаза. Гипотетическое «предположим» стало реальностью.

– В декабре девяносто первого.

Они записали дату и обратили внимание на то, что это было задолго до первой встречи Уайтекера с ФБР.

– Вы лично получили деньги? – спросил Шепард. – И если да, то как они были выплачены?

– Чеками. Чеки были выписаны на разные банки. Но все они были на сумму меньше десяти тысяч долларов.

Херндон поморщился. Цифра была неслучайной. Для борьбы с отмыванием денег правительство обязало банки предоставлять отчеты обо всех операциях с суммами больше десяти тысяч долларов. Но разбиение платежей на суммы меньше десяти тысяч долларов тоже преступление, если это делается для сокрытия проведенной сделки.

– А почему меньше десяти тысяч? – спросил Херндон.

– Крупные переводы могут вызвать подозрение в маленьком городке.

– И только поэтому? А не потому ли, что вы стремились не

превышать уровня, после которого банк обязан сообщать об операции властям? – резко спросил Херндон.

Тон Херндона поразил Уайтекера. Он сказал, что не понимает Херндона. Тот объяснил. Уайтекер отрицал, что пытался избежать попадания в отчет банка.

– Когда были открыты эти счета?

– Ну, в какой-то промежуток времени.

Шепард не хотел задавать следующий вопрос.

– Вы получали эти чеки после нашей встречи в девяносто втором?

Уайтекер равнодушно посмотрел на него и кивнул.

– Да, два-три чека я разместил в банке уже после этого.

На лицах агентов отразились гнев и недоверие.

– Что вы собираетесь делать с этим, парни? – спросил Уайтекер. – Вы сообщите об этом куда-нибудь? В АДМ будут знать? А мой адвокат?

Агенты ошеломленно воззрились на него. *Неужели он думает, что мы утаим эту информацию? За кого он нас принимает?*

Херндон снова объяснил, что они обязаны записать все, сказанное Уайтекером, и впоследствии представить эти записи защите. Так что АДМ об этом узнает, и прокуроры тоже.

Шепард спросил, стараясь не выдать своих чувств:

– Кто еще знает об этих сделках? Кому вы говорили?

– Никто больше не знает.

– Бросьте, Марк, – вмешался Херндон. – Если уж вы не удержались от того, чтобы похвастать своей ролью в расследовании, то неужели скрыли свой доход на «откатах»?

– Нет, правда, я никому не рассказывал.

Это заявление агенты встретили молчанием.

– Ну, когда проводилась эта сделка, Рэнделл спросил, о какой сумме идет речь, и сказал: «Похоже, ты и себя не обижаешь». И фыркнул. А может, хихикнул.

– Хорошо, – произнес Херндон, с трудом сдерживаясь. – Только что об этом не знал никто, теперь знает Рэнделл. Кто еще?

– Никто! Честное слово. В АДМ об этом разговора не заходило.

– Марк…

– Да нет, правда же! Никто не мог об этом знать.

Уайтекер поерзал на сиденье. Вид у него был испуганный.

– А в АДМ могут об этом пронюхать? – спросил он. – Они могут затеять расследование?

Разумеется, могут, ответили агенты. Все документы у них. Они могут расследовать все, что захотят.

– Но ведь компания закрывала на это глаза. И Рэнделл об этом знал. Я ведь не один это делаю. Все так делают.

И рассказал, что несколько лет назад казначей АДМ Франкл присвоил деньги компании. И руководству это было известно. Агенты записали это имя.{287}

Уайтекер замолчал, уставившись на свои колени. Казалось, он впервые осознал, что происходит.

Вдруг он поднял голову.

– Это повлияет на расследование сговора о ценах?

– Да, – ответили в один голос Шепард и Херндон.

Уайтекер снова повесил голову.

– Понимаете, – произнес он, глядя на них, – в АДМ этим пронизано все. Я имею в виду, они сами это поощряли. В «Дегассе» было не так.

Агенты сказали, что это ничего не меняет. Если он нарушил закон, придется отвечать за последствия.

– Марк, – спросил Херндон, – вы участвовали в чем-нибудь еще, о чем нам надо знать?

Уайтекер покачал головой. Только пятьсот тысяч, и все.

– Ладно, – сказал Херндон. – Это, конечно, повредит расследованию и повредит вам, но теперь, когда мы об этом узнали, можно что-то предпринять. Позже это будет труднее. Поэтому я спрашиваю еще раз: больше вам не о чем рассказать нам?

– Нет-нет, больше не о чем. Абсолютно.

Агенты помолчали.

– Марк, – спросил Шепард, – а Джинджер знает об этом?

– Нет, абсолютно. Вообще ничего не знает.

Шепард посмотрел Уайтекеру в глаза.

– Расскажите ей.

Херндон поддержал его:

– Брайан прав. Надо рассказать сейчас, пока это не стало достоянием гласности. Расскажите ей прямо сейчас.

Уайтекер кивнул и не сказал ничего.

Разговор заглох. Шепард завел мотор. По дороге в Моуикву агенты переключились на другие темы и спросили Уайтекера, кого он предупредил о готовящейся атаке на АДМ.

– Кирка Шмидта, Кэти Даферти и Лиз Тейлор. А, да, еще Джинджер. Но это все.

Уайтекер затаил дыхание и подождал. Ничего не произошло. Похоже, они не знали, что он предупредил Говарда Баффета, Уэйна Брассера и других.

Шепард спросил, знает ли Уайтекер, как журналисты разузнали подробности дела. Уайтекер ответил, что некоторые

сотрудники признались ему в том, что говорили с прессой.

– Они объяснили, что сделали это, чтобы помочь мне, – сказал Уайтекер.

Об интервью журналу «Форчун» он решил умолчать. Статья должна была выйти только через несколько недель.

Они подъехали к «Старой усадьбе». Агенты сказали, что им надо зайти в дом за оборудованием. А еще они хотели повидаться с Джинджер.

Уайтекер поплелся в дом. Из-за переезда в Теннесси вся семья кипела оживлением. Агенты попросили разрешения поговорить с Джинджер, и она провела их в одну из дальних комнат.

– Как он переносит все это? – спросил Шепард.

– Очень плохо, – ответила Джинджер. – Переживает, когда его ругают в прессе, но с нами не делится, ушел в себя.

– Объясните ему, что нужно набраться терпения, – сказал Херндон. – Придет день, на свет выплывут аудиозаписи и все изменится. Это очень убедительное свидетельство.

– Я понимаю, Боб, – отозвалась Джинджер. – Но все не так просто. Он отчужден от семьи. На днях он говорил, что покончит с собой. С ним бывает непросто.

Агенты похвалили Джинджер за ее стремление оберечь семью. Они сказали, что понимают, как трудно ей приходится. О том, что скоро станет еще труднее, они не сказали.

Проговорив с Джинджер около получаса, Шепард и Херндон поблагодарили ее и вернулись к Марку. Они собрали оборудование. Уайтекер проводил их к выходу. Перед тем как проститься, Шепард еще раз обратился к хозяину дома:

– Марк, расскажите Джинджер. Она должна знать.

– Хорошо, – пробормотал Уайтекер.

Некоторое время агенты ехали молча.

– В голове не укладывается, – пробормотал Херндон. – Просто в голове не укладывается. – Взглянув на Шепарда, он добавил: – Теперь мы знаем, о чем хочет его расспросить Обри Дэниел.

Глава 14

На следующий день, 3 августа, Обри Дэниел невозмутимо открыл черный блокнот на странице с фотокопией чека. Одновременно он наблюдал за заместителем помощника генерального прокурора Гэри Спратлингом, рассматривавшим тот же документ в таком же блокноте, который только что вручил ему Дэниел. Спратлинг молчал. Оба понимали, что ставки высоки. Потому их лица не выражали ничего.{288}

Бесстрастие Спратлинга не обмануло Дэниела. Он был уверен, что этот чек на два с половиной миллиона долларов похоронит расследование сговора о ценах раз и навсегда. Чек доказывал, что главный свидетель обвинения Марк Уайтекер украл у АДМ несколько миллионов, причем в то время, когда работал на ФБР.

Каждое слово чека было частью мошеннической схемы. Он был выписан на бланке АДМ на шведскую фирму «Эй-би-пи интернэшнл», находящуюся в Лунде, и реализован в Объединенном швейцарском банке в Цюрихе. Спратлинг показал блокнот Джиму Гриффину. Тот изучил чек и передал его Скотту Хаммонду, третьему из присутствовавших сотрудников прокуратуры.

Дэниел и его коллеги подготовились хорошо. Они представили прокурорам и другие документы, подтверждающие их правоту, и в том числе первый из заключенных с «Эй-би-пи» договоров, и рассказали о втором, случайно обнаруженном, по их словам, недавно. Они продемонстрировали письменные показания тех, чьи подписи стояли под этим договором – Джима Рэнделла из АДМ и Леннарта Торстенссона из «Эй-би-пи». Те заявили, что видят документ впервые. А еще зачитали заключение графолога, согласно которому подписи на втором договоре были фотокопиями подписей на первом.{289}

– Вывод очевиден, – резюмировал Дэниел. – Второй договор – подделка.

Уайтекер предъявил фиктивный договор, чтобы получить чек и якобы передать его «Эй-би-пи», заявил Дэниел. Однако, получив чек, а затем и деньги по чеку, Уайтекер не передавал их шведской компании, которой эти деньги все равно не принадлежали. Он украл их, сказал Дэниел.

– Но это лишь верхушка айсберга, – добавил Дэниел. – У нас есть сведения о том, что, начиная с девяносто первого года, Уайтекер провернул еще несколько мошеннических сделок. – Дэниел равнодушно посмотрел на прокуроров. – И есть основания

подозревать, что вместе с ним в этих сделках участвовали агенты ФБР, проводившие расследование по делу АДМ.

Что?

– Что это за основания? – резко спросил Гриффин.

Он кипел. Об был знаком с Шепардом и Херндоном. Они были честными людьми.

– В прошлом месяце АДМ получила два анонимных послания, – ответил Дэниел и пересказал письма, присланные две недели назад Дуэйну Андреасу и Джиму Рэнделлу из Ноксвилла, штат Теннесси. В обоих письмах утверждалось, что Уайтекер получил в банке на Каймановых островах два миллиона триста пятьдесят тысяч долларов, которые мерзавцы-агенты заплатили ему за сотрудничество.

Все это, конечно, шито белыми нитками, даже даты. До конца 1992 года Шепард не встречался с Уайтекером.

Представители прокуратуры потребовали у Дэниела подробного рассказа о других сделках с участием Уайтекера, но тот отказался. Информация была оружием защитников АДМ, и они не собирались вручать это оружие противнику.

Прокуроров антитрестовского отдела одолевали сомнения. Всего несколько недель минуло с тех пор, как в АДМ узнали о сотрудничестве Уайтекера с ФБР, и вдруг как по заказу появляются доказательства мошеннических действий свидетеля. Слишком вовремя и слишком удачно.

– Как вам удалось выйти на эту операцию с двумя с половиной миллионами? – спросил Спратлинг.{290}

Дэниел объяснил, что на нее обратил внимание юрист, который просматривал документы о тяжбе между АДМ и «Адзиномото» по поводу патентных прав. Контракты, заключенные с компанией «Эй-би-пи», вызвали у него подозрение.

– Что именно пробудило его подозрения? – спросил Гриффин.

Дэниел пожал плечами и отделался ничего не значащим ответом.

– Когда это произошло?

Адвокат досадливо поморщился.

– Кажется, вскоре после обыска в АДМ, – сказал он.

Прокуроры насторожились. Уклончивость Дэниела противоречила уверенности его предыдущих заявлений. Напрашивалось предположение, что руководство АДМ знало о мошенничестве Уайтекера еще до обыска. Не держало ли оно этот козырь в рукаве – на всякий случай?

Адвокаты «Уильямс и Конноли» гнули свое, настаивая на неоспоримости доказательств преступной деятельности Уайтекера. И ответственность за эти деяния, по их словам, несли

сотрудники ФБР, о чем свидетельствовало беспрецедентное и незаконное соглашение, которое они заключили с Уайтекером.

Дэниел выделил восьмой параграф соглашения, требовавший от Уайтекера действовать строго в соответствии с указаниями сотрудников спрингфилдского офиса ФБР и офиса окружного прокурора, а также девятый, в котором говорилось, что Уайтекер имеет право нарушать закон только с ведома и одобрения ФБР.

– Таким образом, ФБР взяло на себя роль наставника Уайтекера и должно отвечать за все его действия, – сказал Дэниел. – А девятый пункт соглашения указывает на то, что агенты знали о совершенной им краже или о том, что он нарушил условия соглашения.

Ясно, куда гнули адвокаты. Либо агенты ФБР коррумпированы, либо Уайтекер обманул их и тем самым утратил всякую надежность как свидетель обвинения.

Все расследование, заявляли адвокаты, построено с тем расчетом, чтобы Уайтекер мог осуществить свой план прибрать АДМ к рукам. Он старался очернить руководителей компании, чтобы занять их место. Он украл несколько миллионов. Он обманул агентов ФБР или вовлек их в преступную деятельность. Правительство выбрало неправильного партнера.

– Да что тут говорить, – сказал Барри Саймон. – Уайтекер – психопат.

Примерно в то же время Шепард бесстрастно выслушивал бессвязные излияния Уайтекера, звонившего из Моуиквы.{291}

– Брайан, мне нужен совет, – говорил Уайтекер. – Я убедился, что АДМ и вправду преследует меня. Так я подумал: может, мне выступить с заявлением для прессы о той финансовой операции, о которой я вам говорил?

До чего нелепо.

– Я думаю, надо это сделать, – продолжал Уайтекер. – Я думаю, надо сделать заявление прессе до того, как они выслушают АДМ.

Шепард ответил не задумываясь:

– Марк, у меня нет права давать вам советы. К этому вопросу надо подходить очень взвешенно, обсудить его с адвокатом.

– Понятно, – отозвался Уайтекер. – Я просто хотел узнать ваше мнение, потому что вы мыслите очень трезво.

Помолчав, Шепард повторил:

– Марк, я не могу ничего посоветовать.

Работа в чикагском антитрестовском отделе в этот день встала. Накануне вечером Шепард и Херндон рассказали Манн и

Мучнику о признании Уайтекера в полумиллионном откате. Они были уверены, что именно об этом сейчас говорят с Дэниелом вашингтонские прокуроры.

Но в середине дня позвонил Гриффин и рассказал новости. Он сообщил о выдвинутом против Уайтекера обвинении в краже двух с половиной миллионов. У самого Гриффина документов на руках не было – все они остались у Дэниела. Гриффин добавил, что не может в данный момент вдаваться в детали, так как у него назначена встреча, и повесил трубку.

Огорошенные антитрестовцы отложили все дела и собрались в кабинете Марвина Прайса. Рабочий день полетел к черту. Скорость, с которой АДМ обнаружила поддельный договор и накопала на Уайтекера целую кучу компромата, всем показалась подозрительной.

По правде говоря, они тревожились не о тяжбе между АДМ и Уайтекером, а о том, что дело запутывается и в него непременно вмешается Вашингтон. После всех их трудов этим делом займутся другие. Дело уплывало из рук.

В тот же день Скотт Лассар, первый помощник чикагского окружного прокурора, вылетел в Вашингтон для беседы о деле АДМ с работниками Министерства юстиции. Несколько дней назад его назначили вторым обвинителем. Он тщательно изучил все подробности «Битвы за урожай» и принял назначение. Лассар уже встретился за ленчем с Гриффином, и тот продемонстрировал часть аудио- и видеозаписей. Прокурор был впечатлен. Эти записи, конечно же, подействуют на присяжных.

Подлетая к Вашингтону, Лассар гадал, с какой целью Дэниел так настаивал на переговорах, которые шли в этот момент. Выйдя из здания аэропорта, он взял такси и направился в министерство, где его принял помощник заместителя генерального прокурора Сет Ваксман.

– Да-а, Скотт, – произнес Ваксман, когда они уединились для беседы, – в занятный же денек вы к нам пожаловали.

Сорока пятью минутами позже Мэри Спиринг, начальник отдела по борьбе с мошенничеством, прошлась по коридору третьего этажа, собирая подчиненных. Ваксман только что потребовал сотрудников ее отдела на совещание, которое вот-вот начнется. К сожалению, отдел располагался в Бонд-Билдинг, в нескольких кварталах от Министерства юстиции, и Спиринг с подчиненными все равно опоздали бы, даже кинься они туда бегом.

Мэри приоткрыла дверь кабинета Дональда Маккея,

коренастого крепыша с пристрастием к крепким выражениям и мефистофельской ухмылкой.

– Дон, собирайся, – сказала она. – В главном здании совещание.

– Что на этот раз?

– Не знаю точно. Какое-то дело в Иллинойсе, там кто-то обосрался.

По дороге к лифту они заглянули в кабинет начальника бюро личного состава Джеймса Никсона и прихватили его с собой.

Они не пытались остановить такси и отправились в министерство пешком. Из-за вашингтонских пробок на своих двоих добираться до центра быстрее.

В это время Джон Хойт сидел в своем кабинете в Спрингфилде. День выдался дрянной. С утра Кейт Киллэм, курировавшая «Битву за урожай», сообщила о признаниях Уайтекера. Авантюра Уайтекера повергла Хойта в недоумение: неужели этот тип надеялся, что никто не заметит отката в пятьсот тысяч долларов?

Остальное время ушло на то, чтобы оценить возможные последствия, сообщить новость начальству и обсудить ее по телефону с работниками Министерства юстиции. В 3.45 Хойт еще не знал о последнем сюрпризе «Уильямс и Конноли». Он говорил с Кейт Киллэм, когда вошла секретарша Стаки.

– Прошу прощения, – сказала она. – Вас просит зайти SAC.

Хойт и Киллэм направились в кабинет Стаки. Войдя, Хойт открыл было рот, но Стаки сделал ему знак соблюдать тишину. Чей-то голос произнес по громкой связи:

– Ну что, все собрались?

Десяток министерских работников, устроившихся за огромным столом для совещаний, услышали донесшийся из Спрингфилда ответ Стаки:

– Да, мой ASAC только что пришел.

Ваксман объяснил, что такая срочность понадобилась для рассмотрения перспектив дела АДМ в свете последних обвинений, выдвинутых адвокатами.

– Так что там за история вскрылась с вашим Уайтекером? – спросил он.

– Почему вы не поставили нас в известность о преступной деятельности вашего осведомителя? – прозвучал следующий вопрос из Вашингтона. – Вы знали об этом?

Вопрос поразил Хойта своей нелепостью.

– Вы о чем говорите? – отозвался он.

– АДМ представила нам показания под присягой, согласно которым Уайтекер подделал один из договоров, – сказал Ваксман. – Они проследили эту сделку до швейцарского банка. У них есть все документы, уличающие Уайтекера в мошенничестве.

– *У нас* нет доступа ко внутренней документации АДМ, – ответила Киллэм.

– Но как вы могли этого не знать? – резко спросил Ваксман. – Вы что, не проверяли его денежные дела?

Хойт кипел от возмущения. Все эти годы он выпрашивал людей для расследования этого дела, и все просьбы наталкивались на глухую стену. А теперь ему заявляют, что агенты, ведущие дело, – которым приходилось работать и ночами, и в выходные, – *работали мало и небрежно*? Что это *их,* агентов, вина?

– Наши люди делали все возможное в тех крайне тяжелых условиях, в какие они были поставлены… – начал он, но Ваксман перебил его:

– Брайан Шепард либо сообщник этого жулика, либо полный идиот!

– Как это понять? – взвился Хойт.

– Адвокаты «Уильямс и Конноли» утверждают, что у них есть основания подозревать агентов ФБР в преступном сговоре с Уайтекером.

Это было неслыханно, это выходило за все границы разумного. Вашингтонские чиновники не знали абсолютно ничего ни о Шепарде, ни о Херндоне, ни о Везеролле, и все же смели выказывать им недоверие и, возможно, ставить под удар всю их карьеру – *основываясь только на словах представителей защиты?*

– Вы же не знаете этих агентов, – сказала Киллэм. – Это наши лучшие сотрудники.

Хойт спросил, чем подтверждается участие агентов в преступной деятельности, но вразумительного ответа не получил. Прокуроры не признались, что единственным источником этой информации была пара анонимных писем. Они-то и подорвали доверие к спрингфилдскому офису ФБР.

– Очевидно, вам только начали приоткрывать правду, – ядовито ответил Хойт. – Скоро узнаете, что мы-то и возглавляем преступный сговор.

В это время Мэри Спиринг со спутниками вошли в конференц-зал министерства. Дон Маккей поразился числу присутствующих.

– Ну и толпа! Пахнет жареным.

– Так, – произнес Ваксман, – к нам присоединились сотрудники отдела по борьбе с мошенничеством во главе с Мэри Спиринг.

Прибывшие отыскали свободные места. Они не знали, о чем пойдет речь, а тем временем дебаты шли полным ходом. Приходилось составлять общую картину из обрывков услышанного.

Маккей, бывший окружной прокурор Иллинойса, с удивлением услышал знакомые названия – АДМ, Декейтер. Он тут же разобрался, что́ вызвало этот ажиотаж.

Вашингтонские юристы закидали Кейт Киллэм вопросами о беседе агентов с Уайтекером накануне, в китайском ресторане. Рассказ Уайтекера противоречил обвинениям, выдвинутым адвокатами «Уильямс и Конноли», – а они по большей части были подтверждены документально. В этом следовало разобраться.

– Мы встретимся с Уайтекером и выясним правду, – сказала Киллэм.

– Нет-нет, не стоит, – тут же откликнулся Ваксман. – Несколько часов назад мы вообще ничего не подозревали, а теперь у нас кризисная ситуация. Подождем и посмотрим, как пойдут дела.

– Минутку, – возразила Киллэм. – Нам важно быть на связи со свидетелем. Мы работали с ним больше двух лет. Он очень нестабилен эмоционально и нуждается в поддержке. Его нельзя просто бросить.

– Понимаю, – сказал Ваксман, – но таково мое решение. Теперь это уголовное дело. Позже мы вернемся к этому вопросу и тогда посмотрим.

– Это неправильно, – запротестовала Киллэм. – Вы совершаете ошибку.

Дон Маккей с трудом подавил одобрительную улыбку. Он не знал Киллэм, но она вызывала уважение. Не всякий осмелится открыто возражать помощнику заместителя генерального прокурора. Да, характер у нее есть.

– Ну, на этом все, – произнес Ваксман минуту спустя. – Спасибо за участие.

И отключил связь.

Все, собравшиеся в кабинете Стаки, кипели от возмущения. *Как это понимать? Что за намеки на участие агентов в преступной деятельности? Почему они не раскрывают всей информации?*

Больше всех негодовал Хойт, дошедший до белого каления. Он с самого начала расследования говорил, что этим делом

должен заниматься уголовный отдел Министерства юстиции. Но его не желали слушать. А стоило адвокатам со связями – да еще из фирмы, представляющей президента Клинтона, – выступить с голословными обвинениями в адрес агентов ФБР, как министерство из кожи вон лезет, чтобы придать делу уголовную окраску.

Хойт покачал головой. Он был уверен, что вашингтонские шишки не ведают, что творят.

После беседы со спрингфилдскими агентами служащие министерства стали решать, кто будет вести дело Уайтекера.

Скотт Лассар не видел в этом проблемы. Свидетели обвинения часто бывали замешаны в преступной деятельности, и опытные прокуроры в таких ситуациях побывали не раз. Сейчас фирма Лассара заканчивала громкое дело о коррупции, один из фигурантов которого совершил ряд преступлений именно в то время, когда работал на ФБР.{292} Прокуратура намеревалась освободить преступника от судебного преследования и использовать его как свидетеля. В этом не было ничего исключительного, а что до «Битвы за урожай», то, по мнению Лассара, Уайтекер приобретет даже бóльшую ценность как свидетель, если присяжные будут знать, что он не вышел сухим из воды, а понес наказание.

– Я считаю, что, прежде чем разделять это расследование на два самостоятельных дела, надо поговорить с самим Уайтекером, – заявил Лассар. – Если он сознается в преступлении, заведем на него дело в Чикаго, а расследование сговора о ценах пойдет своим чередом.

– С этим расследованием тоже придется подождать, – ответил Ваксман. – Сначала надо выяснить все факты, и в первую очередь проверить обвинения, выдвинутые против агентов ФБР. Нужно убедиться, что у них чистые руки.

– Я знаком с адвокатом Уайтекера Джимом Эпстайном, – сказал Лассар. – Он настоящий профессионал и мыслит трезво. Я мог бы поговорить с ним.

Мэри Спиринг не нравилась позиция Лассара. Дело как нельзя лучше подходило ее отделу, но сотрудничать с Лассаром она не хотела – ей казалось, что ради успеха «Битвы за урожай» он готов замазать возникающие проблемы.

– Лучше, если делом Уайтекера займется отдельная группа, – сказала она. – Тогда конфликтов не будет, а результаты будут достоверны.

Некоторые из присутствующих юристов слушали этот разговор с недоумением. Если обвинения «Уильямс и Конноли»

имеют основания, значит, преступление совершено в Центральном округе Иллинойса и подлежит юрисдикции окружного прокурора Фрэнсис Хьюлин, а вовсе не Чикаго или Вашингтону. Но имя Хьюлин даже не упоминалось. Дело рассматривалось совсем в иной плоскости.

Совещание затянулось, многие устали. Глава антитрестовского отдела Анна Бингеман вдруг встала. Она была бледна и дышала тяжело. Извинившись, она удалилась в свой кабинет.

Все разошлись поздним вечером, так и не придя к единому мнению. Мэри Спиринг было ясно одно: этим делом должен заниматься ее отдел, и больше никто.

И больше никто.

Начало отпуска не предвещало ничего хорошего.

Херндон повез семью на юго-запад – познакомиться с краем, навестить друзей. Они выехали в четверг, намереваясь добраться до Оксфорда в штате Миссисипи и остановиться у старого друга Боба, который недавно стал начальником местной резидентуры офиса ФБР.

Увидев придорожную гостиницу «Холидей-Инн», Херндон подумал, что здесь можно отдохнуть и перекусить, поменять пеленки малышке и позвонить на работу – просто узнать, как дела. Оставив Рилен с дочкой в комнате отдыха, Боб взял блокнот и направился к телефону-автомату. Он набрал номер Кейт Киллэм, своего непосредственного начальника.

– Кейт, это Боб. Что нового?

– Да ничего хорошего, – ответила Киллэм.

Херндон выслушал рассказ Киллэм о выдвинутом против Уайтекера обвинении в краже двух с половиной миллионов долларов. По ходу рассказа он делал пометки в блокноте, и в нем закипал гнев. *Миллионы.* Людей осуждают за кражу в несколько долларов, а у Уайтекера, оказывается, аппетиты побольше.

Два с половиной миллиона.

Херндон вспомнил, как он убеждал руководство оказать Уайтекеру финансовую поддержку, как показывал фотографии детей Уайтекера, чтобы пробудить к нему симпатию. Сколько раз Уайтекер клянчил у них деньги, даже просил помочь ему купить дом. А у самого были припрятаны краденые миллионы. Да у этого парня голова не в порядке, точно.

Херндон закидал Киллэм вопросами, но ответов получил немного. Когда он закончил разговор, Рилен уже снова сидела в автомобиле. Боб тоже сел в машину. Двигатель работал, кондиционер был включен.

– Дело дошло до двух с половиной миллионов, – сказал Херндон и сообщил жене новость.

– Просто фантастика, – отозвалась Рилен. – Он погубит самого себя.

– Да, – согласился Херндон. – Интересно, что он подкинет нам в следующий раз.

Он покачал головой и вздохнул.

– Этот тип испоганил мое расследование. Я не позволю ему испоганить мой отпуск.

Нажав на газ, он выехал со стоянки.

Сет Ваксман уже был на месте, когда в 7.10 утра ему позвонил Обри Дэниел. Он хотел привезти кое-какие документы, разоблачающие Уайтекера. Ваксман ответил, что готов его принять.{293}

Дэниел прибыл через пятнадцать минут в сопровождении Барри Саймона и стенографиста. Он передал Ваксману папку-скоросшиватель и объяснил, что большинство документов касаются перечисления двух с половиной миллионов долларов в «Эй-би-пи».

– Случай довольно ординарный, – сказал Саймон. – Настрочить обвинительный акт можно в два счета.

Дэниел добавил, что его фирма добыла ряд документов, касающихся сделки с «Эй-би-пи» и других правонарушений. Но они не готовы представить их.

– А когда будете готовы? – спросил Ваксман.

– Когда назначат обвинителя по этому делу и когда мы будем уверены, что информацию не передадут наставникам Уайтекера из ФБР, – ответил Саймон. – Мы подозреваем, что они в сговоре.

– Мы получили анонимное письмо, утверждающее, что Уайтекер при участии ФБР вкладывал большие суммы в банк на Каймановых островах, – добавил Дэниел.

– Вы можете показать это письмо?

– Пока нет.

Адвокаты хотели получить заверение министерства, что к началу следующей недели с ними свяжется назначенный обвинитель. Ваксман ответил, что сначала министерство должно всесторонне изучить это дело, чем оно безотлагательно и займется.

– В свете новой информации министерству следовало бы рассмотреть ход всего расследования с самого начала, уделив особое внимание тому, как строились отношения агентов ФБР с Уайтекером.

Ваксман не ответил.

– Желательно, чтобы министерство как можно скорее пришло к определенному заключению относительно продолжения расследования по обвинению АДМ в нарушении антитрестовских законов, – добавил Дэниел.

– Мы рассмотрим все обвинения в каких бы то ни было нарушениях, – ответил Ваксман. – Больше ничего пока не могу вам сказать.

В заключение Дэниел попросил Ваксмана выдать расписку в получении документов от «Уильямс и Конноли». Ваксман поставил подпись и проводил адвокатов до дверей.

– Кстати, – сказал Дэниел. – Нам приходят письма с угрозами от организации, именующей себя «Лэмет Вов». Я послал некоторые из них Джиму Гриффину, но реакции не последовало. Мы относимся к этим угрозам со всей серьезностью и хотели бы получить ответ прокуратуры.

– Я наведу справки, – кивнул Ваксман.

Адвокаты покинули кабинет в 7.50. Ваксман тут же схватил блокнот и записал весь разговор.

– В чем именно меня обвиняют? – резко спросил Шепард. Он не скрывал своего потрясения.

– Не знаю, Брайан, – покачал головой Хойт. – Мне не сказали.

Это было следующим утром, в пятницу. Хойт пригласил Киллэм и Шепарда, чтобы обсудить состоявшийся накануне разговор с министерством. В нем еще не улеглось возмущение тем, как отнеслись к нему министерские чиновники. Теперь, как и ожидал Хойт, вашингтонские ножницы принялись кромсать Шепарда.

– Если мне не доверяют, отстраните меня от дела, – буркнул агент.

– Брайан, – сказал Хойт, – я тебя понимаю, но давай обойдемся без скоропалительных решений.

Шепард возбужденно мерил шагами кабинет.

– Это все чушь! – негодовал он. – Что они могут против меня иметь?

Хойт не знал, что ответить. После разговора с Вашингтоном он обдумал выдвинутое против агентов обвинение в «преступном сговоре» и пришел к выводу, что это адвокатская уловка. Этого слона раздули даже не из мухи, а из мушиного следа. Хойт был уверен, что адвокаты хотят вбить клин между ФБР, прокуратурой и свидетелем и тем самым разрушить дело о фиксировании цен. И все пока шло именно к этому.

Шепард обессиленно повалился в кресло.

– Я не могу бросить Уайтекера на произвол судьбы! Он же

ненормальный. С ним надо поговорить.

– Нам это запретили, – сказал Хойт.

– Джон, он уже звонил мне, оставлял сообщения. Я что, должен объявить ему бойкот?

Хойт откинулся в кресле. Сущий абсурд. ФБР не бросает свидетелей посреди расследования. Очень может быть, что за всем этим стоит АДМ. Компания повела дело так, что теперь Уайтекер увидит, что ФБР ему враг, и переметнется на ее сторону.

– Ну, не проявляй инициативы. А если он дозвонится до тебя, никто не запретит тебе его выслушать.

Но этого мало, считал Шепард. Уайтекеру надо объяснить ситуацию при личной встрече. Иначе будет не по-человечески.

В конце концов Хойт уступил. Он разрешил Шепарду поговорить с Уайтекером еще раз и объяснить, почему агенты не могут больше встречаться с ним. При этом должна присутствовать Киллэм, чтобы разговор состоялся при свидетелях. Они не будут обсуждать расследование, Шепард не будет давать Уайтекеру никаких советов и указаний. Тогда они смогут оправдаться перед Ваксманом, сказав, что действовали в духе его распоряжения, даже если не следовали букве.

Мэри Спиринг в то утро обуяло беспокойство. Пошли разговоры, что вести расследование правонарушений Уайтекера поручат Лассару. Чтобы отдел по борьбе с мошенничеством не остался в стороне от сенсационного дела, нужно найти того, кто протолкнет нужное решение.

Обсудив положение дел с Доном Маккеем, Мэри Спиринг позвонила Ваксману. Она глубоко убеждена, сказала Спиринг, что дело Уайтекера нельзя вести тем, кто участвует в расследовании «Битва за урожай».

– Крайне важно, чтобы позиция прокуратуры была безупречной, – говорила она. – Главный свидетель обвинения по делу о серьезном нарушении антитрестовских законов похитил деньги у обвиняемого. Все действия и слова обвинителей по делу Уайтекера будут заведомо вызывать подозрения. Их непременно упрекнут в излишней суровости к свидетелю либо, наоборот, в излишней снисходительности. Это дело должен вести прокурор, который не имеет отношения к антитрестовскому расследованию и пользуется доверием общества.

Спиринг подкрепила свою позицию важным доводом. «Уильямс и Конноли» проявляет беспокойство в связи с возможной коррумпированностью агентов ФБР, ведущих расследование «Битва за урожай». Адвокаты заявили, что не

пойдут ни на какие переговоры с обвинением, если этих агентов не отстранят от дела. Поэтому необходимо, настаивала Спиринг, возвести «китайскую стену», через которую к агентам ФБР не будет просачиваться информация о расследовании мошеннической деятельности Уайтекера. Им надо запретить допрашивать свидетелей и перекрыть доступ к документам.

В конце концов Спиринг добилась своего. Уголовное дело против Уайтекера передали отделу по борьбе с мошенничеством. Вокруг него возвели стену молчания. Никто из связанных с «Битвой за урожай» – в том числе, к особой радости Спиринг, Скотт Лассар – больше не получал информации об этом деле и не имел права вмешиваться в него. А о расследовании сговора о ценах, считала Спиринг, можно забыть.

Она решила первым делом договориться о встрече с Уайтекером и наметила ее на ближайший понедельник.

Дон Маккей радовался куда меньше. По его мнению – которое он не высказывал Спиринг, – их отделу это расследование не по силам. Лассар и его команда были профессионалами, они лучше знали участников и обстоятельства дела. Передача дела лишь затягивала расследование.

Но, может, именно тут и зарыта собака.

Маккей подозревал, что правительство подыгрывает «Уильямс и Конноли» и их клиенту, АДМ.

Подъезжая к дому Уайтекера, Шепард надел темные очки. Он позвонил своему свидетелю, как только получил разрешение Хойта. Шепарда, как и было приказано, сопровождала Кейт Киллэм, и он был этому только рад. Разговор предстоял нелегкий. {294}

Оставив машину перед домом, Шепард перекинулся парой слов с вышедшим навстречу Уайтекером. Говорить они решили в конюшне.

Уайтекер, как и договаривались, привел с собой Джинджер. Марк уже сообщил жене о своих признаниях агентам. Оба были напуганы и несчастны.

Шепард представил Киллэм. Все обменялись приветствиями.

– Мой адвокат не советовал мне встречаться с вами, – сказал Уайтекер. – Но я хочу поговорить.

– Мне надо сказать вам кое-что, Марк, – отозвался Шепард. – Теперь, когда вы сделали свои финансовые операции достоянием гласности, мы не можем встречаться, как прежде.

Он объяснил, что больше не имеет права задавать Уайтекеру вопросы об АДМ. Если Уайтекер сам позвонит и станет рассказывать об этом, они не станут его слушать, а если он будет

упорствовать, прервут связь.

Уайтекер кивнул.

– По личным вопросам вы можете звонить нам, когда хотите, – рассказать о семье, поделиться своими чувствами. Но не более того.

Уайтекер молчал.

– И поймите, Марк, я говорю это не потому, что я так хочу, – это не я решаю, – сказал Шепард.

Уайтекер, казалось, его не слушал.

– Знаете, Брайан, – сказал он, – я страшно разочарован и не могу успокоиться – и все это из-за сотрудничества с вами. Я хочу сказать, что эти масс-медиа – это просто ужас. Будто была команда «кати баллон на Марка Уайтекера», вот. Это несправедливо. Мика и Терри никто не трогает. Они до сих пор работают в компании, а меня выперли. А вы ничего не делаете, чтобы помочь мне.

– Марк, вы не раз спрашивали меня, что будет, когда расследование станет открытым, а я отвечал вам, что это невозможно предугадать. Никто не знает, как поведет себя пресса, она непредсказуема.

– А как насчет Мика и Терри?

– Чтобы выдвинуть обоснованное обвинение против них, нужно время. Расследование их противозаконных действий продолжается. Нельзя принимать меры без подготовки.

Джинджер расстроилась и заплакала. Ее муж пожертвовал ради сотрудничества с ФБР *буквально всем*, а его бросили на произвол судьбы.

– Вы не понимаете, во что вы его втянули! Вы не знаете, что ему приходится переносить! – кричала она. – Он работал на вас два с половиной года, он рисковал своей карьерой, а теперь вы не хотите ему помочь.

– Джинджер…

– А эта АДМ, я уверена, выйдет сухой из воды! У них слишком много денег и связи повсюду. Это ужасные люди!

Джинджер рыдала, спрятав лицо в ладонях. Марк просто сидел рядом и смотрел на нее. Шепард решился. Он попросил Уайтекера на минуту выйти. Пожав плечами, тот послушался.

– Джинджер, – сказал ей Шепард, – нам *не безразлична* ваша с Марком судьба. Именно потому мы и приехали к вам.

Джинджер ответила ледяным взглядом.

– Неужели все, что он сделал для вас, ничего не значит? – спросила она. – Вы просто использовали его и отбросили, когда он стал ненужен.

– Нет, Джинджер, он так сильно помог нам.

– Ну и против кого было направлено это чертово расследование? Против Мика и Терри или против Марка? – Она снова расплакалась. – Я просто не знаю, чего ожидать. Я не знаю, что будет завтра. Марк просто рассыпается у меня на глазах.

Шепард ответил, что сам не знает, чего ждать, и посоветовал готовиться к любым неожиданностям. Если она захочет посоветоваться с агентами, то всегда может им позвонить. Кивнув, Джинджер ответила, что не сомневается в сочувствии самого Брайана, даже если государство ведет себя иначе.

– Я так боюсь за Марка, – пожаловалась она. – Боюсь, что он что-нибудь сделает с собой. Если он убьет себя, никто не станет проводить расследования, правительству на него наплевать.

– Помогайте ему, как можете, и постарайтесь поскорее переехать в Теннесси.

– Я-то сделаю, что смогу, – ответила Джинджер.

Когда Джинджер немного успокоилась, Кейт Киллэм позвала Уайтекера. Он вошел и сел.

– Марк, – обратился к нему Шепард, – скорее всего, впереди у вас тяжелые времена. Не забывайте о главном – о вашей семье. Вам повезло, что у вас любящая жена и дети. Они ваша опора.

Уайтекер кивнул.

– А если захочется поговорить о личных проблемах, звоните мне или Бобу. Мы будем рады помочь, если сможем.

Больше говорить было не о чем. Агенты распрощались с хозяевами и направились к машине. Подавленный Шепард вырулил на шоссе. Эта встреча была самой тяжелой за все время, что он служил в ФБР.

Что эти хреновы агенты себе позволяют?

Реакция отдела по борьбе с мошенничеством на известие о визите Шепарда к Уайтекеру была быстрой и гневной. Особенно негодовала Спиринг. Им же *запретили* встречаться с ним – *всем,* кто связан с расследованием «Битва за урожай». Кто-то возразил, что Уайтекер – главный свидетель обвинения и нельзя сразу порывать с ним все отношения.

– Он не свидетель обвинения, – парировала Спиринг. – Он обвиняемый!

– Я хочу знать обо всем, что вы сделали, – требовал Эпстайн, сурово глядя на своего клиента. – Когда вы заключали сделки, с кем, какие у вас есть тому свидетельства.

Уайтекер кивнул. Эпстайну передали, что прокуроры отдела по борьбе с мошенничеством хотят встретиться с Уайтекером в понедельник 7 августа. Ему это не понравилось, но Уайтекер же

был полон желания объясниться с юристами. Он был уверен, что уж сотрудники министерства все поймут.

– Марк, учтите, что разговаривать с ними можно, только если вы готовы раскрыть всю правду до конца, – предупредил Эпстайн. – Лучше отказаться от встречи, чем утаить что-либо или, не дай бог, соврать. Тогда вас уже ничто не спасет.

– Понимаю, – отвечал Уайтекер. – Я собираюсь рассказать им всю правду.

Эпстайн и его партнер Зейдеман несколько часов выпытывали у Уайтекера все подробности финансовых махинаций. Сделку с компанией «Эй-би-пи» на два с половиной миллиона долларов он проводил совместно с президентом «Эй-би-пи» Леннартом Торстенссоном, сказал Уайтекер.

– И я получил не все деньги, один миллион достался Торстенссону.

– За что? – спросил Эпстайн.

– Ну, так он же и заварил все дело. Ему достался миллион.

Чем упорнее Уайтекер отстаивал свою версию, тем менее правдоподобной она казалась адвокату. Слишком многое в ней не стыковывалось.

– Марк, эта история звучит не очень-то убедительно, – сказал Эпстайн.

– Я клянусь, что говорю правду, клянусь!

– Вас же на куски порвут. Если даже я не верю в эту историю, то прокуроры камня на камне от нее не оставят. Нельзя вам встречаться с ними.

– Но я хочу все рассказать. Я должен рассказать им все.

Эпстайн сдался. В конце концов, его задача как адвоката заключалась в том, чтобы давать ценные советы. Нельзя остановить клиента, который сам лезет в петлю.

Блумингтон, штат Иллинойс, давно стал для Уайтекера любимым местом тайных встреч. В выходные он направился туда повидаться с Дэвидом Пейджем, которого пригласил в АДМ два года назад.

Приглашение Пейджа в АДМ было одной из маленьких тайн Уайтекера. Пейдж при этом оставался поставщиком АДМ, но по подсказке Уайтекера скрыл это от отдела кадров. Сманивая Пейджа в АДМ, Уайтекер обещал, что никаких обязанностей у него не будет, и свое обещание сдержал.

А теперь Пейдж забеспокоился. Из газет он узнал, что Уайтекер сотрудничал с ФБР. Может, он рассказал агентам и об их сделке? Запаниковав, он позвонил Уайтекеру, и тот согласился встретиться. Пейдж начал с расспросов об отношениях Уайтекера

с ФБР.

– Дэвид, не верь тому, что пишут в газетах, – ответил Уайтекер. – Большинство всего этого вранье. Я не был осведомителем ФБР.{295}

Адвокат Джозеф Каяццо представлял кредитора, который выдал Уайтекеру ссуду на покупку дома. Каяццо подготовил все нужные документы. Он открыл доверительный счет в бруклинском филиале Флит-банка и 4 августа отправил по факсу распоряжение переслать туда деньги. В понедельник на счете должна была появиться сумма в девятьсот сорок одну тысячу долларов для оплаты покупки и некоторых дополнительных расходов. Уайтекеры были готовы к переезду.{296}

Джинджер была вне себя. Марк стал совершенно неуправляем. Он маялся от безделья и при первой возможности звонил какому-нибудь журналисту – любому, из любой газеты, – чтобы излить свой гнев на то, как несправедливо с ним обходятся АДМ, правительство, пресса. У семьи был шанс уехать из Декейтера, начать все сначала, но из-за Марка все сорвалось. Известие о его жульнических махинациях было последней каплей.

При очередной жалобе Марка на чью-то воображаемую несправедливость Джинджер сорвалась.{297}

– А как насчет меня и семьи? – завопила она. – О нас ты думаешь?

В сердцах она влепила мужу пощечину.

– Я этого не вынесу! – кричала она. – Можно подумать, что тебя здесь нет! Ты ведешь себя так, будто ты больше не член нашей семьи.

Джинджер жестко посмотрела на ошеломленного мужа и сказала:

– От тебя толку как от мертвеца.

Утром в понедельник 7 августа АДМ опубликовала в «Декейтер геральд ревью» официальное сообщение о том, что Уайтекер уволен из компании за кражу как минимум двух с половиной миллионов долларов. Агентства новостей всего мира подхватили это сообщение и написали, что осведомителя ФБР поймали с поличным.{298} В тот же день АДМ послала Уайтекеру краткое извещение об увольнении.

Его шестилетняя карьера на руководящем посту одного из гигантов сельскохозяйственной индустрии завершилась.

В то же утро в Национальном аэропорту пассажиры

выстроились в ожидании посадки на самолет рейса Вашингтон–Чикаго. Их вызывали в соответствии с забронированными местами. Дон Маккей и Джим Никсон были почти в самом начале очереди, Спиринг со старшим специальным агентом Эдвардом Хербстом стояли чуть дальше. Хербст должен был допрашивать Уайтекера. Его, работавшего в Вашингтоне, выделили в помощь юристам лишь на субботу, пока не найден постоянный сотрудник. О деле Хербст знал очень мало, но Спиринг собиралась просветить его во время полета.

Они уселись в соседние кресла и Спиринг вручила агенту папку с документами, представленными фирмой «Уильямс и Конноли». Хербст раскрыл ее.

Документы поведали неприглядную историю. Уайтекер подписал запрос о размещении чека и обещал доставить чек лично. Прилагались доказательства того, что договор был поддельным. Согласно другим документам, деньги были переведены на счет самого Уайтекера в швейцарском банке.

Хербст посмотрел на Спиринг.

– Ничего себе! Интересно, как он объяснит это?

Юристы съезжались в офис окружного прокурора Чикаго, расположенный на четвертом этаже федерального здания Дирксена, построенного из стекла и стали. Лассар встретил Хербста и прокуроров отдела по борьбе с мошенничеством и провел их в комнату заседаний. На стенах комнаты меж гигантских шкафов, набитых книгами и справочниками по юриспруденции, висели невыразительные гравюры.

– Мы ждем сотрудников антитрестовского отдела, – сказал Лассар. – Они представят всех Уайтекеру и передадут слово вам.

Через несколько минут пришли Джим Гриффин и Робин Манн. В ожидании Уайтекера все немного поболтали.

– Они прибыли, – объявил Лассар.

Направлявшийся к конференц-залу Джим Эпстайн не мог избавиться от дурных предчувствий. Всю субботу и все воскресенье он снова и снова пытался вытянуть из Уайтекера все подробности таинственной сделки, но тот клялся и божился, что говорит истинную правду, и повторял, что правительство должно ее знать.

И теперь Эпстайн и его партнер Боб Зайдеман сопровождали своего клиента в конференц-зал, но тот был погружен в свои мысли и не обращал на них внимания. Вдруг Эпстайна тронули за плечо.

– Знаете, – прошептал ему Уайтекер, – я и правда немножко

обманул вас. Но теперь я исправлюсь. Я расскажу им все, как было.

– Как это понимать? – опешил Зейдеман.

– Та-ак, – крякнул Эпстайн, остановившись. – А ну-ка, пошли отсюда. – Допустить, чтобы обвинители выслушали истинную историю раньше *него,* Эпстайн не мог.

– Нет-нет, пойдемте, – потянул его Уайтекер. – Я хочу рассказать им.

Он прошел в конференц-зал. Адвокатам пришлось последовать за ним. Эпстайн судорожно вздохнул. Творилось что-то невообразимое.{299}

Встреча началась. Прокуроры антитрестовского отдела вручили Эпстайну документ, адресованный Уайтекеру. Это уведомление о том, что Уайтекер нарушил условия соглашения с государством, объяснил Гриффин.

– Министерство юстиции действует исходя из того, что соглашения между правительством США и мистером Уайтекером больше не существует, – провозгласил он. – В связи с этим данное ему обещание иммунитета от судебного преследования не имеет юридической силы. Соглашение было нарушено преступным поведением мистера Уайтекера и тем, что он не признался в нем правительственным органам.

– Это вопиющая несправедливость, – откликнулся Эпстайн. – Мой клиент находится здесь. Он оказал вам неоценимые услуги. Да, он совершал ошибки, но он намеревается исправить их.

Эпстайн настаивал, что обязательства правительства перед Уайтекером остаются в силе, Гриффин не соглашался. В конце концов адвокат раздраженно швырнул документ на стол.

– Ладно, – буркнул он. – Обсудим это в другой раз.

Гриффин, Лассар и Манн вышли. Уайтекера передали в распоряжение отдела по борьбе с мошенничеством.

Хербст рассматривал Уайтекера. Тот был бледен, галстук съехал набок. Свидетель был то ли на грани нервного срыва, то ли только что перенес его.{300}

– Мистер Уайтекер, я агент ФБР Эд Хербст, работаю в отделе по борьбе с экономическими преступлениями в Вашингтоне. Здесь я для того, чтобы обсудить выдвинутое против вас обвинение в нарушении закона.

Хербст несколько минут расспрашивал о биографии Уайтекера и его образовании. Уайтекер сказал, что получил докторскую степень в Корнеллском университете и степень по бизнесу в колледже заочного обучения университета Кенсингтон.

– Когда вы впервые нарушили закон, работая в АДМ?

Уайтекер поерзал на стуле.

– В начале девяносто второго года.

Он объяснил, что его работа заключалась в организации подразделения биопродуктов, подразделения с капиталом в полтора миллиарда долларов. Всем этим он занимался несколько лет и подписал более пяти сотен контрактов.

– И я ни разу не получил отката больше, чем девяносто девять процентов объема сделки, – сказал Уайтекер, – нет, не больше девяноста девяти процентов.

– Когда вы, работая в АДМ, стали заниматься откатами?

– Ну, в основном я учился у Мика Андреаса. Он объяснил, как присваивать деньги и получать откаты в качестве вознаграждения, не облагаемого налогом. Да, – кивнул Уайтекер. – Мик-то и научил меня.

Уайтекер рассказывал подробности этой схемы больше часа. Мошенничество, заявил он, неотъемлемая часть корпоративной культуры АДМ. В подобных преступлениях замешаны почти все служащие.

– Я понимаю, что поступал нехорошо, – сказал Уайтекер, – и готов понести ответственность.

– Каким образом вы организовывали откаты?

– Ну, просто едешь за границу и говоришь: «Я вам даю контракт на полтора миллиона долларов, а вы мне – пятьсот тысяч».

Уайтекер достал свои записи. Он сказал, что не просматривал соответствующие документы, так что может допустить неточность в деталях, и стал перечислять сделки с откатами. Один из первых таких контрактов он заключил в 1992 году с компанией «Евротехнолоджиз». Она принадлежит американцам, но ее правление находится в Швейцарии.

– Мы заплатили им семьсот тысяч долларов за помощь в получении разрешительных сертификатов на продажу некоторых наших продуктов в Европе, – сказал Уайтекер.

– С кем вы заключали сделку?

– С Сидом Халсом. Он заплатил мне за этот контракт двести тысяч. – Уайтекер прочистил горло. – Теперь Сид работает в АДМ. Он мой друг.

Следующий откат имел место в марте 1992 года. АДМ тогда стремилась наладить торговлю в Азии и наняла консультанта для получения сертификатов.

– Я забыл, как его полное имя, – пояснил Уайтекер. – Фамилия вроде бы Таррапонг. Он ветеринар.

Контракт был объемом в полтора миллиона долларов, из которых Уайтекеру досталось пятьсот тысяч.

– В какой форме вы получали деньги? – спросил Хербст.

– В основном в виде чека.

– Не рассказывайте сказки, – фыркнула Спиринг. – Откат в виде *чека?*

– Да, в виде чека, – ответил Уайтекер, задетый ее тоном. – Я депонировал эти чеки на своем счете в декейтерском банке.

А еще, добавил он, учредил в Швейцарии компанию, чтобы размещать деньги, добытые незаконным путем. Первый вклад был сделан в 1993 году и составлял семьдесят тысяч долларов, полученных на откатах.

– Как называлась компания? – спросил Хербст.

– Не помню точно. Что-то вроде «Агриконсалтинг энд трейдинг».

Хербст достал несколько документов АДМ, полученных от «Уильямс и Конноли». Из них следовало, что Уайтекер учредил в Швейцарии компанию «Эй-би-пи трейдинг» и назначил ее управляющим некоего Бита Швейцера. Компания использовалась при проведении фиктивной сделки в два с половиной миллиона долларов.

– А вот это поможет припомнить? – спросил Хербст, подтолкнув бумаги в сторону Уайтекера.

– Да-да, – сказал тот. – «Эй-би-пи трейдинг». Именно так.

Хербст изучающе смотрел на Уайтекера. Он был убежден, что тот хитрит. Мелкие сделки помнит во всех подробностях, но, как только речь заходит о миллионных операциях, память его подводит. Но до поры до времени Хербст не хотел уличать Уайтекера во лжи. Пусть сначала увязнет поосновательнее.

Юристы предпочитали другую тактику.

– Вы хотите сказать, что не помните этой сделки? – вцепился в Уайтекера Никсон. – Да не смешите людей.

– Я за жизнь заключил тьму всяких сделок, – обиженно ответил Уайтекер.

– Послушайте, друзья, – вмешался Эпстайн. – Мы согласились прийти к вам, мы готовы сотрудничать и возместить убытки. Чего вы еще хотите?

– Мы задаем простые и логичные вопросы, – ответил Хербст. – Если вам кажется, что это допрос с пристрастием, то подождите, пока ему не устроят перекрестный допрос в суде. Вот там от него только клочья полетят.

Через несколько минут все поостыли и Хербст продолжил допрос.

– Расскажите о Бите Швейцере.

Вопрос касался прокуриста, то есть управляющего компанией «Эй-би-пи трейдинг».

– Он швейцарец, то есть из Швейцарии, – ответил Уайтекер. – Специализируется на создании компаний – ну, знаете, продает «полочные» компании.[66]

– Как вы познакомились с ним?

– Ну, он хороший мужик, – сказал Уайтекер. – Он не знает, что тут делается. Он старается все делать по закону.

«Что же ты выгораживаешь этого Бита Швейцера?» – подумал Хербст.

– Как вы познакомились? – повторил он вопрос.

– Через «Дегассу». Я познакомился с ним, когда жил в Германии.

Хербст решил временно сменить тему.

– Расскажите подробнее, как была проведена та сделка на два с половиной миллиона.

В 1992 году «Эй-би-пи» продала АДМ микробы, вырабатывающие треонин, ответил Уайтекер, но первая партия оказалась неудачной, и он потребовал поставки новой партии, уже бесплатно.

– А в АДМ я не сказал, что это будет бесплатно, – пояснил Уайтекер. – Сказал, что нужно заплатить за микробы еще раз, два с половиной миллиона.

Чтобы все выглядело как обычная покупка, он составил фиктивный договор по образцу первого. Так научил его сам Мик Андреас, сказал Уайтекер. В АДМ всегда так делали. Нельзя же просто выписать чек на Марка Уайтекера, требовалась подтверждающая сделку документация.

– На контракте должна была стоять подпись Джима Рэнделла, – продолжал он, – а Рэнделл не читает бумаг, которые приносят на подпись. Что принесешь, то и подпишет, такой уж он человек. Так он и этот второй контракт подписал.

Юристам было известно, что подпись Рэнделла на втором контракте подделана, но они промолчали. Хербст, не говоря ни слова, вытащил копии обоих контрактов.

– Где вы их взяли? – спросил Уайтекер.

– Это документы АДМ.

– Интересно… – протянул Уайтекер. – Я подписывал столько контрактов… Почему они прицепились именно к этому? – Он окинул взглядом собравшихся. – Вот так они держат людей в руках. Платят тебе левые деньги, и ты у них на крючке. А если проболтаешься, тебя же и подденут.

И объяснил, что подделал подпись президента «Эй-би-пи» Леннарта Торстенссона на втором контракте, сделав фотокопию

его подписи на первом. После этого ему ничего не стоило заполнить требование на чек.

– Я позвонил Биту Швейцеру и сказал, что у меня есть чек на два с половиной миллиона долларов. Ну и попросил помочь обналичить этот чек и положить деньги на несколько моих счетов.

– Где вы встречались со Швейцером?

– Не помню уже. Не то в Швейцарии, не то в Лондоне.

– И как он воспринял этот чек?

– Очень настороженно. Он потребовал доказательств, что чек получен законным путем.

– Сколько вы ему заплатили?

– Около трехсот пятидесяти тысяч. У нас соглашение, что он получает от десяти до пятнадцати процентов от каждой сделки, в зависимости от затраченных усилий.

Пятнадцать процентов за обналичивание чека? Всем присутствующим были хорошо известны порядки криминального бизнеса. Если Уайтекер говорит правду, то Швейцеру причитался обычный процент, полагающийся за отмывание денег.

Спиринг на своем конце стола только качала головой. Никсон, непрерывно строчивший в блокноте, хлопнул ручкой по столу. Они не верили, что Уайтекер настолько наивен. Он, несомненно, лжет.

Уайтекер обеспокоенно посмотрел на прокуроров и добавил, что по его указанию Швейцер перевел по миллиону долларов на два счета, открытых Уайтекером в банках, – один в Гонконге, другой на Каймановых островах.

– Я… мм… должен еще кое-что вам рассказать, – пробормотал Уайтекер и сообщил о том, что получил в 1992 году от некоего мексиканца откат в двадцать тысяч долларов. – И с Марти Оллисоном мы тоже прокручивали кое-какие сделки. Марти – вице-президент АДМ. Он организовывал откаты, получал от клиентов наличные и делился со мной.

Общая сумма, заработанная на откатах, составила примерно сорок тысяч, добавил он.

– У вас с Оллисоном было соглашение на этот счет?

– Нет, никакого соглашения не было, он делал это просто так.

Спиринг и Никсон, не удержавшись, фыркнули. До чего забавно: «Алло, босс, я тут получил откат в сорок тысяч. Не хотите долю?»

– Еще я получил однажды подарок от нашего клиента, оптового торговца из Венесуэлы, – продолжал свой рассказ Уайтекер. – Седло и уздечку, тысяч на восемь. Это не взятка, ничего такого, просто я не хочу ничего от вас утаивать.

– Было еще что-нибудь?

– Да, – кивнул Уайтекер, – с Сидом Халсом. До того как его взяли в АДМ, он был торговцем-оптовиком. Он дал мне сто тысяч долларов за контракт в триста тысяч. Мы оформили это как заём. Но с самого начала было ясно, что мне ничего возвращать не придется.

Юристы закидывали Уайтекера вопросами, стараясь подхлестнуть его память. Наконец Эпстайн, не выдержав, встал. Пора сделать перерыв.

Уайтекер вместе со своими адвокатами вышел в соседнюю комнату. Закрыв за собой дверь, Эпстайн повернулся к клиенту. Маска невозмутимости слетела с его лица и сменилась полным смятением.

– Марк, что это значит? – резко спросил он. – Что за история с Леннартом Торстенссоном?

– Он не имеет к ней никакого отношения, – пожал плечами Уайтекер.

– Не имеет никакого отношения? – переспросил Эпстайн, воздев руки. – Вы же только что заявили, что он украл миллион долларов. А теперь оказывается, что он ни при чем?

Секунду-другую Уайтекер, казалось, раздумывал над словами адвоката.

– Леннарт никогда мне особенно не нравился, – ответил он тихо.

Эпстайн повалился в кресло.

– Знаете, Марк, если бы он услышал, как вы обвиняете его в краже миллиона долларов, которой он не совершал, вряд ли *вы* понравились бы ему.

В мужском туалете Хербст столкнулся с Доном Маккеем.

– Он все врет, – равнодушно заметил юрист.

– Вы думаете?

– А вы купились на эти россказни? – рассмеялся Маккей. – Конечно врет.

Хербст пожал плечами. Он тоже считал, что Уайтекер врет, но думал, что от его слов о мошенничествах в АДМ отмахиваться нельзя. Он слышал записи, которые Уайтекер сделал в АДМ. И считал, что верхушка этой компании была способна на все.

Когда беседа возобновилась, прокуроры еще раз прошлись по всем уже рассмотренным эпизодам, разбирая многочисленные нестыковки. Затем Уайтекера спросили об участии в «Битве за урожай». Его ответ был бессвязен. С начала встречи прошло

несколько часов, и все устали. Решили снова собраться через два дня, на этот раз в Вашингтоне. Уайтекер и его адвокаты ушли.

Вернулся Скотт Лассар и спросил, как прошел допрос. Спиринг начала пересказывать все, что говорил Уайтекер, но вмешался Хербст. Он должен предупредить их, сказал агент, что он присутствовал лишь в качестве временного представителя ФБР. Ему хотелось бы участвовать в этом расследовании и дальше, но у него нет такой возможности.

– Мы подыщем кого-нибудь, – пообещал он.

На следующий день на девятом этаже того же здания, в тесном загончике чикагского офиса ФБР, где ютился тридцатисемилетний специальный агент Энтони Д'Анжело, зазвонил телефон. Д'Анжело готовился к предстоящему судебному процессу. Ветеран бюро с одиннадцатилетним стажем, Д'Анжело работал в отделе, носившем условное обозначение WC-1 и занимавшемся преимущественно расследованием мошенничества в банках. За последние несколько лет отдел добился больших успехов. В ходе расследования, проводившегося в банке по соседству, удалось разоблачить жулика-мусорщика, который быстро сознался и дал показания, изобличавшие одного из банковских служащих. Впоследствии этот свидетель стал активно сотрудничать с отделом по борьбе с коррупцией в общественных организациях и помогал им в операции под названием «Серебряная лопата». Эта операция стала одним из крупнейших расследований взяточничества в чикагском муниципалитете.

Не отрываясь от чтения, Д'Анжело взял телефонную трубку:

– ФБР.

– Эд Уортингтон. – Действующий SAC. Он звонил нечасто. Д'Анжело оторвался от бумаг. – Тони, ты сильно загружен?

– Да, очень. Готовлюсь к процессу.

– Тут наклевывается интересное дело. Хитрое и политически тонкое. А у тебя опыт в таких делах. Так что бросай все и берись за него. Тебе дадут помощника.

Странно. Обычно Д'Анжело получал задания от командира своего подразделения, а не от руководства офиса.

– Это имеет отношение к дабл-ю-си-один?

– Нет. Сейчас я не могу сказать тебе ничего, все узнаешь позже.

И Уортингтон дал отбой.

Процедура была нарушена. Д'Анжело это не нравилось.

В подвале своего дома в пригороде Чикаго специальный агент

Майкл Бассет крутил педали велотренажера и смотрел телевизор. Тридцатисемилетний Бассет имел бухгалтерское образование и работал в ФБР уже двенадцать лет. В Чикаго он приехал в 1987 году с секретным заданием, связанным с расследованием на Чикагской товарной бирже, которую АДМ обвинила в мошенничестве. Пройдя краткую стажировку в АДМ, он под именем Майкла Маклафлина торговал на бирже товарными фьючерсами, пока в 1989 году расследование не завершилось. С тех пор ему пришлось еще раз столкнуться с АДМ, когда вместе с агентами, ведущими «Битву за урожай», он вел тайное наблюдение за участниками переговоров по фиксированию цен в чикагском клубе «Гэслайт».

Бассет набирал скорость на велотренажере, но тут раздался отчетливый писк пейджера, оставленного на кухне. Агент соскочил с седла, накинул на шею висевшее на руле полотенце и успел добежать до кухни, пока пейджер не отключился. Сигнал послал начальник подразделения Дейв Гроссман. Бассет снял трубку висевшего на стене телефона.

– Дейв? Это Майк. Что у тебя?

– Есть задание. Тебе нужно быть завтра в Вашингтоне, допросить одного парня.

– Ладно. Что за парень?

– Ты, наверное, знаешь о деле АДМ и об Уайтекере?

Бассет читал газеты и был в курсе.

– И что с Уайтекером?

– Его обвиняют в том, что он крал деньги во время сотрудничества с нами, – ответил Гроссман. – Нам нужно провести собственное расследование этого дела. Это и есть твое задание. С тобой будет работать Тони Д'Анжело. А завтра вы оба должны принять участие во встрече с Уайтекером в Вашингтоне.

Гроссман сообщил Бассету еще несколько подробностей, и агент сказал, что будет осторожен. Он дал отбой, а потом позвонил в транспортный сервис ФБР. Вылетать нужно было немедленно.{301}

В тот вечер Уайтекер навестил бывшего смотрителя своей усадьбы Расти Уильямса. Семья Уайтекеров остановилась у родителей Джинджер, неподалеку от Уильямса. Они покинули дом в Моуикве, как только собрали вещи для переезда. Но в 6.15 следующего утра в Моуикву должны были приехать люди из АДМ, чтобы забрать служебный автомобиль Уайтекера, и Марк попросил Уильямса съездить и передать ключи. Уильямс согласился. Хозяин сделал для него немало добра, и он был рад оказать ответную услугу.

В среду 9 августа Уайтекер встал рано.{302} Он должен был первым же рейсом лететь в Вашингтон на второе собеседование с юристами отдела по борьбе с мошенничеством. В 4.30 он уже был умыт, выбрит и одет. В полутьме спальни он посмотрел на спящую Джинджер и крепко обнял ее.

– Удачи тебе, – отозвалась она, наполовину проснувшись.

Марк не мог от нее оторваться. Он словно оцепенел.

– Все будет хорошо, – сказала Джинджер, погладив его руку. – Ты справишься.

Наконец Уайтекер направился к двери. Выходя из комнаты, он взял пачку запечатанных конвертов. Прежде всего нужно найти почтовый ящик и отправить письма. Отправить немедленно.

Около семи часов того же утра специальные агенты Д'Анжело и Бассет встретились в чикагском аэропорту О'Хара у стойки «Юнайтед эйрлайнз». Они не знали, чего ждать от сегодняшней встречи с Уайтекером. Странно, что для этого разговора и ему, и им приходится лететь в Вашингтон. Видимо, это одна из «политических тонкостей». Но агенты подозревали, что дело еще и в желании обвинителей манипулировать расследованием.

В ожидании посадки агенты сравнили впечатления. Результатов позавчерашней беседы юристов с Уайтекером не знали ни тот, ни другой. Д'Анжело после разговора с Эдом Уортингтоном был в целом информирован немного лучше и знал, что работать придется на территории спрингфилдского офиса, а местные агенты наверняка встретят их в штыки. Ну а адвокаты АДМ при всяком удобном случае будут кричать, что Д'Анжело и Бассет покрывают грехи Спрингфилда. Так что куда ни кинь, везде клин.

Они как-нибудь да выкрутятся, сказал Д'Анжело.

– А если нас погонят с работы, устроимся в «Венди» жарить гамбургеры, – добавил он.

Примерно в то же время Расти Уильямс подходил к конюшням Уайтекеров напротив их дома.

Утром Уайтекер снова позвонил ему и сказал, что АДМ пришлет человека за машиной не раньше чем в семь сорок пять. Но Уильямс к этому времени был уже готов к выходу и не хотел болтаться дома без дела. Уайтекер настоятельно убеждал его задержаться, но что-то в тоне хозяина показалось Уильямсу странным. Около семи он направился к бывшему дому Уайтекеров.

Около конюшен он увидел конюха Терри Йонкера,

выгуливавшего одну из лошадей. Уильямс подошел к нему. Им было что обсудить: с отъездом Уайтекеров обоим приходилось искать новую работу.

В семь часов Уильямса вновь охватило дурное предчувствие.

– Я, пожалуй, загляну в дом, проверю, все ли в порядке, – сказал он. – Не хочешь присоединиться?

Перейдя улицу, они направились по подъездной аллее к дому. Уайтекер сказал Уильямсу, что на притолоке над черным входом он найдет связку ключей. Он провел рукой по притолоке.

Ключей не было.

– Подожди-ка, – сказал он и пошел к гаражу. Приблизившись, он услышал приглушенное пыхтение. Перед дверьми гаража выстроился целый ряд газовых баллонов.

О господи! Что-то случилось. Он знал это, знал.

Распахнув дверь гаража, Уильямс замер. Помещение было в дыму. Дышать было нечем. Двигатель «БМВ» работал, а на заднем сиденье Уильямс увидел недвижного Марка Уайтекера, откинувшего голову на спинку.

– Нет! – вырвалось у Уильямса, и он крикнул Йонкеру: – Звони «девять-один-один»!

Уильямс вбежал в гараж и закашлялся. Посмотрев на Уайтекера, он похолодел: тот даже не кашлял. Может, уже поздно и Уайтекер мертв.

Он открыл дверцу автомобиля, прыгнул на водительское сиденье и стал задним ходом выводить машину из гаража. Позади вздохнул Уайтекер. Значит, жив.

Уильямс обернулся к Йонкеру.

– Позвони в «девять-один-один», отмени вызов.

Выбравшись из машины, Уильямс принялся ходить взад и вперед, не уверенный, все ли он правильно делает. Он взглянул на Уайтекера. Рубашка у того промокла от рвоты, выглядел он ужасно. Уильямс покачал головой и отвел глаза.

Стоявший в стороне Йонкер вдруг заметил, что, как только Уильямс отвернулся от Уайтекера, тот поднял голову и посмотрел на Расти, а затем снова откинулся на спинку. Он позвал Уильямса и рассказал о том, что увидел.

Уильямс смутился и решил, что от Йонкера лучше отделаться. Конюх любил хвастать, что умеет хранить секреты, но кто знает, что вскроется в этом деле, которое и без того не останется секретом.

– Слушай, я, наверное, сам тут справлюсь, – сказал он. – Так что можешь идти.

Йонкер не возражал и забрался в кабину своего пикапа.

Глядя, как его грузовичок выезжает на дорогу, Уильямс услышал голос Уайтекера:

– Как думаешь, друг, Терри не будет болтать?

Уильямс покачал головой:

– Думаю, не будет.

Вздохнув, Уайтекер произнес:

– Заведи машину в гараж.

Уильямс стал было возражать, но хозяин оборвал его:

– Заведи машину в гараж, парень. Сделай это, пока меня кто-нибудь не увидел.

Кивнув, Уильямс сел на водительское сиденье, заехал в гараж и выключил двигатель. Хотя ворота гаража были открыты, внутри чувствовалось удушье. Но двигатель больше не работал, и Уильямс надеялся, что помещение проветрится быстро. Он посмотрел на Уайтекера.

– Марк, – спросил он робко, – зачем ты это сделал?

Нет ответа. И вдруг Уайтекер взорвался:

– Ты, долбаный Бог! – завопил он, уставившись в потолок. – После всего, что я сделал! Ты мне всем обязан!

– Марк…

– Ты мне всем обязан! Я столько для тебя сделал! Ты, долбаный Бог!

Уильямс не понимал, что с Уайтекером. Таким он его не видел никогда. Он решил позвать Джинджер. Сказав Уайтекеру, чтобы тот ждал его в автомобиле, он дошел до телефона и набрал номер родителей Джинджер.

Он старался говорить спокойно.

– Джинджер, можешь подъехать к вашему дому?

– Зачем? Что случилось, Расти?

– Ну… мне надо с тобой поговорить.

– Я никуда не поеду, пока не скажешь, в чем дело! – раздраженно сказала она.

Уильямс набрал побольше воздуха.

– Ну… Марк хотел покончить с собой и…

В телефоне раздался пронзительный вопль Джинджер. Уильямс попытался ее успокоить, но опоздал.

Она бросила трубку.

Спустя несколько минут к дому на полной скорости подлетел автомобиль. За рулем сидела Джинджер, а рядом ее мать. Они выскочили из машины и кинулись к гаражу.

Все кричали. Женщины вытащили Уайтекера из машины на свежий воздух. С его коленей на пол упала семейная фотография в рамке. Уайтекер бросился за ней на пол, крича:

– Отдайте фотографию! Это единственное, что у меня осталось!

Наконец женщинам с помощью Уильямса удалось отвести Уайтекера к пруду, чтобы он отдышался около воды. Уайтекер пошатывался, но, кажется, все с ним было в порядке. Через несколько минут примчалась машина, из которой в истерике высыпали дети Уайтекера. Увидев их, Уайтекер подавился, и казалось, его вот-вот вырвет. Дети бросились к отцу и обвили его руками.

– Расти, – обратилась к Уильямсу Джинджер, – вы не можете поводить его немного вокруг пруда? Мне надо увести детей и позвонить.

Уильямс увел Уайтекера к пруду.

Джинджер поговорила с детьми и теперь стояла в растерянности. Надо бы вызвать «скорую», но тогда АДМ узнает о попытке самоубийства и использует это против Марка. Решив позвать на помощь друзей, она пошла в гараж и сняла телефонную трубку.

Тем временем Уайтекеру стало лучше, и Уильямс подумал, что можно оставить его одного. Усадив его под деревом, Уильямс направился в гараж. Там он услышал, как Джинджер говорит:

– О боже, Том, случилось самое ужасное! Этот проклятый Дуэйн Андреас доконал его. Его расстрелять мало!

Поговорив с друзьями, Джинджер задумалась, что делать дальше. В конце концов она достала записную книжку и, полистав ее, нашла номер телефона Джима Эпстайна. Она просто не могла не сообщить адвокату, что его самый знаменитый клиент пытался покончить с собой.

Глава 15

В то утро психиатр Дерек Миллер принял душ и в 7.30 был готов отправиться на работу. Психиатр работал в Лечебном центре Северного берега в пригороде Чикаго, и ехать на работу было недолго, но на сегодня был назначен больничный обход. Чтобы успеть к приему первого пациента, надо выйти пораньше.

Но, еще не выйдя из дома, доктор услышал ритмичное стрекотание пейджера. Он посмотрел на экран. Служба телефонных секретарей, как и следовало ожидать. Подойдя к телефону, он набрал номер и обычным мягким, душевным голосом назвал свое имя. Оператор сообщил, что его просил срочно позвонить некий Джим Эпстайн. Миллер хорошо знал Эпстайна – им не раз приходилось сотрудничать, когда адвокат представлял клиентов с психическими расстройствами.

Миллер позвонил Эпстайну домой в расположенный неподалеку Эванстон.{303}

– Спасибо, Дерек, что откликнулись так быстро, – сказал Эпстайн. – У меня клиент, который нуждается в помощи психиатра. Он был «кротом» в федеральном расследовании одной пищевой компании. Сегодня утром он заперся у себя в гараже и пытался покончить с собой.

Попытка не удалась, объяснил адвокат, так как самоубийцу обнаружил смотритель усадьбы. Нет сомнения, что клиенту нужно обратиться к психиатру. Не согласится ли Миллер принять его?

– Разумеется, – ответил доктор. – Пусть приходит сегодня же.

Через четверть часа все было устроено. Джинджер согласилась сопровождать Марка в поездке из Моуиквы в Чикаго. Доктор будет ждать их в своем кабинете в Хайленд-парке.

В этот момент Герт Бораски, риелтор из Теннесси, делала последние приготовления к переезду Уайтекеров в новый дом. Полагая, что им может понадобиться ее помощь, она позвонила в Моуикву. К телефону подошла Джинджер.{304}

– Здравствуйте, миссис Уайтекер, это Герт Бораски из Теннесси. По поводу замков в вашем доме…

– Мне сейчас наплевать на замки, – прервала ее Джинджер. – Мой муж чуть не умер! Наш смотритель только что обнаружил его в гараже. Неужели вы думаете, что мне сейчас есть дело до каких-то дурацких замков?

Прежде чем Бораски успела ответить, Джинджер прервала разговор. Озадаченная Бораски повесила трубку. И что теперь?

Покупка дома отменяется?

Бораски отыскала в телефонной книжке номер Джозефа Каяццо, представлявшего кредитора Уайтекеров. Она рассказала о разговоре с Джинджер и спросила, знает ли он что-нибудь об этом. Каяццо ничего не знал, но пообещал навести справки и перезвонить.

Через несколько часов от Каяццо пришел факс. В нем сообщалось, что кредитор отозвал свое предложение о предоставлении ссуды.

> «Мистер Уайтекер информировал заимодателя, что он и его семья поступают под покровительство федеральной программы защиты свидетелей».

Бораски в растерянности уставилась на факс. Придется известить риелтора, представлявшего продавца, Пола Майера.

Новость дошла до Майера в тот же день и привела его в неописуемую ярость. Он недавно отверг несколько выгодных предложений о покупке; его семья уже сидела на чемоданах. Уайтекер заверил, что может позволить себе эту покупку, что его поддерживают в Вашингтоне. А теперь правительство помещает его под программу защиты – и что же делать Майеру?

Ну нет. Он этого так не оставит. Он преподаст урок всем, и в первую очередь этому Уайтекеру.

В то же утро, чуть позднее, Марк и Джинджер прибыли в Лечебный центр Северного берега на первом этаже офисного здания в Хайленд-парке.{305} Доктор Миллер приветливо встретил их в приемной. Марк был взъерошен, Джинджер держалась из последних сил. К тому же они были измотаны дорогой и в поисках Лечебного центра трижды сбивались с пути. Доктор пригласил Уайтекера к себе, а Джинджер попросил подождать в приемной. Она, казалось, была только рада передохнуть в одиночестве.

В кабинете Уайтекер плюхнулся в кресло.

– Итак, – произнес Миллер, – как вы себя чувствуете?

Уайтекера прорвало. Он начал неестественно быстро сыпать словами, перескакивая с одной темы на другую. Все же ему удалось в общих чертах изложить историю своего сотрудничества с ФБР.

– А теперь – теперь меня обвиняют в краже не больше не меньше как двух с половиной миллионов долларов. Два с половиной миллиона!

– А вы украли их? – спросил доктор.

– Ну да, – ответил Уайтекер и добавил, что в последние

четыре года наживался еще и на откатах. – Мне платили пятьсот тысяч в год, но это же мало. Я трачу на двести тысяч больше.

Он сообщил доктору, что у него счета в банках Швейцарии, Гонконга и Каймановых островов.

– Вы отдавали часть этих денег жене? – спросил Миллер.

– Нет, – покачал головой Уайтекер. Он ничего не скрывал.

Из того, что услышал Миллер, было ясно: Уайтекер вел себя как человек, слепо верящий, что его ни за что не поймают. Почти все его авантюры были крайне рискованными. Он покупал за рубежом ювелирные украшения и не платил таможенных сборов. Он часто перевозил через границу большие суммы наличности, не декларируя их и ничуть об этом не беспокоясь.

– А что, если бы осмотрели ваш багаж? – спросил Миллер.

Уайтекер поморгал.

– Я даже не думал об этом. Выглядел я очень респектабельно. С какой стати меня обыскивать?

Уайтекер продолжал вещать о своих подвигах, а Миллер записал: «Многословие; мысли выражает нечетко». Но признаков депрессии, о которой говорили Джинджер и Эпстайн, доктор не наблюдал.

Уайтекер сказал, что всегда применялся к обстановке. А в АДМ царила вседозволенность. Руководители компании участвовали в сговоре о ценах и практиковали откаты. И он допускал нарушения, сказал Уайтекер, потому что так поступали все. Он не хотел быть «белой вороной».

– И в детстве было так же? – спросил Миллер.

– Да, – кивнул Уайтекер и сказал, что всегда был немножко позером и хотел во всем быть первым.

– Можете привести примеры?

– Ну например, в детстве я получил в подарок велосипед – навороченный, самой лучшей марки. И всюду хвастался, какой это хороший и дорогой велосипед. – Уайтекер посмотрел на доктора и добавил: – Он стоил девяносто девять долларов.

– Как получилось, что вы стали сотрудничать с ФБР?

– Они сами пришли ко мне, – ответил Уайтекер.

– Из-за того, что вы участвовали в фиксировании цен?

– Нет, они тогда еще не знали об этом. Просто они опрашивали всех менеджеров АДМ, а я один из менеджеров, поэтому они стали спрашивать и меня.

Здесь что-то не то. Почему агенты опрашивали сотрудников, если им не было известно о нарушении закона?

Речь Уайтекера выдавала пограничное с психозом состояние. Миллер решил, что новый пациент нуждается в тщательном общем и психиатрическом обследовании.

– Я рекомендовал бы вам лечь в клинику на обследование, – сказал доктор. Он хотел провести с Уайтекером несколько психиатрических тестов и заодно удостовериться, что попытка самоубийства не оставила глубоких последствий.

Уайтекер согласился, но предупредил, что надо принять меры предосторожности. У АДМ длинные руки, сказал он. Он главный свидетель обвинения по делу против руководителей компании, и они способны на все, чтобы выиграть дело. Ворваться в кабинет Миллера, например, или залезть в картотеку в клинике. Если Уайтекер представит свой страховой полис, АДМ может узнать, что он в больнице, и еще больше дискредитировать его.

Миллер сказал Уайтекеру, чтобы тот не беспокоился и что он примет все меры предосторожности. Он позвонит в клинику и договорится, что Уайтекер оплатит госпитализацию кредитной карточкой, так что никто ничего не узнает.

Когда состояние Уайтекера, по мнению доктора, несколько нормализовалось, он пригласил Джинджер. Та рассказала Миллеру, что муж за последние годы очень изменился, стал претенциозным и нетерпимым. Он покупает вещи, невзирая на их стоимость. У них восемь автомобилей, включая три спортивных, которыми они практически не пользуются.

А беседа с прокурорами, которая была на днях, только ухудшила положение. Марк сказал, что особенно сурово обошлась с ним Мэри Спиринг. Он боится ее и не хочет с ней больше встречаться.

Миллер сказал Джинджер о своем решении госпитализировать Марка. Она кивнула. Кажется, она испытала облегчение.

В вашингтонском аэропорту специальные агенты Бассет и Д'Анжело взяли такси до штаб-квартиры ФБР. Перед встречей с Уайтекером нужно узнать последние новости, а времени оставалось мало. Прежде всего они направились в кабинет Чарльза Оуэнса, возглавлявшего отдел по борьбе с финансовыми преступлениями. Оуэнс был занят, и они остались ждать в приемной. Спустя несколько минут он вышел.

– Прошу прощения, что заставил ждать, парни, – сказал Оуэнс и предупредил, что впереди нелегкий день. Сначала Эд Хербст информирует их о результатах последнего разговора с Уайтекером, после чего им придется отправиться в Министерство юстиции для встречи с сотрудниками отдела по борьбе с мошенничеством.

С этими словами Оуэнс собрался уходить, но агенты остановили его и спросили, когда они увидятся с Уайтекером.

– Разве вам не сказали? – отозвался Оуэнс. – Его не будет. Он сегодня утром пытался покончить с собой.

Отдел новостей газеты «Вашингтон пост» – целое море компьютеров и прозрачных стен, разгораживающих рабочие места. Здесь обитают сотни репортеров, лупящих по клавиатурам или висящих на телефонах. Журналист с девятилетним стажем Шарон Уолш трудилась в секции новостей бизнеса. Она выкрикивала в телефон подробности какой-то истории. Уолш уже больше месяца освещала ход событий, связанных с АДМ, и несколько раз ей удалось своими сенсационными сообщениями переплюнуть другие газеты.

Недели две назад ее заинтриговала публикация в «Чикаго трибюн», где говорилось о том, что Уайтекер сообщил ложные сведения о своем образовании в документах, поданных при защите диссертации в университете Милликин. Она неоднократно звонила Уайтекеру и всякий раз получала новое объяснение. Сначала он обвинил АДМ в том, что компания без его ведома намеренно исказила данные личного дела. Затем он изменил эту версию, сказав, что сам дал разрешение на это, потому что остальные сотрудники тоже лгали о своем образовании.

Все это убедило Уолш покопаться в прошлом Уайтекера.{306} Просидев несколько дней на телефоне, она отыскала множество друзей и знакомых Уайтекера, с которыми он общался в разные периоды своей жизни, начиная с детства. Многие отзывались о нем как об энергичном и неугомонном трудоголике и шутили, что ему следовало бы запретить кофе и другие стимуляторы.

Но больше всего заинтересовала журналистку трагедия, пережитая Уайтекером в детстве, история о том, как он потерял родителей и был усыновлен богатой семейной парой. Знакомые Уайтекера, слышавшие этот рассказ, восхищались тем, как мужественно он перенес смерть близких.

Ясно, что эта трагедия не могла не оказать на Уайтекера глубокого воздействия, – она, по идее, должна была стать фактором, определившим всю его дальнейшую жизнь. Чтобы разузнать побольше, Уолш позвонила родственнице Уайтекера Лесли Деморе, с которой он учился в школе в Огайо. Во время разговора журналистка затронула тему усыновления Уайтекера. Помолчав, Лесли сказала:

– Это абсолютная неправда. Его не усыновляли.

После этого разговора Уолш нашла пару, вырастившую Марка, – Мариона и Эвелин Уайтекер. Уолш удалось дозвониться до Мариона, которого друзья называли Фермером. После обмена

любезностями Уолш перешла к главному:

– Я слышала, что вы усыновили Марка. Это правда?

Фермер на другом конце провода засмеялся:

– Нет, мы его не усыновляли.

Бассет и Д'Анжело шагали по Пенсильвания-авеню в направлении Министерства юстиции. Стояла удушливая августовская жара. Рубашки взмокли и прилипли к телу. Их сопровождал старший специальный агент Эд Хербст, который только что рассказал им о позавчерашней беседе с Уайтекером. Теперь он собирался познакомить их с прокурорами отдела по борьбе с мошенничеством.{307}

Юристы ждали их в одном из конференц-залов министерства. Агентов представили Мэри Спиринг, Дону Маккею и Джиму Никсону. Маккей взялся объяснить подробности событий. Адвокаты АДМ, сказал он, пытаются оказать давление на министерство с целью прикрыть расследование сговора о ценах.

– Эти паскуды «Уильямс и Конноли» хотят, чтобы против Уайтекера выдвинули обвинение немедленно, – доложил Маккей. – Они твердят, что с этим справится третьекурсник юридического колледжа. Я сказал им: вот пусть идут и приведут нам этого долбаного третьекурсника.

Маккей объяснил, что «Уильямс и Конноли» уже заготовили и передали в отдел целую папку документов, а также письмо с требованием поторопиться с обвинением. Все эти бумаги он вручил агентам.

Бассет с изумлением прочитал письмо адвокатов. Никогда он не видел ничего подобного. *Что, на хрен, они о себе воображают?*

Агенты ознакомились с документами в папке, и у них возникли вопросы. Каким образом АДМ удалось так быстро раскрыть все мошенничества Уайтекера? Прямо как в сказке. А может, они все знали и раньше? Агенты понимали, что, если даже не удастся получить ответы на эти вопросы в ближайшее время, их следует задать в ходе расследования.

– Слушайте. Вот вам телефон Обри Дэниела. – Маккей протянул агентам листок бумаги с номером. – Позвоните ему и скоординируйте наши дальнейшие действия. Мы хотим поговорить с сотрудниками, накопавшими этот компромат, и с сослуживцами Уайтекера. А еще мы хотим получить остальные документы, которые у них на руках.

И Маккей отвел агентов в пустой кабинет с телефоном.

Обри Дэниел по телефону был слаще меда.

– Очень рад вас слышать! – прожурчал он, когда агенты

представились. – Чем могу быть полезен?

Бассет и Д'Анжело осторожно поинтересовались происхождением документов, касающихся Уайтекера. Как адвокатам удалось их обнаружить? Дэниел ответил, что на них наткнулся один из юристов АДМ, разбираясь в перипетиях тяжбы с «Адзиномото».

Агенты перелистнули страницы папки и нашли документ, где фирма «Уильямс и Конноли» ссылалась на телеграфный денежный перевод со счета в швейцарском банке. Эти сведения уж точно не из архивов АДМ. И агенты спросили Дэниела, откуда этот документ.

Дэниел объяснил, что АДМ прибегла к услугам швейцарского юриста Кристофа Бухвальдера. С помощью правоохранительных органов Швейцарии Бухвальдер от имени АДМ обвинил Уайтекера в совершении преступления. По швейцарским законам человек, выдвинувший подобное обвинение, имеет право ознакомиться с документами, которые имеют отношение к расследованию.{308}

– Значит, в Швейцарии ведется расследование? – спросил Д'Анжело.

– Да, – ответил Дэниел. – Его ведет цюрихский прокурор по фамилии Трие. Он изучил обстоятельства денежного перевода и сообщил установленные им факты Бухвальдеру, а тот передал их мне.

Агенты сказали, что хотели бы допросить некоторых служащих АДМ, и Дэниел охотно согласился это устроить. А если им понадобится дополнительная документация, добавил адвокат, то им нужно всего-навсего позвонить ему.

– Давайте встретимся через день или два и начнем совместно работать над этим делом, – предложил Дэниел и, сделав паузу, спросил: – Кстати, вы не имеете отношения к расследованию, которое проводит антитрестовский отдел?

Агенты заверили его, что не связаны с этим расследованием. Им занимается спрингфилдский офис ФБР, а они из Чикаго.

– Это хорошо, – отозвался Дэниел.

Закончив разговор, Бассет и Д'Анжело вернулись к прокурорам отдела по борьбе с мошенничеством.

– Похоже, они готовы предоставить в наше распоряжение все материалы, какие нам только понадобятся, – сказал Д'Анжело.

– Кроме шуток? – удивленно рассмеялся Маккей. – А мы угробили столько времени, пытаясь выколотить хоть что-нибудь из этих ублюдков.

По-видимому, адвокаты «Уильямс и Конноли» решили изменить тактику и перейти к сотрудничеству, предположил

Д'Анжело.

Цюрихской прокуратуре быстро удалось нащупать связь Уайтекера с Битом Швейцером, которого он уполномочил распоряжаться своим банковским счетом. И теперь команда прокуроров, возглавляемая Фридоленом Трие, разыскивала счета Уайтекера в швейцарских банках.

В день, когда Расти Уильямс нашел Уайтекера в гараже, Трие позвонил Рольфу Брюггерману из юридического отдела Объединенного швейцарского банка. Выйти на него не составило труда: название банка было указано на аннулированном чеке на два с половиной миллиона долларов, выписанном по фиктивному контракту с компанией «Эй-би-пи». А найти в банке счет, управляемый Уайтекером и Швейцером от имени «Эй-би-пи трейдинг», было нетрудно. Трие заявил Брюггерману, что он замораживает средства на этом счете: никаких чеков и никаких переводов денег. Он также затребовал копию выписки со счета о всех банковских операциях.

Брюггерман согласился. Он выдаст копию, если Трие вышлет ему факсом официальный запрос.

Херндон еще был в отпуске, когда однажды вечером пришло сообщение с просьбой позвонить Мучнику домой. Он воспользовался телефоном отеля. Трубку сняла жена Мучника и, поинтересовавшись, как ему отдыхается, позвала мужа.

– Что-то случилось? – спросил Херндон.

– Да, – мрачно ответил Мучник. Помолчав, он добавил: – Марк пытался покончить с собой.

– Не может быть.

Мучник рассказал, как было дело, и добавил, что сейчас Уайтекер в лечебнице в пригороде Чикаго.

Повесив трубку, Херндон набрал номер Шепарда.

– Я только что разговаривал с Джимом, он сообщил мне новость об Уайтекере. Поверить не могу.

– Да, знаю, – отозвался Шепард.

– А ты-то как? У тебя все в порядке?

– Да, – сразу ответил Шепард, – у меня все в порядке.

На следующий день Мэри Спиринг, Дон Маккей и Джим Никсон направлялись в один из кабинетов Министерства юстиции. Настало время связаться с прокуратурой Спрингфилда – хотя бы для соблюдения формальностей. В конце концов, территориально преступление находилось в юрисдикции спрингфилдского окружного прокурора Фрэнсис Хьюлин.

Включив аппарат громкой связи, Спиринг попросила позвать Хьюлин. Но той не оказалось на месте, вместо нее к телефону подошел ее первый помощник Рик Кокс. Спиринг сообщила ему, что министерство решило доверить ведение дела Уайтекера ее отделу.

– Почему? – недоуменно спросил Кокс.

– До сих пор расследовалось нарушение антитрестовских законов и делом занимался соответствующий отдел. А теперь решено, что это уголовное преступление.

Кокса это объяснение не убедило. Он сказал, что их офис и сам может расследовать уголовные преступления, совершенные на их территории.

– Тут есть и другие соображения, – сказала Спиринг. – Против агентов ФБР, расследовавших фиксирование цен, выдвинуто обвинение. Подозревают, что они были сообщниками Уайтекера, и поэтому нежелательно доверять это дело спрингфилдским юристам.

– Что-что? – взвился Кокс. – Это неслыханно!

Маккей досадливо поморщился. Спиринг, конечно, никого не хотела оскорбить, но звонить в Спрингфилд и высказывать подозрения в адрес местных агентов, по мнению Маккея, никуда не годится – тем более что эти подозрения основывались всего лишь на анонимном письме. Это могло вызвать никому не нужные трения.

В спрингфилдском офисе ФБР бушевали страсти. Узнав о звонке Спиринг Рику Коксу, руководство вышло из себя. Слова Спиринг можно было понять так, что против Шепарда и Херндона заведено уголовное дело. А если это так, то почему они узнают об этом от Спиринг, а не от офиса профессиональной ответственности – отдела ФБР, который рассматривает нарушения, допущенные агентами? Почему никто не предупредил Шепарда и Херндона, что им нужны адвокаты?

Они позвонили в Вашингтон и потребовали, чтобы офис профессиональной ответственности провел расследование. Если отдел по борьбе с мошенничеством подозревает их в нарушении закона, то пусть все будет сделано по форме. Нельзя походя швыряться обвинениями в адрес агентов и ставить под удар их карьеру, *не заявив официально о заведении дела против них.* Однако по какой-то непонятной причине в проведении расследования им было отказано.

Похоже, вашингтонским чиновникам нужен был предлог, чтобы отстранить спрингфилдских агентов от расследования. А для настоящего криминального расследования голословных

обвинений недостаточно.

Вероятно, это и были политические игры в чистом виде.

Вечером в четверг 10 августа доктор Дерек Миллер сидел за столом и диктовал машинистке свои заметки о двух днях бесед с Уайтекером. Он провел за этими беседами в общей сложности четыре с половиной часа, не считая разговоров с Джинджер и Эпстайном.{309}

Во многом речи Уайтекера напоминали классический случай мании преследования: «Гигантская корпорация хочет погубить меня! Я был осведомителем ФБР!» – с той поправкой, что это было правдой. И тем труднее отделить факты от вымысла.

Вторая беседа с Уайтекером проходила трудно. Пациент был подавлен. Миллер обвинил его в нечестности и сказал, что, по его мнению, Уайтекер не сказал всей правды ни ему, ни Эпстайну. Уайтекер вяло согласился.

Просмотрев свои записи, Миллер продолжил:

> «Мы говорили о том, что он нечестен и со своим адвокатом, и со мной. Совершенно очевидно, что Уайтекер не видит последствий своего поведения. Он судит о своих отношениях с окружающими очень поверхностно».

Доктор поставил предварительный диагноз:

> «Состояние пациента требует дифференциальной диагностики – это нечто среднее между биполярным расстройством в результате перенесенного стресса и поражением фронтальной области мозга, которое медленно развивается и приводит к искажению этических представлений. Года три-четыре назад он был, по всей вероятности, вполне честным человеком; ни в юности, ни позднее не наблюдалось никаких признаков антиобщественного поведения. К тому же имеются некоторые признаки органических поражений».

Миллер перечислил ряд возможных диагнозов: патологические нарушения настроения, смешанные биполярные расстройства без признаков психоза, асоциальное поведение взрослого и нарциссические изменения личности.

Закончив диктовать, Миллер на секунду задумался. Предостережение Уайтекера относительно АДМ заставило его задуматься. Бог знает, может, люди из АДМ и вправду способны взломать его кабинет в поисках истории болезни Уайтекера. На

всякий случай доктор зарегистрировал пациента под вымышленным именем: Патрик О'Брайен.

На следующее утро Миллер прошел по тихому коридору клиники, встретив лишь несколько сестер и санитаров. Час разрешенного посещения больных еще не наступил, и толпы родственников и друзей еще не наводнили здание. Дойдя до палаты Уайтекера, доктор постучал в дверь.{310}

Пациент был подавлен и дезориентирован. Настроение его скакало то вверх, то вниз, от радостного возбуждения до горестных слез. Миллер задал несколько осторожных вопросов о самоубийстве, впервые затронув эту тему.

Уайтекер попытался проглотить комок в горле, и у него вырвалось рыдание.

– Одной из причин были слова Джинджер о том, что от меня толку как от мертвеца. И я сказал ей об этом.

Не выразив вслух своего удивления, Миллер спросил:

– Зачем?

– Я думал, что, если скажу ей, она будет чувствовать себя не такой виноватой.

Странная мысль. Подняв глаза от блокнота, Миллер изучал пациента. Правда ли это? Трудно сказать. Миллер сменил тему и спросил, все ли Уайтекер рассказал своему адвокату о счетах в иностранных банках.

– Нет, – ответил пациент, – но о других счетах незачем рассказывать – те деньги получены законным путем. Абсолютно.

– А где вы их храните?

Около миллиона долларов доверены одному юристу, ответил Уайтекер, а остальное – нескольким друзьям. Помолчав, он поспешно добавил:

– Но все они заработаны законно.

– Надо рассказать о них адвокату, – сказал Миллер.

Уайтекер с сомнением передернул плечами. Он не настолько доверял Эпстайну, чтобы делиться с ним всеми секретами.

Дон Маккей в раздражении посмотрел на пейджер. Едва он успел сойти с самолета в Спрингфилде, как запищала эта дурацкая штука. Его босс, Мэри Спиринг. Он протолкался сквозь толпу в поисках телефона-автомата.

Маккей прилетел в Спрингфилд поговорить с Шепардом и Херндоном о пятистах тысячах долларов, которые Уайтекер, по его собственному признанию, заработал на откатах. Он прочел показания Уайтекера, занесенные в «форму 302», но теперь было ясно, что эта версия далека от действительности. Маккей хотел

уточнить детали, – может, в первоначальных показаниях все же есть крупицы истины, которые помогут расследованию. Он понимал, что разговор предстоит нелегкий: прошел слух, что Спрингфилд винит отдел по борьбе с мошенничествами в попытке самоубийства Уайтекера.

– Ты говорил с агентами? – спросила Спиринг, когда он набрал ее номер.

– Я только-только прилетел, Мэри.

– Это хорошо. И не говори с ними.

– Почему? – озадаченно спросил Маккей.

– Потому что мы спровоцировали Третью мировую, – вздохнула Спиринг. – SAC пошел в атаку, штаб-квартира Бюро на военном положении, хотят ввести в бой самого Фри.

– Ну и дела!

– Так что тебе нельзя допрашивать агентов.

– Я и не собирался их допрашивать! Я хотел просто побеседовать с ними. Ты же сама мне велела.

Ну а теперь ФБР думает, что агенты являются объектом уголовного расследования, и запрещает им говорить без адвокатов, ответила Спиринг.

Маккей разозлился. Он надеялся, что, поговорив с агентами, восстановит нормальные отношения, объяснит, что против них нет ничего, кроме голословных заявлений «Уильямс и Конноли». Но Спиринг разрешила ему разговаривать только с руководством спрингфилдского офиса. Позвонив, Маккей договорился о встрече на следующий день и, чертыхаясь про себя, повесил трубку.

«Да уж, – подумал он, – заварили мы кашу».

На следующее утро Маккей опустился на диван в кабинете Дона Стаки, не скрывая настороженности. Чем дольше он обдумывал реакцию спрингфилдцев на его приезд, тем становился подозрительнее. «Раз они так настроены, – думал он, – то, может, эти агенты и в самом деле в чем-то замешаны?»

Стаки с беззаботным видом пристроился на уголке своего стола. Вошли его помощники, один из них вооружился блокнотом и ручкой. Маккей понял, что после этой встречи в штаб-квартиру ФБР будет отправлена докладная записка.

– Так почему вы хотели допросить наших агентов? – напрямик спросил начальник отделения.

– Я не хотел их допрашивать, – возразил Маккей, – я хотел поговорить с ними.

– Так почему вы хотели поговорить с ними? – переиначил вопрос Стаки.

Маккей воздел руки.

– Хотел выяснить все, что можно, о Марке Уайтекере, только и всего, – ответил он. – Мне нужно знать, что он говорил агентам во время последней встречи с ними. Я читал запись их беседы в «форме триста два», но там голые факты, которые можно трактовать по-разному. Мне нужно знать, как будут выглядеть те же факты в свете вновь открывшихся обстоятельств.

– Но почему вы не можете посмотреть на «те же» факты из Вашингтона? Зачем приезжать сюда?

Разговор пошел по кругу. Стаки требовал доказательств, что против Шепарда и Херндона не возбуждено уголовное дело, Маккей клялся и божился, что у него нет оснований подозревать их в нарушении закона. И зря они в Спрингфилде обратились в офис профессиональной дисциплины – в этом не было никакой необходимости.

Глухое раздражение, владевшее Маккеем, все росло и дошло до точки кипения. «Они допрашивают меня, как какого-нибудь закоренелого наркодельца, попавшегося с поличным», – думал он.

Так они пререкались минут двадцать. Затем Маккей решил, что с него хватит. Он посмотрел на часы и встал.

– Ну, мне пора. Приятно было поговорить, – произнес он.

И вышел.

В коридоре чикагского офиса ФБР Д'Анжело столкнулся с Эдом Уортингтоном, исполнявшим обязанности SAC. Тот сообщил ему свежие новости в деле АДМ:

– «Уильямс и Конноли» хотят отстранить тебя от дела. Ты якобы слишком близок к тем, кто ведет расследование в Спрингфилде. В Министерстве юстиции некоторые тоже считают, что дело надо передать вашингтонским агентам.

Д'Анжело позвонил Бассету и поделился новостями. Они не догадывались, почему все так изменилось. Возможно, предположил Бассет, АДМ не хочет иметь дела с Д'Анжело из-за его участия в расследовании мошенничества на Чикагской товарной бирже.

Но что бы там ни было, прошло несколько дней, и управление ФБР отмело все претензии компании. АДМ не позволено подбирать и выбирать тех, кто поведет расследование. Бассет и Д'Анжело испытанные бойцы, и они будут продолжать начатую работу.

Спор был разрешен, но Бассет и Д'Анжело верно истолковали его как очередную попытку воспрепятствовать расследованию – тем более что, вопреки телефонным заверениям Дэниела, никаких новых документов агенты не получили и встречи с сотрудниками АДМ так и не были назначены. Готовность АДМ к

сотрудничеству была, по всей вероятности, делом прошлого.

Частные детективы, нанятые «Уильямс и Конноли», раскапывали материалы на Уайтекера по всему миру. Годились любые сведения. Несколько детективов – им велели скрывать, что они работают на АДМ, – даже дежурили возле офиса транспортной конторы, где стояли трейлеры, груженные вещами Уайтекеров для перевозки их в Теннесси.

Еще три детектива – Стив Викерс, Эрик Уи и Дипак Бхавнани – разыскивали в Азии адресатов, чьи телефоны значились в счетах за телефонные переговоры Уайтекера по карте и в документах отелей. В отчете о расходах они обнаружили, что Уайтекер останавливался в отеле «Шангри-Ла» в Таиланде, и позвонили туда в надежде узнать, не заказывал ли Уайтекер в номер каких-нибудь фильмов – вдруг он интересовался порнографией? – но подобных сведений отель не разглашал.{311}

Но основная их работа заключалась в выявлении компаний, которые сотрудничали с АДМ через Уайтекера. Детективы исходили из нехитрого соображения, что раз он использовал фиктивную компанию, то, скорее всего, делал это не однажды. В поисках несуществующих компаний они переворошили горы документов.

По сведениям АДМ, Уайтекер прибегал к услугам некой торгово-консультационной фирмы «Дальневосточные специалисты», которая находилась в Бангкоке. Обзвонив весь Таиланд, компании с таким названием детективы не обнаружили. На одном из счетов-фактур сохранился адрес «Дальневосточных специалистов», но проверка показала, что указанного населенного пункта в Таиланде не существует.

Наконец в документах отыскался номер телефона компании. Ответил женский голос.

После нескольких вопросов стало ясно, что женщина ни разу не слышала о «Дальневосточных специалистах». Оказалось, что детективы звонят в заведение, расположенное в бангкокском районе красных фонарей.

Члены совета директоров АДМ, собравшиеся в тот августовский день в офисе фирмы «Уильямс и Конноли», пребывали в состоянии тревожной неопределенности. Они входили в состав чрезвычайного комитета, но не вполне понимали, в чем их обязанности. Разве их дело ограничивается тем, чтобы противостоять шквалу исков, которыми засыпали АДМ акционеры и клиенты, обвинявшие компанию в фиксировании цен? Может, предполагалось, что они урегулируют уголовное

дело?

До сих пор их общение в основном сводилось к участию в заседаниях, на которых председательствовал Обри Дэниел. Зачастую это был скорее монолог Дэниела с комментариями текущей ситуации. Комитет почти ничего не обсуждал и не выносил решений. У некоторых его членов появилось ощущение, что комитет создан лишь для вида.

Но сегодняшняя встреча, похоже, должна пройти иначе. К комитету присоединялся юрист фирмы «Симпсон и Тэтчер» Дик Битти, вернувшийся из отпуска в Монтане. Битти вошел в конференц-зал в сопровождении Чарльза Куба, лучшего в фирме эксперта по антитрестовскому законодательству. При их появлении Росс Джонсон расплылся в улыбке и поднялся с места. Он не видел Битти с тех пор, как тот помог Крейвису отвоевать у него «Р. Дж. Р. Набиско».

Подойдя к Битти, Джонсон обнял его за плечи и повернул лицом к присутствующим.

– Вот, черт побери, лучший юрист нашей страны, – объявил он. – И мой старый приятель.

Битти улыбался, польщенный экспансивной похвалой противника по прежним баталиям.

Помещение было набито юристами. Кроме сотрудников фирм «Симпсон и Тэтчер» и «Уильямс и Конноли», присутствовал Джим Шафтер, личный адвокат семьи Андреас. Для начала Битти предложил всем адвокатам покинуть помещение, чтобы они с Кубом поговорили с клиентом с глазу на глаз. Юристы «Уильямс и Конноли» возмутились, но в конце концов с ворчанием удалились.

Директора задали Битти несколько вопросов о нем самом и о его фирме. Затем они закидали его вопросами относительно собственных обязанностей. Большинство директоров были озабочены судьбой Андреасов. Ответив на все вопросы, Битти заметил, что комитет ждут большие дела.

– Процесс будет, похоже, длинным, – сказал он, – и, возможно, вам придется принять несколько очень, очень нелегких решений.

В чикагском бюро «Уолл-стрит джорнал» вовсю трудились Бёртон и Килман – репортеры, первыми известившие общественность о роли Уайтекера в расследовании фиксирования цен. Узнав о предпринятой Уайтекером попытке самоубийства, они готовили статью для понедельничного номера. Днем Килман просмотрел поступившую почту и обнаружил письмо от Уайтекера, отправленное 9 августа.{312} Килман вскрыл конверт и

стал читать. Ему бросился в глаза один из абзацев:

> «Обратите особое внимание на зарубежные счета и откаты, а также прочие выплаты служащим через иностранные компании,

– писал Уайтекер. –

> Тут-то собака и зарыта. Тебе сначала кидают подачку, а если ты становишься им неугоден, эту же подачку используют».

Килман решил показать письмо Бёртону. Этот материал пойдет в статью.

В вашингтонском антитрестовском отделе распространились опасения, что дело АДМ может заглохнуть. Скандал с Уайтекером ставил под угрозу расследование сговора о ценах на продукцию АДМ, особенно на лимонную кислоту. Только с лизином все обстояло благополучно. В субботу Гэри Спратлинг и Джим Гриффин встретились в Вашингтоне и обсудили создавшееся положение. К концу встречи они приняли решение.

Расследованием злоупотреблений с лизином будет заниматься чикагское отделение, лимонную кислоту отдадут Сан-Франциско, а кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы – Атланте.

Команда, участвовавшая в «Битве за урожай», не занималась этими продуктами.

В тот же день все газеты страны получили пресс-релиз журнала «Форчун».{313}

> ТОЛЬКО В «ФОРЧУН»!

– кричал заголовок. –

> ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ ТОП-МЕНЕДЖЕР РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ «АРЧЕР ДЭНИЕЛС, МИДЛЕНД».

Отдел новостей журнала хвалился тем, что первым из уст самого Уайтекера узнал секреты его сотрудничества с ФБР и расследования ценового сговора. Все это им поведал человек, «который, по мнению многих, должен был стать президентом компании». Журнал обещал опубликовать в ближайшие девять дней немало сенсационных сообщений об этом деле.{314}

«Если бы эта история не была напечатана отделом новостей,

– писали авторы заметки в заключение, –

вы бы поклялись чем угодно, что читаете роман Джона Гришэма».

В понедельник утром во всех офисах правоохранительных учреждений Чикаго, Спрингфилда и Вашингтона только и было разговоров что о статье в «Форчун». Все повисли на телефонах, пытаясь достать номер журнала со статьей и определить, насколько велик ущерб, который Уайтекер нанес расследованию. Наконец кто-то раздобыл экземпляр и разослал по факсу копии статьи всем, кто имел отношение к «Битве за урожай».

Агенты и юристы, которые занимались этим делом, сразу заметили неточности в опубликованном рассказе Уайтекера, сделанные с расчетом приукрасить свой образ. Так, саботаж на заводе, оказывается, не был выдумкой Уайтекера – все в АДМ якобы догадывались об этом. Обходилось молчанием то, что поначалу Уайтекер избегал встречи с агентами ФБР. Вместе с тем в статье было немало достоверных сведений, почерпнутых из свидетельств о подозреваемых, добытых в ходе расследования.

Единственным представителем правоохранительных органов, фигурировавшим в статье, был Брайан Шепард, что вызвало дружеские насмешки Херндона и прокуроров-антитрестовцев. В статье Уайтекер то и дело восхищался Шепардом и говорил, что личность агента была главным фактором, побудившим его к сотрудничеству с ФБР.

«Я познакомился с Брайаном Шепардом, главой декейтерского ФБР, – супер-замечательным человеком,

– заливался Уайтекер. –

К Шепарду инстинктивно проникаешься доверием. Мне работалось с ним прекрасно».

В статье Уайтекеру задали вопрос, над которым ломали голову и агенты с юристами: почему он вдруг решил раскрыть правду о фиксировании цен?

– Мне не хотелось лгать агентам ФБР, – ответил Уайтекер. – Абсолютно.

Во вторник в цюрихскую корпорацию «Объединенный швейцарский банк» пришел факс на имя Дэниеля Бриля.{315} На заполненной от руки страничке стояла дата недельной давности, 8 августа. Почерк Бриль узнал, даже не глядя на подпись, – он принадлежал Марку Уайтекеру.

«Надеюсь, у вас все в порядке,

– начиналось послание. –

Пожалуйста, продайте несколько бондов, потому что мне нужно несколько заполненных *чеков».*

Уайтекер впервые обращался с такой просьбой, но желание клиента – закон. Бриль распорядился, чтобы наутро пакет, в соответствии с распоряжением Уайтекера, отправили экспресс-почтой «Ди-эйч-эл» в Огайо на имя некоего Майка Гилберта. Имя Брилю было незнакомо. В пакет банкир вложил три конверта с чеками, выписанными на имена Джинджер Уайтекер, Мариона Уайтекера и Рейнхарта Рихтера.

Для Бриля эта операция не представляла ничего необычного. Он не знал, что цюрихский прокурор заморозил счета Уайтекера в Швейцарии. Прокуратура еще не успела обнаружить счет Уайтекера в корпорации «Объединенный швейцарский банк».

В тот же день около полудня Херндон заметил, что телефон на рабочем столе мигает красным. Войдя в голосовую почту, он записал сообщение. Оно поступило от Крэга Даля, агента из Мобила, который расследовал злоупотребления в производстве метионина. Даль просил Херндона связаться с ним немедленно.

Но прежде чем Херндон успел набрать номер, один из операторов принес телекс. Это делалось лишь в экстренных случаях и означало, что надо бросать все дела и читать.{316}

В верхней строке значилось, что телекс послал Крэг Даль в спрингфилдский офис ФБР и одновременно в штаб-квартиру Бюро.

Пробежав глазами листок, Херндон чуть не выронил его.

«Извещаем, что в процессе подготовки обвинительного акта большого жюри по приостановленному делу вынесено решение выдвинуть обвинение против Марка Э. Уайтекера, свидетеля по делу АДМ,

– гласил телекс. –

Дело будет представлено на рассмотрение большого жюри в среду 16 августа».

Растерянный, Херндон прочитал текст еще раз.

В среду 16 августа? Но это же завтра!

Херндон схватился за телефон. Надо срочно сообщить Джиму Гриффину и чикагскому антитрестовскому отделу, что их многострадального свидетеля завтра официально обвинят в промышленном шпионаже.

Через несколько минут юристы антитрестовского отдела уже обрывали телефоны, пытаясь отыскать на всем пространстве от Мобила до Вашингтона хоть кого-нибудь, кто объяснит, что означает официальное выдвижение обвинения против Уайтекера.

Джим Гриффин прежде всего позвонил Скотту Лассару, назначенному недавно вторым главным обвинителем на процессе АДМ.

– Это Джим, – произнес Гриффин мягким голосом. – В нашем деле очередной лихой поворот.

В 13.20 в кабинете Мэри Спиринг раздался звонок.

– Мисс Спиринг, это Кейт Киллэм из спрингфилдского офиса ФБР. Я хочу сказать вам, что, по моему глубокому убеждению, делом Марка Уайтекера должны заниматься агенты Боб Херндон и Брайан Шепард, и никто другой.

Спиринг не находила слов. *Опять?*

– Этот вопрос уже обсуждался и был решен, – наконец сказала она.

– Я считаю, что он был решен неправильно.

Быстро свернув разговор, Спиринг в ярости позвонила Чаку Оуэнсу, возглавлявшему отдел ФБР по борьбе с финансовыми преступлениями. Рассказав ему о возмутительном звонке из Спрингфилда, она потребовала, чтобы Бюро привело в чувство своих сотрудников. Оуэнс ответил, что разберется.

Спустя несколько минут ошеломленный Оуэнс узнал, что Кейт Киллэм и не думала звонить в министерство. Со Спиринг разговаривала какая-то самозванка.

В тот же день Бит Швейцер находился в кабинете у себя дома, в швейцарском городке Штеффисбурге. Проработав несколько лет в отделении «Швейцарского банка» на Каймановых островах, он занялся частной практикой финансового консультанта и бухгалтера. Проводить финансовые операции не выходя из дома гораздо приятнее – хотя бы потому, что можно носить джинсы.

Кроме того, теперь Швейцер мог уделять больше времени своему любимому парашютному спорту. Зато он не мог в конце рабочего дня с легким сердцем забыть о делах, ведь клиенты звонили круглые сутки.

Раздался сигнал факса, и на стол выползли несколько заполненных чьей-то рукой страниц. Это было послание Марка Уайтекера, богатого американского клиента со странностями. Начиная с июля Уайтекер названивал ему днем и ночью и нес какую-то ахинею насчет своего сотрудничества с ФБР. Швейцер заподозрил, что у парня не все дома.

Полученный факс лишь усилил это подозрение. Уайтекер просил переслать его жене Джинджер чек на пятьсот тысяч долларов.{317}

> «Только, пожалуйста,

– писал Уайтекер, –

> не отправляйте деньги прямо с моего счета, а переведите сначала на какой-нибудь другой. И пошлите их обычной почтой, а не через „Федерал экспресс“, без указания обратного адреса».

К чеку Уайтекер просил приложить отпечатанную анонимную записку со словами:

> «Дорогая миссис Уайтекер, примите это от одного из друзей Марка с наилучшими пожеланиями».

Такой же чек на сто тысяч долларов с аналогичной запиской Уайтекер распорядился выслать его родителям. Кроме того, он просил Швейцера «поместить его счет туда, где безопаснее» и «вернуть все деньги со счета Джозефа». На «счете Джозефа» предлагалось оставить двести пятьдесят тысяч, которые затем будут предоставлены Джинджер в качестве займа.

> «Пожалуйста, выполните мою просьбу, это очень важно,

– писал Уайтекер. –

> Я считаю Вас своим другом. Из-за того что я помогаю упрятать этих типов из АДМ за решетку, моей жизни угрожает опасность».

Заканчивалось письмо фразой:

«Я рассчитываю на Вас».

Дочитав письмо, Швейцер только покачал головой. Обычно указания клиентов были немногословны и ограничивались одной фразой. А от этого послания попахивало чистым безумием.

Швейцер решил оставить письмо без внимания и порвать с Уайтекером. Такие клиенты ему не нужны.

На следующее утро в Бланчестере, штат Огайо, Майк Гилберт получил по почте пакет. Последние несколько недель жизнь преподносила ему один сюрприз за другим. Сначала он узнал, что его деверь Марк Уайтекер сотрудничает с ФБР. Затем позвонила сестра Джинджер и спросила, не возражает ли он против того, чтобы вся почта, адресованная Уайтекерам, приходила к нему в Бланчестер. Они боятся, объяснила Джинджер, что АДМ будет перехватывать письма. Гилберт не возражал.

В это утро доставили пакет, в котором Гилберт обнаружил три конверта, адресованных Марку Уайтекеру. Посмотрев на почтовый штемпель, он увидел, что пакет прибыл из Цюриха.

– Ха, это из Швейцарии, – заметил Майк жене. – Уж не деньги ли это из банка?{318}

Тревожное известие о грозящем Уайтекеру обвинении инициировало целый ряд совещаний и телефонных звонков в Мобил и Вашингтон.

Несмотря на вранье и многочисленные прегрешения, Уайтекер оставался главным свидетелем в деле о фиксировании цен. Выдвигать против него обвинение *сейчас,* когда отдел по борьбе с мошенничеством только приступил к расследованию, не имело смысла.{319} За этим неизбежно последует суд, репутация Уайтекера будет погублена, и он потеряет всякую ценность как свидетель. Кроме того, во время суда над ним могли получить огласку свидетельства, добытые в ходе «Битвы за урожай», которые следовало хранить в секрете до тех пор, пока подозреваемым не будут предъявлены обвинения.

К тому же суд поставил бы органы правопорядка в дурацкое положение, а этого допустить нельзя. Как они объяснят обществу то, что, посадив Уайтекера на скамью подсудимых, они одновременно полагаются на него как на свидетеля?

Никто не спорил с тем, что Уайтекера следует предать суду, но сделать это следовало аккуратно. Если он участвовал в краже информации у компании «Дегасса», то обвинение в этом можно сделать частью более обширного обвинения – но позднее.

Словом, предъявлять Уайтекеру обвинение в этот день не

было никакого резона, и собиравшийся это сделать Питер Кларк, прокурор из Вашингтона, который воевал прошлым летом с антитрестовским отделом, внял этим доводам. Обвинение предъявлено не будет. Высшие чины Министерства юстиции рассмотрят иск «Дегассы» и определят, какие меры следует предпринять.

Команда, участвовавшая в «Битве за урожай», вздохнула с облегчением. Нависшую над ними угрозу удалось предотвратить в самый последний момент.

В тот же день два агента ФБР прибыли к зданию на Двенадцатой улице около Центральной станции вашингтонского метро. Это был визит-сюрприз для фирмы «Уильямс и Конноли». Нанести визит поручили Чарльзу Стьюберу-младшему, но Эд Хербст не отказал себе в удовольствии сопровождать его. Нечасто выпадает случай вручить повестки о явке в суд адвокатам самой влиятельной вашингтонской юридической фирмы.{320}

Обещанный «Уильямс и Конноли» поток информации обернулся хилым ручейком. Д'Анжело и Бассет запротестовали: выборочное освещение фактов на процессе могло исказить общую картину, – разумеется, выгодным для АДМ образом. С тех пор как Обри Дэниел заявил о возможном сговоре агентов ФБР с Уайтекером, прошло две недели, но ни один сотрудник ФБР или Министерства юстиции так и не увидел пробудивших подозрения анонимных писем. Пора напомнить адвокатам, что правительство может заставить их ответить на вопросы.

Агенты вошли в вестибюль двенадцатиэтажного здания Эдварда Беннета Уильямса. Здесь был вход в приемную «Уильямс и Конноли». В отличие от офисов большинства вашингтонских юридических компаний, интерьер «Уильямс и Конноли» был скромным – никакого мрамора, резных и лепных украшений, никаких излишеств.

Представившись секретарше в приемной, агенты сказали, что пришли вручить повестку Обри Дэниелу. Через несколько минут появился молодой юрист, назвавшийся Джоном Шмидтлайном. Агенты протянули ему две повестки.

– Но мистера Дэниела сейчас нет, – сказал Шмидтлайн.

– А кто может принять повестки вместо него? – спросил Эд Хербст.

Этого Шмидтлайн не знал.

– Мистера Дэниела нет, – повторил он, – мы пытаемся дозвониться до него по телефону.

– Пусть повестки примет кто-нибудь другой, – настаивал Хербст.

В конце концов к агентам вышел адвокат по имени Уильям Макдэниелс. Просмотрев повестки, он взял их без комментариев.

Выполнив поручение, агенты ушли.

Толпа, заполонившая территорию ярмарочного комплекса штата Иллинойс, подалась вперед: на трибуну взошел Боб Доул, лидер сенатского большинства. Доул прибыл в Спрингфилд будто бы для того, чтобы произнести речь, рекламирующую этанол, добавку к бензину. Производство добавки субсидировало правительство, а торговля ею принесла АДМ много миллионов долларов. Но все понимали, что визит сенатора носит рекламный характер и составляет часть кампании по выдвижению кандидата на участие в президентских выборах 1996 года.

Когда к сенатору допустили репортеров, один из них спросил его мнение относительно того, скажется ли расследование ценового сговора на судьбе его старого друга Дуэйна Андреаса.

– Пока это только расследование, – ответил Доул. – Поживем – увидим.{321}

Через несколько дней в Вашингтон пришла жалоба Пола Майера на срыв сделки по продаже его дома в Теннесси.

Жалоба поступила в приемную конгрессмена от Теннесси Боба Климента, и с Капитолийского холма в Министерство юстиции ушел запрос, который в конце концов лег на стол Гэри Спратлинга, заместителя руководителя антитрестовского отдела. Бренда Карлтон, отвечавшая за связи с Конгрессом, позвонила Майеру.

Майер с готовностью изложил ей обстоятельства заключения сделки и рассказал об уверениях Джозефа Каяццо в том, что Уайтекер находится под покровительством государства как свидетель.

– А на следующий день тот же юрист заявляет, что Уайтекер не сможет заключить договор. Я нанял адвоката, и он связался с Каяццо. Но тот сказал адвокату, что больше не представляет Уайтекера.

Но Уайтекеры отказались от покупки не по финансовым причинам, сказал Майер. Он сам видел документы, подтверждающие получение ссуды.

– А кто был заимодателем? – спросила Карлтон.

– Не знаю, – ответил Майер. – Но все бумаги были в порядке.

Карлтон отпечатала резюме разговора с Майером и передала его Спратлингу, который переправил это резюме в отдел по борьбе с мошенничеством. Возможно, предположил он, ФБР тоже заинтересуется сделкой почти на миллион долларов, которую

собирался провернуть Уайтекер.{322}

После попытки самоубийства Уайтекер затаился и не давал о себе знать, – по крайней мере, правоохранительным органам. Юристов отдела по борьбе с мошенничеством это затишье стало беспокоить: они опасались, что Уайтекер сбежит. Бассету и Д'Анжело поручили связаться с адвокатами Уайтекера и прояснить обстановку.

Агенты позвонили в фирму 17 августа. Эпстайна в городе не было, и на вызов ответил его партнер Боб Зейдеман. Он не сказал агентам почти ничего нового. Следуя рекомендациям доктора Миллера, адвокаты старались не беспокоить Уайтекера. Ну а бегства Уайтекера можно не опасаться, заверил Зейдеман: на всякий случай адвокаты забрали его паспорт.{323}

На следующий день Бассет позвонил Миллеру, чтобы справиться, как проходит лечение Уайтекера. Доктор прописал Уайтекеру литий, который применяют при маниакально-депрессивном психозе, но о состоянии пациента и методах лечения он агентам ничего не сказал и сообщил лишь то, что этим утром выписал Уайтекера из клиники, так как вероятность повторного покушения на самоубийство практически равна нулю.

– А как насчет вероятности того, что он сбежит?

– Почти уверен, что этого тоже можно не опасаться. Он не собирается уезжать.

– Нам нужно встретиться с ним и продолжить допрос. Он готов к этому? – спросил Бассет.

– Пока нет, – ответил Миллер. – Еще рано. – Откашлявшись, доктор произнес: – Полагаю, что в данный момент любой контакт с представителями правительства окажет негативное влияние на здоровье мистера Уайтекера.

Бит Швейцер поцеловал жену и детей, которые завтракали в столовой, и, выйдя из своего дома в швейцарском городе Штеффисбурге, стал спускаться по ступенькам лестницы, ведущей к гаражу. Он торопился на прием к врачу, назначенный на 7 часов.

Сделав несколько шагов, Швейцер остановился. У подножия лестницы стояли двое в штатском. Видя его нерешительность, они приблизились.

– Простите, вы не назовете свое имя? – спросил один из них по-немецки.

– Бит Швейцер. А вы кто?

Незнакомцы вытащили значки. Это были полицейские детективы. Они приехали за Швейцером, чтобы отвезти его на

допрос в цюрихскую прокуратуру. Швейцер знал, что ему ничто не угрожает и что, задав несколько вопросов, его отпустят. И все же он испугался.

Вернувшись вместе с полицейскими в свой кабинет, он растерянно наблюдал, как они забирают его документы и дискеты и перегружают на свой диск данные его компьютера. Изъяв все эти материалы, полицейские проводили Швейцера в свой автомобиль, усадили его на заднее сиденье и увезли в Цюрих.

Два часа спустя напуганного Швейцера препроводили в офис цюрихского прокурора. Там было полно людей. Несколько сотрудников сидели за длинным столом. Швейцеру предложили сесть. Какой-то человек поднялся из-за своего стола. Подойдя к финконсультанту, он представился по-немецки:

– Герр Швейцер, я Фридолен Трие, сотрудник особого уголовного отдела. – Трие подошел ближе. – Хочу расспросить вас о Марке Уайтекере.

Шепарду и Херндону каждый новый день приносил все новые неприятности. Вести о раскрытии очередного мошенничества Уайтекера поступали так часто, что трудно было воспринимать их всерьез. Не успела «Вашингтон пост» опубликовать сообщение о ложном усыновлении, как поползли слухи, что, по утверждению Уайтекера, государство предоставило ему защиту как свидетелю, чтобы его не выселили из дома.

Похоже, вместе с репутацией Уайтекера рушилось и их расследование. Об аудио- и видеозаписях и прочих успехах «Битвы за урожай» в Вашингтоне даже не упоминали. Решение отдать дела о злоупотреблениях с лимонной кислотой и кукурузным сиропом другим отделениям ФБР агенты восприняли как личное оскорбление. Никто не удосужился посоветоваться с ними, принимая стратегические решения. Спрингфилдский офис становился изгоем.

Херндон решил излить гнев на словах и отбил в Вашингтон телекс, в котором разносил многие решения Министерства юстиции.{324}

> «Представляется,

– писал Херндон, –

> что министерство принимает решения под влиянием газетных заголовков и заявлений представителей защиты».

Постороннему тон послания показался бы сдержанным, но по

стандартам бесцветного бюрократического языка внутренней переписки Бюро слова Херндона звучали как плач Иеремии.

В обычных обстоятельствах начальство заставило бы агента переписать текст или попросту выкинуло бы его жалобы. Но с Херндоном был согласен весь спрингфилдский офис ФБР. В понедельник 21 августа телекс ушел в штаб-квартиру Бюро почти без изменений.

В то же утро Майк Бассет, войдя в свой офис, взял со столика для почты свежий номер газеты «Уолл-стрит джорнал».{325} Увидев заголовок на второй странице, он похолодел:

«АДМ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЕЕ БЫВШИЙ СЛУЖАЩИЙ УКРАЛ 9 МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ».

Не вдаваясь в подробности, статья сообщала, что эти девять миллионов были переведены на счет одного из швейцарских банков, принадлежащий компании «Эй-би-пи трейдинг». Среди прочего статья цитировала Джима Эпстайна, который сказал корреспонденту, попросившему прокомментировать это сообщение:

– Я не буду ничего комментировать, и очень долго.

Бассет понял, что новость была для Эпстайна таким же сюрпризом, как и для ФБР.

Д'Анжело находился в номере отеля на магистрали 7 в Лисберге, штат Виргиния. Это был первый день его «обучения без отрыва от службы» – то есть недели, в течение которой агент был обязан освоить новые навыки. Д'Анжело занимался подготовкой к вероятному новому назначению в Восточную Европу. Он уже хотел выйти из номера, когда зазвонил телефон. Звонил его новый напарник Майкл Бассет.

– Ты просто не поверишь! – сказал Бассет. – В «Уолл-стрит» написали, что АДМ обвиняет Уайтекера в краже девяти миллионов.

– Вот же б… – помотал головой Д'Анжело. – Чудеса прямо.

– Да нет, они серьезно.

– Это дело чем дальше, тем страннее. Просто какая-то, ну, фантастика.

Они поделились опасениями. «Уильямс и Конноли» не сообщила о своем открытии. Адвокаты предпочли доверить эту информацию прессе, а это ясный сигнал.

– Боюсь, они хотят подложить нам свинью, – сказал Бассет. – Если они открыто заявляют об этих девяти миллионах, значит, знают куда больше.

– Похоже, так и есть.

– Они утаивают информацию, чтобы оставить нас в дураках.

В тот же день Эд Хербст вышел из здания Гувера и направился на Двенадцатую улицу с повторным визитом в «Уильямс и Конноли». Ответ на повестки, врученные на днях, должен быть готов.

Войдя в приемную и представившись, он получил небольшой запечатанный конверт, адресованный Мэри Спиринг. Хербст вернулся с конвертом в офис и распечатал его. Он был обязан регистрировать входящие письма.

В конверте было сопроводительное письмо Обри Дэниела к Мэри Спиринг, копия анонимного письма, присланного из Теннесси Дуэйну Андреасу, с обвинениями против агентов ФБР, копия письма аналогичного содержания, присланного Рэнделлу, и копии конвертов, в которых были доставлены анонимки.{326}

И больше ничего.

АДМ объявила на весь мир о том, что Уайтекер украл у нее девять миллионов долларов, а правительству ее адвокаты представили лишь пару анонимок, которые ничего не доказывают.

Утром в пятницу 25 августа Тони Д'Анжело остановил взятый напрокат автомобиль перед домом в Рестоне, штат Виргиния. Он еще раз проверил адрес. Все верно – здесь живет Пол Майер, продававший свой дом в Теннесси Марку Уайтекеру.

Д'Анжело направился к дому. Район приятный, но дом на миллион долларов не тянет. Вероятно, ценная недвижимость Майера осталась в Теннесси. Подойдя к дверям, Д'Анжело позвонил.

Ему открыл человек в штанах хаки и белой рубашке. Он неприветливо уставился на агента.

– Мистер Майер? – спросил Д'Анжело. – Я специальный агент Тони Д'Анжело. Мы говорили с вами по телефону.

Майер продолжал с сомнением разглядывать гостя.

– Уайтекер вправду под защитой государства? – спросил он ворчливо.

Все говорило о том, что Майер очень сердит – на Уайтекера, на правительство, на самого Д'Анжело, наконец. Он буркнул, что вашингтонские чиновники виноваты в том, что продажа его дома сорвалась, и должны компенсировать ему ущерб.

– Давайте сначала разберемся, – сказал Д'Анжело. – Для этого я к вам и приехал.

– Слушайте, – гнул свое Майер, – я работал в Белом доме и

знаю все эти вашингтонские штучки, и ваши фэбээровские уловки тоже, и если придется вывести вас на чистую воду, я сделаю это.

Д'Анжело поднял руку.

– Прекрасно, прекрасно, – сказал он. – Я не собираюсь ни в чем вас разубеждать. Я приехал, чтобы узнать все факты об этой несостоявшейся сделке и передать их наверх. А пока мы даже не знаем толком, что произошло.

– Так Уайтекер под защитой или нет? – повторил Майер.

– Я не имею права говорить с вами о расследовании, – ответил Д'Анжело. – Единственное, что могу сказать, – я бы не удивился, если бы сказанное Уайтекером оказалось неправдой.

Майер кивнул. Такой язык он понимал. Он пригласил Д'Анжело на кухню и угостил его кофе. За кофе Майер рассказал агенту о разговоре с Уайтекером – о таинственном кредиторе, о поддержке правительства и его готовности оказать Уайтекеру финансовую помощь. Д'Анжело все это записал.

В заключение Майер еще раз высказал свои претензии к правительству и потребовал компенсировать нанесенный ему ущерб.

– И если я не получу компенсации, – произнес он с угрозой, – я обращусь в прессу.{327}

Адвокаты потенциальных обвиняемых по делу о фиксировании цен наносили визиты прокурорам антитрестовского отдела.

Каждый адвокат придерживался своей тактики. Джон Брей, расчетливый и цепкий вашингтонский юрист, нанятый Миком Андреасом, сразу потребовал официальный список членов большого жюри и разрешение допросить Уайтекера. Рейд Вайнгартен, защитник Терри Уилсона, намекал на возможность сотрудничества – но лишь после того, как ему предоставят доступ к аудио- и видеозаписям.

В конце августа к прокурорам явились адвокаты фирмы «Клири, Готтлиб, Стин и Гамильтон», представлявшей компанию «Адзиномото». В надежде на взаимопонимание прокуратура позволила им просмотреть некоторые видеозаписи, но и тогда общего языка с ними найти не удалось. «Адзиномото» отказывалась признать вину высших руководителей компании, и даже Мимото.

К тому же адвокаты японцев намекнули, что прокурорам не стоит слишком усердствовать, потому что против агентов ФБР, которые вели «Битву за урожай», выдвинуто обвинение.

Два юриста АДМ уставились немигающим взглядом на

секретаршу. Они хотели ответов.

Лиз Тейлор нервно поежилась. С тех пор как руководство АДМ узнало о сотрудничестве с ФБР ее босса Марка Уайтекера, Лиз жилось нелегко. Некоторые сотрудники относились к ней с подозрением – и не без основания. Она уже два года знала об участии Уайтекера в расследовании и никому ничего не сказала. Он говорил, что, придя к власти, прекратит все злоупотребления в компании. Но Уайтекер уволился, а она осталась, и теперь на нее обрушилась охватившая компанию паранойя.

До сих пор Тейлор не задавали никаких вопросов. После увольнения Уайтекера двое юристов компании, Скотт Робертс и Дэвид Смит, явились в его кабинет и долго рылись в письменном столе и шкафах. Лиз молча наблюдала, гадая, что они ищут.

Похоже, они что-то нашли. У Уайтекера имелась голосовая почта, которую обслуживала сторонняя частная фирма. Юристы считали, что Лиз может знать код доступа к почте. Теперь они ждали ответа.

– Лиз, – увещевал ее Робертс, – вы служите в АДМ и обязаны отвечать на наши вопросы. Код нужен нам.

Тейлор помотала головой.

– Мне кажется, что я не вправе сообщать его вам. Это его личная почта, она не имеет отношения к АДМ.

– Лиз, у вас нет выбора. Вы обязаны сказать.

Они повторяли это снова и снова. Лиз не знала, как она *должна* поступить, и делала то, что подсказывала ей совесть, – отказывалась сообщить код. Раздосадованные юристы велели ей еще раз подумать во время обеденного перерыва. Она вышла из здания, раздираемая противоречивыми чувствами, и решила посоветоваться с Джимом Эпстайном. Эпстайн связался с Уайтекером, который сразу позвонил Лиз. На голосовой почте хранятся его личные сообщения, сказал он, и попросил ее не раскрывать код.

Лиз вернулась, приняв окончательное решение. Она не передумала и не раскроет код, сказала Лиз юристам.

Часа через два ей позвонил Брайан Петерсон, сменивший Уайтекера на посту начальника подразделения биопродуктов.

– Лиз, – сказал он, – боюсь, вам придется покинуть наш отдел. Мы переводим вас на секретарскую работу на заводе.

– Но почему? – потрясенно спросила Тейлор.

– Таково решение руководства, – ответил Петерсон. – В главном офисе у вас есть доступ к секретным документам, а АДМ вам больше не доверяет.{328}

В скромном офисном здании в центре Чикаго перед дверью с

табличкой-номером 1603 стояли несколько сотрудников органов правопорядка. Нажав кнопку звонка, они ждали, почти физически ощущая, как их ощупывает невидимый глаз видеокамеры, спрятанной где-то под потолком. Они уже хотели позвонить еще раз, когда дверь открылась и их пригласили войти в одно из помещений чикагского ФБР.

Это было утром 5 сентября 1995 года, а действующими лицами были Спиринг, Маккей и Никсон из отдела по борьбе с мошенничеством, а также Эд Хербст из ФБР. Их проводили в комнату для переговоров, где ждали Бассет, Д'Анжело и Дейв Гроссман, руководивший делом Уайтекера.

Через несколько часов, после отсрочки почти в месяц, Уайтекер наконец снова встречался с прокурорами. Всеми владело напряжение, а Дейв Гроссман был донельзя раздражен: целая толпа – семь человек – собралась, чтобы допросить одного парня. Д'Анжело и Бассет, полагал Гроссман, опытные агенты, и подсказки юристов им не нужны. Он был уверен, что это сборище только помешает вызвать Уайтекера на откровенность – первый шаг к признанию своей вины. Гроссман загодя изложил свои соображения вашингтонским боссам, а теперь все они явились сюда, будто его мнение ничего не значит.

Гроссман оглядел собравшихся.

– Кто будет участвовать в допросе? – спросил он.

– Мы все, – ответила Спиринг.

– Чепуха. Вот два опытных агента. А вы здесь не нужны.

– Для нас это очень важно, – настаивала Спиринг.

– Кто ведет это расследование? – резко спросил Гроссман. – ФБР или нет?

– Это дело очень тонкое и многогранное, – медленно и отчетливо проговорила Спиринг. – Министерство юстиции будет помогать этому расследованию.

Атмосфера накалялась все больше. Гроссман требовал, чтобы агентам дали спокойно делать свое дело, Спиринг не менее горячо отстаивала право прокуроров присутствовать при допросе. Д'Анжело и Бассет не вмешивались, терпеливо ожидая, чем все разрешится.

– Послушайте, в конце концов, это наше расследование! – взорвалась Спиринг. – Не хотите работать с нами – прекрасно! Мы найдем других агентов.

– Вот и ищите! – рявкнул Гроссман, поднялся и вышел.

Д'Анжело и Бассет остались сидеть, потерянно глядя на юристов.

– Послушайте, – мягко произнес Д'Анжело, – я все равно хочу работать над этим делом. Парни, это дело просто супер.

Хербст кивнул и пошел искать руководителя офиса ФБР. Вскоре он вернулся с распоряжением: дело очень важное, и коней на переправе менять не станут. Вести расследование по-прежнему будут Д'Анжело и Бассет.

Но Дейва Гроссмана отстранили от руководства делом. Курировать расследование поручили старшему специальному агенту Роберту Гранту.

Стоял прекрасный сентябрьский день. Небо было ясным, дул прохладный ветерок. По мосту через реку Чикаго шла группа юристов и агентов ФБР, направляясь в офис Эпстайна на Южном берегу. Д'Анжело и Бассет обсуждали предстоящий допрос Уайтекера и предложили прокурорам задать столько вопросов, сколько те пожелают.{329}

Наконец все собрались и расселись за круглым столом.

– Итак, – произнесла Спиринг, – начинаем вторую беседу с Марком Уайтекером. Допрос будут вести агенты Д'Анжело и Бассет, вы уже встречались с ними, – обратилась она к Уайтекеру, пронизав его свирепым взглядом, говорящим, что вранье на этот раз не пройдет.

Первым высказался Эпстайн:

– Мой клиент преисполнен намерения сотрудничать и готов ответить на все вопросы, какие у вас возникнут.

Затем слово взял Д'Анжело. Он обратился к Уайтекеру, желая подчеркнуть всю важность правдивых показаний:

– Это ваш шанс выложить все начистоту и хотя бы отчасти восстановить свою репутацию. Расскажите все, буквально все, что вы делали, – даже если это не делает вам чести. Будет лучше, если мы услышим это от вас, а не от АДМ или других источников, потому что, сказав нам правду, вы поможете самому себе.

– Это я понимаю, – кивнул Уайтекер. – И хочу сказать, что раскаиваюсь и чувствую себя отвратительно из-за того, что подвел Брайана Шепарда и Боба Херндона. Я постараюсь исправить это. – Оглядев собравшихся, он продолжил: – В прошлый раз, когда мы встречались, я переживал сильный стресс и поэтому сказал вам не всю правду. Теперь я собираюсь восстановить истину.

Начало было многообещающим. Уайтекер признался, что часть рассказанного раньше была выдумкой и что он скрыл и некоторые противозаконные сделки, и имена своих соучастников.

Итак, все началось в 1992 году с компании «Евротекнолоджиз», сделку с которой Уайтекер провернул вместе со своим другом Сидом Халсом. В прошлый раз он сказал, что

Халс работал в этой компании и устроил Уайтекеру откат в двести тысяч долларов за контракт с АДМ. На самом деле все было не совсем так. Халс был *владельцем* «Евротехнолоджиз» и заработал на этой сделке четыреста шестьдесят шесть тысяч. А долю Уайтекера он перевел на его счет в банк на Каймановых островах.

– Когда вы открыли этот счет? – спросил Д'Анжело.

– Осенью девяносто первого года. Я выбрал Каймановы острова, потому что многие сотрудники АДМ хранят там деньги, в том числе Мик и Дуэйн Андреасы. Я знаю это точно.

Уайтекер добавил, что сделал это, когда проводил на островах свой отпуск. Он намеревался переводить туда деньги, которые выручит от мошеннических операций.

– Почему Халс получил бóльшую часть вырученных денег?

– Потому что руководство АДМ хотело, чтобы он работал у них, и это было поощрительное вознаграждение.

Все это не он сам придумал, оправдывался Уайтекер. Это обычная практика в АДМ – поощрять служащих, выплачивая им «левые» деньги.

– Мик знал об этом откате с участием «Евротехнолоджиз», – сказал Уайтекер. – Я несколько раз говорил с ним об этом во второй половине девяносто первого года. Он нисколько не возражал. И даже сказал, что я очень часто смогу зарабатывать таким образом на контрактах с европейскими и азиатскими компаниями – процентов десять, а то и двадцать пять с каждого контракта.

– Мик Андреас помогал вам открыть счет на Каймановых островах?

– Нет, я сделал это сам. Но Мик посоветовал мне, в какой банк обратиться. Позже я открыл еще один счет в Объединенном швейцарском банке – тоже по наводке Мика. Я мог класть на этот счет деньги, не уплачивая налогов. Все в АДМ так делают.

– Хорошо, – произнес Д'Анжело, просматривая свои записи. – Еще какие-нибудь сделки с Сидом Халсом были?

– Ну да… я же еще в прошлый раз говорил.

И Уайтекер повторил историю о фиктивном займе: чтобы легализовать полученный откат, он оформил заем у Халса на сумму в сто тысяч долларов. Так он мог хранить деньги на счете в местном банке, не декларируя их как доход.

– Еще что-нибудь?

Уайтекер кивнул. Раньше он не рассказывал еще об одном мошенничестве, связанном с компанией «Дальневосточные специалисты», если он не путает название. В марте 1992 года он представил АДМ от имени этой компании фиктивный инвойс.[67]

– На какую сумму? – спросил Д'Анжело.

– На миллион двести тысяч.

– Вы взяли все эти деньги себе?

– Нет, триста тысяч взял себе один мой знакомый, Рон Феррари.

Феррари был профессиональным футболистом и некогда играл в команде «Сан-Франциссские золотоискатели». Именно он открыл счет «Дальневосточных специалистов» в одном из банков Гонконга, сказал Уайтекер.

– Как вы познакомились с Феррари?

– Раньше он работал в АДМ, – ответил Уайтекер. – Но эту операцию с «Дальневосточными специалистами» мы провели после того, как он уволился.

Уайтекер добавил, что Феррари ловко организовывал откаты и знал многих сотрудников АДМ, которые добывали деньги таким способом.

Д'Анжело вернулся к «Дальневосточным специалистам». Уайтекер объяснил, что, как только деньги поступили на счет Феррари в Гонконге, их сразу перевели на Кайманы.

– Об этой операции вы сообщили Мику Андреасу?

– Об операции сообщил, но сказал, что получил только пятьсот тысяч.

– Почему вы занизили сумму?

– Он бы решил, что миллион двести тысяч – это чересчур, – пожал плечами Уайтекер.

– Кому еще было известно об этой сделке?

– Я знаю только про Феррари и Мика Андреаса, ну и себя. – Уайтекер снова оглядел сидевших за столом. – Но похоже, что знали и другие. Как вы считаете, отчего они раскрыли ее так быстро?

За несколько дней до того, как против него было выдвинуто первое обвинение, сказал Уайтекер, его предупредили обо всем этом.

– Мне позвонил один из служащих АДМ, Лу Рочелли. Он сообщил, что Рэнделл велел всем проверять инвойсы по откатам. Они точно знали, где искать. Рэнделл сказал: «Мы пришьем Уайтекеру мошенничество». Он сказал это еще до того, как начали проверять документацию.

Агенты насторожились. Им и прежде казалось подозрительным, что документы, уличающие Уайтекера, нашлись так быстро. А теперь он называет потенциального свидетеля, который может подтвердить, что происходило в АДМ. Если Рочелли подтвердит рассказ Уайтекера о Рэнделле, дело АДМ может принять новый оборот.

– Рэнделл знал об этих двух откатах с самого начала?

– Я не в курсе, – ответил Уайтекер.

Д'Анжело сменил тему и спросил Уайтекера о его сотрудничестве с ФБР. Оно началось осенью 1992 года, сказал Уайтекер, через несколько месяцев после операции с «Дальневосточными специалистами».

– Вы признавались агентам в совершенных вами незаконных действиях? – спросил Д'Анжело.

– Нет. Я не думал, что АДМ раскроет их и обвинит меня. Ведь это же во вред им самим. Они одобряли эти сделки, и многие занимались тем же самым. Мне и в голову не приходило, что они решатся вынести все это на публику.

Начав работать на ФБР, сказал Уайтекер, он воздерживался от мошенничества до мая 1994 года. В мае он с помощью швейцарца Бита Швейцера провел сделку на два с половиной миллиона с компанией «Эй-би-пи». Прежде Уайтекер говорил, что Швейцер ничего не знал о мошенничестве, но прокуроры подозревали, что этот человек занимается отмыванием денег.

– Швейцер открыл счет «Эй-би-пи» в Объединенном швейцарском банке, – добавил Уайтекер. – Мы с самого начала планировали использовать «Эй-би-пи» в двух операциях.

– Так Швейцер знал, что деньги добыты незаконным путем?

– Да, я сказал ему.

Эд Хербст только покачал головой. Он помнил, что в прошлый раз Уайтекер уверял их в невиновности Швейцера.

– Как вы познакомились с ним? – спросил Д'Анжело.

– Он известный эксперт по банковским операциям. Я слышал о нем, еще когда работал в «Дегассе», в Германии.

– Кто-нибудь еще из служащих АДМ прибегал к услугам Швейцера?

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами Уайтекер.

– А вы прибегали к его услугам, когда работали в «Дегассе»?

– Абсолютно нет. Я тогда ничем таким не занимался. Это в АДМ меня всему научили.

Вторая операция с участием «Эй-би-пи» была проведена в начале 1995 года.

– Примерно в феврале Брайан Шепард сказал, что моя работа на ФБР скоро закончится. Ну я и решил провернуть это еще разок.

Это мошенничество было самым крупным, сказал Уайтекер, – на три миллиона семьсот пятьдесят тысяч долларов. Деньги он разместил в банках Швейцарии, Гонконга и Каймановых островов. Переводил их все тот же Бит Швейцер.

– Сколько вы ему заплатили? – спросил Д'Анжело.

– Не помню точно. Кажется, семьсот пятьдесят тысяч. Надо

проверить, у меня записано.

Д'Анжело перелистал свой блокнот.

– Что еще?

– Что касается *меня,* то все.

– Итак, Марк, о какой итоговой сумме идет речь? – спросил Д'Анжело. – Сколько всего денег вы добыли незаконным путем?

Уайтекер поднял глаза к потолку, словно производил вычисления.

– Примерно семь миллионов семьсот тысяч, – ответил он наконец.

Д'Анжело записал сумму.

– Отчего вы пошли на это?

– Я хотел обеспечить свое будущее. Я не думал, что АДМ разоблачит меня.

– Почему?

– Потому что все это часть их корпоративной культуры. Я думал: если вы, ребята, меня выдадите, я тоже молчать не буду. Я и не думал, что они пойдут на такой риск.

– Мик Андреас знал обо всех ваших сделках?

Уайтекер задумался.

– Только о первых двух. Он с самого начала сказал мне, что нет необходимости докладывать о них всякий раз.

– Таким образом, вы утверждаете, что он одобрял их?

– Да, конечно. Абсолютно. Из всего, что он говорил, было ясно, что он не осуждает меня.

Д'Анжело пристально посмотрел на Уайтекера.

– И он одобрил бы суммы этих откатов?

– Нет, наверное. Он, наверное, думал, что хватит и пятисот тысяч на каждого. – Уайтекер поморгал и пожал плечами. – Он, наверное, решил бы, что это чересчур и что меня жадность одолела.

Были и операции помельче, продолжал Уайтекер, – иногда он их проворачивал вместе с Марти Оллисоном, сотрудником АДМ, о котором он говорил в прошлый раз. Он выручил на них больше, чем говорил раньше, то есть больше сорока тысяч долларов. Один раз это был откат всего на десять тысяч за договор на поставку компьютеров на сумму в двадцать тысяч.

– Тогда мы не переводили деньги через банк, – сказал Уайтекер. – Мы встретились с Оллисоном в «Синей мельнице» – это ресторан в Декейтере, – и он передал мне конверт со стодолларовыми купюрами.

– За что он отдал вам эту сумму?

– Я его начальник, а деньги он дал на всякий случай, просто

чтобы я молчал, если начнут задавать вопросы.

– Какие еще сделки были у вас с Оллисоном?

– Был случай, когда Оллисон открыл счет на компанию «Нордкрон хеми».

– Где открыл?

Кажется, в Гамбурге, в Германии, ответил Уайтекер. На этот счет перевели двести двадцать тысяч долларов, а из них сто десять тысяч ушло на счет Уайтекера в корпорации «Швейцарский банк».

– Вам нужно знать еще об одном деле. Я провернул его не то в тысяча девятьсот девяносто первом, не то в тысяча девятьсот девяносто втором году с Рейнхартом Рихтером. Рэнделл хотел переманить Рихтера из «Дегассы» и поставить его во главе мексиканского отделения АДМ. Ну и он решил заплатить Рихтеру сто девяносто или двести тысяч долларов по фальшивому инвойсу. Они для этого даже создали какую-то фиктивную мексиканскую компанию. Не помню точно, как она называлась, – «Амино…», а дальше не помню.

– А к чему такие сложности? – спросил Д'Анжело.

– Так уж у них делается, я же говорил. Сотруднику приплачивают, а акционеры-то и не знают.

В АДМ все только и говорят о денежных схемах, сказал Уайтекер. А Говарда Баффета это тревожило. Когда один сотрудник рано ушел в отставку, Мик Андреас ворчал, что АДМ теряет слишком много «левых» денег. Друг Мика Том Франкл тоже крал.{330} Сам Мик создал компанию, она называется вроде как «Амилан», чтобы прогонять через нее откаты и фиктивные контракты.

Уайтекер замолчал. Он сказал все.

– Ну что ж, Марк, спасибо за помощь, – сказал Д'Анжело. – А теперь подумайте. Известно ли вам о другой незаконной деятельности?

Уайтекер энергично закивал. Да этого полным-полно, сказал он. Компания крадет чужие микробы, переманивая сотрудников из фирм-конкурентов. Им платят за то, что они приносят с собой краденых «букашек». АДМ даже нанимала проституток в Эддивилле, штат Айова, чтобы те искали служащих местного завода, которые смогут украсть микробные культуры.

Кроме того, АДМ давала взятки американским и зарубежным политикам. Сотрудники употребляли кокаин и использовали корпоративные самолеты в личных целях. В корма для животных добавлялись негодные отходы генетически модифицированных продуктов. Записывалось все, что говорили конкуренты и

клиенты, которые останавливались в номере, снятом компанией в «Декейтер Клаб».

– Спросите Лиз Тейлор или Сью Лайнз, – сказал Уайтекер. – Они знают об этом все. Именно они распечатывают эти записи.

На этом вопросы у Д'Анжело закончились. Настала очередь Бассета. Его интересовали банковские счета Уайтекера. Тот назвал ему около десятка счетов в местных и заграничных банках. Затем Бассет спросил, делал ли Уайтекер в последнее время покупки, оплаченные из незаконно полученных денег.

– Я собирался купить дом в Теннесси у некоего Пола Майера, – ответил Уайтекер, – за девятьсот тысяч долларов.

Бит Швейцер должен был перевести деньги на счет, открытый нью-йоркским адвокатом Джозефом Каяццо, сказал Уайтекер. Все выглядело бы так, будто Уайтекер берет заем у офшорной компании. Так делается, чтобы избежать уплаты налогов.{331}

Д'Анжело удовлетворенно кивнул. Теперь понятно, почему имя кредитора было окружено тайной.

Вскоре беседа закончилась. Уайтекер сказал, что с удовольствием встретится с юристами еще раз. Все встали.

– Большое спасибо, Марк, что уделили нам время, – поблагодарил его Д'Анжело.

Д'Анжело и Бассет вышли на набережную. Настроение у них было отличное. На встречу они прибыли, не имея на руках почти ничего, а Уайтекер дал им много ниточек, за которые можно потянуть.

В целом Уайтекер произвел на них благоприятное впечатление. Язык у него подвешен хорошо, и он общителен и вел себя открыто и откровенно. Правда, агенты подозревали, что он сказал не все.

Юристы восприняли беседу со скепсисом. Спиринг особенно раздражала сдержанная манера ведения допроса.

– Вы, парни, справились неплохо, – заметила она. – Но больно уж вы с ним нянчитесь.

– Зачем давить, если он говорит правду? – пожал плечами Д'Анжело.

– Хм… – отозвалась Спиринг. – Вот в этом-то я и сомневаюсь.

Шедший рядом с ней Маккей согласно кивнул.

– Эти разговоры про санкционированный увод денег «налево», по-моему, полная туфта. – И, рассмеявшись, добавил: – Но если он говорит правду, то кончится тем, что компанией АДМ завладеет правительство.

Глава 16

Человек, сошедший с самолета вместе с другими пассажирами, был невзрачен: коротышка среднего сложения с темными, коротко подстриженными волосами. Костюм его нуждался в глажке, а туфли, похоже, чистили шоколадкой «Хёрши». Он был похож на разъездного агента, прибывшего в город по торговым делам, и это его устраивало. Директор ФБР Луис Фри не любил показного блеска.

С ним был сорокасемилетний Джон Григлиоун – в прошлом полузащитник команды Айовы, а ныне шофер и телохранитель Фри. Их ожидали четверо в строгих костюмах. Среди них Фри узнал начальника спрингфилдского офиса Дона Стаки и направился к нему. Стаки протянул директору руку.

– Добро пожаловать в Сент-Луис, – произнес он. – Вы знакомы с моим помощником Джоном Хойтом?

– Ну как же, я помню Джона, – ответил Фри.

Стаки представил директору еще двоих – агента местной резидентуры ФБР и служащего полиции аэропорта. Поблагодарив полицейского за помощь, остальные вышли из здания к ожидавшим их автомобилям.

В то утро 7 сентября 1995 года Фри впервые после двухлетнего пребывания на своем посту ехал с инспекцией в Спрингфилд – ехал кружным путем через Сент-Луис, откуда до Спрингфилда еще полтора часа езды на автомобиле. Стаки спросил директора, не желает ли он, чтобы его машину вел Григлиоун, но Фри ответил, что доверяет Стаки и поедет с ним.

Стаки подошел к своему синему «меркюри» и открыл перед Фри правую переднюю дверцу. Хойт забрался на заднее сиденье, а Григлиоун присоединился к местному агенту, сидевшему за рулем второй машины. Оба автомобиля тронулись и влились в общий поток.

Выехав на шоссе, ведущее в Спрингфилд, Стаки попытался завязать разговор.

– Как долетели? – спросил он.

– Нормально.

Помолчав, Стаки заметил:

– Да-а, рановато вам пришлось сегодня встать.

– Угу.

Молчание.

– Вы возвращаетесь в Вашингтон сегодня же? – спросил Стаки.

– Угу.

Молчание.

– А как семья и дети?

– Нормально.

Атмосфера становилась напряженно-угрожающей. Чтобы развеять ее, Стаки принялся рассказывать о своей команде. Время от времени он делал паузы, надеясь, что Фри задаст вопрос. Но тот молчал, и Стаки приходилось продолжать монолог – или умолкать минут на пять или десять.

Хойт на заднем сиденье тоже испытывал неловкость, но не удивлялся. От коллег из других отделений он знал, что Фри во время инспекторских визитов избегает панибратских отношений с SAC и ASAC, пока не встретится с их подчиненными. Говорили, что только после этого он начинает беседовать и с руководителями – если решит, что их можно оставить на их постах.

Хойт откинулся на сиденье, чувствуя, что из всех его поездок в Сент-Луис эта будет самой долгой.

Несколько часов спустя, сидя за большим столом для совещаний в спрингфилдском офисе ФБР, Фри разглядывал лица десятка собравшихся агентов. Перед ним лежала пачка листов с заметками.

– Я рад, что добрался наконец в ваши края, – сказал Фри. – Я читал ваши отчеты, и вы, ребята, работаете здорово.

Он заглянул в заметки.

– Вот, например, Скотт Истон. Мне известно о вашем участии в расследовании «Ученик гангстера». Хотите что-нибудь добавить?

Разговор шел уже минут двадцать. Директор произвел на агентов хорошее впечатление. Он говорил об их службе со знанием дела, знал, что происходит на местах и искренне интересовался их работой.

Фри взглянул на Шепарда и Херндона, сидевших на другом конце стола.

– Я знаю, что Боб и Брайан занимаются делом АДМ, и, как стало ясно в июне, они добились успеха. Но, как я понимаю, возникли сложности со свидетелем обвинения. Не хотите поделиться соображениями?

Первым взял слово Херндон. Он спросил, нельзя ли сделать так, чтобы с агентами консультировались, прежде чем принимать важные решения. А то, например, Министерство юстиции разбило расследование на части, не посоветовавшись с ними, и передало их офисам Сан-Франциско и Атланты.

Фри, казалось, был удивлен.

– Согласен. Принимая решения, следует консультироваться с местным ФБР.

Херндон и Шепард продолжили, упомянув и то, что им запретили встречаться с Уайтекером. Некоторые из сделанных свидетелем аудиозаписей не слишком хороши, и никто лучше него не разберет, о чем в них говорится. Но они не могут просить свидетеля даже об этом.

– Понимаю ваши затруднения, – кивнул Фри. – Но в данной ситуации, пока Уайтекер не заявил официально о своей виновности или невиновности, вам все-таки лучше не видеться с ним.

Еще несколько реплик, и разговор о «Битве за урожай» был окончен. Фри перешел к следующему делу.

В середине дня Фри возвращался в Сент-Луис в сопровождении Стаки и Хойта. Агентам казалось, что в машине совсем не тот человек, которого они везли утром.

– Да, парни, вы действительно делаете большую и интересную работу, – гудел Фри. – И в этом расследовании с АДМ вам не помешало бы пополнение. Дело-то крупное.

Стаки и Хойт не знали, что наговорили директору агенты отделения, но ясно, что они оба выдержали испытание.

– Какая вам нужна помощь, чтобы продвинуть это дело? – спросил Фри.

Упускать момент было нельзя. Они поспешили изложить проблемы, возникшие в ходе «Битвы за урожай».

– Это неблагодарная работа, – сказал Стаки. – Боб и Брайан из кожи вон лезли и добились впечатляющих результатов, а кончилось тем, что Министерство юстиции чуть ли не возбуждает против нас дело.

И агенты рассказали Фри о безосновательных обвинениях, выдвинутых против Шепарда и Херндона, и о «китайской стене», возведенной между делами, которыми занимаются два разных отдела министерства. Может, и есть резон не допускать агентов к Уайтекеру, но незачем обращаться с ними как с подозреваемыми. Те, кто ведет параллельные расследования, должны обмениваться информацией, а не утаивать ее друг от друга. Вашингтонские бюрократы тормозят оба расследования, а преступники от этого только выигрывают.

– Министерство не интересуется расследованием противозаконной деятельности АДМ, оно сосредоточилось на мошенничествах Уайтекера и воображаемом пособничестве наших агентов, – сказал Хойт. – Эти китобои ловят мелкую рыбешку, а тем временем Моби Дик уплывает все дальше и

дальше.

– Да, эту проблему надо решить, – кивнул Фри.

Разговор шел, пока Стаки не затормозил перед аэропортом. Агенты проводили директора в здание, где к ним присоединился Григлиоун. Объявили посадку. Фри поблагодарил агентов и простился с ними.

Глядя ему вслед, Хойт и Стаки ощутили, что у них вырастают крылья. Фри не только понял их, но и, судя по всему, был твердо намерен устранить препятствия к завершению «Битвы за урожай».

Может, это безумие скоро закончится.

В воскресенье утром Рейнхарт Рихтер был у себя дома в пригороде Мехико. Он хотел послать по голосовой почте сообщение двум коллегам из АДМ.{332}

Глава мексиканского отделения компании был в панике. Ему позвонили из «Уильямс и Конноли» и велели в среду 13 сентября прибыть в Вашингтон для участия в совещании. Каким-то образом они откопали документы, где упоминалось крупное денежное поощрение, которое он получил при поступлении на службу в АДМ. Что за кошмар. Как только в газетах заговорили об Уайтекере, Рихтер понял, что отвечать придется и ему и что это лишь вопрос времени.

Набрав номер голосовой почты, Рихтер нажал кнопку, чтобы отправить конфиденциальное сообщение. До него дошли слухи, что его приятели из подразделения биопродуктов Сид Халс и Марти Оллисон попали в ту же ситуацию. Рихтер хотел поговорить с ними и, может, обсудить будущие показания. В 9.01 прозвучало «биип» и запись началась.

– Это конфиденциальное сообщение Сиду и Марти, – произнес Рихтер. – Надеюсь, друзья, вы хорошо провели выходные. – Он помолчал. – Послушайте, у меня проблема. Когда я стал сотрудником АДМ – не оптовиком, а сотрудником, – я получил начальное пособие и… еще кое-какие деньги. Из-за них-то и осложнения. – Он вздохнул. – Деньги были получены по двум разным инвойсам.

Эти инвойсы были выписаны за услуги, которые никто никому не оказывал.

– Это была не моя идея, а АДМ… Ну, точнее, Марк сказал, чтобы я так сделал, но тогда Марк и АДМ для меня были одно и то же. Не знаю, делалось это с ведома компании или нет – он велел мне сделать, я и сделал. Так что я получил по этим двум инвойсам и, э-э-э, хотел бы слышать ваше мнение насчет этого.

Рихтер добавил, что с ним связались адвокаты фирмы «Уильямс и Конноли» и он боится, что его хотят расспросить об

этих инвойсах.

– Это черт знает что, мужики. Дурацкая история. Ну ладно. Надеюсь, что вы спите спокойно и, э-э-э, позвоните мне, пожалуйста. Пока.

На следующее утро Сид Халс в Атланте проверил свою голосовую почту. Нажав на клавиатуре «тройку», он прослушал воскресное сообщение Рихтера. Сердце забилось, как в ловушке: по сути, это было не сообщение, а *признание*. В конце сообщения система давала указание, как его удалить. Прежде чем стирать послание, Халс решил позвонить своему адвокату Шелдону Зеннеру. На днях ФБР объявило, что хочет на этой неделе поговорить с Халсом. Возможно, им будет любопытно прослушать это сообщение его друга.{333}

Беседа с Халсом состоялась два дня спустя в Вашингтоне, в тесной комнате для переговоров.{334} У Бассета была на это время назначена другая встреча, поэтому вместе с Д'Анжело на Четырнадцатую улицу в отдел по борьбе с мошенничеством пришел Роб Грант, новый руководитель расследования дела Уайтекера. Они явились на час раньше, чтобы обсудить дело с прокурорами отдела по борьбе с мошенничествами Доном Маккеем и Джимом Никсоном.

Все были в сборе, когда в дверь протиснулась массивная фигура Сида Халса в сопровождении двух адвокатов, Шелдона Зеннера и Шона Берковица. Халс нервничал, а Зеннер обменялся с присутствующими шутками и новостями о громких чикагских процессах. Наконец он откинулся в кресле и произнес:

– Ладно, я просто хотел повидаться с вами, парни. В беседе я не участвую. Думаю, вы хотите послушать Сида.

И назвал условия. Халс даст правдивые показания лишь в том случае, если они не будут использованы против него в суде. Все согласились.

Д'Анжело попросил Халса рассказать, где он работал. Халс ответил, что в 1982 году он поступил в компанию «Дегасса» агентом по продаже метионина. Вскоре он познакомился с энергичным молодым специалистом по кормам из компании «Ролстон пурина». Звали его Марк Уайтекер. Его познания и способности произвели впечатление на Халса, и он посоветовал «Дегассе» принять Уайтекера в штат. Во время совместной работы в «Дегассе» Халс и Уайтекер подружились. И в 1989 году, когда Уайтекер перешел в АДМ, он переманил туда и Халса.

– Марк ушел из «Дегассы» со скандалом, и ему запретили нанимать на работу сотрудников этой компании. Чтобы обойти

это препятствие, он велел мне создать собственную фирму, с тем что он будет платить мне как независимому подрядчику.

Так Халс стал дистрибьютором лизина в АДМ, помогая компании занять прочное положение на рынке и зарабатывая на этом тринадцать с половиной тысяч долларов в месяц.

– Вы платили клиентам откаты за получение заказов на лизин? – спросил Д'Анжело.

– Нет, никогда. Все операции с лизином были абсолютно законны.

Со временем, сказал Халс, АДМ стала давать ему поручения, выходящие за рамки его прямых обязанностей. Так, например, когда АДМ хотела приобрести одно из отделений своего конкурента, она попросила Халса изучить состояние их производства и дать рекомендации относительно покупки.

Д'Анжело постарался скрыть недоверие. Вокруг АДМ полно инвестиционных банкиров, а компания обращается за анализом деятельности компании к дистрибьютору лизина? «Не рассказывай сказки», – подумал он.

– Где-то в середине девяносто первого года Марк сказал, что АДМ собирается выплатить мне дополнительное вознаграждение за эту работу, – продолжал Халс. – Но это нельзя сделать по обычным каналам. Марку тоже должны были заплатить. Каждому из нас обещали по сто тысяч долларов, а мне еще сто тысяч на уплату налогов за нас обоих.

Бессмыслица какая-то.

– Почему Марку выплачивали деньги через вас?

Халс поднял руки.

– Не имею понятия. Так уж решили.

Для этого, сказал Халс, он зарегистрировал фиктивную компанию, назвав ее «Джей-ти технолоджиз». Никакой деятельности эта компания не вела. Затем по совету Уайтекера он от имени другой фиктивной компании выписал на АДМ инвойс на триста тысяч долларов. Эти деньги поступили в «Джей-ти технолоджиз», то есть им с Уайтекером.

– А зачем было выдумывать фиктивную компанию для выписки инвойса? – спросил Д'Анжело.

– Чтобы скрыть сделку от других сотрудников АДМ, включая тех, которые работали в отделе Уайтекера. Он не хотел, чтобы об этом узнали. – Оглядев недоуменные лица слушателей, Халс стал оправдываться. – Он сказал, что в АДМ всегда так делают, многие сотрудники получают такие бонусы за особые заслуги.

– Но почему они выплачиваются таким образом?

– Ну, понимаете, официально АДМ не выплачивает бонусов, кроме опционов, и Уайтекер не хотел, чтобы эта операция

привлекла внимание совета директоров.

Д'Анжело просмотрел свои записи. Из всех сотрудников АДМ в показаниях Халса пока фигурировал только Уайтекер.

– Значит, никто из сотрудников Уайтекера не знал об этой операции?

– Ну… у меня сложилось впечатление, что руководство АДМ было в курсе.

– Кто именно?

– Уайтекер не называл имен, – пожал плечами Халс.

– За какую работу был выписан этот инвойс?

– За консультирование.

– В нем указывался предмет консультации?

Подумав, Халс ответил:

– Марк сказал только, чтобы в документах не упоминался метионин.

После оформления инвойса, продолжил Халс, на его счет в банке Атланты перевели триста тысяч долларов. Чтобы получить свои сто тысяч, Уайтекер велел Халсу подготовить документы так, чтобы выплата выглядела как заем. Так он на всякий случай оформил прикрытие для источника денег.

– А вы что думали об этом? – спросил Д'Анжело.

– Ну, мне это не понравилось. Я считал, что триста тысяч мы заработали законно, а этот фиктивный заем выглядел подозрительно. Но Марк настаивал, потому что не хотел, чтобы его имя было связано с этим бонусом.

Д'Анжело решил задать главный вопрос в лоб.

– Вы не думали, что Марк таким образом просто крадет деньги у АДМ?

Халс посмотрел на него невинными глазами.

– Да мне это и в голову не приходило, – ответил он.

Д'Анжело снова просмотрел свои записи и понял, что не задал еще один важный вопрос относительно перевода денег этой «Джей-ти текнолоджиз».

– Как вы распорядились доставшимися вам деньгами?

Халс вспыхнул и глянул на Зеннера. Тот сразу вступил в разговор.

– Прежде чем Сид ответит, я задам вопрос. Вам, конечно, известно о мошеннических схемах с нигерийскими письмами? – спросил он.{335}

Присутствующие понимали, о чем он говорит. «Нигерийские письма», известные также под названием «нигерийский спам», в уголовном кодексе Нигерии именуемые «мошенничеством 419», были одним из самых крупных обманов, с каким Интерполу

приходилось бороться в последние годы. Ежегодно мошенники из Нигерии рассылали людям, чьи имена мелькали в профессиональных журналах и справочниках, тысячи писем. Авторы писем называли себя чиновниками, которым удалось перехитрить захвативших власть и разбогатевших на нефти генералов и отнять у них десятки миллионов долларов посредством составления дутых контрактов с иностранными компаниями. Они просили предпринимателей присылать им фирменные бланки, счета и прочие документы, которые подтверждали бы действительность этих контрактов. Вдобавок нигерийцы просили открыть им банковский счет в какой-нибудь офшорной зоне, куда они могли бы переводить деньги. Как только эти документы будут получены, писали они, на этот счет поступит ни много ни мало шестьдесят миллионов долларов, из которых предпринимателю причитается тридцать процентов незаконных комиссионных.

Стоило человеку выслать счета и бланки, их использовали для рассылки предложений другим жертвам, а сам он попадался мошенникам на крючок. Ему обещали, что деньги вот-вот поступят, вот только надо обойти еще одно препятствие – выдать зарплату служащим, заплатить налоги, подкупить чиновников. Без этого, уверяли нигерийцы, высвободить эти миллионы невозможно. Чтобы ускорить процесс, они умоляли жертву перевести им определенную сумму, все время соблазняя его перспективой получения легких миллионов. Если жертва посылала указанную сумму, возникали новые препятствия, которые следовало устранять путем новых вливаний. Так шло до тех пор, пока человека не обирали до нитки или пока до него не доходило, что это мошенничество в чистом виде. По большей части жертвы мошенничества не жаловались – либо из стыда, либо по нежеланию признаваться в участии в противозаконных сделках.

Но было непонятно, при чем тут Халс.

– При этом невольно задаешь себе вопрос, что за простаки попадаются на эту удочку, не правда ли? – спросил Зеннер.

– Естественно, – с любопытством отозвался Д'Анжело.

Зеннер расплылся в улыбке и указал широким жестом на Халса.

– Перед вами один из них, мой клиент.

Все расхохотались. Так вот на что пошли деньги!

– Увы, это так, как ни стыдно в этом признаваться, – сказал Халс.

Он объяснил, что в 1991 году пустился в эту авантюру вместе с Уайтекером. В то время АДМ постоянно бомбили факсами из

Нигерии. Из описания Халса следовало, что это был типичный «нигерийский спам».

– Марк сказал, что некоторые его сотрудники участвовали в подобных сделках с нигерийцами и получили большую прибыль. Он загорелся этой идеей и уверял меня, что я ни за что не потеряю своих денег, он это гарантирует.

Халс в конце концов согласился и перевел сто двадцать тысяч долларов в один из нью-йоркских банков, указанный нигерийцами. Уайтекер послал такую же сумму, – а может, и больше.

Все это чрезвычайно заинтересовало Д'Анжело. Уайтекер ни разу не упоминал нигерийцев.

– А кто из сотрудников АДМ, по его словам, получил прибыль на этих операциях?

– Он говорил, что этим занимались Мик Андреас и еще несколько человек.

– Марк давал вам какие-либо указания, что именно надо делать?

– Нет, – покачал головой Халс. – Нигерийцы сами присылали подробные инструкции.

– Вы вообще видели документы, подтверждающие, что он переводил деньги в этот банк?

– Нет, – ответил Халс, – но я думаю, что он перевел больше меня.

Со временем, когда нигерийцы стали просить еще и еще денег, сказал Халс, у них с Уайтекером зародились подозрения. Наконец они поняли, что их обманули.

– Ну, помните, я говорил, Марк гарантировал, что я не потеряю денег. Так что я потребовал у него возместить ущерб.

– И что он ответил?

– Сказал, что придется оформить еще один бонус.

Возместить потерю денег удалось без труда. На этот раз, сказал Халс, он создал офшорную компанию под названием «Евротекнолоджиз» и со своего домашнего компьютера послал в АДМ фиктивные инвойсы на сумму более шестисот тысяч долларов. Чтобы избежать налогов, Уайтекер посоветовал ему перевести деньги в Швейцарию. Халс слетал в Европу и открыл счет компании «Евротекнолоджиз» в «Швейцарском банке».

– Кто-нибудь еще знал об этой транзакции?

– Нет, только Марк и я.

– Что было дальше с этими деньгами?

– Незадолго до этого мы с Марком побывали на Каймановых островах, и каждый из нас открыл там банковский счет. После

того как деньги поступили в «Швейцарский банк», Марк велел мне перевести их на Кайманы.

– Сколько получил каждый из вас?

– Я получил не то сто семьдесят, не то сто девяносто тысяч – это пошло на компенсацию нигерийских потерь и уплату налога, а остальное – тысяч четыреста – досталось Марку.

Д'Анжело задал еще несколько вопросов о счетах на Кайманах. Затем спросил:

– Что вы сделали с деньгами на этот раз?

Халс потупил глаза и усмехнулся.

– В девяносто втором году я вложил часть их в брокерскую фирму, которая только что стала публичной компанией и называлась что-то вроде «Американ нэшнл секьюритиз». Я купил акции на пятьдесят тысяч долларов, а Уайтекер на сто пятьдесят.

– И где теперь эти акции?

Халс ответил, что не знает. В сделке участвовал некий Джером Шнайдер, который должен был перевести акции в какую-то нью-йоркскую брокерскую фирму. Чем это все кончилось, Халсу неизвестно.{336}

– Вы были знакомы с этим Шнайдером?

– Нет, Уайтекер откопал его рекламное объявление в журнале какой-то авиакомпании – ну, знаете, журнал как у «Дельты». В объявлении говорилось, что Шнайдер консультирует открытие офшорных банковских счетов.

– Хорошо. Что случилось с остальными деньгами?

– В конце девяносто третьего года я перевел сто сорок одну тысячу со своего счета на Каймановых островах на счет Марка.

Д'Анжело недоуменно посмотрел на него.

– Вы отдали деньги Марку?

– Ну да, перевел на его счет, – кивнул Халс. – Он получал бóльшую прибыль, чем я, потому что у него был управляемый счет – ну, знаете, когда кто-то другой распоряжается им и делает инвестиции. Я не мог открыть такой счет, потому что для этого нужно больше денег, чем было у меня. Марк предложил мне положить деньги на его счет, чтобы я мог получить побольше, и пообещал перевести их обратно, когда я захочу.

– И много вы на этом выиграли?

Халс состроил гримасу.

– Да не слишком. В девяносто четвертом году Марк сказал, что наросло всего пять или шесть процентов.

Д'Анжело записал и это. Он заподозрил, что Уайтекер снимал сливки со счета своего друга, и спросил Халса, кто управлял его счетом.

– На Каймановых островах? Один парень по имени Бит

Швейцер.

Бит Швейцер? Слушатели были озадачены. Уайтекер говорил, что познакомился со Швейцером, работая в Германии. Что этот Швейцер делал на Кайманах?

– Швейцер потом уехал с Каймановых островов и завел собственное дело в Швейцарии, – пояснил Халс.

– И вы больше не общались с ним?

– Нет. Он вызывался вести мои дела, когда занялся частной практикой, но я не стал с ним связываться.

Д'Анжело показал Халсу документы, представленные «Уильямс и Конноли». Тот обнаружил среди них фальшивые инвойсы и собственные письма.

Просмотрев документы, Халс заявил, что рассказал обо всех операциях, которые проводил вместе с Уайтекером.

– Вы знаете других сотрудников АДМ, занимавшихся подобными операциями?

Халс встревоженно посмотрел на своего адвоката и кивнул.

– Рейнхарт Рихтер, – тихо произнес он.

– Откуда вам это известно?

Тут вмешался Зеннер и рассказал о сообщении, которое Рихтер оставил на голосовой почте.

– У вас сохранилась копия сообщения? – спросил Д'Анжело.

Зеннер потянулся к телефону.

– Давайте проверим его голосовую почту. Он все сохранил.

Раз сообщение Рихтера сохранилось, нужно его записать. Один из прокуроров вышел и вскоре вернулся с магнитофоном.

Халс уставился в стол, удрученно качая головой.

– Мне это не по душе, – сказал он Зеннеру. – Рейнхарт все-таки мой друг.

– У вас нет выбора, Сид, – ответил адвокат. – Эта запись нужна для дела.

Сетования Халса не тронули слушателей. Если бы Халс действительно не хотел подводить друга, он бы не стал упоминать этого сообщения. Халсу пришлось уступить. Они вызвали голосовую почту АДМ по громкой связи. Когда в помещении раздался голос Рихтера, глаза Халса наполнились слезами.

– Это ужасно, – пробормотал он, – просто ужасно.

Прослушав сообщение дважды, Д'Анжело спросил, известно ли Халсу о других нарушениях в АДМ. Халс пересказал ему то, что слышал от Уайтекера. Они часто беседовали, объяснил он.

– Я позвонил ему, когда прочитал в газете об этих двух с половиной миллионах, – сказал он. – Я боялся, что сюда

затесались и мои деньги.

– И что он сказал?

– Сказал, чтобы я не беспокоился, пусть беспокоится АДМ, – вздохнул Халс.

Минут через пятнадцать Халс и его адвокаты ушли. Прокуроры и агенты радостно зашумели.

Признание, записанное на пленку! Нечасто удается заполучить весомое вещественное доказательство, да еще так быстро. Рихтер хотел договориться с Халсом и Оллисоном о своих будущих показаниях и сам выкопал себе яму.

– Классно! – смеялся Маккей. Посмотрев на Д'Анжело и Никсона, он сказал: – Так, все успокоились. Теперь поговорим с мистером Рихтером.

Рейнхарт Рихтер мог стать ключом ко всему делу. Адвокаты «Уильямс и Конноли» были уверены в этом. Если добыть его показания, Марку Уайтекеру крышка.

К началу сентября защитникам, с помощью услуг популярного в коммерческих кругах детективного агентства «Кролл ассошиэйтс», удалось проследить путь денег, доставшихся Рихтеру, Халсу и Оллисону. Теперь на руках АДМ были все козыри. 13 сентября, на следующий день после допроса Халса, адвокаты предложили Рихтеру сделку.{337}

В обмен на показания против Уайтекера ему позволят работать на прежнем месте. Разумеется, придется вернуть компании сто восемьдесят тысяч девятьсот шестьдесят шесть долларов, полученных незаконно, – на условиях, приемлемых для обеих сторон. «Уильямс и Конноли» добьется от Министерства юстиции иммунитета.

О лучшем нельзя было и мечтать. Но Рихтер не радовался. Он сказал, что подумает.

С Халсом и Оллисоном обошлись суровее.

В то же утро оба получили извещение об увольнении и немедленно были выставлены с территории АДМ. Их коды доступа к голосовой почте компании были стерты. Доступа в АДМ они больше не получат.{338}

Росс Джонсон поднялся на трибуну в зале школы бизнеса Университета Эмори, чтобы ответить на вопросы студентов, преподавателей и выпускников. Он приехал, чтобы рассказать о своей прежней компании «Р. Дж. Р. Набиско» и о битве, в которой он ее потерял. Но аудиторию, похоже, больше интересовала его

деятельность в совете директоров АДМ. Один из присутствующих попросил его рассказать о том, что происходит в этой компании. {339}

Джонсон улыбнулся.

– Когда узнаёшь, что один из руководителей компании целых два с половиной года записывал все, что говорилось рядом, это неслабо бьет по мозгам. Просто диву даешься, как это ему удавалось.

Уайтекер был смелым бойскаутом и добровольно пришел в ФБР, чтобы поведать о фиксировании цен? Нелепая басня, сказал он.

– В ФБР тоже полно подонков, и по своему менталитету они недалеко ушли от преступников, – обронил Джонсон. – Накопали кучу компромата на Уайтекера и предложили ему иммунитет за сотрудничество. Вот он и подписал это славное долгосрочное соглашение. А когда все выплыло на свет, вскрылось и то, что у него самого рыльце в пушку. И тогда он попытался покончить с собой, причем в гараже на шесть автомобилей. Если вам захочется когда-нибудь сделать то же самое, то удобнее места не найти.

Аудитория рассмеялась.

В заключение Джонсон заметил, что еще неизвестно, как все обернется.

– Но сейчас мы чувствуем себя гораздо увереннее, чем когда на Декейтер обрушился десант из семидесяти фэбээровцев, – сказал он. – Они обожают демонстрировать силу. Наставят на тебя пушку и вынуждают сделать то, что им надо. А потом из-за этого страдают другие. Так что держите ушки на макушке. – Джонсон усмехнулся.

Говоря все это, он не обратил внимания на двоих, снимающих его на видеокамеру и записывающих каждое его слово. Вскоре текст его выступления появился в газетах и журналах. Теперь каждый мог прочесть, что, по мнению Росса Джонсона, крупнейшая правоохранительная организация Америки всего лишь шайка бандитов.

Дик Битти, ведущий юрист фирмы «Симпсон, Тэтчер и Бартлетт», задумчиво слушал Обри Дэниела. Адвокатов «Уильямс и Конноли» осенило: за действия Уайтекера в ответе органы правопорядка, говорил Дэниел. Уайтекер крал деньги, а по соглашению с ФБР не мог сообщать о своих правонарушениях. В результате АДМ потерпела ущерб. Ясно, что АДМ предъявит иск Министерству юстиции.

На этом Обри Дэниел закончил свое выступление. Голубые

глаза Битти сверкнули, он широко улыбнулся. А затем громко расхохотался.

Войдя в китайский ресторан в центре Итаки, штат Нью-Йорк, Уайтекер огляделся и сказал своим спутникам, что хочет сесть лицом ко входу. Из-за того что вытворяет АДМ, он должен быть готов ко всему.

Его спутники – доктор Колин Кэмпбелл и его сын Нельсон – кивнули с пониманием. Доктор Кэмпбелл был профессором Корнеллского университета и десять с лишним лет назад, когда Уайтекер защищал докторскую диссертацию, входил в состав ученого совета.

Их совместный обед состоялся, можно сказать, по счастливому стечению обстоятельств. Несколько недель назад доктор Кэмпбелл повидался с Шарон Уолш из «Вашингтон пост», которая готовила статью о прошлом Уайтекера. Ее вопросы пробудили в профессоре любопытство, и он решил повидаться со своим бывшим учеником.

За обедом доктору Кэмпбеллу пришла в голову мысль. Они с сыном открыли небольшое научно-исследовательское предприятие по разработке системы, которая позволяла бы выявить в крови человека признаки зарождающейся болезни. Но в бизнесе они совершенно не разбирались. А бывший сотрудник АДМ, выступивший против злоупотреблений, как раз оказался не у дел. Именно такой человек им и нужен.

Рассказ Уайтекера о своих злоключениях поверг Кэмпбеллов в трепет. Уайтекер отклонил их предложение встретиться с другими научными сотрудниками университета – ему лучше вести себя тихо и не высовываться, объяснил он. АДМ обвиняет его в преступлениях, которые он не совершал, сказал Уайтекер, и описал им свою попытку самоубийства.

К концу обеда он порядком запугал Кэмпбеллов, но их интерес к нему только усилился. Уайтекер, казалось, был напичкан идеями. Если он успешно руководил гигантским подразделением биопродуктов АДМ, то, несомненно, справится со скромным предприятием, которое они решили назвать «Охрана здоровья – технологии будущего». Очарованные личностью Уайтекера, они предложили ему пост генерального директора предприятия.{340}

Договорились, что Уайтекер приступит к работе 1 октября в новом офисе компании в пригороде Чикаго.

Рихтер сидел за большим столом на кухне Уайтекеров в их новом доме на окраине Чикаго. После разговора с юристами

«Уильямс и Конноли» им владела усталость. Адвокат советовал Рихтеру держаться от Уайтекера подальше, но он не мог не посетить своего старого друга.

Визит получился странным. Уайтекер встретил Рихтера в аэропорту О'Хара на машине, но по дороге домой ему нужно было заехать на прием к психиатру. Пока Уайтекер беседовал с врачом, Рихтер слонялся вокруг клиники.

Когда они наконец устроились за обеденным столом, Уайтекер вытащил листок бумаги.

– Слушай, вот то, что я обещал, – сказал он.

Рихтер посмотрел на листок. Это был чек «Швейцарского банка» на четыреста двадцать пять тысяч долларов, выписанный на его имя. Даниэль Бриль несколько недель назад выслал этот чек вместе с двумя другими на имя Майка Гилберта в Огайо. Рихтер был несказанно рад – он боялся, что уже не увидит своих денег.

– Спасибо, Марк, – сказал Рихтер. Они всегда говорили по-английски – по мнению Рихтера, Уайтекер недостаточно хорошо владел немецким языком.

– Ну, я же обещал, – ответил Уайтекер. – Правда, теперь все не так просто. АДМ хочет заморозить мои счета в Швейцарии.

Он стал рассказывать о том, как АДМ преследует его. Ему звонил Мик Андреас, сказал Уайтекер, и угрожал убить его, если он раскроет их темные делишки. Рихтер слушал, и в его голове закружились вопросы. И он решился спросить об одной из выдуманных историй, которой Уайтекер когда-то с ним поделился.

– Марк, – поинтересовался он осторожно, – хочу спросить насчет твоего усыновления… Зачем ты это придумал?

– Ну, у меня были причины, – отмахнулся Уайтекер. – Но это в любом случае несущественно.{341}

21 сентября Джим Эпстайн позвонил агенту ФБР Бассету и сообщил ему любопытную новость. Уайтекер несколько раз встречался с Рейнхартом Рихтером и уверяет, что Рихтер подтверждает все, что он говорил.{342}

– Адвокаты «Уильямс и Конноли» расспрашивали Рихтера о присвоении двухсот тысяч долларов, принадлежавших АДМ. По словам Марка, Рихтер ответил, что получил эти деньги с ведома и одобрения президента АДМ Джима Рэнделла. Адвокаты велели ему не возводить на Рэнделла напраслину, а когда Рихтер стал настаивать на своем, объявили, что он уволен. Марк утверждает, что Рихтера уволили именно из-за этого.

Рихтер может оказаться полезным свидетелем и по другим

делам, добавил Эпстайн. Он присутствовал при разговоре Уайтекера с Говардом Баффетом об офшорных платежах, которые получали многие сотрудники АДМ, а также, по словам Уайтекера, при попытке Дуэйна Андреаса дать мексиканским политикам взятку в два миллиона.

– И был еще один инцидент, – сказал Эпстайн. Опять же со слов Марка, Рихтер якобы слышал, как Джим Рэнделл предлагал четыре миллиона Крису Джонсу из «Кроноса» за то, чтобы тот ушел из компании и открыл в Мексике завод АДМ по производству метионина.

Имя Криса Джонса было Бассету незнакомо, и он записал его. Только позднее он осознал, что это тот самый Джонс, который был ключевой фигурой в расследовании злоупотреблений с метионином, проводящемся в Мобиле.

Юристы антитрестовского отдела уже больше недели были в приподнятом настроении. Все шло к тому, что Терри Уилсон признает свою вину. Чтобы ускорить это событие, они позволили адвокату Уилсона Рейду Вайнгартену просмотреть имеющиеся у них видеозаписи. Они произвели на Вайнгартена сокрушительное впечатление, особенно пленка, на которой были сняты переговоры на Гавайях.

Если Терри Уилсон согласится сотрудничать, это станет поворотным пунктом расследования. Он наверняка сообщит ценные сведения о фиксировании цен на многие продукты, а по делу о лизине, возможно, станет главным свидетелем обвинения, в случае если придется отстранить Уайтекера из-за его мошеннических махинаций.

Но 27 сентября все надежды рухнули. Вайнгартен сказал прокурорам, что Уилсон пошел бы на сотрудничество с ними, если бы не некоторые обстоятельства. Он беззаветно предан семейству Андреас и никогда не согласится давать показания против них. Сын Уилсона был тяжело болен, и Андреасы ему всячески помогали, за что Уилсон им благодарен. Проще говоря, его сердце отдано АДМ и он желает ей победы.

Манн обвинила Вайнгартена в том, что он, зная о позиции Уилсона, обманом вынудил их показать видеозаписи. Адвокат уверял юристов в искренности своих намерений, но все понимали, что единственная возможность выслушать показания Уилсона – посадить его на скамью подсудимых.

Дэвид Пейдж вошел в стеклянные двери отеля «Марриотт» в Хант-Вэлли, штат Мэриленд. Следуя полученным инструкциям, он нашел адвокатов Лори Фултона и Билла Марри из «Уильямс и

Конноли», которые приехали встретиться с ним.{343}

Пейдж чувствовал себя неуязвимым. После того как Уайтекер принял его в штат АДМ, Пейдж не оставил своей прежней работы, но был уверен, что они с Уайтекером замели все следы и никто не догадается об их прегрешениях.

Адвокаты начали с вопроса об обязанностях Пейджа в АДМ.

Улыбнувшись, Пейдж начал выдавать им заготовленную ложь.

Рано утром 10 октября Бассет и Д'Анжело приехали в район Чикаго Проспект-Хайтс, где обосновалась финансовая компания «Хаусхолд интернэшнл». Припарковавшись, они вошли в здание, предвкушая интересный разговор. Рон Феррари, к которому они направлялись, и не подозревал, что к нему пожаловало ФБР.

Список доступных свидетелей быстро сокращался, и пришел черед Феррари, бывшего футболиста «Сан-францисских золотоискателей» и друга Марка Уайтекера. Рихтер и Швейцер жили за границей, Оллисон успел обзавестись адвокатом. Из четырех сообщников, которых назвал Уайтекер, легкой добычей был лишь Феррари.

Агенты сказали в приемной, что хотят поговорить с Феррари по конфиденциальному делу.{344}

Феррари вышел через несколько минут и, когда агенты представились, заметно занервничал.

– Надо же, – произнес он. – Быстро вы нашли меня!

Как интересно. Значит, Феррари ожидал их, пусть и позднее.

Феррари провел их в один из укромных кабинетов.

– Мы приехали побеседовать с вами о Марке Уайтекере из АДМ, – сказал Бассет. – Мы хотим установить истину. Об этом деле говорят всякое, и мы решили дать вам возможность изложить свою версию.

– Ладно, – кивнул Феррари.

– Расскажите сначала о себе, – предложил Бассет.

Феррари стал сбивчиво рассказывать, где он жил и что делал, все время повторяя, что он «гонял мяч». Агенты не сразу поняли, что он имеет в виду. Уайтекер не рассказывал им о футбольной карьере своего друга.

– Я был простым парнем с фермы, – сказал он, – и, как знать, может, я и в АДМ-то попал только потому, что гонял мяч.

«Уже в четвертый раз говорит об этом», – мысленно подсчитал Д'Анжело.

– А где вы его гоняли? – поинтересовался он.

– Ну как? – ответил Феррари. – Я играл в «Сан-францисских золотоискателях» с восемьдесят второго по восемьдесят седьмой

год.

Агенты критически оглядели Феррари. Он не был похож на футболиста.

– Ну да, мне просто повезло, – сказал он, словно читая их мысли. – Я не такой уж сильный игрок, но продержался в команде шесть лет, и как раз в это время мы выиграли «Суперкубок». Такая удача выпадает раз в жизни!

Запинаясь и повторяясь, Феррари продолжал рассказывать о том, как «гонял мяч». Агентов это устраивало – когда люди нервничают, они чаще ошибаются. Вскоре в его рассказе стало повторяться новое выражение – «поговорил с Джо». Они не стали спрашивать, кто такой этот Джо.

– До того как я пришел в АДМ, я, знаете ли, раздумывал о том, чем бы заняться, – повествовал Феррари. – А потом поговорил с Джо, и он дал мне ценный совет.

– Джо – это кто? – не выдержал Д'Анжело.

– Ну как? – заморгал Феррари. – Джо Монтана, наш знаменитый нападающий.

Агенты кивнули. По-видимому, слова «гонял мяч» и «поговорил с Джо» служили тому, чтобы произвести на них впечатление и уйти от темы, которая их интересовала. Это не сработало.

Разговор перешел на дружбу Феррари с Уайтекером. Феррари сказал, что они пришли в АДМ примерно в одно время, но в разные отделы. В корпоративной иерархии Уайтекер стоял выше, но они вскоре подружились.

– Вы вели с ним когда-нибудь общие дела? – спросил Бассет.

– Нет. Никогда.

Агенты помолчали. Они видели документы, свидетельствовавшие о том, что Феррари участвовал вместе с Уайтекером по крайней мере в одной сделке с «Дальневосточными специалистами».

– И вы ничего не знаете о «Дальневосточных специалистах»? – спросил Бассет.

Феррари смешался и покраснел.

– Знаю, – тихо ответил он.

Подстегиваемый вопросами агентов, Феррари постепенно поведал им историю «Дальневосточных специалистов», или ДК. Уйдя из АДМ, он устроился в другую компанию, но решил одновременно поработать консультантом где-нибудь в Азии, применив свои знания по международной торговле. Для этого он и зарегистрировал ДС.

– Как вы это сделали? – спросил Д'Анжело.

– Я прочитал в одном журнале в самолете рекламу фирмы, которая специализировалась по созданию компаний в штате Делавэр. Не помню точно, как она называлась, – вроде как «Корпоративная компания».

Бассет попытался установить, была ли ДС действующим предприятием.

– Кроме вас, кто-нибудь управлял вашей компанией?

– Нет, я один.

– Вы не снимали помещений и не набирали служащих?

Феррари покачал головой.

– Не выпускали фирменных бланков или визитных карточек?

– Да нет вроде бы.

У агентов было при себе несколько фирменных бланков «Дальневосточных специалистов», но об этом они не сказали.

– Вы вообще ничего не делали в этой компании?

– Ну, я летал в Гонконг, чтобы сделать презентацию одному иностранному оптовику.

– Как вы с ним познакомились?

– Не помню.

– Нашли его имя в телефонном справочнике или как-то по-другому? – спросил Д'Анжело.

– Мы обменялись письмами и договорились о встрече.

Агенты промолчали. Рассказ Феррари означал, что они с этим оптовиком не созванивались и, значит, подтвердить эту историю было нельзя.

– Как звали этого оптовика?

– Забыл, честное слово.

– А как называлась его компания?

Помолчав, Феррари произнес извиняющимся тоном:

– Увы, и этого я не помню.

«Да, эта компания и вправду вела деятельность», – подумал Д'Анжело.

– Надо посмотреть, может, сохранилась его визитная карточка или письма, – сказал Феррари.

Бассет вынул из кейса письмо на бланке «Дальневосточных специалистов», подтверждавшее оплату представленного в АДМ фиктивного инвойса на полтора миллиона долларов.

– Вы узнаете этот бланк?

– Это не мое, – нервно бросил Феррари. – Мы такими вещами не занимались.

В письме был указан счет в банке Гонконга. Бассет спросил, известен ли Феррари этот счет.

– Да, этой мой счет. Я открыл счет своей компании в корпорации «Швейцарский банк», когда ездил в Гонконг для

встречи с брокером.

Опять «Швейцарский банк». Там что, у всех счета открыты?

– А почему именно в «Швейцарском банке»?

– Ну, просто он в том же здании, в котором мы встречались.

Агенты засыпали Феррари вопросами. Вносил ли он первичный обязательный депозит? Получал ли банковские отчеты? Открывал ли счета в американских банках? И всякий раз Феррари отвечал отрицательно.

– Я открыл счет, потому что думал, что он понадобится, – сказал он. – Но мы не проводили операций, оплачиваемых комиссионными.

– А что же делали вы сами?

– Ничего, только получил несколько уведомлений и предложений.

– И вы можете показать нам их копии?

– Да, конечно, я постараюсь их найти.

Пауза.

– Значит, через ваш счет в Гонконге не проходило никаких денег?

– Нет. Кроме тех полутора миллионов, которые указаны в ваших бумагах. Их Марк перевел.

Нервничая все больше, Феррари рассказал историю о полутора миллионах. Создав «Дальневосточных специалистов», он сообщил Уайтекеру о том, что готов оказывать консультационные услуги. Уайтекер ответил, что примет это к сведению. При этом он упомянул, что и сам консультировал недавно компанию «Пасифик рим» и должен получить за это комиссионные.

– Вас не удивило, что, работая в АДМ, Уайтекер подрабатывает консультациями? – спросил Бассет.

– Да, я спросил его об этом. Он сказал, что у них это не только допускается, но даже принято и поощряется.

– А каков был размер комиссионных, которые он должен был получить?

– Он не говорил. Думаю, тысяч сорок-пятьдесят. Это по моим прикидкам.

Уайтекер, по словам Феррари, признался, что хотел бы получать комиссионные на заграничный счет, но не объяснил причин. Но у него не было счетов в иностранных банках, и он спросил Феррари, нет ли таких счетов у него.

– Я рассказал Уайтекеру о своем счете в Гонконге, – продолжал Феррари. – Он обрадовался, и я согласился на то, чтобы он получил свои комиссионные через мой банк.

– Он что, не мог открыть собственный счет? – спросил Д'Анжело.

– Он собирался в дальнейшем, но пока что предпочел использовать мой.

– И вы не возражали?

– Нет, конечно. Что тут такого? У меня был счет, а у него нет. Он мой друг.

Агенты стали расспрашивать о деньгах, но Феррари ничего не знал. Он не оформлял перевод и не знал, откуда он поступил. Уайтекер даже предлагал заплатить ему за помощь, но Феррари отказался.

– Недели через две из банка прислали уведомление, что на мой счет поступили полтора миллиона долларов. Тут я впервые и узнал об этой сумме. Просто не ожидал, что денег будет так много.

– И как вы к этому отнеслись?

– Я в тот же день позвонил Марку, – ответил Феррари возбужденно. – Я сказал ему: «Забирай свои деньги, быстро! Какого черта, что все это значит?» И говорю ему: не верю, что такой большой платеж связан с комиссионными. Он чего-то там начал объяснять, долго и сложно.

– И что он говорил?

– Уже не помню. Но он меня успокоил. И все равно я потребовал, чтобы он снял свои деньги. Марк попросил меня перевести не то сто шестьдесят, не то сто восемьдесят тысяч своему сотруднику из АДМ, Рейнхарту Рихтеру.

Феррари перевел деньги Рихтеру и запомнил, как это делается. Уайтекер сказал, что позже сообщит ему, куда перевести остаток. Месяца через два или два с половиной он попросил перевести их в банк на Каймановых островах. И Феррари добавил, что не оставил себе ни цента.

– А нам Уайтекер рассказывал совсем другую историю, – заметил Д'Анжело.

– Не знаю, какую историю вам рассказывал Уайтекер, а я рассказал, как все было.

– Уайтекер говорит, что вы помогали ему писать эти письма и инвойсы.

Феррари вытаращил глаза.

– Да пусть говорит что хочет! Я не делал этого, и все тут.

– Сколько времени прошло от открытия счета до перевода этих полутора миллионов?

– Примерно месяц, – пожал плечами Феррари.

– Значит, вот что получается: вы открыли счет, через месяц вам перевели полтора миллиона, и больше никаких операций с

этим счетом не проводилось. Но вы утверждаете, что открывали счет не для того, чтобы получить эти деньги.

– Не для того, – помотал головой Феррари.

– Это не Уайтекер велел вам открыть счет?

– Нет, я сам так решил. Марк тут ни при чем.

Но когда он прочитал в газетах обо всех этих деньгах Уайтекера, добавил Феррари, он подумал, не идет ли речь об этих полутора миллионах.

– Я позвонил Марку, и он сказал: «Все это не имеет к тебе никакого отношения». Он сказал, что обвинение связано совсем с другими сделками.

Разговор продолжался несколько часов. Время от времени агенты ловили Феррари на несоответствиях и несообразностях. В конце концов он признался, что провел вместе с Уайтекером еще несколько операций. Примерно в 1994 году, сказал Феррари, Уайтекер одолжил ему двадцать пять тысяч долларов, переведя их тремя чеками, каждый из которых был выписан на сумму меньше десяти тысяч. Примерно через год он вернул Уайтекеру эти деньги.

– Вы сделали это, после того как АДМ начала уголовное расследование?

– Нет, не потому. Марк попросил меня отдать их, и я отдал.

Агенты спросили, не слышал ли Феррари что-нибудь о незаконных бонусах, которые АДМ выплачивает своим сотрудникам через офшорные банки.

– Ну, слышал краем уха, когда был в Лондоне, – ответил Феррари. – Но это только слухи.

– А от кого слышали? – спросил Бассет.

– Не припоминаю. Помню только, что говорили об откатах и поглощениях компаний.

Агенты велели Феррари собрать и сохранить все имеющиеся у него записи и документы и вручили повестку в суд. Ему придется дать показания большому жюри и предъявить эти документы. Феррари пообещал найти все бумаги, какие сможет.

– Обдумайте то, что вы нам сообщили, – обратился к нему напоследок Д'Анжело. – Прошло много времени, и вы, возможно, не помните в точности, как все было. Нам придется встретиться еще раз. Вы должны правдиво рассказать обо всем большому жюри и доказать, что вы свидетель, на которого можно положиться. Поэтому пытаться обманывать нас очень неразумно.

– Хорошо, я подумаю, – кивнул Феррари.

Агенты собрались уходить, но Феррари остановил их.

– Тут еще одно… Если вам попадутся документы банка

«Уэллс фарго», то вы увидите, что у меня было двадцать пять тысяч долларов. Потом я взял их, чтобы заплатить долги за нашу ферму.

Агенты внимательно слушали.

– Они там давно лежали в сейфе. Это мы с женой накопили. Мы живем бережливо, по старинке. Эти деньги не имеют отношения к Уайтекеру, АДМ или ДС.

– И всю эту сумму вы просто накопили? – спросил Бассет.

– Ну да. Я начал копить еще до женитьбы.

Агенты знали, что к этому вопросу придется вернуться позднее. Но на сегодня разговор был окончен. Попрощавшись с хозяином, они покинули дом.

Они забрались в автомобиль и закрыли дверцы.

– Да он по уши в говне, – бросил Д'Анжело.

– Ну да, – согласился Бассет. – Все врет. Просто заврался.

Он включил зажигание и выехал с автостоянки. Оба понимали, что с Роном Феррари им еще работать и работать.

В один из следующих дней наконец объявился выпавший из поля зрения агентов Рихтер – объявился в прессе.{345}

Дней десять он выяснял отношения с адвокатами АДМ, и в конце концов его 22 сентября выставили за дверь. Рихтер заявил журналистам, что АДМ таким образом заметает следы. Уайтекер говорил правду о незаконных бонусах для сотрудников в обход налогового законодательства. Рихтер признался, что и сам при приеме на работу получил бонус в сто девяносто тысяч долларов, но это делалось с благословения президента АДМ Джима Рэнделла.

– Он спросил: «Что ты собираешься сделать с этими деньгами? Купишь „феррари“?» – сказал Рихтер корреспонденту «Форчун».

А теперь, утверждал Рихтер, его использовали и выкинули. Про Рэнделла он сообщил адвокатам АДМ, а те его и слушать не захотели.

– Им не нужна правда. Они просто ищут способ утопить Марка и других честных сотрудников.

Вскоре чикагские агенты столкнулись с новой проблемой: отношения с прокурорами портились с каждым днем.

Первые признаки появились еще летом, когда отдел по борьбе с мошенничеством стал торопить с завершением дела. Важна не скорость, спорили агенты, а полнота и доскональность расследования. На осенней встрече с вашингтонскими юристами

этот вопрос всплыл снова.

– Это важнейшее дело, – сказала агентам Спиринг. – Обвинительный акт нужно предъявить Уайтекеру ко Дню благодарения.[68]

– Мы собираемся провести полное и тщательное расследование, – возразил Бассет, – и, если понадобится, продолжим его и после Дня благодарения.

Агенты подчеркнули, что, если не удастся расследовать обвинения в преступлениях в масштабе всей корпорации, выдвинутые Уайтекером, это лишь сыграет ему на руку, – у него появятся основания утверждать, что ФБР пренебрегло истиной, сконцентрировавшись на нем и оставив в стороне АДМ.

– Злоупотребления в АДМ – это отдельная тема, – упорствовали прокуроры, – их можно рассмотреть позже. Сейчас мы хотим обвинить Уайтекера.

Все это противоречит здравому смыслу, считали агенты. Допросить служащих АДМ им так и не разрешили. Документов от «Уильямс и Конноли» почти не поступало. Как передать дело в суд, не собрав исчерпывающей информации? Тем не менее к концу беседы они согласились сосредоточить свои усилия на Уайтекере.

Через несколько дней обвинители ознакомились с протоколом допроса Рона Феррари, занесенным в «форму 302», и пришли в недоумение. При чем тут Рон Феррари? По данным допроса из «формы 302» они заключили, что ФБР преследует Феррари, а не Уайтекера. 13 октября Дон Маккей и Джим Никсон позвонили Робу Гранту, курировавшему расследование.{346}

– Послушайте, вы все время отклоняетесь от дела Уайтекера, – возмущался Маккей. – Мы же на последней встрече договорились, что вы займетесь Уайтекером, оставив все остальное.

– Этим мы и занимаемся, Дон, – ответил Грант. – В центре дела по-прежнему Уайтекер. И мы вовсе не направляли все силы на то, что мы узнали сейчас и что имеет прямое отношение к его мошенничествам.

И Грант свернул разговор на проблему доступа к информации, посетовав на нерушимость «китайской стены», из-за которой между спрингфилдским и чикагским отделениями ФБР постоянно возникали недоразумения. В Спрингфилде хотели встретиться с Говардом Баффетом, потому что Уайтекер на допросе в Чикаго рассказал о Баффете много интересного. Но согласно распоряжению министерства, спрингфилдские агенты не имеют права ознакомиться с его показаниями.

– А на кой вам эти показания, если вы сами будете

разговаривать с Баффетом? – спросил Маккей.

– У нас правило: прежде чем допрашивать человека, выяснить о нем как можно больше.

Маккей сказал, что и сам не любит ограничений, мешающих работе, но решение принималось на высшем уровне Министерства юстиции. И перевел разговор на другую тему.

– Никак не пойму этого Скотта Лассара, – пожаловался он. – Чего он добивается? Постоянно выпытывает информацию у Майка и Тони, а ведь должен получать ее через нас.

Грант вздохнул. До чего смехотворны эти бюрократические игры. Прокуроры даже друг другу не доверяют.

В то утро Джим Эпстайн стоял в толпе пассажиров на платформе в Эвансто не и ждал электричку на Чикаго. Поезд прибыл, он зашел в вагон и занял свободное место.

Эпстайн не взял с собой газет: по пути ему нужно было просмотреть несколько документов. Он погрузился в бумаги. Но когда сосед развернул утренний выпуск «Чикаго трибюн», Эпстайн искоса взглянул на заголовки, чтобы узнать, что делается в мире.{347}

И окаменел.

С цветной фотографии на первой странице смотрел Марк Уайтекер, водружавший очки на нос. Заголовок под фотографией гласил:

> «ОРУДОВАВШИЙ В АДМ „КРОТ“ ПРИЗНАЕТСЯ, ЧТО ПРИСВОИЛ ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ; МОШЕННИЧЕСКИЕ СХЕМЫ ОДОБРЕНЫ РУКОВОДСТВОМ КОМПАНИИ».

Боже всемогущий!

– Прошу прощения, – обратился Эпстайн к соседу, – не позволите ли взглянуть?

Он пробежал глазами заметку. Все даже хуже, чем он думал. Уайтекер признавал, что с помощью фиктивных инвойсов похитил у АДМ шесть миллионов и перевел их на свои счета в иностранные банки.

Эпстайн бессильно откинулся на сиденье. Теперь от тюремного срока Уайтекера спасет только выступление в качестве главного свидетеля обвинения на процессе АДМ. Но для этого надо было вести себя очень осторожно, не давая компании повода придраться. А он публично исповедуется в шестимиллионной краже с первой страницы «Чикаго трибюн».

В тот же день Уайтекер прибыл на очередной прием к

доктору Дереку Миллеру.{348}

– Итак, вы, как я вижу, откровенничаете с журналистами, – заметил Миллер, когда Уайтекер уселся в кресло.

Уайтекер уныло кивнул.

– Все вышло совсем не так, как я хотел, – пожаловался он. – Я думал, они хотят написать о моей новой компании.

И вообще все идет кувырком и он ничего не может с этим поделать, продолжал Уайтекер. Он чувствует себя почти так же, как до лечения в клинике. Он и сам сознает, что его поведение становится вызывающим. Он сознает, что плетет интриги и обманывает всех.

– И всегда так было, даже в детстве, – говорил Уайтекер. – Я не слушался отца, все время обманывал его так, что он и не догадывался. Ни разу не поймал меня.

В конце беседы Миллер сказал пациенту, что увеличивает его дозу лития и что теперь они будут встречаться не один раз в неделю, а два.

Вечером Рон Феррари сидел в кресле у себя в гостиной, когда раздался стук в дверь. Глянув сквозь стеклянную дверь, он увидел на пороге своего старого приятеля Марка Уайтекера.{349}

Феррари растерялся. Визит агентов выбил его из колеи. До этого ему хватало заверений Уайтекера, что ФБР им не интересуется. А на него, они, похоже, завели дело. После разговора с агентами он, не теряя времени, нанял одного из самых авторитетных чикагских адвокатов, Джеффри Стейнбека.

С тех пор Уайтекер несколько раз пытался связаться с ним. Даже сегодня пришло несколько сообщений. Но Феррари решил до поры до времени не видеться с Уайтекером. А он, глядите-ка, явился сам, и теперь Феррари не знал, что делать.

– Сьюзен, – крикнул он жене, – это Марк.

– Чего он хочет? – откликнулась жена.

– Не знаю.

Феррари подошел к двери и, не дав Уайтекеру войти, сам вышел на улицу. Дверь за собой он прикрыл. Он не пустит Уайтекера в дом.

– Привет, – сказал Феррари.

– Почему ты не позвонил? – сразу спросил Уайтекер. – Я же оставлял тебе сообщения. Почему ты не позвонил?

– Знаю, что оставлял.

– Почему ты не звонил? Я оставлял сообщения. Чего не звонил-то?

Феррари мрачно взглянул на него.

– Нам не о чем говорить.

– То есть как? – опешил Уайтекер. – Что случилось? Ты что, разговаривал с кем-нибудь, да? Ты говорил с кем-нибудь?

– Да, блин, говорил, – процедил Феррари. – У меня были гости из Федерального бюро расследований. И рассказали много интересного.

Уайтекер воздел руки.

– Слушай, старик, это же не имеет отношения к тебе лично. Я знаю этих ребят. Ты им не нужен. Они охотятся на АДМ.

– Хм. Интересно. Почему же тогда они все время расспрашивали *обо мне?* И почему ты сказал им, будто я писал те инвойсы?

Уайтекер пробормотал в ответ что-то невразумительное, затем вскричал:

– Слушай, да им на тебя наплевать, они охотятся на АДМ! – Он продолжал, отчаянно жестикулируя: – Нам надо договориться и повернуть все против них. Договоримся и обернем против них! Скажи им, что это была компенсация. Ты же знаешь, что эти типы присваивали деньги. Ты же знаешь.

Уайтекер перечислял менеджеров АДМ, присваивавших деньги, и твердил, что Феррари знает об этом все. Его глаза заблестели. Он выходил из себя. Феррари слегка струхнул.

– Ничего я не знаю и ничего тебе не говорил. Откуда мне знать, кто чем занимается?

– Нет, говорил! Говорил! – настаивал Уайтекер. – Пойми, ты же в этом не замешан. И я не собирался тебя впутывать. Тебя не тронут. Им нужна АДМ.

– Ну, все. – Феррари поднял руки вверх. – Поговорили, и хватит.

Уайтекер моргнул.

– Сьюзен знает? – спросил он.

– Нет, – соврал Феррари. – Ей ничего не известно. – Он открыл дверь. – Больше нам не о чем говорить.

– Старик, я не стал бы капать на тебя, ты же меня знаешь. Я был в таком же положении, как и ты. Ты знаешь, я не стал бы.

Феррари ничего не ответил.

– Слушай, только не говори никому об этом разговоре! – вдруг всполошился Уайтекер. – Ты ведь не скажешь, что я приезжал к тебе, да?

Феррари молча смотрел на него.

– Разговор окончен, – произнес он и закрыл дверь.

Сквозь стекло он видел, что Уайтекер все еще стоит на крыльце и чего-то ждет. Феррари хлопнул по выключателю, погасив свет на крыльце и оставив Уайтекера в темноте.

Феррари вернулся в гостиную. Этот разговор его доконал.

Руки дрожали. Чуть успокоившись, он подошел к телефону. Ему хотелось позвонить адвокату и рассказать, что случилось.

По мере того как расширялся круг свидетелей, допрошенных Бассетом и Д'Анжело, отзвуки этих допросов стали доходить до средств массовой информации. В газетах появилась серия публикаций о том, что ФБР усиленно ищет подтверждение выдвинутого Уайтекером обвинения АДМ в выплате сотрудникам компании «черных», нелегальных бонусов.

Эти публикации разгневали и АДМ, и «Уильямс и Конноли». Адвокаты насели на прокуроров и потребовали принять меры. Наконец 18 октября репортерам позвонил представитель АДМ и велел обратиться в пресс-бюро Министерства юстиции, где для них подготовлено заявление.

Всем, обратившимся в пресс-бюро, заявили:

– АДМ не является объектом расследования или преследования со стороны уголовного отдела Министерства юстиции.{350}

Что все это значит, черт побери?

Д'Анжело и Бассет прочли заявление министерства в газетах на следующее утро. Это было неслыханно: компанию официально объявляли невиновной еще *до окончания* расследования. Более того, это была неправда. И расследование пока не доказало, что Уайтекер лжет. Агенты были уверены, что тут какая-то политическая махинация.

Посоветовавшись с Бассетом, Д'Анжело решил известить о вашингтонском демарше своего непосредственного начальника. Он позвонил Робу Гранту.

– Привет, Роб, – сказал он. – Есть сногсшибательная новость.

– Что еще?

– Министерство юстиции выступило с заявлением, что АДМ не является объектом уголовного расследования.

– Что значит «АДМ не является объектом уголовного расследования»?

– Говорю то, что слышал. Понимай как знаешь.

– А как же Рэнделл? Мик Андреас?

– Не являются объектами. Фантастика.

– А с какой стати министерство выступило с этим заявлением? Что их побудило?

– Не имею понятия, Роб.

– Ты уже говорил с кем-нибудь об этом?

– Нет, тебе звоню первому.

– Ладно, я перезвоню.

Агенты созванивались и перезванивались целый день, но для чикагского отделения ФБР подоплека этого непостижимого и безосновательного министерского заявления так и осталась загадкой.

В тот же день главный юрисконсульт АДМ Рик Рейзинг стоял на задрапированной синей тканью сцене в здании бывшей школы, оглядывая толпу встревоженных и разгневанных акционеров. После проведенных ФБР обысков курс акций АДМ резко упал. А теперь многие акционеры требовали назначения новых директоров, не связанных с семьей Андреас.

Но сегодня, в день ежегодного собрания акционеров, тема фиксирования цен почти не затрагивалась. Все, выступавшие от имени компании, говорили в основном о ходе расследования преступлений Уайтекера. Рейзинг сказал, что у него хорошая новость:

– Министерство юстиции заявило, что нет оснований утверждать, будто хищения, осуществленные Уайтекером, были частью якобы распространенной в АДМ системы незаконного поощрения служащих.{351}

Эти слова были далеки от содержания заявления министерства, однако, как тут же убедились акционеры, спорить с ведущими собрание топ-менеджерами не имело смысла. Когда Эдвард Дёркин начал было от имени профсоюза плотников критиковать руководство компании, сидевший в президиуме Дуэйн Андреас приказал отключить его микрофон.

Дёркин стал гневно ссылаться на правила Робертса, регламентирующие проведение официальных собраний, но Андреас рявкнул:

– Это собрание, сэр, проводится по *моим* правилам.

Дик Битти прошел сквозь вращающуюся дверь и направился к лифту. Он шел в чикагский офис антитрестовского отдела Среднего Запада. Его сопровождали двое коллег по «Симпсон и Тэтчер». Одним из них был Чарльз Куб, лучший в фирме знаток антитрестовского законодательства. В тот день министерство впервые разрешило представителям АДМ прослушать аудиозаписи, сделанные в ходе расследования «Битвы за урожай», и было решено, что их должен послушать Куб.

Этот габмит разыграл Скотт Лассар из чикагской окружной прокуратуры. С тех пор как раскрылись мошенничества Уайтекера, АДМ гарцевала на белом коне. Если бы дело зависело от одного Уайтекера, его исход был бы предрешен. Но существовали аудио- и видеозаписи – основа всего

расследования.

Адвокаты «Уильямс и Конноли» явно намеревались драться до последнего, и неудивительно: она сражалась под знаменем Андреасов. Заявление о невиновности компании подразумевало бы виновность Мика Андреаса. Перед адвокатами «Уильямс и Конноли» стояла нелегкая задача.

Другое дело «Симпсон и Тэтчер». Битти выступал от имени чрезвычайного комитета. Представлялось, что он способен пойти на соглашение, если тому будут способствовать обстоятельства. А если обнародовать заготовленные ФБР записи, у совета директоров АДМ потребуют объяснить, почему они не предприняли ничего, чтобы исправить положение. Поэтому Лассар предложил поискать подход к юристам «Симпсон и Тэтчер».

Адвокатов пригласили в небольшой зал, где уже был включен телевизор. За несколько часов просмотра и прослушивания записей они сделали множество заметок – двести пятьдесят листов.

Если у Битти и Куба и были сомнения в обоснованности обвинений против АДМ, к концу первого дня просмотра они развеялись. Адвокаты «Уильямс и Конноли» месяцами убеждали Битти, что эти записи никогда не увидят свет. Сейчас он понимал, что адвокаты принимали желаемое за действительное.

Выходя из дверей, Битти сказал Кубу:

– Такое свидетельство не скроешь. Эти записи много лет будут крутить в юридических колледжах как пособие по антитрестовскому законодательству.

На следующий день, 1 ноября, в вашингтонской штаб-квартире ФБР состоялось совещание, на котором решали, что делать с «китайской стеной». Впавшие в немилость Шепард и Херндон уже несколько месяцев работали в изоляции и подчас дублировали работу Бассета и Д'Анжело. С этим пора было покончить.

Свою точку зрения высказали почти все юристы и руководители ФБР, связанные с двумя параллельными расследованиями. Всем было ясно, что «китайскую стену» пора сносить. И в конце заседания Джек Кини, заместитель помощника генерального прокурора и глава уголовного отдела министерства, отдал такое распоряжение.

Отныне Шепарду и Херндону вновь разрешалось встречаться с Уайтекером, – правда, в присутствии прокурора. И, что еще важнее, теперь спрингфилдские и чикагские агенты могли обмениваться информацией. Все надеялись, что это ускорит

завершение обоих дел.

Не прошло и недели, как между спрингфилдскими и чикагскими агентами воцарился новый дух сотрудничества. Рейнхарт Рихтер объявил, что готов дать показания и по фиксированию цен, и по делу о мошенничестве.{352} Обе группы решили сообща допросить его в Мехико. 7 ноября туда вылетели Херндон, Мучник, Бассет и Д'Анжело.

Вечером все четверо собрались в ресторане. Они сопоставили списки людей, которых хотели бы допросить, и выяснилось, что списки почти идентичны. Чикагские агенты пожаловались на тяжелый характер вашингтонских прокуроров. К примеру, Джим Никсон, прилетевший в Мехико другим рейсом, не пожелал присоединиться к ним в ресторане. Херндон и Мучник стали вышучивать чикагцев: спрингфилдские участники «Битвы за урожай» работали в добром согласии и сильно сдружились.

– Я всегда был против этой стены, – доверительно проговорил Бассет Херндону. – Это все министерство воду мутит.

– Знаю, – кивнул Херндон.

Прошлые тревоги остались позади. Теперь они были единой командой.

На следующее утро Рихтер, оформив пропуск, миновал стоявших на страже американского посольства морских пехотинцев и вошел в здание. Он только что приехал из своего дома в Куэрнаваке и был готов дать показания. Рихтера проводили в кабинет атташе по правовым вопросам, где его ждали агенты и прокуроры.

Рихтер со своей козлиной бородкой и небрежными манерами был больше похож на художника, чем на сотрудника крупной компании. Ему сказали, что сначала будет допрос по делу о мошенничестве, а затем о фиксировании цен. Рихтер согласился и уселся за стол. Херндон и Мучник покинули помещение, предоставив действовать Никсону, Бассету и Д'Анжело.

Рихтер говорил по-английски с сильным акцентом, что естественно для немца, прожившего большую часть жизни в Латинской Америке. Выпрямившись на стуле и застыв в напряженной позе, он рассказал, как познакомился с Уайтекером, когда оба работали в Германии в корпорации «Дегасса». Но вскоре Уайтекера пригласили на одну из руководящих должностей в АДМ.

– Я остался в «Дегассе», но мы с Уайтекером часто созванивались. Он рассказал, что при переходе в АДМ получил

авансовый бонус.

Это утверждение Рихтера было полной неожиданностью. Уайтекер каялся во многих грехах, но об авансовом бонусе не говорил ничего. Похоже, история про бонус была частью заученного монолога, который Рихтер собирался произнести.

Затем Рихтер сообщил, что в январе 1991 года Уайтекер нанял его в АДМ консультантом, с тем чтобы он возглавил торговлю лизином в Мексике, когда лизиновый завод вступит в строй. Ему будут платить двести тысяч долларов в год плюс авансовый бонус в пятьдесят тысяч.

– Я встретился с Рэнделлом и Уайтекером, и они пообещали мне дополнительное вознаграждение помимо этих пятидесяти тысяч. Рэнделл сказал, что оно будет выплачено особым образом, чтобы другие служащие АДМ ничего не узнали. Он велел Марку проследить, чтобы эти деньги не фигурировали в отчетности компании.

Это полностью противоречило тому, что Рихтер говорил Сиду Халсу в сообщении голосовой почты, запись которого была у агентов в кейсе. Но если Рихтер приготовил новую историю, пусть излагает, решили они.

– Рэнделл пошутил, что я получу столько денег, что, наверное, захочу купить «феррари», – сказал Рихтер и стал подробно описывать переговоры о размере бонуса.

Общая сумма вознаграждения составила двести сорок тысяч долларов – пятьдесят тысяч выплатили легально, а сто девяносто тысяч он получил по фиктивным инвойсам.

– Марк велел мне послать в АДМ инвойс моей собственной компании «Аминак».

– И каким образом вы высылали эти инвойсы? – спросил Д'Анжело.

– Одни отправлял факсом в АДМ, другие передавал прямо Марку.

Из компании «Аминак» девяносто три с половиной тысячи долларов были переведены на его счет в банке «Пост-оук» в Хьюстоне, сказал Рихтер. Второй перевод на сумму восемьдесят семь тысяч четыреста сорок шесть долларов в тот же банк оформили через компанию «Комвен», принадлежавшую его другу Адольфо Асебрасу. Возможно, часть этих денег досталась Асебрасу.

– Что вы рассказали Уайтекеру об Асебрасе?

– Ничего. Он не знал этих подробностей.

Рихтер не слишком задумывался обо всех этих транзакциях, проведенных в 1991 году, пока несколько месяцев назад АДМ не выступила с обвинениями в адрес Уайтекера. Он рассказал, что

фирма «Уильямс и Конноли» связалась с ним и что он летал в Вашингтон для беседы с их юристами.

– Они говорили, что выплаты по этим счетам были незаконны, но я ответил, что о них знали Рэнделл и Уайтекер.

Агенты кивнули, позволяя Рихтеру продолжить. Чем больше насочиняет, тем лучше. Позже они ткнут его носом во все неувязки.

– Затем я позвонил Говарду Баффету, еще одному моему другу из АДМ, – продолжал Рихтер, – и сказал, что Рэнделл и другие смогли быстро обнаружить эти инвойсы потому, что знали о них. Он посоветовал мне поговорить с Сидом Халсом и Марти Оллисоном, потому что они в том же положении, что и я. Баффет назвал еще нескольких служащих АДМ, которые, возможно, тоже получали подобные сомнительные выплаты.

Бассет кивнул, вынул из кейса таблицу с цифрами и положил ее на стол. Цифры отражали операции на счете в банке «Пост-оук», куда переводились платежи по инвойсам.

– Согласно этому документу, – сказал Бассет, – значительная часть денег была переведена Марку Уайтекеру.

Рихтер моргнул.

– Это были займы, – сказал он.

– Займы?

– Да.

– Вот это заем? – спросил Бассет, указав на одну из строчек. – И это?

– Да. Марк собирался вернуть мне деньги в девяносто шестом или девяносто седьмом году. Мы составили договоры о ссуде. Они у меня с собой, могу показать.

– Давайте сначала разберемся с этим, – отозвался Бассет, указывая на документы. Они показывали, что Марку Уайтекеру, Джинджер и даже родителям Марка ушли несколько сот тысяч долларов.

– Вот это все вы давали в долг?

– Да, – повторил Рихтер, но уже не так твердо.

Д'Анжело покачал головой.

– Кого вы хотите обмануть? – спросил он. – Другие сказали, что это неправда. Например, Сид Халс.

Не совсем правда, зато Рихтер на это попался.

– Мы понимаем, что вы хотите защитить Марка, – сказал Д'Анжело. – Но он, думаю, даст в конце концов правдивые показания. Он уже рассказал нам об этих деньгах совсем другую историю.

Еще одна ложь.

– Говоря без обиняков, – поддержал своего партнера Бассет, –

ваш рассказ звучит неправдоподобно.

Агенты давили на Рихтера, пока он не сник.

– Ну да, верно. Это неправда.

– Что именно неправда? – спросил Бассет.

– Ну, что это были займы.

Агенты молчали. Они своего добились – противник сдался.

– Я чувствую себя ужасно, предавая Марка, – пробормотал Рихтер, – но это он велел мне сказать так.

– Хорошо, – отозвался Бассет, – а на самом деле?

Рихтер пристально разглядывал что-то на столе, покачивая головой.

– Марк не собирался отдавать мне эти деньги, – произнес он наконец. – Мы просто оформили их как заем, чтобы не было лишних вопросов.

– Так за что же вы переводили деньги Уайтекеру со своего счета?

Рихтер потер виски, затем посмотрел на агентов.

– Понимаете, так было задумано с самого начала.

Агенты не понимали. Что было задумано?

– С самого начала, – повторил Рихтер. – Все эти якобы мои авансовые бонусы. Они на самом деле предназначались Марку.

Проглотив комок в горле, он поднял голову.

– Я все отдал ему.

Плотина прорвалась. Из Рихтера полились признания.

И тут не обошлось без нигерийцев. Рихтер сказал, что Уайтекер потерял большую сумму на «нигерийском мошенничестве» и придумал, как возместить ущерб. Уайтекер полагал, что, раз Рихтер проживает за пределами страны, на его счету в хьюстонском банке можно прятать деньги, не уплачивая налогов. И Рихтер позволил Уайтекеру воспользоваться этим счетом.

– Марк позвонил мне, перед тем как перевести деньги, и сказал, что с ними сделать.

– И как вы доставляли ему деньги? – спросил Бассет.

– Чеками или перечислением в банк. Иногда наличными.

– Сколько вы передали наличными?

Рихтер задумался.

– Помню, раз я приезжал в Штаты, встретился с Марком и отдал ему двадцать пять или тридцать тысяч.

– А еще?

– Ну, иногда я давал Марку незаполненные бланки чеков со своей подписью.

– Вы можете определить, какие из оплаченных чеков

заполняли не вы?

– Да, думаю, могу.

Бассет протянул Рихтеру лист с перечнем операций, произведенных со счетом в банке «Пост-оук». Рихтер отметил те, в которых участвовал Уайтекер, а также сумму якобы своего бонуса в двести двадцать шесть тысяч долларов.

Лист запестрел отметками Рихтера. Ему самому принадлежали лишь некоторые суммы. В основном эти деньги были выручены от продажи его дома в Германии. В дальнейшем он перевел двести пятьдесят тысяч в «Швейцарский банк» на счет Уайтекера, сказал Рихтер, так как на управляемом счете доход был выше.

– У меня-то не было минимальной суммы в пятьсот тысяч долларов, необходимой для открытия такого счета, – пояснил он.

Неделю назад Рихтер получил от Уайтекера чек на четыреста двадцать пять тысяч долларов, выписанный на «Швейцарский банк». Это был один из трех чеков, посланных корпорацией «Швейцарский банк» в Огайо шурину Уайтекера Майку Гилберту, – хотя Рихтер, конечно, этого не знал.

– Почему Уайтекер перевел вам эти деньги? – спросил Бассет.

– Частично это были деньги, которые я получил при продаже дома, – я перевел их на счет Марка. Тысяч пятьдесят или семьдесят – это возврат денег, которые я действительно давал ему в долг. А остальное – комиссионные за услуги, которые я оказал через «Пост-оук».

Рихтер вздохнул. Он был измотан.

– Мне пора, – сказал он. – У меня встреча.

Глянув на Рихтера, Бассет спросил, согласится ли он встретиться с агентами еще раз.

– Да, конечно, – ответил Рихтер. – Но сейчас мне пора.

Агенты и Никсон отложили ручки. Допрос был окончен.

Увидев вышедшего в коридор Рихтера, Херндон и Мучник направились к нему.

– Нет, – покачал головой Рихтер. – Сейчас я не могу разговаривать. У меня встреча. Я устал, мне надо домой.

Они предложили встретиться утром.

– Завтра не получится. Я имею право приезжать в Мехико только по четным дням.

Удивленный Херндон спросил, почему бы Рихтеру не переночевать в городе.

– Нет, я должен вернуться сегодня.

Рихтер уперся. Херндон и Мучник знали, что Рихтер, если надавить на него, может вообще отказаться говорить. Поэтому

договорились встретиться в посольстве через два дня. Рихтер простился и ушел.

Вечером в доме Рихтера в Куэрнаваке раздался звонок. Трубку сняла жена и передала ее мужу.

– Привет, это Марк, – услышал Рихтер. – Как дела?

Получалось, что у Херндона и Мучника выдался незапланированный выходной, и они воспользовались случаем осмотреть мексиканские пирамиды и прочие туристские достопримечательности. К пятнице они были готовы встретиться с Рихтером.

Около половины девятого утра Херндон собирался выйти из гостиничного номера и ехать в посольство, когда зазвонил телефон.{353}

– Это Рейнхарт Рихтер. Я только что узнал, что посольство сегодня закрыто из-за национального праздника.

Херндон поспешно схватил ручку. Все это нужно записать. Он сел на кровать.

– Да, посольство закрыто, – сказал Херндон. – Но я договорился. Нас впустят и предоставят комнату для беседы.

– О!.. – Рихтер помолчал. – Но, понимаете, я должен сегодня встретиться кое с кем. Это деловая встреча, очень важная. Я хотел поговорить с этими людьми по телефону и отменить встречу, но не дозвонился. Никого не застал. Поэтому я никак не смогу увидеться с вами сегодня.

Что это значит? Промариновав их два дня, Рихтер теперь придумывает отговорки. Неприятная догадка вспыхнула в мозгу агента.

– Это Марк Уайтекер просил вас не встречаться с нами?

Рихтер ответил не сразу.

– Я говорил с Марком позавчера. Но это касалось моего разговора с другими агентами, а не с вами.

– И он не просил вас отменить встречу со мной?

– Нет, он сказал, что знает вас и ничего не имеет против того, чтобы я поговорил с вами.

Рихтер добавил, что в ближайшие дни позвонит Херндону, и прервал разговор. Херндон положил трубку и дописал изложение беседы.

Агент был уверен, что Рихтер лжет. Он был убежден, что Уайтекер, с которым Херндон сотрудничал несколько лет, уговорил Рихтера уйти на дно. Но почему?

Херндон посмотрел на часы и понял, что Мучник уже ждет его в вестибюле. Вот и пусть знает, что Уайтекер ставит палки им

в колеса.

Глава 17

В то же утро Тони Д'Анжело сидел в своем кабинете. Пиджак он снял и повесил на вешалку. В чикагском офисе было относительно тихо – сотрудники в эти ранние часы были заняты в основном просмотром газет или документов. Это был первый рабочий день Д'Анжело после возвращения из Мексики. Не успел он погрузиться в дела, когда раздался телефонный звонок.{354} Звонил Херндон из посольства в Мехико.{355}

– Тони, – сказал он, – у нас тут проблема.

Пока Херндон рассказывал о звонке Рихтера, Д'Анжело делал заметки. Все говорило за то, что Уайтекер убедил Рихтера молчать.

– Можешь поговорить с Уайтекером и спросить, не он ли убедил Рихтера отказаться от разговора? Уговори его перезвонить Рихтеру и изменить решение.

Д'Анжело отложил ручку в сторону.

– Ладно. Займусь прямо сейчас.

Дав отбой, он набрал номер Бассета.

– Майк, загляни ко мне, – сказал он. – Нам надо поговорить с Джимом Эпстайном.

Эпстайн связался с агентами примерно в половине десятого.

– Джим, не вешай трубку, я переключусь, ладно? – сказал Д'Анжело.

Он перевел разговор на телефон в кабинете руководителя, прошел вместе с Бассетом в кабинет и включил громкую связь.

– У нас возникли кое-какие проблемы, – начал Д'Анжело. – Во-первых, ваш клиент лжет нам.

– Ого, – протянул Эпстайн. – В чем именно?

Д'Анжело и Бассет поведали, что Рихтер с самого начала давал ложные показания, а затем изменил их и что теперь они противоречат показаниям Уайтекера.

– Он сказал, что именно Уайтекер надоумил его рассказать вымышленную историю. И это первая проблема. Уайтекер лжет. Вторая: он препятствует отправлению правосудия, побуждая свидетеля лгать нам.

– Черт бы его драл, – вздохнул Эпстайн.

Но и это не все, продолжал Д'Анжело. Только что из Мексики звонил Херндон, и, похоже, Уайтекер убедил Рихтера молчать.

– Получается, что Уайтекер как свидетель по делу АДМ с каждым днем теряет свою ценность, – сказал Д'Анжело. – Как свидетель, он должен говорить правду, а он врет, и это нетрудно

доказать.

– Просто не знаю, что сказать, парни, – отозвался Эпстайн. – Я велел ему говорить правду.

– И вы должны убедить его, что нельзя вмешиваться в ход расследования.

– Да я только об этом ему и твержу! Я запретил ему звонить этим людям. Но не могу же я нянчиться с ним круглые сутки.

– Все же поговорите с ним еще раз, – попросил Д'Анжело. – Если это он приказывал Рихтеру молчать, пусть заткнется.

– Хорошо, поговорю. Вы пока будете на месте?

Агенты сказали, что будут.

– Ладно. Позвоню сначала ему, а потом вам.

Эпстайн перезвонил через несколько минут.

– Я связался с Марком, он на линии, – сказал Эпстайн.

Д'Анжело снова перевел разговор на громкую связь, и они с Бассетом вернулись в кабинет.

– Мы слушаем, – произнес Д'Анжело.

– Я не просил Рихтера молчать! – послышался возбужденный голос Уайтекера. – Он сам позвонил мне, потому что был расстроен после допроса. Он сказал, что вас не интересуют свидетельства против верхушки АДМ. Он был и правда расстроен тем, как шел допрос и как с ним обращались.

Бассет и Д'Анжело переглянулись. Что за чепуха.

– Что именно он сказал?

– Он сказал, что вы делаете все, чтобы утопить меня. Он пытался дать показания против других руководителей АДМ, но Джим Никсон сказал, что это вас не интересует. Вам нужно только собрать свидетельства против меня.

– Марк, – ответил Бассет, – в этом нет ни слова правды. Мы дали Рихтеру возможность высказать все, что он пожелает, задали ему множество вопросов не только о вас, но и о других бывших и нынешних сотрудниках АДМ. Их действия мы исследуем очень внимательно.

– Послушайте, Марк, – вступил Д'Анжело, – Херндон сейчас в Мехико и хочет поговорить с Рихтером. Помогите ему. Ему нужны показания о нарушениях антитрестовских законов. По делу о мошенничестве мы уже все выяснили.

– Попробую, – сказал Уайтекер.

Прошло около часа, и Уайтекер позвонил снова, но не сказал ничего определенного.{356} Он говорил с женой Рихтера – сам Рейнхарт ушел к зубному врачу и вернется только через несколько часов, так что о нарушении антитрестовских законов

разговора сегодня не будет. Уайтекер добавил, что, как ему представляется, дело в том, что Рихтер разочарован предыдущим допросом.

– Он сказал, что ФБР и Министерство юстиции стараются выгородить АДМ, Андреасов и Джима Рэнделла, – негодовал Уайтекер, – и что говорить с вами все равно что говорить с адвокатами из «Уильямс и Конноли».

– Он утверждает, что мы не хотели слушать его показаний против АДМ? – спросил Бассет.

– Он сказал, что вы слушали их, но без интереса.

– И какие же факты он не успел нам сообщить?

Уайтекер минут десять перечислял различные сюжеты, в том числе взятку в два миллиона долларов, которую Дуэйн Андреас дал одному из мексиканских политиков, и четыре миллиона, которые Джим Рэнделл выплатил Крису Джонсу.

Д'Анжело все записал, хотя почти все было известно ему и раньше. Эпстайн еще несколько недель назад говорил им, что Рихтеру не терпится поделиться информацией с агентами ФБР. Но во время допроса Рихтер и не заикнулся об этом. Либо Рихтер осторожничал, либо Уайтекер врет.

И агенты не сомневались в том, какое из этих предположений ближе к истине.

Мощная каменная кладка с трудом выдерживает вес шестнадцати этажей здания Монадиок на Западном бульваре Джексона в центре Чикаго.{357} Монадиок построен в 1891 году и в те времена был самым высоким зданием мира, а теперь он карлик среди стальных гигантов. Он стоит наискосок от федерального здания Дирксена. Его архитектурные достоинства привлекают многих ведущих чикагских адвокатов. Не устоял и Джефф Стейнбек, к которому обратился Рон Феррари. Стейнбек уже несколько недель пытался организовать вторую встречу агентов ФБР со своим клиентом в надежде предотвратить вероятное судебное преследование. Феррари есть что сказать, соблазнял он агентов. Наконец встречу назначили на 6 декабря.

Джим Никсон, Д'Анжело и Бассет вошли в вестибюль Монадиока и направились к лестнице из полированного алюминия. Вестибюль был тесен и темен, как коробка из-под обуви. Старомодные электрические лампочки, ввинченные в тянущиеся из стен щупальца, напрягались в попытке разогнать викторианскую полутьму. Погрузившись в кабину лифта, все трое вознеслись в офис Стейнбека.

– Тони! – приветствовала их дама в приемной. – Как поживаешь?

– Нормально, Кэрол, – отозвался Д'Анжело. – А ты?

Агенту уже приходилось бывать у Стейнбека.

Вслед за Кэрол они прошли в кабинет адвоката. Столбы солнечного света лились из окон на стены с фотографиями сцен боксерских поединков. Стейнбек страстно любил бокс. Адвокат сидел за столом, а рядом в кресле пристроился Феррари. При появлении гостей Стейнбек встал, широко улыбаясь.

– Заходите, заходите, – прогудел он. – Присаживайтесь.

Гости расположились в креслах у стола. Перекинувшись с ними несколькими необязательными фразами, Стейнбек перешел к делу.{358}

– Рон готов сотрудничать, – сказал он. – Он правдиво и исчерпывающе ответит на все ваши вопросы. Правда? – обратился он к Феррари.

Тот молча кивнул.

Стейнбек продолжил монолог, сказав в заключение, что Феррари сознает всю важность правдивых показаний. Агенты начали делать записи. Речь произвела на них впечатление: Стейнбек был профессионалом высшего класса. Ясно, что перед их приходом Стейнбек основательно поработал с клиентом и внушил ему, что пытаться обмануть ФБР означает копать самому себе яму.

– Итак, – произнес адвокат. – Я просмотрел «форму триста два» первого допроса Рона и нашел кое-какие моменты, требующие уточнения.

Агенты знали, что на языке адвокатов «уточнение» означает, что свидетель меняет показания.

– Во-первых, Феррари сказал, что перевел со своего счета в Гонконге полтора миллиона долларов Уайтекеру на Кайманы через два или три месяца после поступления этих денег на его счет. На самом деле прошло не менее одиннадцати месяцев.

Д'Анжело записал это. Стало быть, заявление Феррари о желании избавиться от этих денег как можно скорее было ложью.

Во-вторых, сказал Стейнбек, чтобы отдать Уайтекеру долг в двадцать пять тысяч долларов, его клиенту потребовалось времени больше, чем он указал в прошлый раз. И в-третьих, надо внести поправки в показания Феррари о тех двадцати пяти тысячах, которые они с женой, по его словам, скопили и держали в банковском сейфе. Стейнбек выжидательно посмотрел на клиента.

– Эти деньги я получал неофициально, когда играл с «Сан-францисскими золотоискателями», – сказал Феррари.

– За что? – спросил Д'Анжело.

Феррари, опустив глаза в пол, пробормотал что-то

неразборчивое. Стейнбек вмешался в разговор.

– Понимаете, в футболе иногда делаются вещи, которые не дозволены официально, – объяснил он с лукавой улыбкой.

Агенты все еще не понимали, о чем идет речь.

– Бывает, что в команде противника есть неудобный, опасный игрок. И руководство команды выплачивает своему футболисту некоторую сумму за то, чтобы он нанес травму этому неудобному игроку.

Агенты недоверчиво уставились на Стейнбека. Футболистам-профессионалам платят незаконные суммы за то, чтобы они калечили друг друга?

Стейнбек улыбался. Он явно наслаждался ситуацией.

– Это называется «охотой за головами». Охотникам платят за то, что они сносят головы. – Прежде чем продолжить, Стейнбек спрятал улыбку и холодно глянул на своего клиента. – А остальные деньги он заработал на разных благотворительных мероприятиях. Он на них появляется, а ему за это суют несколько сотен долларов наличными. Правильно, Рон?

Феррари молча кивнул.

Агенты расхохотались.

Вернулись к вопросу о полутора миллионах долларов на гонконгском счету. И вновь Феррари твердил, что позволил Уайтекеру воспользоваться его, Феррари, счетом, чтобы тот смог получить комиссионные за консультирование.

– Вы знали, какая сумма придет на счет? – спросил Бассет.

– Говорю же вам, не знал. Думал, это будет тысяч сорок-пятьдесят.

– Значит, пока деньги не пришли, вам и в голову не приходило, что их будет больше?

– Нет, тогда я и не думал об этом.

Бассет достал из кейса папку, а из папки – исписанный листок и протянул его Стейнбеку.

– Думаю, это поможет вам припомнить, – произнес он бесстрастно.

Стейнбек читал документ, и на его лице проступало удивление. Затем он молча передал листок Феррари. Тот взглянул и тоже ничего не сказал.

Агенты торжествовали. Документ был подписан Феррари и выслан в гонконгский банк за несколько дней до того, как деньги поступили на счет. В записке Феррари уведомлял банкиров, что через два-три дня на его счет поступит крупная сумма – полтора миллиона долларов. Версия Феррари рассыпалась в прах. Он не только заранее знал о переводе, но и предупредил о нем банк.

– Это ваш почерк? – спросил Бассет.

– Да, – пробормотал Феррари, не поднимая глаз от записки.

– И вы будете по-прежнему утверждать, что не знали о том, какая сумма будет переведена?

Феррари не стал это утверждать. Подняв голову, он посмотрел на агентов.

– Марк позвонил мне заранее и назвал сумму, – сказал он.

– А зачем вы написали эту записку? – спросил Бассет.

– Я хотел оказать Марку услугу, но встревожился из-за того, что сумма так велика. И я не знал, откуда эти деньги.

– Если вы так тревожились из-за этих денег, то могли и не принимать их. Дали бы банку указание отослать их обратно, и все.

– Ну, я ведь обещал Марку, – ответил Феррари растерянно. – Я хотел оказать ему услугу.

Агенты указали Феррари на многочисленные нестыковки в его рассказе. Феррари оправдывался тем, что сам не получал этих денег. Он снова и снова повторял эту фразу, обороняясь от наседавших на него агентов. Д'Анжело решил сменить тему.

– Вы слышали от Уайтекера что-нибудь про Нигерию? – спросил он.

– Да, он говорил, что участвовал в какой-то нигерийской сделке и посылал туда деньги.

– Что именно он рассказал вам?

– Какую-то ахинею. Он вроде как выслал им деньги, а они должны сделать ему инвойсы или что-то такое. Марк сказал, что деньги вернутся с большой прибылью.

– Он не говорил, откуда узнал о возможности такой сделки?

– Говорил. Он сказал, что узнал об этом от Мика Андреаса, который раньше тоже участвовал в чем-то таком. – Феррари покачал головой. – Я подумал тогда, что это бред.

– Когда он говорил это?

– Не помню точно. Году в девяносто первом, наверное. – Феррари на секунду задумался. – Знаете, мне сразу показалось, что это какая-то афера. А Марк вроде бы вложил в нее очень большую сумму.

– Вы не думали, что перевод полутора миллионов связан с этой нигерийской сделкой?

– Да, меня это очень беспокоило, – ответил Феррари. – Я боялся, что эти деньги увели у нигерийцев и они, чего доброго, нагрянут за ними ко мне.

Он глянул на агентов и на Никсона.

– Я и вправду боялся, – повторил он.

Разговор шел еще два часа. Агенты вернулись к вопросу о полутора миллионах долларов, но Феррари твердил одно и то же. Он не держал эти деньги в руках и не знает, откуда они у Уайтекера.

Агенты спросили Феррари, что ему известно о промышленном шпионаже, которым занималась АДМ. Тот ответил, что слышал от Уайтекера, как компания пыталась украсть у конкурентов микробы и посылала людей брать пробы в сточных трубах на их заводах. Но он знает это только со слов Уайтекера, подчеркнул Феррари.

Допрос окончился. Агенты собрали бумаги и вместе с Никсоном покинули адвокатскую контору. На улице они обменялись мнениями. Агенты считали, что записка, посланная Феррари в гонконгский банк, может серьезно навредить ему.

Никсон так не думал.

Спустя неделю, 13 декабря, Майк Бассет среди поступившей корреспонденции заметил знакомый стандартный конверт «Федерал экспресс». Взглянув на штамп, он увидел, что это письмо из отдела по борьбе с мошенничеством. Бассет вернулся на место и вскрыл конверт.{359}

Прочитав письмо, он потянулся к телефону. Нужно немедленно поговорить с Д'Анжело.

– Тони, я только что получил письмо от прокуроров, – сказал он. – Ты должен его прочитать. Черт побери! Просто неслыханно.

Через пятнадцать минут Д'Анжело читал письмо. Оно сразу показалось ему необычным: корреспонденция из прокуратуры присылалась, как правило, руководству офиса, а не агентам, проводившим расследование. Но письмо было не просто необычным – оно пахло неприятностями.

Письмо подписали Маккей, Никсон и Спиринг. После дружеского «Дорогие Майк и Тони» шли похвалы расследованию мошенничества. Перечислялись проведенные допросы и суммы, кражу которых удалось выявить. Работа по розыску банковских счетов и участвовавших в краже компаний велась на всех пяти континентах. Кроме того, прокуроры надеялись, что Обри Дэниел все же организует их встречу с руководством АДМ, в том числе с Рэнделлом и Андреасом.

Прокуроры писали, что поначалу рассчитывали завершить расследование к ноябрю. Это оказалось невозможным, и теперь они устанавливают новый срок.

> «Мы надеемся подготовить дело к передаче в суд к концу января 1996 года»,

– сообщали они.

«Меньше месяца», – подумал Д'Анжело.

К тому же агентам требовалось в ближайшее время допросить Уайтекера еще раз.

> «Расследование нельзя считать доведенным до конца, пока мы не получим доступа к документам и участникам событий, подлежащим юрисдикции иностранных государств,

– было написано далее. –

> Что касается расследования на территории США, то нам представляется, что его возможно в существенной части завершить к указанной дате».

Прокуроры хотят предъявить обвинение, не ознакомившись со всеми обстоятельствами? Что за спешка?

Для этого, полагали прокуроры, необходимо сосредоточить усилия на нескольких основных направлениях. Под этим подразумевался допрос семерых свидетелей и полный анализ всех финансовых операций Уайтекера с изучением сведений о его телефонных переговорах, о доходах, полученных от мошеннических сделок, и о налоговых выплатах.

Прокуроры открыто изъявляли недоверие к агентам. Они выражали претензии в связи с тем, что им не переслали «форму 302» с протоколами бесед агентов с представителями защиты. Д'Анжело и Бассет невесело рассмеялись. Беседы с адвокатами, в отличие от допросов свидетелей, не заносятся в «форму 302». Агенты излагают их содержание в докладных записках, но они, как правило, предназначены для внутреннего пользования. И наконец, именно *прокуроры* постоянно общаются с защитниками, а не агенты.

Прочитав следующую фразу, Д'Анжело окаменел.

> «Пожалуйста, имейте в виду, что расследование не предусматривает использование Уайтекера в качестве свидетеля по обвинению тех, кто был вовлечен в его преступную деятельность».

Он перечитал еще раз.

> «Расследование не предусматривает использование Уайтекера в качестве свидетеля по обвинению тех, кто был вовлечен в его преступную деятельность».

По коже Д'Анжело пробежал холодок. Иначе говоря, ФБР приказывали поскорее собрать все улики против Уайтекера и больше никого не трогать – так, что ли?

Бросив письмо на стол, он посмотрел на Бассета.

– Что это значит, черт побери?

– Думаю, ты и сам догадаешься, – отозвался Бассет, скрестив руки на груди.

Оба были в растерянности. Они всегда считали своим долгом проследить все нити преступления до конца. А тут им, похоже, велят ухватиться только за те, которые ведут к одному человеку, а на остальные не обращать внимания.

Они не могли избавиться от ощущения, что стали свидетелями препятствования осуществлению правосудия, – но на этот раз правосудию препятствовало Министерство юстиции.

Чуть позже Бассет и Д'Анжело сидели за ланчем в одном из чикагских кафе, обсуждая возможные варианты дальнейших действий. Бассет проглотил кусок сэндвича с индейкой.

– Черт побери, это настоящее дерьмо! – вырвалось у него.

– Да уж, такого я еще не видел, – согласился Д'Анжело. – Но мы не сдадимся, мы заявим официальный протест.

По мнению агентов, все говорило о том, что Министерство юстиции пляшет под дудку фирмы «Уильямс и Конноли». Сначала нелепое заявление о том, что АДМ не является объектом расследования, а теперь им, похоже, запрещают допрашивать свидетелей, дающих показания против компании. Все это вашингтонские бои за влияние, ворчали они.

– Налицо явный сговор, – заметил Д'Анжело. – Расследованием руководит «Уильямс и Конноли».

Они снова рассмотрели варианты развития событий. Что, если они последуют указаниям министерства и оборвут ниточки, которые дал им в руки Уайтекер?

– Нетрудно представить, – сказал Бассет. – Нас обвинят в том, что *мы* препятствуем осуществлению правосудия.

Д'Анжело согласно кивнул и вонзил зубы в свой многоэтажный бутерброд.

– Ясно одно, – проговорил он. – Как только против Уайтекера выдвинут официальное обвинение, остальных оставят в покое.

– Надо постараться закончить оба расследования одновременно. Закончим, и Министерство юстиции окажется вне игры, – сказал Бассет и, проглотив кусок сэндвича, добавил, усмехнувшись: – Меня, кстати, по-видимому, скоро отстранят от дела – переводят в Олбани. Так что все придется доделывать тебе.

– Вот уж спасибо!

Агенты договорились, что их следующим шагом станет жалоба в инстанции Бюро. Они знали, что штаб-квартира Бюро непременно вмешается.

– Будем надеяться, что Бюро поддержит нас, – сказал Бассет.

– А если нет?

Они погрузились в молчание.

– Знаешь, Майк, – заговорил Д'Анжело, – если мне скажут: «Прекратите расследование, оставьте АДМ в покое», – я подам заявление об уходе.

– Я тоже, – отозвался Бассет.

– И еще, Майк, – добавил Д'Анжело, приканчивая бутерброд, – если действительно так и будет, я думаю, надо обратиться в прессу.

Бассет кивнул. Это будет неслыханный шаг. Агенты ФБР так не делают. Но шаг этот был разумным.

– Согласен, – сказал он.

К концу трапезы агенты утвердились в решении. Если им прикажут бросить расследование, *если им прикажут воспрепятствовать осуществлению правосудия,* – они в тот же день подадут в отставку.

И обратятся к авторам передачи «60 минут».

Ничего этого делать не пришлось.

На экстраординарное письмо Министерства юстиции Бюро отреагировало единодушным возмущением. Руководство ФБР не только поддержало Бассета и Д'Анжело, но вступило в бой за них.

Узнав о письме, руководитель их офиса обратился к чикагскому ASAC Эду Уортингтону. Тот согласился подписать ответ прокурорам, который составил Д'Анжело. Ответное письмо было очень дипломатичным, хотя в нем сквозили шпильки, подпущенные прокурорам.{360}

Д'Анжело последовательно разобрал все требования министерских прокуроров. Что касается расследования правонарушений Уайтекера, писал он, то запросы на соответствующую информацию уже разосланы в зарубежные банки, и без нее дело завершить нельзя. Сведения об уплате налогов, как правило, не выдаются агентам ФБР. Для этого требуется судебный ордер, и добыть его должны сами прокуроры.

> «Северная окружная прокуратура Иллинойса для получения налоговой информации обычно обращается в суд. Если потребуется, мы вышлем вам для ознакомления образец заявки»,

– прибавлял он ядовито.

Агенты не могут передать прокурорам выписки из «формы 302» с протоколами их бесед с адвокатами, потому что в «форме 302» таковых не содержится, продолжал Д'Анжело. Информация о беседах излагается в докладных записках, и агенты готовы предоставить их министерству.

Заключительная часть письма была посвящена высказанному прокурорами пожеланию, чтобы Уайтекер не давал показания против других обвиняемых.

> «Все потенциальные преступные действия, нити к которым ведут от махинаций Уайтекера, будут расследованы внимательно и до конца,

– говорилось в ответном письме. –

> ФБР постарается сделать это как можно быстрее, но не в ущерб полноте расследования».

В последовавшие дни и недели чикагский офис ФБР в своем намерении действовать вопреки указаниям министерства заручился поддержкой штаб-квартиры. Д'Анжело и Бассет обратились к помощнику заместителя директора ФБР, руководителю криминального следственного отдела Нейлу Галлахеру. Галлахер сказал агентам, чтобы те не обращали внимания на указания, вредящие расследованию.

– Делайте то, что и делали, – сказал он.

В отношениях между компаниями, которых обвиняли в фиксировании цен и которые прежде выступали единым фронтом, поползли трещины. АДМ и ее руководители по-прежнему решительно сопротивлялись попыткам обвинения, но их иностранные конкуренты занимали не столь прочные позиции и, похоже, готовы были их сдать.

Наибольшую склонность пойти на сотрудничество с правоохранительными органами проявляла компания «Севон», которая занималась производством лизина и еще недавно входила в корпорацию «Мивон». Представлявший корейскую компанию адвокат Лоренс Килл сказал, что «Севон» не возражает против уплаты штрафа в несколько сот тысяч долларов. Прокуратура настаивала на миллионах. Однако в ходе переговоров выявилось несколько обнадеживающих факторов. Во-первых, Килл кинул прокурорам соблазнительную кость, заявив, что «Севон» может предоставить им документы, касающиеся сговора о ценах. Во-вторых, он избегал упоминать имя Чхом Су

Кима, основного представителя компании на переговорах. Это говорило о том, что «Севон» не пытается уйти от ответственности, отдав на растерзание одного-двух исполнителей, что, как известно, тормозит ход расследования.

Но другие участники сговора вели себя иначе. 19 декабря адвокаты «Адзиномото» выступили с предложением. Компания готова заявить о *nolo contendere,*[69] то есть позиции, при которой она не отвергает выдвинутых против нее обвинений, но и не признает их. Адвокаты намекнули также, что Кандзи Мимото, отвечавший за сбор информации, необходимой для достижения соглашения по объемам производства, возможно, признает себя виновным. Что касается управляющего Кадзутоси Ямады, то тут ни о каком признании вины не может быть и речи.

Прокуроры выслушали предложение, но отпустить Ямаду с миром не согласились. Во всяком случае, это была лишь начальная ставка японцев, и прокуроры были уверены, что «Адзиномото» в недалеком будущем повысит ее, – скорее всего, когда обвинение станет неизбежным.

18 декабря город Гринвилл в Северной Каролине тонул в сплошном ливне. Частный детектив Вернон Эллисон подрулил к подъезду маленькой клиники местного хиропрактика и выключил двигатель. «Дворники», со скрипом и писком сражавшиеся с потоками дождя, замерли. Эллисон взглянул на сидевшего рядом Эндрю Ливтауна из детективного агентства «Кролл ассошиэйтс», которое занималось поисками миллионов Уайтекера.

– Готов? – спросил Эллисон.

– Пошли! – отозвался Ливтаун, распахивая дверцу автомобиля.

Ливтаун приехал в Гринвилл прямо из своего агентства. Несколько недель назад швейцарские юристы объявили, что у них накопился обширный материал о счетах Уайтекера в банках этой страны, и теперь агентство выясняло, куда поступали деньги с этих счетов в виде чеков или переводов. В документах фигурировало, среди прочих, имя Пэтти Макларен, которая в этом году получила от Уайтекера чек на восемь тысяч долларов. Указывалось, что она проживает в Гринвилле, но не было известно, кто она такая. Ливтаун вызвался съездить к ней и взял в помощники Эллисона, обладавшего лицензией штата.

Запахнув поплотнее плащи, детективы прошли к дверям клиники. Приемная была заполнена пациентами, со скучающим видом листавшими журналы. Ливтаун оглядел запущенное помещение, которое никак не вязалось со счетом в швейцарском банке.

За конторкой недалеко от входа сидела женщина. Детективы подошли к ней.

– Прошу прощения, – обратился к ней Ливтаун. – Мне нужна Пэтти Макларен.

Та подняла на него глаза.

– Это я.

Ливтаун представился и протянул визитную карточку.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов о деньгах, которые вы получили от Марка Уайтекера, – сказал он.

Макларен недоверчиво оглядела детективов.

– Ну, тут говорить неудобно, – сказала она. – Я попробую найти место.

Женщина удалилась в одну из задних комнат. Ливтаун подумал, что она, возможно, звонит своему адвокату. Спустя несколько минут Пэтти Макларен вернулась с непроницаемым лицом.

– Мне нечего сказать, – произнесла она решительно.

– Видите ли… – начал Ливтаун.

– Мне нечего сказать! – повторила Макларен и добавила, указав на дверь: – Уходите, пожалуйста.

Детективы направились к дверям. На пороге Ливтаун оглянулся. Он решил сделать еще одну попытку, более решительную.

– Значит, вы не хотите нам сказать, почему Марк Уайтекер перевел вам в мае восемь тысяч долларов? – спросил он.

Лицо женщины вспыхнуло от возмущения.

– Это наши семейные дела, и вас они не касаются! – бросила она.{361}

Последние слова Макларен помогли детективам установить, что Макларен – сестра Джинджер Уайтекер. Какими бы мотивами ни руководствовался Уайтекер, переводя ей деньги, вряд ли эта история поможет АДМ. И Ливтаун отправился в обратный путь.

На следующий день он вернулся в офис «Кролл ассошиэйтс» на углу М-стрит и Восемнадцатой. Мыслями он был уже в делах и полагал, что его участие в деле Уайтекера ограничится несостоявшимся разговором с Пэтти Макларен.

Днем на коммутаторе офиса загорелась лампочка. Сидевшая в приемной секретарша Жанин Хайтауэр приняла вызов.

– «Кролл ассошиэйтс».

– Эндрю Ливтауна, – потребовал мужской голос.

– Кто его спрашивает?

– Человек, который держит в руках его визитную карточку! – сердито отозвался голос. – Он дал ее вчера Пэтти Макларен. Я

знаю, что ему надо! Он предлагает деньги за то, чтобы они насочиняли всяких небылиц про Марка Уайтекера. Передайте ему, что вчера не только он сделал самую большую в жизни ошибку, но и ваше агентство совершило самый большой ляп за всю свою историю.

Звонивший дал отбой.

Жанин Хайтауэр рассказала Ливтауну о странном звонке. Он, в свою очередь, рассказал руководителям агентства. Те, посовещавшись, пришли к заключению, что надо известить «Уильямс и Конноли».

Адвокаты были не на шутку встревожены. Они несколько месяцев не получали анонимных писем с угрозами от «Лэмет Вов», а теперь, похоже, все начиналось снова. Пора принимать меры, решили они. Невзирая на протесты Жюля Кролла, основателя агентства, «Уильямс и Конноли» велела детективам свернуть расследование и не встречаться с людьми, которые могли выступить на процессе в качестве свидетелей.

И никто не знал, что человек, скрывавшийся под псевдонимом «Лэмет Вов» и звонивший в агентство, только что выиграл очень важный раунд в поединке с АДМ.

С утренней почтой в дом Масару Ямамото под Иокогамой пришло письмо. Уже шесть месяцев директор отдела биопродуктов токийской компании «Киова хакко» беспомощно наблюдал за тем, как в США разворачивается расследование международного сговора о ценах на лизин. Ямамото казалось невероятным, что все эти годы Уайтекер записывал их разговоры. Ему было стыдно и страшно.

А теперь это письмо. Сегодня, 9 января 1996 года, письмо советовало ему свернуть свою деятельность.{362}

Его написал Дэвид Хёх, американский консультант, который поставлял Ямамото информацию о состоянии рынка сельскохозяйственной продукции. Нередко информация Хёха была более конкретна, и прежде всего сведения, которые он добывал в разговорах с Уайтекером и которые позволяли судить о планах АДМ. Но сегодняшнее неофициальное сообщение было иного рода. Хёх писал, что у правоохранительных органов, судя по всему, имеются неопровержимые улики и Ямамото должен приготовиться к худшему.

«В отсутствие серьезных улик,

– говорилось в письме, –

они не прекратили бы секретную операцию с

использованием Уайтекера в качестве осведомителя. А с 27 июня 1995 года агенты ФБР допрашивают других свидетелей».

Ямамото, конечно, находится за пределами юрисдикции американских органов правопорядка, писал Хёх, но об этих аудио- и видеозаписях наверняка сообщат японские СМИ. Далее консультант Ямамото откровенно предлагал:

> «На вашем месте я бы постарался договориться с Министерством юстиции США об иммунитете от судебного преследования и оградить компанию от нежелательных последствий. Пожалуйста, прислушайтесь к моему дружескому совету».

Ямамото отложил письмо. Он понимал, что придется принять непростые решения.

Правительство рассылало кипы повесток о явке в суд, а Шепард и Херндон занялись некоторыми из самых причудливых утверждений Уайтекера. Этот свидетель окончательно утратил их доверие, но отмахнуться от его показаний было нельзя. К тому же данные, собранные при расследовании предполагаемых правонарушений в АДМ – от кражи микробов у конкурентов до незаконного прослушивания постояльцев «Декейтер Клаб», – могли содержать дополнительные сведения о фиксировании цен.

Некоторые утверждения с самого начала выглядели сомнительно. Одной из первых пришлось отвергнуть версию о прослушке в «Декейтер Клаб». По словам Уайтекера, он узнал об этом из вторых рук – от секретарш, которые якобы распечатывали тексты аудиозаписей. Но секретарши это отрицали.{363} Допрашивая людей на основании непроверенных слухов, можно надеяться разве что на то, что случайно выплывет какой-нибудь интересный факт.

Другие утверждения Уайтекера, казалось, подтверждались аудиозаписями. Так, на одной из ранних записей Джим Рэнделл говорил о том, что заплатил пятьдесят тысяч долларов некоему Майку Фрейну за доставку микробов, производящих бацитрацин. Херндон провел компьютерный розыск Фрейна, охватывавший всю страну. В конце концов Фрейн обнаружился, и Херндон связался с ним по телефону. Он задал свидетелю несколько самых общих вопросов. Фрейн с готовностью отвечал на вопросы, отрицая свое участие в противозаконных действиях, и охотно согласился на встречу. Херндон обрадовался: дело быстро продвигалось.

Но через несколько дней Херндону от Фрейна пришло сообщение голосовой почты, в котором тот отказывался от встречи и предлагал агенту связаться с Обри Дэниелом. Херндон набрал номер «Уильямс и Конноли». Удивительно, но его немедленно соединили с Дэниелом.

– Это Боб Херндон. Я из ФБР, занимаюсь делом АДМ. Я получил сообщение от Майка Фрейна, который советует обратиться к вам.

– Да-да, – отозвался Дэниел. – Но я не представляю Майка Фрейна. Его адвокат позвонит вам в ближайшее время.

Уильям Джозеф Линклейтер и вправду перезвонил Херндону очень быстро и стал умолять отложить встречу. Фрейн нанял его буквально на днях, и он даже не узнал бы своего клиента, встретив его на улице. Херндон только вздохнул. Раз в дело влезли адвокаты, допросить Фрейна будет нелегко.

Затем неожиданно произошел прорыв.

Один из бывших служащих АДМ, получив повестку, согласился поговорить с Шепардом. 17 января агент встретился с Джозефом Грэхемом.[70] Шепард записал показания Грэхема от руки и разволновался от услышанного. Новый свидетель заявил, что может описать в подробностях попытки АДМ украсть технологию конкурентов, и даже подтвердил кое-что из сказанного Уайтекером.{364}

Грэхем сказал, что ему известны попытки АДМ использовать проституток для выведывания коммерческих тайн и для поиска сотрудников конкурирующих компаний, недовольных своим руководством. В частности, АДМ собиралась использовать двух проституток из Айовы, промышлявших возле предприятия их конкурентов в Эддивилле, но Рэнделл отказался от этой затеи.

По словам Грэхема, были и другие методы промышленного шпионажа. Он знал, например, о том, что АДМ посылала людей исследовать сточные трубы на заводах конкурентов в надежде обнаружить просочившиеся туда патентованные микробы. В точности об этом Уайтекер говорил Рону Феррари.

Грэхем сообщил и то, о чем не упоминал Уайтекер. Так, одной из охранных фирм из Небраски АДМ предложила сто тысяч долларов за то, чтобы ее сотрудники устроились на работу в конкурирующую с АДМ компанию и выкрали ее микробы. Но фирма, по словам Грэхема, отвергла это предложение.

Когда Грэхем закончил рассказ, Шепард спросил, нет ли у него платежных документов, подтверждающих сказанное. Грэхем пообещал поискать.

Шепард чуть не прыгал от восторга. Он тут же вылетел в Небраску, чтобы повидаться с директором охранной фирмы, о

которой говорил Грэхем. Пустой номер: директор твердил, что ничего не знает о стотысячедолларовом предложении АДМ. Шепарду показалось, что ему можно доверять, – впрочем, как и Грэхему.

24 сентября Грэхем снова позвонил Шепарду. Платежных документов он не нашел, но в процессе своих поисков обнаружил в одной из коробок запечатанный конверт, датированный 3 июня 1991 года. Несколько лет назад он спрятал конверт и забыл о нем. В конверте были два сложенных листка бумаги.

Это был список вопросов, которые АДМ заготовила для проституток.

Херндон кивнул радиооператору спрингфилдского офиса ФБР и подошел к факсу. Несколько минут назад позвонил Шепард и сказал, что только что получил вопросы, которые должны были задавать проститутки своим клиентам, и высылает их факсом. Вскоре пришли листки с написанным от руки и немного стершимся списком. Взяв его, Херндон направился к себе и, не утерпев, начал читать на ходу.{365}

Сверху был заголовок: «Вопросы для девушек, Эддивилл».

Прочитав первый вопрос, Херндон усмехнулся: «Объем помола в бушелях за день».

Другие вопросы, с учетом обстановки, в которой их предполагалось задать, были еще забавнее. «„Пепси-кола“ ваш постоянный клиент?» «Планируется ли увеличить возможности по выпуску фруктозы?» «Кто быстрее всех мелет с использованием влажного помола?»

Херндон позвал к своему столу агентов, проведавших о находке Шепарда, и под их дружный смех прочел вопросы вслух.

– Представляю картинку, – потешался один из агентов. – Какая-нибудь пташка подцепит японского бизнесмена, который по-английски ни «би» ни «си», и спрашивает: «„Пепси-кола“ ваш постоянный клиент?»

Все расхохотались.

Они веселились весь день. Херндон факсом разослал копии прокурорам антитрестовского отдела и Роджеру Хитону в спрингфилдскую окружную прокуратуру, которая должна была взять на себя руководство расследованием, если от него откажутся антитрестовцы, – что было вполне вероятно, потому что в законе Шермана ничего не говорится о проститутках и промышленном шпионаже.

Вопросы были так нелепы, что, по мнению прокуроров, их, должно быть, составил какой-то шутник и несколько лет назад для потехи всучил Грэхему, а тот не понял шутки. Но даже если

вопросы составлялись всерьез, то преступление могло и не иметь места – ведь Грэхем сказал, что Рэнделл отказался от этого плана.

Херндону и Шепарду велели продолжать расследование, хоть они и видели ничтожность шансов предъявить обвинение по этому делу. Трудно убедить судью вынести приговор, когда тот катается от смеха.

Начиная с ноября «Уильямс и Конноли» затопило потоком писем и факсов от «Лэмет Вов».{366} Автор писем, выдававший себя за представителя Наблюдательного комитета акционеров АДМ, рассылал их теперь не только в офисы руководителей компании, но и на незарегистрированные домашние факсы.

Он упрекал совет директоров АДМ в том, что его ввело в заблуждение руководство компании, и выдвигал ряд обвинений, не имеющих отношения к делу, – вроде того, что один из менеджеров скрылся с места дорожно-транспортного происшествия. В январском письме «Лэмет Вов» уверял, что его обвинения подтверждают аудио- и видеозаписи, сделанные Уайтекером. В том же письме сообщалось, что агентство «Кролл ассошиэйтс» пыталось выведать информацию у Пэтти Макларен путем подкупа. Завершалось послание обращением к Дуэйну Андреасу:

> «Акционеры хорошо осведомлены и видят вас насквозь. Нет, Дуэйн, мы не политики, и нас ты не подкупишь и не запугаешь».

С точки зрения Обри Дэниела, эти письма были противозаконными угрозами, а исходили они, скорее всего, от Уайтекера. Юристы и детективы рыскали по стране в поисках следов «Лэмет Вов». Его разоблачение, надеялись они, поможет АДМ в ее битве с Уайтекером.

Прежде всего решили выяснить, что означает «Лэмет Вов». Это было сравнительно просто: один из адвокатов обнаружил, что эти слова в ином написании, «Ламед Вав Цаддиким», на иврите означают «тридцать шесть праведников».{367} Согласно Вавилонскому Талмуду, в каждом поколении на Земле рождается тридцать шесть безымянных праведников. Несомненно, анонимный автор ссылался на эту группу тайных святых.

Установить его личность оказалось куда труднее. «Лэмет Вов» настроил свой факс так, что его номер не отражался в заголовке сообщения. Но однажды пришло послание с номером факса. «Уильямсу и Конноли» удалось выйти на копировальный центр компании «Кинко» в Кентукки, и даже на служащего, отославшего этот факс. Он довольно смутно помнил внешность заказчика, но

по описанию это был вовсе не Уайтекер.{368}

«Уильямс и Конноли» сосредоточила поиски на Кентукки, но тут почта «Федерал экспресс» доставила еще одно письмо из Сент-Луиса, а поиски отправителя и на сей раз привели в тупик. Однако само письмо находилось в руках «Уильямс и Конноли», и адвокаты послали его на дактилоскопию. Выяснилось, что отпечатков пальцев на письме нет – его автор был очень предусмотрителен и действовал, очевидно, в перчатках.

Тогда обратились к специалисту, умевшему создавать психологический портрет человека по почерку. Почерковед выявил некоторое сходство в построении фраз в письмах «Лэмет Вов» и документах, составлявшихся Уайтекером, но стилистических различий нашел еще больше. Он заключил, что Уайтекер мог приложить руку к письмам, но сочинял их другой или другие.

Озадаченные Обри Дэниел и его партнер Барри Саймон отправились 31 января в Министерство юстиции, чтобы встретиться с Маккеем и Никсоном. Адвокаты представили прокурорам письма «Лэмет Вов» и собранную ими информацию, потребовав, чтобы министерство приобщило эти материалы к делу Уайтекера. На следующий день прокуроры послали Бассету и Д'Анжело сообщение о разговоре с адвокатами и копии анонимных писем.{369}

> «Просим ФБР установить автора (или авторов) этих писем,

– писали прокуроры, –

> и позвонить нам для обсуждения плана действий».

Агенты рассмеялись. Несколько недель назад им велели поторопиться с расследованием и забыть о всех побочных линиях, а теперь они должны тратить время на поиски автора анонимок?

– Да кого это волнует? – сказал Д'Анжело Бассету. – И в чем тут состав преступления?

Они подшили письма в дело и благополучно забыли о них.

Но «Уильямс и Конноли» и АДМ не забыли. Вскоре им стали звонить журналисты с вопросами об обвинениях, выдвинутых в этих письмах. Последней каплей стал опубликованный 12 февраля отчет Бонни Виттенберг, биржевого аналитика из компании «Дейн Босворт».{370} В своем отчете Виттенберг повторяла мнение, которое высказывала и ранее, что инвесторам АДМ следует продать акции. Она приводила несколько доводов, один из которых был следующим:

«Письма Наблюдательного комитета акционеров ставят ряд серьезных вопросов».

На следующий день, во вторник, Скотт Лассар вошел в конференц-зал чикагской окружной прокуратуры вместе с Херндоном и Кевином Калемом, юристом антитрестовского отдела. Они собрались для первого обстоятельного допроса Марти Оллисона, бывшего вице-президента АДМ, обвинявшегося в соучастии в махинациях Уайтекера. Но в тот день Оллисона собирались расспросить о фиксировании цен.{371}

Тридцативосьмилетний Оллисон был белокурым и кареглазым красавцем шести с лишним футов ростом. Он вошел с покаянным видом, в сопровождении адвоката Майкла Монико.

Лассар пообещал Оллисону доложить о его добровольном сотрудничестве прокурорам отдела по борьбе с мошенничеством и предъявил документ, подтверждавший, что правдивые показания Оллисона не будут использованы в суде как прямое свидетельство его вины. Монико и его клиент прочли документ и подписали его.

Когда с формальностями было покончено, Херндон задал Оллисону первый вопрос:

– Когда вы впервые узнали о фиксировании цен на лизин?

Оллисон сделал глубокий вдох и кивнул.

– Впервые я услышал об этом году в девяносто третьем.

Для агентов Оллисон был просто подарком судьбы. Держался он уверенно, на вопросы отвечал откровенно и так обстоятельно, так что Херндону не пришлось вытягивать из него подробности. В отличие от других правонарушителей, увязших в этом деле, он, судя по всему, раскаивался искренне и не жаловался на судьбу.

А самое замечательное – Оллисон знал многое. По его словам, в 1992 году Уайтекер выражал беспокойство в связи с тем, что Уилсона вдруг направили работать в его подразделение, чтобы организовать фиксирование цен на лизин. Это совпадало с показаниями самого Уайтекера. Кроме того, Оллисон указал новое направление поисков: региональные переговоры по фиксированию цен на лизин с участием сотрудников более низких уровней. Готовясь к этой встрече, Оллисон даже переписал со своего компьютера данные о региональных переговорах.

Некоторые сообщения Оллисона вызвали озабоченность. К примеру, он рассказал о совещании руководителей продаж АДМ в 1994 году в Скотсдейле, где Уайтекер поразил коллег, раскрыв

секретную информацию конкурентов АДМ по объемам их продаж. Херндон выслушал это с негодованием. Мало того что Уайтекер не записал выступления участников совещания, он даже не сообщил о нем агентам.

В конце допроса Монико поднял руку, прося слова.

– Ребята, – сказал он, – должен вас предупредить, что через несколько минут нам с Марти пора уходить.

– Но у нас еще есть вопросы, – запротестовал Лассар.

– Мы вернемся, как только вы пожелаете.

– Минуточку, – обратился Херндон к адвокату. – Вы говорили, что ваш клиент располагает сведениями о промышленном шпионаже, практиковавшемся в АДМ. Давайте поговорим об этом, пока вы не ушли.

– Давайте, – согласился Монико.

Рассказ Оллисона не занял много времени. На одном из совещаний в 1990 году Рэнделл сообщил, что их новый служащий Майк Фрейн, переходя из «Интернэшнл минералс корпорейшн» в АДМ, прихватил с собой бацитрациновые микробы. Херндон навострил уши. Это-то им и требовалось.

– Уже по тем репликам, которые отпускал Рэнделл, принимая меня на работу, можно было понять, что АДМ – компания своеобразная, – говорил Оллисон.

И рассказал, как однажды Рэнделл принес Уайтекеру сумку, принадлежавшую служащему конкурирующей компании, и спросил, не сможет ли его подразделение проанализировать содержимое сумки, чтобы выделить нужные микробы. В другой раз он подал идею добывать микробы в сточных трубах завода конкурента. До Оллисона доходили слухи о том, что на телефонах некоторых сотрудников АДМ установлены «жучки» и что возле одного из конкурирующих предприятий в Айове компания собиралась высадить десант проституток.

Записывая все это, Херндон с трудом сдерживал довольную улыбку. Этот бесценный свидетель знал почти обо всем, что интересовало агента.

На следующий день Д'Анжело позвонил Скотт Лассар. Он поделился впечатлениями о допросе и выразил мнение, что Оллисон очень перспективный свидетель.{372}

– Полагаю, что он для вас очень полезен, – заметил Лассар. – Постарайтесь договориться с Монико о еще одной встрече.

Затем Лассар сменил тему и сказал, что, просматривая записи в одной из «форм 302», сделанные в то время, когда расследование еще не было открытым, он наткнулся на нечто любопытное. В ходе расследования злоупотреблений с

метионином, которое велось в Мобиле, Уайтекера расспрашивали о его бывших коллегах по работе в «Дегассе», и в том числе о Крисе Джонсе. Уайтекер сказал, что выплачивал Джонсу за особые услуги по десять-двадцать тысяч долларов в месяц.

– Звучит знакомо, – заметил Лассар.

– Что вы имеете в виду? – спросил Херндон.

– Проверьте-ка, парни, не использовал ли Уайтекер эти выплаты для увода денег АДМ.

Пробежав страницу 236 романа в зеленой бумажной обложке, Жюль Кролл решил сделать кое-какие пометки в своем досье по АДМ.

Расследование мошенничеств Уайтекера уже несколько месяцев не давало покоя пятидесятишестилетнему мастеру сыскного дела. Со времени основания в 1972 году агентства «Каролл ассошиэйтс» частный детектив приобрел репутацию человека, который доводит дело до конца. Но на этот раз на его пути встала фирма «Уильямс и Конноли», запретившая допрашивать свидетелей. Но думать ему никто не запретил, и Кролл продолжал развивать весьма оригинальную версию этого дела:

> Марк Уайтекер разыгрывает бредовую версию книги Джона Гришэма «Фирма».

Кролл, пыхтя сигарой, вместе с несколькими помощниками просидел над романом Гришэма несколько дней, выискивая совпадения между делом Уайтекера и историей о молодом юристе, работающем в коррумпированной фирме.{373}

Больше всего сходства было между фирмой, которую автор назвал «Бендини, Ламберт энд Лок», и АДМ. Обе компании нанимали жителей крупных городов и направляли их на работу в свои разбросанные по всему миру филиалы. Описанная Гришэмом фирма находилась в Мемфисе, но ее контролировала мафия из Иллинойса, родного штата АДМ. В книге корпоративные самолеты использовались в обход налогового законодательства, а «Лэмет Вов» обвинял АДМ именно в этом. Бывший полицейский Ламберт, возглавлявший в фирме Гришэма службу безопасности, прослушивал телефонные переговоры, угрожал людям и не боялся переступить закон. Начальник службы безопасности АДМ был бывшим полицейским и, по словам Уайтекера, вел себя точно так же.

Бросались в глаза и параллели между самим Уайтекером и главным героем романа Митчем Макдиром. Отца Макдира убили, когда мальчику было семь лет. Уайтекер сочинил историю о том,

что его родители погибли, когда он был примерно в том же возрасте. Макдиру угрожали смертью. Уайтекер публично заявлял о том же. И тот, и другой стали сотрудничать с ФБР из страха, что им предъявят обвинение. Оба выступали в роли борцов за справедливость, разоблачая преступления своих коллег. Оба считали, что ФБР их предало. В романе один из сотрудников Макдира распространил слух о его сотрудничестве с ФБР. По словам Уайтекера, с ним произошло то же самое.

И в книге, и в истории с Уайтекером мелькали одни и те же географические названия. Жена Макдира бежала в пригород Нэшвилла. Туда же хотела уехать Джинджер. В романе Гришэма упоминались поездки в Ноксвилл и Сент-Луис. Из этих городов в АДМ поступали анонимные письма от «Лэмет Вов».

Удивительные совпадения наблюдались даже в тех случаях, когда это не зависело от Уайтекера, – в частности, в биографиях агентов ФБР. В романе специальный агент Уэйн Тарранс начал службу в нью-йоркском офисе ФБР, после чего был переведен в провинциальный город. То же произошло с Брайаном Шепардом.

И наконец…

И наконец, финансовые операции. Фирма Гришэма отмывала деньги через такие компании, как «Данн Лейн лимитед», «Истпойнт лимитед» и «Галф-Саут лимитед». Уайтекер крал деньги АДМ с помощью «Дальневосточных специалистов», «Евролизина» и «Аминака». Как в романе, так и в жизни проводились платежи между банками Нью-Йорка и Карибских островов. Макдир открывал счета в банках Цюриха и на Карибах, и Уайтекер тоже. В книге Гришэма центром криминальной деятельности были Каймановы острова, и в реальной жизни тоже. К концу романа у Макдира и его сторонников на офшорных счетах восемь миллионов долларов. Уайтекер и его друзья даже перещеголяли вымышленных героев, завладев суммой, превышающей девять миллионов.

Перечислив все параллели между вымышленной и реальной историями, Кролл еще раз просмотрел список. Он занимал две страницы и состоял из сорока шести пунктов. Детектив не сомневался в том, что его теория, которую всякий бы назвал бредом, была тем не менее верна.

Защитник компании «Севон» Ларри Килл переложил кипу бумаг со стола на колени и поднял голову, готовый произнести речь, которая, как он надеялся, принесет победу его клиенту. Напротив сидели Робин Манн, Джим Мучник и ассистент чикагского антитрестовского отдела. У всех были наготове ручки и бумага. Откинувшись в кресле, Килл начал.

– Прежде всего хочу сказать, что мы готовы предоставить исчерпывающую информацию в надежде на не слишком большой штраф. – Улыбнувшись, он продолжил: – Мы передаем вам не только записи, сделанные Кимом и другими служащими «Севона», но и документы компании «Адзиномото». Уверен, вы останетесь довольны.

Первое обсуждение ценовой политики, в котором участвовала компания «Севон», состоялось в 1986 году, сказал Килл, заглянув в свою стопку бумаг. Затем он подробно рассказал о всех переговорах по очереди – где они проводились, кто в них участвовал и что говорил. Все это было отражено в документах – в том числе, как он и обещал, в тех, которые его клиент на протяжении многих лет получал от «Адзиномото». К тому времени, когда Килл добрался до переговоров в марте 1992 года, и Манн и Мучник почувствовали, что необходимо сделать перерыв и заодно кое с кем созвониться.

Мучник вышел в приемную, где стоял телефон. Он знал, что в этот день Джим Гриффин собирался вынести окончательное решение по «Адзиномото». Японцы вот уже несколько месяцев убеждали юристов, что в авантюру с фиксированием цен их втянула АДМ. Но записи, предоставленные «Севон», показывали, что «Адзиномото» занималась этим задолго до того, как на сцену вышла АДМ. Мучник набрал номер служебного телефона Гриффина.

– Джим, – сказал он, – подожди нашего возвращения. У нас тонны компромата на «Адзиномото». Они увязли по уши.

После десяти утра в воскресенье 3 марта Джинджер бесцельно слонялась по дому в пригороде Чикаго. Марк с утра отправился в офис в трех милях от дома, чтобы проверить электронную почту, – их домашний компьютер не в порядке, пояснил он. И теперь Джинджер ждала его возвращения.

Вскоре он позвонил. Едва успев снять трубку, Джинджер поняла, что произошло что-то ужасное. Марк тяжело дышал, голос его дрожал.

– О боже, Марк! Что случилось? – воскликнула она.

– Меня только что похитили двое парней, – ответил он.

Прошло несколько часов. Рэй Голдберг и его жена Тельма наслаждались воскресным покоем в своей квартире в Кембридже. Голдберг был профессором Гарвардского университета и входил в чрезвычайный комитет совета директоров АДМ. В последнее время он приобрел известность, возглавив исследовательский проект, рассматривавший методы управления компанией. Но в

тот день он отдыхал и вовсе не думал об АДМ.

Зазвонил телефон. Трубку сняла Тельма, но звонивший попросил Рэя Голдберга.

– Кто его спрашивает?

– Меня зовут Дэвид Хёх, – ответил голос. – Я член Наблюдательного совета акционеров АДМ, и мне надо поговорить с Голдбергом.

Тельма передала это мужу. Имя ничего ему не говорило – он не был знаком с Дэвидом Хёхом и ничего не знал о его работе. Голдберг взял трубку.

– Позвольте представиться, – сказал Хёх. – Я один из руководителей Наблюдательного комитета акционеров АДМ. Все, что мы вам писали, соответствует действительности, это проверено. А сейчас я хочу сообщить вам одну тревожную новость.

Хёх говорил сердито и возбужденно. Голдберг с трудом разобрал, что звонивший имел отношение к странным письмам Наблюдательного комитета акционеров и подписанных «Лэмет Вов».

– Сегодня утром Уайтекера похитили с автостоянки около его офиса и полтора часа возили в машине. Похитители угрожали его жизни. Ему приказали: «Скажи своим дружкам из Наблюдательного комитета, чтобы они бросили свои штучки и не болтали с журналистами, или тебе крышка».

Голдберг огляделся. Он хотел записать услышанное. Около телефона он смог найти только круглую наклейку с надписью «Я предпочитаю теннис». Он перевернул ее и схватил ручку.

– Мы выступим по национальному телевидению и выведем вас на чистую воду! – продолжал Хёх, возбуждаясь все больше. – Соберите членов комитета на чрезвычайное заседание и отзовите своих молодчиков. Это какой-то бред! Мы в Америке живем или где? Что происходит? Вы думаете, что в наших письмах выдумки? Вы думаете, что мы зря тратим три с половиной миллиона долларов, чтобы раскопать это дерьмо? А вы сидите и слушаете диктатора Дуэйна. Это позор для демократии!

Голдберг написал «3,5 миллиона долларов, чтобы раскопать это дерьмо» и заключил фразу в аккуратную рамку.

– Ваши руки будут запятнаны кровью Уайтекера, не говоря уже о моей и некоторых других членов, потому что вы стоите вокруг и ничего не делаете! – бушевал Хёх.

В трубке послышался отдаленный женский голос, говоривший что-то успокаивающим тоном, и, как показалось Голдбергу, детский плач.

Хёх шумно вздохнул.

– Прошу прощения, Голдберг, но я взбешен.

Голдберг воспользовался паузой и проговорил:

– Мы расследуем…

– Расследуют они, мать вашу! – завопил Хёх. – Велите этим людям убираться! Вы тратите наши деньги! Они уже выбросили на ветер тридцать миллионов долларов! Этот мудак Обри Дэниел сказал на прошлой неделе: «Надо убить Уайтекера, и никакого дела АДМ не будет».

Женский голос снова принялся успокаивать Хёха.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я не на вас кричу, Голдберг, я просто выпускаю пар. Я уже до смерти устал от всего этого. Моей жизни угрожали.

– Кто угрожал вам? – спросил Голдберг.

– Кто угрожал? Да эти преступники из АДМ! – Он перечислил менеджеров компании, против которых «Лэмет Вов» уже выдвигал всевозможные обвинения – от пристрастия к наркотикам до нарушения правил вождения и бегства с места аварии.

– У них нет ничего святого! – орал Хёх. – Они позорят все человечество!

– Это очень печально, – отозвался Голдберг.

Хёх вернулся к письмам.

– Все факты в этих письмах – полная правда! Я передам их национальному телевидению. Мы писали анонимно, потому что знаем, с кем имеем дело.

– Вы боитесь, что с вами расправятся?

– Они уже были сегодня утром прямо здесь и угрожали мне, – сказал Хёх. – Я живу во Флориде, но они и сюда добрались. Расспрашивали обо мне, прослушивают мой телефон, мой факс зажевывает бумагу. Это как при Маркосе на Филиппинах.[71] Живешь в страхе за свою жизнь.

– Вы не пробовали обратиться в ФБР или…

– В ФБР? О чем вы, Рэй? Вы что, с луны свалились?

Голдберг вздохнул.

– Возможно, я немного наивен…

– И даже не немного. Очнитесь.

Последовала тирада о том, что руководство АДМ врет, что от компании дурно пахнет и что совет директоров пренебрегает своими обязанностями.

– Дело зашло слишком далеко, Рэй. Вы должны найти управу на этих людей. Надо убрать Дуэйна, Мика, Рэнделла, Терри Уилсона и Барри Кокса. Если вы этого не сделаете, прольется кровь, потому что эти люди ненормальные!

И Хёх начал все с начала, повторяя, что руководители АДМ опасны. Голдберг решил, что разговор пора заканчивать.

– Ну, спасибо, что позвонили, – прервал он Хёха.

Хёх остановился. Он еще раз назвал Голдбергу свое имя и номер телефона и попросил оставить их беседу в тайне. Голдберг успел задать несколько вопросов, и выяснилось, что Хёх никогда не работал в АДМ; и все же он утверждал, что его сподвижники владели тремя миллионами акций компании и распродали их в день налета ФБР.

– Знаете, что я вам посоветую? – сказал Хёх напоследок. – Если они откажутся созывать чрезвычайное совещание совета директоров, уходите в отставку. Я обеспечу вам самую широкую прессу. Вы сможете выступить по национальному телевидению – Эй-би-си, Эн-би-си, Си-би-эс.[72]

Голдберг ответил, что не ищет популярности, но будет по-прежнему действовать в интересах акционеров АДМ. Хёх, со своей стороны, пообещал, что окажет ему всяческую помощь, включая письма «Лэмет Вов».

– Спасибо, что позвонили, – повторил Голдберг.

– Не говорите никому про меня.

– Хорошо.

Повесив трубку, Голдберг просмотрел свои записи, которые покрывали обе стороны бумажного кружка. Теперь он знал, кто такой «Лэмет Вов», но не знал, как быть, и решил позвонить своему адвокату.{374}

На той же неделе фирма «Уильямс и Конноли» связалась с антитрестовским отделом и сообщила поразительную новость: АДМ готова к сотрудничеству.

Затем последовали разъяснения. Адвокаты предлагали, что АДМ объявляет *nolo contendere* относительно обвинений в фиксировании цен на лизин и лимонную кислоту, что позволяло компании уклониться от уголовного дела, не признавая вины перед истцом в гражданском суде. Кроме того, адвокаты потребовали освободить от уголовной ответственности всех сотрудников АДМ. В обмен АДМ обязалась предоставить прокуратуре информацию, которая позволит добиться обвинительного приговора другим компаниям, участвовавшим в сговоре. Тем самым правительство покажет, что оно стоит на страже закона, а АДМ при этом забудет об обвинениях в адрес ФБР, которые собиралась выдвигать.

– В противном случае, – сказал Обри Дэниел, – нас ждет кровавая война.

Предложение было отвергнуто. «Уильямс и Конноли» не знала, что прокуроры хорошо вооружены и почти не сомневаются в победе. За прошедшую неделю к ним обратились с куда более

соблазнительными предложениями все производители лизина, участвовавшие в сговоре. Гриффин и Мучник только что вернулись из Кореи, где ознакомились с документацией компании «Севон». «Адзиномото» согласилась уплатить штраф в десять миллионов долларов. «Киова хакко» была готова признать вину, если прокуратура снимет обвинения против Масару Ямамото.

Отчаянные попытки корейцев и японцев спасти свои компании позволяли Лассару и Гриффину требовать от АДМ соглашения на более жестких условиях. Прокуроров не интересовали те крохи, которыми собиралась накормить их АДМ.

Дик Битти устроился на заднем сиденье седана, чтобы ехать в аэропорт, и тепло поприветствовал водителя, которого считал своим другом. Тот был известной фигурой в кругах корпоративной элиты – он возил не только Битти, но и самого Росса Джонсона. А лучшим его клиентом был Дуэйн Андреас, который много лет назад доверил водителю покупку лимузина, на котором председатель АДМ разъезжал, когда бывал в Нью-Йорке.

Скандал, разгоревшийся вокруг АДМ, поставил водителя в трудное положение. Его клиенты оказались по разные стороны баррикад, ибо Битти, ознакомившись с аудио- и видеозаписями, имевшимися у ФБР, был убежден, что АДМ должна официально признать свою вину, а Дуэйн Андреас, прослышавший о позиции Битти, был категорически против. Андреас и другие руководители АДМ, к досаде водителя, с жаром обсуждали этот конфликт даже в автомобиле.

По пути в аэропорт водитель сообщил Битти, что руководители АДМ говорили о нем во время одной из недавних поездок.

– Будьте начеку, – сказал он. – Они очень злы на вас. И против вас замышляется что-то нехорошее.

Битти поблагодарил за предупреждение, зная, что в этой ситуации не сможет ничего предпринять.

Между тем в Декейтере росли подозрения в отношении намерений Битти. Дуэйн Андреас был убежден, что никто не посмеет осудить его компанию и его сына за фиксирование цен. Он уверовал в то, что в АДМ зреет разветвленный заговор, а Битти – троянский конь, которого подослал злейший враг АДМ, король поглощения компаний Генри Крейвис, давний и самый ценный клиент Битти. В беседах с Бобом Страуссом, Зевом Фёрстом и другими юридическими советниками Андреас гневно обвинял Битти в том, что он пытается ослабить АДМ, чтобы

подготовить ее к поглощению Крейвисом. Страусс и Фёрст, встретившись с Битти, попытались прощупать почву и убедились в его честности. Но Андреас уперся.

Однажды Битти позвонил Росс Джонсон.

– Вы просто не представляете, до чего дошло дело! – сказал он со смехом.

Дуэйн разослал директорам нескольких компаний факс с отрывком из вышедшей недавно книги, которая в пух и прах разносила и самого Крейвиса, и фирму «Колберг, Крейвис, Робертс и компания». Этот отрывок был посвящен Битти и изображал его как ловкача, манипулировавшего людьми в интересах Крейвиса. Факс из Декейтера был прозрачным намеком Дуэйна на то, что Битти нельзя доверять.{375}

– Так что мужайтесь, старина, – балагурил Джонсон. – Враг объявил вам войну.

Воскресное утро протекало в штаб-квартире АДМ относительно спокойно. Телефоны по большей части молчали, не было обычной сутолоки рабочего дня. В этой благостной тиши все сразу заметили, что из факса юридического отдела выползает страничка очередного анонимного письма.{376}

Письмо начиналось с предупреждения:

> «Остерегайтесь журнала „Форчун“. Он в сговоре с Уайтекером».

Затем автор невнятно сообщал о факсе, посланном из АДМ репортеру Рону Хенкоффу, который освещал в этом журнале ход расследования. Говорилось также, что некий житель Майами – очевидно, имелся в виду Хёх – убеждал Рэя Голдберга в том, что АДМ ведет противозаконную деятельность.

Завершалось письмо еще одним предупреждением относительно засланных в АДМ шпионов:

> «Они видят и слышат больше, чем вы думаете. Несколько недель назад они провели выходные у Уайтекеров, а тот убедил их поговорить с журналистами об истории вопроса».

Служащий, принявший факс, внимательно изучил его. Ни подписи, ни адреса отправителя не было. Тут он вспомнил, что факс-машина снабжена определителем номера. Определитель зарегистрировал не только номер телефона абонента, но и его имя.

На экране высветилась надпись: «Джинджер Уайтекер».

Войдя в свой кабинет утром в понедельник 22 марта, Робин Манн увидела горевший на телефонном аппарате сигнал о поступившем сообщении. Манн включила голосовую почту и прослушала то, что говорила накануне Джинджер Уайтекер. Джинджер была в панике. Кто-то несколько недель назад похитил ее мужа и угрожал ему. Она боялась за свою семью и просила защиты.{377}

Манн позвонила Джинджер и разузнала подробности. 3 марта Марк поехал в свой офис, чтобы проверить электронную почту. На автостоянку вслед за ним въехал «додж-династи», в котором сидели двое. Они бросили Марка на заднее сиденье своего автомобиля. Тот не мог выбраться, потому что ручки на дверцах были спилены. Похитители возили Марка по округе минут двадцать и требовали, чтобы он прекратил выступать с обвинениями в адрес АДМ.

– Он обратился в полицию? – спросила Манн.

– Нет, мы сообщили об этом Джиму Эпстайну, но в полицию звонить не стали. Марк не хочет привлекать к себе внимание.

Все это разрушает ее семью, сказала Джинджер. Их сын, который учится в четвертом классе, был напуган и прятался в шкафу. Они сменили все замки в доме, но этого мало. Им нужна защита. Джинджер просила совета, что предпринять.

Манн рассказала Шепарду и Херндону о звонке Джинджер. Уайтекер уже рассказал Эпстайну о похищении, и поэтому они решили позвонить адвокату и уточнить детали.

– Сожалею, но я не могу передать вам содержание разговора с клиентом, – ответил Эпстайн.

– Но ведь вы можете позвонить ему и спросить его разрешения? – спросил Херндон.

Эпстайн вздохнул.

– Вечно вы толкаете меня на авантюры, – посетовал он. – Считаете, что я должен переступить закон?

– Да, – рассмеялся Херндон, – считаю.

В тот же день Херндон получил от Эпстайна ответ по голосовой почте.

– Марк Уайтекер не разрешил мне говорить с вами о деле, которое мы обсуждали, – прозвучал холодный голос адвоката. – И я попросил бы ФБР больше не звонить мне по поводу этих угроз.

Все это похоже на очередной спектакль Уайтекера, подумал Херндон. Этот инцидент вызовет не сочувствие, а шутки. Отныне участники «Битвы за урожай», будут говорить: «А, это было, когда Марка Уайтекера похитили пришельцы!»

Над Холландейлом, штат Флорида, 5 апреля сияло солнце. Бассет и Д'Анжело подъехали на взятом напрокат автомобиле к шлагбауму перед большим кондоминиумом. К ним приблизился охранник, и Бассет опустил стекло.

– Нам нужен Дэвид Хёх, – сказал он.

Охранник показал, где припарковать машину, и позвонил в квартиру Хёха. После того как Хёх признался, что «Лэмет Вов» – это он, от Кембриджа до Вашингтона и Чикаго несколько недель кипели события. Информацию Рэя Голдберга передали адвокатам фирмы «Уильямс и Конноли», и вскоре Бассет расспрашивал директора АДМ о его разговоре с Хёхом. Затем агенты позвонили самому Хёху, и тот согласился встретиться с ними.

Он вышел и проводил агентов в свою квартиру на первом этаже, которая служила ему и жильем, и офисом его фирмы «Глобал консалтантс». Квартира была чудесная. Скользящие стеклянные двери в задней стене открывались прямо на пляж. Чувствовалось, что хозяин не бедствует. Хёх представил агентам свою жену Кэрол.{378}

– Жена хотела бы присутствовать при нашем разговоре, – сказал он. – Вы не возражаете?

– Конечно нет, – ответил Бассет.

Все расселись.

– Прежде чем начнем… – сказал Бассет. – Вы, часом, не записываете наш разговор?

– Нет, не записываю, – ответил Хёх. – А вы?

– Мы никогда не записываем разговоры со свидетелями.

Сначала Хёх рассказал о себе. Он воевал во Вьетнаме и лет десять прожил в Японии. Там же он изучил агропромышленную отрасль и приобрел первых клиентов. Вернувшись в 1982 году в США, он стал консультировать американские и японские компании. Дела шли успешно, и в одном только 1995 году он заработал двести тысяч долларов.

– Но из-за этих писем от имени Наблюдательного комитета акционеров АДМ я в последнее время растерял всех клиентов, – сказал Хёх.

Хёх рассказал, что комитет состоит примерно из ста человек; у них свои люди во всех подразделениях АДМ, и именно они поставляют секретную информацию. На вопрос Бассета об Уайтекере Хёх ответил, что познакомился с ним в 1990 году и вскоре они подружились. После того как ФБР нагрянуло в АДМ с обыском, Уайтекер рассказал ему о незаконных бонусах сотрудникам компании и назвал несколько человек, получивших такие вознаграждения. Среди них был и Мик Андреас.

– Уайтекер участвовал в составлении писем от имени «Лэмет

Вов»? – спросил Бассет.

– Нет, он вообще в этом не участвовал. Я несу всю ответственность за сочинение писем и их рассылку. У меня нет скрытых целей. Я просто пытаюсь законными средствами изменить преступную систему руководства АДМ.

Хёх подчеркнул, что в письмах он никому не угрожал и не пытался оказать поддержку Уайтекеру.

– С одобрения начальства или нет, но Уайтекер обкрадывал акционеров и должен понести наказание, – пояснил он.

Агенты спросили, не назовет ли Хёх источники получаемой им информации. Тот отказался.

– Многие из этих людей, особенно те, что работают в АДМ, не доверяют ни ФБР, ни Министерству юстиции, – объяснил он. – Дуэйн слишком силен и пользуется большим влиянием в Вашингтоне. – Чего стоит хотя бы этот пресс-релиз министерства, где они заявляют, что АДМ не является объектом уголовного расследования. Какие еще нужны доказательства?

Но Хёх пообещал, что попытается уговорить своих осведомителей встретиться с агентами ФБР. Он пообещал, что те представят убедительные свидетельства мошенничеств.

Закончив разговор, агенты собрали свои вещи. Хёх проводил их до дверей.

– Где вы остановились? – спросил Хёх.

Агенты зарезервировали места в «Эмбасси Сьютс» неподалеку, но не хотели, чтобы свидетель мог связаться с ними.

– Мы еще не решили, – соврал Д'Анжело. – Найдем что-нибудь в северной части.

Хёх предложил несколько подходящих мест, и, поблагодарив его, агенты поехали в «Эмбасси Сьютс» в Форт-Лодердейле. Там они разошлись по своим номерам.

На следующее утро Бассет нашел на полу конверт, подсунутый под дверь. В конверте был факс с газетной статьей о пребывании Андреаса и Боба Доула во Флориде и записка. Эта записка порядком озадачила агента. Он позвонил в номер Д'Анжело.

– Тони, ты не поверишь, я только что получил факс от Хёха.

– Что?

– Представь себе. Этот тип как-то пронюхал, где мы остановились.

Старший специальный агент Кейт Киллэм сидела за компьютером в своем угловом кабинете в офисе ФБР в Шампейне и не обращала внимания на звуки проносящихся внизу поездов. С тех пор как ей поручили руководить «Битвой за урожай», она

столкнулась со множеством неприятностей. Но эта была, несомненно, хуже всех.

Она месяцами наблюдала, какое губительное действие оказывает расследование на Брайана Шепарда. Он был, без сомнения, эмоционален. Он был пессимистом и болезненно реагировал на враждебные выпады, а в «Битве за урожай» этого хватало. Киллэм знала, сколько Шепард и его семья потеряли из-за дела АДМ. Друзья отвернулись от них – в особенности те, которые работали в компании. Соседи держались с ними холодно, если не оскорбительно. Сбылось все, чего боялся Шепард, принимаясь за это расследование. Его личная жизнь, его репутация агента ФБР, его характер и убеждения подверглись нападкам. Он хотел уехать прочь из Декейтера.

Затем подвернулся счастливый случай. В резидентуре города Сент-Томас, подчинявшейся Сан-Хуану, открылась вакансия. У Шепарда, с его опытом работы, были все шансы получить это место. Они бы переехали в Сент-Томас и начали новую жизнь. Когда бы Шепард ни понадобился по делу АДМ, он всегда мог прилететь. Казалось, все устраивается наилучшим образом. Оставалось получить рекомендацию руководства, и можно укладывать вещи.

Стаки и Хойт попросили Киллэм набросать черновик рекомендации, указав, что именно в ней следует писать. И вот, скинув туфли и усевшись перед компьютером, она безрадостно глядела на монитор. Сначала она дала характеристику личности Шепарда, описала его работу, его заслуги в «Битве за урожай».

> «Шепард упорный, трудолюбивый и увлеченный работник,

– писала Киллэм. –

> Это зрелый, закаленный агент с богатым опытом расследований и глубоко преданный ФБР».

Она перечитала. С такой рекомендацией перевод Шепарду обеспечен, и Сан-Хуан будет ему только рад. Глубоко вздохнув, Киллэм перешла ко второй части документа, которая, согласно приказу, должна была свести на нет предыдущую.

> «Но в данный момент, в связи с тем, что специальный агент Шепард играет ключевую роль в расследовании „Битва за урожай“, мы не можем рекомендовать его к переводу в резидентуру Сент-Томаса»,

– напечатала она.

Киллэм чувствовала себя ужасно. В ближайшие дни этот приговор будет оглашен, чтобы не оставалось никаких сомнений: Шепард не получит рекомендации. Ей это решение начальства представлялось неверным. Херндон – агент экстра-класса и справится с последним этапом расследования в одиночку. А Шепард мог бы давать ему советы по телефону и приехать на суд.

Щелкнув «мышью», Киллэм сохранила документ и распечатала его. Душевное состояние агента принесли в жертву интересам дела. Это было, по мнению Киллэм, ужасно. Брайан Шепард такого не заслужил.{379}

Телеоператор включил переносные юпитеры, Уайтекер расположился в кресле среди растущих в горшках папоротников. Перед его глазами была заурядная гравюра, украшавшая белую стену конференц-зала компании «Биомар интернэшнл». Оператор попросил его произнести несколько слов для настройки звука. Кивнув, Уайтекер проговорил пару фраз.

За столом напротив него сидел, сняв пиджак, телекомментатор декейтерского отделения «Вэнд ньюс» Стив Делани, готовый приступить к сенсационной трансляции. Уайтекер уже дал несколько интервью для печати, но на телеэкране появлялся впервые. Даже Джинджер согласилась выступить перед камерой. Передача Делани была просто обязана получить широкий резонанс, – по крайней мере, в Декейтере.

Более пяти часов Уайтекер в своем синем костюме и красном галстуке отвечал на вопросы Делани. Джинджер, в оранжевом платье, тоже приняла участие в беседе и говорила с полным самообладанием.

Улучив момент, Уайтекер бросил последнюю из заготовленных им бомб. В одно воскресное утро в начале марта, сообщил он Делани, он поехал в свой офис, чтобы проверить поступившие по электронной почте сообщения. На автостоянке перед офисом его окликнули двое незнакомцев, сидевших в автомобиле.

– Я подошел, а они схватили меня, бросили на заднее сиденье автомобиля и возили по окрестностям минут двадцать.

– Бросили вас на заднее сиденье?! – переспросил Делани.

– Да, вот именно, и очень грубо, – подтвердил Уайтекер, и тень улыбки тронула его губы. – Так они развлекались минут двадцать. Меня предупредили, чтобы я не говорил об АДМ ничего сверх того, что я уже успел раскрыть к тому моменту.

Это было 3 марта.

Делани потребовал у Уайтекера доказательств этого

инцидента. Но на месте происшествия не было ни свидетелей, ни камеры наружного наблюдения. Отсутствие свидетельств Уайтекер восполнил ярким описанием происшествия. Он даже назвал марку автомобиля и упомянул такие детали, как спиленные дверные ручки.

Рассказывая, Уайтекер чуть улыбался. Такова была его старая привычка: он улыбался, когда лгал.{380}

Вся история с похищением была чистой выдумкой. Ее-то Уайтекер и поведал своим домашним, Дэвиду Хёху, а теперь и всему Декейтеру. Выдумка была частью его несуразного замысла. Уайтекер был в отчаянии, напуган и растерян, и ему так хотелось, чтобы кто-нибудь протянул руку помощи и вытащил его из болота, в которое он себя загнал. В телеинтервью он обращался к жителям Декейтера, уверенный, что кто-нибудь непременно откликнется на этот призыв.

Уайтекер знал, что Брайан Шепард смотрит передачи «Вэнд ньюс». Несмотря на все его проделки, думал он, похищение заставит Шепарда поволноваться. И может, он вновь свяжется со своим свидетелем.

И поможет ему. Поможет.

Глава 18

Бит Швейцер стоял у широкого окна своего домашнего офиса в Штеффисбурге и смотрел на замок в Туне, романские башни которого на фоне величественных Альп выглядели совсем крохотными. Вид был захватывающий – просто волшебная сказка наяву. Но в тот день, 9 апреля 1996 года, Швейцеру было не до красот. Мысли финансового консультанта лихорадочно метались в поисках выхода из ловушки суровой реальности. За сотрудничество с Уайтекером ему пришлось заплатить утратой прочного положения, богатых возможностей и свободы. Страх ареста омрачал даже мысль о поездке в Америку, некогда столь соблазнительную.

Мониторы компьютеров отражали деятельность различных участков мирового рынка, и под мелькание этих картинок к Швейцеру пришло решение. Он не позволит запереть себя в этой стране. Он встретится с обвинителями. Швейцер позвонил своему адвокату Курту Зигеру, чтобы узнать имена и номера телефонов американских органов правопорядка, занятых этим делом Уайтекера. Спустя несколько минут его соединили с международным отделом Министерства юстиции США.

– Алло, мое имя Бит Швейцер, – произнес он по-английски с акцентом. – Я звоню насчет расследования, касающегося Марка Уайтекера и АДМ.{381}

Встреча со Швейцером, которую предложил он сам, могла стать настоящим прорывом в деле о мошенничестве. До сих пор допрос швейцарского бизнесмена был сопряжен с трудностями. А между тем он провел через банки более шести миллионов долларов, принадлежавших Уайтекеру, и наверняка знал куда больше секретов, чем Халс, Рихтер и прочие свидетели. Если заявление Уайтекера о налаженной в АДМ системе присвоения денег правда, то есть вероятность, что Швейцер работал со вкладами и других менеджеров компании.

И при всем этом неуклюжесть министерства едва не стоила агентам ФБР этой встречи. Швейцер был готов приехать в США, только если получит гарантию, что по прибытии его не арестуют. Отдел по борьбе с мошенничеством ответил, что не гарантирует ничего, и уступил лишь под давлением Бассета и Д'Анжело. При этом прокуроры заявили Швейцеру, что ему потребуется адвокат, а это агентов ФБР вовсе не устраивало. Наконец Бассет вмешался в переговоры со швейцарским бизнесменом, и тот согласился беседовать без адвоката.

Встреча состоялась 13 мая в комнате для переговоров вашингтонского офиса отдела по борьбе с мошенничеством. Швейцер прибыл один. Одетый в джинсы и пиджак спортивного покроя, он устроился в дальнем конце большого стола, с опаской поглядывая на агентов и прокуроров.

Допрос вел Бассет. Швейцер сказал, что прежде работал в филиале «Швейцарского банка» на Каймановых островах, но с 1994 года завел собственное дело.{382}

– Среди ваших клиентов много служащих АДМ?

– Нет, только Марк Уайтекер и Сид Халс.

– Как вы с ними познакомились?

– Халс долго был клиентом нашего банка, а примерно в девяносто первом году он познакомил меня с Уайтекером.

– Что вам было известно об активах Уайтекера?

Швейцер пожал плечами.

– Он сказал, что у него есть счета в банках Европы, Дальнего Востока, Австралии и Каймановых островов.

Австралии? Это было что-то новенькое. Бассет достал несколько банковских документов и показал их Швейцеру. Судя по этим документам, сказал Швейцер, у Уайтекера имелись деньги в банках Монако и Германии.

– Как я понял, Уайтекер диверсифицировал свои активы, разбросав их по всему свету. Но мне известно только то, где эти банки находятся, и все. И я не проверял, существуют ли эти счета на самом деле.

– А что говорил сам Уайтекер об этих счетах?

Швейцер на секунду задумался.

– Кажется, он говорил, что его отец работал в Австралии и что его семья была очень богата.

Бассет поощряюще кивал при каждом слове финконсультанта.

– Как он стал вашим клиентом?

– Примерно в январе девяносто четвертого, собираясь уволиться из банка, я консультировал Уайтекера по его финансовым делам и тогда же посоветовал ему открыть счет в цюрихском отделении «Швейцарского банка».

– Зачем?

– Я надеялся, что он переведет в «Швейцарский банк» все свои средства.

Постепенно Бассет перевел разговор на операцию с двумя с половиной миллионами долларов, проведенную с участием «Эй-би-пи интернэшнл», – первую сделку Уайтекера, в которой участвовал Швейцер, и первую, до которой докопалась АДМ.

По словам Швейцера, поначалу он не увидел в этой

транзакции ничего особенного. Уайтекер сказал, что он вместе с несколькими партнерами контролирует компанию «Эй-би-пи трейдинг», которая занимается вопросами передачи технологий.

– На первый взгляд с этой компанией все было в порядке, – сказал швейцарец. – Он уверял, что руководителям АДМ об этом известно и что он посвящает восемьдесят процентов рабочего времени делам АДМ и двадцать процентов – «Эй-би-пи».

– А в чем именно заключалось ваше участие в сделке с «Эй-би-пи»?

– В девяносто четвертом году Уайтекер попросил меня зарегистрировать в Швейцарии компанию, которая была бы связана с «Эй-би-пи». Я объяснял ему, что лучше выбрать другую страну, где это можно сделать проще и с меньшими затратами. Для регистрации компании в Швейцарии требуется внести депозит в сто тысяч долларов. Но Уайтекер настаивал на Швейцарии.

Бассет записал эти сведения.

– Кроме того, по швейцарским законам зарегистрированная компания должна нанимать аудиторов, – продолжал Швейцер. – Уайтекер велел мне обратиться к фирме «Эрнст и Янг», чьими услугами пользовалась АДМ. – Швейцер покачал головой. – Не пойму этого Уайтекера. Зачем рисковать, нанимая ту же фирму, что и АДМ? Бессмыслица.

– И что же вы сделали дальше? – спросил Бассет.

Швейцер ответил, что он помог Уайтекеру открыть корпоративный счет компании «Эй-би-пи трейдинг» в Объединенном швейцарском банке. Впоследствии Уайтекер перевел на этот счет два с половиной миллиона долларов, которые принадлежали АДМ и были предназначены шведской компании «Эй-би-пи интернэшнл».

– Но этот чек не был индоссирован представителем «Эй-би-пи интернэшнл», и в таком виде Объединенный швейцарский банк не мог его принять. Шведы должны были сделать на нем передаточную надпись. Поэтому Уайтекер взял чек с собой, а через некоторое время переслал мне его уже с необходимой надписью. После этого я подписал чек как должностное лицо компании «Эй-би-пи трейдинг», и банк принял его.

Прокуроры и агенты знали, что подпись Леннарта Торстенссона на обороте чека подделана. Если Швейцер говорил правду, значит, это было делом рук Уайтекера.

Уайтекер оставил на этом счете только сто тысяч долларов, сказал Швейцер, а остальные велел перевести в Банк Каледонии на Каймановых островах, на счет, имевший обозначение SPM&C. А оттуда вся сумма была сразу же переведена назад в Швейцарию

на личный счет Уайтекера. Это выглядело как классический случай отмывания денег.

– Какое мнение сложилось у вас об этом? – спросил Бассет.

– Я решил, что Уайтекер прячет деньги от своих партнеров, – ответил Швейцер.

– На счете в Объединенном швейцарском банке наряду с подписью Уайтекера стоит и ваша. Те сто тысяч долларов, которые он оставил на счете, были оплатой ваших услуг?

– Нет-нет, – затряс головой Швейцер, – это были деньги Уайтекера.

Бассет хотел расспросить Швейцера подробнее о счете SPM&C, но тот отказался говорить о нем, объяснив, что счет частный. На этот счет поступали деньги, не имевшие ничего общего с Уайтекером или другими его клиентами, сказал швейцарский консультант.

Маккею это утверждение представлялось полным вздором. Переглянувшись с Никсоном, он закатил глаза. Зачем смешивать деньги клиента с другими счетами? *Типичное отмывание.*

Бассет просмотрел лежавшие перед ним документы и сказал, что на счет «Эй-би-пи» поступил еще один перевод, на сумму три миллиона семьсот пятьдесят тысяч долларов.

– Это произошло годом позже, – ответил Швейцер. – За несколько дней до этого Уайтекер принес мне бумаги, в которых снова указывалась АДМ. – Бизнесмен почесал подбородок. – Мне все это не нравилось. Он все уверял, что «Эй-би-пи» будет вести дела с самыми разными компаниями – фармакологическими и прочими. Но это снова были деньги АДМ. Я предупредил Уайтекера, что больше не стану проводить никаких операций, связанных с АДМ.

В этот раз, сказал Швейцер, деньги снова были рассредоточены между счетами нескольких банков, один из которых был на острове Джерси.

– А как Уайтекер оплачивал ваши услуги?

– Мы договорились, что я буду получать комиссионные в размере одного процента от суммы операции. Он заплатил мне около пятидесяти тысяч швейцарских франков.

Затем Швейцер рассказал о своих беседах с сотрудником цюрихской прокуратуры Фридоленом Трие.

– Я встречался со швейцарскими прокурорами трижды, разговоры длились в общей сложности не менее двадцати четырех часов. Меня допрашивали мистер Трие и адвокаты АДМ.

Все замерли.

– Адвокаты АДМ? – переспросил Бассет.

– Да, именно они и задавали вопросы, – ответил Швейцер. –

Документы по этим денежным операциям были составлены так небрежно, что даже Трие с трудом разобрался в них.

Бассет попросил его назвать присутствовавших на допросе адвокатов, но Швейцер не запомнил их имен. Тогда Бассет сам стал называть имена, и, когда прозвучало имя Обри Дэниела, Швейцер кивнул:

– Да, он там был.[73]

У Бассета перехватило дыхание. Адвокаты АДМ успевали допросить свидетелей раньше, чем ФБР.

Бассет достал «форму 302» с протоколом одной из бесед с Уайтекером. Швейцер сказал, что показывали ему этот документ в швейцарской прокуратуре. В этом не было ничего удивительного, так как именно с этой целью ФБР переслало Трие его копию.

Изучающе глянув на лица слушателей, Швейцер добавил:

– Я видел этот документ в руках одного из адвокатов АДМ.

Еще один сюрприз.

АДМ получает от швейцарцев секретные документы ФБР – и это в то время, когда служащие АДМ являются объектами уголовного расследования.{383}

Да это просто дискредитация расследования.

Новости из Швейцарии окончательно настроили правоохранительные органы против АДМ. Адвокаты компании месяцами тянули время, подбрасывая прокурорам тот или иной документ, только если у них возникало такое желание. Обычная адвокатская практика; воевать с ними из-за этого не было смысла. Но теперь все изменилось. В распоряжении адвокатов АДМ оказались следственные документы, в то время как агенты ФБР и прокуроры не могли добиться от них необходимых материалов. Отказалась сотрудничать даже бухгалтерская фирма «Эрнст и Янг», нанятая АДМ.

Особенно настороженно отнеслись к утечке агенты ФБР.{384} Им выдали ордера на арест документации дочерних компаний АДМ, зарегистрированных на Каймановых островах, – «АДМ фидз, Вьетнам» и «АДМ энимал хелс энд ньютришн». Может, думали агенты, с помощью этих документов удастся доказать существование системы незаконного денежного поощрения служащих АДМ, о которой говорил Уайтекер. Фирма «Уильямс и Конноли» заявила ходатайство о признании этих ордеров недействительными, и для рассмотрения этого ходатайства было назначено закрытое заседание федерального суда Пеории.

На этот раз компании не позволят выиграть. Ей объявили

войну.

Три дня, начиная с 30 мая, более ста лидеров мировой экономики и политики собрались в пригороде Торонто в Доме руководства Канадского коммерческого банка. В элегантном здании, переоборудованном из оздоровительного, проводилась сорок четвертая ежегодная конференция так называемой Бильдербергской группы, объединявшей самых влиятельных людей в мире. Здесь были Дэвид Рокфеллер, министр обороны США Уильям Перри. Здесь были монархи, премьер-министры и промышленники. Они собрались для конфиденциального и откровенного разговора о путях мирового развития.{385}

Присутствующий на конференции Дуэйн Андреас не спускал глаз с другого участника – Генри Крейвиса из ККР, надеясь поговорить с глазу на глаз с этим известным специалистом по поглощению компаний. Вопреки мнению своих консультантов, Андреас был убежден, что Крейвис пытается с помощью Битти воспользоваться расследованием сговора о ценах, чтобы ослабить АДМ и сделать ее более доступной для поглощения. Дуэйн хотел сказать Крейвису, что его компания легко в руки не дастся.

Наконец, улучив момент, он зажал Крейвиса в угол. Высказав свои подозрения, Андреас спросил:

– Вы охотитесь на мою компанию? Хотите прибрать ее к рукам?

Крейвис посмотрел на него с откровенным удивлением.

– Нет, – ответил он, – АДМ меня не интересует.

Спустя минуту-другую Крейвис растворился в толпе, оставив Андреаса наедине с его сомнениями.

К июню у Шепарда и Херндона созрело решение отказаться от попыток расследования промышленного шпионажа, якобы практикуемого АДМ. Несколько месяцев назад бывший служащий компании Джозеф Грэхем передал им список вопросов, составленных для проституток. Этим вся информация исчерпывалась. Похоже, это был пустой номер.

Были и другие, неодолимые препятствия. Во-первых, последнее из предполагаемых серьезных правонарушений имело место в июне 1991 года, и, если не предъявить обвинение немедленно, в силу вступит закон об исковой давности сроком в пять лет. Кроме того, не все действия, которые ставились в вину АДМ, относились к категории преступных, – например, выуживание микробов из сточных труб на заводах конкурентов преступлением не было. В конце концов, отходы являются общим достоянием.

Прокуроры уговаривали агентов оставить в покое промышленный шпионаж и сосредоточиться на более перспективном вопросе фиксирования цен. Однако сначала Шепард и Херндон решили проверить Грэхема на детекторе лжи. Херндон был уверен, что свидетель не выдержит испытания. Но даже если привлечь АДМ к ответственности не удастся, агенты могут утешаться тем, что хотя бы предприняли попытку.

4 июня Грэхема усадили за полиграф. Из заданных ему вопросов самыми существенными были два: не лгал ли Грэхем, утверждая, что руководители АДМ собирались нанять работников одной из охранных фирм для кражи микроорганизмов у конкурентов, и правда ли, что он слышал обсуждение возможного использования проституток для выведывания коммерческих тайн. {386}

И в том, и в другом случае Грэхем ответил, что говорил правду.

По окончании теста агент, занимавшийся полиграфом, уединился с Шепардом и Херндоном и сообщил, что свидетель прошел проверку.

Грэхем, судя по всему, не врал. И с этим было ничего не поделать – закон об исковой давности никто не отменял.

Финансовое положение «Биомар интернэшнл» было критическим. Начиная с октября, когда компания, которую возглавил Уайтекер, еще называлась «Охрана здоровья – технологии будущего», средства быстро таяли. Срочно требовались денежные вливания. В беседе с соучредителем компании Нельсоном Кэмпбеллом Уайтекер выдвинул предложение. У его пожилой матери есть кое-какие сбережения, сказал он, и она может одолжить сто тысяч долларов.

– Но знаете, Нельсон, – сказал Уайтекер, – мои родители небогаты, и это для них большой риск. Поэтому, я думаю, они дадут нам в долг только в том случае, если мы пообещаем пятьдесят процентов в год.

– Пятьдесят процентов? – удивленно воскликнул Кэмпбелл.

Это было куда больше, чем запрашивали обычно.

– Я понимаю, это много. Но я должен обезопасить родителей.

Деньги нужны были позарез, и Кэмпбелл принял эти условия. Уайтекер сказал, что подготовит документы на заем и сразу даст их матери на подпись.

Спустя некоторое время Уайтекер составил договор о займе и распечатал его. Никто не видел, что вместо матери расписался он сам.

На следующий день Уайтекер позвонил Кэмпбеллу.

– Все готово, – сказал он. – Мать подписала договор.

Еще через несколько дней все документы по займу были оформлены, и Уайтекер отправился в чикагский банк, где у компании «Биомар» был открыт счет. Он вручил кассиру чек на сто тысяч долларов, выписанный в «Швейцарском банке» на имя его матери, а не «Биомара». На оборотной стороне стояла ее подпись.

Кассир принял чек, который был почти год назад выслан проживавшему в Огайо шурину Уайтекера Майку Гилберту, и разместил деньги на счете компании «Биомар».

Так добытые мошенническим путем деньги АДМ пополнили капитал новой компании Уайтекера, причем об этом не знали ни ее владелец Кэмпбелл, ни мать Уайтекера.{387}

12 июня федеральный судья в Пеории наконец выслушал претензии отдела по борьбе с мошенничеством к АДМ по поводу документации. Результаты слушания превзошли все ожидания прокуроров. АДМ обязали предоставить обвинителям все документы, какие потребует прокуратура, – инвойсы с сопроводительной документацией, бухгалтерские документы подразделения биопродуктов, корреспонденцию, платежные и прочие документы, связанные с компаниями АДМ на Каймановых островах.{388}

Окрыленные победой, Маккей и Никсон поспешили из зала суда, но их перехватил Винс Конноли, адвокат обслуживавшей АДМ бухгалтерской фирмы «Эрнст и Янг». Он сказал, что готов подчиниться постановлению суда и предоставить прокурорам всю документацию. В тот же день бухгалтеры договорились и о сотрудничестве с ФБР.

Так власти отплатили АДМ за игры в перетягивание каната.

В четверг 20 июня в здании спрингфилдского суда Лу Рочелли вышел на трибуну перед двадцатью тремя членами большого жюри, поднял вверх правую руку и поклялся говорить правду.{389}

Бывший бухгалтер-контролер АДМ Рочелли был, как утверждал Уайтекер, главным свидетелем того, что руководство компании знало обо всех денежных операциях президента подразделения биопродуктов. По словам Уайтекера, Рочелли позвонил ему вскоре после обыска, учиненного ФБР, и сообщил, что Рэнделл в ярости и требует от бухгалтерии поднять документы, которые подтвердили бы факт присвоения денег врагом АДМ. А это доказывает, твердил Уайтекер, что руководство знало о его фиктивных инвойсах, а иначе откуда им

знать, где искать?

По просьбе Маккея Рочелли описал сумбур, воцарившийся в АДМ после обыска и последовавшего вслед за ним сенсационного известия о роли Уайтекера в этом деле. И все же, сказал Рочелли, он продолжал поддерживать отношения с Уайтекером, потому что считал его другом.

Маккей просмотрел свои записи и спросил:

– Говорили ли вы Уайтекеру о том, что вы слышали, как президент АДМ Джим Рэнделл велел собрать сведения о всех сделках с участием Уайтекера?

Рочелли посмотрел в глаза Маккея:

– Насколько я помню, в одном из разговоров я сообщил Уайтекеру о том, что служащие АДМ получали приказ собрать его отчеты о расходах и прочие. Как друг Марка, я считал своим долгом предупредить его. Но я не помню, исходил ли этот приказ от Джима Рэнделла. Со мной он, во всяком случае, это не обсуждал.

Отчеты о расходах – первое, на что смотрит компания, желая дискредитировать своего бывшего служащего. А об инвойсах и договорах Рочелли даже не упомянул. Рухнула еще одна опора, поддерживавшая обвинения Уайтекера в адрес АДМ.

Паром компании «Стар лайн» пересек бухту, отделяющую главный остров Гонконга от материка, и, дав гудок, пришвартовался к пристани на полуострове Коулун. Американцы, то есть Брайан Шепард, Боб Херндон, Скотт Лассар, Джим Гриффин и Джим Мучник, собрали вещи, сошли на берег и направились к стоящему на набережной элегантному отелю «Шангри-Ла». Здесь, в Гонконге, они несколько дней будут собирать информацию, которая по значимости уступала разве что аудио- и видеозаписям, добытым с помощью Уайтекера.

К июню прокурорам удалось достичь предварительного соглашения с компаниями «Адзиномото» и «Киова хакко». Обе компании согласились уплатить штраф по десять миллионов долларов каждая; один сотрудник каждой из компаний – Кандзи Мимото из «Адзиномото» и Масару Ямамото из «Киова хакко» – признавал себя виновным и был готов уплатить штраф. Вопрос о судьбе могущественного директора «Адзиномото» Кадзутоси Ямады, договаривавшегося с Миком Андреасом в Калифорнии об объемах производства, повис в воздухе. Выдвигать или не выдвигать обвинение против него – зависело от американских властей.

А теперь команда бойцов «Битвы за урожай» прибыла в Гонконг, чтобы выслушать показания японских бизнесменов. Если

они удовлетворят обвинителей, то можно заключать окончательное соглашение.

Американцы, небрежно одетые в легкие рубашки и слаксы, вошли в вестибюль «Шангри-Ла». Гигантская люстра освещала усеянный звездами мраморный пол. Прибывшие топтались на месте, не зная, куда идти, но тут перед ними возник Дэвид Веструп, защитник Ямамото.

– Добро пожаловать в «Шангри-Ла», – произнес он. – Давайте пройдем в зал, зарезервированный для вас.

Все проследовали за Веструпом через вестибюль к круглосуточному бизнес-центру отеля. Бизнес-центр излучал изысканную элегантность: стены, обшитые полированными панелями вишневого дерева, на полу роскошный ковер. За столиком около входа нарядная китаянка выстукивала что-то на клавиатуре компьютера. Прокуроры и агенты прошли мимо нее в тесный конференц-зал. К ним присоединились еще два адвоката, Джеймс Кеннеди и Пол Виктор. Веструп достал из большой папки несколько книжечек в кожаных обложках и разбросал их по узкому столу в центре зала.

– Это личные дневники и записные книжки мистера Ямамото, – сказал Кеннеди. – В дневниках содержатся его наблюдения и размышления о проводившихся переговорах и о телефонных разговорах. В записных книжках в основном заметки, даты и расписания.

Адвокаты оставили гостей наедине с документами и записями Ямамото, и те несколько часов знакомились с ними. Дневники и записные книжки вызвали особый интерес. Все записи были сделаны по-японски, но то и дело попадались имена и цифры, отражавшие переговорный процесс. Было ясно, что в них вся история сговора о ценах, которая началась куда раньше, чем были сделаны первые аудиозаписи Уайтекера.{390}

На следующий день американцы, разбившись на группы, побеседовали с представителями японских компаний в разных помещениях двумя этажами ниже вестибюля. Те, кто допрашивал Ямамото, устроили обеденный перерыв чуть раньше и поджидали других возле ресторана отеля. Из комнаты, где давали показания служащие компании «Киова хакко», выскочил возбужденный Кевин Калем, молодой юрист антитрестовского отдела, которого все называли Кей-Си, по первым буквам имени и фамилии.

– Этот тип, которого я допрашивал, выдал Уилсона с потрохами! – воскликнул он и выбросил кулак вверх. – Теперь он наш.

Все уставились на него и разразились хохотом. Калем, похоже, забыл, что Уилсон блистал на главных ролях во

множестве записей.

– Слушай, Кей-Си – сказал Херндон, смеясь. – Уилсоном мы уже сыты до отвала.

В этот день произошел несомненный перелом хода расследования. Ямамото, с его дневниками и записными книжками, оказался почти идеальным свидетелем. Он записывал все до мельчайших подробностей, точно и досконально.

Ямамото, бесспорно, украсит заседание суда. Преодолев все препятствия, антитрестовское расследование снова пошло полным ходом.

Беседы с японцами шли всю неделю, после чего американская сборная вылетела домой, крайне довольная ситуацией, которая еще недавно грозила распадом всего дела. Теперь обвинители могли обойтись без Уайтекера, у них нашлись и другие свидетели.

В тесной, тускло освещенной комнате для переговоров нью-йоркской юридической фирмы было жарко и душно. В то субботнее утро 12 августа сюда набилось человек десять. Они пришли на допрос президента южнокорейской компании «Севон Америка» Чхом Су Кима.{391}

Вместе с Херндоном, Мучником, Робин Манн, Сьюзен Букер и еще полудюжиной юристов здесь присутствовал говоривший по-корейски полицейский из Иллинойса Питер Хванг, который помогал при допросе. Все были измучены жарой и духотой. Никто не ожидал, что на выходные фирма отключит кондиционеры, – а день, как нарочно, выдался душный и влажный. К тому же Ким и один из его адвокатов курили одну сигарету за другой, и дышать было абсолютно нечем.

«Севон», взяв пример с японцев, пошла на соглашение с американскими властями. Оба американских отделения компании и сам Ким признали вину и были готовы уплатить штраф. Но нельзя было отпускать корейцев восвояси, не разузнав все, что им известно.

Обстановка, в которой начался допрос, была не лучше атмосферы в помещении. Не были готовы переводы нескольких корейских документов, которые собрались использовать прокуроры. Ким, увидев, что переводчиком будет женщина, состроил гримасу и сказал, что она не поймет деловой терминологии. На его капризы не обратили внимания и приступили к делу.

Отвечая на вопросы, которые переводились синхронно, Ким лихорадочно курил сигарету за сигаретой. Он объяснил, что у корейских промышленных компаний принято договариваться о

стабилизации цен и об объемах производства. Лишь во время переговоров с американцами он узнал, что в США это запрещено.

Спустя несколько часов Мучник в завершение допроса обратился к корейцу:

– Господин Ким, благодарим вас за помощь и хотели бы узнать ваше мнение обо всем этом деле.

Когда Киму перевели эту фразу, он некоторое время молчал, уставившись в стол и делая глубокие затяжки. Затем по его лицу вдруг заструились слезы и он выскочил из комнаты. Все ошеломленно застыли.

Что случилось?

Мучник обратился к полицейскому из Иллинойса, говорившему по-корейски:

– Питер, вы бы узнали, что с ним.

Хванг нашел Кима с его адвокатом и немного поговорил с ними. Вернувшись, он объяснил, что корейский бизнесмен неправильно понял ситуацию. Признавая свою вину, он был уверен, что после допроса отправится прямо в тюрьму. Он даже съездил несколько дней назад в Корею и простился с семьей.

Отчаявшегося Кима вернули в переговорную и объявили, что больше от него ничего не требуется и он может возвращаться в Корею. В обмен на откровенные показания его не посадят в тюрьму. Он просто заплатит штраф в семьдесят пять тысяч долларов.

Когда кореец понял, что он свободен, он был вне себя от радости и не знал, как благодарить прокуроров.

В тот же день Джим Эпстайн встретился в Чикаго с Доном Маккеем, Джимом Гриффином и Скоттом Лассаром, чтобы поговорить о судьбе Уайтекера.{392}

Его клиенту предъявили целый букет обвинений. Единственный его аргумент в свою защиту – то, что руководство АДМ поощряло незаконные способы добывания денег, – не оправдывал его собственной преступной деятельности. Уайтекер составлял фиктивные инвойсы, уклонялся от налогов и занимался отмыванием денег. Все это уголовные преступления.

Маккей пояснил, что Уайтекеру вменяются в вину четыре преступных сговора, шесть мошеннических денежных операций, шестнадцать случаев отмывания денег и пять случаев подделки документов с целью уклонения от подоходного налога.

Помимо прочего, сказал прокурор, Уайтекеру придется вернуть присвоенные незаконным путем деньги. Далее, он потеряет и дом, и все свои автомобили.

Этим кары не исчерпывались. После гонконгских успехов

прокуратура послала Мику Андреасу и Терри Уилсону извещения о том, что в ближайшее время им предъявят обвинение. Лассар и Гриффин решили, что такое же обвинение предъявят и Уайтекеру.

Из-за страсти к мошенничеству Уайтекер утратил иммунитет и должен нести ответственность за фиксирование цен.

27 августа Министерство юстиции США объявило о том, что азиатские компании признают свою вину в сговоре о ценах. Это смешало карты защитников АДМ. Конкуренты компании капитулировали, и из всех гигантов лизинового производства она одна стояла перед прокурорами.

Переговоры о соглашении сторон застыли на мертвой точке. Власти назначили АДМ последний срок: 17 сентября. Либо соглашение, либо обвинение.

Но Дуэйн Андреас пребывал в нерешительности. Судьбу компании он рассматривал сквозь призму личной проблемы: спасти сына от тюрьмы. Дуэйн старался передать свою тревогу всем членам чрезвычайного комитета, но, похоже, без особого успеха. Впервые в жизни Андреаса подвело умение добиваться своего через переговоры, а тем временем ставки с каждым днем росли.

Окружающие тянули Дуэйна в разные стороны. Адвокаты «Уильямс и Конноли» уверяли, что Мика можно спасти, только если компания не пойдет на соглашение с правоохранительными органами и выиграет дело в суде. Но некоторые члены совета директоров под впечатлением от рассказов Битти об аудио- и видеозаписях ФБР требовали немедленно убрать Мика из АДМ. От самого Мика толку было мало: он обвинял отца в том, что тот только портит дело, и призывал его устраниться от борьбы.

Боб Страусс, вашингтонский юрист-суперзвезда, который входил в совет директоров АДМ и дружил с Дуэйном Андреасом, негодовал. По его мнению, бескомпромиссная тактика «выжженной земли», которой придерживалась фирма «Уильямс и Конноли», была глупейшей ошибкой и лишала компанию всякой надежды на успех. Страусс был уверен в своем влиянии в коридорах вашингтонской власти и хотел уладить разногласия, поговорив с прокурорами, но этому противился Обри Дэниел. К лету 1996 года терпение Страусса лопнуло. Он и еще несколько советников Андреаса предложили отказаться от услуг «Уильямс и Конноли».

Андреас соглашался, что это «шайка бестолочей».

И все же, рассмотрев этот вариант, решили, что менять команду слишком поздно и нецелесообразно. Было решено взять командование обороной в свои руки и прекратить открытую

конфронтацию с правоохранительными органами. Единственной кандидатурой, подходящей для проведения этой новой политики, был, как представлялось советникам, Дик Битти, юрист-консультант чрезвычайного комитета, к которому не питали доверия в Декейтере.

При посредничестве Страусса организовали встречу Битти и Андреаса. В назначенный вечер Битти прибыл в дом № 810 по Пятой авеню на Манхэттене. Андреас ждал его в гостиной вместе с Зевом Фёрстом, своим давним советчиком во всех делах. Они проговорили несколько часов. Андреас потребовал, чтобы Битти объяснил, почему он выступает за соглашение с властями. Битти ответил:

– Я понимаю ваши чувства, – сказал он, – и знаю, что над вашим сыном нависла угроза. Он перешел дорогу властям.

Андреас слушал. На его лице не отразилось ничего.

– Однако я видел видеозаписи… – продолжил Битти, но Андреас резко прервал его:

– Вы видели то, что вам хотели показать.

– Да, конечно, – согласился адвокат. – Я видел записи, которые специально отобрали для показа. Но это не уменьшает их разоблачительной силы.

Битти объяснил, какую опасность представляют эти видеозаписи для публичной акционерной компании и с какими трудностями столкнутся АДМ и ее акционеры в суде, где эти записи будут, без сомнения, обнародованы.

– В интересах компании пойти на соглашение, – сказал Битти. – И я считаю, что, урегулировав спорные вопросы сейчас, вы облегчите Мику защиту в дальнейшем.

К концу встречи мнение Андреаса о Битти в корне переменилось. Он всю жизнь не ставил адвокатов ни в грош, но теперь почувствовал, что к суждению Битти стоит прислушаться. В последующие дни его доверие к адвокату лишь укрепилось, и Андреас уже задавался вопросом, не владеет ли тот ключом к решению всех его проблем.

Андреас попросил своих советников передать Битти его соображения. Соглашение с правительством необходимо прежде всего для блага акционеров, полагал Андреас. Но если бы АДМ не была публичной компанией, то забота об акционерах отпала бы. Может, Генри Крейвис из ККР захочет перекупить компанию и сделать ее частной?

Услышав это предложение, Битти рассмеялся: надо же, злейший враг Андреаса в роли его спасителя. И позвонил Крейвису.

– Дуэйн Андреас интересуется, не хотите ли вы перекупить

его компанию, – ошеломленно сказал Битти, не уверенный в реакции Крейвиса.

– А я должен этого хотеть? – спросил тот.

Битти понял вопрос правильно.

– Нет, – ответил он.

Наступило 10 сентября. Семь дней до намеченного дня предъявления обвинения АДМ.

Поэтому руководители компании и их адвокаты решили встретиться в Вашингтоне с обвинителями, чтобы понять, что их ожидает. Джон Брей, адвокат Мика Андреаса, твердил, что его клиент не признает свою вину. От имени Андреаса он поблагодарил агентов ФБР за сделанные ими аудио- и видеозаписи. Его команде удалось обнаружить в записях моменты, которые, по их мнению, неопровержимо доказывают невиновность Мика.

– Уайтекер подтасовал факты таким образом, чтобы очернить моего клиента, – заявил он.

Адвокат Уилсона Рейд Вайнгартен сказал, что его подопечный оказался в положении заложника. Он ни за что не даст показаний против семейства Андреас, и, пока Мик отказывается признать свою вину, ее не признает и Терри Уилсон. Он всецело предан АДМ.

Переговоры о судьбе компании велись более решительно. Гэри Спратлинг, заместитель начальника антитрестовского отдела, огласил условия прокуратуры: АДМ признает себя виновной в сговоре о ценах на лизин и на лимонную кислоту. Барри Кокс, возглавляющий производство лимонной кислоты, получает иммунитет, если даст показания о злоупотреблениях в торговле этим продуктом. АДМ платит штраф в сто двадцать пять миллионов долларов – а это куда меньше, чем назначил бы суд. «Уильямс и Конноли» возмутились и возразили, что эта сумма чрезмерна и что она десятикратно превышает максимальную прибыль от фиксирования цен.

Не получив согласия от компании и ее защитников, прокуроры объявили об окончании переговоров. Уходя, Спратлинг обернулся к Обри Дэниелу:

– К вашему сведению. Цифра сто двадцать пять миллионов может быть урезана. Но ненамного.

Осталось четыре дня.

13 сентября в 10.00 утра чрезвычайный комитет совета директоров АДМ собрался в конференц-зале без окон в офисе фирмы «Симпсон, Тэтчер и Бартлетт» на двадцать шестом этаже

дома 425 по Лексингтон-авеню на Манхэттене. Обри Дэниел открыл совещание и ознакомил собравшихся с последними сдвигами в переговорах с прокурорами. Два дня назад сумма назначенного АДМ штрафа снизилась до ста двадцати миллионов долларов, остальные условия остались прежними: компания должна признать себя виновной в двух ценовых сговорах.

Новости повергли директоров в уныние. Гленн Уэбб сетовал, что штраф чересчур велик. Росс Джонсон, Брайан Малруни и некоторые другие были с ним согласны. Комитет поручил фирме «Уильямс и Конноли» еще раз переговорить с прокурорами и постараться уменьшить эту сумму.

Когда адвокаты удалились, оставшимся пришла в голову одна и та же печальная мысль: шло к концу не только уголовное расследование, но и нечто большее. АДМ была вынуждена сдаться, а это означало, что Дуэйну придется отказаться от планов карьеры своего сына, которые он вынашивал в своем сердце столько лет. Эту мысль высказал Джон Дэниелс, бывший председатель совета директоров АДМ и сопредседатель комитета:

– Все мы, безусловно, понимаем, какая это трагедия для Дуэйна и его семьи.

Остальные согласно закивали.

Дэниелс окинул их взглядом.

– Может, мы с вами наблюдаем конец целой эпохи.

17 сентября, день крайнего срока.

После длительных споров прокуратура согласилась снизить сумму штрафа до ста миллионов долларов, но предупредила, что это последнее слово. Сто миллионов – или обвинительный акт.

Переговоры длились допоздна. Множество вопросов остались нерешенными. В конце концов терпение Обри Дэниела лопнуло. Он встал.

– Мы не собираемся покорно брести туда, куда нам указывают, – сказал он резко, вставая. – Мы согласимся с тем или иным требованием только после того, как тщательно изучим все документы. И только после этого Барри Кокс ответит на ваши вопросы.

Соглашение не было достигнуто, но до него оставался крохотный шажок, и поэтому прокуроры решили отсрочить предъявление обвинения еще на неделю. Часы затикали снова.

Спустя два дня Обри Дэниел и Барри Саймон получили письмо антитрестовского отдела, перечислявшее условия соглашения. Дэниел нашел эти условия возмутительными.

Все служащие АДМ, писали прокуроры, получают иммунитет

от судебного преследования, кроме нескольких лиц, включая Мика Андреаса и Терри Уилсона. В этом не было ничего нового. Но теперь обвинение собирались предъявить Дуэйну Андреасу и Джиму Рэнделлу. Председатель совета директоров и президент компании становились объектом судебного преследования, и при этом от АДМ требовали полного и безоговорочного сотрудничества с властями. По мнению адвокатов, это все равно что нарисовать мишени на спинах этих двоих.

Дэниел даже обрадовался. Ясно, что прокуроры перестарались. Такие условия правление АДМ никогда не примет. И он позвонил Спратлингу.

– Благодарю вас. После вашего письма мы можем отказать вам с легким сердцем.

– Что именно вас не устраивает? – спросил Спратлинг.

– Как минимум забудьте о претензиях к Дуэйну Андреасу и Рэнделлу. Это не обсуждается. Во-вторых, мы не согласны выплачивать сто миллионов долларов. Двадцать пять миллионов за нарушения в торговле лизином и десять миллионов за лимонную кислоту. Это все.

Спратлинг помолчал.

– Либо сто миллионов, либо обвинение, – проговорил он.

Все члены чрезвычайного комитета, собравшиеся тем утром в офисе фирмы «Симпсон и Тэтчер», негодовали из-за последних требований прокуратуры. Все выглядело как попытка сфабриковать дело против Дуэйна Андреаса и Джима Рэнделла с целью выкорчевать разом всю верхушку АДМ. Все единодушно отвергли это условие. Адвокатам поручили передать правоохранительным органам, что иммунитет должны получить все служащие АДМ, кроме тех, кто с самого начала был объектом расследования. Иначе это стало бы нарушением предварительного соглашения.

Вместе с тем, заявили директора, назрела необходимость принимать окончательное решение.

– Курс акций АДМ упал, – сказал Росс Джонсон, – и он не поднимется, пока мы не разрешим проблему. Пора разобраться с этим делом.

Обри Дэниел кивнул. Он все понял.

На следующее утро, 20 сентября, на столе Гэри Спратлинга зазвонил телефон. На часах было 11.05, звонил Обри Дэниел.

– АДМ согласна уплатить сто миллионов, – сказал Дэниел. – Но не говорите пока об этом никому, кроме тех, кому это надо знать.

Обязательным условием, добавил адвокат, является иммунитет для Дуэйна Андреаса и Джима Рэнделла. Если прокуроры не согласны, АДМ готова предстать перед судом.

Спратлинг все записал и пообещал, что прокуратура рассмотрит этот вопрос. Юристы договорились в ближайшие дни обсудить все прочие пункты соглашения.

Простившись с Дэниелом, Спратлинг позвонил Джиму Гриффину в Чикаго. Похоже, АДМ готова к соглашению, сказал он.

В то же утро – по закону совпадения – прояснились темные моменты в деле о мошенничестве.

После нескольких месяцев предварительных переговоров отдел по борьбе с мошенничеством назначил встречу с Марти Оллисоном, первым из тех, кого Уайтекер пригласил на работу в АДМ. Адвокат Оллисона Майкл Монико пытался выторговать для своего клиента иммунитет в обмен на показания, но вашингтонские юристы на это не пошли. В результате Оллисон, в надежде на снисходительность прокуроров, согласился ответить на их вопросы на условиях предварительной договоренности.{393}

Они встретились в офисе чикагской прокуратуры. Вся команда, ведущая расследование, – Бассет и Д'Анжело от ФБР, Маккей и Никсон от Министерства юстиции, – вооружилась ручками и приготовилась. Оллисон и Монико сели по одну сторону стола. Оллисон был спокоен, но смущен.

Представив присутствующих, Бассет приступил к вопросам. Оллисон сказал, что впервые встретился с Уайтекером на одной из отраслевых конференций весной 1989 года. Он в то время работал в отделении «Киова хакко», которое занималось производством лизина, а Уайтекер в «Дегассе». Уайтекер проявил большой интерес к лизину и подробно расспрашивал Оллисона об особенностях этого бизнеса. Спустя некоторое время, в том же году, Уайтекер позвонил ему и сообщил, что перешел в АДМ, где возглавил подразделение по производству лизина. Ему требовался специалист по продажам. Переговорив с Джимом Рэнделлом, в январе 1990 года Оллисон начал работать в АДМ.

Бассет решил, что пора переходить к вопросу о мошенничестве.

– Что побудило вас заняться финансовыми операциями с Уайтекером? – спросил он.

Глубоко вздохнув, Оллисон кивнул и сказал:

– Это началось в мой первый год работы в АДМ, когда Марк получил письмо из Нигерии.

В тот день 1990 года на втором этаже главного здания АДМ царило оживление. Гул брокеров в дилинговом зале отзывался эхом на всех этажах. Все трудились не покладая рук. Казалось, что работа в АДМ не останавливается ни на секунду. Новичок Марти Оллисон, недавно нанятый Уайтекером, все еще удивлялся высокой эффективности производства. К тому же его изумило то, что Рэнделл мгновенно зачислил его в штат и без единого слова согласился платить ему столько, сколько Оллисон запросил. Он радовался, что по совету Уайтекера назвал просто баснословную цифру.

Оллисон приближался к лифту, когда его окликнул Уайтекер. Его непосредственный начальник пребывал в радостном возбуждении.

– Марти, загляни ко мне на минуту. Хочу показать тебе кое-что.

Когда Оллисон зашел в его кабинет, Уайтекер закрыл дверь и, достав из ящика стола какой-то документ, сунул его новому сотруднику.

– Читай, – сказал он.

Оллисон изучил документ. Это было очень странное письмо. Автор сообщал, что он имеет отношение к Министерству нефтяных ресурсов Нигерии и, благодаря хитроумной афере, получил доступ к миллионам долларов. Но реализовать их он может лишь с помощью людей вроде Уайтекера.

– Это не розыгрыш? – спросил Оллисон.

– Нет-нет, абсолютно. Это редчайший шанс. Точно такой же был у моего приемного отца, и он заработал на этом кучу денег.

Оллисон кивнул. В то время он не знал, что приемный отец Уайтекера был выдумкой.

– Я разговаривал с этими нигерийцами. Все, что им надо, – бланки компании, номер банковского счета, на который можно выслать деньги, и кое-какие фиктивные инвойсы.

– Объясните, пожалуйста, что это за фиктивные инвойсы, – прервал рассказ Оллисона один из прокуроров.

– Впоследствии Уайтекер сказал, что нигерийцы хотели, чтобы он составил счета на фиктивное сотрудничество с нефтедобывающими предприятиями – будто бы он заключил сделку с их министерством.

Бассет записал и это. Уайтекер, судя по всему, послал эти фиктивные инвойсы в Нигерию еще до того, как начал предъявлять их в АДМ. По-видимому, именно нигерийцы навели его на эту мысль.{394}

– Что вы думали об этих сделках? – спросил Бассет.

– У меня были определенные сомнения, но я доверял мнению Марка. Он пользовался большим авторитетом в компании.

– Уайтекер рассказывал вам еще что-нибудь о сотрудничестве с нигерийцами?

– Да, однажды мы вместе ездили по делам и он сказал, что встречался с одним из них и переслал ему документы факсом.

– А вы лично принимали участие в этих делах с нигерийцами?

– Да, – кивнул Оллисон.

Контакты с нигерийцами продолжались несколько месяцев. Оллисон обсудил сделку со своим старым приятелем по колледжу, которого звали Милош Ли Каверт. Бывало, что Уайтекер, разъезжая по делам АДМ, звонил Оллисону или Каверту и просил их отправить те или иные документы факсом в Нигерию. Он даже посоветовал Каверту послать в Лагос в знак дружбы наручные часы и то и дело повторял, какую большую долю получат Оллисон и Каверт от баснословной выручки, которая достанется ему, когда придут деньги. А однажды Уайтекер пришел к Оллисону с предложением.

– Марти, ты должен вложиться в этот нигерийский бизнес, – сказал он возбужденно. – Навар будет очень большой.

Оллисон поморщился. Ему и документы-то не хотелось отсылать по факсу, а уж собственные деньги тем более.

– Не знаю, Марк… – протянул он. – Все это не внушает мне доверия.

– Марти, мы уже вот-вот получим куш. Надо сделать один-единственный последний взнос в двадцать тысяч, и деньги у нас в кармане. Ты получишь свою долю, и мы все разбогатеем!

Оллисон не поддавался.

– Марк, все это сомнительно, – сказал он. – И я не могу позволить себе такой риск.

– Да ничего ты не потеряешь, Марти! – улыбнулся Уайтекер. – Неужели ты не хочешь получить целое состояние?

– Нет, Марк, не знаю…

– Послушай, я гарантирую, что ты не потерпишь ущерба. Я рискну сам и в случае чего верну тебе деньги.

Поколебавшись еще немного, Оллисон кивнул:

– Ну ладно, Марк.

– Таким образом, вы вложили деньги в нигерийскую авантюру? – спросил Бассет.

– Нет, ничего подобного. Я просто дал их Уайтекеру в долг.

– И не рассматривали это как возможность обогатиться?

– Нет. Уайтекер ведь и раньше обещал поделиться со мной за то, что я посылал факсы, так что это почти ничего не прибавляло.

– И что случилось с этими деньгами?

– Я перевел их из моего банка на счет в нью-йоркском банке.

– А что сказал Уайтекер?

– Он был страшно возбужден и все повторял, что мы вот-вот разбогатеем, – ответил Оллисон. Посмотрев на лица окружающих, он добавил: – А через пару дней все это закончилось.

Через пару дней Уайтекер снова зашел к Оллисону. Его снедала тревога.

– Что-то не склеивается, – сказал он. – На мой счет ничего не пришло.

– А нигерийцам ты сообщил об этом? – спросил Оллисон.

– Не могу дозвониться.

Они помолчали.

– Боюсь, наши деньги пропали, – потерянно произнес Уайтекер.

Прошло несколько месяцев. Оллисон не напоминал Уайтекеру о том, что тот обещал возместить потерю двадцати тысяч долларов. Но в декабре 1991 года Оллисон готовился купить новый дом и ему понадобились деньги. Он встретился с Уайтекером и объяснил ему ситуацию.

– Так что, сам понимаешь, Марк. Это, наверное, очень некстати, но мне нужны мои деньги.

Уайтекер задумчиво кивнул.

– Не волнуйся, придумаем что-нибудь, – обронил он небрежно.

Обеспокоенный Оллисон вышел из кабинета Уайтекера. Ясно, что денег у Марка нет. Что тут придумывать?

Через несколько дней Уайтекер сказал другу, что нашел выход.

– Вот что я придумал, – заявил он возбужденно. – Я выпишу инвойс на двадцать тысяч долларов и представлю его АДМ. Компания оплатит его, и ты получишь свои деньги. Можно привлечь к этому Ли Каверта – оформим инвойс от его имени.

Оллисон изумленно уставился на своего босса. Этот план выглядел очень знакомо. С помощью такой же мошеннической операции нигерийцы, по их словам, надули свое правительство. А теперь Уайтекер предлагал ему и Ли Каверту провернуть то же самое с АДМ.

– Не знаю, Марк… – ответил он. – Я думал, ты просто отдашь свои деньги…

Уайтекер в ответ лишь поднял руки вверх.

– Марти, ты же не один пострадал. У меня нигерийцы увели больше двухсот тысяч, так что мне тоже надо их как-то возместить.

Но Оллисона это не успокоило. А что, если их мошенничество раскроют?

Уайтекер улыбнулся.

– Марти, я президент подразделения. Кто будет меня проверять?

– Как развивались события после этого разговора? – спросил Бассет.

– Я встретился с Ли Кавертом и посвятил его в план составления фиктивного инвойса с целью возместить утрату денег.

Каверт согласился помочь. Уайтекер собирался представить компании фиктивный инвойс на сумму чуть больше восьмидесяти тысяч долларов, из которых они с Оллисоном должны были получить по двадцать тысяч, а остальное останется у Каверта для уплаты налогов. Каверт зарегистрировал компанию «Каверт энд ассошиэйтс», от имени которой на АДМ был выписан инвойс. 9 января 1992 года АДМ по указанию Уайтекера перевела этой компании 81 250 долларов.

– И что случилось с этими деньгами? – спросил Бассет.

– В январе и феврале того же года я несколько раз виделся с Кавертом, и он постепенно передал мне сорок тысяч долларов наличными.

– Почему именно вам?

– Я тогда жил в Сент-Луисе, и мне было удобнее встречаться с ним.

– Что вы сделали с деньгами?

– Двадцать тысяч взял себе и двадцать отдал Уайтекеру.

– В какой форме?

Оллисон сглотнул.

– Наличными, в кейсе.

Агенты предъявили несколько документов по сделке, проведенной компанией «Каверт энд ассошиэйтс». Оллисон указал, что писал он сам, а что Уайтекер.

– С этим ясно, – сказал Бассет. – Почему вы ввязались в новую финансовую сделку, затеянную Уайтекером?

Оллисон ответил, что летом 1993 года его перевели на работу в Лондон. Там до него дошли слухи, что АДМ выплачивает своим служащим «подпольные» бонусы.

– Кто распространял эти слухи?

– Не помню. Кроме Уайтекера об этом говорили и другие. Я поверил этим слухам – было похоже, что таким образом АДМ пытается посадить сотрудников на крючок, чтобы те не поднимали шума из-за фиксирования цен.

Бассет записал показания. Ничего нового: Уайтекер рассказывал об этих вознаграждениях Халсу и Рихтеру, да и сам выписывал им незаконные деньги.

– Но перед моим отъездом в Лондон Уайтекер заглянул ко мне, – продолжил Оллисон.

Зайдя в кабинет Оллисона, Уайтекер прикрыл за собой дверь.

– Привет, старик, – сказал он, улыбаясь. – У меня для тебя новость.

Уайтекер объявил другу, что его ожидает «подпольный» бонус. Оллисон был польщен – он решил, что руководство АДМ хочет таким образом отметить его заслуги.

– Я объясню, что тебе надо сделать, – сказал Уайтекер, вручив Оллисону листок бумаги. – Позвони по этому номеру, тебе помогут зарегистрировать компанию в Делавэре. Назови ее «Нордкрон хеми». – Он написал название на листке.

– Почему именно «Нордкрон хеми»?

– Потому что под Гамбургом есть компания с похожим названием.

Уайтекер с улыбкой добавил, что в сумму, которую Оллисону выплатят через «Нордкрон хеми», входят и деньги, предназначенные для него самого. Оллисон был только рад поделиться с боссом. Жадным он никогда не был.

Следуя указаниям Уайтекера, Оллисон создал компанию и во время очередной деловой поездки в Германию открыл счет в Дрезденском банке. Несколько месяцев не поступало никаких известий, пока в августе ему в Лондон не позвонил Уайтекер.

– Ну вот, Марти, – сказал он, – в твою «Нордкрон хеми» скоро переведут двести двадцать тысяч долларов.

Оллисон был впечатлен.

– Но бóльшая часть этих денег, как ты понимаешь, моя.

– Ну да, знаю.

– То есть моих будет сто сорок тысяч, а твоих восемьдесят. Когда они придут, я скажу тебе, что сделать с моими.

– Ладно, – отозвался Оллисон с некоторым трепетом. Он не привык оперировать такими суммами.

– Эти деньги будут выплачены за фиктивные научные испытания в Европе, – сказал Уайтекер. – Но ты не думай, я сам все устрою.

Уайтекер велел Оллисону во время следующей поездки в Германию прислать оттуда пустой конверт. Этот конверт с почтовыми штемпелями он приложит к фиктивному контракту, когда представит его для оплаты.

Оллисон не понимал, зачем эти ухищрения, если деньги

переводятся с одобрения руководства АДМ.

– Это для бухгалтерии. Руководство-то в курсе, но бухгалтеров в это дело не посвящали.

Оллисон удовлетворился этим объяснением.

Деньги поступили в три приема и составляли в сумме, как и было сказано, двести двадцать тысяч долларов. Первую часть своей доли, составлявшую шестьдесят тысяч, Уайтекер затребовал в апреле 1994 года, попросив Оллисона выписать чек на Объединенный швейцарский банк. Оллисон, разумеется, не знал, что Уайтекер использует эти деньги для открытия счета компании «Эй-би-пи трейдинг», на который собирается через несколько месяцев перевести из АДМ два с половиной миллиона долларов.

В июне Уайтекер велел Оллисону перевести остальные принадлежащие ему восемьдесят тысяч на счета компаний «Стайнер», «Ди-эм-джей» и «Слоун имплемент». Оллисону не жаль было расставаться с этими деньгами – ему хватало и своих восьмидесяти тысяч. И все же эти операции его немного тревожили. Он позвонил Уайтекеру и спросил, как быть с налогами на эти деньги.

– Ну… – ответил Уайтекер. – Кто декларирует выплаты, а кто и нет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Слушай, старик, – задушевно произнес Уайтекер, – платить налоги или не платить – это твое дело.

После допроса Оллисона у агентов сложилась цельная картина криминальной деятельности Уайтекера.

Ключом ко всему была Нигерия. Сид Халс, первым заработавший на фиктивном инвойсе, полагал, что вложить деньги в нигерийскую авантюру Уайтекер решился уже *после* этой первой незаконной сделки с его участием. Но показания Оллисона не оставляли сомнений, что Уайтекер пытался обогатиться с помощью нигерийцев за много месяцев до этого. Чтобы добыть деньги для нигерийцев, он сначала обратился к старому проверенному способу – займу. Но нельзя занимать бесконечно, и тогда он, по-видимому, решил провернуть аферу с АДМ по нигерийскому образцу. Это сошло ему с рук, и никто в компании не заметил утечки денег. Когда стало ясно, что нигерийцы его надули, Уайтекер стал вольнее обращаться с кассой корпорации, чтобы возместить то, что он и его друзья потеряли по глупости.

Операции Уайтекера, которые он провел в 1991 году, помогли проследить всю историю. Тогда на счета Халса и Рихтера

было незаконно переведено пятьсот тридцать тысяч долларов. Почти восемьдесят пять процентов этой суммы исчезли в Лагосе вместе с двадцатью тысячами, занятыми у Оллисона, и собственными деньгами Уайтекера. Агенты и прокуроры были уверены, что «нигерийское мошенничество» дало толчок всей авантюре.

Судя по всему, система нелегального поощрения служащих АДМ была выдумкой Уайтекера. В документах и бухгалтерских отчетах АДМ не было никаких следов ее существования; дочерние компании АДМ на Каймановых островах были слишком незначительны, чтобы поддерживать ее. Кроме того, каждый «бонус» по времени совпадал с финансовыми запросами нигерийцев, а позднее – друзей Уайтекера, желавших вернуть пропавшие деньги.

Обвинения Уайтекера в адрес АДМ опровергались и тем фактом, что самые первые полученные им незаконно деньги не переводились прямо на его имя. Если бы все делалось с ведома руководства компании, получалось бы, что оно незаконно поощряет сотрудников через третьих лиц и даже через посторонних. Весьма сомнительно, чтобы опытные руководители пошли на неоправданный риск, создавая сложную систему с участием лишних свидетелей преступления. Почему бы не перевести деньги прямо Уайтекеру на какой-нибудь заграничный счет, как он сам делал это впоследствии?

Напрашивалось только одно объяснение. Другие служащие АДМ привлекались для сокрытия того, что большая часть этих сумм оседала в карманах Уайтекера. Сначала он прятался за спины друзей и сообщников, но как только деньги были переведены на его собственные счета, эти друзья и сообщники перестали получать незаконные подачки, которыми он осыпал их прежде.

Агенты ФБР и прокуроры были убеждены, что теперь о махинациях Уайтекера они знают все.

Между тем в составленной ими картине не хватало по меньшей мере одного существенного фрагмента.

На следующей неделе Д'Анжело обнаружил этот фрагмент на страницах одного из судебных дел. В прошлый четверг АДМ прекратила переговоры о соглашении и одновременно подала иск против Уайтекера. Иск занимал сорок страниц и обвинял его в мошенническом присвоении средств компании при содействии группы сообщников, включавшей не только Оллисона, Феррари, Халса и Рихтера, но и жену, мать и других родных Уайтекера, чьи имена значились в банковских документах.{395}

Этот список был длинным, и Д'Анжело в нем были известны все имена, кроме одного.

Дэвид Пейдж.

Как подозревали агенты, АДМ до сих пор утаивала часть информации. Перелистав текст искового заявления, Д'Анжело нашел имя Дэвида Пейджа на девятнадцатой странице. Сообщалось, что Уайтекер зачислил Пейджа в штат АДМ в 1993 году, однако тот продолжал при этом работать в компании «Ванетта».

> «Участие Пейджа в деятельности АДМ было фиктивным,

– писали составители документа. –

> Этого сотрудника не знал почти никто из служащих подразделения биопродуктов. Пейдж не представлялся никому из них в этом качестве и не выполнял никакой работы для АДМ».

Что за черт?

Чуть ниже агенту бросилась в глаза еще одна фраза:

> «Со счета Уайтекера в „Швейцарском банке“ на имя Пейджа было переведено не менее тридцати тысяч долларов».

Д'Анжело потянулся к телефону, чтобы позвонить Бассету. Надо отыскать этого Пейджа и выяснить, какую роль он играл в аферах Уайтекера.{396}

Оказалось, что Пейдж живет в Пенсильвании. Д'Анжело и Бассет связались с местным отделением ФБР, и оно послало агента допросить его. Получив из Пенсильвании «форму 302» с протоколом допроса, они поняли, что Пейдж лжет. Местный агент не был достаточно осведомлен об обстоятельствах этого дела и не смог поймать Пейджа на противоречиях. Д'Анжело решил поговорить со свидетелем сам.

Пейдж согласился на повторный допрос, но привел адвоката. Бассета к этому моменту перевели на работу в Олбани, и он почти не принимал участия в чикагском расследовании. Поэтому Д'Анжело вылетел в Вашингтон вместе с курировавшим дело Робом Грантом. Встречу с Пейджем назначили в офисе отдела по борьбе с мошенничеством.

Пейдж показал, что Уайтекер предложил ему работу в АДМ с

окладом сто двадцать тысяч долларов в год плюс аванс в тридцать тысяч. Их разговор состоялся в декейтерском мексиканском ресторане в 1993 году, когда «Битва за урожай» набирала обороты.

– Я спросил Уайтекера, что я должен буду делать в АДМ, и он ответил: «Ничего», – сказал Пейдж.

Это было несомненное жульничество, добавил он. Уайтекер велел Пейджу одну треть зарплаты отдавать ему, вторую треть использовать для уплаты налогов, а третью оставлять себе. Пейдж отдал Уайтекеру даже третью часть аванса.

– Уайтекер уверял, что никто не узнает о нашем знакомстве и об откатах, – рассказывал Пейдж. – Он говорил, что, раз он президент подразделения, никому и в голову не придет проверять его.

Со временем Пейдж стал играть совершенно определенную роль в операциях Уайтекера. Переводить деньги с иностранных счетов напрямую было рискованно, а оставлять их в Швейцарии или на Кайманах было бы глупо. Требовался безопасный способ переправки средств в США.

Уайтекер попросил Пейджа открыть счет в Швейцарии и начиная с осени 1994 года стал регулярно переводить по десять тысяч долларов со своих зарубежных счетов на счет Пейджа. Одновременно Пейдж снимал десять тысяч со своего американского счета и отдавал их Уайтекеру. Посредством подобного отмывания денег Пейдж помог Уайтекеру перевести в США тридцать тысяч долларов.

– Обычно мы встречались в отеле и я передавал ему конверт с наличными, – пояснил Пейдж.

Допрос продолжался почти три часа. Закончив расспрашивать Пейджа, агенты и прокуроры собрали бумаги, рассовали их по кейсам и ушли. Выйдя из помещения, они дружно расхохотались.

– Просто невероятная жадность! – воскликнул Д'Анжело. – У самого на счетах миллионы, а он затевает дело с этим типом ради нескольких тысяч.

– Да, тут он переплюнул самого себя, – покрутил головой Маккей.

При всей сложности этой транзакции она была настолько мелкой, что сомнений не оставалось: Уайтекер обманывал всех с начала и до конца. Его мошенничества породила вовсе не преступная корпоративная система, а жадность. Обыкновенная жадность, и ничего больше.

Весь день агенты и прокуроры вышучивали махинаторский талант Уайтекера. Но им стало не до шуток, когда Дон Маккей произнес вслух то, что начинали осознавать все:

– Да-а, когда вдруг отовсюду начинают вылезать такие сюрпризы, начинаешь думать, что раскрыть все, что Уайтекер успел натворить, не удастся никогда.

Глава 19

– Итак, давайте решать, – обратился Джон Дэниелс к коллегам-директорам.

Последнее заседание чрезвычайного комитета АДМ началось чуть позже двенадцати утра во вторник 8 октября. «Уильямс и Конноли» составила окончательный проект соглашения с правительством. И теперь директора собрались в офисе компании «Симпсон и Тэтчер», чтобы утвердить проект или отвергнуть его. {397}

Четыре директора АДМ, главный юридический советник и три адвоката фирмы «Симпсон и Тэтчер» слушали Обри Дэниела, зачитывавшего пункты соглашения. Остальные директора АДМ, в том числе Брайан Малруни и Рэй Голдберг, следили за происходящим по телефону, включенному на громкую связь. Около одной из стен зала стоял сервировочный столик с кофе и печеньями, к которым не притронулся почти никто.

Дэниел зачитывал текст соглашения минут двадцать. Сумма штрафа осталась прежней – сто миллионов долларов. Дуэйну Андреасу и Джиму Рэнделлу обеспечивался иммунитет, но оба они должны дать показания большому жюри о фиксировании цен. Когда Дэниел закончил, в зале на миг воцарилась тишина.

– Ну что ж, – раздался голос Малруни по громкой связи, – голосуем?

Член совета директоров Гленн Уэбб, возглавлявший одну из агропромышленных компаний, возразил, что нельзя принимать такое далеко идущее решение без обсуждения. Его смущала величина штрафа.

– Это непомерно много, – сказал он. – За такие деньги, я считаю, можно выторговать еще кое-какие уступки.

Несколько директоров согласно закивали. Дружба с Дуэйном Андреасом побуждала их стоять до последнего. Другие выжидательно посмотрели на Битти.

– Мы не в том положении, чтобы торговаться, – сказал он. – Это именно тот случай, когда приходится принимать нелегкое решение.

Росс Джонсон подался вперед.

– Мы должны исходить из интересов акционеров. Обвинительный акт обвалит цену акций. Надо идти на соглашение.

Обри Дэниел предположил, что ему, возможно, удастся договориться о том, чтобы величину штрафа снизили еще немного.

– Обри! – Джон Дэниелс стукнул кулаком по столу. – Больше никаких переговоров. Давайте остановимся на том, что есть.

И Обри Дэниел молча кивнул.

И все же споры длились еще не один час. Наконец Джон Дэниелс почувствовал, что его терпение на исходе.

– Придется стиснуть зубы и согласиться, – обратился он к Битти. – Это в интересах акционеров.

– Давайте голосовать, – сказал Малруни.

У находящегося в Гарварде Рэя Голдберга через несколько минут начиналась лекция, и он отозвался первым:

– Нужно наконец перейти Рубикон. Я голосую за соглашение.

Дэниелс посмотрел на Рода Брюса, бывшего сотрудника АДМ.

– Родди?

– Я «за», – отозвался тот спокойно.

Следующим был Брайан Малруни, который звонил из аэропорта, где ожидал посадки в самолет. Все понимали, что ему трудно выступить с осуждением Андреасов.

– Брайан? – спросил Дэниелс.

Секунду поколебавшись, Малруни сказал:

– Нужно принять решение, которое будет защищать интересы компании и акционеров. Мы, члены чрезвычайного комитета, сделали, что могли. Мы должны думать обо всех, кого это затрагивает.

Несколько директоров согласно кивнули.

– Мне жаль, что американское правительство поставило руководителей АДМ в такие условия, когда отец должен давать показания против собственного сына, – продолжил Малруни и без всякой паузы заявил: – Сожалею, но мне пора. Я передаю свой голос Гленну Уэббу – пусть проголосует за меня, как сочтет нужным.

И Малруни прервал связь, избежав ответственности за исход голосования.

Дверь конференц-зала открылась, и официантка вкатила тележку с закусками: семга, куриное филе и паста-салат. Пока она накрывала на стол, Дэниелс смотрел на Уэбба, которому достались два голоса.

– Гленн?

– «За», – ответил Уэбб, подняв обе руки вверх.

Дэниелс повернулся к Россу Джонсону, который уже высказал свою точку зрения и подтвердил ее еще раз:

– Я «за».

Оставался невозмутимый Джон Ванье, руководитель собственной агропромышленной компании.

– Джек?

– Разумеется «за», – усмехнулся тот.

Единогласно. И делу конец.

Покончив с официальной частью, директора принялись за ланч. Однако Битти напомнил:

– Остался еще один важный вопрос. Надо решить судьбу Мика Андреаса и Терри Уилсона.

17 октября, через два дня после того, как было оглашено беспрецедентное решение совета директоров по обвинению руководителей компании в фиксировании цен, акционеры АДМ собрались в Декейтере на ежегодное собрание. Те, кто помнил, какую агрессивную позицию занимало руководство компании в прошлом году, с удивлением наблюдали за присмиревшим Дуэйном Андреасом. Он уже не затыкал рот критикам и обхаживал даже самых неистовых горлопанов. И совсем уж сразило присутствующих его публичное извинение за допущенные компанией нарушения закона.{398}

– Это, безусловно, серьезный промах, о котором я глубоко сожалею, и совершен он был, что скрывать, под моим руководством, – сказал Дуэйн. – Так что примите мои извинения и позвольте заверить вас, что это не повторится.

Имя Уайтекера не упоминалось – как, впрочем, и Мика Андреаса с Терри Уилсоном. После собрания журналисты окружили Брайана Малруни. Один из них спросил, что будет с Миком Андреасом и Терри Уилсоном, после того как АДМ признает свою вину.

– Они больше здесь не работают, – ответил Малруни.

Терри Уилсон уволился, Мик Андреас взял отпуск. Их звездная карьера в АДМ завершилась.

Доктор Дерек Миллер выбился из сил, пытаясь удержать Уайтекера от безумия.

Понадобилось несколько месяцев, чтобы определить дозу лития, которая действовала эффективно в периоды маниакального психоза. Но в начале октября Уайтекер написал письмо своему адвокату, обвиняя правительство в прокоммунистических настроениях. В этом случае обострение было особенно не ко времени, потому что, во-первых, Уайтекеру вот-вот должны были предъявить официальное обвинение, а во-вторых, он уехал в Чейпл-Хилл в Северной Каролине, где располагался еще один офис компании «Биомар», и регулярные визиты к доктору Миллеру прервались.

16 октября Миллер продолжил свои записи о лечении пациента, который по-прежнему значился под именем Патрика

О'Брайена:[399]

> «Опасность рецидивов маниакального поведения у мистера О'Брайена очень велика, и ясно, что он не принимает литий, хотя уверял меня в обратном. Однако своему адвокату он признался в этом, объяснив, что ему нравится состояние, в котором он находится, не принимая лекарство».

Миллер хотел, чтобы за Уайтекером присмотрел один из психиатров в Северной Каролине. Оставалось надеяться, что Уайтекер обратится к нему, будет следовать его советам и не совершит ничего опрометчивого.

Толпа прокуроров окружила Джима Эпстайна в конференц-зале Министерства юстиции. Адвокат приехал в Вашингтон, чтобы начать процедуру защиты своего клиента. Эпстайн полагал, что действия прокуратуры в отношении Уайтекера в значительной мере диктовались требованиями «Уильямс и Конноли», и хотел дать прокурорам понять, что с Уайтекером необходимо обращаться осмотрительно.

– Эти типы из АДМ украли сотни миллионов долларов, обчистив людей во всем мире, – заявил Эпстайн. – А Марк не только сообщил вам об этом, но и представил уникальные свидетельства их преступления. Он помог вам остановить грандиозное мошенничество и раскрыть международный сговор о ценах.

Эпстайн обвел взглядом лица окружающих.

– Агентов ФБР специально готовят к стрессовым условиям, которые им придется испытывать при выполнении тайных заданий, живя без друзей, которым можно довериться, – сказал он. – Вы сами все время твердите нам о том, как трудно агентам в таких условиях сохранить душевное здоровье.

Все слушали не шелохнувшись.

– А Марк – обыкновенный человек, не имеющий никакой подготовки. Он не выбирал профессию осведомителя. Вы сами побуждали его заниматься этим. Вы послали его на задание неподготовленным, не обеспечив ему поддержки, которая уберегла бы его от стресса.

Слова Эпстайна заставили прокуроров задуматься.

– Марк совершил преступление, непростительное преступление. Он присвоил девять миллионов долларов. Но ведь, с другой стороны, он помог вам разоблачить мошеннический заговор, который в денежном выражении во много раз превосходит его собственные проступки.

Однако, по иронии судьбы, сказал Эпстайн, Уайтекера ожидает гораздо более суровый приговор, чем тех, кто украл у общества несравненно больше. Правовые нормы предусматривают для корпоративных мошенников, присвоивших сотни миллионов долларов, срок заключения не более трех лет.

– Когда состоится суд над Уайтекером, – продолжал адвокат, – за ним будет следить вся мировая пресса. Я расскажу о Марке все – и хорошее, и плохое. Я расскажу о том, что он был совершенно не подготовлен, и обо всем остальном, что произошло с ним. Ваши потенциальные осведомители прочтут репортажи в «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал» и узнают, чего стоило Марку его согласие сотрудничать с вами. И тогда, – заключил Эпстайн, широко раскинув руки, – больше никто не захочет звонить вам и сообщать о преступлении.

Первым нарушил молчание Джек Кини, помощник генерального прокурора, исполнявший обязанности начальника уголовного отдела:

– Да-а, защиту в этом деле представляет, безусловно, незаурядная личность.

Эпстайн покинул конференц-зал, не заключив никакой договоренности о судьбе Уайтекера, но сделал большой шаг вперед. Окончательное соглашение можно заключать лишь после нескольких встреч с прокурорами. Эпстайн полагал, что Уайтекера приговорят к пяти годам тюрьмы, но, возможно, судья чуть снизит этот срок. Это лучшее, на что можно было надеяться. Однако Уайтекер, узнав о беседе адвоката с прокурорами, пришел в негодование. Его возмутило даже то, что Эпстайн посмел заикнуться о *возможности* признания Уайтекером своей вины.

– Это несправедливо! – стонал он. – Преступники сидят в АДМ, а Министерство юстиции их покрывает. Из меня сделали козла отпущения!

Надо не договариваться с прокурорами, а предъявить им иск, заявил Уайтекер. ФБР обошлось с ним несправедливо. Если подать иск, они пойдут на попятный. Эпстайн его не слушал. Уайтекер уже не раз жаловался, что на него ополчился весь мир. Он был оторван от реальности.

– Марк, что вы от меня хотите? – спросил Эпстайн устало. – Поймите, вы украли девять миллионов долларов и практически объявили об этом на весь свет на первой странице «Чикаго трибюн». И теперь мне приходится нейтрализовать последствия ваших поступков. У нас мало козырей на руках, но я постараюсь использовать их наилучшим образом, чтобы свести наказание к минимуму.

Эпстайн повторял свои доводы снова и снова, пока ему не

показалось, что он убедил Уайтекера. Однако через несколько дней в офис адвоката от Уайтекера пришел факс на фирменном бланке компании «Биомар».

> «Мы с Джинджер в последние недели долго обсуждали, какие шаги лучше предпринять. Мы решили пойти в направлении, противоположном тому, куда вы нас вели».

Дочитав письмо, Эпстайн бросил его на стол.

Итак, его уволили. И это настоящая радость.

«Ну вот и прекрасно, – подумал он. – Пусть теперь голова болит у кого-нибудь другого».{400}

Уайтекер подыскивал нового адвоката и хватался то за одну, то за другую кандидатуру. Прежде всего он обратился к Ричарду Курту, практиковавшему в иллинойсском городе Дэнвилл. Уайтекер проникся к нему доверием после того, как Курт помог ему продать дом в Моуикве. С тех пор они не раз обсуждали положение Уайтекера; к тому же доходившие до Уайтекера отзывы о Курте убеждали его в том, что такой защитник ему и нужен.{401}

Но Курт специализировался по делам о банкротстве и причинении личного вреда. Чтобы вести дело Уайтекера, ему был нужен помощник. Он рекомендовал Уайтекеру Билла Уокера, своего товарища по юридическому колледжу, у которого была собственная компания в Грэнит-Сити, Иллинойс. Нескладный человек с копной седых волос, Уокер был шумлив и агрессивен. Его возмущало уже то, что кому-то пришло в голову выдвинуть обвинения против Уайтекера. Понятно, что позиция Уокера понравилась Уайтекеру, и он нанял его не задумываясь.

Так защитниками в одном из самых сложных «беловоротничковых» дел стали специалист по делам о причинении личного вреда и его друг, никому не известный провинциальный адвокат.

6 ноября в 10.25 факс, установленный в юридическом отделе АДМ, выдал страничку, адресованную главному юридическому советнику Рику Рейзингу.

Это было одно из сотен полученных АДМ в последние годы анонимных посланий, касающихся Марка Уайтекера, – и самое поразительное.{402}

> «Я сотрудничал с Объединенным профсоюзом плотников, который выступил инициатором привлечения

директоров АДМ к ответственности,

– было написано в письме. –

> Профсоюз поддерживает доктора Марка Уайтекера и помог ему с помощью Каргилла найти нового, более сильного адвоката».

Автор письма обращал внимание руководства АДМ на один важный момент:

> «Доктор Уайтекер отказался от услуг мистера Эпстайна, потому что тот не хотел предавать гласности некоторые аудиозаписи, характеризовавшие ФБР не с лучшей стороны».

Далее говорилось, что Уайтекеру было трудно работать с местным агентом ФБР, ведущим расследование:

> «Несколько раз агент приказывал уничтожить аудиозаписи, потому что они говорили в пользу АДМ. Уайтекер перестал доверять агентам ФБР и начал тайком записывать свои разговоры с ними. Он сохранил несколько кассет, которые ФБР распорядилось уничтожить, и несколько пленок с записью этого распоряжения. Именно эти записи не хотел обнародовать мистер Эпстайн, так как они могли помочь АДМ выиграть дело в суде».

Обратились к определителю номера факса, с которого пришло письмо. Отправитель пытался заблокировать номер, но у него ничего не вышло.

Факс пришел из офиса компании «Биомар интернэшнл» в Северной Каролине.

Из компании, которой управлял Марк Уайтекер.

В вопросе о том, что делать с Марком Уайтекером, команда, занятая в «Битве за урожай», разделилась на два лагеря.

Еще в июле Лассар и Гриффин пришли к заключению, что Уайтекеру следует предъявить обвинение как участнику ценового сговора. Хотя, по словам японских и корейских бизнесменов, практика фиксирования цен была заведена уже давно, с появлением АДМ на рынке Уайтекер стал играть центральную роль в переговорах. Он профукал свой иммунитет, говорили прокуроры, и присяжные нас не поймут, если исключить

Уайтекера из числа обвиняемых.

Шепард и Херндон не могли с этим согласиться и обвинять человека, по чьей инициативе было начато расследование.

– Это неправильно, – сказал Шепард во время одной из телефонных конференций. – Если бы не Уайтекер, вообще никакого дела не было бы.

Лассар объяснил свою позицию, добавив, что, даже если Уайтекера приговорят к тюремному заключению за участие в фиксировании цен, этот срок, скорее всего, не добавится к сроку за мошенничество, а будет засчитан параллельно с ним.

– Если никакой фактической разницы не будет, тогда чего ради добиваться этого несправедливого приговора, Скотт? – спросил Херндон.

– С его болезненной психикой он не сможет воспринять такое решение адекватно, – добавил Шепард. – Бог знает что он выкинет, узнав об этом.

Однако агентам не удалось переубедить прокуроров. 15 декабря 1996 года большое жюри в Чикаго предъявило обвинение в нарушении закона Шермана Мику Андреасу, Терри Уилсону и Марку Уайтекеру, а также Кадзутоси Ямаде из «Адзиномото».

Вернувшись из Северной Каролины, Уайтекер нанес визит доктору Миллеру. Он был возбужден и не контролировал свое поведение. Вместе с ним пришли оба его новых адвоката, и, с разрешения Уайтекера, Миллер рассказал им о биполярном расстройстве их клиента. Они никогда не слышали о такой болезни и попросили у врача какую-нибудь книгу об этом заболевании.{403}

Миллер видел, что Уайтекер давно не принимает лекарство. Оставшись с доктором наедине, он с маниакальной горячностью заговорил об иске, который вчинит и тем самым решит все проблемы.

– Когда я выиграю это дело, – сказал Уайтекер, – я стану главой АДМ.

Утром 9 января Брайан Шепард проверил почту, поступившую в декейтерскую резидентуру ФБР. Дисплей автоответчика информировал, что поступило сообщение, и Шепард нажал нужную кнопку.

«Это Рон Хенкофф из журнала „Форчун“. Перезвоните, пожалуйста, – у меня для вас важные новости».

Шепард помнил Хенкоффа: это он написал нашумевшую статью об Уайтекере. В 11.20 Шепард набрал его номер.

Хенкофф сразу взял быка за рога.

– Я хотел бы получить от вас комментарии по поводу некоторых обвинений, выдвинутых Уайтекером.

– Простите, – отозвался Шепард, – боюсь, я не смогу дать никаких комментариев.

– Понимаете, – сказал Хенкофф, – характер этих обвинений таков, что я решил дать вам возможность высказаться по этому поводу.

Он рассказал, что прослушал аудиозапись разговора Шепарда с Уайтекером. На ней было слышно, как человек, чей голос похож на голос Шепарда, проигрывал пленку с записью Мика Андреаса, а затем велел Уайтекеру уничтожить ее.

Мало того, сказал Хенкофф, Уайтекер собирался предъявить иск Шепарду, обвинив агента в том, что тот избил его кейсом и во время расследования запрещал ему встречаться с адвокатом и врачом.

У Шепарда подкосились ноги.

– Простите, никаких комментариев, – повторил он.{404}

Положив трубку, Шепард позвонил Мучнику, а тот подключил к разговору находившегося в Спрингфилде Херндона.

– Привет, Брайан, что у тебя? – спросил Мучник.

– Позвонил репортер из «Форчун» – тот, который написал самую первую статью об Уайтекере. По его словам, Марк собирается подать на меня в суд. Я будто бы заставлял его уничтожать пленки.

– Ничего себе! – воскликнул Херндон. – Вот подонок!

Шепард был вне себя. Как мог этот новый адвокат Уайтекера одобрить иск своего клиента, основываясь только на его словах? Таких записей не существует. Этого разговора не было.

– Как лучше поступить? – спрашивал растерянный агент. – Может, просто обратиться в суд и заставить его отозвать иск?

– Брайан, так дела не делаются, – сказал Мучник. – Не знаю, в какой суд они собираются подавать иск, но если подадут, то аннулировать его никто не имеет права. Все должно идти своим чередом. А на это нужно время.

– Но это же чушь! – кипятился Шепард.

– Брайан, не волнуйся, – сказал Херндон. – Это действительно чушь. Это же Уайтекер! Никто ему не поверит.

Но Шепарда это не успокоило.

– Я так и знал! – горько бросил он. – Я говорил, что нельзя обвинять его в фиксировании цен.

Через два дня «Форчун» разослал пресс-релиз с копией своей последней статьи, озаглавленной «ПРЕДАТЕЛЬСТВО». Как и первая публикация, статья основывалась на интервью Уайтекера,

но теперь ее сюжет был иным.[405]

> «Осведомитель сделал крутой разворот и обрушился с обвинениями на ФБР,

– гласила статья. –

> Уайтекер утверждает, что один из агентов приказывал ему уничтожать вещественные доказательства, не позволял обратиться к адвокатам и врачам и чуть не довел до самоубийства. По словам Уайтекера, его обвинения и на этот раз подтверждаются аудиозаписями».

Затем приводилось заявление Уайтекера о том, что Шепард приказал ему избавиться от записей, характеризующих АДМ с положительной стороны. Уайтекеру это не понравилось, и он стал незаметно записывать агента на диктофон, когда слышал подобные требования.

> «Я начал осознавать, что ФБР, по сути, почти ничем отличается от АДМ,

– цитировала статья Уайтекера. –

> Они используют такие же нечестные методы. А я оказался между двумя жерновами».

Выдержек из аудиозаписей статья не приводила, но утверждала, что они, по заявлениям источника, существуют, хотя хранятся не у Уайтекера.

Журнал предупреждал читателей, что к заявлениям Уайтекера следует относиться с осторожностью, так как они противоречат всему, что он говорил о Шепарде прежде. Но Уайтекер, писал автор статьи, давно разочаровался в агенте и из-за этого испытывал мучения. В июле 1995 года он послал письмо Джиму Эпстайну, где делился с ним своими тревогами. В интервью Уайтекер сообщал, что Эпстайн убедил его не выступать против ФБР. Но он больше не может молчать.

В тот же день копию статьи прислали факсом мне на дом. Я освещал эту необычайную историю с АДМ на страницах «Нью-Йорк таймс» с осени 1995 года, и ее причудливые зигзаги были мне знакомы. Я видел, что статья верно излагает все претензии, выдвигавшиеся Уайтекером в последнее время. Он уже несколько недель развивал передо мной легенду о коррумпированности

ФБР. В подтверждение своих слов он передал мне два документа: письмо к Эпстайну, которое цитировалось в статье, и письмо за подписью его психиатра. Оба письма, сказал Уайтекер, свидетельствуют о том, что он уже в 1995 году говорил о коррумпированности ФБР.{406}

Уайтекер дал мне прослушать и запись, которая, по его словам, доказывала, что Шепард приказывал ему уничтожить вещественные доказательства. На пленке действительно были слышны голоса Уайтекера и Шепарда, но разобрать их слова было трудно. Уайтекер дал мне распечатанный текст беседы, однако сделать для меня копию записи отказался.

Прочитав в воскресенье статью в «Форчун», я позвонил Уайтекеру.

– Марк, мне надо срочно поговорить с вами. Я к вам приеду.

– О чем поговорить? – спросил он с подозрением.

– Ну а вы как думаете? О статье в «Форчун», разумеется.

Помолчав, Уайтекер согласился встретиться со мной в Северной Каролине. Он понимал, что, если речь идет о сенсационном материале, репортер не может усидеть спокойно. Я попросил его привести с собой Джинджер, потому что она тоже упоминалась в статье. Он согласился.

В следующий вечер я встретился с Марком и Джинджер в офисе компании «Биомар» в Чейпл-Хилле. Меня проводили в переговорную. Я сел за стол. Марк и Джинджер уселись друг против друга. Марк выжидательно посмотрел на меня. Он не знал, с чем я пришел.

– Марк, прежде чем задавать вопросы, я хочу кое-что сказать вам, – начал я.

– Ладно.

– Всем, кто имел с вами дело в последние четыре года, было от вас что-нибудь нужно. Агентам ФБР нужна помощь в расследовании. Прокурорам нужны улики против обвиняемых. Репортерам нужна информация для статьи.

Уайтекер молча смотрел на меня, не понимая, к чему я веду.

– А я приехал сегодня к вам не потому, что мне что-то нужно от вас, а потому, что я беспокоюсь за вас.

Уайтекер заморгал.

– Вы о чем?

Я вытащил из портфеля папку из манильской бумаги.

– Это документы, которые вы дали мне. Я прочитал их очень внимательно.

– Хорошо, – кивнул он.

Я положил перед ним всю пачку.

– Это не настоящие документы. Это подделки.

В комнате повисло молчание.

Эти поддельные документы не давали мне покоя уже несколько недель. Обвинения Уайтекера в адрес Шепарда были ложью. Трудноразличимая аудиозапись, которую он дал мне прослушать, тоже была подделкой. Голос, несомненно, принадлежал Шепарду, но фоновые помехи, менявшие тембр в зависимости от того, кто говорил, наводили на мысль, что пленка, скорее всего, склеена из нескольких обрезков.

Сначала я не придал значения тому, что Уайтекер ввел в заблуждение корреспондента. Но затем до меня дошли слухи, что «Форчун» собирается опубликовать обвинения против Шепарда. Мои редакторы придерживались мнения (с которым я соглашался), что мы не можем предупредить «Форчун» о том, что заявлениям Уайтекера нельзя доверять, потому что, во-первых, у журнала могли быть и другие материалы, поддерживавшие эти заявления, а во-вторых, редакция, возможно, и не собиралась публиковать статью.

К тому времени я уже знал, что у Уайтекера диагностировали биполярное расстройство, и посоветовался с несколькими психиатрами. Изложив им всю историю, я спросил, что, по их мнению, произойдет, если «Нью-Йорк таймс» разоблачит подделки после публикации статьи в «Форчун». Большинство врачей считали, что вероятность второй попытки самоубийства будет очень велика. Ситуация казалась безвыходной. Приходилось выбирать: смириться с тем, что карьера агента будет загублена, или подтолкнуть свидетеля к самоубийству. Я обратился еще к одному психиатру, и он предложил третий путь, которому я и последовал: поговорить с Уайтекером начистоту.

Прежде всего я достал письмо, которое было якобы написано доктором Миллером в 1995 году и рассматривало обвинения, выдвинутые Уайтекером против Шепарда. По замыслу Уайтекера, письмо должно было доказать, что он не выдумал все это после того, как его обвинили вместе с другими в фиксировании цен.

Рядом с этим письмом я положил другое, подлинное письмо доктора Миллера, и указал Уайтекеру на кардинальные различия между ними. Разными были и машинописный шрифт, и формат листа. Письмо 1995 года было адресовано «Доктору Марку Уайтекеру» и начиналось с обращения «Дорогой Марк», тогда как второе адресовалось «Марку Уайтекеру», а обращением служило «Дорогой мистер Уайтекер».

Марк возразил, что эти различия объясняются, по всей вероятности, тем, что у доктора сменилась секретарша. Я стал перечислять другие несоответствия между двумя письмами – с

таким расчетом, чтобы объяснить каждое последующее было труднее, чем предыдущее. Я взглянул на Джинджер. Ее лицо выражало сомнение. Пора было высказаться начистоту.

– Или посмотрите логотип с адресом, – продолжал я. – Телефонный код города, в котором находится офис, восемьсот сорок семь. Но письмо написано четырнадцатого ноября девяносто пятого года, а тогда код был другой.

У Уайтекера и тут было готово объяснение.

– Так ведь все знали заранее, что код изменится, – сказал он. – Многие заблаговременно заказывали почтовые принадлежности с новым кодом. Очевидно, и доктор Миллер так сделал.

– Я подумал о такой возможности и связался с телефонной компанией «Америтек», – ответил я и протянул ему еще одну бумагу. – Вот пресс-релиз, в котором они впервые объявляют о смене кода на новый, восемьсот сорок седьмой. Он был выпущен двадцатого ноября, через шесть дней после того, как письмо было написано.{407}

Джинджер была потрясена.

– Как, по-вашему, мог доктор Миллер знать новый код еще до того, как его объявили?

Уайтекер молча разглядывал пресс-релиз. Затем он поднял голову.

– Не понимаю, какое это имеет значение, – бросил он. – Рон Хенкофф звонил доктору Миллеру, и тот подтвердил, что писал это письмо.

Уайтекер лгал. Это был критический момент, о котором меня предупреждали психиатры.

– Я тоже связался с доктором Миллером. После того как я убедил его, что поддельные документы не являются врачебной тайной, он признался, что в глаза не видел этого письма.

Уайтекер застыл.

– А еще он сказал, что беспокоится за вас и хочет поговорить с вами как можно скорее. – Я протянул Уайтекеру листок бумаги с номером телефона. – Он сейчас дома и ждет вашего звонка.

Я разговаривал с доктором Миллером за несколько дней до этого. Сначала я, не называя имени Уайтекера, обсудил с ним проблему врачебной тайны для подобных случаев, а затем спросил, как вести себя с человеком в тяжелом маниакальном состоянии. Затем я признался, что речь идет об Уайтекере, и мы договорились, что тот позвонит доктору домой. Весь мой разговор с Уайтекером, начиная с просьбы привести с собой Джинджер, мы с Миллером продумали заранее.

Не прошло и нескольких минут, как Уайтекер со слезами в

голосе признал, что письмо доктора он подделал. Я сказал ему, что Джим Эпстайн согласился дать комментарий по поводу подлинности его письма, на которое ссылался «Форчун», если Уайтекер даст на это разрешение. Уайтекер окончательно раскис и сознался, что письмо Эпстайна тоже подделка.

Джинджер закрыла лицо руками и сказала мужу, что он погубит себя своим враньем.

Мы беседовали еще около часа. Затем Марк и Джинджер вышли в другую комнату, чтобы позвонить доктору Миллеру, и вернулись через полчаса. Марк был печален.

– Похоже, мне опять придется лечь в больницу, – сказал он.

После этого мы втроем поехали к Уайтекерам домой. Там Джинджер собрала вещи Марка для переезда в клинику. Марк уверял, что его рассказ о преступной деятельности АДМ – это правда, пусть документы и поддельные. Я сказал ему, что напишу статью с его признаниями и что статья выйдет в один из ближайших дней. Был уже час ночи. Говорить было уже не о чем. Я покинул их дом. В следующий раз я увиделся с Уайтекером лишь через несколько лет.

Спустя тридцать часов новый адвокат Уайтекера Билл Уокер пробирался сквозь людской водоворот аэропорта О'Хара, просматривая на ходу свежий номер «Нью-Йорк таймс». Один из заголовков заставил его остановиться.{408}

«ОСВЕДОМИТЕЛЬ ИЗ „АРЧЕР ДЭНИЕЛС“ ПРИЗНАЕТСЯ В ОБМАНЕ».

«Вот блин!» – подумал Уокер.

О таком обороте событий клиент его не предупредил.

В тот же день большое жюри в Спрингфилде выдвинуло против Уайтекера обвинение по сорока пяти пунктам, включая мошеннические денежные операции, уклонение от уплаты налогов и отмывание денег.{409} Вечерний визит Уайтекера к Рону Феррари в октябре 1995 года, когда он уговаривал друга подтвердить его историю о преступной сети в АДМ, привел к тому, что его обвинили в препятствовании отправлению правосудия. Больше система нелегального поощрения служащих нигде не упоминалась.

На этот раз реакции со стороны Уайтекера не последовало. Он находился на излечении в психиатрической клинике Чейпл-Хилла и должен был пробыть там еще неделю. Ему запретили читать газеты, слушать радио и смотреть телевизор. Врачи считали, что новости только ухудшат его состояние.

В следующие месяцы защитники Уайтекера Билл Уокер и Ричард Курт обговаривали с прокурорами условия признания их подзащитным своей вины. В отличие от Эпстайна, уже продвинувшегося в этом направлении, Курту и Уокеру пришлось начинать с нуля. Никаким авторитетом они не обладали, а решение предъявить иск Шепарду подорвало всякое доверие к ним.

Защитники не отдавали себе отчет в том, какой вред наносят делу своими уловками. На переговорах с юристами отдела по борьбе с мошенничеством Уокер не только заострял внимание на «преступлениях» Шепарда, перечисленных в исковом заявлении, но и выдвигал новые обвинения, еще менее правдоподобные. Адвокат заявил, что Шепард заставил Уайтекера присоединиться к другим сотрудникам АДМ в загуле с проститутками в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория», – агент якобы боялся, что иначе Уайтекера подвергнут остракизму. Это, по словам Уокера, внесло разлад в отношения Уайтекера с женой, после того как тот признался Джинджер в этом проступке и рассказал о неблаговидной роли Шепарда.[74]

В конце каждого пассажа Уокер бросал на прокуроров многозначительный взгляд и заявлял, что все это можно доказать с помощью аудиозаписей, сделанных Уайтекером. Но с записями получалась путаница. Уайтекер говорил, что летом 1995 года послал пленки с записью Шепарда на хранение другу. Имя этого друга было знакомо всем: Дэвид Хёх, он же надоедливый «Лэмет Вов». В подтверждение своих слов Уайтекер предъявил аудиозапись разговора с Хёхом, во время которого тот признавал, что получил пленки от Уайтекера и уничтожил их. Но Уайтекер внес поправку: пленки якобы сохранились.

Уокер заявил и о том, что в ходе «Битвы за урожай» была сделана запись, доказывающая, что руководство АДМ санкционировало выплату Уайтекеру двух с половиной миллионов долларов. Запись была сделана весной 1994 года, сказал Уокер, и тогда Мик Андреас прямо говорил о решении выплатить Уайтекеру эту сумму. Агенты ФБР в те дни расспрашивали Уайтекера об этой выплате, и Уокер заверил, что обсуждалось повышение зарплаты его клиента. Прокуроры сообщили об этом заявлении адвоката Херндону, и тот объяснил, что подобной записи никогда не существовало.

В конце беседы Уокер передал прокурорам перечень условий соглашения между его клиентом и властями. Условия были изложены путано. Наконец Маккей пришел к выводу: адвокат требует, чтобы в благодарность за признание Уайтекером своей

вины его не приговаривали к тюремному заключению и оставили часть денег, украденных у АДМ. Маккей тут же позвонил Уокеру и отверг эти требования.

Спустя несколько недель Уокер вновь нанес визит прокурорам. С ним беседовали Мэри Спиринг, Маккей и Никсон. Явившись в конференц-зал без пиджака и галстука, Уокер уселся и вытащил из нагрудного кармана рубашки листок, на котором излагались все те же условия соглашения. Он спросил прокуроров, согласны ли они с этими условиями.

Спиринг обменялась взглядом с Маккеем.

– Разве Дон уже не дал вам ответ? – спросила она.

– Да-да, дал, – отозвался Уокер.

– Ну, так мы не собираемся больше обсуждать это, – сказала Спиринг.

Но отделаться от Уокера было непросто. Он стал перечислять пункты соглашения, приводя доводы в их пользу. Спиринг встала и вышла. Маккей тоже решил, что с него хватит, и поднял обе руки вверх.

– Все ясно, Билл, спасибо. Можете не продолжать.

Уокер вперил в прокуроров пристальный взгляд.

– Вы знаете, что к чему, мистер Маккей, – медленно произнес он. – Но это началось очень давно, – возможно, вас тогда и на свете еще не было. Это сильнее нас всех, и это происходит непрерывно. И я знаю, кто за этим стоит.

Уокер несколько минут распространялся о таинственном заговоре, руководителей которого он знает, но не может назвать.

– Я понимаю, вы не верите, но я видел все собственными глазами. Мне известно, кто это, но, к сожалению, не могу вам пока сказать больше.

– Потому что вы боитесь за свою безопасность? – спросил Маккей, с трудом удерживаясь от смеха.

– Нет, – ответил Уокер. – И когда-нибудь я скажу вам. – Он посмотрел Маккею прямо в глаза. – Я скажу вам, кто прячется под маской Кукловода.

Маккей заморгал.

– Кого-кого? – выдавил он.

– Кукловода. Я знаю, о ком вы думаете, но это не он.

– А о ком я думаю?

– Это не Дуэйн Андреас. Он лишь мелкая сошка.

Маккей избегал встречаться взглядом с Никсоном, боясь, что не выдержит и рассмеется.

– Сейчас не скажу, не могу, – повторил Уокер. – Но обещаю, что, когда все кончится, назову его имя.

– Но он, по крайней мере, жив?

Уокер поднял руки вверх:

– Я умолкаю.

Маккей и Никсон постарались поскорее завершить беседу и, выпроводив Уокера, перешли в кабинет Маккея, где вволю нахохотались.

Обвинения, выдвинутые Уайтекером против Шепарда, породили целый ряд новых затруднений в деле о фиксировании цен. Защитники Мика Андреаса и Терри Уилсона потребовали провести судебное разбирательство, чтобы проверить, не уничтожило ли ФБР свидетельства, отчасти снимающие вину с их клиентов. Федеральный судья Бланш Мэннинг, назначенная для слушания дела, дала согласие.

В ходе подготовки к разбирательству прокуроры несколько раз встречались с Шепардом и Херндоном, чтобы вникнуть во все детали проведенного расследования. Одна из встреч состоялась в большом конференц-зале чикагского антитрестовского отдела. На столе высились коробки с документами. Совещание вел Скотт Лассар.

– Брайан, – обратился он к Шепарду, – расскажите, как началось это расследование.

Шепард рассказал о самом первом телефонном звонке, о первой беседе с Миком Андреасом, о том, как после долгого ожидания он встретился с Уайтекером, о попытке вымогательства, предпринятой японцем по имени Фудзивара.

– Но расследование этого вымогательства ничего не дало, – сказал Шепард.

– А что оно могло дать? – пожал плечами Лассар. – Это же была часть мошеннического плана Уайтекера.

Шепард и Херндон остолбенели.

– Как-как? – спросил Херндон.

– Это было частью задуманной Уайтекером аферы, – повторил Лассар. – Ну, сами посудите. Он уверяет руководство, что в компании завелся вредитель и его можно остановить, переведя несколько миллионов долларов в банки Швейцарии и на Каймановых островах. – Он посмотрел на обоих агентов. – А у кого из наших общих знакомых открыты счета и там, и там? Правильно, у Уайтекера. Он пытался таким образом украсть эти деньги.

Агенты онемели от потрясения.

– Подождите, – возразил наконец Херндон. – Но это же совсем не его метод. Не было фиктивных инвойсов.

– Да, Скотт, – поддержал его Шепард. – Это на него непохоже.

Лассар вскинул руки.

– Нам нужно прийти к единому мнению. Эта история с Фудзиварой будет одним из главных вопросов предстоящего разбирательства. Вы можете предложить иное объяснение? Куда пошли бы эти деньги?

– Но как поступило бы руководство АДМ? Вручило бы Уайтекеру десять миллионов с указанием передать их Фудзиваре и успокоилось бы на этом? Ну конечно, они проследили бы за этими деньгами, – сказал Херндон.

– Да что там прослеживать? Отправлены в Швейцарию и на Каймановы острова. Дальше следы теряются.

Шепард покачал головой.

– Нет, я не согласен.

– Скотт, – сказал Херндон, – может, вы и правы. Но я не смогу утверждать это на суде. У нас абсолютно никаких доказательств.

Переубедить Шепарда и Херндона Лассару так и не удалось, зато удалось вывести их из равновесия и даже слегка рассердить. Чтобы согласиться с Лассаром, они должны проанализировать свое расследование под абсолютно другим углом.

Но со временем доводы рассудка преодолели их внутреннее сопротивление. Версия Лассара объясняла буквально все: почему Уайтекер так нервничал в самые первые дни, почему он подчеркивал, что фиксирование цен важнее, чем вымогательство Фудзивары, и почему он был таким ненадежным партнером.

До сих пор агенты считали, что махинации Уайтекера вскрылись в ходе «Борьбы за урожай» случайно. Но теперь они понимали, что произошло обратное: именно махинации косвенно привели к раскрытию сговора о ценах.

К осени 1997 года расследование цепи мошенничеств, совершенных Уайтекером, успешно завершилось. ФБР и прокуратура допросили целую толпу свидетелей, прочесали Каймановы острова в поисках улик и изучили тысячи документов.

Большинство обвинений, выдвинутых Уайтекером против АДМ, были тщательно проверены, но люди, на которых Уайтекер ссылался как на источник информации, всякий раз давали совсем иные показания. Безусловно, компания не отличалась аккуратностью в финансовых делах, но никаких следов организованной преступности обнаружено не было.

Из всех свидетелей Марти Оллисона допросили последним, но он стал первым, с кем заключили соглашение – и всего через месяц после дачи показаний. Его обвинили в однократном участии в сговоре о ценах и, ввиду его добровольного сотрудничества, не стали лишать свободы.

Обвинение, выдвинутое большим жюри против Рейнхарта

Рихтера, не предъявлялось ему официально несколько месяцев. Все это время с ним беседовали агенты ФБР, выясняя те или иные обстоятельства. Он заявил, что за годы работы в АДМ никогда не слышал о системе нелегального поощрения служащих. Деньги, переведенные на его счет, предназначались для возмещения потерь на сделке с нигерийцами. Рихтер также сказал агентам, что на первом допросе отчасти ввел их в заблуждение относительно полученного от Уайтекера чека на четыреста двадцать пять тысяч долларов – эта сумма включала накопившуюся у Уайтекера зарплату Рихтера, которую он не переслал вовремя. В итоге Рихтеру предъявили обвинение по двум пунктам, но, как и Оллисона, освободили от тюремного заключения.

К досаде агентов, которые вели расследование, прокуратура не стала выдвигать обвинений против Рона Феррари, Бита Швейцера и Дэвида Пейджа. Что до Сида Халса, то Маккей и Никсон представили обвинительный акт комитету по оценке данных документов, но комитет счел его совершенно неубедительным и отклонил.

Больше всех негодовал по этому поводу Д'Анжело. Марти Оллисон был на допросе абсолютно откровенен и все же понес наказание. А Халс, по мнению агента, свои показания построил с таким расчетом, чтобы затушевать свою вину, и вышел сухим из воды. Д'Анжело добился права выступить перед комитетом по оценке обвинительных актов. Его пламенная речь была так хорошо подготовлена, что комитет пересмотрел свое решение и признал обоснованным обвинение Халса в мошенничестве и нарушениях налогового законодательства.

{410}

Но единственным значительным объектом уголовного преследования был Марк Уайтекер.

Сотрудники компании «Биомар» собрались в конференц-зале. Место во главе стола занял Уайтекер. После того как ему предъявили обвинения и он признался в подделке документов, владельцы компании попросили его освободить место главного управляющего, однако позволили продолжить работу с маленькой дочерней компанией «Клинтек». Но в этот день Уайтекер объявил, что оставляет работу на несколько месяцев.

– Мы с моими адвокатами решили, что пора более решительно высказать наш взгляд на это дело, – сказал он. – Следующие несколько месяцев я буду целиком поглощен сотрудничеством с масс-медиа – и с газетами, и с телевидением.

Его адвокаты в данный момент договариваются об интервью с

телекомпаниями Эй-би-си и Эн-би-си, сообщил Уайтекер, и он уже беседовал с корреспондентом «Эй-би-си ньюс» Барбарой Уолтерс.

– Я хотел вас предупредить, что в ближайшие месяцы не буду участвовать в работе компании. Я буду бороться за то, чтобы доказать свою невиновность.

На этом Уайтекер закончил свою речь. Некоторые из сотрудников, работавших с ним давно, сгрудились вокруг него, желая ему удачи.

Но никаких интервью прессе и телевидению не последовало. Вместо этого ускоренными темпами стали развиваться переговоры с обвинителями. Уокер настаивал на том, чтобы срок тюремного заключения Уайтекера составлял не больше пяти лет. Прокуроры считали, что срок должен быть не меньше семи.

За несколько дней до назначенного дня начала процесса по делу Уайтекера было достигнуто предварительное соглашение. Уайтекер признает свою вину в тридцати семи случаях нарушения закона, включая отмывание денег, незаконные финансовые сделки и уклонение от уплаты налогов. Если он даст правдивые показания, обвинение попросит судью вынести более мягкий приговор, чем этого требуют федеральные законы, – то есть не более семи лет.

7 октября после разговора с адвокатами Уайтекера Маккей позвонил Джиму Гриффину и сообщил ему о том, как развиваются события. Позже в тот же день Маккей работал вместе с Д'Анжело над подготовкой к процессу на «командном пункте», который они зарезервировали в здании федерального суда Урбаны. Когда раздался телефонный звонок, Маккей включил громкую связь.

Звонил Скотт Лассар из Чикаго, а рядом с ним была остальная антитрестовская команда. Им известно соглашение, заключенное с Уайтекером, сказал он, и у них есть сомнения на этот счет.

– Нам кажется, что лучше было бы объединить два дела и обвинить Уайтекера сразу по обоим. Поэтому…

– Его адвокат не желает объединять эти два дела, – прервал его Маккей. – Он говорит, что антитрестовское дело не представляет серьезной угрозы для его клиента.

– Понимаете, Дон, велика вероятность, что судья не примет заявление, не исчерпывающее всего, что совершил обвиняемый.

Маккей снова возразил, но Лассар продолжал развивать свою мысль.

– Будет выглядеть так, будто мы хотим сжульничать и

скостить Уайтекеру срок заключения.

Маккей слушал и все больше раздражался. Ему-то объединение двух дел было ни к чему. *Его* дело было готово к слушанию. Заявление обвиняемого с признанием вины будет настоящей победой. Этот план одобрили все инстанции Министерства юстиции. А теперь прокуроры антитрестовского отдела хотят спутать карты, чтобы поправить то, что испортили сами.

Лассар все гнул свое. Лицо Маккея исказил гнев. Напряженная обстановка перед началом процесса, слишком много кофе и сигарет образовали взрывчатую смесь. И он взорвался.

– Бестолковые мудозвоны! – пронзительно выкрикнул он.

Все замолчали.

– Меня уже тошнит от вас! – орал Маккей. – Мы доведем дело до конца без вашего драного сотрудничества. Всего хорошего!

И швырнул трубку на рычаг.

Антитрестовцы в Чикаго не знали, что сказать.

– Ну что ж, – резюмировал в конце концов Лассар. – Прекрасно поговорили.

Маккей все не мог успокоиться. Он покраснел как рак и тяжело дышал. Д'Анжело и прокурор Нэнси Жардини, которую недавно подключили к этому делу, предпочли не вмешиваться. Д'Анжело всерьез опасался, что Маккея хватит удар.

– Долбаные ничтожества! – продолжал бушевать тот. – Кто виноват в том, что они никак не могут разобраться со своим вонючим законом Шермана? Пусть сами расхлебывают!

Минут через десять буря улеглась. Маккей сознавал, что вел себя не лучшим образом, но это не смягчило его отношения к антитрестовцам. Отдел по борьбе с мошенничеством стремился добиться от обвиняемого заявления с признанием вины, и он выработал определенный план действий. И до тех пор пока этот план не будет осуществлен, предупредил он Д'Анжело, антитрестовский отдел не должен ничего знать об их действиях.

– Слушается дело номер «девяносто семь – двадцать тысяч один», – объявил секретарь суда в набитом до отказа зале, – «Соединенные Штаты Америки против Марка Уайтекера».

Обвинители и защитники представились суду. Окружной федеральный судья Урбаны Гарольд Бейкер обвел взглядом зал. Уайтекер в одном из своих лучших костюмов спокойно сидел рядом с Биллом Уокером.

– Секретарь сообщил, что защита хочет внести изменения в свое заявление, верно? – спросил судья Бейкер.

– Да, ваша честь, – ответил Уокер, вставая.

Судья глянул на Уайтекера.

– Мистер Уайтекер, выйдите, пожалуйста, вперед, чтобы ответить на вопросы суда.

Уайтекер прошел на возвышение.

– Мистер Уайтекер, верно ли, что вы хотите подать заявление о признании своей вины по тридцати пяти пунктам?

– Да, ваша честь.

{411}

Уокер вмешался и уточнил, что обвинение содержит тридцать семь пунктов. Бейкер задал несколько вопросов, чтобы проверить, способен ли Уайтекер вынести самостоятельное решение о подаче заявления. Уайтекер сообщил судье, что врачи нашли у него маниакально-депрессивный психоз, что он принимает литий и дважды лежал на излечении в клинике.

Судья просмотрел текст заявления.

– Как я понимаю, Министерство юстиции согласилось не предъявлять вам дополнительных обвинений? – спросил судья. – При условии, что вы ничего от них не скрываете.

– Полагаю, ваша честь, обвинение предъявляют только отдел налогов Министерства юстиции и отдел по борьбе с мошенничеством, – ответил Уокер.

С какой стати Уайтекер должен признавать себя виновным еще в чем-то? Это не повлияет на срок заключения, к которому его приговорят.

– Я хочу задать вопрос вам, – обратился судья Бейкер к прокурорам. – Не связывает ли это соглашение обязательствами другие государственные учреждения?

Поднялась Нэнси Жардини.

– Как отдел по борьбе с мошенничеством Министерства юстиции, мы не облечены властью связывать обязательствами антитрестовский отдел или региональные отделения, – сказала она. – Обвиняемый это знает.

Судья Бейкер спросил Уайтекера, понимает ли он, что это заявление не препятствует выдвижению против него других обвинений. Уайтекер ответил, что понимает. Ответ удовлетворил судью.

– Суд принимает заявление обвиняемого и признает его виновным согласно заявлению.

Затем судья Бейкер продлил срок поручительства за Уайтекера и объявил перерыв. Толпа журналистов и зрителей потянулась из зала суда. Многие получили копии распечатанного официального сообщения Уайтекера о том, что он ознакомился с заявлением и подписал его. В самом низу страницы была фраза,

набранная курсивом и выделенная жирным шрифтом:

> «Я сожалею о том, что участвовал в финансовых махинациях, *которые были одобрены руководством компании».*

Через полчаса Д'Анжело позвонил Херндону.

– Слушай, я знаю, что это ужасно, и звоню тебе первому, – сказал Д'Анжело. – В четырнадцать тридцать Уайтекер подал заявление с признанием вины.

– Что?

– Прости. Мне приказали никому об этом не говорить.

Херндон поблагодарил Д'Анжело и в растерянности повесил трубку. Хотя вопрос об участии Уайтекера в фиксировании цен не поднимался, они с Шепардом хотели присутствовать при подаче Уайтекером заявления о признании вины. Но пререкания с юристами отдела по борьбе с мошенничеством стоили им приглашения на заключительный акт своего расследования.

Херндон потянулся к телефону и позвонил Шепарду, у которого был выходной. Нужно сообщить напарнику о последней выходке Министерства юстиции.

Спустя несколько месяцев два чикагских адвоката вошли в вестибюль отеля «Ла Куинта» близ Рейли, штат Северная Каролина, и направились к портье.

– Меня зовут Шелдон Зеннер, – обратился к портье старший из них. – Мне нужен Билл Уокер.

Дело было в воскресенье 28 декабря. Зеннер и его коллега Шон Берковиц готовились защищать в суде своего клиента Сида Халса. Несколько месяцев они добивались от Уокера, чтобы тот организовал встречу с Уайтекером – человеком, который, по словам Халса, одобрял все совершенное их подзащитным. Уайтекер был ключом к защите Халса.

Уокер вышел к адвокатам в тренировочном костюме и в туфлях на босу ногу и пригласил их в холл рядом с буфетом, предлагавшим континентальный завтрак. Зеннер и Берковиц колебались. Для конфиденциального разговора место совсем не годилось. Да и все остальное выглядело странно.

– В этой гостинице у меня типа филиал конторы, – пояснил Уокер. – И до доктора Уайтекера тут рукой подать.

Чикагские адвокаты опустились в кресла.

– Доктор Уайтекер очень сочувствует Сиду Халсу, – сказал Уокер. – Его угнетает то, что Сид замешан во все это, и он готов всеми средствами помочь ему выпутаться.

Почти целый час ушел на то, чтобы обговорить условия встречи с Уайтекером. Наконец тот появился. Он держался бодро и непринужденно. Рядом сновали постояльцы гостиницы с булочками и тарелками с кашей.

– Ну ладно, – произнес Уайтекер, – что вы хотите знать?

Еще через два месяца, 6 февраля, в том же самом холле с Уайтекером встретились юристы отдела по борьбе с мошенничеством и Тони Д'Анжело. Они сердито выслушали его рассказ о разговоре с адвокатами Халса – примерно в тот же день Уайтекер отказался встретиться с прокурорами, сославшись на занятость. А хуже всего было то, что всего за несколько недель до слушания дела в суде Уайтекер поменял свои показания относительно Сида Халса.{412}

Уокер пристроился на ближайшем диванчике, а Уайтекер стал рассказывать путаную историю, в которой каждая фраза противоречила предыдущей. Было ясно, что, выгораживая Сида Халса, он сочиняет на ходу.

Сначала Уайтекер сказал, что посоветовал Халсу не платить налог с незаконно присвоенных денег, пока они не будут переведены в США. Затем заявил, что не помнит, чтобы говорил с Халсом о налогах. Деньги, которые он получил от Халса как откат с первых трехсот тысяч долларов, были, по словам Уайтекера, взяты в долг, – он забыл о своем признании, что это выдумка, сочиненная несколько лет назад. А другие деньги были переведены Халсу из АДМ якобы в оплату этого займа.

– Секундочку, – прервал его Д'Анжело. – Если вы должны были Халсу сто тысяч долларов, то почему возвращали долг через АДМ?

Уайтекер моргнул и замолчал.

– Не помню почему, – сказал он наконец.

Юристы выслушивали эти несуразицы несколько часов. Уайтекер снова и снова менял причины и назначение платежей, стараясь вытащить Халса из тенет преступления.

Когда допрос закончился, Дон Маккей кипел от возмущения. Этот Уайтекер просто непроходимый тупица. Он договорился о сотрудничестве, ему еще не вынесли приговор, – и тут он меняет показания.

– Ты веришь в эту галиматью? – спросил он Д'Анжело.

– Совершенная чушь, – ответил тот.

И Маккей решил, что не станет ходатайствовать о смягчении приговора Уайтекеру. *Пусть получает по максимуму.*

Он посмотрел на Д'Анжело.

– Надо дать сукину сыну по мозгам, – сказал он.

Офисы различных компаний и правительственных организаций по всей стране стали получать письма и посылки от Уайтекера. Некоторые из них, кроме писем, содержали документы, призванные подтвердить его слова. К другим прилагались аудиозаписи.

Дженет Рено, Джиму Гриффину и Робину Манну пришли одинаковые письма. В них Уайтекер признавался, что допускал ошибки, когда был осведомителем, и просил за них прощения.

Некоторые прокуроры тоже получили копии письменного заявления за подписью Уайтекера. Всем бросился в глаза заголовок на пятой странице:

> «О Брайане Шепарде».

В пяти следующих абзацах Уайтекер обиняками признавался, что оклеветал Шепарда и что тот не приказывал ему уничтожать записи.

> «Все без исключения аудиозаписи, сделанные в АДМ и на переговорах с конкурентами, я передал ФБР,

– писал Уайтекер. –

> И в дальнейшем в них не делалось никаких изменений».

Он объяснял, что оговорить Шепарда ему подсказал один из бывших сотрудников АДМ. Он убедил Уайтекера, что взамен АДМ отзовет свои претензии к нему. Записи беседы с этим человеком не осталось, потому что они говорили по телефону-автомату и пользовались неотслеживаемыми телефонными картами.

Несколько посланий получили и сотрудники компании «Биомар». После того как Уайтекер осенью заявил о своей виновности, «Биомар» порвала отношения с ним и изъяла выписанные на его имя опционы под тем предлогом, что он проработал в компании недостаточно долго, чтобы стать инвестором.

Нельсон Кэмпбелл, один из основателей компании, знал, что тем самым привел Уайтекера в ярость, и это новое письмо предупреждало, что Уайтекер так просто акции не отдаст.{413} Сначала один из сотрудников в смятении сообщил Кэмпбеллу о том, что получил от Уайтекера толстый конверт. Вскоре о том же сообщили и другие. Догадываясь о содержании посланий, они принесли конверты нераспечатанными.

Кэмпбелл осторожно вскрыл один из них сам. Внутри было письменное заявление Уайтекера и кассета. Начав читать заявление, Кэмпбелл пришел в такое расстройство, что не смог дочитать его до конца. Уайтекер обвинял его во множестве прегрешений. Более того, он признавался, что записал кое-какие разговоры сотрудников «Биомара» с помощью диктофона, приобретенного в ходе «Битвы за урожай». Копии этих записей он якобы отослал в Министерство юстиции и в Комиссию по ценным бумагам и биржам, чтобы там разобрались во всех нарушениях. [75]

Читая заявление Уайтекера, Кэмпбелл только качал головой. Все обвинения были ложью, хотя в некоторых была крупица правды. Так, например, руководители компании советовалось с юристами относительно законов, запрещавших подкуп иностранных чиновников. По версии Уайтекера, они замышляли подкуп. Затем Кэмпбелл прослушал записи, которые Уайтекер тайно делал в «Биомаре».

Услышав на пленке то, что говорил несколько месяцев тому назад он сам, Кэмпбелл озадачился. Его слова вовсе не свидетельствовали о дурных помыслах. Они вообще ни о чем не свидетельствовали и были совершенно безобидны. Но при прослушивании Кэмпбеллу казалось, что он говорил не то, что слышал теперь. Запись то и дело прерывалась щелчками и паузами, перескакивая с одного фрагмента на другой. Кэмпбелл понял, в чем дело, и выключил магнитофон.

Уайтекер склеил пленку из кусков.

Вынесение приговора Уайтекеру было намечено на 26 февраля 1998 года. В 7.34 утра автомобиль № 72 пожарной охраны Чейпел-Хилла промчался по Ист-Франклин-стрит с зажженными фарами и включенной сиреной.

Развернувшись, машина остановилась около одного из домов на Деминг-роуд. Пожарный Джерри Блэлок выскочил из кабины и кинулся к стоявшему перед домом «линкольн континенталу» бордового цвета. К выхлопным трубам были прикручены садовые шланги, закинутые в окошко автомобиля.

На заднем сиденье обмяк блондин с детским личиком, – по-видимому, он был без сознания. На переднем сиденье лежали два экземпляра журнала «Форчун», несколько газет и Библия. Пожарные вытащили блондина из автомобиля и дали ему кислород. Он тут же пришел в себя.

– Как вас зовут? – спросил один из пожарных.

Блондин сморгнул.

– Марк Уайтекер, – ответил он.{414}

Спустя несколько часов судья Бейкер посмотрел на адвокатов, сидевших в зале суда.{415}

– Где обвиняемый? – спросил он.

Встал Билл Уокер.

– Ваша честь, говорят, что он пытался сегодня утром совершить самоубийство у себя дома.

Уокер добавил, что прокуроры хотели тут же арестовать Уайтекера, но он готов сам слетать в Северную Каролину и привезти клиента.

Судья отверг это предложение. Он выписал ордер и отдал службе судебных маршалов[76] распоряжение взять Уайтекера под стражу и доставить в Урбану.

Предпринятая Уайтекером попытка самоубийства принесла ему много вреда. Полиция Чейпл-Хилла пришла к заключению, что это была инсценировка с целью вызвать снисхождение суда. Внешний вид и поведение Уайтекера не указывали на отравление, и детективы сообщили об этом прокурорам и судье Бейкеру. Вынесение приговора перенесли на 4 марта.

Боб Херндон распахнул тяжелую дверь и придержал ее перед своей женой Рилен. Сначала Боб решил остаться дома, расстроенный тем, что несколько часов назад у него на руках умер любимый кот. Но Рилен уговорила его ехать: муж должен увидеть, что долгое расследование наконец завершилось.

Зал снова заполнили репортеры и зрители. На Херндона никто не обратил внимания, и они с женой заняли свободные места у стены справа. В первом ряду он увидел Джинджер Уайтекер, но не подошел к ней.

Он посмотрел на часы. Заседание должно было начаться через несколько минут. Брайан Шепард, по своему обыкновению, запаздывал. Херндон не спускал глаз с дверей и, когда его друг наконец появился, помахал ему, приглашая на занятое для него место.

Вскоре появились адвокаты вместе с Уайтекером, которого сопровождали судебные маршалы. Вид Уайтекера потряс агентов. От бравой самоуверенности не осталось ничего. Он выглядел маленьким и напуганным.
{416}

– Видок у него так себе, – прошептал Херндон Шепарду.

– Да уж, – прошептал тот в ответ.

Слушание дела началось с обсуждения представленного суду доклада о личности и обстоятельствах жизни подсудимого. Уокер оспорил вывод доклада о том, что Уайтекер, заявляя о наличии

системы нелегального поощрения служащих АДМ, пытался избежать ответственности. Адвокат сказал, что одна из аудиозаписей, сделанных в ходе «Битвы за урожай», подтверждает это.

– Эта запись имеется в распоряжении ФБР, и бюро известен этот факт.

– Какую запись он имеет в виду? – спросил шепотом Херндон у Шепарда.

– Не имею понятия, – ответил Шепард.

Маккей возразил Уокеру, что подобной записи не существует и нет свидетельств, подтверждающих слова Уайтекера. Когда перепалка между защитником и обвинителем закончилась, судья Бейкер посмотрел на Уайтекера.

– Вы хотите выступить с заявлением? У вас есть такое право.

– Да, я хотел бы, ваша честь, – ответил Уайтекер.

Выйдя на возвышение, Уайтекер заглянул в приготовленный текст своего выступления.

– Я рад, что имею возможность сказать несколько слов, – начал он. – Все длилось долгих пять лет.

Уайтекер сказал, что сознает свою ответственность за содеянное. Затем он окинул взглядом зал суда.

– Я приношу свои извинения многим из тех, кто находится в этом зале. А также и тем, кого здесь нет и кому я причинил вред. Я искренне прошу меня простить.

Он посмотрел на судью Бейкера.

– Ваша честь, я готов понести наказание. Это все.

Судья попросил Уайтекера оставаться на месте, а Уокера – присоединиться к своему клиенту. Когда Уокер подошел к Уайтекеру, судья мрачно произнес:

– Передо мной задача, к выполнению которой я приступаю без радости. Мистер Уайтекер не похож на обычного уголовного преступника, каких мы привыкли видеть на скамье подсудимых.

Большинство подсудимых люди малообразованные, и возможностей у них было немного, продолжил судья. А Уайтекер получил хорошее образование, у него крепкая семья. Он создал подразделение биопродуктов в АДМ и сделал головокружительную карьеру.

– Очень может быть, что со временем он стал бы одним из высших руководителей АДМ. Но его карьерный успех сопровождался ложью, обманом, злоупотреблением положением и хищениями.

Уайтекер манипулировал людьми – друзьями и сотрудниками, сказал судья Бейкер. Его мотивом была заурядная жадность.

Уайтекер не реагировал.

– Суд не усматривает прямой связи между биполярным расстройством мистера Уайтекера и совершенными им преступлениями. Порой его поведение можно назвать социопатическим. Трудно определить, когда мистер Уайтекер лжет, а когда говорит правду.

В ходе расследования Уайтекер не раз менял свои показания, сказал судья. Он только что изменил сказанное ранее о Сиде Халсе на прямо противоположное.

– Неясно, какими мотивами он руководствуется, противореча собственным словам. В результате он навредил самому себе. Если вначале ему грозило наказание в виде семидесяти восьми месяцев тюремного заключения, то теперь этот срок может удвоиться. – Судья Бейкер посмотрел на Уайтекера. – Суд выносит подсудимому приговор в виде содержания под стражей в федеральном или другом карательно-исправительном учреждении в течение ста восьми месяцев. Это минимальный срок заключения, который может быть присужден по закону в данном случае, и, по мнению суда, это наказание справедливо.

Сто восемь месяцев. Девять лет в тюрьме. Ничто не имело значения по сравнению с этим. Уайтекера обязали возместить нанесенный АДМ ущерб. С учетом процентов вышло более одиннадцати миллионов долларов.

Уайтекер по-прежнему не реагировал. Судья Бейкер объявил заседание закрытым и покинул зал суда. Судебные маршалы подошли к Уайтекеру, чтобы отвести его в тюрьму. Шепард и Херндон смотрели, как их бывшего осведомителя выводят через заднюю дверь. Они годами мучились с этим человеком и волновались за него. А теперь все изменилось. Их чувства разрывались между человеком, которого они знали, и лжецом, каким он был в действительности.

Репортеры окружили Маккея. Агентов почти не замечали. Надев темные очки, они вышли на улицу. Но один приметливый телеоператор увидел их и заснял, как они идут к своим автомобилям, припаркованным у торгового центра по соседству. Затем он переключился на другие объекты.

В сгущающихся сумерках агенты и Рилен стояли около «мини-вэна» Херндонов и говорили об Уайтекере. О том, как он выглядел, как держался, что сказал.

– Интересно, что он имел в виду, когда говорил про людей, которым навредил? – проговорил Херндон.

– Марк не осознает, сколько людей пострадало из-за него, – покачал головой Шепард.

Примерно в то же время Уайтекер в наручниках, пригнув голову, нырнул на заднее сиденье машины, которая увезет его в декейтерскую окружную тюрьму, где он уже провел несколько дней. Когда автомобиль тронулся с места, Уайтекер заметил нацеленную на него телекамеру и помахал оператору.

В тюрьме судебные исполнители передали Уайтекера местному начальству. Пока оформляли бумаги, Уайтекера заметил другой заключенный, который только что смотрел телевизионные новости.

– Слушай! – воскликнул он. – Ты же тот парень, которого я только что видел по ящику!

– Да, – ответил Уайтекер со счастливой улыбкой, – это я.

Эпилог

Прения по уголовному делу о фиксировании цен, в котором обвинялись Мик Андреас, Терри Уилсон и Марк Уайтекер, начались 15 июля 1998 года в зале суда № 2125 федерального здания Дирксена в Чикаго. Множество зрителей заполняли дугообразные скамьи, возвышавшиеся амфитеатром над ареной, где разворачивались юридические сражения. По всему залу были установлены телевизионные мониторы, чтобы все могли увидеть видеозаписи, которые обвинение обещало представить на суде. {417}

Джим Гриффин встал, обращаясь к двенадцати присяжным и шести их дублерам. Позади него за четырьмя столами для прокуроров и адвокатов расположились все основные действующие лица этой драмы. Мик Андреас в синем костюме и пестром галстуке сидел, взявшись рукой за подбородок. Рядом был Терри Уилсон со своими адвокатами. Он выглядел нездоровым и посасывал мятные леденцы. Ямады из «Адзиномото» не было: обвинение с него не сняли, и он не стал возвращаться в Америку, чтобы выслушать его.

Бросалось в глаза отсутствие еще одного человека. Вопреки советам своего адвоката и судьи Бланш Мэннинг, председательствовавшей на заседании, Марк Уайтекер предпочел не появляться на публике. Прошло меньше полугода с тех пор, как его осудили за мошенничество. Несколько недель, пока шла подготовка к процессу, он провел в тюрьме с максимальной изоляцией заключенных, находившейся по соседству с залом суда. Но накануне он попросил судью Мэннинг перевести его назад, в тюрьму Северной Каролины, где изоляция была минимальной, а кормили лучше.

Шепард и Херндон сидели бок о бок за прокурорским столом, на случай если вдруг возникнут вопросы, требующие разъяснений. Последние три года они жили ради этого момента; это был шанс отстоять свое реноме. Агенты тяжело переживали поток обвинений, обрушившийся на них от АДМ, Уайтекера и министерства. Даже судья Мэннинг, отказывая защите в просьбе не использовать аудио- и видеозаписи на процессе, не преминула попенять агентам за то, что им не удалось держать Уайтекера под контролем.{418} Но теперь само их присутствие в зале суда говорило о том, что они выдержали испытание и как профессионалы, и как люди. Они входили в команду правопорядка, они мастера своего дела. Слушая Гриффина, излагавшего присяжным позицию обвинения, они ощущали, как

восстанавливается справедливость. Этот процесс будет живым утверждением их многолетнего труда.

– Майкл Андреас и Терранс Уильямс были пойманы с поличным с помощью аудио- и видеозаписей, подтверждающих, что они совершили преступление, в котором их обвиняют, – говорил Гриффин присяжным. – Благодаря сотрудничеству Марка Уайтекера у нас есть несколько различных видов улик, записанных на пленку.

Однако, продолжил Гриффин, Уайтекер тоже совершил преступление, похитив деньги АДМ, и потому обвиняется в фиксировании цен вместе с остальными. Адвокаты, несомненно, будут обвинять в самых разных грехах и Уайтекера, и людей, которые вели расследование. Но присяжные могут доверять свидетельствам, представленным прокуратурой.

– Когда улики неоспоримы, лучшим способом защиты часто становится нападение, – сказал Гриффин, – и вы, несомненно, сами убедитесь в этом сегодня. Мы вызовем агентов ФБР в качестве свидетелей, и они расскажут, как проходило расследование. Они вели его по правилам и собрали целую гору свидетельств.

Когда Гриффин закончил речь, было почти два часа, и судья Мэннинг объявила перерыв. Юристы собрались в кабинете судьи, чтобы обсудить ходатайство защиты. Шепарда и Херндона не пригласили.

Ровно в 15.00 заседание суда возобновилось. Пока не появились присяжные, прокуроры обсуждали возражения со стороны защиты. Судья Мэннинг быстро разрешила этот вопрос, отклонив возражения адвокатов.

– Пригласите присяжных, пожалуйста, – попросила она маршала суда.

Марк Халкоуэр, один из адвокатов Уилсона, встал и сказал, что защита вновь возражает против присутствия в зале Шепарда и Херндона. Обвинение собирается вызвать их обоих в качестве свидетелей, и от надежности и достоверности их показаний во многом зависит судьба обвиняемых. Поэтому будет несправедливо, если им позволят слушать других, – они могут изменить свои показания в зависимости от предыдущих выступлений.

Судья Мэнниг в синей мантии взглянула на прокуроров.

– Следуя решению, которое я вынесла во время перерыва, обвинение может оставить в зале одного из двух этих свидетелей.

На миг в зале воцарилось молчание. Мигали флюоресцентные лампы на потолке.

Мучник встал. Прокуроры предвидели возможность такого решения, но он знал, что агенты не были к нему готовы.

– Ваша честь, – сказал Мучник, – поскольку свидетелей еще не допрашивают и стороны излагают свои позиции, что вряд ли может повлиять на показания, нельзя ли, чтобы…

– Нет, прокурор, – прервала его Мэннинг, – я уже вынесла постановление. Решайте, кто остается.

У Мучника не было выбора.

– Мы выбираем Херндона.

– Он остается?

– Остается.

– Хорошо.

Мучник попытался еще раз попросить пересмотреть решение, но Мэннинг прервала его.

– Агент Шепард, – обратилась она к нему, – вы можете покинуть зал.

Шепард моргнул. В зале стояла тишина. Херндон покачал головой. Шепарду потребовались все силы, чтобы смолчать и сдержать возмущение решением судьи. Он взял свои вещи и встал.

– Мне очень жаль, – сказала судья Мэннинг.

Идя по проходу, Шепард чувствовал обращенные на него взгляды знакомых и незнакомцев. Взгляды изучали его, пытаясь найти изъян, из-за которого его удаляли из зала. Его словно заклеймили публично, и это клеймо утверждало, что Брайан Шепард совершил нечто неподобающее.

Ради этого дела он жертвовал всем – личным временем и общением с семьей, карьерой и даже репутацией, – а ему отказали в воздаянии за все это. Он чувствовал себя преданным и униженным перед всем светом. И на этот раз его покинули люди, которых он считал своими друзьями.

Тот день Шепард провел в отеле. Он лежал на диване и читал новый бестселлер Гришэма «Партнер». Он изо всех сил старался подавить чувства. Но ничего не получалось.

В дверь постучали. Это были Херндон и Мучник, с которыми он сблизился в бурные годы «Битвы за урожай». Оба были подавлены. Получилось, будто они отправились на войну, не взяв с собой товарища. Мучник как прокурор, отвечавший за обвинение, переживал особенно остро и чувствовал себя предателем. Обвинение выбрало Херндона не в порицание Шепарда, а потому, что Херндон долго изучал и обобщал аудио- и видеозаписи и знал их чуть ли не наизусть. А прокуроры надеялись именно на эти знания, которые могли понадобиться в

судебном заседании.

Увидев Шепарда, они почувствовали себя еще хуже. Его глаза покраснели, – может, он плакал? А из-за того, что Шепард должен был выступить в качестве свидетеля, Херндон с Мучником не имели права рассказывать ему о происходящем в зале суда. Словно он посторонний, а вовсе не член команды.

Шепард возмущался решением судьи:

– Как она могла? Что за глупость? Если можно присутствовать одному, почему же не обоим?

Мучник попытался объяснить решение судьи соображениями дела, но и сам чувствовал, что его слова неубедительны.

– Слушай, – предложил он, – давай сходим куда-нибудь. Перекусим, выпьем пива.

Шепард согласился, и они направились в пиццерию «Джордано» во дворе отеля. Повар «Джордано» был известен всему Чикаго. Все надеялись, что этот выход в свет исправит положение, но ничего не вышло. Шепард был слишком уязвлен. Видя, как страдает друг, Мучник и Херндон не смогли сдержать слез.

– Брайан, прости, – пробормотал Мучник. – Я делал свое дело, а получилось, будто я предал тебя.

– А я будто потерял не просто напарника, а лучшего друга, – сказал Херндон, вытирая глаза.

После насыщенного эмоциями обеда Мучник поездом отправился домой, а Шепард с Херндоном вернулись в отель.

Кабина лифта остановилась на этаже Шепарда. Херндон сглотнул и похлопал друга по спине.

– Спокойной ночи, старик, – сказал он. – Завтра увидимся и сходим к антитрестовцам, о'кей?

Шепард кивнул и направился к себе.

Утром, когда Херндон собирался выходить, зазвонил телефон. Шепард сказал, что никуда не пойдет.

– Я не спал всю ночь, – объяснил он.

– Хорошо. А что ты собираешься делать?

– Соберу вещи – и домой, – ответил Шепард.

Шепард вернулся в Декейтер, но его обида не улеглась. В нем нарастал гнев. Он заподозрил – разумеется, безосновательно, – что Херндон сыграл какую-то роль в его изгнании, чтобы самому остаться в зале суда. Это расследование стоило Шепарду стольких потерь, что он не смог справиться с новыми разочарованиями.

Он ушел в глухое подполье. Он отказался отвечать на звонки прокуроров антитрестовского отдела в декейтерскую резидентуру. Если они оставляли сообщение с запросом

материалов, в ответ приходил факс без всяких комментариев. Дома к телефону подходила Дайана и отказывалась звать мужа.

Херндон попросил Джима Гриффина разрешить ему поменяться с Шепардом. Видя, как угнетен его друг, он хотел уступить ему место в прокурорской команде, как ни мучителен был для него этот поступок. Но Гриффин отмел его просьбу. Решение принято в интересах дела, сказал он.

В отчаянии Херндон в перерыве между заседаниями суда сел за компьютер и написал Шепарду письмо.{419}

«Брайан,

– писал он, –

Джим говорит, что ты отказываешься общаться кроме как по факсу. Почему? Я не знаю, что с тобой произошло после отъезда, но, похоже, ты (как и Дайана) считаешь, что я за твоей спиной сговорился с прокурорами и мы выперли тебя из зала суда. Это неправда».

Он и понятия не имел о том, писал Херндон, что на заседании позволят остаться только одному из них.

«Мне больно, что ты замкнулся в себе. Мы друзья. Я не делал того, в чем ты меня подозреваешь. Я не меньше тебя огорошен этим решением судьи и не понимаю его до сих пор. Надеюсь, ты справишься с чувствами и ответишь мне».

Херндон отправил письмо факсом в Декейтер. В конце дня он заглянул, надеясь найти ответ Шепарда.

Но ответа не было. Ни в этот день, ни в следующие.

Рано утром 14 сентября Фриц Дюжур, шестидесятивосьмилетний уроженец Гаити, надел привычный коричневый костюм и направился к остановке автобуса № 6 в юго-восточной части Чикаго. Он ехал в центр города. Уже в автобусе Дюжур задумался, не слишком ли официально он одет. Но костюм он надевал каждый день тех тридцати пяти лет, что трудился инженером городских служб, и не стал изменять своей привычке даже сегодня – в день, когда он вместе с другими присяжными должен был вынести решение о виновности или невиновности трех сотрудников АДМ.

Процесс о фиксировании цен длился почти два месяца, и

наконец слово дали присяжным. Хотя юристы не раз предупреждали их, что дело сложное и запутанное, оно по большей части представлялось им простым. Порой в рассматриваемые факты было трудно поверить, но сложными они не были.

Дюжур поднялся на лифте на двадцать первый этаж федерального здания Дирксена и прошел знакомым путем в комнату присяжных. Уже в коридоре до него донесся запах свежезаваренного кофе – кто-то пустил в дело кофеварку «Китчен гурме», которую он принес несколько недель назад. Открыв дверь, Дюжур вошел в безликое помещение и поздоровался с двумя присяжными, что уже были на месте. Он налил кофе в пенопластовую чашку и уселся в кожаное кресло во главе стола.

Через несколько минут все присяжные были в сборе. Энергичная, жизнерадостная Дженет Хейл, избранная старшиной, открыла дебаты о виновности каждого из подсудимых. Присяжные много дней изучали аудио- и видеозаписи, спорили, убеждали друг друга. Начать голосование решили с Уайтекера – его роль почему-то казалась всем самой понятной. Обсуждение длилось около часа, после чего Хейл сказала:

– Итак, мы все прояснили и можем голосовать.

Она называла имена присяжных в алфавитном порядке, а те сообщали свое решение. Голосование по первому из обвиняемых было единогласным.

Та же процедура повторилась еще дважды: рассмотрение всех обстоятельств, дебаты, голосование. К полудню среды был вынесен вердикт по всем трем обвиняемым. Объявить вердикт решили утром. Собравшись на следующий день, присяжные удостоверились, что все по-прежнему удовлетворены принятым решением. Хейл позвала маршала, караулившего двери комнаты присяжных.

– Мы вынесли вердикт единогласно, – сказала Хейл.

В антитрестовском отделе прокуроры играли с агентами в нерф-баскетбол.[77] Здесь был и Шепард. Прокуроры несколько раз встречались с ним, убеждая, что Херндон не имел отношения к его изгнанию из зала суда. Шепард все еще тяжело переживал несправедливость, но из добровольной ссылки вернулся.

Пропустить оглашение вердикта он не мог.

Услышав, что в зал суда зовут Джима Гриффина и его заместителя Марвина Прайса, все поняли, что вердикт вынесен. Мяч был забыт. Все надели пиджаки и пригладили волосы.

Зал суда был переполнен. Прокуроры, агенты, адвокаты и подсудимые заняли места. Прошло минут сорок пять, и маршал

ввел в зал коллегию присяжных. Некоторым из них, похоже, было неловко из-за такого скопления людей. Опустив глаза, они заняли свои места.

Херндон вглядывался в их лица, пытаясь угадать вердикт.

Бесполезно.

– Добрый день, леди и джентльмены, – обратилась к присяжным судья Мэннинг. – Мне передали, что вы вынесли вердикт. Кто огласит его?

Дженет Хейл встала и представилась.

– Мисс Хейл, был ли вердикт вынесен единогласно по всем трем подсудимым?

– Да, ваша честь.

– Хорошо. Передайте, пожалуйста, бланки с вердиктами начальнику охраны.

Получив решения, начальник охраны вручил их судье. Она просмотрела их, и на ее лице отразилось удивление.

– Хорошо, – обратилась она к присяжным. – Теперь слушайте очень внимательно, потому что позже вы должны будете подтвердить, что это именно тот вердикт, который вы вынесли.

Прокуроры застыли, глядя прямо перед собой. Херндон с бьющимся сердцем смотрел на Мика Андреаса. Судья Мэннинг начала читать вердикт.

– Мы, присяжные, считаем подсудимого Майкла Андреаса виновным по всем пунктам обвинительного акта.{420}

Херндон отвел глаза от Мика Андреаса и уперся взглядом в затылок Мучника. Он проглотил комок в горле и услышал дважды повторенное «виновен». Все трое признаны виновными. Мысленно поблагодарив присяжных, Херндон взглянул на Шепарда.

Тот, поймав его взгляд, кивнул. Оглашение вердикта заняло несколько минут. Но никто не ушел, пока зал не покинул последний присяжный. Херндона и Шепарда переполняли эмоции. Они встали и направились навстречу друг другу.

И обнялись прямо посреди зала.

Солнце разгоняло утренний туман, лучи просвечивали сквозь листву. Проехав автосалон «Шевроле», я свернул с магистрали 25 налево, к северу. По сторонам дороги среди зелени были разбросаны трейлеры. За деревьями возвышалась башня водокачки. Слева я увидел коричневый щит с надписью: «Министерство юстиции США. Федеральное бюро тюрем». Это было федеральное исправительное учреждение города Эджфилда в Южной Каролине – новое обиталище Марка Уайтекера.

За несколько месяцев после суда над участниками сговора о ценах утратили значение все решения, которые принял за эти

годы Уайтекер. Мик Андреас и Терри Уилсон были приговорены к двухлетнему тюремному заключению, Марк Уайтекер – к двум с половиной годам, из которых шесть месяцев были зачтены ему параллельно со сроком, присужденным за мошенничество. Судья Мэннинг указала на Уайтекера как на зачинщика сговора, а потому ему присудили более длительный срок. Ни Андреаса, ни Уилсона суд таковыми не счел.[78] Объясняя это различие, Мэннинг сказала, что Билл Уокер единственный из адвокатов не возразил против этой формулировки.{421}

Агенты ФБР, которым Уайтекер причинил столько вреда, вернулись к повседневным обязанностям. Брайан Шепард все так же руководит отделением в Декейтере, но поговаривает об отставке. Боба Херндона снова перевели в Канзас-Сити, в отдел, который расследует нарушения в системе здравоохранения и мошенничества с ценными бумагами. Тони Д'Анжело остался в чикагском отделении, где ему довелось поработать над еще одним делом о фиксировании цен и сотрудничать с некоторыми из прокуроров, принимавших участие в «Битве за урожай». Его бывший напарник Майк Бассет по-прежнему живет и трудится в Олбани, штат Нью-Йорк.

Перемены произошли и в жизни многих прокуроров. Джима Гриффина, отчасти в награду за заслуги в «Битве за урожай», перевели с повышением в Вашингтон. Вскоре его назначили заместителем помощника генерального прокурора по антитрестовскому отделу, где он сменил Гэри Спратлинга, занявшегося частной практикой. Скотт Лассар незадолго до заседания суда по делу о фиксировании цен занял пост окружного прокурора Чикаго, на котором проработал много лет. Робин Манн по-прежнему прокурор антитрестовского отдела; Джим Мучник перешел в одну из чикагских адвокатских фирм. Мэри Спиринг оставила отдел по борьбе с мошенничеством и занялась частной практикой, а Джим Никсон вступил в Национальную ассоциацию фондовых дилеров. Дон Маккей остался в Министерстве юстиции.

Последствия событий не обошли никого из тех, кто был связан с Уайтекером. Спустя несколько дней после вынесения приговора Уайтекеру Сид Халс сдался на милость государства и признал свою вину в преступном сговоре и неуплате налогов. Его приговорили к десятимесячному тюремному заключению. Дэвид Хёх, он же «Лэмет Вов», продолжил обличать АДМ, а заодно обвинил федеральную юстицию в том, что, заключив соглашение с менеджерами АДМ о признании их вины, она предала и Уайтекера, и акционеров компании.

Районная прокуратура Цюриха все еще не закрыла дело Бита

Швейцера, несмотря на уверения Уайтекера в том, что швейцарский бухгалтер ничего не знал о его махинациях. Расследование в Мобиле не выявило свидетельств того, что бывшие служащие «Дегассы» Крис Джонс и Тим Холл причастны к мошенничеству. Обвинения против них не выдвигались.

Компания «Биомар интернэшнл» оправилась от потрясений из-за сотрудничества с Уайтекером, сменила название и предлагает широкий ассортимент товаров. Колин и Нельсон Кэмпбеллы заявляют, что история с Уайтекером еще больше убедила их в необходимости строго блюсти коммерческую этику, и намереваются использовать свои средства для образования благотворительного фонда.{422}

Но самый чувствительный урон понесли те, кто работал в других отраслях промышленности и даже не был знаком с Уайтекером. Сведения о фиксировании цен на рынке лимонной кислоты, полученные в ходе расследования деятельности АДМ, породили поток признаний со стороны участвовавших в заговоре транснациональных корпораций, в том числе таких гигантов, как «Хоффман-Ларош» и один из филиалов «Байер AG». Это, в свою очередь, позволило вскрыть ряд злоупотреблений на гигантском рынке витаминов, где обращаются миллиарды долларов. В ходе этих расследований в нарушении закона признались несколько крупных менеджеров, и в том числе Куно Зоммер, сотрудник «Хоффман-Ларош», которого Уайтекер пытался записать на диктофон, заведя с ним разговор о нарушениях в торговле лимонной кислотой. Около тридцати раз большие жюри рассматривали дела о фиксировании цен на продукцию почти тридцати предприятий пищевой и кормовой индустрии, и к 1999 году государство на этой почве собрало урожай штрафов более чем на миллиард долларов. В свете «Битвы за урожай» стало очевидным, что фиксирование цен является повседневной практикой множества корпораций и их сотрудников во всем мире.

И все же.

Единственным, кто осмелился выступить с разоблачением этих преступлений – пусть и из собственных небескорыстных побуждений, – был Марк Уайтекер. Понадобился человек настолько взбалмошный и безрассудный, который похитил миллионы долларов, работая на ФБР, и при этом разрушил первое звено цепи криминального заговора, а за ним, как костяшки домино, посыпались остальные.

Обычно осведомители – люди не без изъянов. В 1970-е годы XX века детектив Роберт Льюси, прозванный Принцем Города, вскрыл обширную коррупционную сеть, охватившую правоохранительную систему Нью-Йорка, от полицейских

участков до судов. А в конце концов выяснилось, что самым коррумпированным был сам Льюси, совершивший ряд преступлений и уличенный в лжесвидетельстве. В благодарность за разоблачение преступлений ему не предъявили никакого обвинения. Его дело рассматривали те же самые прокуроры, которые вели расследование. В отличие от случая с Уайтекером, никто не возводил искусственных преград установлению истины ни по политическим причинам, ни из-за межведомственных неурядиц. Прокуроры оценили деятельность Льюси, имея перед глазами целостную картину. Они понимали, что невозможно найти кристально честного свидетеля и что стремление ограничиться таковыми лишит правоохранительные органы всяких шансов получать сведения о преступлениях.

Уайтекер в любом случае заработал свой приговор. Его бесконечное вранье и увертки с целью избежать ответственности за преступные действия так или иначе гарантировали ему приличный срок. И по всей вероятности, на длительность срока повлияло прежде всего его саморазрушительное поведение, а не тяжесть совершенных им преступлений. А безответственность, с какой он взялся сотрудничать с ФБР, более чем удвоила срок его заключения.

Я встретился с Уайтекером в небольшом закутке эджфилдской тюрьмы рядом с помещением для посетителей. Он прекрасно выглядел и был в хорошей физической форме – похудел, занимался физическими упражнениями. Он больше не носил накладку, которая так его молодила. Если бы не зеленая тюремная куртка, он был бы больше прежнего похож на руководителя какой-нибудь компании.

Мы часами говорили обо всем, что с ним произошло. Он часто противоречил тому, что я записал ранее, а иногда и тому, что говорил сам несколько минут назад. Несмотря на диагноз, который поставили два психиатра, – и несмотря на последствия собственных деяний, – Уайтекер не проходил психиатрического лечения. Он сказал, что врачи Федерального бюро тюрем нашли состояние его психики абсолютно нормальным.

Даже в тюрьме он продолжал утверждать, что украденные им деньги были частью обширного корпоративного заговора. Я снова привел ему неоспоримые доказательства того, что он говорит неправду. Не было никаких следов системы нелегального вознаграждения служащих АДМ. Все указывало на обыкновенную кражу.

Уайтекер спорил со мной, приводил доводы, которые, по его мнению, подтверждали его правоту. Мы разобрали все эти доводы один за другим. В конце концов Уайтекер кивнул:

– Ну хорошо. Я скажу вам правду. Единственный человек, который знает ее, это Джинджер. Но я расскажу вам.

Исповедь Уайтекера длилась более четырех часов. Он сказал, что вскоре после начала работы в АДМ до него стали доходить слухи, что некоторые сотрудники мошенничают и это никого не волнует. И действительно, не прошло и двух лет, как казначея компании уволили, обвинив его в финансовых махинациях. Но уголовного дела так и не завели.

Итак, можно было красть без всякого риска поплатиться. И Уайтекер стал красть. «Они же преступники, – думал он. – Что со мной сделают, даже если поймают? Они не рискнут обратиться в суд».

– То есть вы признаете, что переводы денег АДМ в иностранные банки совершались без ведома руководства компании? – спросил я.

– Честно говоря, я стал использовать деньги акционеров в личных целях по собственной инициативе, без одобрения сверху, – ответил Уайтекер.

Последующие многомиллионные транзакции он совершил, полагая, что расследование вот-вот закончится, сказал Уайтекер. Он боялся, что в результате расследования пострадают накопленные им средства, и решил украсть столько, чтобы быть уверенным в своем будущем.

– Не будь у меня такого прикрытия, как ФБР, я бы не осмелился присвоить так много, – сказал он. – Я хотел стать независимым от АДМ. Это было что-то вроде раздела имущества, если хотите знать.

И все же Уайтекер отрицал, что выдумал историю с Фудзиварой для того, чтобы в очередной раз похитить деньги АДМ. Он никогда не стал бы действовать таким образом, твердил Уайтекер. И он не соглашался с мнением агентов ФБР, что на кражи его толкнуло «нигерийское мошенничество». Он присвоил бы деньги и без подсказки нигерийцев, заявил он.

Разумеется, нет уверенности, что Уайтекер говорит правду. Вся его история непостижима. Он начал воровать просто потому, что представилась такая возможность? Но почему он не сознался, когда его поймали с поличным?

– Не знаю, – ответил он. – Знал бы, не сидел бы здесь.

Уайтекер признался, что обманывал всех без исключения, даже жену. Он раскрыл Джинджер всю правду только во время одного из тюремных свиданий. Она все поняла, уверял Уайтекер, поняла и простила.

В нашем разговоре он с любовью отзывался о своей семье. Джинджер с детьми поселились неподалеку, чтобы навещать его

по выходным. И Марк, и Джинджер уверяли, что их брак прочен, как никогда. В тюрьме, заявил Марк, ему куда лучше, чем в годы его сотрудничества с ФБР.

– Когда я работал в АДМ, мне казалось, что я веду сразу несколько разных жизней, – объяснял он. – Я сам не знал, кто я такой. Это же ненормально. С Брайаном Шепардом я был осведомителем. С Миком и Терри я «мистер АДМ». Все это, конечно, угнетало.

Уайтекер рассказал, что в тюрьме он много занимается и хочет, вдобавок к имеющимся, получить степени по юриспруденции и психологии. Если бы можно было проводить дневные часы с семьей и за учебой, то он не возражал бы против того, чтобы возвращаться на ночь в тюрьму.

– Теперь я лучше понимаю самого себя и знаю, чего хочу от жизни. Я вновь стал самим собой. Вернулся к себе. Я даже не помню, когда спал так же хорошо, как в тюрьме. У меня на душе покойно.

– А если бы вы могли нажать кнопку и сразу оказаться на свободе, по-прежнему работая в АДМ, вы сделали бы это? – спросил я.

Уайтекер улыбнулся.

– Ни за что не нажал бы. Нет. Теперь я счастлив.

Боб Страусс стоял перед коллегами из совета директоров АДМ, с улыбкой глядя на своего друга Дуэйна Андреаса. Они собрались в Майами на чествование Андреаса, оставлявшего свой пост председателя совета, на котором пробыл четверть века.

– Этому человеку трудно воздать хвалу, потому что любой хвалы будет мало, – сказал Страусс. – Он всегда обладал чудесной способностью входить в любые миры – мир агропромышленный, мир политики, мир международный, – и везде оставил заметный след.

Восхваления Андреаса длились несколько часов. Так его провожали директора. Теперь компанию возглавит племянник Дуэйна Аллен, поневоле занявший место, к которому его кузена Мика готовили почти всю жизнь. Круг странным образом замкнулся. Именно Аллен сообщил ЦРУ в 1992 году о предполагаемом вредительстве на заводе АДМ и дал толчок событиям, вызвавшим падение Мика.

Спустя три часа церемония закончилась. Директора направились к своим лимузинам. Дуэйн занял переднее сиденье, а сзади расселись члены семьи, присутствовавшие на торжествах. Автомобиль направлялся в аэропорт, и сидевших в нем объяла атмосфера трагедии. Завершалась эпоха, но такого конца не

предвидел никто. Мик, сын Андреаса, которого он прочил в преемники, был преступником и сидел в тюрьме. Это был переломный момент, и трагическая реальность потери кричала о себе со всех сторон.

Лимузины прибыли в аэропорт и въехали на летное поле, где стояли корпоративные самолеты, готовые развезти членов совета директоров по домам. Некоторые прибыли раньше Андреаса и стоя ждали его. Дуэйн выбрался из машины первым, за ним семья. Здесь была и его дочь Сэнди. Напряженность момента оказалась ей не по силам. Глаза Сэнди наполнились слезами. Она посмотрела в глаза отца.

– Ох, папа, – воскликнула она.

Андреас раскрыл объятия. Они стояли, обнявшись и плача от переполнявшей их печали.

Директора и друзья семьи отвели глаза. Затем они повернулись и направились к своим самолетам, оставив Дуэйна и его дочь наедине с их скорбью.

Заключение

К 2000 году Уайтекер, судя по всему, восстановил душевное равновесие – правда оказалась удобнее лжи. После выхода «Информатора» Уайтекер не раз признавался, что в прошлом обманывал всех – и в телевизионных интервью, и в общении с представителями власти. Мне он написал, что, открыв всю правду во время нашей последней беседы, он окончательно порвал со своим путаным прошлым.

При содействии тюремных властей Уайтекер подал прошение президенту США о смягчении меры наказания. Казалось, ничто не мешало удовлетворить его просьбу. Его саморазрушительное поведение, объяснявшееся психическими отклонениями, привело к тому, что ему вынесли приговор без учета его беспрецедентной роли в разоблачении одного из крупнейших в истории корпоративных преступлений.

Очень многие поддержали прошение Уайтекера. Агенты ФБР публично заявляли о своем недовольстве приговором и писали в Министерство юстиции, выражая свою убежденность в том, что Уайтекера следует освободить. Сенаторы США, включая будущего генерального прокурора Джона Эшкрофта, просили Министерство юстиции внимательно отнестись к прошению Уайтекера. Впервые за многие годы Уайтекер и его семья смотрели в будущее с надеждой.

7 января 2001 года президент Билл Клинтон присутствовал на политическом форуме в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория». Чествовали несколько видных фигур, среди которых был и Дуэйн Андреас. В тот вечер Билл Клинтон недвусмысленно дал понять, что политики не отвернутся от Андреаса, невзирая на вскрывшиеся в его компании правонарушения.

– Я хочу поздравить моего хорошего друга Дуэйна Андреаса, – сказал Клинтон, – и поблагодарить его за доброе отношение ко мне.

Спустя пару недель, в свой последний день пребывания на посту президента, Билл Клинтон подписал сто семьдесят шесть постановлений о помиловании и смягчении наказания – в том числе двум лицам, скрывавшимся от правосудия, уголовному преступнику, находившемуся под следствием, и наркодельцу. В списке были и другие сомнительные кандидатуры, имевшие связи с организаторами этой компании, а то и с Белым домом. Этот факт был предметом специального рассмотрения в Конгрессе и уголовного расследования.

Имени Марка Уайтекера в списке помилованных не было. Он

по-прежнему остается в федеральной тюрьме.

Послесловие

Эта книга о хрупкой природе истины. Эта история показывает, что реальность может быть служанкой вымысла: аудиозапись телефонного разговора фиксирует его, но содержание его можно трактовать по-разному. Я старался построить повествование на игре между фактом и вымыслом. Хотя все описанное происходило в реальности, я стремился, чтобы читатель на время поверил в ту или иную ложную трактовку этих событий. Я хотел вызвать у читателя состояние неуверенности, в котором находились участники расследования; вместе с тем, я постоянно подбрасывал намеки – порой едва заметные, – позволявшие угадать правду.

Толику обмана содержит даже заглавие книги – «Информатор». Прокуроры и журналисты часто употребляли именно этот термин, но в ФБР принято говорить не «информатор» или «осведомитель», а «сотрудничающий свидетель». Поэтому заглавие отражает не столько роль Уайтекера в расследовании, проводившемся ФБР, сколько черты его характера, которые сформировались под влиянием душевной болезни. Он очернял не только участников сговора о ценах, но и агентов ФБР, и нового работодателя. Он твердил, что на заводе орудует вредитель, зная, что никакого вредителя нет. Он распространял сплетни. Он стремился осведомить весь свет о реальных и воображаемых людских неудачах и преступлениях. Но в конце концов именно Марк Уайтекер – личность и странная, и трагическая – стал самой жалкой жертвой собственной лжи.

Сказано, что истина делает свободным. Но, как показывает моя история, верно и следствие из этого тезиса: ложь делает человека несвободным – во всех смыслах этого слова.

Курт Айхенвальд
Июнь 2000 г.

Благодарности

Как всегда, благодарить следует многих.

Сотрудники «Нью-Йорк таймс» Крис Бокльман и Брент Боуэрс были очень щедры, посвятив немалое время просмотру моей рукописи и коснувшись ее своей волшебной палочкой. Их советы были бесценны. Я в долгу и у моего непосредственного начальника и друга Гленна Крамона, позволившего мне сколько угодно возиться со своей книгой и неизменно прикрывавшего меня своим телом. Благодарен я и Джону Геддесу, который позволил мне использовать этот сюжет и поддерживал меня в трудные моменты.

Справиться с трудностями мне помогали и другие сотрудники редакции: Дайана Хенрикс, Дэвид Барбоза, Марк Лендлер, Элисон Ли Коуэн, Барнаби Фидер, Джина Колата, Лаура Холсон и Адам Липтак. Донна Андерсон выручила меня с поиском необходимых газетных статей, а Карен Сетинская с фотографиями. Дилан Макклейн взял на себя графические работы.

Мне посчастливилось трудиться бок о бок с тремя талантливыми журналистами: Майклом Бриком и Джейми Патоном, которые теперь работают репортерами в отделе последних известий, организованном совместно газетой «Нью-Йорк таймс» и агентством «TheStreet.com», а также Джиной Розенберг, ныне сотрудничающей с «Нэшнл ло джорнал» в качестве редактора. Их мастерство произвело на меня неизгладимое впечатление. Запомните эти имена – они, несомненно, прогремят в журналистике.

Моим спасителем была, как всегда, Дайана Обара, неустанная помощница, безотказно приходившая на выручку, если я был перегружен работой. Большую помощь оказали мне также Жаклин Дарэм и Анна ДиЛегге.

Отдельно хочу поблагодарить Элисон Комас, которая согласилась прочитать рукопись в самом первом черновом варианте и помогла мне определить, правильно ли я избрал общее направление. Невозможно сосчитать, сколько раз спасала мне жизнь Джулианна Патрик, когда я погибал под грудой навалившихся на меня дел. Антония Нью дала мне бесценный совет в один из критических моментов и тем самым невольно повлияла на события, описанные в книге. Джейми Мосс из «Ньюспрос стратеджик комьюникейшнз» еще раз доказала свою способность фонтанировать блестящими идеями.

Приношу мою благодарность также Питеру Комасу, Алану

Вочтелу, Аллану Наардену, Скотту Бёрбайну, Эдварду Бежа, Кэти Пол и Эррингтону Томпсону. Сотрудники «Грейви» – в первую очередь Джон Фишер, Скотт Фризен, Эрик Лемберт, Адам Пейн, Колин Треворою и Брайан Улман – с необыкновенным терпением относились к моим частым отлучкам и никогда не жаловались. Скотт в очередной раз проявил свою многогранную одаренность, проведя меня по всем закоулкам интернета. Особая признательность музыкальному кибергению Весу Кэрролу, человеку с тысячью замыслов и лидеру одной из самых талантливых американских рок-групп, «Хаус-Джекс».

Мой агент Фрейя Мэнстон первой узнала о возникшем у меня замысле этой книги и с начала и до конца была его самым горячим пропагандистом. Без ее поддержки мой замысел никогда не осуществился бы.

Я благодарю всех сотрудников издательства «Бродвей букс», оказавших мне неоценимую высокопрофессиональную помощь, и в особенности моего редактора Сюзанну Оукс, которая уже не в первый раз довела мое сочинение до публикации. Вместе с Сюзанной трудилась Клер Джонсон, с неизменной улыбкой и терпением разъяснявшая мне разнообразные вопросы, то и дело возникавшие у меня. Дебби Стир и Сюзанна Херц – книготорговцы, о каких автор может только мечтать. Когда же дело дошло до поднятия тяжестей – то есть изготовления конечного продукта, – то тут незаменимой оказалась Дейрдре Хэар, которая быстро превратила мою бесформенную рукопись в аккуратное, готовое к употреблению изделие. Руководила процессом производства Бетт Александр, способная моментально выполнить любую поставленную перед ней задачу. Лорен Филд потратила бог знает сколько часов, консультируя меня по юридическим вопросам и совершенствуя книгу шаг за шагом. И это лишь небольшая часть людей, превративших мое сотрудничество с издательством в праздник. Низкий поклон им всем.

Особую признательность я хочу выразить моей семье. Моя жена Тереза Айхенвальд всегда была рядом – подбадривая меня, помогая преодолеть трудности, перекладывая на свои плечи часть моих обязанностей. Она же была моим первым читателем, моим лучшим редактором и моим лучшим другом. Она взяла в помощники троих наших сыновей: Адама, Райана и Сэма. Все трое проявили большое трудолюбие и терпение. Я ничего не смог бы написать без помощи моих близких.

Я все сказал. Пора прощаться.

comments

Примечания и источники

Основу этой книги составили репортажи о процессе над компанией «Арчер и Дэниелс, Мидленд», которые я опубликовал в газете «Нью-Йорк таймс» за пять лет. Я изучил более восьмисот протоколов допросов и интервью, взятых у сотни с лишним участников описываемых событий и нередко записанных на магнитофон, а также тысячи документов. Я связывался напрямую или через посредников со всеми, кто играл более или менее значительную роль в этой истории, и предлагал им изложить свою точку зрения.

Документы включают следственные материалы, внутреннюю переписку агентов ФБР и юристов по электронной почте и телетайпу, личные записи людей и их дневники, регистрационные книги, отчеты о поездках и расходах, журналы учета телефонных переговоров, архивы Комиссии по ценным бумагам, конфиденциальную деловую и правительственную переписку, показания перед большим жюри и заявления, данные под присягой, книги и публикации в прессе. Но основным источником стали распечатанные тексты аудиозаписей, сделанных в ходе расследования «Битва за урожай», а также копии этих аудио- и видеозаписей.

Некоторые соглашались беседовать со мной лишь при условии сохранения анонимности. Поэтому в книге я не называю и тех, кто давал интервью открыто, иначе стали бы ясны имена людей, пожелавших анонимности.

Для точности изложения истории, в которой так много лжи, я построил для себя «пирамиду достоверности». В основании ее лежат тексты аудио- и видеозаписей. Им отдан приоритет перед всеми другими документами и воспоминаниями. Второй этаж пирамиды – документы тех лет, то есть телексы, отчеты о расходах и проездные документы, дневники, записки, календарные расписания, журналы учета телефонных переговоров. Следующий слой – протоколы ФБР по «форме 302» с записями о том, что говорилось во время бесед и допросов, участники которых порой лгали. Далее идут заявления под присягой и показания перед большим жюри. Пирамиду венчают интервью участников событий, которые брал я сам. По сути, книга построена на документах, которые обретают плоть с помощью реальных и непротиворечивых деталей, сообщенных в интервью.

По большей части записанные на пленку диалоги воспроизведены без изменений, но не всегда. Полная запись

некоторых бесед заняла бы сотни страниц, вытеснив из книги все остальное. Поэтому я сократил самые длинные диалоги, оставив лишь их суть. Итог такого редактирования – связный текст, состоящий из блоков, переданных для вящей точности без изменений.

Иногда интервьюируемые делали заявления, которые в контексте нашей беседы были непонятны. В реальной беседе человек зачастую отклоняется от главной темы, высказывая мысли, не имеющие отношения к обсуждаемому предмету. Если я не понимал высказывание собеседника, а он не мог или не хотел его объяснить, это высказывание и связанные с ним фразы не включались в окончательный текст книги.

И наконец, я отредактировал записи некоторых диалогов для вящей их ясности. Говорящие часто перебивали друг друга, повторялись, нарушали правила грамматики или издавали нечленораздельные звуки. Если высказывание было понятным, я оставлял его «как есть», со всеми погрешностями. Ну а в тех нечастых случаях, когда высказывание было совершенно невразумительным, я его убирал. В двух случаях неразборчивые слова в аудиозаписи были восстановлены людьми по памяти. Эти слова идеально вписывались в контекст и не носили инкриминирующего характера.

Транскрипты аудиозаписей не сакральные тексты – иногда две записи одного и того же диалога, сделанные разными устройствами, истолковывались по-разному. В таких случаях я обычно пользовался более полным текстом. Дважды слова транскрипта не совпадали с тем, что явственно слышалось при воспроизведении аудиозаписи, и выпадали из смыслового контекста. Оба эти случая оговорены в примечаниях.

Источником других диалогов и цитат были воспоминания их участников и свидетелей или документы с описанием разговора. В нескольких случаях я использовал вторичные источники – показания людей, слышавших о событиях или разговорах из уст их участников. Так я делал, когда эти сообщения не опровергались документами либо подтверждались ими. Эти диалоги и описываемые факты не были инкриминирующими.

Для реконструкции диалогов использовалось множество источников, и поэтому читатели не должны предполагать, что источниками прозвучавших в них утверждений являются сами эти участники. Когда я пишу, что человек подумал или почувствовал то-то и то-то, это утверждение опирается либо на слова самого человека, либо на его записи и комментарии, адресованные другим лицам, либо на показания третьей стороны, с которой этот человек поделился пережитым.

Я, разумеется, не утверждаю, что с абсолютной точностью описал все, что говорилось и происходило на протяжении этих восьми лет. Тем не менее все факты и диалоги воспроизведены в книге наилучшим образом, то есть куда точнее, чем обычный пересказ описываемых событий. Зачастую мне приходилось преодолевать сопротивление участников этих событий и заставлять вспоминать подробности или слова, и неизменно оказывалось, что они помнят их лучше, чем им представлялось. Люди, которые в начале разговора жаловались на плохую память, в конце концов вспоминали мельчайшие детали прошлого, и их воспоминания не противоречили другим свидетельствам.

Иногда было невозможно установить точную дату того или иного эпизода. В таких случаях я излагал его в том месте своего повествования, где он наилучшим образом увязывался с другими событиями, время которых установлено по документам или интервью. Точной даты я при этом не указывал.

Обстановка, в которой происходили события, передана со слов их участников или с помощью документов. Погодные условия я, как правило, описывал на основании документов Национального центра климатических данных.

Пролог

с. 19

Декейтерский «Кантри Клаб» описан по личным впечатлениям автора, а также по серии фотографий, сделанных в 1995 г. для рекламных проспектов. См. также: *Robert W. and Maxine Kopetz.* The History of the Country Club of Decatur. 1993.

с. 20–22

Беседа с Уилсоном воспроизведена по протоколу агентов ФБР, внесенному в форму FD-302 по делу № 60A-SI-46290.

с. 23–25

Диалог между Уайтекером, Уилсоном и Миком Андреасом воспроизведен по копии аудиозаписи ФБР № 1B138 от 27 июня 1995 г.

с. 25

Некоторые подробности встречи Уайтекера с сотрудниками ФБР вечером 27 июня 1995 г. описаны в протоколе по форме FD-302, датированном этим же днем. Другие детали взяты из формы FD-504b (с той же датой), которая указывает порядок регистрации и хранения подлинников аудиозаписей.

Глава 1

с. 29

Визит Горбачева и Куэйла в Декейтер в 1992 г. описывается в статье об истории декейтерского аэропорта, которая находится по адресу в Интернете decatur-airport.org/ html/history.html.

с. 30

Подробности о финансировании Андреасом политиков см. в публикациях: *Abramson, Jill and Kuntz, Phil.* Antitrust Probe of Archer Daniels Puts Spotlight on Chairman Andreas's Vast Political Influence // Wall Street Journal. 1995. July 11. P. A18; Hedging Bets // Wall Street Journal. 1992. May 29. P. Al; Archer Daniels Tops List of Political Contributors // Wall Street Journal. 1991. August 14. P. A10. Кроме того, в 1998 г. Андреас фигурировал в передаче «Если вы хотите купить президента» канала «Франтлайн» – см. www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/president/players/andreas.

с. 30

Об отмывании полученных от Андреаса 25 тысяч долларов в ходе Уотергейтского дела см.: *Gwertzman, Bernard.* GAO Report Asks Justice Inquiry into GOP Funds // New York Times. 1972. 27 August. P. Al. О незаконном предоставлении Андреасом 100 тысяч долларов Губерту Хамфри см.: Cox Charges Illegal Gift to Humphrey // New York Times. 1973. October 20. P. 17.

с. 31

Описание памятника Рейгану и прочие сведения о Декейтере и роли компании АДМ в жизни города см. в монографии, посвященной деятельности компании: *Kahn Jr., E.J.* Supermaketer to the World. Warner Books, 1991. P. 9–14.

с. 31–36

Некоторые подробности визита представителей компании «Адзиномото» на предприятия АДМ 10 сентября 1992 г. содержатся в показаниях Кандзи Мимото на процессе «США против Майкла Андреаса и др.», № 96CR762, в показаниях Хирокадзу Икэды на том же процессе, а также в протоколах допросов Мимото, Икэды и Фудзивары, внесенных в форму FD-302 в июле 1996 г.

с. 32

Роберт М. Марч написал две превосходные книга о психологии японских бизнесменов и об их манере поведения: *March, Robert M.* The Japanese Negotiator. Kodansha International, 1991; *March R.M.* Reading the Japanese Mind: The Realities Behind Their Thoghts and Actions. Kodansha International, 1996.

с. 32

О профессиональной карьере Рэнделла см.: *Kahn.* Supermaketer to the World. P. 126–127.

с. 33–34

Сведения о продукции АДМ и росте производства в компании содержатся в различных документах компании, в том числе: Amazing Grain: A Guide to the Wonders of Corn; Archer Daniels Midland: An Overview; ADM Byproducts: Lysine; ADM Bioproducts: Threonine/Tryptophan, а также в ежегодных отчетах о деятельности компании с 1992 по 1998 г.

с. 34

О затратах АДМ на постройку завода по производству лизина см.: ADM Board Approves 150 mln Plunge Into Fine Chemicals // Chemical Marketing Reporter. 1989. May 1. P. 7.

с. 34

Об объеме производства лизина в 1992 г. см. пресс-релиз компании: ADM to Expand Lysine Production. 1991. October 23.

с. 34–35

Сведения о проблемах производства лизина содержатся в записи о Майкле Д. Андреасе, сделанной в форме FD-302 4 ноября 1992 г. (дело 192B-SI-45899).

с. 36

О посещении представителями компании «Адзиномото» лизинового завода АДМ и их попытке украсть секрет производства рассказал Мимото в своих показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.». Дополнительные сведения содержатся в записях о Мимото и Икэде в форме FD-302, а также в записях, сделанных во время посещения завода одним из гостей.

с. 36

Автор просмотрел журналы регистрации телефонных звонков, в которых содержатся записи об этом и других телефонных разговорах между Марком Уайтекером и японскими бизнесменами, посещавшими завод АДМ.

с. 36–39

Подробности встречи Уайтекера и Мика Андреаса взяты из формы FD-302 от 4 ноября 1992 г., а также из первой записи о Марке Э. Уайтекере в форме FD-302 от 4 ноября 1992 г. (дело 192B-SI-45899).

с. 39

Сведения о решении Андреаса позвонить своему отцу Дуэйну относительно предложения Фудзивары содержатся в записи об Андреасе в FD-302 от 4 ноября 1992 г.

с. 39–40

Подробную информацию о смерти Шрива Арчера см.: New York Times. 1947. November 11. P. 27. Начальный этап деятельности АДМ описан в неопубликованной биографии компании: *Cross, Marion E.* From Land, Sea and Test Tube: The Story of Archer-Daniels-Midland Company.

с. 40

Сведения о карьере Томаса Дэниелса см.: *Kahn.* Supermarketer to the World. P. 152–153.

с. 40

Сведения о начале работы Андреаса у Каргилла см. в детальном исследовании Уэйна Брёля: *Broehl, Wayne.* Cargill: Trading the World's Grain. Dartmouth College, 1992. P. 682, 687–688, 708–709.

с. 40

Сведения о юности Андреаса содержатся в изученных автором семейных бумагах и в статье: Oh, How the Money Grows at ADM // Fortune. 1990. October 8.

с. 40–41

Рост и вес Дуэйна Андреаса указаны по изданию: Current Biography. 1992. March.

с. 40–41

Атмосфера паранойи и страха в начале 1950-х гг. описана в работе: *Cook, Fred J.* The Nightmare Decade. Random House, 1971. Эта книга – впечатляющее исследование истории и психологии антикоммунистической истерии того времени.

с. 41

О поездке Андреаса в Москву и о реакции на нее в компании Каргилла см.: *Broehl.* Cargill: Trading the World's Grain. P. 762–764.

с. 42

О том, как Хамфри провел день выдвижения его кандидатуры в президенты см.: *White Theodore H.* The Making of the President: 1968. Atheneum, 1969; Hubert All Smiles at TV Set // Boston Globe. 1968. August 29. P. 28.

с. 42

Джеймс Янгер полагает, что Андреас входил в мозговой трест Хамфри: *Younger, James.* The Humphrey Brain Trust // Chicago Tribune Magazine. 1968. October 20. P. 65.

с. 42

О поддержке Андреасом Хамфри во время предвыборной сенатской кампании 1948 г. см.: *Humphrey, Hubert.* The Education of a Public Man: My Life and Politics. Doubleday & Co., 1976. P. 295.

с. 42

Об отпуске, который Хамфри провел вместе с Андреасом, а также о том, что его выбрали крестным отцом Майкла Андреаса, см.: *Solberg, Carl.* Hubert Humphrey: A Biography. W.W.Norton & Co., 1984. P. 231.

с. 43

Об отношениях Андреаса с Томасом Дьюи см.: *Kahn.* Supermarketer to the World. P. 105–110.

с. 43

О зарубежных поездках Андреаса см.: *Carlson, Peter*. Chairman across the Board // Washington Post Magazine. 1996. July 14. P. 14; *Solberg*. Hubert Humphrey: A Biography. P. 219–220, 414–415; *Kahn*. Supermarketer to the World. P. 85–94.

с. 43

О продаже Андреасом сливочного масла Советскому Союзу см.: Sales of Butter to Soviet Barred // New York Times. 1954. January 20. P. 1.

с. 43–44

О способе доставки масла в Советский Союз см.: *Carlson.* Washington Post Magazine. 1996. July 14. P. 16.

с. 44

О встрече Андреаса и Хамфри с Бобби Кеннеди в отеле «Мэйфлауэр» см.: *Solberg.* Hubert Humphrey: A Biography. P. 231.

с. 45

Сведения о страхе Андреаса перед прослушиванием телефонных разговоров содержатся в письмах его брата Осборна Андреаса профессору Нью-Йоркского университета Джорджу Веттеру. Автор ознакомился с неопубликованной перепиской 1960-х гг.

с. 45

О том, что Никсон приглашал Андреаса стать членом кабинета, см.: *Kahn.* Supermarketer to the World. P. 108.

с. 46

О том, что Андреас поместил чек на 25 тысяч долларов в сейф см.: *White Theodore H.* The Making of the President: 1972. Atheneum, 1973. P. 297; о выделении Андреасом 100 тысяч долларов Белому дому см.: *Babcock Charles R.* Soft Money Is Like the man Who Came to Dinner // Washington Post. 1994. June 24. P. A4.

с. 46–47

О влиянии Андреаса на внутреннюю политику см.: *Carlson.* Washington Post Magazine. 1996. July 14; *Noah, Timothy*. Ethanol Boon Shows How Archer Daniels Gets Its Way in Washington with Low-key Lobbying // Wall Street Journal. 1993. December 29. P. A10.

с. 47

Диалог между О'Нилом и Горбачевым приводится в двух публикациях: *Kahn.* Supermarketer to the World. P. 39; *Tip O'Neill with William Novak.* Man of the House. Random House, 1987. P. 293. Между двумя этими изданиями имеются небольшие расхождения в изложении диалога. В данной книге используется комбинация двух вариантов.

с. 48

О роли Андреаса в неофициальных переговорах между Рейганом и Горбачевым см. в статье Карлсона (Washington Post Magazine. 1996. July 14. P. 13).

с. 48

Сведения о роли Андреаса в информировании Белого дома и Госдепартамента содержатся в письме его брата Осборна Андреаса профессору Нью-Йоркского университета Джорджу Веттеру от 24 декабря 1961 г. В распоряжении автора имеются также копии кратких записей разговоров, направленные Андреасом в другие правительственные учреждения.

с. 49

Обвинение АДМ в фиксировании цен на фруктозу было снято с компании федеральным судом штата Айова в 1991 г. за недостаточностью улик.

с. 49

История правовых проблем АДМ изложена в публикации: *Carbon.* Washington Post Magazine. 1996. July 14. P. 28.

с. 49

Об участии АДМ в подготовке агентов ФБР к операции на товарной бирже см.: *Schellenberger, Sue.* Grain Maverick // Wall Street Journal. 1989. February 9. P. 1; *Bums, Greg.* ADM Hepled Undercover Agent Learn CBOT Ropes // Chicago Sun-Times. 1990. October 17. P. 35.

с. 49

О реакции Мика Андреаса на известие о том, что АДМ спонсировала ФБР, см.: *Roberts, Craig.* Price-fixing Fabricators? // Washington Times. 1997. January 31. P. A16.

с. 50

В письме к автору книги Томас Франкл отрицал почти все, что я написал о нем, и назвал написанное «неправильным, неточным и некорректным». Однако значительная часть сведений была почерпнута из правительственных документов, и те фрагменты книги, где речь идет о Франкле, – за исключением прямых цитат из правительственных документов, указанных ниже, – прочли сотрудники АДМ и не нашли в этих фрагментах ничего, что бы не соответствовало действительности.

История отставки Франкла опубликована Скоттом Килманом: *Kilman, Scott.* Archer-Daniels Treasurer Resigns after Securities Losses Are Discovered // Wall Street Journal. 1991. September 16. P. A8. На следующий день чикагское отделение ФБР начало уголовное расследование предполагаемого незаконного прослушивания телефонных разговоров (дело 196B-CG-82508). В ходе расследования опрашивались представители нескольких финансовых организаций, а также представители АДМ. Участие АДМ в этом расследовании было, однако, ограниченным. Поскольку пострадавшая сторона не проявляла особого желания сотрудничать с ФБР, в июле 1993 г. расследование было прекращено. Но руководители АДМ говорили мне, что в деле Франкла были обстоятельства, неизвестные широкой публике. Как сообщил один из осведомленных о деле директоров компании, после раскрытия преступления председатель ревизионной комиссии АДМ был снят со своего поста за то, что не выявил своевременно незаконные денежные операции.

Специальный агент Грег Шволбек 23 июля 1993 г. отправил письмо государственному обвинителю в офис чикагского окружного прокурора, в котором сообщал о том, как проходит расследование деятельности Франкла. В письме говорится:

> «Расследование выявило ущерб в размере 14,6 миллиона долларов, нанесенный компании „Арчер Дэниелс, Мидленд“ ее казначеем Томасом Г. Франклом в период с 1984 по август 1991 г. Ущерб был нанесен из-за того, что Франкл не обеспечил хеджирование позиции на сумму 26 миллионов долларов для закрытия короткой позиции компании в 350 миллионов долларов, которую АДМ разместила в 1984 г. Поскольку Франкл не обеспечил закрытие коротких позиций, компания в течение семи лет терпела убытки от снижения процентных ставок. К августу 1991 г. общий ущерб АДМ

составил 14,6 миллиона долларов. Чтобы скрыть это, Франкл подделал внутреннюю трейдинговую документацию и другие записи, с тем чтобы показать, что все эти годы обеспечивалось хеджирование. Ущерб и подделка документации были раскрыты, и 30 августа 1991 г. Франкл подал в отставку».

Согласно записям ФБР и опросам государственных служащих, расследованию по делу Франкла препятствовало нежелание АДМ сотрудничать, а также еще несколько факторов. В письме от 23 июля говорится, что изучение документов, затребованных у АДМ, «не вскрыло нарушений федеральных законов в Северном округе Иллинойса», который находится в ведении чикагского отделения ФБР. Там же высказывается мнение, что расследование дела Франкла по принципу надлежащей подсудности находится в юрисдикции спрингфилдского офиса ФБР, однако это вряд ли возможно в связи с тем, что спрингфилдский офис «в настоящий момент занят расследованием фиксирования цен в АДМ».

20 июля 1993 г. агент Шволбек связался со специальным агентом Джо Везероллом, который к тому времени расследовал вместе с Шепардом дело о фиксировании цен. Шволбек поинтересовался возможностью проведения совместного допроса Франкла. Согласно составленной Шволбеком в тот же день записи их разговора, Везеролл ответил, что «ввиду прогресса в расследовании в настоящее время им нет нужды допрашивать Франкла». Он добавил, что Франкла так или иначе будут допрашивать по делу о фиксировании цен, но этого так и не произошло.

Немаловажным для расследования был вопрос о том, что случилось с 26 миллионами долларов, предназначенных для хеджирования позиций АДМ. По мнению руководства АДМ, часть этой суммы осела в карманах Франкла. ФБР считало это теоретически возможным, но дело было закрыто прежде, чем этот вопрос удалось прояснить. Согласно материалам, с которыми автору удалось познакомиться, банковский счет на имя Франкла привлек внимание сотрудников банка, следивших за правильностью ведения документации, потому что через него проходили большие суммы. Неясно, был ли этот счет связан с предполагаемым мошенничеством, так как информация об этом отсутствует и обвинений против Франкла не выдвигалось.

с. 50–51

Контакты Аллена Андреаса с ЦРУ прежде не оглашались. Однако на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.» было оглашено содержание его разговоров с Дуэйном и Миком Андреасами (без упоминания его имени).

Глава 2

с. 54

Разговор Уортингтона с Джоном Хойтом воспроизведен по тексту внутреннего телекса ФБР от 5 ноября 1992 г., отправленного из спрингфилдского офиса в штаб-квартиру.

с. 54–56

Сведения о карьере Шепарда содержатся в материалах процесса «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 55

Сведения о доме Шепарда в Матаване содержатся в документах местного агентства по недвижимости. Время, которое требуется для поездки в этот город, указано в статье: If You're Thinking of Living in: Marlboro // New York Times. 1987. July 12. Section 8. P. 11. Ближайшая к Мальборо железнодорожная станция находится в Матаване.

с. 59–62

Беседа агентов ФБР с Майклом Андреасом 4 ноября 1992 г. воспроизведена по записи в «форме 302» (дело 192B-SI-45899).

с. 60

Утверждение агентов ФБР, что АДМ собиралась приобрести у Фудзивары иммунные к вирусу микробы, подтверждено показаниями Марка Шевирона 12 ноября 1996 г. перед большим жюри, которые находятся в архивном деле *In Re: Grand Jury Investigation, court caption 96 GJ 573,* то есть еще до заседания специального большого жюри в январе 1996 г.

с. 62–63

О тревоге Уайтекера из-за предстоящей встречи с агентами ФБР сообщают несколько источников: во-первых, показания Шепарда на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.»; во-вторых, показания Марка Шевирона 12 ноября 1996 г. *In Re: Grand Jury Investigation, court caption* 95 GJ 573; наконец, Уайтекер написал об этом сам – см.: *Whitacre M.* My Life as a Corporate Mole for the FBI // Fortune. 1995. September 4. P. 56–57.

с. 63

Биография Уайтекера в его собственном изложении сотрудникам АДМ приведена в издании: *Macleans.* The Mole Who Cracked a Conspiracy. 1999. February 22. P. 49; см. также письменные показания Рейнхарта Рихтера, данные под присягой 18 мая 1998 г. на процессе «АДМ против Марка Уайтекера и др.» (судебный архив Центрального округа Иллинойса, дело 96-2237).

с. 63–64

Сведения о семейной жизни Марка и Джинджер Уайтекер см.: Little Miami High School 15th year Reunion Information Sheet. 1991. June 8. Копию документа автору предоставил один из их бывших сокурсников Уайтекера.

с. 64–65

О задержке разговора с Уайтекером Шепард сообщил в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.». План расследования по делу Фудзивары Шепард изложил в телексе в штаб-квартиру ФБР от 5 ноября 1992 г.

с. 66–68

Первая беседа Шепарда с Марком Уайтекером запротоколирована в нескольких документах, закрытых и опубликованных. Во-первых, Шепард составил протокол допроса по форме FD-302 (дело № 192B-SI-45889). Кроме того, он рассказал об этой встрече в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.». Отдельные детали содержатся также в телексе ФБР от 5 ноября 1992 г. Наконец, дополнительная информация была предоставлена Марком Шевироном при даче показаний перед специальным заседанием большого жюри в 1996 г.

Некоторые из этих источников противоречат друг другу. Ни в «форме 302», ни в телексе не указано место встречи. Шепард показал на процессе, что встреча происходила в резидентуре ФБР в Декейтере. Шевирон, выступая перед большим жюри, утверждал, что это не так и на самом деле Шепард и Уайтекер встретились в офисе Джима Шафтера. Тщательно перепроверив всю информацию, я пришел к выводу, что неверно утверждение Шепарда, так как оно расходится с остальными данными, а показания Шевирона с ними совпадают. По-видимому, это ошибка Шепарда, простительная по прошествии нескольких лет.

с. 68–69

Сведения о вымышленной угрозе дочери Уайтекера содержатся в протоколе его разговора с Брайаном Шепардом 6 ноября 1992 г., внесенном в форму FD-302, а также в статье: *Henkoff, Ronald.* The ADM Tale Gets Even Stranger // Fortune. 1996. May 13. P. 113.

с. 69–70

Шевирон рассказал о событиях 5 ноября 1992 г. в показаниях большому жюри 12 ноября 1996 г.

с. 72–73

Об истории г. Моуиква см. записи и газетные вырезки, хранящиеся в Горном музее Моуиквы.

с. 74–79

Сведения о беседе Брайана Шепарда с Марком Уайтекером 5 ноября 1992 г. содержатся в двух формах FD-302 за этот день, а также во внутреннем телексе ФБР, отправленном руководителем подразделения спрингфилдского офиса Бобом Андерсоном 6 ноября 1992 г.

Допрос также описал Шепард в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.» – в первую очередь, в показаниях 12 августа 1998 г. В этот день Шепард рассказал, как Уайтекер сообщил ему о том, что Шевирон и Мик Андреас инструктировали его перед их первой встречей. Однако расследование не подтвердило, что Марку Шевирону было известно о фиксировании цен в АДМ. Других обвинений ему не предъявлялось.

Кроме того, Шепард показал, что Уайтекер рассказал ему о том, как они с Джеймсом Рэнделлом планировали кражу микробов у конкурентов. По этим планам, согласно Шепарду, предполагалось заплатить 50 тысяч долларов Майклу Фрейну за кражу микроорганизмов, вырабатывающих антибиотик бацитрацин. Также предполагалось, что Марк Шевирон наймет проституток для сбора сведений у сотрудников конкурирующих компаний.

На процессе у Шепарда спросили, подтвердились ли эти утверждения. Шепард ответил, что, по его мнению, они соответствуют действительности.

Рэнделл через своего адвоката Джефа Коула отрицал свое участие в обсуждении подобных планов. Майкл Фрейн, также через своего адвоката Уильяма Дж. Ланкастера, категорически отрицал, что пытался украсть микробы у своего бывшего работодателя. Мне известно также, что в краткой беседе с агентом ФБР Фрейн отрицал свое участие в любых противозаконных действиях. Согласно изученным мною материалам, руководство корпорации «Интернэшнл минералс» сообщило ФБР, что у него нет сведений о краже микробов, хотя признало, что в рассматриваемый момент не имело средств, позволяющих установить недостачу.

Другой сотрудник АДМ, Марти Оллисон, сообщил агентам ФБР, что Рэнделл рассказывал, как Фрейн при переходе из прежней компании в АДМ прихватил с собой бацитрациновые микробы. Эти показания, данные Оллисоном спецагенту Херндону 13 февраля 1996 г., зарегистрированы в документе FD-302. Впоследствии Оллисон признал себя виновным в другом

правонарушении, связанном с его деятельностью в АДМ.

Согласно документам, в 1996 г. это дело все еще находилось на стадии расследования. В письме от 30 января 1996 г. к Фрэнсис Хьюлин, спрингфилдскому окружному прокурору, Роберт Херндон изложил результаты расследования этого дела, включая утверждения свидетелей о правонарушениях Фрейна и Рэнделла. Однако официальных обвинений против них выдвинуто не было.

И наконец, в телексе, отправленном 23 декабря 1992 г. в штаб-квартиру ФБР спецагентом Джо Везероллом, упоминаются различные заявления, расследованием которых занимался спрингфилдский офис ФБР, в том числе предполагаемая перевозка краденого между штатами и, по выражению Везеролла, «препятствование спрингфилдскому офису ФБР в отправлении правосудия». Ни в одном из этих случаев никто не был привлечен к уголовной ответственности.

Не выдвигали обвинений и против перерабатывающей компании «Корн рефайнерс», так как не было обнаружено доказательств того, что ассоциация участвовала в сговоре о ценах.

Глава 3

с. 80–83

Сведения о встрече, состоявшейся в Спрингфилде в кабинете Стаки, содержатся в личном дневнике одного из участников встречи.

с. 83–85

Сведения об антитрестовском законе Шермана содержатся в различных источниках. В частности, историю разработки закона и первых лет его применения см. в капитальной биографии Дж. Рокфеллера: *Chemow, Ron.* Titan: The Life of John Rockfeller Sr. Random House, 1998. Дополнительные сведения о законе и о «Прогрессивной эпохе» см. в публикациях: *Brands H. W.* The Reckless Decade: America in the 1890's. St. Martin's Press, 1995. P. 56, 158; *Diner, Steven J.* A Very Different Age: Americans of the Progressive Era. Hill and Wang, 1998. P. 14–75; *Manners, William.* TR & Will: A Friendship that Split the Republican Party. Harcourt Brace & World, 1969. P. 43, 191. О применении закона в отношении фиксирования цен см.: *Neal, A. D. and Goyder, G. G.* The Antitrust Laws of the United States: A Study of Competition Enforced by Law. 3rd Edition; *Hazlett, Thomas W.* The Legislative History of the Sherman Antitrust Act Re-examined; Economics and 100 Years of Antitrust // Economic Inquiry. 1992. April. P. 263.

с. 86

Информация о звонке Уайтекера утром 6 ноября 1992 г. содержится в показаниях Шевирона перед большим жюри и в записи, сделанной в тот же день в форме FD-302.

с. 86–87

Автор ознакомился с копиями договора с компанией «Эй-би-пи» и сообщения, переданного Харальдом Скогманом по факсу Марку Уайтекеру.

с. 88–89

Встреча Шевирона с Шепардом и другими агентами ФБР зарегистрирована в нескольких документах: в показаниях Шевирона перед большим жюри 12 ноября 1996 г., в показаниях Шепарда на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.» и в показаниях Дональда Стаки во время предварительного слушания дела 5 ноября 1997 г.

с. 90–91

Эпизод со звонком Реджины из Континентальной телефонной компании описан в нескольких документах: в показаниях Шевирона перед большим жюри 12 ноября 1996 г., в копии записи разговора между Шевироном и спецагентом Брайаном Шепардом, состоявшегося 9 ноября 1992 г., в «форме 302» с показаниями Джинджер и Марка Уайтекеров от 6 ноября 1992 г.

с. 91–93

Встреча Уайтекера с Шепардом вечером 6 ноября 1992 г. зарегистрирована в нескольких записях в «форме 302». Две из них были внесены Шепардом на основании записей, которые он сделал в тот вечер. Материал, относящийся к двум различным предполагаемым преступлениям, он разделил на две группы. Третья запись была сделана во время беседы с Джинджер Уайтекер в тот же вечер.

с. 92–93

Шепард рассказал о своей реакции на сообщение Уайтекера об угрозах его дочери в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 93–99

Встреча Уайтекера с Шепардом и Пейсли 8 ноября 1992 г. зарегистрирована в двух протоколах в «форме 302», составленных на основании записей Шепарда, которые были сделаны во время этой встречи. Кроме того, Шепард рассказал о ней в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 99–101

Шевирон сообщил о своем разговоре с Уайтекером утром 9 ноября 1992 г. и о последующем телефонном разговоре с Шепардом – в показаниях перед большим жюри 12 ноября 1996 г.

с. 101–102

9 ноября Шевирон сообщил Шепарду по телефону о своем разговоре с Рейзингом, состоявшемся в тот же день. Разговор был записан, и автор ознакомился с копией записи. Шепард рассказал об этом разговоре в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 102–103

Разговор между Пейсли и Шевироном 9 ноября 1992 г. зафиксирован в аудиозаписи ФБР 1B2 (дело № 60A-SI-46290).

с. 103

Информация о сделанной Пейсли записи разговора с Шевироном и ее регистрационный номер внесены в форму ФБР 504В 9 ноября 1992 г.

с. 104–106

Сведения о первом записанном на магнитофон разговоре сообщил Шепард в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

Описание отеля приводится на основании собственных впечатлений автора и воспоминаний людей, видевших его в 1992 г.

с. 106

Данные о подписании документов FD-472 и FD-473 содержатся в самих документах.

с. 106–108

Разговор между Уайтекером и Ямамото воспроизводится по аудиозаписи ФБР 1B1. Эта аудиозапись частично прослушивалась на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.», но полностью не публиковалась.

с. 108

Сведения о разговорах с Икэдой и Мимото и о неудачных попытках связаться с другими компаниями содержатся в копии аудиозаписи ФБР 1B1.

с. 108

Данные о подписании документа FD-504b содержатся в самом документе.

с. 108–109

Сведения о разговоре между Уайтекером и Шепардом вечером 9 ноября внесены Шепардом в «форму 302».

Глава 4

с. 110

Сведения о погоде на участке между Декейтером и Спрингфилдом взяты из архива Национального центра климатических данных в Ашвилле, Северная Каролина. Учтены также ежечасные наблюдения за погодой 10 ноября 1992 г., которые проводились станциями в Декейтере и Спрингфилде, находящимися в ведении Министерства торговли США.

с. 110

Время поездки Пейсли в Спрингфилд установлено по документу FD-504b, который определяет порядок регистрации и хранения аудиозаписей ФБР. Согласно документу, Шепард передал Пейсли диктофонную пленку в 10.25 вечера. Согласно другой информации, имеющейся у автора, не прошло и пяти минут, как Пейсли расстался с Шепардом. Чтобы выехать из центра Декейтера на шоссе, требуется 10–15 минут. Таким образом, Пейсли должен был достичь шоссе 72 около 11 часов.

с. 113

Информация о службе Везеролла в армии с указанием всех занимаемых им с 1961 по 1970 г. должностей содержится в документах Национального центра кадрового учета в Сент-Луисе, штат Миссури.

с. 113–116

Сведения о встрече между Уайтекером, Шепардом и Везероллом 13 ноября 1992 г. содержатся в трех отдельных записях в «форме 302», сделанных в этот день, а также в телексе, отправленном Везероллом в штаб-квартиру ФБР 19 ноября 1992 г. Номер, в котором состоялась встреча, указан в книге записи постояльцев гостиницы.

с. 116–119

Сведения о телефонном звонке Уайтекера Шепарду из Колорадо содержатся в трех источниках. В «форму 302» Шепард внес только протокол их разговора о фиксировании цен. Другие записи, сделанные Шепардом, не были перенесены в «форму 302», хотя агент внес эту информацию в картотеку дел. Впоследствии они были включены в документ, озаглавленный «Архив ФБР». И наконец, о разговоре упоминается в телексе, отправленном Везероллом в штаб-квартиру ФБР 19 ноября 1992 г.

с. 120

Сведения об извинениях Уайтекера за то, что он не подготовил аудиозаписей, содержатся в записи, сделанной Шепардом в «форме 302» 13 ноября 1992 г.

с. 121

Карен Стерлинг рассказала о своем страхе перед Сидом Халсом и сексуальных домогательствах с его стороны на допросе 9 марта 1997 г., который провели специальные агенты Томас Саймон-младший и Энтони Д'Анжело. Протокол допроса внесен в «форму 302». Стерлинг сообщила, что из страха перед Халсом стала носить в сумочке пистолет и что жаловалась на поведение Халса его начальнику Марку Уайтекеру, но Уайтекер ответил, что не будет принимать в отношении Халса никаких мер, так как он ценный специалист.

Новая секретарша Халса Мэри Ходж, сменившая Карен Стерлинг в этой должности, тоже говорила о сексуальных домогательствах со стороны Халса в своих показаниях, данных агенту ФБР Д'Анжело 27 июня 1997 г. и внесенных в «форму 302». Она тоже жаловалась Марку Уайтекеру, но он, как и в случае со Стерлинг, отказался принимать меры, после чего Ходж тут же подала официальную жалобу руководству АДМ.

Стерлинг возбудила дело против Халса и АДМ в окружном фултонском суде штата Джорджия, Ходж – в федеральном районном суде Атланты. Согласно утверждениям ФБР, суды приняли эти иски на условиях соблюдения конфиденциальности.

с. 121–122

Сведения о разговоре между Уайтекером и Халсом содержатся в протоколе допроса Халса в «форме 302». Допрос провел специальный агент Роберт Херндон 10 мая 1996 г.

с. 122

Описание ранчо Маккормика см. в статье: *Myers, Patricia.* Soothing the Sizzle: Cool Oases Spell Relief to the Summer-Weary // Arizona Republic. 1996. August 30. P. 1.

с. 122–123

Информация о месте и времени ленча Уайтекера содержится в отчетах Уайтекера о его расходах, поездках и телефонных переговорах, с которыми ознакомился автор.

с. 123

Согласно архивным данным ФБР, Уайтекер сказал Шепарду, что находится в мотеле в Финиксе, однако отчеты Уайтекера о его расходах, поездках и телефонных разговорах говорят о том, что он провел весь этот день на ранчо Маккормика.

с. 123–126

Сведения о разговоре Уайтекера с Шепардом 18 ноября 1992 г. содержатся в двух источниках: в записи без указания даты в «Архиве ФБР» и в телексе Везеролла от 19 ноября 1992 г.

с. 126

Сведения о перемещениях Уайтекера и о его встрече с Джонсом и Холлом содержатся в отчетах Уайтекера о его расходах, поездках и телефонных переговорах.

с. 126–127

Сведения о встрече агентов ФБР с Уайтекером 24 ноября содержатся в протоколе, внесенном Шепардом в «форму 302», и в телексе, который Везеролл отправил в штаб-квартиру ФБР 2 декабря 1992 г.

с. 128

«Война цен» на мировом рынке лизина развернулась в конце 1992 – начале 1993 г. Она описана в документе 43А, который ФБР представило в качестве вещественного доказательства на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 128

Кандзи Мимото рассказал Шепарду о своем разговоре с Уайтекером, состоявшемся в 1992 г., на допросе в Гонконге 2 июля 1996 г. Шепард внес эти показания в «форму 302». Сам Мимото не помнил точно, в каком месяце состоялся их разговор, однако отчеты Уайтекера о его расходах, поездках и телефонных разговорах указывают на то, что он мог произойти только в конце ноября.

с. 129–131

Сведения о первой встрече Кадмора с Уайтекером содержатся в протоколе «формы 302» и в телексе, который Везеролл отправил в штаб-квартиру ФБР 2 декабря 1992 г.

с. 132

Сведения о разговоре Кевина Корра с Ричардом Рейзингом содержатся в транскрипте аудиозаписи ФБР 1B2 (дело № 60A-SI-46290). Сведения о разговоре Шепарда с Рейзингом – в аудиозаписи 1B37 (в том же деле). Кроме того, содержание разговоров передано в декабрьском телексе Везеролла.

с. 133

Сведения о звонке Уайтекера 1 декабря содержатся в сделанной Шепардом записи в «форме 302» и в телексе Везеролла от 2 декабря.

с. 133–134

Сведения о пребывании Уайтекера во Франкфурте взяты из его отчетов о расходах; использована также информация об отеле на веб-сайте www.sheraton.com.

с. 134–135

Сведения о разговоре Уайтекера с Мимото содержатся в «форме 302», запись от 2 июля 1996 г.

с. 135–136

Сведения о встрече Уайтекера с Шепардом и Везероллом, во время которой он рассказал о своих отношениях с Фудзиварой и упомянул Брассера, содержатся в «форме 302», запись от 10 декабря 1992 г.

с. 136

Разговор Шепарда со специалистами психологического отдела описан в его телексе от 14 декабря 1992 г., а также в его показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 137

Номер в гостинице, где состоялась встреча, в которой впервые участвовал специальный агент Гамара, указан в книге записи постояльцев гостиницы.

Глава 5

с. 138–141

Сведения о проверке Уайтекера на детекторе лжи 21 декабря 1992 г. содержатся в отчете специального агента Эдварда Т. Гамары, составленном 28 декабря 1992 г. (дело 192B-SI-45899), а также в телетайпе специального агента Везеролла от 28 декабря 1992 г. Кроме того, Везеролл описал события, происходившие в день проверки, в показаниях на предварительном слушании дела «США против Майкла Д. Андреаса и др.», состоявшемся 16 декабря 1997 г.

с. 141

Заявления, сделанные Уайтекером Шепарду и Везероллу 21 декабря 1992 г., содержатся в «форме 302» за это число.

с. 141–143

Информация о фиксировании цен на глюконат натрия, об увольнении Уэйна Брассера и о роли Барри Кокса и Терри Уильямса в этих событиях подтверждается записью о Коксе в «форме 302», сделанной специальным агентом Луисом Ф. Капуто-младшим 11–12 декабря 1996 г.

с. 142–145

Телефонный разговор Уайтекера с Брассером, состоявшийся 21 декабря 1992 г., воспроизведен по транскрипту аудиозаписи ФБР 1B6 (дело № 60A-SI-46290).

с. 146–150

Сведения о встрече Уайтекера с Шепардом и Везероллом 22 декабря 1992 г. содержатся в «форме 302» за это число, а также в телексе Везеролла в штаб-квартиру ФБР от 28 декабря 1992 г.

с. 148–149

Во время допроса агентами ФБР в июле 1996 г. Котаро Фудзивара отрицал, что делал телефонные звонки, описанные в книге. Заявления Уайтекера о контактах с Фудзиварой ничем не подтверждены.

с. 151

Информация о покупке Уайтекером засахаренного попкорна в торговой фирме «Биосис инкорпорейтед» в качестве подарка сотрудникам содержится в его расходных записях.

с. 151–152

Сведения о второй встрече Уайтекера с Кадмором содержатся в «форме 302», запись от 29 декабря 1992 г. Автор ознакомился также с копией соглашения о сотрудничестве.

с. 152–153

Информация о разговоре Уайтекера с агентами ФБР содержится в «форме 302», запись от 4 января 1993 г. Рассуждения Уайтекера об аудиозаписи внесены в «форму 302», запись от 7 января 1993 г.

с. 153

Сведения о поездке Уайтекера и Рэнделла в январе 1993 г. содержатся в отчетах Уайтекера о его затратах, поездках и телефонных разговорах.

с. 154–155

Разговор между Уайтекером и Рэнделлом воспроизведен по транскрипту аудиозаписи ФБР 1B13 (дело № 60A-SI-46290). Шепард высказал свое мнение о записи и о самом разговоре в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

Мнение Шепарда разделял и Скотт Лассар, первый помощник чикагского окружного прокурора. Во время суда над Андреасом он сказал, что эта аудиозапись подтверждает и кражу бацитрацинового микроба, и использование проституток.

Однако адвокат Рэнделла Джеф Коул возражал против такой интерпретации аудиозаписи. В статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 20 августа 1998 г., он заявил, что запись не доказывает этих утверждений. «Они беспочвенны, – писал он. – Да и вообще, мне неизвестны записи, которые указывали бы четко и ясно на то, что мистеру Рэнделлу было известно о краже и о проститутках». Адвокат Фрейна тоже утверждал, что его подзащитный не совершал никаких противозаконных действий.

с. 156

Информация о поездке Уайтекера в начале января на Каймановы острова содержится в двух источниках: отчете Уайтекера о его расходах и поездках, где указано, что он был на острове Большой Кайман с 13 по 16 января, и в записях о прибывающих на острова, подтверждающих эти даты.

с. 156

Внесенное Уайтекером добавление к соглашению имеется в копии документа.

с. 156–157

Дуэйн Андреас рассказал о своем намерении уволить Уайтекера и отказе от этого намерения под влиянием Рэнделла в показаниях под присягой большому жюри в 1996 г. во время рассмотрения вопроса о фиксировании цен.

с. 157–158

Информацию о том, что в течение всего января 1993 г. Мичиган-авеню в Чикаго находилась в рождественском убранстве, см. в статье: Lights Out Isn't Here Yet for Christmas Die-hards // Chicago Tribune. 1993. January 22. P. 6.

с. 158

Мнение руководителей компании «Адзиномото» об АДМ, высказывавшееся на их собраниях, содержится в записях одного из участников этих собраний.

с. 158

Неудачную попытку найти на носовом платке лизиновые микробы Мимото описал в своих показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андрееса и др.».

с. 159

Сведения о состоявшейся 22 января встрече Уайтекера с Икэдой и Мимото содержатся в двух источниках: в записи в «форме 302» об Икэде, сделанной в июле 1996 г. во время поездки в Гонконг, и в записи в «форме 302» об Уайтекере от 16 марта 1993 г. Точное время встречи неизвестно, так как в одном из источников говорится, что она была утром, в другом – что вечером.

с. 159–160

Уильямс рассказал об этом разговоре с Уайтекером в показаниях 4 ноября 1997 г. во время предварительного слушания по делу «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 160–161

Ряд сообщений Уайтекера о поисках Брассером работы и связанных с этим событиях зарегистрирован в записях «формы 302» от 25 и 28 января, а также 1, 3, 8 и 10 февраля 1993 г. Попытка допросить Брассера описана Везероллом в телексе от 12 января 1993 г.

с. 161–162

Информация о проверке Уайтекера на детекторе лжи, состоявшейся 10 марта 1993 г., содержится в отчете специального агента Эдварда Т. Гамары от 22 марта 1993 г. (дело 192B-SI-45899). Везеролл также рассказал о связанных с этой проверкой событиях в показаниях 16 декабря 1997 г. во время предварительного слушания по делу «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 162

Согласно отчету Гамары 22 марта, психологический отдел ФБР советовал агентам не допрашивать Уайтекера, если тот не пройдет испытания на полиграфе.

с. 162–164

Информация о встрече Уайтекера с агентами ФБР 11 марта содержится в «форме 302», запись за это число.

Глава 6

с. 167–170

Разговор 17 марта между Уайтекером, Уилсоном и Рэнделлом и обстоятельства, в которых он происходил, воспроизведены по транскрипту аудиозаписи 1B20 и ее расширенного варианта 1B63 (дело № 60A-SI-4690).

с. 170–172

Диалог, состоявшийся 18 марта между Уайтекером, Андреасом и Уилсоном, и обстоятельства, в которых он происходил, воспроизведены по транскриптам аудиозаписей 1B21, 1B22 и 1B61 (дело № 60A-SI-46290).

Точную дату получения Уайтекером кейса с блокнотом и диктофоном установить невозможно. Воспоминания участников и документы дают противоречивые сведения. Все сходятся, однако, на том, что это произошло к весне 1993 г., после того как Уайтекер подписал соглашение о сотрудничестве и до вторичной проверки его на полиграфе. Как бы то ни было, это первое документальное подтверждение использования звукозаписывающих устройств.

с. 171

Информацию о сборе средств на предвыборную кампанию Томми Томпсона в 1994 г. и о планах Республиканской партии см. в статье: Outsiders Aiding Thompson // Wisconsin State Journal. 1993. July 21. P. ID.

с. 174

Описание архитектуры комплекса правительственных зданий в Чикаго см. в статье: *Gapp, Paul.* A Unified Front for the Government. The solid Metcalfe Building fits right in with its federal neighbors // Chicago Tribune. 1991. November 10. P. 26.

с. 176–178

Информация о ночном визите спецагента Тома Гиббонса в АДМ содержится в записях, сделанных во время брифинга, который был устроен сразу после этого.

с. 178–179

Содержание разговора Хёха с Уайтекером изложено в письме, которое Хёх послал в апреле 1993 г. бизнесмену компании «Киова хакко» Масару Ямамото. Сведения о связи Хёха с японской компанией содержатся в показаниях Ямамото на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 181

Уильямс рассказал о том, как Уайтекер назвал себя «агентом 014», в показаниях 4 ноября 1997 г. на предварительном слушании по делу «США против Майкла Д. Андреаса и др.». Дата события неизвестна, но понятно, что это произошло сразу после того, как Уайтекер получил кейс от ФБР. Эпизод приведен в книге, чтобы подчеркнуть этот факт.

с. 182–183

Диалог, во время которого Мик Андреас «дал напутствие» Уайтекеру, воспроизведен по транскрипту аудиозаписи 1B32 (дело № 60A-SI-46290).

с. 183

Из фразы, произнесенной Уайтекером по возвращении в свой кабинет, я выбрал самое главное. Это единственный случай, когда я сократил прямую речь Уайтекера, так как не уверен, что сказанное им соответствует тому, что произошло в действительности. Полностью фраза выглядит следующим образом: «15 апреля, 8.30 утра. Я только что разговаривал с Джимом Рэнделлом и Миком Андреасом. 15 апреля, 8.30 утра. Осталось два часа до отлета в Чикаго. Разговаривал с Миком Андреасом и Джимом Рэнделлом и получил их… напутствия». Мимолетный разговор с Рэнделлом действительно состоялся, но в аудиозаписи 1B32 Рэнделл ничего не говорит о поездке Уайтекера в Чикаго, поэтому я здесь не упоминаю его имя.

с. 183

Номер в отеле «Чикаго Марриот», в котором ФБР устроило свой наблюдательный пункт, указан в отчетах о расходах отеля.

с. 184

Информация о наблюдении ФБР за Ямамото содержится в «форме 302», Запись от 15 апреля 1993 г.

с. 184–186

Диалог между Уайтекером и Ямамото и обстановка, в которой происходила их встреча 15 апреля 1993 г., воспроизведены по транскрипту видеозаписи 1B33 (дело № 60A-SI-46290).

с. 186–189

Встреча юристов антитрестовского отдела с агентами спрингфилдского офиса ФБР описана по заметкам участников встречи.

с. 189

Место встречи Уайтекера с Шепардом и Гиббонсом указано по квитанции отеля «Бест вестерн Шелтон».

с. 190–191

Реплики Шепарда и Гиббонса при установке «Нагры» на спине Уайтекера воспроизведены по аудиозаписи 1B43 (дело № 60A-SI-46290).

с. 191

Номер самолета, использовавшегося 28 апреля 1993 г., список пассажиров и маршрут указаны в журнале регистрации полетов корпоративных самолетов АДМ. Дополнительная информация о самолете содержится в регистрационном документе Федерального авиационного управления. Согласно Блеру Салливену, руководителю конструкторского отдела авиастроительной компании «Рейтеон», этот самолет обычно называют «Кинг эйр 350», однако я выбрал название, принятое в АДМ.

с. 191–197

Диалог между Уилсоном и Уайтекером и обстоятельства их поездки в Чикаго 28 апреля воспроизведены по аудиозаписи 1B43 («Награ» на теле Уайтекера) и аудиозаписи 1B44 (диктофон в кейсе) (дело № 60A-SI-46290). Дополнительная информация содержится в телексе Везеролла от 5 мая 1993 г.

с. 193

«Гэслайт Клаб» описан по собственным наблюдениям и по тексту статьи: *Michaelson, Mike.* Lobbying for a Good Time // Chicago Daily Herald. 1999. April 2. P. 27.

с. 196–197

В конце концов Уайтекер представил очень неточный (согласно проведенному автором анализу) отчет о расходах.

с. 197

Время встречи Уайтекера с Шепардом в отеле «Вест вестерн», во время которой была сделана аудиозапись 1B43, указано в документе 504Ь со сведениями о порядке регистрации и хранения аудиозаписей.

с. 198

Время регистрации и копирования аудиозаписи 1B43 указано в документе 504b.

с. 199

Запись, сделанная Хойтом в его ежедневнике, воспроизведена по оригиналу.

Глава 7

с. 202

О расследовании махинаций в банке Луизианы «Фёрст файнэншл» см.: Louisiana Broker Gets Three-year Term // National Mortgage News. 1990. September 10. P. 5. Информацию о деле федерального судьи Роберта Ф. Коллинза см. в статье: U. S. Judge is Convicted in New Orleans Bribe Case // New York Times. 1991. June 30. P. A13.

с. 203

Сведения о встрече Ямады и Андреаса в Декейтере взяты из транскрипта аудиозаписи 1B47.

с. 204

Дата поездки представителей АДМ в Ванкувер указана в отчете Уайтекера о расходах.

с. 204

Список участников встречи в Ванкувере содержится в документе «Government's Proffer of Co-conspiators' Statements», подшитом к делу «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 205–206

Информация о переговорах в Ванкувере содержится в нескольких источниках: в записях, сделанных во время встречи представителем компании «Мивон» Чхон Су Кимом, а также в записях об Уайтекере в «форме 302», сделанных Везероллом 24 июня 1993 г. и Шепардом 28 июня 1993 г.

с. 206

Сведения о встрече Пейджа с Уайтекером внесены в «форму 302» на основании показаний Пейджа специальному агенту Энтони Д'Анжело и старшему специальному агенту Роберту Гранту 25 ноября 1996 г. Дополнительная информация содержится в официальном обвинении по делу «АДМ против Марка Э. Уайтекера». Встреча, несомненно, состоялась летом 1993 г., но установить ее точную дату не удалось. По воспоминаниям Пейджа, это произошло в августе, однако анализ отчета Уайтекера о расходах указывает на июнь. Официально Пейдж был зачислен в штат АДМ в октябре. В связи с этими расхождениями события изложены в книге без указания дат и отнесены примерно на то время, которое указано в документах.

с. 206–207

Расходы Уайтекера указаны в его расходных отчетах, полученных автором. Информация об отношениях между компаниями «Ванетта» и АДМ содержится в официальном обвинении по делу «АДМ против Марка Э. Уайтекера».

с. 207

О том, что Уайтекер избегал вопросов о Дэвиде Пейдже, свидетельствуют два источника. Первый – отчет Уайтекера о расходах с неверными данными о приеме Пейджа на работу. Это можно было бы считать просто ошибкой, если бы во втором источнике, «форме 302», не содержались показания Пейджа, согласно которым Уайтекер подговорил его солгать о месте своей последней работы. Это значит, что в отчете о расходах Уайтекер намеренно указал неверные данные, чтобы не привлекать внимания к Пейджу.

с. 207–208

Сведения о городке Форсит и его истории взяты из издания «Decatur-Forthys: Visitor's Guide. Spring-Summer 1999».

с. 208–212

Сведения о встрече Уайтекера с агентами ФБР 13 июля 1993 г. содержатся в «форме 302», запись за это число.

с. 210–212

Телефонный разговор Уайтекера с Мимото 13 июля по транскрипту аудиозаписи №B21.

с. 212–213

Сведения о встрече в Будапеште были внесены агентами ФБР в «форму 302» 30 июня 1996 г. после допроса Коты Фудзивары, менеджера компании «Киова хакко». Не следует путать его с Котаро Фудзиварой из «Адзиномото», который, согласно ложному утверждению Уайтекера, якобы вымогал у него деньги.

с. 213–215

Изменение цен на лизин с июня по июль 1993 г. указано в документе «Government's Proffer of Co-conspirators' Statements», подшитом 6 мая 1998 г. к делу «США против Майкла Д. Андреаса и др.», а также в документах АДМ, предназначенных для внутреннего пользования.

с. 216

Информация о встрече Уайтекера с агентами ФБР 24 августа 1993 г. содержится в «форме 302», запись за это число.

с. 217

Диалоги из фильма «Фирма» воспроизведены по видеозаписи.

с. 218

Заявление Уайтекера о том, что он, по его мнению, выполнил свои обязательства, оговоренные в соглашении, приводится в архивном документе ФБР «FBI File Information», представленном на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 218–219

Телефонный разговор между Уайтекером и Шепардом 26 сентября 1993 г. воспроизведен по записи в «форме 302» за это число.

с. 219–220

Информация о встрече Уайтекера с агентами ФБР 28 сентября 1993 г. содержится в «форме 302», запись за это число.

с. 220

Уайтекер продолжает утверждать, что в ходе расследования он записывал свои разговоры с агентами ФБР, чему есть ряд косвенных доказательств. Во-первых, имеется аудиозапись, в которой голосом Шепарда делаются заявления, не совпадающие по содержанию и времени записи с другими заявлениями Шепарда, сделанными в ходе расследования «Битва за урожай». Во-вторых, сами агенты стали подозревать, что Уайтекер записывает их высказывания, когда он не пожелал снимать пиджак в помещении, где было очень жарко. В-третьих, у Уайтекера вошло в привычку тайно записывать некоторые свои разговоры, включая беседы с журналистами и с руководителем компании, в которую он перешел из АДМ. Нет сомнений, он делал это и при встречах с агентами ФБР. И его поведение, и существование аудиозаписи позволяет заключить, что он действительно записывал разговоры с агентами.

с. 220

Информация о том, что происходило в вестибюле парижского отеля 5 октября 1993 г., внесена Шепардом в «форму 302» после наблюдения.

с. 221

Разговор с Уайтекером в американском посольстве в Париже воспроизведен по записи в «форме 302» от 5 октября 1993 г.

с. 222

Номер отеля «Хэмптон-Инн», в котором происходила встреча утром 12 октября, указан в расходной книге гостиницы.

с. 222–228

Диалог в кабинете Андреаса 12 октября 1993 г. и обстоятельства, в которых он происходил, воспроизведены по аудиозаписям 1B43 и 1B46 (дело № 60A-SI-46290), а также по записи, сделанной агентами ФБР в «форме 302» в тот же вечер после встречи с Уайтекером.

с. 227

Ради сохранения неприкосновенности частной жизни имя женщины, упоминаемой Андреасом и Уайтекером, заменено вымышленным именем Дебби. Изменены также имена других женщин, в отношении которых персонажи делают оскорбительные замечания сексуального характера, и я не вижу причин подвергать их публичному унижению.

с. 228–230

Телефонный разговор с Икэдой 12 октября 1993 г. воспроизведен по транскрипту аудиозаписи 1B44 (дело № 60A-SI-46290).

с. 230–231

Диалог с Андреасом 13 октября 1993 г. воспроизведен по транскрипту аудиозаписи 1B47 (дело № 60A-SI-46290).

с. 231–232

Информация о телефонном звонке Уайтекера Везероллу 13 октября содержится в «форме 302», запись за это число.

Глава 8

с. 233–234

Описание аэропорта «Джон Уэйн» приводится по веб-сайту, описание отеля «Марриот» в Ирвайне – по сайту. Информация о переговорах в отеле содержится также в счетах отеля и прочей расходной документации. Место, где проходили переговоры, указано в отчете Уайтекера о расходах 25 октября 1993 г., а также в расходной документации отеля, в том числе в заказе на аудиовизуальные средства, сделанном через студию видеозаписи «Эм-ви-пи».

с. 234

Тип самолета, доставившего представителей АДМ в Ирвайн, указан в журнале авиарейсов компании. Описание самолета приводится в регистрационной карточке, выданной компании Федеральным авиационным управлением. Погодные условия в этот день указаны в бортовом журнале самолета.

с. 235

Стоимость стенда, использованного в качестве доски для записей, указана в заказе на аудиовизуальные средства.

с. 235–243

Информация о переговорах в Ирвайне 25 октября 1993 г. содержится в видеозаписях ФБР и транскриптах аудиозаписей 1B56, 1B57 и 1B58 (дело № 60A-SI-46290).

с. 243–244

Информация о встрече Уайтекера с Херндоном 25 октября содержится в документе FD-504b, где приводятся данные об аудиозаписях, сделанных этим вечером.

с. 246–247

Расходы Уайтекера указаны в представленных им отчетах. Его поездка за границу подтверждается документами иностранного государства, регистрирующими прибывающих в страну.

с. 247–248

Принципы коммерческой политики японской компании изложены в книге: *March.* The Japanese negotiator. Цели «Адзиномото» ясны из перевода беседы, которую вели друг с другом Ямада и Икэда на встрече в Ирвайне, а также из телефонных разговоров Уайтекера с Икэдой и Мимото. Сведения о них содержатся в аудиозаписях 1B66 от 8 и 11 ноября, 1B69 от 30 ноября и 1B74 от 1 декабря (дело № 60A-SI-46290).

с. 248

Разговоры Уайтекера с Андреасом и Уилсоном воспроизведены по транскрипту аудиозаписи 1B74 (дело № 60A-SI-46290).

с. 249

Информация о карьере Хьюлин и ее назначении на должность окружного прокурора содержится в публикациях: Simon, Moseley-Braun Expect White House to Nominate Hulin // States New Service. 1993. October 8; White House Nominates Hulin // States New Service. 1993. October 12; Hulin Sworn in as First Female U. S. Attorney for Central Illinois // United Press International. 1994. January 7.

с. 251

Сведения о покупке Уайтекером оборудования фирмы «Рейдио шэк» содержатся в копии счета, выписанного 2 декабря 1993 г.

с. 252

Информация о поездке Уайтекера и Уилсона в Токио 7 декабря содержится в их счетах и квитанциях за этот день.

с. 252–254

Информация о встрече в отеле «Палас» содержится в транскрипте аудиозаписей 1B75, 1B76 и 1B77 (дело № 60A-SI-46290).

с. 256–257

Информация о встрече с Уайтекером 2 декабря внесена Шепардом и Везероллом в «форму 302» в тот же день.

Глава 9

с. 258–260

Херндон рассказал о проблемах, возникавших при подготовке встречи на Гавайях, в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 261

Принцип действия устройства «Ф-бёрд» описан Херндоном в его показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 263–276

Беседы и события, имевшие место во время встречи на Гавайях, воспроизведены по транскриптам аудиозаписей 1B94, 1B95, 1B96, 1B98 и 1B101 (дело № 60A-SI-46290). Я добавил некоторые описания, просмотрев сделанные на Гавайях видеозаписи.

с. 274

Фраза Уилсона «Я хочу быть заодно с вами, а не с ними, потому что от вас зависит, сделаю я деньги или нет» воспроизведена на основании просмотренной мною видеозаписи. В тексте, составленном ФБР, фраза звучит несколько иначе: «Я хочу быть заодно с вами, а не с какими-нибудь клиентами, потому что от вас зависит, что с нами будет. Я могу сделать деньги. Я не могу сделать деньги». Приведенный в книге вариант я выбрал по нескольким причинам. Во-первых, именно так звучит фраза в видеозаписи. Во-вторых, она полностью соответствует контексту. И в-третьих, в тексте ФБР окончание фразы бессмысленно и не укладывается в контекст.

с. 276–277

Диалог Уайтекера и Уилсона на автостоянке воспроизведен по транскрипту аудиозаписи 1B93 (дело № 60A-SI-46290).

с. 279

Обсуждение производства лимонной кислоты во время празднования дня рождения Андреаса воспроизведено со слов Уайтекера в «форме 302», запись от 7 марта 1994 г.

с. 281

Слова Марти Оллисона о роли региональных переговоров по фиксированию цен воспроизведены в «форме 302», запись 13 февраля 1996 г. Автор изучил копию заметок, сделанных во время переговоров.

с. 281

Описание процесса составления заявки на выписку чека компании «Эй-би-пи» и указание цели его выписки содержатся в нескольких источниках. Прежде всего, это копия самой заявки. В ней не содержится примечаний Уайтекера, но о них говорится в показаниях Джеймса Кирка Шмидта, внесенных в «форму 302» 24 января 1996 г. Шмидт сказал, что, прочитав примечания Уайтекера, он забелил их корректорской пастой, которая ясно видна на копии. Прочая информация, касающаяся этого эпизода, содержится в показаниях Шмидта, внесенных в «форму 302», и показаниях Бита Швейцера, внесенных в «форму 302» 13 мая 1996 г. Маршрут поездок Уайтекера восстановлен по его отчету о расходах.

с. 282–283

Информация об отставке Везеролла содержится в копиях адреса и других документов, выданных ему во время проводов на пенсию.

с. 283–284

Информация о расследовании хищения в корпорации «Дегасса» содержится в записке прокурора отдела по борьбе с мошенничеством Джеймса Бейкера, переданной сотруднику экономического отдела ФБР. Поездка Даля в Вашингтон описана в телексе, посланном 23 июня 1994 г. из офиса ФБР в Мобиле в штаб-квартиру. О том, что свидетелем обвинения по этому делу является Кайл Раунтри, я узнал из неофициальных источников.

Глава 10

с. 285

Сообщение, поступившее 12 июля от старшего специального агента Дэна Ларкина, сотрудничавшего с отделом по борьбе с мошенничеством, описано в телексе, посланном 15 июля 1994 г. спрингфилдским офисом ФБР в штаб-квартиру.

с. 285

Речь идет о докладной записке Бейкера от 20 июня 1994 г.

с. 287–290

Информация о встрече с Уайтекером 1 августа содержится в «форме 302».

с. 291–293

Информация о состоявшейся 10 августа встрече юристов отдела по борьбе с мошенничеством и антитрестовского отдела содержится в телексе, посланном 12 августа спрингфилдским офисом ФБР в штаб-квартиру.

с. 293

Сведения о казино «Плейерс ривербот» и постановление властей штата, касающееся подобных казино, содержатся в публикациях: *Snyder, David.* Lake Charles Bets on Its Boat // New Orleans Times Picayune. 1993. December 6. P. Al; *Stewart, Richard.* Lake Charles Casino Takes Care and Cash of Senior Gamblers // Houston Chronicle. 1995. January 8. State section. P. 1.

с. 293–294

Разговор с Раунтри, состоявшийся 24 августа, частично описан в «форме 302», запись за это число.

с. 295

Диалог, состоявшийся 12 сентября 1994 г. между Уайтекером и Андреасом, воспроизведен по транскрипту аудиозаписи 1B118 (дело № 60A-SI-46290).

с. 296–297

О покупке билетов на футбольный матч для конгрессмена Дёрбина Говард Баффет рассказал при первом допросе в ФБР, который провел специальный агент Роберт Дейл Шулер 27 июня 1995 г. (см. запись в «форме 302»), Имя Дёрбина в записи не упомянуто, но проведенная мною проверка подтвердила, что имеется в виду именно он. Женщина, выступавшая от его имени, сказала, что Дёрбин помнит, как присутствовал на матче «Медведей» вместе с Баффетом, но отрицает, что просил его достать билеты: он никогда не стал бы этого делать. Свидетельств этой просьбы не существует.

с. 296

Скандал с Эспи описан в статье: *Johnston, David.* Agriculture Chief Quits as Scrutiny of Conduct Grows // New York Times. 1994. October 4. P. Al.

с. 297–299

Сведения о встрече Уайтекера с агентами ФБР содержатся в «форме 302», запись за это число.

с. 299–305

Информация о поездке Уайтекера, Уилсона и Андреаса в Чикаго, переговорах в отеле «Четыре времени года» и возвращении в Декейтер содержится в транскриптах аудиозаписей 1B121 и 1B124 (дело № 60A-SI-46290).

с. 300

Сведения о такси, нанятом сотрудниками АДМ, содержатся в квитанции, сохранившейся от этой поездки.

с. 301

Результаты наблюдения за сотрудниками АДМ внесены агентами Шепардом и Херндоном в «форму 302» 13 октября 1994 г.

с. 305–306

Телефонный разговор, состоявшийся 14 октября между Шепардом и Херндоном, воспроизведен по записи в «форме 302» за это число. Место, откуда Уайтекер звонил по телефону, установлено автором по штампам на квитанциях, полученных Уайтекером в тот день.

с. 306–307

Информация о торговом совещании в Скотсдейле, сообщенная Марти Оллисоном, содержится в «форме 302», запись от 13 февраля 1996 г.

с. 306

Рассказ Уайтекера о своей жизни передан Рихтером в письменных показаниях под присягой, данных 18 мая 1998 г. по делу «АДМ против Марка Э. Уайтекера и др.», документ № 96-2237. Это был первый из трех дней, когда Рихтер давал показания.

с. 308–309

Информация о времени и некоторых других обстоятельствах визита Уайтекера к Даниэлю Брилю содержится в записке, посланной Уайтекером Брилю по факсу 25 октября 1994 г. и хранящейся в архиве Объединенного швейцарского банка в Цюрихе. Название отеля, в котором останавливался Уайтекер, указано в счете за номер вместе со временем его прибытия и убытия.

с. 309

Новость, которую Уайтекер сообщил по возвращении из Атланты, занесена Шепардом и Херндоном в «форму 302» 2 ноября 1994 г.

с. 309

Информация об обсуждении плана ареста иностранных предпринимателей во время встречи в Атланте содержится в телексе, отправленном 8 декабря 1994 г. спрингфилдским офисом ФБР в штаб-квартиру.

с. 313–314

О деле корпорации «Дженерал электрик» и последовавшей реакции на него см.: *Home, William W.* GE Crushes the Trustbusters // American Lawyer. 1995. January-February. P. 57.

с. 315–316

Подробности из записи Куно Зоммера от 12 декабря 1994 г. взяты из сопроводительной записки к аудиозаписи 1B127 (дело № 60A-SI-46290).

с. 316

Сведения об отношениях между кланом Баффетов и компанией «Кока-кола» содержатся в заявлении «Беркшир хэтэвей», основной инвестиционной компании Уоррена Баффета. Заявление зарегистрировано Комиссией по ценным бумагам и биржам 23 февраля 1995 г.

с. 316–317

Информация о том, что Говард Баффет намеревался уволиться в декабре 1995 г. из АДМ, содержится в телексе от 10 июля 1995 г., обобщающем показания Баффета агентам ФБР 29 июня 1995 г.

Глава 11

с. 320–321

О проблемах использования диктофона в кейсе Шепард рассказал в показаниях на процессе «США против Майкла Д. Андреаса и др.».

с. 321–324

Переговоры в Атланте воспроизведены по транскрипту записей 1B30 и 1B31 от 18 января 1995 г. (дело № 60A-SI-46290).

с. 324

В транскрипте аудиозаписи реакция Шодре на возвращение кейса Уайтекеру служащим отеля выражена словами: «Как забавно!.. В Париже его уже продали бы». Но это не вполне соответствует тому, что произносит Шодре на самом деле, что подтвердил и человек, знающий французский язык в совершенстве, которого я пригласил прослушать аудиозапись. Поэтому я предпочел воспроизвести высказывание Шодре непосредственно по аудиозаписи, где оно звучит более логично.

с. 327

Телефонный разговор Уайтекера с Крисом Джонсом воспроизведен по записи в «форме 302», сделанной Шепардом 31 января 1995 г., а также по содержащемуся в «форме 302» протоколу допроса Уайтекера, проведенного Крэгом Далем 1 февраля 1995 г.

с. 328–329

Телефонный разговор Уайтекера с Шепардом воспроизведен по записи в «форме 302» от 31 января 1995 г.

с. 329–330

Беседа Уайтекера с Далем воспроизведена по записи в «форме 302» от 1 февраля 1995 г.

с. 331–332

Выступление Херндона в штаб-квартире ФБР воспроизведено по письменному тексту его речи.

с. 336–337

Анна Бингеман частично описала свою встречу с Хьюлин в сообщении, отправленном ею в чикагский антитрестовский отдел по электронной почте без указания даты.

с. 337–339

Попытка Хьюлин взять руководство расследованием в свои руки описана в докладной записке, составленной 28 февраля 1995 г. для руководителей спрингфилдского офиса ФБР.

с. 339

Электронное письмо Бингеман воспроизведено по оригинальному тексту.

с. 340

Электронное письмо сотрудников чикагского антитрестовского отдела воспроизведено по оригинальному тексту.

с. 345–346

Разговор Мимото с Уайтекером, состоявшийся 8 апреля, воспроизведен по протоколу допроса Мимото, внесенному в «форму 302» 2 июля 1996 г.

с. 346

Взрыв бомбы в Оклахома-Сити описан в статье: Terror in the Heartland // U. S. News & World Report. 1995. May 1. P. 28.

с. 347

В сопроводительном письме, составленном 9–10 августа 1995 г., доктор Дерек Миллер пишет, что Уайтекер рассказал ему о своей привычке носить в кейсе крупные денежные суммы. Об этом же рассказал агентам ФБР Марти Оллисон на допросе 20 сентября 1996 г.

с. 348

Брак рассказал о телефонных звонках, поступивших в отделение ФБР 27 апреля, в докладной записке, с которой ознакомился автор книги.

Глава 12

с. 351

Информация о мероприятии в Национальной академии ФБР содержится в памятной записке Шевирона, отправленной Клаудии Мэннинг, текст которой воспроизведен по оригиналу.

с. 355

Сведения о планах ФБР по проведению операции взяты из внутреннего телекса ФБР от 22 июня 1995 г.

с. 356–359

Сведения о встрече Уайтекера с агентами ФБР 26 июня 1995 г. содержатся в «форме 302».

с. 360–361

Сведения о поездке Хойта и Киллэм в Вашингтон взяты из их отчета о расходах и приложенных к нему авиабилетов.

с. 364–368

Информация о беседе с Миком Андреасом 27 июня 1995 г. содержится в записи, сделанной Шепардом и Херндоном в «форме 302», а также в телексе от 28 июня 1995 г. с кратким ее изложением.

с. 371–372

Сведения о беседе с Дуэйном Андреасом 27 июня 1995 г. взяты из записи, сделанной в «форме 302» специальными агентами Алеком Уэйдом и Стивеном Нэшем.

с. 372

Сведения о беседе агентов с Барри Коксом 27 июня 1995 г. взяты из «формы 302» и телекса, посланного на следующий день после беседы.

с. 372

Информация о беседе агента с Говардом Баффетом 27 июня 1995 г. содержится в «форме 302».

с. 372–373

Информация о беседе агента с Кирком Шмидтом 27 июня 1995 г. содержится в «форме 302».

с. 374

Имена свидетелей, которым Уайтекер сообщил о своем сотрудничестве с ФБР, указаны в телексе ФБР от 28 июня 1995 г.

с. 376–379

Информация о беседе агентов с Уайтекером на автостоянке гостиницы «Холидей-Инн» содержится в «форме 302».

с. 379–380

Информацию о служебной карьере Обри Дэниела Третьего см. в статье: *Warren, James.* Back in the Limelight: My Lai Prosecutor Pops Up In Archer Daniels Midland Case // Chicago Tribune. 1995. July 16. Tempo section. P. 92. Информацию о фирме «Уильямс и Конноли» см. также в статье: *Lawrence S. H.* The Passing of Power at Williams & Connolly // Washington Post. 1988. September 19. P. Fl.

с. 380

Описание рабочего дня Баффета 28 июня 1995 г. содержится в «форме 302», запись от 29 июня 1995 г.

с. 382

Содержание телефонного разговора Уайтекера с агентами ФБР, во время которого он сообщил о том, что нанял адвоката, изложено в «форме 302», запись от 28 июня 1995 г.

с. 382–384

Херндон и Шепард 30 июня 1995 г. внесли в «форму 302» полученную от Уайтекера информацию о событиях в офисе Шафтера. Дополнительная информация содержится в письме Шафтера от 10 ноября 1995 г., посланном Томасу Грину, адвокату Джона Дауда.

Глава 13

с. 387

Информация о телефонном разговоре Уайтекера с Шепардом на следующий вечер после обыска в АДМ содержится в «форме 302», запись от 28 июня 1995 г.

с. 388

Информация о ночном телефонном звонке Обри Дэниела Уайтекеру и последующем разговоре Уайтекера с Шепардом содержится в записи, сделанной Шепардом в «форме 302» 29 июня 1995 г.

с. 388–390

Сведения о том, как прошло утро Уайтекера в АДМ, и о его визите в декейтерскую резидентуру ФБР взяты из записи, сделанной Шепардом и Херндоном в «форме 302» 29 июня 1995 г.

с. 395

Разговор Уайтекера с Шепардом, включая рассказ Уайтекера о странном номере на пейджере, изложен Шепардом в «форме 302» 1 июля 1995 г.

с. 395–396

Скотт Робертс рассказал агентам ФБР об обнаруженном им поддельном договоре с компанией «Эй-би-пи интернэшнл» 24 января 1996 г. Его рассказ частично воспроизведен Д'Анжело и Бассетом в «форме 302». Прочая информация содержится в копиях обоих договоров, а также в письменных показаниях Джеймса Рэнделла и Леннарта Торстенссона, соответственно, от 29 июля 1995 г. и 17 июля 1995 г.

с. 396

Рочелли описал свой разговор с Марком Уайтекером, состоявшийся через несколько дней после обыска в АДМ, в показаниях перед федеральным большим жюри 20 июня 1996 г. Дополнительная информация о допросе Рочелли ФБР содержится в «форме 302», запись от 24 января того же года.

с. 397

Описание разговора Уайтекера с Шепардом 2 июля содержится в «форме 302», запись за то же число.

с. 397–398

Информация о беседе Эпстайна, Дэниела и Саймона содержится в заметках одного из ее участников.

с. 398–399

Сведения о встрече Уайтекера с корреспондентами «Уолл-стрит джорнал» и о том, что он обманул Шепарда, содержатся в документе, озаглавленном «Архив ФБР».

с. 400

Первая публикация газеты «Уолл-стрит джорнал» о деле АДМ: *Burton Thomas M. and Kilman, Scott.* Seeds of Doubt: An Executive Becomes Informant for the FBI, Stunning Giant ADM // Wall Street Journal. 1995. July 10. P. 1.

с. 400

Сведения о сообщении декейтерского агентства новостей «Вэнд» утром 11 июля взяты из сокращенного транскрипта передачи.

с. 401

О футбольной карьере Рона Феррари см.: *Rosaforte, Tim.* Ferrari Prepared for the Long Haul // Orlando News Sentinel. 1985. January 19, а также публикацию Национальной футбольной лиги: 1986 Media Guide. P. 39.

с. 401–402

О своем разговоре с Уайтекером Феррари рассказал под присягой 27 января 1998 г. в показаниях на процессе «АДМ против Марка Э. Уайтекера и др.».

с. 402

Агентам ФБР Марк Уайтекер тоже несколько раз сообщал о телефонных звонках с угрозами.

с. 402

Заголовок статьи в газете «Уолл-стрит джорнал» от 13 июля воспроизведен без изменений.

с. 402–403

Сведения о разговоре Уайтекера с Херндоном содержатся в «форме 302», запись за это число.

с. 403

Информация об анонимных письмах, полученных АДМ 18 июля 1995 г., приведена по копиям этих писем и конвертов.

с. 404

Описание г. Франклина в Теннесси содержится в публикациях: *O'Briant, Don.* Walking in a Victorian Wonderland // Atlanta Journal and Constitution. 1999. November 17. P. 6G; *Dorian, Donna.* Franklin: The Best Small Town in Tennessee // Colonial Homes. 1995. February. P. 62.

с. 404

Разговор Герт Бораски с Джинджер Уайтекер воспроизведен по тексту ее беседы с Д'Анжело в 1995 г. в «форме 302».

с. 404–405

Текст первого письма «Лэмет Вов» воспроизведен по оригиналу. Время и пункт отправления письма установлены по справке, выданной компании «Эй-ти-энд-ти» Дэвиду Хёху.

с. 405–406

Состав чрезвычайного комитета совета директоров АДМ указан в публикации: *Burton and Kilman.* Archer-Daniels Names 9-Member Panel on U. S. Criminal Probe and Civil Suits // Wall Street Journal. 1995. July 20. P. 4.

с. 407

Содержание статьи в газете «Чикаго трибюн» воспроизведено по тексту: *Arndt, Michael and Gurnet, George.* Mulroney Heads ADM Probe 'Response': Discrepancies Emerge in Reported Mole Whitacre's Academic Record // Chicago tribune. 1995. July 20. Business Section. P. 1.

с. 407–408

Информация о переговорах между Уайтекером и Майером о продаже дома содержится в копии их договора купли-продажи, составленного 20 июля 1995 г. и подписанного 21 июля.

с. 408

Содержание разговора Майера с Уайтекером 21 июля зарегистрировано в нескольких документах. Наиболее подробная информация содержится в показаниях Майера на процессе «Пол Дж. Майер и Кэрол А. Майер против Марка Уайтекера и др.», дело № 23547 суда «права справедливости», судебный архив округа Уильямсон, г. Франклин. Дополнительные сведения Майер сообщил у себя дома в Рестоне, штат Виргиния, агенту Энтони Д'Анжело в 1995 г., а последний занес их в «форму 302».

с. 409

Содержание анонимного письма Обри Дэниелу из Сан-Франциско приводится по копии письма.

с. 409

Содержание письма Обри Дэниела генеральному прокурору Дженет Рено приводится по оригиналу письма.

с. 411–412

Об интервью, данном Уайтекером Хенкоффу, и перечень обсуждавшихся тем см.: *Whitacre, Mark and Henkoff, Ronald.* My Life as a Corporate Mole for the FBI // Fortune magazine. 1995. September 4. Pp. 52–63.

с. 412–413

Разговор Бораски с Уайтекером и Каяццо изложен в «форме 302» летом 1995 г. Письмо Каяццо к Бораски от 26 июля 1995 г. приводится по его копии.

с. 413

Рочелли изложил содержание своего разговора с Марком Уайтекером 20 июня 1996 г. в показаниях федеральному большому жюри, а также при допросе агентами ФБР 24 января 1996 г., протокол которого внесен в «форму 302».

с. 413

Разговор Уайтекера с Шепардом 27 июля 1995 г. и его жалобы воспроизведены по записи в «форме 302».

с. 413–414

Содержание писем «Лэмет Вов», посланных летом 1995 г., в том числе 30 июля, воспроизведено по копиям с оригиналов.

с. 414

Информация об обсуждении договоренности между АДМ и Уайтекером о выходном пособии, состоявшемся 2 августа 1995 г., содержится в памятной записке о встрече, произошедшей на следующий день в офисе окружного прокурора, где фирма «Уильямс и Конноли» представила проект договора. Памятная записка составлена 16 августа 1995 г. прокурором антитрестовского отдела Скоттом Хаммондом.

с. 415–426

Информация о разговоре с Уайтекером и его первом признании содержится в протоколе, внесенном Шепардом и Херндоном в «форму 302» 2 августа 1995 г.

с. 424

Не существует убедительных свидетельств того, что Франкл получал незаконное вознаграждение от АДМ. Он, кроме того, отрицал, что нарушал финансовую дисциплину. Обвинений против Франкла не выдвигалось.

Глава 14

с. 427–430

Информация о встрече адвокатов фирмы «Уильямс и Конноли» с юристами антитрестовского отдела содержится в докладной записке, составленной Хаммондом 16 августа 1995 г.

с. 428

Подробности заключения графолога Линдела Л. Шейнфелта содержатся в оригинале документа от 24 июля 1995 г.

с. 428

Представляя анонимные письма сотрудникам Министерства юстиции, адвокаты фирмы «Уильямс и Конноли» допустили неточность (которая, видимо, объясняется округлением), заявив, что Уайтекер присвоил 2,5 миллиона долларов. На самом деле в копии письма указывается настоящая сумма в 2,35 миллиона долларов.

с. 430

Информация о телефонном звонке Уайтекера Шепарду 3 августа 1995 г. содержится в одной из двух записей в «форме 302».

с. 435

Расследование коррупции в чикагском муниципалитете, во время которого осведомитель ФБР совершал преступления, называлось «Серебряная лопата». См.: *O'Connor, Matt.* Silver Shovel Dirt Piles Up // Chicago Tribune. 1996. January 11. News Section. P. 1.

с. 437–439

Сведения о встрече адвокатов фирмы «Уильямс и Конноли» с Сетом Ваксманом 4 августа 1995 г. содержатся в докладной записке, составленной Ваксманом сразу после ухода адвокатов.

с. 441–444

Информация о встрече Шепарда и Кейт Киллэм с Уайтекером 4 августа содержится в «форме 302».

с. 445

Информация о встрече Пейджа с Уайтекером содержится в «форме 302», запись от 25 ноября 1996 г.

с. 445–446

Информация о счете, открытом Каяццо во Флит-банке, содержится в двух документах: выписке со счета клиента № P0-50,993.0, хранящейся в корпорации «Швейцарский банк» в Цюрихе, и в копии с оригинального платежного поручения от 4 августа 1995 г.

с. 446

Марк и Джинджер Уайтекер описали доктору Дереку Миллеру свою ссору в беседах, проведенных 11 августа 1995 г. с каждым супругом; эти беседы доктор Миллер изложил в своих заметках.

с. 446

Новостное сообщение о мошенничестве Уайтекера приводится по публикации в «Ассошиэйтед пресс»: ADM Fires Mole, Says He Stole at Least 2.5 Million. 1995. August 7.

с. 447–448

Эпстайн рассказал психиатру Уайтекера Дереку Миллеру о том, что его клиент внезапно изменил показания. Эта сцена описана по заметкам Миллера о его беседе с Эпстайном от 9 августа 1995 г.

с. 449–454

Информация о встрече Уайтекера с агентом ФБР и юристами отдела по борьбе с мошенничеством, состоявшейся 7 августа, содержится в протоколе, внесенном в «форму 302» старшим специальным агентом Эдвардом Хербстом.

с. 456–457

Информацию об участии Бассета в расследовании под именем Майкла Маклафлина см.: *Drew, Christopher and Crawford, William B., Jr.* Indictments Name 46 Traders // Chicago Tribune. 1989. August 3. P. 1.

с. 457–461

Расти Уильямс описал события утра 9 августа 1995 г. специальному агенту Шепарду 24 июня 1996 г. Информация содержится в «форме 302».

Глава 15

с. 462–463

Сведения о беседах доктора Дерека Миллера с Эпстайном и Уайтекерами содержатся в записи от 9–10 августа 1995 г. в истории болезни Уайтекера, зарегистрированного им под вымышленным именем Патрик О'Брайен.

с. 463

Свидетели расходились в показаниях представителям власти относительно точной даты телефонного разговора Герт Бораски с Джинджер Уайтекер. Некоторые утверждали, что это произошло 10-го, а не 9 августа. Все, однако, сходились на том, что после этого разговора Бораски получила по факсу сообщение Джозефа Каяццо. Тем не менее в шапке этого сообщения автоматически проставлено точное время отправления: 9 августа 1995 г., 11.28. Информация о разговоре содержится в этом сообщении, а также в записи беседы с Бораски, сделанной Д'Анжело в «форме 302», в докладной записке Министерства юстиции, излагающей содержание беседы Бренды Карлтон с Полом Майером, и в записи беседы с Майером, сделанной Д'Анжело в «форме 302» 25 августа 1995 г.

с. 464–466

Информация о первой встрече доктора Дерека Миллера с Уайтекером содержится в записи в истории болезни, сделанной Миллером 9–10 августа 1995 г.

с. 467–468

О том, как Шарон Уолш пыталась выяснить правду об усыновлении Уайтекера, см.: Whistle-blower Leaves Trail of Contradictions: Former ADM Executive Mark Whitacre's Life Includes Puzzles, Inconsistencies // Washington Post. 1995. August 11. P. Dl.

с. 468–470

Запись о беседе Д'Анжело и Бассета с Дэниелом в докладной записке, составленной Д'Анжело 11 августа 1995 г.

с. 470

Информация о расследовании, предпринятом в Швейцарии в августе 1995 г., в том числе о беседах с Рольфом Брюггерманом, содержится в серии факсов, которые Фридолен Трие разослал в августе цюрихским банкирам, включая письмо Брюггерману от 10 августа 1995 г.

с. 472–473

Информация о беседах, в которых Миллер участвовал 10 августа, содержится в записи, сделанной им в истории болезни Уайтекера 9–10 августа 1995 г.

с. 473–474

Информация о беседе Миллера с Уайтекером 11 августа содержится в записи, сделанной доктором в этот день, в которой Уайтекер фигурирует под именем Патрика О'Брайена, а также в записи, описывающей беседу доктора с Джинджер Уайтекер в тот же день.

с. 477–478

Информация о расследовании, которое проводилось частными детективами в Таиланде, содержится в отчете, составленном 14 августа 1995 г. Стивом Викерсом, Дипаком Бхавнани и Эриком Уи и представленном фирме «Уильямс и Конноли».

с. 479

Информацию о письме, присланном в «Уоллстрит джорнал», см.: *Kilman and Burton.* Ever More Serious: ADM Informant Faces Widening Allegations; He Attempts Suiside // Wall Street Journal. 1995. August 14. P. Al.

с. 480

Пресс-релиз журнала «Форчун» воспроизведен по оригинальному документу, разосланному агентством новостей PR Newswire.

с. 480–481

Приведенные в «Форчун» высказывания Уайтекера см.: My Life as a Corporate Mole for the FBI // Fortune. 1995. September 4. P. 52.

с. 481

Текст факса, посланного Брилю, воспроизводится по оригинальному документу. Сообщение датировано 8 августа, но нет сомнений, что оно было отправлено на следующей неделе. Это подтверждается не только датой, проставленной на факсе электронным устройством, но и датой выписки трех чеков на счет Уайтекера в швейцарском банке.

с. 481–482

Херндона уведомили о предстоящем предъявлении обвинения Марку Уайтекеру телексом от 15 августа 1995 г.

с. 483–484

Текст письма Уайтекера Биту Швейцеру воспроизводится по копии оригинала.

с. 484

Гилберт рассказал о получении пакета из Швейцарии в показаниях на процессе «АДМ против Марка Э. Уайтекера» 20 декабря 1997 г.

с. 484–485

Сообщение о решении не выдвигать обвинение против Марка Уайтекера содержится в докладной записке, отправленной Питером Кларком 22 августа 1995 г. помощнику окружного прокурора Мобила Джорджу Мартину и специальному агенту Крэгу Далю.

с. 485–486

Сообщение о вручении агентами ФБР повесток фирме «Уильямс и Конноли» содержится в записи, сделанной Хербстом и Стьюбером в «форме 302» 16 августа 1995 г.

с. 486–487

Ответы Боба Доула на вопросы корреспондентов на Иллинойсской ярмарке см.: *Man, Anthony*. Senator Predicts Probe Won't Hurt Company's Clout in Washington // Decatur Herald & Review. 1995. Fugust 17. P. 1A.

с. 487

Сообщение о разговоре Бренды Карлтон с Майером содержится в докладной записке, отправленной ею Гэри Спратлингу 16 августа 1995 г.

с. 487–488

Сведения о разговоре Бассета и Д'Анжело с Зейдеманом содержатся в докладной записке от 21 августа 1995 г., а также в записке Джиму Эпстайну, отправленной Зейдеманом 17 августа. Информация о разговоре Бассета с Миллером 18 августа содержится в «форме 302», запись от 8 сентября 1995 г.

с. 489

Цитата из телекса, посланного Херндоном 21 августа 1995 г., приводится по копии оригинального документа.

с. 490

См. статью в «Уолл-стрит джорнал»: *Kilman and Buiton.* ADM Asserts Ex-official Diverted Over 9 Million // Wall Street Journal. 1995. August 21. P. A2.

с. 491

Документы, полученные от фирмы «Уильямс и Конноли» 21 августа 1995 г., описаны Хербстом в «форме 302» в тот же день.

с. 491–492

Беседа Д'Анжело с Майером запротоколирована в «форме 302», запись от 25 августа 1995 г. (дело 196D-CG-99593).

с. 493–494

Разговор Лиз Тейлор с юристами компании и сообщение о принятом ею решении содержатся в протоколе ее беседы с Бассетом и Д'Анжело, запись в «форме 302» от 18 января 1996 г.

с. 496–502

Информация о допросе Уайтекера 7 сентября 1995 г. содержится в записи, сделанной Д'Анжело и Бассетом в «форме 302» (дело 196D-CG-99593).

с. 502

При расследовании финансовых нарушений, допущенных Франклом, предположение об уплате ему незаконного вознаграждения не подтвердилось. Никаких обвинений против него выдвинуто не было.

с. 503

Согласно Джозефу Каяццо, он не знал о том, что Уайтекер собирался расплатиться за дом собственными деньгами, – см. его заявление в статье: Records Show Flaws from Archer's Executive Account // New York Times. 1995. October 24. Насколько мне известно, тем самым было впервые оглашено публично то, что ссуду на покупку дома Уайтекер пытался использовать для отмывания денег со счета в иностранном банке и для уклонения от налогов. Каяццо заявил, что не знал об этом. Статья приводит его слова: «Я потрясен не меньше, чем все остальные. Я имел все основания полагать, что это не его деньги». Обвинений против Каяццо не выдвигалось.

Глава 16

с. 508–509

Время отправления Рихтером сообщения Халсу и Оллисону и текст самого сообщения воспроизводятся по тексту записи на голосовой почте.

с. 509–510

Информация о решении Халса сохранить запись сообщения Рихтера содержится в протоколе его допроса в «форме 302», а также в докладной записке от 15 сентября, описывающей последующий разговор между Шоном Берковицем и Д'Анжело.

с. 510–518

Информация о допросе Халса агентами ФБР 12 сентября содержится в протоколе допроса, внесенного Грантом и Д'Анжело в «форму 302» (дело 196D-CG-99593).

с. 513–514

Сведения о «нигерийском мошенничестве» почерпнуты из копий писем, рассылавшихся мошенниками, из опубликованного в 1998 г. сообщения Международной организации сотрудников органов безопасности, принадлежащих к негроидной расе, а также информации на вебсайте, предназначенной для Комиссии по ценным бумагам и биржам. Дополнительная информация содержится в текстах передач Национального общественного радио: «60 минут» от 11 декабря 1994 г. и «Утренние новости» от 17 августа 1994 г.

с. 516

О Джероме Шнайдере см.: *Berry, Kate.* Is It Still Smart to Keep Your Money Offshore? // Investor's Business Daily. 1996. July 9. P. Al, а также в тексте телепередачи «20/20» от 11 апреля 1997 г.

с. 518

Информация о предложении, сделанном АДМ Рихтеру 13 сентября, содержится в письме, написанном два дня спустя адвокатом фирмы «Уильямс и Конноли» Стивом Урбанчиком юрисконсульту АДМ Скотту Робертсу.

с. 518

Об увольнении Сида Халса рассказал Шон Берковиц в разговоре с Д'Анжело, состоявшемся в тот же вечер и изложенном в докладной записке от 15 сентября.

с. 518–519

Речь Джонсона в Университете Эмори была частично опубликована в статье: ADM and the FBI 'Scumbags' // Fortnue. 1995. October 30. P. 116.

с. 521

Информацию об участии Уайтекера в работе компании «Охрана здоровья – технологии будущего» см. в публикации «Информационного агентства Блумберга»: ADM Whistleblower Whitacre Has New Job // Springfield State Journal-Register. 1995. October 10. P. 23.

с. 521

Рихтер рассказал о своих разговорах с Уайтекером в показаниях под присягой на процессе «АДМ против Марка Уайтекера и др.» 18 мая 1998 г.

с. 522

Информация о телефонном звонке Эпстайна Бассету 21 сентября содержится в докладной записке, составленной Бассетом 26 сентября 1995 г.

с. 523

Беседа юристов фирмы «Уильямс и Конноли» с Пейджем воспроизведена по протоколу допроса Пейджа Грантом и Д'Анжело 25 ноября 1996 г. в «форме 302» (дело 196D-CG-99593).

с. 523–530

Первый допрос Рона Феррари агентами ФБР воспроизведен по протоколу, внесенному Бассетом и Д'Анжело в «форму 302» (дело 196D-CG-99593).

с. 531

Заявления, сделанные Рихтером в прессе, см. в статье: *Henkoff*. Checks, Lies and Videotapes // Fortune. 1995. October 30. P. 109 и в публикации «Информационного агентства Блумберга»: Fired ADM Exec.: Firm OK'd Secret Payments // Decatur Herald & Review. 1995. October 12. P. 1A.

с. 532–533

Грант описал свой телефонный разговор с Маккеем и Никсоном 13 октября в сообщении по электронной почте, отправленном в штаб-квартиру ФБР 21 октября 1995 г.

с. 533

Статья в «Чикаго трибюн»: *Millman, Nancy*. ADM Mole Discloses a Cache of 6 Million: Off-the Books Scheme Endorsed by Bosses, Former Executive Says // Chicago Tribune. 1995. October 17. P. 1.

с. 533–534

Беседа Уайтекера с Миллером 17 октября воспроизведена по записям врача об этой встрече.

с. 534–536

Имеется несколько документальных источников, содержащих информацию о встрече Феррари с Уайтекером, два из которых относятся ко времени событий. В докладной записке Бассета, составленной 20 октября 1995 г., изложен его телефонный разговор накануне вечером с адвокатом Феррари Джеффом Стейнбеком, во время которого Стейнбек рассказывает об этой встрече. Феррари описывает это событие в записях, подготовленных для Стейнбека. Кроме того, Феррари рассказал о нем 27 января 1998 г. во время дачи показаний под присягой на процессе «АДМ против Марка Уайтекера и др.».

с. 536–537

Заявление Министерства юстиции было опубликовано в нескольких изданиях. Наиболее существенные публикации: *Millman, Nancy*. ADM 'Not Target' of Criminal Probe // Chicago Tribune. 1995. October 18. Business Section. P. 1; Archer-Daniels Is Not Subject of One Investigation by U. S. // New York Times. 1995. October 18. P. D10.

с. 537–538

Заявление Ричарда Рейзинга на собрании акционеров АДМ содержится в публикации: *Henkoff*. ADM Takes the Justice Department for a Spin // Fortune magazine. 1995. November 27. P. 35. Ход собрания описан также по моим личным наблюдениям и записям.

с. 539–545

Информация о допросе Рихтера Бассетом и Д'Анжело 8 ноября содержится в протоколе допроса, внесенном агентами в «форму 302» (дело 196D-CG-99593). Дополнительная информация содержится в показаниях Рихтера под присягой на процессе «АДМ против Марка Уайтекера», а также в материалах допроса Уайтекера 3 декабря 1997 г. по делу о банкротстве «In re: Mark Edward Whitacre and Ginger Lynn Whitacre» (дело 97-14541) (Глава 7), хранящихся в архиве даремского суда по делам о несостоятельности Центрального округа Северной Каролины.

Адольфо Асебрасу не предъявлялось обвинений по этому делу. Рихтер подробно рассказал о роли, которую сыграл Асебрас, в своих показаниях на процессе «АДМ против Марка Уайтекера и др.». Свидетельства, подтверждающие его показания, содержатся в документации, составленной при заключении сделки: письме, посланном без указания даты компанией «Комвен» Рихтеру за подписью Асебраса; внутреннем документе АДМ, представляющем собой «запрос о распределении/чеках по счетам к оплате» и свидетельствующем о том, что чек был выписан на тот же адрес и на то же имя, которые указаны в письме; копии чека на сумму 87 466 долларов, выписанного АДМ на имя Асебраса 1 декабря 1991 г.

с. 545–546

Информация о телефонном разговоре Херндона с Рихтером содержится в электронном сообщении, посланном Д'Анжело после его беседы с Херндоном, в которой тот рассказал о звонке Рихтера.

Глава 17

с. 547–550

Время и некоторые другие сведения о телефонных переговорах утром 10 ноября 1995 г. указаны в выписке счета фирмы «Эпстайн, Зейдеман и Эсриг».

с. 547–549

Содержание разговоров, состоявшихся 10 ноября 1995 г. между Херндоном и Д'Анжело, Д'Анжело и Бассетом, Д'Анжело, Бассетом и Эпстайном, а также Д'Анжело, Бассетом, Эпстайном и Уайтекером, изложено в электронном сообщении, составленном Д'Анжело 14 ноября.

с. 549–550

Информация о повторном телефонном звонке Уайтекера 10 ноября 1995 г. содержится в записи в «форме 302», сделанной Бассетом и Д'Анжело (дело 196D-CG-99593).

с. 550

Информацию об истории здания Монаднок см. в статье: *Davidson, Adam.* Chicago Is a Showcase for Architectural Landmarks // Chicago Tribune. 1999. June 21. Metromix section. P. 1.

с. 550–554

Информация о допросе Феррари 6 декабря 1995 г. содержится в протоколе допроса, внесенном Д'Анжело и Бассетом в тот же день в «форму 302» (дело 196D-CG-99593).

с. 554–556

Выдержки из письма Спиринг, Маккея и Никсона, отправленного 12 декабря 1995 г. Бассету и Д'Анжело, приводятся по тексту оригинала.

с. 558–559

Выдержки из письма Уортингтона, отправленного 12 декабря 1995 г. Спиринг, приводятся по тексту оригинала.

с. 560–562

Конфликт между Пэтти Макларен и Эндрю Ливтауном описан в статьях: *Millman, Nancy*. Private Investigators on Trail of Whistle-blower at ADM // Chicago Tribune. 1996. February 4. Business section. P. 1; *Henkoff*. Of Gumshoes, Gardeners and ADM // Fortune magazine. 1996. March 4. P. 31. В обеих статьях упоминается заявление Макларен о том, что Ливтаун предлагал ей от имени агентства деньги за информацию об Уайтекере. Хотя подобное предложение вполне законно и часто делается частными детективами, агентство «Кролл ассошиэйтс» категорически отрицало этот факт. Поэтому я оборвал изложение событий перед тем моментом, когда подобное предложение могло иметь место. Было сделано это предложение или нет, на мой взгляд, не имеет значения и никак не влияет на ход событий. В дальнейшем «Лэмет Вов» повторяет это обвинение; я привожу его не ради утверждения его истинности, а для того, чтобы показать его влияние на действия Кролла.

с. 562–563

Выдержки из письма Хёха к Ямамото приводятся по тексту оригинала.

с. 563–564

Информация о том, что секретарши не могли вспомнить о распечатке записей разговоров, якобы сделанных в «Декейтер Клаб», содержится в «форме 302», в описании их допросов во время расследования.

с. 564–565

Показания нового свидетеля, выступающего в книге под псевдонимом Джозефа Грэхема, относительно предполагаемых мошеннических операций, совершавшихся в АДМ, приводятся в докладной записке, составленной Херндоном для Фрэнсис Хьюлин 30 января 1996 г.

с. 566

Вопросы, составленные для проституток, приводятся по тексту оригинала.

с. 567–568

Выдержки из писем «Лэмет Вов» приводятся по текстам писем, отправленных 18, 24 и 30 июня и 26 ноября 1995 г., а также 3 января 1996 г.

с. 567

Информацию о происхождении термина «Ламед Вав Цаддиким» см. в публикациях: *Montefiore c. G. and Lowe H.* A Rabbinic Anthology. Meridian Books, 1960; *Rabbi Stephen Pearce.* Kee Tissa: On imagining each person as the Messiah // Torah Thoughts. 1996. March 8.

с. 568

Информация о том, как фирма «Уильямс и Конноли» выслеживала «Лэмет Вов», содержится в письме, отправленном Джимом Никсоном Бассету и Д'Анжело 1 февраля 1996 г.

с. 568

Выдержки из письма Дэниела и Саймона, отправленного Маккею и Никсону 31 января 1996 г., приводятся по тексту оригинала.

с. 568–569

Выдержка из отчета Виттенберг приводится по тексту оригинального документа компании «Дейн Босворт».

с. 569–571

Информация о допросе Марти Оллисона содержится в протоколе допроса, внесенном Херндоном 13 февраля 1996 г. в «форму 302».

с. 571

Содержание беседы Лассара с Д'Анжело, состоявшейся 14 февраля, изложено в докладной записке Д'Анжело.

с. 571–573

Проведенное Кроллом сопоставление дела АДМ с книгой Гришэма проверено по изданию: *Grisham,John.* The Firm. 1991.

с. 574–578

Содержание разговора Голдберга с Хёхом воспроизведено по нескольким источникам. Первый и наиболее информативный – магнитофонная запись, сделанная Хёхом. Второй – запись в «форме 302», сделанная Бассетом после беседы с Голдбергом 19 марта 1996 г. Третий – записи, сделанные Голдбергом во время разговора.

с. 580

Источником, из которого взяты выдержки о Дике Битти, которые рассылал Дуэйн Андреас, является книга: *Bartlett, Sarah.* The Money Machine. Warner Books, 1991. Pp. 287–300.

с. 580

Выдержки из анонимного письма, присланного в АДМ, приводятся по тексту оригинала. Информация об этом содержится также в письме адвоката фирмы «Уильямс и Конноли» Барри Саймона, отправленного 21 марта 1996 г. Джиму Никсону в Министерство юстиции, и в показаниях автоматического определителя номера, зафиксированных на фотопленке «Поляроидом».

с. 580–582

Информация о попытках подтвердить историю о похищении Уайтекера содержится в докладной записке, составленной Майком Бассетом 27 марта 1996 г.

с. 582–584

Информация о беседе с Хёхом содержится в записи, сделанной Бассетом и Д'Анжело в «форме 302».

с. 584–585

Отзыв о Шепарде, составленный Киллэм в качестве рекомендации для его перехода на работу в Сент-Томас, воспроизводится по тексту оригинала.

с. 585–587

Интервью, данное Уайтекером Стиву Делани, воспроизводится по видеозаписи.

Глава 18

с. 588

Информация о звонке Бита Швейцера в Министерство юстиции США и о договоренности о встрече содержится в электронном письме, посланном Бассетом в штаб-квартиру ФБР 18 аперля 1996 г., а также в электронном письме от того же числа, в котором описан разговор Бассета с Куртом Зигером.

с. 588–589

Содержание беседы со Швейцером изложено в протоколе допроса, внесенном Бассетом и Д'Анжело в «форму 302» 13 мая 1996 г., а также в электронном письме, посланном Д'Анжело в штаб-квартиру ФБР 15 мая.

с. 593

Министерство юстиции подтвердило, что швейцарская прокуратура поделилась информацией с АДМ. Бассет пишет об этом в электронном сообщении от 20 мая 1996 г.

с. 593–594

Реакция агентов ФБР на известие об утечке информации описана в электронных письмах от 15 и 20 мая.

с. 594

Автор ознакомился со списком участников конференции Бильдербергской группы, состоявшейся в 1996 г. Информация о Доме руководства Канадского коммерческого банка содержится в пресс-релизе этой организации, выпущенном 13 января 1994 г.

с. 595

Информация о беседе Шепарда с новым свидетелем содержится в записях, сделанных во время проверки на полиграфе.

с. 596

Информация о проведенной «Биомаром» операции с чеком «Швейцарского банка» на 100 тысяч долларов содержится в нескольких источниках, в том числе письменных показаниях под присягой, данных Эвелин Энн Уайтекер 23 марта 1998 г. и Марионом Э. Уайтекером 24 марта 1998 г. по делу «АДМ против Мариона Э. Уайтекера» (архивное дело № C-1-98-100 окружного суда Южного округа Огайо). Дело было возбуждено после того, как АДМ обнаружила чеки, выписанные со счетов Уайтекера в иностранных банках, на которых значились имена его родителей. Впоследствии иск был отозван. Другими источниками являются оригинальные документы по делу, включая договор о займе и чек «Швейцарского банка», которые соответствуют показаниям Марка Уайтекера, данным 24 октября 1997 г. по делу о несостоятельности «Марк Эдвард Уайтекер и Джинджер Линн Уайтекер» (дело 97-14541).

с. 596–597

Информация о слушании дела в суде Пеории содержится в электронном письме ДАнжело от 14 июня 1996 г.

с. 597–598

Информация о показаниях Рочелли большому жюри содержится в протоколе заседания от 20 июня 1996 г., а также в протоколе допроса Рочелли, внесенном Бассетом и Д'Анжело в «форму 302» 24 января 1996 г.

с. 599

Содержание дневников и записей Ямамото воспроизведено по копиям оригиналов. Информация о допросе Ямамото содержится в протоколе допроса, внесенном Херндоном в «форму 302» 30 июня 1996 г.

с. 600–601

Информация о допросе Чхом Су Кима, проведенном 12 августа 1996 г., содержится в протоколе допроса, внесенном в «форму 302» Херндоном.

с. 601–602

Информация о беседе с Джимом Эпстайном о потенциальных обвинениях в адрес Уайтекера содержится в электронном сообщении, отправленном Д'Анжело в управление ФБР 16 августа 1996 г.

с. 608–609

Информация о допросе Марти Оллисона содержится в протоколе, внесенном Бассетом и Д'Анжело в «форму 302» 20 сентября 1996 г.

с. 610–611

Общая сумма украденных в 1991 г. и отправленных в Нигерию денег указана в документах чикагского отделения ФБР, подготовленных в ходе расследования о мошенничестве.

с. 617

Содержание искового заявления воспроизведено по оригиналу, хранящемуся вместе с другими документами по делу «АДМ против Марка Э. Уайтекера и др.».

с. 617–619

Информация о розыске Дэвида Пейджа и его допросе содержится в нескольких источниках, в том числе в протоколе первого допроса, проведенного спецагентом Джеймсом Холтерманом, внесенном в «форму 302», в записи о поисках Пейджа, сделанной в «форме 302» Бассетом 23 сентября 1996 г. и в протоколе допроса Пейджа 25 ноября 1996 г., внесенного Д'Анжело и Грантом в «форму 302» 25 ноября 1996 г.

Глава 19

с. 620–622

Информация о заключительном заседании чрезвычайного комитета совета директоров содержится в официальном протоколе.

с. 622–623

Собрание акционеров АДМ в 1996 г. описано по собственным наблюдениям автора.

с. 623

Запись в истории болезни Уайтекера о трудностях лечения пациента доктор Миллер сделал 11–16 октября 1996 г.

с. 625–626

Содержание письма от 3 ноября 1996 г., в котором Уайтекер отказывается от услуг Эпстайна, и выдержки из него приводятся по тексту оригинала.

с. 626

Биографические сведения о Курте и информация о его специализации в его собственном изложении содержатся в документах компании «Мартиндейл-Хаббел».

с. 626–627

Выдержки из письма Объединенного профсоюза плотников приводятся по тексту оригинала. Прочая информация содержится в письме Обри Дэниела, отправленном 8 ноября 1996 г. Джону Кини, помощнику генерального прокурора, исполняющему обязанности начальника криминального отдела.

с. 628

Информация о беседе Уайтекера и его адвокатов с доктором Миллером содержится в записях Миллера от 19 декабря 1996 г.

с. 628–630

Информация о телефонном звонке Хенкоффа и его обсуждении содержится в электронном сообщении, отправленном Шепардом 9 января 1997 г.

с. 630

Выдержки из статьи в «Форчун» и все сведения о ней приводятся по тексту оригинала: *Henkoff*. Betrayal // Fortune Magazine. 1997. February 3. Pp. 82–91.

с. 630–635

Установить, что документы являются подделкой, мне помогли несколько факторов. За несколько месяцев до этого, в 1996 г., я начал выражать сомнения в достоверности некоторых историй, рассказанных Уайтекером, и получил по факсу выпущенный им ранее пресс-релиз. В заголовке документа был указан номер моего служебного факса. Дэвид Хёх, выступавший под псевдонимом «Лэмет Вов», сообщил мне, что этот документ был передан в суд компанией АДМ как доказательство того, что я делился информацией с нею. В результате, сказал Хёх, Уайтекер собирается подать иск на «Нью-Йорк таймс» и на меня на сумму в несколько миллионов долларов. Все это было странно, поскольку сам Уайтекер ничего не говорил мне об этом, а когда я спросил его, действительно ли таковы его намерения, отрицал это. Просмотрев судебные материалы, я обнаружил тот же документ, но без указания номера моего факса.

Присланный мне по факсу документ был поддельным. Указанный в заголовке номер был номером редакционного факса, принимающего сообщения, а не рассылающего их. Телефонные счета подтверждали, что с указанного номера не посылалось никаких сообщений. И к тому же заголовок документа был набран шрифтом, который не применяется в факс-машинах, зато именно этот шрифт указан в настройках по умолчанию любого компьютерного текстового редактора. С тех пор я стал проверять достоверность всех попадавших мне в руки документов по этому делу.

Примерно в то время, когда был опубликован «Информатор», Дэвид Хёх снова стал заявлять репортерам, что я передаю документы фирме «Уильямс и Конноли», ссылаясь на ту же подделку. Я решил выяснить раз и навсегда, кто ее автор. В одном из телефонных разговоров с Уайтекером я напрямик спросил его, не он ли это. Он признался в изготовлении подделки, но сказал, что не может объяснить, зачем он сделал это. Следует отметить, что осенью 1996 г. психика Уайтекера действительно находилась в крайне расстроенном состоянии.

И наконец, я хочу подчеркнуть, что не было такого журналиста – не исключая и меня самого, – который ни разу не ошибся бы при освещении описанных в книге событий. Я совершил ошибку в одном из первых репортажей 1995 г., когда написал, что Уайтекер официально признал свою вину, тогда как на самом деле он согласился сделать это и сотрудничать с федеральными органами, но его предложение не было принято.

Ошибка была вызвана не тем, что мне сообщили ложную информацию, а тем, что я сделал неверный, хотя и логичный вывод из известных мне фактов. Всем было понятно, что мое сообщение неверно, и оно не нанесло делу никакого ущерба. На следующий день я опубликовал заметку, исправляющую ошибку. Я пишу об этом, чтобы подчеркнуть, как легко было ошибиться, даже если история с поддельными документами закончилась для меня хорошо.

с. 634

В поддельном письме Миллера была проставлена дата 14 ноября 1995 г., но на самом деле оно было написано позже. Миллер отправил письмо Уайтекеру 16 декабря 1996 г. Поддельное письмо Уайтекера Эпстайну с датой 17 июля 1995 г. тоже было составлено позже. Пресс-релиз компании «Америтек» был выпущен 20 ноября 1995 г.

с. 635

Статья, о которой идет речь: Archer Daniels Informer Admits Recent Deception // New York Times. 1997. January 15. P. Dl.

с. 635

Информация об обвинениях, предъявленных Уайтекеру, содержится в обвинительном акте по делу «США против Марка Уайтекера» (дело 97-20001), хранящемся в архиве федерального районного суда Центрального округа Иллинойса в Урбане.

с. 641

Информация о пересмотре комитетом по оценке обвинительных актов своего решения содержится в электронном сообщении Д'Анжело от 6 февраля 1998 г.

с. 643–645

Информация об официальном заявлении Уайтекера о признании своей вины содержится в протоколе судебного заседания от 10 октября 1997 г. Выдержка из последующего заявления Уайтекера приводится по тексту оригинала.

с. 646–647

Информация о последней беседе Уайтекера с прокурорами содержится в протоколе, внесенном Д'Анжело в «форму 302» 6 февраля 1998 г.

с. 647–649

Содержание двух аффидевитов Уайтекера от 26 января 1998 г. приводится по оригинальным текстам. После решения компании «Биомар» (называвшейся теперь «БиоСигниа») изъять акции у Уайтекера последний затеял тяжбу с компанией. В мае 2000 г. семейство Уайтекеров предъявило иск компании «БиоСигниа» и Кэмпбеллам, заявляя, что акции на сумму 1 миллион долларов, выданные Уайтекеру в качестве зарплаты, были изъяты незаконно. Но еще за несколько месяцев до этого, 28 октября 1999 г., Уильям Кёгель-младший в письме Биллу Уокеру выразил от имени компании удивление в связи с заявлением Уайтекера о том, что он владеет этими акциями, так как они никогда не переходили в его владение. В письме говорилось, что Уайтекер в ходе слушания дела о несостоятельности подтвердил, что не претендует на владение акциями, и никаких притязаний со стороны Уайтекера или его жены в то время действительно не высказывалось. В новом же иске утверждалось, что, поскольку Уайтекер сотрудничал с компанией в качестве партнера, его дети имеют право на эти акции.

с. 649

Информация об инсценированной Уайтекером второй попытке самоубийства и ее расследовании содержится в письменных протоколах полицейского управления Чейпл-Хилла от 26 февраля 1998 г. (дело 9805666). К протоколу прилагаются письменные показания членов пожарной команды Чейпл-Хилла.

с. 649–650

Первое заседание федерального суда в Урбане описано по личным наблюдениям автора, а также на основании протокола заседания 26 февраля 1998 г.

с. 650–653

Вынесение приговора Уайтекеру описано по личным наблюдениям автора и на основании протокола заседания суда 4 марта 1998 г.

Эпилог

с. 655–658

Первое заседание по делу о фиксировании цен описано по личным наблюдениям автора и на основании протокола заседания 15 июля 1998 г.

с. 656

Критические замечания судьи Мэннинг в адрес агентов ФБР содержатся в ее меморандуме и постановлении, хранящихся в документах по делу «США против Майкла Д. Андреаса и др.», относящихся к апрелю 1998 г.

с. 660

Выдержки из факса, посланного Херндоном Шепарду, воспроизводятся по тексту оригинала.

с. 661–662

Вердикт по делу о фиксировании цен содержится в протоколе судебного заседания 17 сентября 1998 г.

с. 663

В настоящий момент обвинение с управляющего «Адзиномото» Ямады не снято, и, как мне сказали официальные лица, он будет арестован, если попытается въехать в США. Попыток депортировать его из Японии не предпринималось – отчасти из-за нежелания осложнять отношения между странами, отчасти из-за невозможности доказать, что повестка была вручена ему с соблюдением всех формальностей. Компания «Адзиномото» признала себя виновной и заплатила штраф в размере 10 миллионов долларов. Мимото также признал свою вину, Икэде же был предоставлен иммунитет, и он выступал в качестве свидетеля на процессе против Мика Андреаса, Терри Уилсона и Марка Уайтекера.

Компания «Киова хакко» тоже признала себя виновной и согласилась заплатить штраф в размере 10 миллионов долларов. Только один служащий компании, Масару Ямамото, признал свою вину и заплатил в виде штрафа 50 тысяч долларов. Расположенная в Парамусе, Нью-Джерси, «Севон Америка инкорпорейтед», дочерняя компания корейской «Севон», признала свою вину и согласилась заплатить любой штраф, какой ей присудят. Из служащих компании Чхом Су Ким был единственным, против кого было выдвинуто обвинение. Ему был назначен штраф в 75 тысяч долларов. И наконец, виновной признала себя также «Чейл йеданг», согласившаяся на штраф в размере 1,25 миллиона долларов. Против служащих компании обвинений не выдвигалось.

Тяжба между АДМ и Марком Уайтекером длилась несколько лет. Компания удовлетворила свои иски – или отказалась от них – ко всем участникам событий, кроме Уайтекера. В конце концов суд вынес постановление, обязывающее Уайтекера вернуть АДМ 1,7 миллиона долларов, выплаченные ему в виде заработной платы и прочих вознаграждений, в связи с тем что он, по выражению судьи, не выполнил свои корпоративные обязательства перед компанией. Однако это наказание было, по сути, чисто условным, как сказал репортерам Билл Уокер, поскольку Уайтекер уже был обязан заплатить АДМ 11 миллионов.

Иск «Адзиномото», обвиняющий АДМ в нарушении патента, был заслушан на заседании суда только в 1996 г. 13 марта 1998 г. федеральный районный суд Делавэра в лице судьи Сью Л. Робинсона вынес решение, что АДМ действительно нарушила действующий патент «Адзиномото» на треониновые микробы, и

обязал американскую компанию заплатить японской лицензионное отчисление в размере 1,23 доллара за каждый килограмм треонина, проданный начиная с мая 1993 г. Суд также вынес особое постановление, запрещающее АДМ впредь использовать японские микробы.

с. 664

Кэмпбеллы пишут о решении расходовать свой капитал на благотворительные цели в письме к служащим компании и акционерам от 4 апреля 2000 г.

notes

Примечания

1

Перевод Н. Томашевского. *(Все постраничные примечания, кроме особо оговоренных случаев, принадлежат переводчику.)*

2

Сведения о компании АДМ и ее сотрудниках см. в тексте.

3

Брайан Малруни (р. 1939) – премьер-министр Канады в 1984–1993 гг.

4

«Р. Дж. Р. Набиско» – американская компания, выпускающая фруктовые и овощные консервы и другие продовольственные товары.

5

Роберт Страусс (р. 1918) – американский политик, посол США в СССР и России в 1991–1993 гг.

6

Луис Фри (р. 1950) – директор ФБР в 1993–2001 гг.

7

Дженет Рено (р. 1938) – министр юстиции США в 1993–2001 гг.

8

Компания «Адзиномото» – крупнейший японский производитель продовольственных товаров и оборудования для пищевой промышленности.

9

Японская компания «Киова хакко когио» специализируется на производстве продуктов питания и лекарственных средств.

10

Объединение южнокорейских компаний «Севон» и «Мивон» – один из крупнейших производителей лизина (см. в тексте). «Севон Америка» – расположенное в штате Огайо отделение, которое специализируется на производстве водяных фильтров и питьевой воды, в том числе минеральной.

11

Южнокорейская корпорация «Чейл йеданг» специализируется на выпуске продовольствия.

12

«Кролл ассошиэйтс» – детективное агентство, обслуживающее преимущественно крупные компании.

13

Церковь Божия – одна из евангелических конфессий.

14

Джон Дэнфорт Куэйл (р. 1947) – вице-президент при президенте США Джордже Буше-старшем.

15

Джордж Буш-старший (р. 1924) – 41-й президент США (1989–1992).

16

Билл Клинтон (р. 1946) – 42-й президент США (1993–2001).

17

Уотергейт – квартал в Вашингтоне, в котором располагается штаб-квартира Демократической партии. В июне 1972 г. сторонники переизбрания республиканца Никсона на второй президентский срок провели серию противозаконных операций против Демократической партии, в том числе взлом их штаб-квартиры. В результате проведенного расследования Никсон был вынужден уйти в 1974 г. в отставку.

18

Губерт Хамфри (1911–1978) – вице-президент при 36-м президенте США Линдоне Джонсоне (1965–1969).

19

Канола – разновидность рапса, искусственно выведенная в Канаде.

Пепперони – острая копченая колбаса.

21

Хуан Перон (1895–1974) – правитель и диктатор Аргентины (1946–1955). Его жена Эва (Эвита) Перон (1919–1952) принимала активное участие в управлении государством.

22

Франсиско Франко (1892–1975) – правитель и диктатор Испании (1939–1975).

23

Иосип Броз Тито (1892–1980) – лидер компартии Югославии, командующий Народно-освободительной армией во время Второй мировой войны, премьер-министр Югославии (1945–1980).

24

Джон Кеннеди (1917–1963) – 35-й президент США (1961–1963).

25

Зелиг – герой одноименной американской кинокомедии, снятой Вуди Алленом в 1983 г. Зелиг добивается успеха благодаря своему таланту меняться, как хамелеон, в зависимости от аудитории.

26

Роберт Кеннеди (1925–1968) – младший брат Джона Кеннеди, министр юстиции в его администрации, сенатор. В 1968 г. убит во время предвыборной президентской кампании.

27

Джордж Макговерн (р. 1922) – американский политик, противник войны во Вьетнаме, один из лидеров международного движения борьбы с голодом.

28

Ицхак Рабин (1922–1995) был премьер-министром Израиля в 1974–1977 и 1992–1995 гг.

Special agent in charge. – *Прим. ред.*

Assistant special agent in charge. – *Прим. ред.*

31

4 июля – День независимости, главный национальный праздник США. 4 июля 1776 г. была принята Декларация независимости США.

32

Фрэнк Джеймс («Гэри») Купер (1901–1961) – один из популярнейших американских киноактеров, прославившийся исполнением героических ролей в вестернах.

33

Фиксирование цен (ценовой сговор) – договоренность между конкурентами поднять, зафиксировать или другим образом обеспечить цену, по которой продаются их товары. Фиксирование цен относится к наиболее распространенным нарушениям антитрестовского законодательства и является в США уголовным преступлением. – *Прим. ред.*

34

Джон Пирпойнт Морган (1837–1913) – финансист, создатель первой в мире корпорации с многомиллиардным капиталом «Юнайтед Стейтс стил»;

Джон Дэвисон Рокфеллер (1839–1937) – основатель династии промышленников и финансистов, создатель компании «Стандард ойл».

35

Прогрессивной эпохой называют два первых десятилетия XX в., когда было широко развито движение «прогрессивистов», выступавших за борьбу с монополиями, прямые выборы сенаторов, прогрессивное налогообложение и др.

36

Теодор Рузвельт (1858–1919) – 26-й президент США (1901–1909).

Black hat – злодей, бандит *(англ. сленг)*.

38

Одно из значений слова «джекпот» – деньги, которые предприниматели выплачивают конгрессменам за принятие выгодных для них законов.

39

Джо Фрайдей – полицейский, герой популярного в 1950-е – 1960-е г. американского радио- и телесериала Джека Уэбба о борьбе с наркомафией в Лос-Анджелесе.

40

Вест-Пойнт (Военная академия сухопутных войск) – старейшее и самое престижное военное учебное заведение США.

41

В законодательстве США – категория преступлений, более тяжких, чем проступок. В частности, фелонией считается государственная измена. – *Прим. ред.*

42

Александр Колдер (1898–1976) – американский скульптор, чьи крупногабаритные произведения установлены во многих городах США.

43

Королевская канадская конная полиция *(англ.* Royal Canadian Mounted Police, сокращенно RCMP; *фр.* Gendarmerie royale du Canada) – федеральная полиция Канады и единственное в мире полицейское образование, обладающее широкими полномочиями на международном, государственном, провинциальном и муниципальном уровнях.

44

Чтобы сохранить неприкосновенность частной жизни, имена женщин, упоминаемых в романе мимоходом, изменены. – *Прим. автора.*

45

Джон Уэйн (1907–1979) – американский киноактер, исполнитель героических ролей военных и ковбоев.

«Форчун Глобал 500» (Fortune Global 500) – рейтинг 500 крупнейших мировых компаний, критерием составления которого служит оборот компании. Список составляется и публикуется ежегодно журналом «Форчун». – *Прим. ред.*

47

Уоррен Баффет (р. 1930) – крупнейший американский инвестор и филантроп.

48

Доброе утро. Я хотел бы видеть господина Бриля *(нем.)*.

49

Кабинет господина Бриля наверху, на четвертом этаже *(нем.)*.

Спасибо *(нем.)*.

51

Добрый день. Как поживаете? Не могли бы вы сказать, как мне найти господина Бриля? *(нем.)*

Присядьте, пожалуйста *(нем.)*.

Он самый. Доброе утро. Как поживаете? *(нем.)*

54

Очень хорошо… А как у вас дела? Я рад, что мы наконец встретились *(нем.)*.

55

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) – бессменный директор ФБР с 1924 по 1972 г. В Эдгар-Гувер-Билдинг в Вашингтоне расположена штаб-квартира ФБР.

56

Как удалось установить в 1995 г., террористом, которого прозвали «Унибомбер», был американский математик Теодор Качински, разославший в различные организации с 1978 по 1995 г. 16 бомб в знак протеста против современных технологий, ограничивающих, по его мнению, свободу человека.

57

Конфеты в виде горошка с наполнителем из мармелада.

58

В 1993 г. один из арканзасских банкиров обвинил в мошенничестве риелторскую компанию «Уайтуотер девелопмент», совладельцами которой была в 70–80-е гг. семья Клинтон. Ни Билл, ни Хилари Клинтон к судебной ответственности привлечены не были.

59

Питер Роуз (р. 1941) – выдающийся американский бейсболист и менеджер высшей бейсбольной лиги. В 1989 г. был обвинен в использовании своего положения для обогащения на тотализаторе.

60

По словам Дауда, он сообщил руководителям АДМ о том, что Уайтекер *собирается* сотрудничать с властями, но не говорил, что он сотрудничал с ФБР до этого. Его слова подтверждаются свидетельствами третьих лиц. – *Прим. автора.*

61

«Закон Лос-Анджелеса» – один из самых популярных американских телесериалов, не сходивший с экрана с 1986 по 1994 г.

62

Нет никаких свидетельств, что Рэнделл знал о проводящемся расследовании до того, как оно стало открытым. – *Прим. автора.*

63

Саквояжник – здесь: чужак, пришлый, выскочка. Саквояжниками называли северян, после Гражданской войны приезжавших искать счастья в южные штаты. – *Прим. ред.*

Темой докторской диссертации Уайтекера была биохимия питания. – *Прим. автора.*

То есть как федеральное преступление. – *Прим. ред.*

То есть готовые компании с действующими директорами и учредителями. – *Прим. ред.*

67

Инвойс – документ, который продавец выдает покупателю. Инвойс содержит перечень товаров, их количество и цену, условия поставки и сведения об отправителе и получателе. Выписка инвойса означает, что у покупателя возникает обязанность оплаты товара в соответствии с указанными условиями. В России инвойс только в международной торговле. – *Прим. ред.*

68

Американцы отмечают День благодарения – праздник в честь первых колонистов Массачусетса – в последний четверг ноября.

69

Nolo contendere *(лат.)* – «не хочу оспаривать», т. е. заявление обвиняемого об отказе оспаривать предъявленное обвинение и согласие понести наказание. – *Прим. ред.*

Настоящее имя свидетеля заменено вымышленным. – *Прим. автора.*

71

Фердинанд Маркос (1917–1989) – президент Филиппин с 1965 по 1986 г.

ABC – Американская радио- и телевещательная корпорация, NBC – Национальная радио- и телевещательная корпорация, CBS – одна из крупейших американских телевещательных корпораций.

73

Адвокаты АДМ действительно присутствовали при допросе Швейцера, но швейцарские юристы утверждали, что Дэниела среди них не было. – *Прим. автора.*

Это утверждение ложно. Согласно отчетам о расходах, Уайтекер останавливался в «Уолдорф-Астории» вместе с другими служащими АДМ только один раз, в начале 1992 г., то есть еще до знакомства с Шепардом. – *Прим. автора.*

75

Ни одно из этих обвинений не стоило того, чтобы заниматься их проверкой. – *Прим. автора.*

76

Судебный маршал – должностное лицо системы юстиции США, в чьи функции входит исполнение всех приказов, предписаний и распоряжений федерального суда, обеспечение исполнения вступивших в силу судебных решений и многое другое.

77

Баскетбольный мяч и корзина, которые можно использовать в любом достаточно высоком помещении.

Постановлением Апелляционного суда Седьмого округа от 26 июня 2000 г. вынесено решение о том, что решение Мэннинг ошибочно. То же постановление увеличило срок заключения Андреаса и Уилсона. – *Прим. автора.*